

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Археология, история, искусство, культура
России и сопредельных стран

ТОМ II

2010

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

CORNER- STONE

Archeology, history, arts and culture
of Russia and its neighbours

VOLUME II

*Dedicated
to Anatolij Nikolaevich Kirpichnikov's
80th birthday anniversary*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Археология, история, искусство, культура
России и сопредельных стран

ТОМ II

*80-летию со дня рождения
Анатолия Николаевича Кирпичникова
посвящается*

УДК 902
ББК 63.4(2)
К78

Ответственные редакторы:

Е. Н. Носов, С. В. Белецкий

Редколлегия:

Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский, А. Е. Мусин,
А. И. Сакса, Н. В. Хвощинская

Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России
К78 и сопредельных стран. В 2 т. Т. 2 / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. — М. :
Ломоносовъ, 2010. — 552 с. : ил. — 500 экз..

ISBN 978-5-91678-039-0 (т. 2)

Сборник научных статей «Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 80-летию заведующего Отделом славяно-финской археологии института, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, подготовленные ведущими историками и археологами из России, Беларуси, Германии, Латвии, Молдовы, Норвегии, Польши, Украины, Франции и Швеции. В большинстве этих статей впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, рисунками и картами.

Сборник рассчитан на историков, археологов, филологов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

УДК 902
ББК 63.4(2)

ISBN 978-5-91678-039-0 (т. 2)
ISBN 978-5-91678-040-6

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПОСЕЛЕНИЙ ОКРУГИ КРУПНЫХ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕЙ ВОЛГИ¹

К историческим особенностям золотоордынского города Нижнего Поволжья следует отнести отсутствие прослеживаемого процесса перехода от поселений к городам, так как города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации Улуса Джучи, интенсивно строившей города во второй половине XIII — первой половине XIV в.² Кроме того, к золотоордынским городам неприменимы некоторые « типовые » критерии определения городского характера памятника, например наличие фортификационных сооружений: многие города Улуса Джучи, даже очень крупные, не имели фортификаций вплоть до междоусобицы 60–70-х гг. XIV в. Ввиду этого к археологическим остаткам городов мы относим крупные по

площади (а следовательно, и по количеству жителей) поселения, имеющие зафиксированные следы ремесленных производств и монументальной архитектуры (рис. 1).

В попытке реконструировать социальный облик рассмотренных нами (Недашковский 2000: 113–130; 2003; 2006а; 2006б; 2006в; 2007а; 2007б; 2008; Nedashkovsky 2004: 64–79) поселенческих памятников Нижнего Поволжья мы будем опираться на археологические особенности древнерусских городов, систематизированные А. В. Кузой (Куза 1985: 46; 1989: 51). Правда, А. В. Куза типологизировал по предложенным им критериям практически только укрепленные памятники, а большинство золотоордынских поселений укреплений не имели³. Тем не менее применение предложенных им рубрик и подрубрик

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf № AZ 19/SR/08.

² В середине XIII в. в среде монгольской аристократии определились два подхода к организации владения над покоренными землями. Первая группа знати стремилась сохранять кочевой образ жизни, периодически грабя оседлое население. Вторая группа планировала превратить оседлые земли в объект систематического налогообложения (Федоров-Давыдов 1973: 29; 1994: 9). Именно второй группе аристократии, властвовавшей в Улусе Джучи, несомненно, принадлежала инициатива организации многочисленных городских поселений в Нижнем Поволжье, в местах кочевков ханской

ставки. Города были необходимы золотоордынской знати как крупные центры ремесла и торговли, т. е. — как источник предметов роскоши и многочисленных ремесленных изделий, обслуживавших потребности военного дела и повседневного быта.

³ Из рассмотренных нами памятников лишь Увекское, Царевское, Водянское, Селитренное и Чертово (?) городища обладали искусственными укреплениями, сооруженными в золотоордынское время (вероятно, не ранее 60-х гг. XIV в.). Таким образом, фортификационные сооружения имелись на трех из четырех крупнейших поселений Нижней Волги и на двух из 14 крупных поселенческих памятников региона.

Рис. 1. Схема расположения крупнейших золотоордынских городищ Нижней Волги

представляется нам полностью оправданным, поскольку археологические признаки золотоордынского города вполне соотносимы с археологическими признаками древнерусских городов.

Город в Золотой Орде обладал множеством функций: он был центром развитого ремесла и торговли, обладал собственным сельским хозяйством и промыслами, был связан с относительно большой областью (а не только близлежащей округой), управлялся специальными чиновниками (правителями областей и городов, имевшими развитый аппарат управления), был средоточием

религиозной и культурной жизни. В городе жили представители аристократии и различных других социальных слоев, площадь золотоордынских городов была весьма значительной, присутствуют в городах Золотой Орды предметы вооружения и иногда даже укрепления (хотя городское население государства Джучидов было слабо связано с военным делом). В рассмотренных нами материалах городов и их некрополей имеются находки наконечников копий (рис. 2, 5–7), дротика и стрел (рис. 3, 2–6), сабель, палаша, меча с остатками ножен, булав (рис. 2, 1), кистеня (рис. 2, 3), боевых (рис. 2, 9) и универсальных топов, кинжалов (рис. 2, 4), ножей, детали шлема, колчанов, в том числе украшенных костяными орнаментированными обкладками (рис. 4–5), лука и костяных накладок на лук, керамических бомб, каменного ядра (Казаков 1989; Казаков, Пигарев 1998: 75, 77; Котеньков 1990; Недашковский 2000: 67–81, рис. 12–14, 17, 2–3, 9–10, 18; Плахов 1984; 1988; Федоров-Давыдов 1966: приложение, № 991; Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева 1974: 96, 114, табл. I, 1; Nedashkovsky 2004: 36–40, 189–190, 210–212, 215–217, fig. 8–9, 41–43, 46, 2–3, 9–14, 47–48).

Археологические особенности золотоордынских памятников Нижнего Поволжья систематизируем по следующим разделам⁴.

⁴ За основу взята типология, предложенная в наиболее поздней, по времени написания, работе А. В. Кузы (Куза 1985: 46). Нами внесены следующие изменения в состав «городских» признаков, предложенных А. В. Кузой для древнерусских городов: в разделе «экономика» в пункт 3 «промыслы» добавлены земледелие и скотоводство, которые А. В. Куза также рассматривал в рамках этой подгруппы, раздел «административное управление (печати и пломбы)» был снят нами вовсе в связи с полным отсутствием на золотоордынских па-

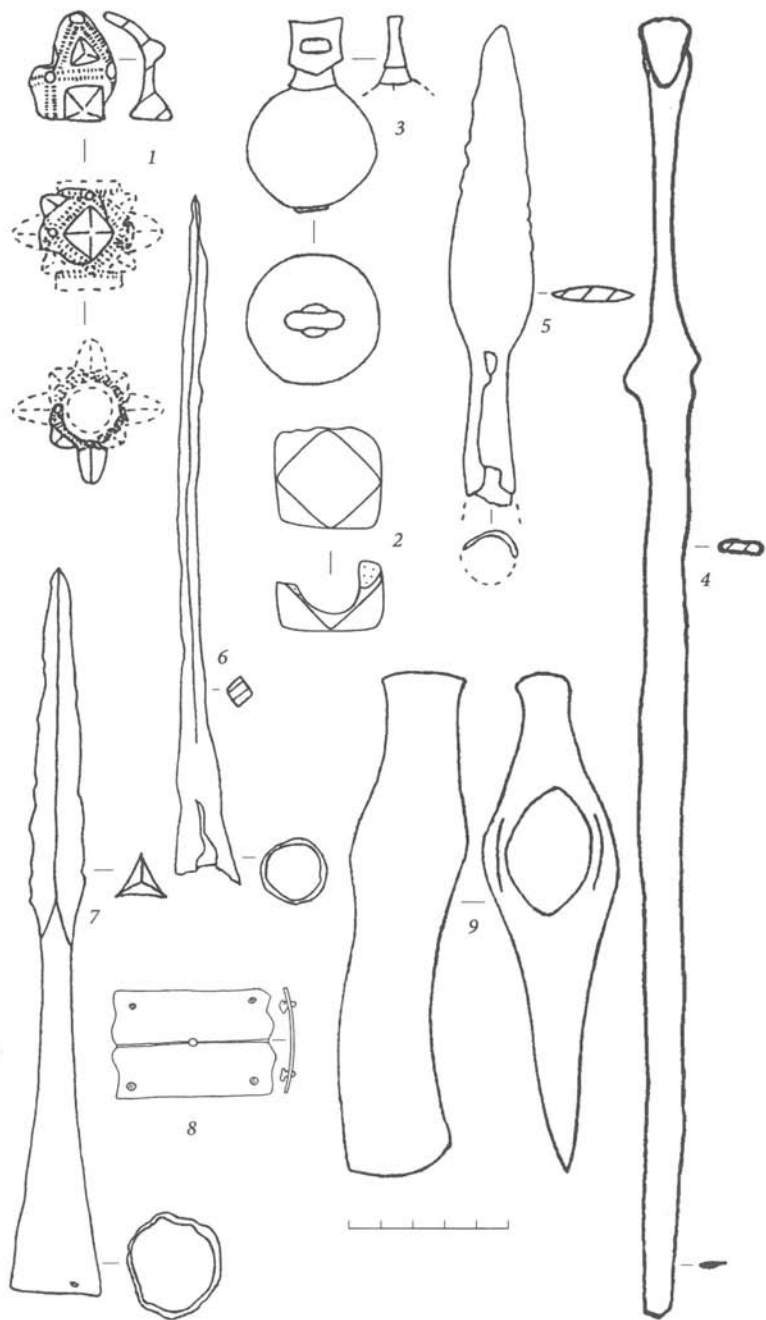

Рис. 2. Бронзовые булавы (1-2), железные кистень (3), кинжал (4), наконечники копий (5-7), панцирная пластина (8) и боевой топор (9):

1, 3-7, 9 — Увекское городище;

2 — селище Широкий Буерак;

8 — селище Подгорное

I. Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты), 2) торговля (привозные вещи, детали весов, монеты и денежные слитки), 3) земледелие, скотоводство, промыслы.

II. Военное дело: 1) оружие, 2) доспехи, 3) снаряжение коня и всадника.

III. Монументальное зодчество: 1) мечети, минареты, мавзолеи, 2) дворцы, дома, бани.

IV. Письменность: 1) памятники эпиграфики, 2) орудия письма.

V. Быт знати: 1) украшения из драгоценных металлов, 2) металлическая и стеклянная посуда, прочая дорогая утварь.

VI. Внутренняя топография: 1) усадебно-дворовая застройка, 2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству.

Предваряя анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов (табл. 1), следует отметить, что в целом золотоордынские поселения являются менее изученными, чем древнерусские. Кроме того, различные типы золотоордынских поселенческих памятников исследованы раскопками крайне неравномерно. Так, раскопкам подвергались все крупнейшие и подавляющее большинство (10 из 14 выявленных) крупных поселений Нижнего Поволжья. В то же время из средних (площадью 1–7 га) и мелких (площадью менее 1 га) поселений раскапывались не более 25% памятников каждой группы.

Собранные нами суммарные данные позволяют сделать ряд существенных выводов.

Все разделы таблицы «городских» археологических признаков оказались заполненными только для крупнейших по площади памятников, которые мы считаем остатками крупных золотоордынских городов. На всех этих памятниках отмечены жилые постройки различных по уровню достатка социальных слоев, зафиксированы следы разнообразных ремесленных производств, свидетельств оживленных разнонаправленных торговых связей и существования развитых сельского хозяйства и промыслов. Прочие показатели отмечены не менее чем на половине крупнейших по площади поселений.

Близкая картина наблюдается и для крупных (более 10 га) по площади памятников, которые, по нашему мнению, являлись малыми городами. На исследованных раскопками поселениях зафиксированы остатки различных ремесленных мастерских (гончарных, железоделательных, бронзолитейных), найдены свидетельства развитых торговых (в том числе и внешнеторговых) связей, в большинстве случаев отмечены свидетельства существования земледелия и промыслов. Из всех параметров в материалах памятников этой группы отсутствуют лишь находки доспехов, что не должно удивлять, учитывая, что золотоордынская армия комплектовалась практически исклю-

мятниках свинцовых актов печатей и пломб административного характера, в разделе «монументальное зодчество» подрубрика «каменные храмы» заменена на мусульманские культовые сооружения («мечети, минареты, мавзолеи»), а подрубрика «каменные дворцовые и оборонитель-

ные сооружения» заменена на гражданскую монументальную архитектуру («дворцы, дома, бани»), в разделе «письменность» опущен пункт «книжные заставки и накладки», так как такие изделия на рассмотренных в работе памятниках не встречены.

чительно из кочевников. Менее половины раскапывавшихся поселений этой группы характеризуются находками эпиграфических памятников и орудий письма (предметы, связанные с письменностью, вообще крайне редко встречаются в золотоордынских комплексах), имеют зафиксированные остатки мусульманской культовой архитектуры и определимый характер застройки (последние два обстоятель-

ства легко объясняются крайне слабой изученностью этой группы памятников большими площадями). Таким образом, принципиальных качественных отличий в археологических характеристиках крупных по площади памятников Нижнего Поволжья и крупнейших городищ региона (Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор) не наблюдается. Данный факт позволяет уверенно относить крупные по площа-

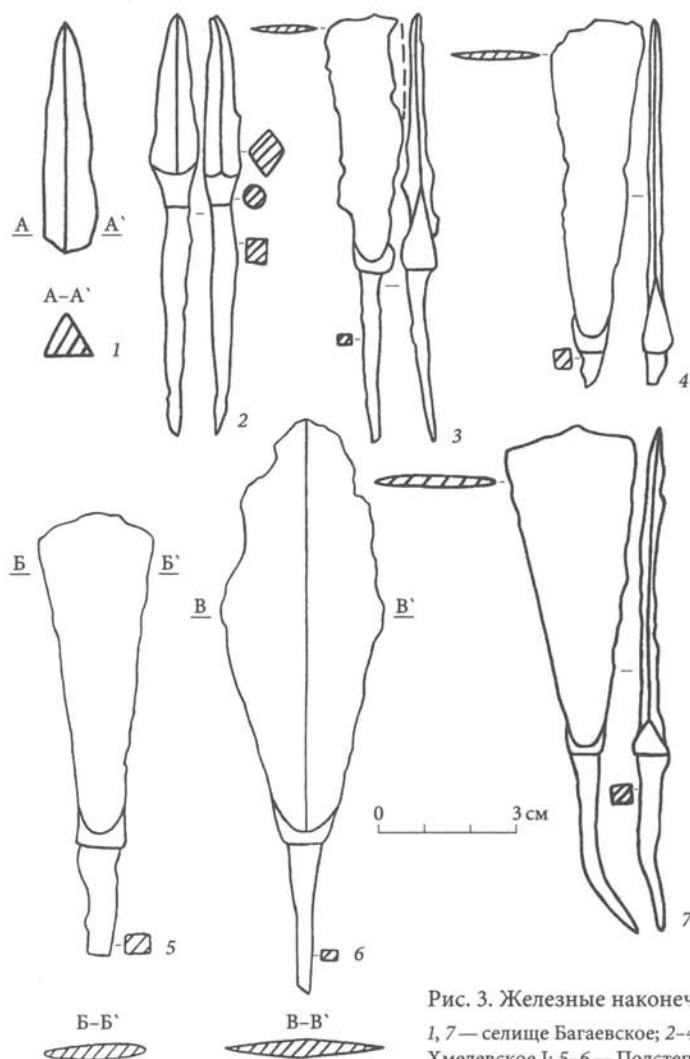

Рис. 3. Железные наконечники стрел: 1, 7 — селище Багаевское; 2-4 — селище Хмельевское I; 5-6 — Подстепное

Рис. 4. Костяная
орнаментированная
обкладка колчана.
Сидоры, к. 14, п. 1
(по: Золотая Орда 2005:
52, № 39)

Рис. 5. Монгольские воины с колчанами,
украшенными орнаментированными
обкладками (с иранской миниатюры
«Завоевание Багдада», 1300–1330 гг.;
по: The Legacy 2002: 36, fig. 33)

ди золотоордынские поселения к остаткам малых городов, отличающихся от меньших по размеру селищ не только по площади, но и закономерностями социального порядка.

Для средних (1–7 га) по площади памятников следует отметить единичность монументальных архитектурных сооружений (мавзолей у Бахтияровского селища и развалины кирпичных зданий на поселении Квасниковка), отсутствие социальной дифференциации выявленных жилищ, а также находок, связанных с письменностью; застройка территории огороженными дворами-усадебными на таких памятниках не фиксируется. Менее чем на половине от числа раскапывавшихся поселений найдены детали доспехов (рис. 2, 8)⁵ и украшения из драгоценных металлов. В числе ремесел на памятниках этой группы достоверно фиксируются лишь обработка железа и примитивные формы обработки цветных металлов. Торговые связи достаточно хорошо прослеживаются по находкам монет и импортных изделий. Число поселений с доказанным существованием собственных земледелия и промыслов превышает даже количество раскапывавшихся памятников этой группы. Такие поселения можно уверенно атрибутировать как сельские.

Наконец, малые по площади (менее 1 га) памятники характеризуются еще меньшим числом представленных признаков. Ремесло представлено исключительно обработкой железа (горн в урочище Мартышкино). На двух поселениях обнаружены свидетельства су-

ществования земледелия и керамические рыболовные грузила. На мелких по площади памятниках из свидетельств наличия торговли отмечены только находки золотоордынских монет, в одном случае в погребении (Чардымский могильник) были найдены остатки привозной шелковой материи; очевидна ориентация этой группы поселений на внутреннюю торговлю. Помимо зафиксированных данных об экономической деятельности населения этих памятников имеются лишь сведения о находках предметов вооружения и конского снаряжения, а также металлических сосудов (которые в Золотой Орде, безусловно, были в обиходе не только у представителей знати), причем все эти группы изделий представлены менее чем на половине от числа раскапывавшихся поселений. Данная группа памятников может быть отнесена к остаткам деревень.

Целесообразно проследить изменение количества поселений разных типов на выделенных нами хронологических этапах (табл. 2). На наиболее раннем этапе (вторая половина XIII — начало XIV в.) возникают памятники всех выделенных нами групп. В период расцвета Золотой Орды наблюдается увеличение числа поселений всех видов. В последующем, до правления Токтамыша (1380–1395) включительно, остается неизменным лишь число существующих крупных городов, количество же памятников остальных типов начинает убывать уже в первые годы междоусобных войн (1359–1365 гг.). В разгар междоусобицы (1365–1380 гг.) малые города и села приходят в еще больший упадок, а самые малые по площади (менее 1 га) поселения начиная с этого времени,

⁵ Предметы вооружения (рис. 2, 2, 3, 1, 7) на средних по площади памятниках встречаются чаще.

Таблица 1. Сводная археологическая характеристика поселений округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (учтены и материалы близлежащих могильников)

Площадь	Количество памятников (всего/раскопывавшихся)	I			II			III		IV		V		VI	
		1	2	3	1	2	3	1	2	1	2	1	2	1	2
более 205–3385 га	4/4	4	4	4	3	2	3	2	3	2	2	3	3	3	4
10–100 га	14/10	10	13	6	7	–	6	4	7	2	1	8	7	2	8
1–7 га	21/5	6	9	7	4	2	3	1	1	–	–	2	3	–	–
менее 1 га	24/6	3	6	2	2	–	1	–	–	–	–	–	2	–	–

Таблица 2. Хронология различных групп поселений округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья

Площадь	Количество памятников (всего/датированных монетами)	Хронологические этапы						
		1266–1310 гг.	1310–1365 гг.	1359–1365 гг.	1365–1380 гг.	1380–1395 гг.	1395–1420 гг.	1420–1459 гг.
более 205–3385 га	4/4	3	4	4	4	4	2	1
10–100 га	14/13	6	13	10	8	10	4	1
1–7 га	21/8	4	7	6	1	2	–	–
менее 1 га	24/6	1	5	2	–	–	–	–

вероятно, исчезают вовсе. В правление Токтамыша количество малых городов и сельских поселений несколько увеличивается, хотя их число не превышает данных для эпохи начала междоусоб-

ных столкновений. В конце XIV — середине XV в. наблюдается постепенное уменьшение количества крупных и малых городов; сельские поселения в эту эпоху уже не зафиксированы вовсе.

Литература

Золотая Орда 2005 — Золотая Орда. История и культура. СПб. 2005.

Казаков 1989 — Казаков П. В. Отчет об археологических исследованиях в райцентре Красный Яр Астраханской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 14994–14995.

Казаков, Пигарев 1998 — Казаков П. В., Пигарев Е. М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–90 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола. 1998.

Котеньков 1990 — Котеньков С. А. Отчет об научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике бугор «Маячный-I» Красноярского района Астраханской области в 1990 году // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 17564–17565.

Куза 1985 — Куза А. В. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М. 1985.

Куза 1989 — Куза А. В. Малые города Древней Руси. М. 1989.

Недашковский 2000 — Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М. 2000.

Недашковский 2003 — Недашковский Л. Ф. Работы на золотоордынских памятниках Саратовского района // АО. 2002. М. 2003.

Недашковский 2006а — Недашковский Л. Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. № 4. 2006.

Недашковский 2006б — Недашковский Л. Ф. Раскопки Багаевского селища в 2003 г. // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Саратов. 2006.

Недашковский 2006в — Недашковский Л. Ф. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округа // РА. № 3. 2006.

Недашковский 2007а — Недашковский Л. Ф. История изучения городища Шареный Бугор и памятников его округа // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград. 2007.

Недашковский 2007б — Недашковский Л. Ф. Царевское городище и поселения его периферии // Средневековая археология евразийских степей. Т. I. Казань. 2007.

Недашковский 2008 — Недашковский Л. Ф. Взаимодействие золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их округой // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М. 2008.

Плахов 1984 — Плахов В. В. Отчет по раскопкам усадьбы XIV века на городище Хаджи-Тархан в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 11416–11416а.

Плахов 1988 — Плахов В. В. Отчет о раскопках могильника у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 14329–14330.

Федоров-Давыдов 1966 — Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы в X–XIV веках. Дис.... докт. истор. наук. М. 1966.

Федоров-Давыдов 1973 — Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973.

Федоров-Давыдов 1994 — Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М. 1994.

Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева 1974 — Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М. 1974.

Nedashkovsky 2004 — Nedashkovsky L. F. Ukek. The Golden Horde city and its periphery // BAR. International Series. 1222. Oxford. 2004.

The Legacy 2002 — The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. New York. 2002.

SOCIAL STRUCTURE OF SETTLEMENTS ON THE PERIPHERIES OF GOLDEN HORDE TOWNS ON THE LOWER VOLGA RIVER

L. F. Nedashkovskiy

This article discusses the reconstruction of the social structure of settlements situated on the peripheries of large Golden Horde cities (Fig. 1) in the Lower Volga region. For that purpose, a summarized archaeological description of sites of different size is presented (Table 1). It is shown that the numbers of settlements of different types were changing throughout the chronological periods distinguished out by the author (Table 2). On the basis of Andrey V. Kuza's researches of Old Russian towns, archaeological features of the Golden Horde settlements on the Lower Volga have been systematized according to the categories as follows. A. Economy: 1) handicrafts (manufacturing complexes, tools, semi-manufactures); 2) trade (imported goods, parts of weighing scales, coins and monetary ingots); 3) agriculture, stockbreeding, fishing and hunting. B. Military culture: 1) weapons (Fig. 2s, 1–7, 9, 3–4); 2) armour (Figs. 2, 8); 3) harness. C. Monumental architecture: 1) mosques, minarets, mausoleums; 2) palaces, houses, baths. D. Script: 1) epigraphic documents; 2) writing instruments. E. Life mode of the nobility: 1) gold and silver jewelry; 2) metal and glass vessels, expensive utensils. F. Internal layout: 1) homestead building, 2) differentiation of houses in location, size and layout.

Analysing the data available (Table 1) we are driven to the conclusion that the complete set of urban features is present only at the largest Golden Horde settlements which may be really attributed as cities. Similar picture is observed also for large (over 10 hectares) sites which could be attributed as towns. The medium-size (1 to 7 hectares) settlements are practically devoid of monumental architecture, differentiation of houses, developed crafts, homesteads or finds of objects related with writing. These rural settlements may be called villages. The smallest sites (under 1 hectare) possess the minimum quantity of the urban signs and can be identified as farms.

СВЕДЕНИЯ О ДАТСКОМ ВОЕННОМ КОНТИНГЕНТЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ НА РУБЕЖЕ XI–XII вв.

В скандинавских источниках нередко встречаются общие выражения, обозначающие путешественников на Восток, на Балтику, на Русь, в Грецию. Эти размытые словосочетания указывают, насколько обычными для скандинавов были поездки в восточном и юго-восточном направлении.

Один из первых маршрутов скандинавов в восточном направлении шел через Балтику к Волге и далее по этой реке в сторону Каспия. Затем скандинавы ходили через Русь по Днепру, далее добираясь Черным морем до Константинополя. Такой поход скандинавов Восточным путем (*Austrvegr*) через Русь состоялся между 1099–1103 гг. Его возглавил датский король Эрик Добрый (1095–1103 гг.). Об этом предприятии упоминается в хронике *Анналиста Сак-*

сона (*Annalista Saxo*, 737), в «Деяниях» Вильгельма Мальмсберийского (*Wilhelmi*, 320), в «Краткой истории Дании» Свена Аггесена (*Brevis Historia*, 95–143) и подробно изложено Маркусом Скеггъясоном¹ в «Драпе об Эйрике» (*Eiríksdrápa*, *Knýtlinga saga*, 81), у Саксона Грамматика в «Деяниях данов» (*GD*, XII, 610–613), у Олава Тордарсона² в «Саре о Кнютлингах» (*Knýtlinga saga*, 81).

Маркус Скеггъясон (законоговоритель с 1084 по 1107 г.), один из наиболее выдающихся людей Исландии, был среди тех, кто ушел с датским королем в Византию. Драпа, или песнь, о деяниях датского короля была создана Маркусом между 1104 и 1107 г. Она имеет большую ценность как исторический источник, поскольку была написана участником событий³. Текст «Драпы об Эйрике» был

¹ Маркус Скеггъясон упомянут в *Skáldatal* (список, содержащий имена исландских поэтов, служивших королям Дании и Швеции в XI–XII вв.) как поэт Инги Стейкельссона, короля Швеции (†1086). В 1096 г. он помогал епископу Гицуру составлять закон о церковной десятина. Мало что известно о вошедших в *Skáldatal* поэтах. Однако по списку можно судить о том, что целый ряд исландских поэтов состоял на службе у датских и шведских правителей (*Turville-Petre* 1953: 152–154).

² Олав Тордарсон был поэтом и автором книги о риторике, главным образом основанной на латинских моделях. Олав принадлежал к литературной семье, по отцу приходился племянником Снорри Стурлусону. Он писал хвалебные стихи в честь ино-

земных королей. Согласно *Skáldatal* Олав писал поэмы для Вальдемара II (†1241). Между 1240–1241 гг. Олав жил при дворе короля Вальдемара II. Он был единственным исландским поэтом, о связях которого с датским двором известно в то время, когда сага могла быть написана. В «Саре о Кнютлингах» он частично включил свои поэмы о трех скандинавских королях, а также включил материал, представленный ему Вальдемаром II (*Knýtlinga saga*, 27).

³ Король Нильс (брат Эрика Доброго, короля Дании в 1106–1134 гг.) получил экземпляр драпы Маркуса Скеггъясона в дар для архиепископа Лунда Ассера (1104–1137 гг.) от первого исландского епископа Йона Огмундарсона, посвященного в сан (1106 г.) архиепископом Ассером.

известен Снорри Стурлусону и Олаву Тордарсону (законоговоритель с 1248 по 1252 г., †1259 г.). Как и Снорри Стурлусон, Олав использовал поэзию скальдов в качестве документального свидетельства. История правления короля Эрика Доброго в «Саге о Кнютлингах» (Knyttlinga saga, 70–81) излагается в прозе и поэтических вставках. Повествовательный пояснительный текст изложен от лица автора саги, стихотворная часть представляет собой «Драпу об Эйрике» Маркуса Скеггьясона.

Ближе по времени к Маркусу Скеггьясону, как очевидцу событий, был Свен Аггесен (1140 — ? гг.)⁴. Саксон Грамматик (1140/45–1216/23 гг.)⁵ начал писать «Деяния данов» тогда же, когда Свен Аггесен приступил к работе над «Краткой историей Дании» (т. е. — ок. 1185 г.). Автору «Деяний данов» могла быть доступна «Драпа об Эйрике Добром», однако вряд ли хронист использовал это поэтическое сочинение в качестве источника: исследователи отмечают несостоятельность Саксона в стремлении понять древний язык скальдов (Skovgaard-Petersen 1966: 1–38). Хронист был хорошо осведомлен в военных делах, о чем свидетельствует в целом содержание «Деяний данов» с описаниями многочисленных битв, воинского вооружения, осадных машин. В X книге хроники Саксона Грамматика содержится версия «Воинского закона»/Witherlogh, что позволяет судить о качественном отличии датского воинского контингента от других ему подобных. «Воинский закон» (LC) изложен Свенем Аггесеном как отдельное сочинение: Свен Аггесен сообщает в прологе о том, что он исправил и просмотрел латинскую версию краткого датского

трактата, составленного архиепископом Абсаломом (1177–1201 гг.) после того, как тот обсудил его (трактата) содержание со своим питомцем, сыном Валдемара I (1157–1182 гг.), Кнудом VI (1182–1202 гг.). Датский оригинал, скорее всего, был закончен до 1182 г. Как пишет Свен, цель работы Абсалона состояла в том, чтобы сохранить традиционный свод военных законов Witherlogh, которым руководствовалась дружина короля⁶. Датский военный кодекс был набором установлений, определяющих поведение небольшой общественной прослойки «избранных», как в мирное, так и в военное время. Он скорее похож на статуты, чем на армейские законы. Его разделы устанавливали правила вербовки, вооружения, экипировки, протокол поведения при дворе, раздела военной добычи и состояния боевой готовности, случаи отъезда по личным надобностям (LC: 1–41; Jorgensen 1946; Riis 1975: 31–47, 143–147; Albøge 1974; Christiansen 1966).

⁴ Отец Свена, Агги, судя по всему, был одним из ведущих военачальников уже к 1132 г. Свен принадлежал к одному из самых влиятельных и могущественных семейств Дании Трюгготов, игравшему главную роль во всех политических делах Дании почти до конца XII в. Первые датские архиепископы Ассер (1104–1137 гг.), а затем Эскиль (1137–1177 гг.) были его близкими родственниками.

⁵ Дед и отец Саксона были хирдменами (дружинниками) датского короля Вальдемара I (возможно, после 1157 г.).

⁶ Witherlogh, согласно Свену Аггесену, был установлен Кнудом I Великим (1018–1035 гг.), чтобы умиротворять крикливую и разношерстную армию датского короля. Witherlogh не был похож на другие известные кодексы XII в. — Фридриха Барбароссы (1158 г.) или Ричарда Львиное Сердце (1190 г.), — существенно различавшиеся между собой. Их положения регулировали отношения внутри воинских соединений, полномочия командующего были закреплены штрафами с тем, чтобы обуздывать большие и пестрые по составу армии в течение трудных военных экспедиций (Gesta Friderici III, 28).

Все названные выше источники демонстрируют отличное знание их авторами военного дела того времени и содержат сведения о традиционном пути скандинавов на Восток, в них мы находим указания на строгие требования к воинам, отправлявшимся с королем в Византию на рубеже XI–XII вв.

Факт похода Эрика I Датского в Византию подтверждают фрески церкви в Скибете (построена между 1125 и 1150 г.). В свое время они были изучены А. Грабарем, утверждавшим, что контакты датчан с Византией шли через Русь (Grabar 1958: 130).

Характерными особенностями подготовки скандинавов к дальним походам были их продолжительность и тщательность. Северяне продумыва-

ли надежные маршруты, экипировку, экономическую сторону предстоящего предприятия, что позволяло им сводить к минимуму людские потери. Об этом свидетельствует другой источник конца XII в. «Historia de profectioe Danogum in Terram Sanctam» анонимного норвежского монаха из Тёнсберга. Он дает достаточно много информации о том, как долго и обстоятельно собирались скандинавы в третий крестовый поход со сбором средств и строительством кораблей (Anonymus, 341–362). Они так и не приняли в нем участия, хотя до Константинополя дошли.

Судя по тому, как описывает Олав Тордарсон начало пути Эрика Доброго в Византию, средств, оружия и людей у короля было достаточно:

«En er Eiríkr konungr hafði búit lið sitt, sem honum líkaði, þá fór hann ór landi með friðu föruneyti; hann hafði mikit riddaralið ok marga fótgangandi menn.» (Knýtlinga saga, 81)

«Теперь Эрик конунг снарядил своих людей ради удовлетворения собственного [честолюбия], а затем он отправился в дорогу с вооруженными спутниками, производя внушительное впечатление своими всадниками и множеством пеших воинов»⁷.

В книге X «Деяний данов» при изложении версии «Воинского закона» Саксон Грамматик отражает типичную ситуа-

цию с использованием конницы датчанами — конница не доминировала в ходе военных действий⁸:

«... rex maritimam saepius quam terrestrem militiam agere consueverat» (GD, X, 527)

«...король [Кнут Великий, ок. 994–1035 гг.] имел обыкновение вести войну чаще на море, чем на суше».

⁷ *Примечание редакции.* Переводы источников, выполненные автором статьи, редактированию не подвергались.

⁸ В битве при Фотевики (залив в провинции Сконе) король Нильс потерпел поражение от немецкой тяжеловооруженной конницы, принявшей участие в сражении на стороне противника, ко-

роля Эрика Эмуне. В настоящее время в провинции Сконе (в Средние века входившей в состав Дании) сохранились и по-прежнему действуют старейшие в Европе конфермы, где разводится теплокровная шведская лошадь. Инициатива разведения этой породы принадлежала архиепископу Абсалону.

Как известно из «Саги о Кнютлингах», «Деяний данов» и «Драпы об Эйрике», география похода Эрика Доброго была традиционной для скандинавов того времени. Датский король со своими хирдменами направился в Византию Восточным путем, «устремившись на судах на Русь / *petitam navigio Rusciam*» (GD, XII, 610). В «Деяниях данов» не идет речи о всадниках и лошадях, принявших участие в экспедиции Эрика Доброго. Очевидно, что на такое дальнейшее расстояние на корабли лошадей не брали.

Саксон Грамматик сообщает о том, как Эрик Добрый выбирал из своих хирдменов наиболее рослых и силь-

ных воинов с тем, чтобы «его мощное телосложение не выделялось рядом с ними, и заморские зеваки не смеялись бы над необычным великаном» (GD, XII, 609). Описание могучего сложения скандинавов в «Деяниях данов» литературным штампом считать нельзя. Едва ли византийскому императору были безразличны выносливость и хорошие физические данные наемников, которые должны были служить в личной гвардии василевса. Согласно «Воинскому закону» в изложении Свена Аггесена хирдмены короля должны были быть хорошо обученными, опытными в ратном деле и иметь при себе оружие:

«... solos illos Regis clementiam experturos arctiorisque familiaritatis privilegio prae aliis fruituros, qui in Regis honorem catervaeque militaris decorem bipennibus mucronumque capulis deauratis coruscarent...» (LC, II).

«...только те, кто [выражает] почтение к королю и украсил воинскую доблесть великолепным сиянием золоченых рукоятей обоюдоострых мечей, должны были встретить благосклонность короля с правом пользоваться тесной дружбой [с ним] ...». Далее Свен Аггесен отмечает, что в кузнях по городам ковали мечи для тех, кто хотел служить королю, но не имел своего собственного оружия...»

Какой была по численности дружина или войско датского правителя, судить трудно. В «Саге о Кнютлингах», у Маркуса Скеггьясона и Саксона Грамматика говорится о войне Эрика Доброго с вендами, предшествовавшей походу

на Восток. Определенно у него были людские потери в этой кампании. Следует учесть свидетельства Маркуса Скеггьясона и Олава Тордарсона о том, что в дружину короля вошли не только датчане:

«Síðan bjó Eiríkr konungr ferð sína í tómi miklum kostnaði, ok spurðiz víða um lönd þessi hans fyrirætlun, ok réðuz margir ríkismenn til ferðar með honum, bæði innanlands ok svá ór öðrum löndum, ok margir höfðingjar efldu hann með fégjöfum til þessar ferðar, þeir er spurðu fyrirætlun hans» (Knýtlinga saga, 79).

«Принять участие в поездке короля Эрика пожелали многие знатные люди на его родине и за ее пределами и предоставили средства для этого...»

В «Деяниях данов» говорится о тинге в Виборге, куда собрались скандинавы (GD, XII, 607–608). Скандинавская традиция, отраженная в «Красивой коже» (Fagrskinna, 70) и «Гнилой коже» (Morkinskinna, 43), сообщает о трех королях, собравшихся на общий тинг. В указанных главах описаны Инги Шведский как самый рослый, мощный и отважный, Эрик Датский как самый статный и красивый, а Магнус Норвежский как самый крепкий, выносливый, решительный и храбрый. Поэтому можно утверждать, что помимо датчан с Эриком Добрым пошли не только исландцы, но также норвежцы и шведы. Однако у норвежцев тогда были большие

людские потери, связанные с неудачной военной экспедицией Магнуса Голоного (1093–1103). Он совершил поход против Швеции в 1097 г. и потерпел поражение от Инге I в сражении при Фоксерне. Согласно Снорри Стурлусону, скандинавские правители король Норвегии Магнус III Голоногий, король Швеции Инге I Старший и король Дании Эрик I Добрый встретились на берегу р. Гёта-Эльв [в 1099 г.]. Стороны заключили мир при условии сохранения незыблемости границ (Круг Земной 1980).

Как пишет Саксон Грамматик, в отличие от автора «Саги о Кнютлингах», Эрик Добрый

«Malle vero proprio sumptu profectionem instruere quam aliunde impensarum necessaria mutuari ne alieno gravamine ad peragendum devotionis propositum uteretur» (GD, XII, 608).

«имел намерение подготовиться к отъезду скорее за собственный счет, нежели перекладывать бремя затрат на других, и использовать их средства для выполнения своего благочестивого замысла»

Уже упоминавшаяся война с вендами была удачной для датского короля и принесла ему богатую военную добычу (Knýtlinga saga, 76). Если верить автору

«Саги о Кнютлингах», походу предшествовали переговоры и соглашение с германским императором Генрихом IV (1050–1106 гг.):

«Í þenna tíma sendi Frakkakonungr Eiríki konungi sæmiligar gjafir, áðr hann færi ór landi. Þat er flestra manna sögn, at þá hafi verit gör sætt í milli þeirra Heinreks keisara ok Eiríks konungs, svá at þeir sjálfir senduz gjafir í milli, ok keisarinn sendi Eiríki konungi stórgjafir ok fekk honum herlið ok láðmenn af sínu ríki alla leið út til Miklagarðs» (Knýtlinga saga, 79).

«Король Франции Филипп I послал Эрику великолепные подарки, и многие люди говорили, что после этого было заключено соглашение между ним [Эриком] и императором Генрихом [IV], поскольку они обменялись дарами; император послал ему не только дорогие подарки, но и войско, и проводников по всему пути следования короля от его дома до Византия»

По версии «Саги о Кнютлингах», Генрих IV был виновником войны датчан с вендами (Knýtlinga saga, 75). Содержание этого фрагмента (если оно не ошибочно) можно понять в том смыс-

ле, что Эрик Добрый скорее стремился заключить мирное соглашение с германским императором до отправления в Византию, нежели планировал идти через его земли, желая зару-

читься доказательствами лояльности Генриха. Как известно, византийский император Алексей I (1048–1118 гг.) много раньше вел переговоры с германским императором об оказании военной помощи Византии в войне с норманнами (80-е гг. XI в.) и заключил с ним соглашение (Alexiada, III.10, 134–135).

«Svá segir Markús:
Bliðan gæddi björtum auði
Bjarnar hlýra Frakklandz stýrir,
stórar lét sér randgarðz týrir
riks keisara gjafir líka;
honum lét til hervígs búna
harra spjalli láð menn snjalla
alla leið, áðr öðlingr náði
Jóta grundar Cesars fundi...»
(Knytlinga saga, 79)

В приведенном выше свидетельстве Маркуса Скеггъясона П. Риан понимает под «добрым другом», «снабдившим защитниками и проводниками» короля Эрика, Святополка Изяславича (Riant 1865: 159). Нам такое объяснение представляется убедительным.

«... adversariae partis odio penetralium sacrorum decus externo sacerdotio subiectum habere passus non est. Quamobrem Romam regressus tum se, tum etiam patriam ac domestica sacra Saxonica praelatione liberari petivit, ne religionis ratione exteris admodum obsequi cogeret aut eius disciplinam ab alienigenis petere necesse haberet» (GD, XII, 606).

Под ненавидимым противником в «Деяниях данов» подразумевался немецкий архиепископ Лиemar. Конфликт с архиепископом Гамбург-Бремена и поездки Эрика Доброго в Рим и Бари по-

Э. Кристиансен полагает, что автор «Саги о Кнютлингах» допустил ошибочную интерпретацию понятия «кесарь» из «Драпы об Эйрике» и соотнес его с Генрихом IV, а не с могущественным властителем Миклагарда (Christiansen 1980–1981: II, 275).

Далее в «Саге о Кнютлингах» цитируется «Драпа об Эйрике»:

«... как сказал Маркус:
К доброму брату Кнута (Эрику)
Щедрым был король франков
Дарами, сверкающим серебром
Угождая тому, кто опрокидывает щиты;
Его добрый друг снабдил его
Защитниками и проводниками,
Пока король Ютов не достиг бы
Двора Кесаря...»

Отношения датчан с немцами были неоднозначными. Придя к власти в 1095 г., Эрик Добрый начинает вести с Римом переговоры о выходе Дании из-под юрисдикции Гамбург-Бремена и создания архиепископства в Лунде. Как пишет Саксон Грамматик, Эрик.

«... не мог позволить благосостоянию его собственной церкви оставаться в зависимости от ненавидимого противника. И король отправился в Рим еще раз и просил о том, чтобы он сам, его страна и церковь в его государстве были бы освобождены от примаса Саксонии таким образом, чтобы в вопросах веры он не должен был повиноваться иноземцам, либо быть обязанным обращаться к иноземцам по догматическим вопросам».

зволяют определить время начала похода датского короля в Византию, его можно отнести к 1099/1000 г. (DD, I, 2, Nr. 28, 64). Основываясь на приведенных свидетельствах «Драпы об Эйрике»

и «Саги о Кнютлингах», Э. Кристиансен ставит под сомнение тот факт, что Эрик Добрый со своими хирдменами шел традиционным для северян Восточным путем. По мнению Э. Кристиансена, им «пользовались только новички» (Christiansen 1980–1981: II, 265). Однако по свидетельствам Маркуса Скеггъясона, Свена Аггесена, Саксона Грамматика, Олава Тордарсона известно о военных успехах датского короля. Кампания против вендов незадолго до похода в Византию согласно названным источ-

никам также была удачной для правителя датчан.

Саксон Грамматик сообщает, что Эрик был призван на правление из Швеции, проведя в этой стране около десяти лет (GD, XII, 600). Маркус Скеггъясон и Олав Тордарсон говорят о том, что будущий датский король совершал военные экспедиции на Балтике и вдоль Восточного пути на территории Руси в течение десяти лет (между 1185–1195 гг.)⁹. В 1195 г. Эрик был призван на правление в Данию:

«Eiríkr jarl var ríkr höfðingi ok vinsæll; hann hafði löngum mikla hirð með sér; hann var í hernaði um Austrveg ok herjaði á heiðingja, en lét alla kristna menn í friði fara, þann veg sem öllum líkaði bezt, ok svá kaupmenn; við þessa meðferð varð hann frægr ok vinsæll um allan Austrveg, svá at hverr maðr, sá er nökkurs þótti verðr, þá kunni skyn á hans nafni; hann fór alt austr í Garðaríki ok sótti þar heim höfðingja ok ríkismenn, ok tóku þeir honum allir vel ok sœmiliga; þá hann þar stórar gjafir af ríkismönnum. Svá segir Markús Skeggjason í Eiríksdrápu:

Fœðir sótti fremðar ráða
foldar vörðu austr í Garða;
auði goeddu allvald prúðan
ítrir menn, þeirs hnöggi slíta.
Stillir varð of Austrveg allan
einkar tíðr enn mærdar blíði;
hinn varð engr, es hans nafn kynnit
heiðar manns í lofi reiða»
(Knyttlinga saga, 70)

«Эрик отправился на Восток [на Балтику и Русь], чтобы сражаться с язычниками, а всем христианам и купцам дать возможность идти с миром там, где они пожелают. Поэтому он был знаменит на Руси повсюду по всему Восточному пути, пользуясь гостеприимством у правителей и других видных мужей, для которых дружба с ним была желанной и вызывала уважение, и он получил прекрасные подарки от могущественных правителей. По собственным словам Маркуса Скеггъясона в его рассказе об Эрике:

Совершая поездку на Восток, на Руси добродетельных советчиков посетил, правители земель к нему были щедрыми, презирая скупость. Вознаграждением людей за спокойную мирную жизнь в восточных землях, была преданность их сердец ему, все мужи оказывали честь его непревзойденному искусству».

Следовательно, Эрик Добрый не был неопытен в военных делах.

Другой аргумент Э. Кристиансена против свидетельств источников о продвижении Эрика Доброго с его людьми через Русь состоит в том, что на Руси в то время было особенно неспокойно, поскольку в апреле 1103 г. со-

стоялась битва князей Владимира Мономаха (1053–1125 гг.) и Святополка Изяславича (1050–1113 гг.) с половцами

⁹ Тогда в Киеве сидел Всеволод I Ярославич (1078–1093 гг.), затем Святополк Изяславич (1093–1113 гг.), а в Новгороде Великом (в 1088–1093 и в 1095–1117 гг.) княжил сын Владимира Мономаха Мстислав Владимирович.

(Christiansen 1980–1981: II, 275). Едва ли датский король мог оценить ситуацию на Руси в 1103 г., поскольку в тот год он умер на о. Кипр (GD, XII, 614).

В целом Э. Кристиансен точно оценивает положение дел в 90-е гг. XI в. на территории древнерусских княжеств. Как только Святополк Изяславич сел в Киеве в 1093 г., началась его борьба с по-

ловцами. Этим обстоятельством можно объяснить заинтересованность в Эрике Добром со стороны русских князей (Knytlinga saga, 70). По всей видимости, именно по этой причине Маркус Скеггьясон сообщает о том, как Русь встретила датского короля колокольным звоном, когда он в сопровождении войска шел по Восточному пути в Византию:

«Bóru menn ór borgum stórum
bleyðiskjarrs á móti harra,
sungit vas, þá's herr tók hringja,
hnossu gófguð skrin ok krossa;
aldri fær í annars veldi
jöfra ríkir metnuð slíkan;
eitt vas sér, þats jafnask mátti
engi maðr við Dana þengil»
(Eiríksdrapa, Knytlinga saga, 81)

«В каждом городе навстречу королю шли процессии священников, они несли святыне реликвии, колокола звонили, люди воспевали его: мало кто мог заслужить такую славу на чужбине. Мог ли кто сравниться с королем данов».

В соответствии с версией Олава Тордарсона на территории Руси должен

был находиться Торгильс, брат Эрика Доброго:

«Þorgísl, son Sveins konungs, fór austr í Gardaríki; þar átti hann móðurætt göfga; foeddiz hann þar upp ok var þar til konungs tekinn ok kom ekki síðan til Danmerkr»
(Knytlinga saga, 23).

«Сын короля свена Торгильс отправился на Восток на Русь, где он отдал должное семье со стороны своей матери и был возвышен и стал правителем с тем, чтобы никогда уже не вернуться в Данию»

Итак, совокупность фактов указывает на то, что выбранный Эриком Восточный маршрут был ему хорошо знаком. Поход датского короля через территорию Руси может служить дополнительным свидетельством в пользу существовавшего тогда датско-русского политического альянса (что подтверж-

дается династическими браками датских правителей на протяжении всего XII в.¹⁰) и большой обоюдной заинтересованности в нем со стороны датчан и русских князей.

Согласно выводам А. Н. Кирпичникова, И. В. Дубова и Г. С. Лебедева, между Скандинавскими государствами и

¹⁰ Сыновья Эрика Доброго Кнут Лавард и Эрик Эмуне были женаты на дочерях Мстислава Владимировича, правившего сначала в Новгороде, а затем в Киеве. Сын Кнута Лаварда и новгородской княжны Ингеборг, будущий Вальдемар I Великий, был назван в честь своего знаменитого деда Владимира Мономаха. Эрик Эмуне после убийства своего брата Кнута Лаварда в ходе войны принцев в Дании

восстановил датско-русский союз, женившись на сестре Ингеборг, Малмфред, вдове норвежского короля Сигурда (†1130). Это обстоятельство могло обеспечить Эрику Эмуне поддержку новгородцев. Схизма не повлияла на датско-русские династические союзы на всем протяжении XII в., т. е. схизма еще не проникла на Север Европы (Lind 1990: 1–21).

Русью в конце XI — первой трети XII в. сохранялись устойчивые мирные отношения и возобновились династические связи с Данией (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986).

Саксон Грамматик придает большое значение династическим связям датчан с киевским великокняжеским домом.

Древнерусские князья называются в «Деяниях данов» правителями рутенов или правителями жителей Востока. Именно так определяется Ярослав Мудрый (GD, X, 514). В книге XI хроники Саксон Грамматик излагает историю родства датского королевского и киевского великокняжеского домов:

“Eodem forte tempore Normannorum dux¹¹ pari impetus diversum insulae latus aggreditur¹². Cujus rex Haraldus¹³ inter geminas hostium partes anceps... Cujus filii duo confestim in Daniam cum sorore migrarunt. Quos Sveno, paterni eorum meriti oblitus, consanguinae pietatis more excepit, excepit puellamque¹⁴ Rutenorum regi Waldemaro, qui et ipse Iarizlavus a suis est appellatus, nuptum dedit. Eidem postmodum nostri temporis dux¹⁵, ut sanguinis, ita et nominis heres, ex filia nepos ovenit. Itaque hinc Britannicus, inde Eous sanguis in salutarem nostri principis ortum confluens, communem stirpem duarum gentium ornamentum effecit” (GD, XI, 555–556).

«Случилось так, что в то же самое время также стремительно герцог Нормандии [Вильгельм] напал на остров с другой стороны побережья. Гарольд [Годвинсон], английский король, оказался с двух сторон пойманым врагами в ловушку ... Два его сына с их сестрой были вынуждены немедленно отправиться в Данию. Свен [Эстридсен] не придавал значения тому, что они покинули своего отца, и принял их, как обяывает семейный долг; он отдал деву [Гиту Уэссекскую] в жены Владимиру [Всеволодовичу Мономаху], правителю рутенов, которого его собственный народ называет также Ярославом. А позже случилось так, что в наши времена герцог, ее потомок, стал наследником, как по имени, так и по крови. Таким образом, слияние британской и восточной крови создало достойную родословную нашему правителю, украсив единой ветвью два народа».

Прямое указание на Гиту и Владимира Мономаха у Саксона Грамматика не позволяет нам исключить вероятность того, что Эрик Добрый из десяти лет,

прожитых на Руси, провел какое-то время вместе с Владимиром Мономахом в войнах с половцами (Янин, Литаврин 1962: 204–221)¹⁶.

¹¹ Вильгельм Завоеватель (1027/28–1087 гг.).

¹² Армия Вильгельма высадилась утром 28 сентября 1066 г. на южном побережье Англии, в районе города Певенси.

¹³ Гарольд II Годвинсон (ок. 1022–1066 гг.) — последний англосаксонский король Англии, погиб в битве при Гастинге.

¹⁴ Вальдемар II Победитель, в 1190 г. герцог Шлезвиг.

¹⁵ В «Деяниях англо» названы три сына Гарольда II Годвинсона, Годвин, Эдмунд, Магнус, а также их сестра Гита (Simeon Dunelmensis De Regibus Anglie, 198). Согласно «Деяниям данов», Гита Уэссекская (?–1098 гг.), дочь короля Гарольда II Годвинсона, какое-то время жила в Дании у своего

дяди короля Свена Эстридсена (1020–1074 гг.), отца Эрика Доброго (GD, XI), а затем (в 1074 г.) вышла замуж за Владимира Мономаха. Она стала матерью князя Мстислава Владимировича (1076–1132 гг.), которого его отец посадил в Новгороде в тринадцатилетнем возрасте (Назаренко 2001: 522–524). В «Красивой коже» (Fagrskinna, 67) говорится о том, что дочь Гарольда Гита стала женой Вальдимира конунга, сына Ярицлейва конунга в Хольмгарде, и родила Харальда, отца Ингеборг, матери Вальдемара I.

¹⁶ В 1093 г. Владимир Мономах начал войну против союза половцев с Олегом Святославичем. Ярополк Изяславич начал воевать с половцами, как только сел в Киеве в 1093 г.

Описание маршрута войска или дружины Эрика через Русь у Саксона Грамматика предельно краткое. Однако эпическая часть «Деяний данов» (кн. I–IX) содержит информацию о пути из варяг в греки и взаимоотношениях скандинавов с Русью. Выбор маршрута Эрика Доброго на Восток в Византию через Русь определенно был связан с причинами, побудившими его отправиться в поход.

Согласно источникам единственным поводом, подтолкнувшим датского короля пойти на Восток, было его желание посетить святыне места. Действительно, паломничества были «модным занятием» в те времена, и отправлялись в них довольно часто, в частности, для приобретения святых мощей (необходимых при закладке церковных алтарей). Однако в «Драпе об Эрике», «Деяниях данов» и «Саге о Кнютлингах» в качестве другой важной цели этого предприятия датского правителя названы переговоры с византийским императором Алексеем I.

Почти все те десять лет, что Эрик провел на Руси, в Киеве сидел вели-

кий князь Всеволод Ярославич, женатый на византийской принцессе¹⁷. Династический брак киевского и византийского правящих домов означал признание равенства сторон в дипломатических отношениях. Определенно датский правитель стремился заручиться дружбой и поддержкой тех, кто мог содействовать в предстоящих ему переговорах в Константинополе. Во время археологических раскопок 1946 г. под руководством М. К. Каргера на территории современной усадьбы Софийского собора в Киеве (территория хозяйственного двора XI–XIII вв.) был обнаружен моливдовул (ок. 1082 г. — нач. XII в.) византийской принцессы Марии, сестры императора Алексея I Комнина (Булгакова 2000; Zacos, Veglery 1972: 1513–1514, no. 2720a-c, pl. 184)¹⁸.

Итак, как уже было сказано выше, датский король Эрик Добрый и его спутники недвусмысленно названы источниками паломниками. В «Саге о Кнютлингах» по этому поводу сказано от имени датского короля следующее:

“...en nú ætla ek mér ferð ór landi til Jörsala...” (Knytinga saga, 79)¹⁹.

«...а теперь я [Эрик конунг] решил отправиться в паломничество в Иерусалим...»

Ставить под сомнение свидетельство Маркуса Скеггъясона нет никаких оснований. В Датском и Норвежском королевствах ни правители, ни военная аристократия, объединявшаяся вокруг них, не включились одновременно со всей остальной Европой в подготовку к военным действиям на Востоке. По всей вероятности, не из-за того, что от-

¹⁷ Жена князя Всеволода в синодиках Выдубицкого монастыря в Киеве названа Анастасией (Брюсова 1968: 127–135).

¹⁸ Является пятым экземпляром печатей этой разновидности (три печати из собр. Г. Закоса), вероятнее всего, происходят из Константинополя (Булгакова 2000).

¹⁹ Этимологический и лингвистический анализ понятия *Jörsala-ferð*, *-för* сводится к его толкованию только в значении *паломничество* (Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957: 327).

существовал религиозный энтузиазм, а в силу политической ситуации, сложившейся на тот момент в скандинавских королевствах. Саксон Грамматик и Свен Аггесен, отдавая несомненное предпочтение драматическим рассказам, не пренебрегли бы этими событиями. Тем не менее у них ничего не сообщается об отношении датчан к первому крестовому походу. Однако у Саксона Грамматика идет речь о главных действующих лицах предстоящих переломных в истории Европы событий и активных контактах Эрика с Урбаном II, что можно считать свидетельством осведомленности датчан о подготовке к масштабной военной кампании.

Эрик, придя к власти в 1095 г., стал хлопотать о выходе из-под юрисдикции Гакбург-Бременского архиепископства. Датский король посещал в Риме благоволившего к нему папу Урбана II (1088–1099 гг., француз Оддон де Лажери) до начала первого крестового похода. Хронист Бернольд (1054–1100 гг.) пишет о послых Алексея I, прибывших в 1095 г. на Собор в Пьяченцу с тем, чтобы умолять папу защитить от язычников византийскую церковь (Bernoldi, 462). Византийский император находился в дружественной переписке с Урбаном II (Holtzmann 1928). В этот же период времени тесными были контакты и датского короля Эрика Доброго с папой Урбаном II. Следовательно, Эрик хорошо знал о масштабах готовящейся военной кампании. Но скандинавы не были названы Урбаном II среди тех, кто планировал принять участие в ней.

Эрик, решая вопрос о канонизации своего брата короля Кнута IV (1043–1086 гг.) и об учреждении архиепископ-

ства, также побывал в Бари (1098 г.). Он должен был использовать эту возможность для того, чтобы посетить вдову своего брата Кнута Святого (убитого в 1086 г. в церкви Св. Альбана на о. Фюн, см.: *Passio Sancti*, 71), Адель Фландрскую (?–1115 гг.)²⁰, дочь Роберта I Фризского (1035–1093 гг.)²¹. Теперь она была замужем за известным участником первого крестового похода Рожером Борсой Апулийским (†1111 г.). Эрик Добрый не присоединился к Рожеру Борсе. Датский король не присоединился и к другому своему родственнику, Роберту II Фризскому (1065–1111 гг.)²². Он не отложил свое паломничество на некоторое время, чтобы пойти с немцами. С ними датский король как будто бы примирился и даже заключил соглашение (если мы будем полагаться на свидетельство автора «Саги о Кнютлингах»).

Эрик Добрый устремился на Восток через Русь, где нашел себе надежных союзников, с тем чтобы предло-

²⁰ Адель, дочь Роберта I Фризского, у Саксона известна под именем 'Ethla' или как королева Дании.

²¹ Анна Комнина в книге VII «Алексиады» рассказывает о встрече императора Алексея I и Роберта I Фризского, графа Фландрского, совершившего паломничество в Палестину и посетившего на обратном пути Константинополь. Встреча Алексея I с графом Робертом могла состояться между 1087 и 1090 г. Роберт I Фризский клятвенно обещал послать византийскому императору 500 всадников. Во время формирования воинского контингента графом Фризским для Алексея I, по свидетельству Радольфа Нигера, при дворе Роберта I находились датчане. Фламандские наемники упомянуты в исландских источниках, что свидетельствует о том, как хорошо в Скандинавии были информированы о событиях, совершавшихся на Востоке.

²² Роберт II Фризский, граф Фландрии, возглавлял фламандских рыцарей в первом крестовом походе, прославился при взятии Никеи (1097 г.), осаде Антиохии (1097–1098 гг.) и Иерусалима (1098 г.).

жить византийскому императору свои услуги в ратном деле, которые могли быть щедро вознаграждены Алексеем I (насколько щедро, датский король мог знать на примере отношений василевса с графом Робертом I Фризским и Генрихом IV). Описывая события, предшествовавшие первому крестовому походу, Анна Комнина сообщает о переговорах, которые вел ее отец с западными монархами в поисках союзников в борьбе с норманнами, и щедрых дарах византийского императора, которые он посылал при заключении договора (Alexiada, III.10).

Эрик пошел через земли древнерусских княжеств, поскольку, как можно заключить из сообщений источников, целью его предприятия было проведение прямых переговоров с византийским императором Алексеем I по поводу заключения договора об оказании военной помощи византийцам и найме северян в армию василевса. Судя по скандинавским источникам, из всех византийских императоров в северо-

европейских государствах лучше всего известен Алексей I. Он сохраняет практику приема на службу в армию наемников-северян, к которым прибегали и его предшественники, полагаясь на их защиту во время военных действий. В правление Алексея I число наемников-северян в армии василевса возросло.

Рассказ Саксона Грамматика о пребывании датского короля у стен Константинополя отражает начало переговоров с византийским императором, инициированных скандинавским правителем. Датский историограф сообщает о сомнениях василевса, послуживших причиной поначалу более чем сдержанного отношения к Эрику Доброму. Саксон в жанре приветственной речи (типичной, скорее, для sag) датского короля, произнесенной перед соотечественниками у стен Константинополя, излагает, по существу, положения договора. Эрик Добрый призвал своих подданных быть верными императору и

«Ad haec imperatorem eorum fidei capitis sui custodiam credere, eumque praelationis usum non tam ex eorum meritis quam ex illorum, qui eos Graecorum militiam coluissent, virtute progenitum» (GD, XII. 611–612).

«поздравил варангов с тем, что они имеют, то есть с тем, что они допущены в гвардию василевса, считая это наивысшей честью, которой может добиться датчанин, находясь за пределами отчины. Поэтому в Константинополе они счастливее, чем у себя дома, поскольку император поручил им охрану своей собственной персоны не только из-за их личных заслуг, но и благодаря службе их предшественников»²³.

Далее, как пишет Саксон Грамматик, монарх, обращаясь к соотечественникам, служившим византийскому им-

ператору, объявил и о своих обязательствах перед ними, сказав им:

²³ О ранней истории гвардии см: Benediktz 1969; Obolensky 1974: 302–306.

«...promittens se, cum primum in patriam redissent, fidelem eorum operam beneficiis pensaturum, quod si viriliter dimicantes spiritum in acie profudissent, propinquos eorum ac necessarios honore prosecuturum» (GD, XII, 611–612).

«...если они, даны, возвратятся на родину своих отцов, он, король, от всего сердца вознаградит их за хорошую службу, если они расстанутся с жизнью в сражении, отважно схватившись с врагом, он осыплет благами близких родственников и других иждивенцев тех, кто служил императору».

В форме так называемой «речи Эрика Доброго» Саксон Грамматик пишет, что

«...maiores vitae quam virtutis curam agerent neve mortem fuga praecurrerent aut salutem suam ignaviae praesidio tuerentur...» (GD, XII, 611–612).

«даны, находящиеся на службе василевса, не должны заботиться о своем животе больше, чем о своей чести, и не искать трусливо спасения лишь собственной жизни, предпочитая бегство смерти; и если им суждено, то погибнуть, храбро сражаясь в битве».

Выступление датского монарха перед своими соотечественниками в Константинополе можно понять в том смысле, что между василевсом и Эриком Добрым мог существовать некий договор. Речь короля можно трактовать как изложение его пунктов. Вероятно, в подобном соглашении Эрик, прежде всего, должен был гарантировать византийской стороне лояльность и военное мастерство своих людей. Содержание так называемой речи Эрика показывает, что целью поездки скандинавского монарха в византийскую столицу были переговоры о заключении договора или о продлении уже существовавшего соглашения. Г. Г. Литаврин отмечает, что «императоры были склонны скорее принимать, чем отправлять посольства» (Литаврин 1999: 14). В случае с Эриком Добрым инициатива переговоров принадлежала датской стороне.

Как пишет Саксон Грамматик, датский король добился расположения императора Алексея I и был им принят (GD, XII, 611–612). По словам французского историка Л. Брейе, «наибольшая честь, которой пытался добиться васал или иностранный правитель, состояла в том, чтобы быть официально принятым при дворе василевса. Это был один из наиболее действенных способов императорской дипломатии, когда она искала союза с правителем» (Bréhier 1949: II, 242).

По свидетельству Анны Комнины, перед каждой военной экспедицией император собирал войска союзников (т. е. наемников). Тяжеловооруженные воины, бесстрашные и дерзкие (Alexiada, VI, 14, 85), восхищавшие византийского историографа своим искусством и боевым духом, были ударной силой союзнического войска. Этих тяжеловооруженных воинов Анна называет

франками, норманнами, латинянами, кельтами, варангами. Термины «этерия» (Alexiada, I.5, 20; VIII.7, 147–148)²⁴, «вестиариты» (Alexiada, IV.4, 152), «эскувиты» (Alexiada, IV.4. 151)²⁵ также могут использоваться Анной в качестве синонимов термина «варанги».

Само слово βάρανγοι — «варанги» (Benedikz 1969; Obolensky 1974: 302–306; Dawkins 1947) у византийских историографов XII в., а также в византийских актах служит для определения наемников из северных стран в гвардии василевсов. В том же значении слово «варанг» встречается в скандинавских сагах (Heimskringla 1998: I–III). Кекавмен сообщает о Варангии, в контексте «Стратегикона» обозначающей Норвегию. По мнению М. В. Бибикова, термин «Варангия» является неологизмом в византийской литературе XI в. (Бибилов 1986) В XI в. византийские авторы, такие, как Михаил Пселл (Psellos, XXIV) и Кекавмен (Кекавмен, 176. 23), подразделяют наемников на варягов и русских, воспринимая их как разные этнические группы.

Как сообщает Маркус Скеггъсон, датский король получил от императора наряду с самой высокой похвалой золото, а перед тем богато украшенные шелковые одежды. Кроме того, Алексей I предоставил ему четырнадцать хорошо оснащенных кораблей и запасы продовольствия на оставшийся путь.

Не требует доказательств тот факт, что византийский флот при Алексее I был таким же большим и мощным, как и при Василии II. Саксон Грамматик, описывая корабли, предоставленные императором Эрику Доброму, использует понятие *piratica navigia*. Это дает основание думать о турецких судах,

захваченных византийцами во главе с Иоанном Дукой во время морской кампании против Чахи. Император имел в своем распоряжении корабли, которые он мог отдать данам без ущерба для своего флота. Согласно предположению С. Блэндаля, именно на дромонах Чахи, доставшихся византийцам в качестве трофея, скандинавы во главе с Эриком Добрым продолжили свой путь к Кипру (Blöndal-Benedikz 1978: 135)²⁶.

«Сага о Кнютлингах» также сообщает о богатых дарах, врученных византийцами Эрику. В ней упоминаются обилие красного золота и царские шелковые одежды (Knyttlinga saga, Eiríksdrapa, 81, 316). Как отмечает Я. Н. Любарский, шелковые ткани, или влаттий, играли определенную роль в византийской дипломатии: императоры нередко преподносили шелковые ткани в дар правителям других стран (Алексиада, примеч. 379; Каждан 1960: 228).

Известно, что после того, как участники первого крестового похода подошли к Константинополю в 1096 г., они присягнули на верность Алексею I Комнину и по возвращении вручили василевсу щедрые дары деньгами и шелковыми одеждами²⁷. Как полагает Ф.-Л. Гансхоф, у них был договор с греческим императором. Слово *foedus*, утверждает бельгийский ученый, часто встречается в текстах, относящихся к посещению участниками крестовых

²⁴ Отряд личной гвардии императора, находился под командованием этериарха (Schlumberger 1884: 346–349; Bury 1911: 106–107).

²⁵ Один из отрядов константинопольского гарнизона (Bury 1911: 58).

²⁶ О типах военных кораблей в Византии см.: Neumann 1898; Bibicou 1958.

²⁷ Шелка и другие предметы роскоши традиционно преподносились в качестве подарков византийскими императорами (Bréhier 1949: 253–254).

походов византийской столицы (Ganshof 1961: 49–63; Runciman 1971: 142–171). По мнению Ф.-Л. Гансхофа некоторые из европейских правителей сделали приемными сыновьями византийского императора. «Они входили в иерархию императорской», став ее членами (Ganshof 1961: 52, 56, 58, 63; Dölger 1976: 34–69). Был ли принят Эрик Добрый подобным образом? Если это было именно так, тогда можно объяснить наличие фиолетово-пурпурного шелка с изображением орлов в медальоне в Оденсе (в раке брата Эрика Доброго, короля Святого Кнута) приемом, оказанным Алексеем I датскому королю. Этот шелк был имперским подарком. Т. Риис видит связь между цветом шелка и высоким социальным статусом членов императорской фамилии (Riis 1977: 197, n.16; Ostergard 1980: VI, 83–92; Geijer 1935: 155–68)²⁸, а ткань из раки короля Кнута, канонизированного в самом начале XII в., свидетельствует о том, что ее владелец мог обладать титулом севастократора²⁹. Мы склонны полагать, что влаттий был отправлен из Константинополя в Данию в качестве дипломатического подарка в результате переговоров, проведенных Эриком Добрым.

Как отмечает А. П. Каждан, «при Алексее I старые титулы постепенно отмирают вместе с их носителями, новые титулы жалуются... по принципу родства или свойства с императором. Самые высокие чины оказываются у императорских сыновей, зятьев, племянников — у представителей разветвленного и многолюдного клана Комнинов, которые были прежде всего полководцами; кроме них, в XII в. практически никто не занимал высших во-

енных постов, разве что иностранные наемники» (Каждан 2002: 123). В книге III «Алексиады» при описании подготовки к войне с норманнами Анна пишет о том, что император обещал правителям кельтских стран титулы. По мнению М. В. Бибикова, «иностранцы принцы, князья, наследники престола, просто видные политики и военачальники также получали, вступив в контакт с империей, соответствующие византийские придворные титулы: они становились кесарями, патрикиями, севастократорами» (Бибиков 1997: 3). Вывод исследователя применим к случаю с Эриком Добрым.

В рассказе Саксона Грамматика об оказанном приеме датскому королю при византийском дворе есть еще ряд признаков, указывающих на заключение договора между василевсом и Эриком Добрым. Если в «Саге о Кнютлингах» и «Драпе об Эрике» говорится о том, что датскому королю были пожалованы дары от Алексея I вместо игры на ипподроме. В «Деяниях данов» сообщается об обмене дарами между Алексеем I и датским правителем в заключительной стадии их общения, что свидетельствует о скреплении договора обеими сторонами. Саксон Грамматик перечисляет дары византийского императора и сообщает, что они были отправлены королем домой и запечатаны византийскими печатями.

²⁸ А. Гейер (Geijer 1935) склонен полагать, что шелк был привезен из Бари.

²⁹ Титул севастократора был введен Алексеем I для старшего брата Исаака. Севастократор был выше кесаря, имя его провозглашалось вслед за именем императора. Согласно Георгию Кодину (XV в.), с титулом севастократора, равно как и с титулом деспота или кесаря, не было связано никакой должности (Codini, 174).

Из дальнейшего текста «Деяний данов», подтверждаемого и «Сагой о Кнютлингах», становится очевидным, что византийский император стал донатором паломничества датского монарха. Алексей I, не имея возможности

отпустить столь почетного гостя без даров, как пишет Саксон Грамматик, повелел узнать, что тот пожелает. Когда император узнал, что гость отверг сокровища и хочет получить мощи святых, он передал ему в дар реликвию.

«Et ne tantum hospitem in donatum dimitteret, complacita postulare praecepit. Quem cum, acto opum contemptu, sacros potissimum cineres exoptare cognosceret, honorandis ossibus reliquiis donat. Ille religiosum munus cupide amplexatus, id ipsum imperatoria bulla obsignatum Lundiam Roskyldiamque deportandum curavit. Et ne ortus sui locum veneratione vacuum sineret, Slangathorpiam cum Nicolai sacratissimis ossibus divini patibuli particulam transtulit» (GD, XII, 612).

«Приняв эти благочестивые дары с нетерпеливой жадностью, Эрик отправил их опечатанными императорской печатью в Лунд и Роскилле. И чтобы не оставить не освященным место своего рождения, он передал в Слангеруп³⁰ частицу Святого Креста³¹ вместе с наиболее почитаемыми мощами святого Николая».

Тщательность, с какой Саксон Грамматик описывает дары, посланные из Византии в Данию, говорит об осведомленности датского историографа о щедрости василевсов, равно как и о его осведомленности об императорских хрисовулах, снабжавшихся печатями (у Саксона — *imperatoria bulla obsignatum*).

Щедрость к гостям знатного происхождения была в традиции греческих императоров. Какого рода подарки получали западные монархи от василевсов, известно из сочинения Анны Комнины. Наиболее показателен случай с германским императором Генрихом IV (*Alexiada*, III, 10, 134–135).

В книге XII «Деяний данов» датский историограф дает нам психологический портрет Алексея I. Саксон Грамматик оценивает императора как человека осторожного, подозрительного, предпочитаящего принимать взвешенные и тщательно обдуманые решения. Это описание вполне совпадает с тем, что

нам известно из сочинения Анны Комнины об ее отце. Трудно представить себе, чтобы умный, осторожный, опытный в дипломатических делах Алексей I был расточительно щедрым с мало знакомым ему правителем далекой северной страны.

На датского короля не распространялись отношения, сложившиеся у василевса с другими западными монархами в том смысле, что датские правители не давали клятвы вассальной верности византийским императорам. Судя по сообщениям скандинавских источников, северяне пользовались большим доверием и преимуществами по сравнению с прочими европейскими государствами. Немаловажную роль в этом особом отношении к северянам могло сыграть то обстоятельство, что на рубе-

³⁰ Главный церковный алтарь должен был находиться в Слангерупе на том месте, где мать произвела Эрика на свет (Musset 1951: 141).

³¹ Частица Святого Креста являлась преимущественно «царским подарком».

же XI–XII вв. они пришли в Константинополь вместе с представителями Киева или Новгорода, которые и повлияли положительно на ситуацию в переговорах. Свидетельством о влиянии русских на дела датского короля в Византии можно считать уже приводившиеся сообщения «Саги о Кнютлингах» и «Драпе об Эрике» (*Knytlinga saga*, *Eiríksdrapa*, 70, 81). В них говорится, как Эрик посещал видных правителей Руси и об их очень дружелюбном отношении к нему, что, по всей видимости, и стало залогом успеха Эрика Доброго при дворе императора Алексея I.

Важным атрибутом наемников с севера в описании византийских источников является оружие. Анна Комнина часто классифицирует воинов из личной гвардии императора по видам этого оружия, называя их воинами, носящими мечи / ξίφη, или воинами, носящими секиры / πέλεκυ. Фразеологические обороты «варвары-чужеземцы с мечами на правом плече» / «ξενικῶν βαρβάρων τῶ ἐπὶ τοῦ δεξιῶθι κρᾶδαίνειν ὦμου το ξίφος» или «варвары-чужеземцы, по обыкновению бряцающие мечами на правом плече» / «καὶ ξενικῶν τινῶν ἐναριθμητῶν βαρβάρων τῶν ἐπὶ τοῦ δεξιῶθι εἰσθότων κρᾶδαίνειν ὦμου το ξίφος» (*Alexiada*, III, 9, 130) используются в «Алексиаде» неоднократно (*Alexiada*, II.9, II.12, III.9). Из книги II.9 очевидно, что под этими воинами-чужеземцами, подразумеваются варанги: «Βαράγγοις... οἱ... ἐπὶ τῶν τὰ ξίφη κρᾶδαίνοντες» (*Alexiada*, II, 9, 92).

Никита Хониат сам является современником или очевидцем событий (описываемых во второй части «Истории»), знающим, по своему общественному и служебному положению, «не только то, что происходило, но и

то, что готовилось» (*Krumbacher* 1897: 382). Равно как Анна Комнина, Никита Хониат называет людей из гвардии василевса секироносцами / πελεκυφόρων (*Nic.Ch.*, 407, 525, 527, 550, 563, 572), или «носящими секиры иноземцами» / «πελεκυφόρους βάρβαρους» (*Nic.Ch.*, 343, 545), или «людьми, носящими на плечах заостренные с одной стороны секиры» / «ἀνδρίων ο ἱ τοῦς ἕτεροστόμουα πελέκεις ἐπὶ τῶν ὦμων ἀνεχουσι» (*Nic.Ch.*, 172), нередко подразумевая под ними британцев. Однако мы не можем идентифицировать варягов-секироносцев из сочинений Анны Комнины или Никиты Хониата только с британцами, поскольку, согласно данным археологических находок, боевые топоры (секиры) имели широкое хождение. Как пишет А. Н. Кирпичников, «в период своего расцвета, в XI в. эти широколезвийные секиры были распространены на огромной территории от Карелии до Британии» (*Kirpichnikov* 1970: 50–76).

Анна Комнина и Никита Хониат жили в эпоху обоюдоострого меча. Однако оба византийских историографа также говорят о «заостренных с одной стороны мечах» / «ἑτερόθηκτα ξίφη» (*Alexiada*, II.9, 92; *Nic.Ch.*, 266). Я. Н. Любарский переводит этот тип однолезвийного меча / ἑτερόθηκτα ξίφη из «Алексиады» словом «меч» (*Alexiada*, II.9, 109), тогда как Б. Лейб переводит его как обобщающее понятие *l'arm*, т. е. оружие (*Alexiada*, II.9, 92), что тоже уместно. Э. А. Дууэс понимает под однолезвийным мечом / ἑτερόθηκτα ξίφη боевой топор (*The Alexiad*, II, 9, 64). С. Блэндаль и Б. Бенедикс переводят ξίφη словом «меч». Уточняющее слово ἑτερόστομα применительно к мечу,

встречающееся у Анны Комнины, наводит С. Блэндала и Б. Бенедикса на мысль о том, что ξίφη следует толковать как секиру (Blöndal, Benedikz 1978: 129. n.2). Определение ἑτερότομα применительно к оружию (мечам и секирам варангов) неоднократно встречается у Никиты Хониата (Nic.Ch., 15, 172, 248, 266, 563, 572). В русском переводе «Истории» фразеологический оборот «заостренная с одной стороны секира» появляется в том случае, если в греческом тексте слово «меч» уточняется Никитой Хониатом определением «однорезвийный» (Хониат, I, 341).

С понятием ξίφη в сочетании с определением ἑτερότομα из «Алексиады» можно было бы идентифицировать скрамасаксы. Они не были обоюдоострыми, поскольку имели только одну ударную кромку. Однако ко времени описываемых Анной Комниной событий (конец XI — начало XII в.) скрамасаксы уже выходят из употребления. Саксон Грамматик в «Деяниях данов» рассказывает о том, как король Вальдемар I (1131–1182) был обладателем такой реликвии — скрамасаксом норвежского короля Харальда Сурового, знаменитого варанга из гвардии византийского императора (GD. XI. 550). Свидетельство Саксона Грамматика позволяет подтвердить, что в конце XII в. воины продолжали ценить скрамасаксы (боевые ножи), но уже в качестве предметов, хранимых в память о прошлом.

Согласно мнению Т. Колиаса (со ссылкой на Ф. Ламмерта), синонимом слова ξίφη в византийских нарративных источниках является слово σπάθα и обозначает меч как вид клинкового оружия византийского сухопутного войска (Kolias 1988: 137, n. 21). Т. Коли-

ас указывает на тождественность в византийской литературе понятий меч / ξίφη, короткий меч или сабля / ἀκινάκης, меч или короткая сабля / μάχαρα, меч / φάσγανον, меч с длинным и широким клинком с одной ударной кромкой / ρομφαία (Kolias 1988: 135, n. 2). Термин ромфея / ρομφαία из «Хронографии» Михаила Пселла переводится Я. Н. Любарским также словом «секира», тогда как это иной, отличный от боевого топора тип оружия. Ромфея неоднократно встречается на страницах сочинения Михаила Пселла в тех случаях, когда речь идет о дворцовых стражниках из иноземных наемников. По типу к ромфее гораздо ближе фальшион.

По нашему мнению, слово πέλεκυς византийских источников означает секиру, а слово ξίφη обозначает другой вид оружия — меч, тогда как заостренный с одной стороны меч / ἑτερόθηκτα ξίφη в текстах упомянутых авторов может описательно определять саблю (Кирпичников 1966: 61–72; Kirpicnikov 1970: 50–76; Arendt 1935: 48–68; Hampel 1905: 193; Oakeshott 1960; Wall 1986). Как отмечает А. Н. Кирпичников, степняки были вооружены «исключительно искривленными клинками», сабля была необходима против их конницы (Кирпичников 1966: 64).

Из содержания «Алексиады» известно о войнах Алексея I с кочевниками. По свидетельству Никифора Вриенния, наемники несли оружие с собой (Nic. Br., I.20, 445). Варанги-наемники могли нести с собой в Византию и саблю. Однако нельзя исключать вероятности того, что они пользовались оружием из арсеналов Византийской империи. Эрик Добрый и его дружина или войско шли в Византию по пути из варяг в греки, по

территории сплошного сабельного боя, по словам А. Н. Кирпичникова. Они получили на Руси опыт ведения войны с конницей кочевников-половцев и определенно переняли навыки пользования новым для них оружием — саблей.

А. Н. Кирпичников провел тщательное и глубокое исследование по истории русского оружия и доказал, что сабля имела широкое хождение на территории Руси в XI–XIII вв. (Кирпичников 1966: 62). Сабли XI–XII вв., как отмечает исследователь, «относятся к числу распрямленных клинков», напоминая шашки конца XIX в. не только по внешнему виду, но и функционально (Кирпичников 1966: 67).

Определенно описание в византийских источниках XII в. еще одного типа клинкового оружия — сабли свидетельствует в пользу того, что в этнически смешанном войске или дружине Эрика Доброго были представители древнерусских княжеств — рутены, как называет их Саксон Грамматик. С их при-

сутствием связана не только отличная от обоюдоострого меча однолезвийная сабля, но и сам факт переговоров Алексея I с Эриком Добрым.

Алексей I, насколько можно судить по свидетельствам «Саги о Кнютлингах», «Деяниям данов», «Драпе об Эрике», получил возможность нанять скандинавский воинский контингент, репутация которого была хорошо известна в Византии (GD, XII, 613). Император сильно нуждался в нем для борьбы с многочисленными врагами, с которыми неизбежно сталкивалась Византийская империя. Среди северян-варангов были и те, кто пришел с ними в Константинопль с территории древнерусских княжеств. Союз датчан с древнерусскими князьями Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом мог только способствовать успешному приему датчан со стороны Алексея I и заключению договора об оказании военной помощи северянами Византии и об их найме на военную службу в армию василевсов в начале XII в.

Источники

- Алексиада* — Анна Комнина. *Алексиада* / Перевод Я. Н. Любарского. СПб. 1996.
- Кекавмен* — Кекавмен. *Советы и рассказы* / Изд. Г. Г. Литаврин. М. 1972.
- Круг Земной 1980* — *Круг Земной* / Изд. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М. 1980.
- Хониат* — Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина // *Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии*. Т. 1–2. СПб. 1860.
- Annalista Saxo* — *Annalista Saxo* // *Monumenta Germaniae Historica*. Ed. G. H. Pertz. Scriptorum. T. VI. Hannover. 1844.
- Alexiada* — Anne Comnène *Alexiada* (règne de l'empereur Alexis I Comnène 1081–1118). Texte établi et traduit par B. Leib. T. I–III. Paris, 1937–1945.
- Anonymus* — *Anonymus de profectioe Danorum in Terram Sanctam* // *Scriptores Rerum Danicarum medii aevi*. T. V. 1783.

- Bernoldi* — Bernoldi Chronicon // Monumenta Germaniae Historica. T. V. Ed. G. H. Pertz. Hannover 1844.
- Brevis Historia* — Svenno Aggonis filii Brevis Historia Regum Dacie. // Scriptores Minores Historiae Danicae Medii Aevi. Ed. M. Cl. Gertz. Copenhagen. 1908–1912.
- Christiansen 1980–1981* — Saxo Grammaticus. Danorum regum heroumque historia, books X–XVI; the text of the first edition with translation and commentary in three volumes [ed. by] Eric Christiansen. Oxford. 1980–1981.
- Codini* — Codini Curopalatae. De officialibus palatii Constantinopolitani et De officiis magnae ecclesiae liber // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Hrsg. I. Bekker. Bonn, 1839.
- DD — Diplomatarium Danicarum. København. 1938.
- GD — Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Ed. P. E. Müller. T.1–3. Havniae. 1839–1857.
- Gesta Friderici* — Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I Imperatoris. Hannoverae, 1884
- Heimskringla* — Snorri Sturluson. Heimskringla. B. I–III. Reykjavík. 1998.
- Eiríksdrápa* — Markús Skeggjason. Eiríksdrápa // Den norsk-islandske Skjaldedigtning. Udg. Finnur Jónsson. København. 1912–1915.
- Fagrskinna* — Fagrskinna. Noregs kononga tal. Udg. Finnur Jónsson. København. 1902–1903.
- Knýltinga saga* — Knýltinga saga // Sögur Danakonunga. Udg. C. af Petersen og E. Olson. Kobenhavn, 1919–1925.
- LC — Svenno Aggonis filii Lex castrensis sive curie // Den Danske Rigslovgivning indtil 1400. Ed. E. Kroman. Copenhagen. 1971.
- Morkinskinna* — Morkinskinna. Udg. Finnur Jónsson. København. 1932.
- Nic. Br.* — Nicephori Bryennii Commentarii. Rec. A. Meineke. Bonn, 1836.
- Nic.Ch.* — Niceta Choniata Historia. Rec. I. A. van Dieten. Berlin, 1975.
- Passio Sancti* — Passio Sancti Canutis Regis // Vitae Sanctorum Danorum. Udg. M. Cl. Gertz. Copenhagen. 1908–1912.
- Psellos* — Psellos Michel. Chronographie. Paris. 1926–1928.
- The Alexiad* — The Alexiad. Ed. and transl. by E. A. Dawes. London. 1928.
- Willelmi* — Willelmi Malmesbiriensis... de Gestis Regum Anglorum. Ed. W. Stubbs // Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores or Chronicles and Memorials... published... under the direction of the Master of the Rolls. London. 1887–1889.

Литература

- Бибиков 1986* — Бибиков М. В. Скандинавский мир в Византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Вып. XXX. Таллин. 1986.
- Бибиков 1997* — Бибиков М. В. Договоры Руси с греками и византийский дипломатический этикет // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX чтения памяти В. Пашуто. М. 1997.

Брюсова 1968 — Брюсова В. Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // ВВ. XXVI. 1968.

Булгакова 2000 — Булгакова В. Софийский корпус печатей: древнерусские и византийские находки на территории Софийского собора в Киеве // Восточноевропейский археологический журнал. № 5(6). 2000 ([http:// archaeology.kiev.ua/journal/050900/bulgakova.htm](http://archaeology.kiev.ua/journal/050900/bulgakova.htm)).

Каждан 1960 — Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М. 1960.

Каждан 2002 — Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. СПб. 2002.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. 1986.

Кирпичников 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1 // САИ. Вып. Е1–36. М; Л. 1966.

Литаврин 1999 — Литаврин Г. Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. М. 1999.

Назаренко 2001 — Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М. 2001.

Янин, Литаврин 1962 — Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М. 1962.

Albøge 1974 — Albøge G. Til Vederloven Festschrift til Kristian Hald. Copenhagen. 1974

Arendt 1935 — Arendt W. Türkische Sabel aus dem VIII–IX Jh. // Archaeologia Hungarica. T. XVI. 1935.

Benedikz 1969 — Benedikz B. S. The evolution of the Varangian regiment in the Byzantine army // Byzantinische Zeitschrift T. 40. 1969.

Bibicou 1958 — Bibicou H. Problèmes de la marine byzantine // Annales. N 2. 1958

Blöndal, Benedikz 1978 — Blöndal S., Benedikz B. The Varangians of Byzantium. Cambridge. 1978.

Bréhier 1949 — Bréhier L. Le Monde Byzantin. Les Institutions de l'empire byzantin. Paris. 1949. (Repr. 1970).

Bury 1911 — Bury I. B. The imperial administrative system in the ninth century, with a revised text of the Kletorologion of Philotheos. London. 1911.

Christiansen 1966 — Christiansen T. E. Isti tres fratres // Middelalderstudier. Tilegnede Aksel. E. Christensen. Copenhagen. 1966.

Cleasby, Vigfusson 1957 — Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Oxford. 1957.

Dawkins 1947 — Dawkins R. M. The Later History of the Varangian Guard: Some Notes // The Journal of Roman Studies. T. XXXVII. 1947.

Dölger 1976 — Dölger F. Die Familie der Könige im Mittelalter // Historisches Jahrbuch. T. 60 Darmstadt. 1940 (repr.1976).

Ganshof 1961 — Ganshof F.-L. Recherche sur le lien juridique qui unissait les chefs de la première croisade à l'empereur byzantin // Melanges P.E. Martin. Geneva. 1961.

Geijer 1935 — Geijer A. Sidenvavnadema i Helige Knuts helgonskrin // Aabøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. 1935.

Grabar 1958 — Grabar A. La peinture romane du onzième au treizième siècle. Geneva. 1958.

Hampel 1905 — Hampel J. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. I. Braunschweig. 1905.

Holtzmann 1928 — Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios und Papst Urban II im Jahre 1089 // Byzantinische Zeitschrift. T.28. 1928.

Jorgensen 1946 — Jorgensen P.J. Dansk Rethistorie. Copenhagen. 1946.

Kirpicnikov 1970 — Kirpicnikov A. N. Connections between Russia and Scandinavia in the 9th and 10th centuries, as illustrated by weapon finds // Scando-slavica. Supplementum I. Copenhagen. 1970.

Kolias 1988 — Kolias T. Byzantinische Waffen // Byzantina vindobonensia. Bd. XVII. Wien. 1988.

Krumbacher 1897 — Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München. 1897.

Lind 1990 — Lind J. H. The Martyria of Odense and a Twelfth Century Russian Prayer. To the Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // Slavonic and East European Review. 68. 1990.

Musset 1951 — Musset L. Les peuples scandinaves au Moyen Age. Paris. 1951.

Neumann 1898 — Neumann C. Die byzantinische Marine // Historische Zeitschrift. 81. 1898.

Oakeshott 1960 — Oakeshott E. The Archaeology of Weapons. London. 1960.

Obolensky 1974 — Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. London. 1974

Ostergard 1980 — Ostergard E. 1980. Nogle monstrede silketojer fra danske relikviagemme // Hikuin. T. 6. 1980.

Riant 1865 — Riant P. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte. Paris. 1865.

Riis 1975 — Riis Th. Hirdlovgivning hos Saxo og Sven Aggesen // Saxostudier. Ed. I. Boserup. Copenhagen. 1975.

Riis 1977 — Riis Th. Les Institutions politiques centrales du Danemark. 1100–1322. Odense. 1977.

Runciman 1971 — Runciman S. A History of the Crusades. T. 1–3. Harmondsworth. 1971.

Schlumberger 1884 — Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris. 1884.

Skovgaard-Petersen 1966 — Skovgaard-Petersen I. Sven Tveskæg i den ældste danske historiografi // Middelalder studier tilegnede Aksel E. Christiansen. København. 1966.

Turville-Petre 1953 — Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. Oxford. 1953.

Wall 1986 — Wall J. The Conyers Falchion. Durham // Archaeological Journal. 2. Durham. 1986.

Zacos, Veglery 1972 — Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. I. Basel. 1972.

ABOUT SCANDINAVIAN AND RUSSIAN MERCENARIES AMONG THE BYZANTINE GUARDS IN THE LATE 11th AND EARLY 12th CENTURY

T. V. Nikolayeva

The subject of this article is the service of Scandinavian and Russian mercenaries in the Byzantine Guards in the early 12th century according to Icelandic and Danish mediaeval narrative tradition. The latter includes Markús Skeggjason's *Eiríksdrapa*, *Knýtlinga saga* and Saxo Grammaticus' *Gesta Danorum*. Special attention is paid to the weaponry of Scandinavian and Russian mercenaries, in particular their use of sabres, and the purpose of the agreement between Danish king Erik Eyegod and Alexis I.

Сокращения:

BZ	Byzantinische Zeitschrift
DD	Diplomatarium Danicarum. Kbh., 1938. T. I.
GD	Saxo Grammaticus Gesta Danorum
LC	Sveno Aggonis filii Lex castrensis sive curie
MGH SS	Monumenta Germaniae Historica. / Ed. M. G. Pertz: Scriptorum 32 cc. Hannover, 1826–1926
SM	Scriptores Minores Historiae Danicae Medii Aevi. / Ed M. Cl. Gertz. Cph., 1917–1920. T. I–II.
SRD	Scriptores Rerum Danicarum medii aevi. /Ed. J. Langebek, P. F. Suhm. Haunia, 1772–1878. T. I–IX

ВООРУЖЕНИЕ ГОТОВ ПО ДАННЫМ ГРЕЧЕСКИХ И ЛАТИНСКИХ ИСТОЧНИКОВ III–VII вв.¹

Для меня большая честь быть одним из авторов сборника статей в честь юбилея Анатолия Николаевича Кирпичникова — выдающегося российского археолога и исследователя древнерусских военных древностей. Благодаря нашим неоднократным совместным поездкам на оружиеведческие конференции в Польшу я имел возможность убедиться не только в его высочайшем авторитете среди зарубежных историков средневекового военного дела, но и в его прекрасных человеческих качествах, проявляющихся во внимательном и доброжелательном отношении к коллегам «по оружию», в том числе и к более младшим по возрасту, а также в личной скромности и бытовой неприязнательности.

Следующую ниже статью я рассматриваю как свой скромный вклад в celebration юбилея, к которому отношусь с самым искренним и глубоким уважением. Она относится к военной тематике, которой Анатолий Николаевич посвятил основную часть своего научного творчества, а объектом ее изучения являются данные греко-латинских письменных источников о наступательном и защитном снаряжении восточно-германского народа готов, сыгравшего очень значительную роль в истории

Восточной и Западной Европы в эпоху Великого переселения народов². Эти свидетельства охватывают период начиная с середины III в. н. э. и заканчивая 680-ми гг. Важность обращения к данной теме в рамках разработки проблемы военного дела готов³ подчеркивается тем обстоятельством, что ни археологические⁴, ни тем более изобразитель-

¹ Хочу выразить благодарность своим коллегам Т. В. Антонову, А. К. Нефёдкину, О. В. Шарову и П. В. Шувалову за их консультативную помощь в процессе написания статьи, представляющей собой переработанный и расширенный вариант части одного из разделов коллективного исследовательского проекта «Военное дело варварских народов Юго-Восточной Европы во II–VI вв. н. э. (по данным позднеклассических авторов)», поддержанного в 1998–2000 гг. фондом «Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation» (RSS, грант № 1721/841/1998).

² Об истории готов, создавших свои государства в Юго-Восточной Европе, Италии, Галлии и Испании, см.: Вольфрам 2003; Щукин 2005; Kazanski 1991; Burns 1984; Корсунский 1969; Thompson 1969.

³ Об особенностях военной организации и военного искусства готов см.: Вольфрам 2003: 145–150, 238–240, 310–313, 413–440; Thompson 1965: 111–149; Thompson 1969: 145–147, 262–267; Burns 1984: 184–201; Boss 1993: 30–31, 33–35; MacDowall 2001: 29–33; Nefedkin 2006.

⁴ О предметах боевого снаряжения, найденных на памятниках вельбаркской и черняховской культур (II–IV вв. н. э.) в Восточной Европе, которые связываются исследователями с готским этносом, см.: Kokowski 1993; Šćukin 1993; Kazanski 1994; Магомедов, Левада 1996; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006: 117–123. Обычно среди этих находок,

ные⁵ материалы не дают полного представления о готском вооружении.

Наш основной источник по военному делу готов в III в., афинянин Дексипп, современник описываемых им событий (Millar 1969), оставил достаточно подробные рассказы об осаде «скифами» (готами) городов Маркианополя в Нижней Мезии (249 г.) и Филипполя на границе Фракии и Македонии (250 г.). В первом случае для того, чтобы отогнать защитников от стен, осаждавшие бросали в них руками обычные камни (λίθοις ἤκροβολίζοντο... ἐκ χειρός) и пускали стрелы из луков (ἀπὸ τόξου ἀκόντια) (Dexipp. Fr. 17^b), во втором (Dexipp. Fr. 19) мы слышим уже о готских щитах (ἀσπίδες), которые, судя по их греческому обозначению, были небольшими по размеру.

являющих собой далеко не самую многочисленную категорию артефактов культуры готов, наступательное оружие представлено мечами, кинжалами, топорами, наконечниками копий, дротов и стрел; защитное — металлическими деталями щитов (умбонами, рукоятями, оковками краев); всадническое и конское снаряжение — шпорами и удилами. Еще меньше с археологической точки зрения известно о вооружении тех готов, которые в последней четверти IV в. переселились на Балканы и в Среднее Подунавье, а в V–VI вв. создали свои королевства в Италии, Галлии и Испании (Шукин 2005: 389–419).

⁵ Достоверных изображений готских воинов немного. Они определенно показаны на рельефах триумфальной колонны восточноримского императора Аркадия, воздвигнутой в начале V в. в Константинополе в честь подавления мятежа готского военачальника Гайны в 400 г. Этот монумент просуществовал до начала XVIII в., когда был почти полностью снесен по причине аварийного состояния. Тем не менее изображения самой колонны и ее скульптурного декора сохранились на рисунках, выполненных неизвестным странствующим европейским художником в XVI в. и находящихся ныне в одной из библиотек Кембриджского университета, а также в Национальной библиотеке в Париже. На прорисовках рельефов готские пехотинцы вооружены копьями и большими овальными щитами (Liebeschuetz 1990: 273–278, pl. 1–7). Следует иметь в виду, что трофейное оружие, изображенное на

Более поздний автор Иордан (VI в.) сообщает, что в сражении при Абритте в 251 г. сын римского императора Деция был пронзен готской стрелой (*sagitta*: Iord. *Get.* 103). Некоторые сведения также содержатся в биографии императора Клавдия II Готского (268–270), приписываемой Требеллию Поллиону, в сборнике под названием «*Scriptores Historiae Augustae*» (или «*Historia Augusta*»). Правда, этот литературный памятник, составленный, вероятнее всего, не ранее V в. (Kolb 1987; Birley 1988: 68), имеет «дурную» репутацию скорее пародии, чем действительно исторического произведения (Syme 1968; 1971), однако его повествование тем не менее зачастую построено на реальных документах (другое дело, как они были интерпретированы авторами биографий).

базе колонны Аркадия (Nicolle 1999: 16–17) явно в соответствии с эллинистическо-римской традицией помпезного (и не всегда реалистичного в деталях) оформления больших триумфальных памятников, за редким исключением (овальные щиты) не имеет никакого отношения к собственно готскому комплексу вооружения. Кроме монумента Аркадия, кажется вполне допустимым видеть готов в изображениях императорских гвардейцев-телохранителей, оснащенных копьями и большими округлыми щитами и отличающихся от римлян своей характерной причешкой из очень длинных волос, на некоторых памятниках римско-византийского искусства IV и VI вв., таких, как серебряная чаша из Керчи с изображением триумфа Констанция II (Засецкая 1995: рис. 1; Шукин 2005: рис. 85), обелиск Феодосия I в Константинополе (Coulston 2002: Fig. I-7; MacDowall 2001: 84; Williams, Friell 1998: Pl. 2), серебряный миссорий Феодосия I (Williams, Friell 1998: Pl. 1; Nicolle 1992: 20; 1999: 15) и мозаика из Равенны с изображением императора Юстиниана и его свиты (Шукин 2005: Вклейка 11; Nicolle 1992: 22). Впрочем, даже если эти персонажи и готы, то их незамысловатый набор оружия (копье и щит) и легкие нарядные одеяния (они не облачены ни в шлемы, ни в панцири), как и ношение ими массивных нашейных украшений-гривн, свидетельствуют в пользу не боевого, а скорее парадного характера их экипировки, соответствующей церемониальному этикету позднеримского императорского двора.

Так вот, из письма Клавдия Юнию Брокху о своей победе над готами в 269 г. (SHA. *Claud.* 8, 5) следует, что те были вооружены щитами (*scuta*), мечами (*spatae*) и недлинными копьями (*lan- ceolae*). Обращает на себя внимание тот факт, что перед нами явно не простое перечисление предметов варварского боевого снаряжения в угоду риторике, а терминологически более или менее выверенное их упоминание. Дело в том, что в этой же биографии (SHA. *Claud.* 7, 5) речь идет и о собственно римском оружии в общепринятых для него терминах — щитах (*scuta*), мече (*spathae*) и пилумах (*pila*), и если первые два предмета совпадают по обозначению с готскими, то последний является характерным именно для римского наступательного вооружения, отличным от *lanseola*.

Для IV в. основной объем интересующей нас информации содержится в историческом труде Аммиана Марцелина, знаменитого писателя и опытного воина, хорошо знавшего, в том числе и в качестве очевидца, многие из описанных им событий. В сообщениях о военных столкновениях готов с римлянами во второй половине 370-х гг. он называет среди оружия первых дротики (*verruta*) и «другие похожие (метательные снаряды)» (*simila alia*), подразумеваемая под последними, очевидно, *iacula* и *tela*, также им упоминаемые; копья (*hastae*); внушительные по своим габаритам колья с заостренным обожженным концом (*ingentes clavae ambustae*)⁶, которые метались в неприятеля; кинжалы (*micrones*); мечи (*gladii*); стрелы (*sagittae*) с древками, снабженными железными наконечниками (*harundines armatae ferro*); секиры (*securae*), кото-

рые в ответ на удары мечей римских солдат пробивали их шлемы и панцири⁷; небольшие щиты (*parmae*) (Amm. Marc. XXXI, 5, 9; 7, 12–14; 13, 1–3; 12; ср. 15, 11). Этот же автор при описании сражения при Салиции упоминает о больших щитах (*scuta*), плотно сдвинутых в форме чехахи (*scuta in testudinum formam coagmentata*), но, судя по тому, что он тут же называет готов «постоянно подвижными и быстрыми» (*per-arabiles semper et celeres*: Amm. Marc. XXXI, 7, 12), закрытый щитами тесный строй был, по всей видимости, римским.

Павел Орозий, рассказывая в своей «Истории против язычников» (написанной в 416 или 417 г.) о битве при Адрианополе (378 г.), обращает внимание на тучи готских стрел (*nubes sagittarum*), а также их мечи (*gladii*) и длинные копья (*conti*) (Oros. VII, 33, 14; 15). Важно отметить, что готы охотно использовали по прямому назначению трофейное римское оружие (Amm. Marc. XXXI, 5, 9; 15, 11; Oros. VII, 34, 5; Paul. *HR* XI, 15; Land. *Sag.* XII, 188).

Видимо, к концу IV в. под влиянием гуннов готы начали более активно использовать луки. Помимо уже перечисленных выше свидетельств, на это также указывает и Клавдиан, придворный западноримский поэт рубежа IV и V вв., по мнению которого стреляющие из лука «геты» (т. е., конечно же, готы) не менее опасны, чем, например,

⁶ По-видимому, это были не палицы, а именно заостренные толстые колья, острия которых обрабатывались огнем с целью придания им большей твердости. Оружие этого вида было типичным для древних германцев (Thompson 1965: 111–112).

⁷ Amm. Marc. XXXI, 13, 3: *nostris (sc. Romani)... receptis gladiis obtruncabant et mutuis securium ictibus galeae perfringebantur atque loricae.*

сармат, сражающийся пикой (*Non arcu repulere Getae, non Sarmata conto: Claud. XXI, 111*)⁸. Но особенно показательна в этом отношении сентенция военного теоретика Вегеция⁹, что в боях с готами римские воины, отказавшиеся в правление императора Грациана (375–383) от использования слишком тяжелых, по их мнению, панцирей и шлемов, по этой причине часто погибали от множества вражеских стрелков (*Veget. ERM I, 20*)¹⁰. Правда, эти сведения не находят поддержки в археологических материалах с памятников вельбаркской и черняховской культур, где обнаружено относительно небольшое количество наконечников стрел, а костяные накладки на лук и вовсе крайне редки (Магомедов, Левада 1996: 309–310; Kokowski 1993: 337). Впрочем, здесь мы в очередной раз имеем дело с вполне обычным несовпадением данных письменных источников и археологических свидетельств, одной из причин которого могли бы быть неизвестные нам особенности погребального обряда — в данном конкретном случае готов, которые, возможно, дорожили луками сложносоставной конструкции и стрелами с железными наконечниками и потому крайне редко клали их в могилу умершего воина (или другой вариант возможного объяснения, например: готы не считали это оружие достойным такого применения). Как бы там ни было, не стоит ни преуменьшать, ни преувеличивать роль лука в воинском снаряжении как готов, так и других германских народов эпохи Великого переселения народов: он занимал в их боевой практике вполне определенное, причем не такое уж и незначительное, место (Halsall 2003: 166), однако в

среде раннесредневекового западноевропейского воинства стрельба из лука считалась в социальном смысле более низким воинским занятием, чем бой на мечах и копьях. Не случайно готские всадники никогда не выступают в дошедших до нас источниках в качестве лучников — таковыми являлись только пехотинцы (см. ниже), которые по своему происхождению были выходцами из низов готского общества, тогда как кавалеристы принадлежали к его верхам¹¹. Такое отношение к луку сохранялось в Западной Европе на протяжении всего Средневековья, в отличие от регионов Ближнего и Среднего Востока, где стрельба из лука издревле пользовалась почетом, в том числе и среди местных воинских элит.

К свидетельствам, имеющим отношение к IV в., с некоторыми оговорками можно добавить рассказ крупнейшего греческого историка VI в. Прокопия Кесарийского о конфликте между жившими в Приазовье готами-

⁸ Иордан говорит об особой страсти гетов (по его мысли, готов) натягивать тетиву на лук (*argum intendere nervis: Iord. Get. 43*); но при этом он ссылается на свидетельство поэта Лукана (*Lucan. VIII, 221*), жившего в I в. н.э., который, разумеется, имел в виду фракийцев-гетов, но никак не германцев-готов.

⁹ Вегеций написал свой трактат по военному делу где-то между 383 и 455 г. (обзор мнений см.: Никоноров 2002: 242, примеч. 21), скорее всего, в правление западноримского императора Валентиниана III, т.е. между 425 и 455 г.

¹⁰ *Sic detectis pectoribus et capitibus congressi contra Gothos milites nostri multitudine sagittariorum saepe deleti sunt.*

¹¹ Примечательно, что Сидоний Аполлинарий (около 430–489) прямо указывает, что везеготский (западнотетский) правитель Теодерих II (453–466) — большой любитель стрельбы из лука — никогда не носил его с собой, считая это унижением королевского достоинства, и потому брал это оружие в руки на охоте или в дороге только перед самым выстрелом по цели (*Sidon. Ep. I, 2, 5*).

тетракситами, с одной стороны, и пришлыми гуннами-утигурами, с другой, в ходе которого первые защищались от наступающих на них врагов своими щитами (φραξάεινοι ταῖς ἀσπίσιν: Proc. *Bell.* VIII, 5, 19). Дата этого противостояния остается неясной: одни исследователи относят его ко времени после смерти царя гуннов Руги в 434 г. (Шукин 2005: 451–457), другие — после битвы при Недо в 454 г. (Kazanski 1991: 124). Впрочем, вполне возможно, что в рассматриваемом экскурсе Прокопия, в целом довольно запутанном (Proc. *Bell.* VIII, 5), нашли отражение отголоски событий, которые произошли еще в период первоначального гуннского вторжения в Северное Причерноморье в 370-е гг.

В последней четверти IV в. в тактике готов значительную роль начинает играть конница, которая, несомненно, оказала очень серьезное воздействие на исход некоторых сражений с ее участием, прежде всего, при Адрианополе (Amm. Marc. XXXI, 8, 10; 12, 12; 17; Oros. VII, 33, 14). Считается, что уже в IV в. она имела металлические доспехи (Darkó 2002: 142; Вольфрам 2003: 131, 239), однако определенных свидетельств на этот счет нет¹². Очевидно, собственно германский компонент в кавалерии готских военачальников Алафея и Сафрака в битве при Адрианополе был явно невелик — только какое-то число всадников из знати, основную же массу в ней составляли, скорее всего, аланы и гунны (Burns 1984. P. 189)¹³. В любом случае все же не стоит переоценивать значение конницы в военной практике готов до VI в. (Thompson 1965: 116–118)¹⁴.

Теперь перейдем к письменным данным, освещающим готское вооружение в V — начале VI в. В «Хронографии»

Иоанна Малалы (VI в.) приводится интересный эпизод из сражения римско-персидской войны 421–422 гг., в котором воевавший в рядах восточноримской армии гот Ареобинд встретился в поединке с персидским витязем Ардазаном¹⁵. Ареобинд «имел при себе лассо по готскому обычаю» (ἐβάσταξε καὶ σωκάρην κατὰ τὸ Γοτθικὸν ἔθος), и когда перс атаковал его с пикой наперевес, то, увернувшись вправо, он набросил на того аркан (ἐσώκκευσεν αὐτόν), стащил с коня и заколол (Malal. P. 364, 14–17 D=XIV, 23 Th). В этой истории остается непонятным выражение «по готскому обычаю», поскольку сами готы в лучшем случае могли только позаимствовать лассо — это типичное оружие номадов (Sinor 1981: 141–142; Lebedynsky 2001: 202) — у гуннов, которые им

¹² Вегеций отмечает вклад готов, наряду с аланами и гуннами, в улучшение оснащения римской конницы (Veget. *ERM* I, 20: nam licet exemplo Gothorum et Alanorum Hunnorumque equitum arma profecerint), однако то, что же он конкретно имел в виду, на нынешнем уровне наших знаний о готском военном деле остается загадкой. Скорее всего, здесь мы имеем дело с простым смешением этих трех народов, иногда выступавших против римлян сообща, в единое боевое целое, без указания на характерные особенности вооружения и военного искусства каждого из них.

¹³ Хотя в сражении у Адрианополя в составе конницы Алафея и Сафрака, атака которой склонила чашу весов в пользу готов, из иноплемеников упоминаются только аланы (Amm. Marc. XXXI, 12, 17), участие гуннских всадников в этом сражении представляется весьма вероятным (Thompson 1999: 29–30; MacDowall 2001: 32–33; Barbero 2007: 108).

¹⁴ В этой связи трудно согласиться с мнением Х. Вольфрама о том, что воины обеих ветвей готского народа — западной и восточной (везеготской и остроготской) — были в первую очередь кавалеристами (Вольфрам 2003: 238–240, 433–438). Имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о численном преобладании пехоты в составе готских войск (Elton 1997. P. 59; Никоноров, Худяков 2004: 243–244).

¹⁵ Историко-хронологический контекст этого поединка см.: Greatrex 1993: 2, 9.

прекрасно владели (Никоноров 2002: 287–289; Никоноров, Худяков 2004: 209–211). В этой связи заслуживает внимания один из сохранившихся пассажей из исторического труда Олимпиодора Фиванского (*Olymp. Fr.* 17 D = 18 B), в котором сообщается, что известный готский военачальник и авантюрист Сар в 411 или 412 г. был взят в плен воинами вождя везеготов Атаульфа при помощи лассо (σόκκοις)¹⁶. Учитывая же то обстоятельство, что в армии Атаульфа находились гунны (*Zosim.* V, 37, 1), можно предположить, что Сара захватили скорее они, нежели готы (*Baldwin* 1980: 226). Впрочем, пример Ареобинда, умело обращавшегося с лассо, все же не позволяет безоговорочно исключить его соплеменников, служивших в войске Атаульфа, из числа поимщиков Сара.

Латинские авторы V в. оставили нам некоторые сведения о вооружении западных готов, осевших в Галлии. Так, Флавий Меробавд в своем «Панегирике» в честь Аэция при описании осады римлянами оплота везеготов около 440 г.¹⁷ называет в числе боевого оснащения последних щиты (*clipei*), копья (*hastilia*), меч (*ensis*) и стрелу (*sagitta*), см.: (*Merob. Paneg.* II, 158–159). По свидетельству Сидония, король Теодерих II любил стрелять из лука по животным во время охоты и своих путешествий (*Sidon. Ep.* I, 2, 5), а Сальвиан упоминает везеготский кинжал (*misro*), правда, в риторическом контексте (*Salv. GD* V, 57)¹⁸.

Больше известно об оружии восточных готов (остроготов). В своем рассказе о битве на Каталаунских полях (451 г.) Иордан упоминает дротик (*telum*) в руках острогота Андагиса (*Iord. Get.* 209), а в сражении при Недао (454 г.) он, перечисляя наиболее харак-

терное оружие для каждого из участвовавших в ней народов, в качестве такового у готов называет *contus* — пику (*contis pugnans Gothus: Iord. Get.* 261). Копье (δόρυ) фигурирует в сообщении о случайной (?) гибели в 481 г. остроготовского вождя Теодериха Страбона, которого сбросил его же конь «на копье, вертикально стоящее у стенки шатра» (*Joan. Ant. Fr.* 211, 5)¹⁹. Нетрудно рассчитать, что это древковое оружие не могло быть длинным, что также подтверждается сообщением об этом же инциденте в латинской традиции VI в.: Теодерих был проткнут наконечником дрота, торчавшего над повозкой, на который его во время движения сбросил испуганный конь (*iacentis super carpentum teli acumine et pavescentis equi sui impulsione fixus transverberatusque interiit: Marcell. s. a.* 481,1 = *Iord. Rom.* 346).

Упоминаются в источниках и готские мечи, в частности ξίφος, которым Теодерих Амал в 493 г. убил Одоакра, разрубив его при этом от ключицы до поясницы (*Joan. Ant. Fr.* 214a): очевид-

¹⁶ Правда, в некоторых рукописях на этом месте стоит слово σάκκοις («мешками»), что придает все- этому эпизоду довольно странный контекст: получается, что Сар был пойман при помощи мешков (?). Другой предложенный вариант — «зажав между щитами» (*Скржинская* 1999: 70) — не подходит уже хотя бы потому, что в тексте в этом случае должно было бы стоять σάκεσι(ν). Поэтомo вариант с σόκκοις выглядит явно предпочтительнее (*Gordon* 1961: 39, 198, н. 9; *Baldwin* 1980: 226; *Blockley* 1983: 183, 216, п. 48).

¹⁷ По поводу исторического контекста этого события см.: *Clover* 1971: 58–59.

¹⁸ *Quid ergo simile apud barbaros Gothos? ...quis cari sui mucrone iugulatur?*

¹⁹ ἀναίρεται... ἀναβάς τὸν ἵππον, καὶ καταβληθεὶς ὑπ' αὐτοῦ ἐπὶ δόρατος ὄρθου παρὰ τὸν τῆς σκηνῆς τοῖχον ἰσταμένον. Ср.: *Theoph. A. M.* 5970: τελευτᾷ δὲ αὐτὸς (Θεοδέρηχος Στραβός) δόρατι περιπεσὼν πρὸ τῆς αὐτοῦ σκηνῆς ἐστῶτι αἰφνιδίως ἐν τῷ περιβαίνειν τὸν ἵππον.

но, что такой страшный удар можно было нанести только спатой — длинным с широким клинком всадническим мечом, получившим широкое распространение у германских племен в эпоху Великого переселения народов (Магомедов, Левада 1996: 305; Lebedynsky 2001: 123–134; Halsall 2003: 164). В одном из фрагментов утраченного исторического труда Малха Филадельфийца рассказывается, как в 475 г. два гота учинили жестокую расправу над Ираклием, полководцем византийского императора Зенона: выхватив мечи-спаты, они отрубили ему голову и руки²⁰.

Епископ Павии Эннодий в своем «Панегирике» в честь Теодериха Амала, написанном в 507 г. (Ennod. *Paneg.* 31; 33; 42; 43; 46; 65; 66), неоднократно упоминает различные предметы наступательного вооружения — короткое копьё (lancea), дротик (telum), меч (gladius, ensis), а также нагрудные доспехи из стали²¹ и поножи (oscreae: Ennod. *Paneg.* 42). В сочинениях Кассиодора и Марцеллина Комита — современников Эннодия и Теодериха — фигурируют мечи (enses) и щиты (clipei) готов (Cassiod. *Var.* IV, 2, 2)²², а также «гетский (т. е. готский) нож» (culter Geticus: Marcell. s. a. 514, 3).

²⁰ καὶ ἄμα σπαράττεινοι ὁ μὲν τις τὴν κεφαλὴν τοῦ Ἰρακλείου, ὁ δὲ τὰς χεῖρας ἀπέτεμε (Malch. *Fr.* 4 D = 6, 2 B). Как видно из этого отрывка, сами мечи в тексте лишь подразумеваются в виде аористного причастия среднего залога в 3-м л. мн. ч. σπαράττεινοι (букв. «ударив мечами-спатами»).

²¹ Панцири подразумеваются в следующих отрывках из принадлежащих перу Эннодия предложений: «munimentis chalybis pectus includeres» (Ennod. *Paneg.* 42) и «ferro pectora inmergite» (Ennod. *Paneg.* 65).

²² Кассиодор также упоминает остrogотских стрелков из лука (sagittarii: Cassiod. *Var.* V, 23).

²³ У Прокопия, например, слова ἀκόντιον и δόρατιον иногда употребляются как синонимы (Proc. *Bell.* VI, 2, 14; 30). В одном месте он даже уравнивает термины δόρατιον (дротик) и δόρυ (копье)

Для периода 535–554 гг., благодаря сохранившимся историям войн эпохи византийского императора Юстиниана, написанным Прокопием Кесарийским и Агафием Миринейским, в нашем распоряжении имеется весьма значительный корпус данных о военном деле италийских остроготов, в том числе и о вооружении. Из их наступательного оружия упоминаются луки (τόξα) и стрелы (βέλη, τοξεύματα), дротики (ἀκόντια δοράτια)²³, копья (δόρατα)²⁴, пики (δόρατα μακρά)²⁵, мечи (ξίφη), секиры (πελέκεις)²⁶ и даже камни, бревна и вообще все, что попадалось под руки, чтобы бросать их в неприятеля при обороне укреплений²⁷. Агафий особо отмечает, что Алигерн, брат правителя остроготов Тейи, пустил стрелы (τοξεύματα) с такой силой, что пробивал с одного выстрела железный панцирь и щит вражеского воина (Agath. I, 9, 3–4). Прокопий приводит достаточно детальные описания готских стрел. В одном случае он говорит о стреле, наконечник которой был снабжен тремя шипами (τοξεύμα = βέλος; τὴν ἀκίδα... τρισὶ τε προῦχουσαν ὠπίσω ὠξείας), и поэтому ее извлечение из лица римского солдата потребовало очень серьезной хирургической операции

нивает термины δόρατιον (дротик) и δόρυ (копье) (Proc. *Bell.* VII, 11, 24; 25)

²⁴ В частности, упоминается железный наконечник кавалерийского копья, способный пробить панцирь (τοῦ δόρατος ἄκρον σιδήριον: Proc. *Bell.* VII, 4, 26).

²⁵ Отмечены у готской конницы, сражавшейся с персами на стороне византийцев (Proc. *Bell.* II, 18, 24).

²⁶ Proc. *Bell.* VII, 20, 15; ср. II, 21, 7. См. также: Agath. I, 9, 2, где готы бросали (!) топоры (πελέκεις) на головы осаждавших их крепость византийцев.

²⁷ Proc. *Bell.* VI, 27, 6: λίθοι; Agath. I, 9, 2: λίθους τε ἐκ χειρῶν μεγάλους ἐπαφιέντες καὶ φηρούς... καὶ ὡπερ ἄν οὐ πόρρω τῆς χρείας ἐδόκει.

(Proc. Bell. VI, 2, 17; 25; 28; ср.: Cels. Med. VII, 5, 1–2), см. также: Coulston 1985: 269. В другом сообщении фигурирует стрела с большим и длинным наконечником (σίδηρος... μεγάλην τε τὴν ἀκίδα ἔχων καὶ μακρὰν κομίδῃ), который был слабо закреплен (очевидно, намеренно) на древке и отделился от него сразу же после попадания в цель, что затрудняло его извлечение: в данном конкретном случае наконечник, по утверждению Прокопия, сам постепенно выходил из лица раненого бойца в течение нескольких лет (Proc. Bell. VI, 5, 25).

В состав защитного снаряжения италийских остроготов входили большие щиты (θύρα), не меньшие по размерам, чем современные им персидские²⁸, специально предназначенные для защиты от вражеских метательных снарядов во время осадных операций (Proc. Bell. V, 22, 20; 21), а также щиты поменьше (ἀσπίδες) для индивидуальной защиты воинов. Последние были достаточно надежны, если судить по эпизоду, в котором король готов Тея в течение длительного времени доблестно сражался

с наседавшими на него византийцами, меняя щиты по мере того, как они утяжелялись от вонзившихся в них дротов, и только в момент такой замены враги смогли смертельно поразить его в незащищенную грудь (Proc. Bell. V, 29, 35; VIII, 35, 23–28). В составе войска остроготов были воины, сражавшиеся в конном и пешем строю облаченными в панцири (τεθωρακισμένοι: Proc. Bell. V, 16, 11; 22, 4; VI, 5, 14; VII, 4, 21; θώραξ: Proc. Bell. V, 23, 9) и шлемы (κράνος: Proc. Bell. V, 23, 9; VII, 4, 21; πῖλος: Proc. Bell. VIII, 31, 18), но такие дорогостоящие доспехи были доступны далеко не всем готам, а в первую очередь представителям знати²⁹.

Воины восточных готов с Юстинианом показали, что они серьезно отставали от византийцев в защитном снаряжении. Кроме того, сила византийской армии была в конных лучниках, тогда как остроготские стрелки из лука шли в бой пешими, а их конница сражалась только копьями и мечами — другими словами, и здесь преимущество было на стороне их противников³⁰ (Thompson 1965: 121–125; Bivar 1972: 286).

²⁸ Proc. Bell. V, 22, 20: οὐδὲν ἐλασσομένης τῶν ἐν Πέρσαις θυρεῶν. О высоких персидских щитах (θυρεοί) Прокопий говорит в других местах своего труда (Proc. Bell. I, 14, 26; 52; см. также: Amm. Marc. XIX, 7, 4; XXIV, 6, 8: scuta).

²⁹ В данной связи интригующе выглядят сообщения Прокопия о том, что в армии готского короля Витигиса, которая зимой 536/537 г. выступила против византийского полководца Велизария, насчитывалось не менее 150 000 конных и пеших воинов, в большинстве своем облаченных в панцири, включая боевых коней (...καὶ αὐτῶν τεθωρακισμένοι ξὺν τοῖς ἵπποις οἱ πλείστοι σαν: Proc. Bell. V, 16, 11). Однако, по всей видимости, прав Э. А. Томпсон, посчитавший эти сведения фантастическими (Thompson 1965: 122, п. 1). Разумеется, какая-то часть остроготской кавалерии действительно сражалась в доспехах, которые имели как всадники, так и их кони, но вряд ли она была численно преобладающей. А. К. Нефёдкин пола-

гает, что броненосная конница появилась у готов под сарматским влиянием (Nefedkin 2006: 58). Впрочем, не меньше оснований видеть здесь воздействие позднеримской военной практики, тем более что нет никаких данных, подтверждающих наличие тяжеловооруженной кавалерии у готов до VI в.

³⁰ Proc. Bell. V, 27, 27: Ῥωμαῖοι μὲν σχεδὸν τι ἅπαντες καὶ οἱ ξυμμαχοῖ Οὐννοι ἵπποτοξοταί εἰσὶν ἀγαθοί, Γότθων δὲ τὸ ἔργον τοῦτο οὐδενὶ ἤσκηται, ἀλλ' οἱ μὲν ἱππεῖς αὐτοῖς μόνοις δορατῖοις τε καὶ ξίφεσιν εἰῶθαι χρῆσθαι, οἱ δὲ τοξοταί, πεζοὶ τε ὄντες καὶ πρὸς τῶν ὀπλιτῶν καλυπτόμενοι, ἐς μάχην καθίστανται. Более того, перед решающим сражением с византийскими войсками при Тагине в 552 г. остроготский король Тотила отдал своим воинам одновременно и странный, и загадочный приказ, запрещающий им использовать луки и любое другое оружие, кроме копий (Proc. Bell. VIII, 32, 6), что во многом способствовало поражению его армии.

Для следующего, VII в. все имеющиеся в нашем распоряжении письменные свидетельства относятся уже исключительно к военному делу Везеготского королевства в Испании. Знаменитый христианский писатель Исидор Севильский (около 560–636) в своей «Истории готов» высоко оценил как очевидец кавалерию западных готов, которая, по его словам, сражается не только копьями (*hastae*), но и дротиками (*jacula*); более того, указывает он, везеготы, имея и конницу, и пехоту, на полях сражений больше доверяют «стремительному бегу коней» (*Isid. HG 69*)³¹.

Другой испанский автор, Юлиан Толедский (642–690), оставил сочинение, повествующее о подавлении везеготским королем Вамбой в 672–673 гг. сепаратистского движения во главе с герцогом Павлом в Нарбоннской Галлии (*Jong 1999*). В частности, он упоминает те виды боевого снаряжения, которые использовались во время осады мятежных городов: разного рода метательные снаряды (*misilia: Iulian. HWR 13; multorum generum spicula: Iulian. HWR 13*), в том числе дротики (*tela: Iulian. HWR 12; spicula: Iulian. HWR 13*); стрелы (*sagittae: Iulian. HWR 12; 13*) и грады камней (*imbres lapidum: Iulian. HWR 12; 18; petrae:*

Iulian. HWR 12; 13)³²; из оружия ближнего боя Юлиан называет мечи (*gladii*), часто фигурирующие у него в предложениях риторического порядка (*Iulian. HWR 12; 18; 19; 21; 22; 27*), а также сверкающие на солнце щиты (*clipei: Iulian. HWR 23*)³³.

В 681 г. король Эрвиг издал закон (*LVis IX, 2, 9*; см. также: Дельбрюк 1994: 300, 304–305; Thompson 1965: 126; 1969: 265; Nefedkin 2006: 53–54), который объявлял всех везеготов и испано-римлян, как свободных, так и вольноотпущенников, независимо от их титулов и должностей, отправляясь в военный поход, вести с собой десятую часть своих рабов, вооружив их разными видами оружия: часть из них должна была иметь панцирные доспехи (*zabae vel loricae*)³⁴, большинство же — щиты (*scuta*), длинные обоюдоострые мечи (*spatae*) и короткие однолезвийные тесаки (*scramae*)³⁵, легкие копья (*lanseae*) и стрелы (*sagittae*), а некоторые также пращи (*fundarum instrumenta*, букв. «принадлежности пращей»). Эти рабы (*servi*), занимавшие самый низ социальной иерархии везеготского общества³⁶, вне всякого сомнения, могли служить в армии только в качестве пехотинцев или прислуги при обозе.

³¹ ...et non solum hastis, sed et jaculis equitando confligunt. Nec equestri tantum praelio, sed et pedestri incedunt. Verumtamen magis equitum praepeti cursu confidunt...

³² Надо полагать, что названные Юлианом каменные снаряды делились на две группы: 1) крупные (*petrae*), летевшие со свистом (*stridore*), ударами которых осаждавшие атаковали городские стены (*muros urbis petrarum ictibus petunt*), — они наверняка направлялись в цель при помощи специальных камнеметных машин; 2) более мелкие (*lapides*) — их бросали в неприятеля из пращи. Правда, наш автор ничего не говорит о каких-либо приспособлениях для метания камней, однако пра-

щи (*fundarum instrumenta*) фигурируют в одном из декретов «Везеготской правды» (*LVis IX, 2, 9*).

³³ Cumque sol refusisset in clipeis...

³⁴ Речь идет о двух видах панцирей. Лат. термин *zaba* (греч. ζάβα), возможно, обозначал кольчугу (*Bivar 1972: 288, 291*), тогда как второй (*logica*) — какой-то другой тип нательной защиты, вполне вероятно, являвшейся даже неметаллической (*Nefedkin 2006: 57*).

³⁵ Лат. *scrama* = франк. *Scramasax* — обозначение прямого палаша с однолезвийным клинком длиной 50–60 см (*Никоноров 2002: 286; Halsall 2003: 166*).

³⁶ О рабах в готской Испании см.: Корсунский 1969: 99–120.

Приведенные выше сведения о везеготском вооружении VII в., хотя далеко и не столь многочисленные по сравнению с информацией из трудов Прокопия и Агафия, все же позволяют предположить, что в этом компоненте, как и в тактике, испанские готы мало чем отличались от своих италийских соплеменников предыдущего столетия. Знать как у остроготов, так и у везеготов сражалась верхом, предпочитая действовать оружием ближнего боя, тогда как стрельба из луков считалась уделом пешеходных воинов-простолюдинов, да и то не всех. Такой способ ведения боевых действий был скорее эффективным (особенно в плане господствовавших в средневековой Западной Европе представлений о воинском этосе), чем эффективным, если на это посмотреть с точки зрения реалий военного дела, имевших место в эпоху раннего средневековья в Византии (см. выше) и Арабском халифате³⁷. Именно эти два могучих государства и сокрушили в итоге соответственно королевства остроготов в Италии (в VI в.) и везеготов в Испании (в VIII в.).

Тему боевого оснащения готов вполне уместно дополнить данными об их всадническом снаряжении и военном костюме. И если о первом в письменных источниках почти ничего не сообщается, за исключением одного пассажа у Прокопия, где фигурирует готская (?) конская плеть (τοῦ ἵπλου μάστιξ: Proc. Bell. II, 21, 7), то о последнем, игравшем у готов роль важного признака социального ранга (Burns 1984: 185), сведений значительно больше. Так, тот же Прокопий упоминает одного из знатных готских воинов, который носил украшенную золотом амуницию (χρυσοφοέρων: после его гибели в стычке с воинами

Велизария она привлекла внимание некоего мавританского наемника, попытавшегося утащить мертвое тело, чтобы затем его ограбить (Proc. Bell. VI, 23, 36–38)³⁸. Но особенно писатель из Кесарии выделяет парадное, богато отделанное золотом и пурпуром, боевое одеяние и оружие остроготского короля Тотилы, подобающее его высокому статусу³⁹. Агафий, в свою очередь, подчеркивает большую значимость внешних инсигний власти у готов (παράσημα τῆς Γοτθικῆς ἡγεμονίας), утрата которых в результате поражения от Византии привела к тому, что любой новый готский правитель должен был теперь носить одежду простого воина и не иметь никакого реального влияния (ἀμφιέννυσθαι μόνην ατρατιωτικὴν ἐφεστρίδα καὶ ἰδιωτεύειν τῷ σχήματι: Agath. I, 20, 10).

Сидоний в своем рассказе о везеготском короле Теодерихе II упоминает толпившееся у его трона «множество телохранителей в одеждах из звериных шкур» (pellitorum turba satellitum: Sidon. Ep. I, 2, 4)

³⁷ О военном деле раннего халифата см.: Kennedy 2001.

³⁸ Снимать доспехи с убитых врагов было обычным делом для мародеров из числа византийцев и их союзников (Proc. Bell. V, 23, 27: τὰ τῶν νεκρῶν σκυλεύματα; см. также: Proc. Bell. VII, 24, 26). В свою очередь, готы после захвата римских обозов забирали все имеющееся там вооружение (ὄπλα), см.: (Proc. Bell. VII, 11, 31).

³⁹ Proc. Bell. VIII, 31, 18: τὴν τε γὰρ τῶν ὤπλων σκευὴν катаκόρως τῷ χρυσῷ κατελημμένην ἡμίσχετο καὶ τῶν οἱ φαλάρων ὁ κόσμος ἐκ τε τοῦ πύλου καὶ τοῦ δόρατος ἀλουρῶς τε καὶ ἄλλως βασιλικὸς ἀπεκρέματο θαυμαστὸς ὡς. Правда, необходимо отметить, что непосредственно перед решающей битвой с византийцами Тотила сменил свой парадный наряд (τὴν τῶν ὤπλων σκευὴν μεταμφιασάμενος), очевидно, на более простой и пригодный для непосредственного участия в боевых действиях (Proc. Bell. VIII, 32, 2).

В «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия — важном памятнике ранневизантийской военной мысли, вобравшем в себя данные полемологического характера конца V — начала VII в.⁴⁰, — хотя и отсутствует какая-либо конкретная информация о собственно военном деле готов, однако содержится рекомендация, адресованная восточноримским пехотинцам, носить готские рубахи (ζωστάρια Γοτθικά: Mauric. XII, 8, 1, 1)⁴¹ и башмаки (ποδήματα Γοτθικά: Ibid. XII, 8, 1, 2). О последних сообщается, что они самым обыкновенным образом шились из кожи, снабжались широкими носками, а также подметками, которые следовало прибавлять к подошве несколькими маленькими гвоздиками с целью про-

дления срока ношения самих башмаков; застегивались они при помощи не более двух застёжек и были более практичными в использовании по сравнению с сапогами (κρητῖδια) и поножами (οκρίδια) — видами военной обуви, не столь удобными при ходьбе, да и вообще более тяжелыми для ног.

Таковы сведения позднеантичной и раннесредневековой письменной традиции о боевом снаряжении готов. В целом они не только дополняют список предметов вооружения, известных по находкам на памятниках материальной культуры, оставленных готами, но и проливают дополнительный свет на другие аспекты готского военного дела.

Источники

Agath. — Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / Rec. R. Keydell. Berolini, 1967.

Amm. Marc. — Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Vol. I–II. Leipzig, 1978.

Cassiod. Var. — Magni Aurelii Cassiodori Variarum libri XII / Cura et studio Å. J. Fridh // Magni Aurelii Cassiodori Senatoris Opera. Pars I. Turnholti, 1973 (Corpus Christianorum. Series Latina. XCVI). P. 1–499.

Cels. Med. — A. Cornelii Celsi Medecina / Ed. F. Ritter et H. Albers. Coloniae ad Rhenum, 1835.

Claud. — Claudii Claudiani Carmina / Rec. Th. Birt. Berolini, 1892 (Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. X).

⁴⁰ Об этом трактате подробно см.: Шувалов 2002а; 2002б; 2005.

⁴¹ Считается, что готский ζωστάριον представлял собой род верхней одежды с длинными (?) рукавами, предназначенной для ношения поверх нательного белья, «чтобы обеспечить удобное и нетравмирующее соприкосновение тела солдата с его военными доспехами» (Кучма 2004: 69, примеч. 2), и имевшей вид скорее рубахи (Шувалов 2002а: 439), чем плаща (Кучма 2004: 69, примеч. 2). В качестве его аналога в позднеримском боевом

снаряжении можно рассматривать упомянутый в анонимном латинском военном трактате второй половины IV в. thogasmachus — рубаху с короткими рукавами, которая изготавливалась из войлока и одевалась под панцирь для предохранения тела воина как от механических повреждений, так и от температурных колебаний (DRB XV; tab. IX). Наряду с готскими, в «Стратегиконе» упоминаются также ζωστάρια аварского типа, делавшиеся из льна или шерсти и использовавшиеся кавалеристами (Mauric. I, 2, 8).

- Dexip. *Fr.* — Dexippi Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Vol. I. Lipsiae, 1870. P. 165–200.
- DRB — Anonymi auctoris De rebus bellicis / Rec. R. I. Ireland. Leipzig, 1984.
- Ennod. *Paneg.* — Magni Felicis Ennodi Panegyricus dictus clementissimo regi Theoderico / Ed. F. Vogel // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. VII. Berolini, 1885. P. 203–214; Ennodius. Panegyricus dictus clementissimo regi Theoderico // *Rohr Chr.* Der Theoderich-Panegyricus des Ennodius. Hannover, 1995 (Monumenta Germaniae historica. Studien und Texte. Bd. 12). S. 195–263.
- Iord. *Get.* — Iordanis De origine actibusque Getarum (Getica) / Rec. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. V/1. Berolini, 1882. P. 53–138.
- Iord. *Rom.* — Iordanis De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum (Romana) / Rec. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. V/1. Berolini, 1882. P. 1–52.
- Isid. *HG* — Isidori iunioris episcopi Hispalensis Historia Gothorum / Ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. XI. Berolini, 1894. P. 267–295.
- Joan. Ant. *Fr.* — Joannis Antiocheni Fragmenta // Fragmenta historicorum Graecorum / Collegit, disposuit, notis et prolegomenis illustravit C. Müllerus. Vol. IV. Parisiis, 1868. P. 535–622; Vol. V/1. Parisiis, 1870. P. 27–39.
- Iulian. *HWR* — Iuliani Toletanae Historiae Wambae regis / Ed. W. Levison // Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. T. V. Hannoverae; Lipsiae, 1910. P. 486–535.
- Land. *Sag.* — Landolfi Sagacis Additamenta ad Pauli Historiam Romanam / Rec. H. Droysen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. II. Berolini, 1879. P. 225–376.
- LVis — Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer. Hannoverae; Lipsiae, 1902 (Monumenta Germaniae historica. Legum sectio I: Leges nationum Germanicarum. T. I).
- Lucan. — M. Annaei Lucani De bello civili libri decem / Ed. C. Hosius. Lipsiae, 1892.
- Malal. — Ioannis Malalae Chronographia / Ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831 (D); Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraki, 2000 (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XXXV. Series Berolinensis) (Th).
- Malch. *Fr.* — Malchi Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Vol. I. Lipsiae, 1870. P. 383–424 (D); Malchus // *Blockley R. C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool, 1983. P. 401–462 (B).
- Marcell. — Marcellini v. c. comitis Chronicon ad a. DXVIII continuatum ad a. DXXXIV cum additamento ad a. DXLVIII / Ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae

historica. Auctores antiquissimi. T. XI. Berolini, 1894. P. 37–108; The Chronicle of Marcellinus. A Translation and Commentary (with a reproduction of Mommsen's edition of the text) by B. Croke. Sydney, 1995 (Byzantina Australiensia. 7).

Mauric. — Mauricius. Arta militară / Ed. critică, traducere și introducere de H. Mihăescu. București, 1970 (Scriptores Byzantini. VI).

Merob. *Paneg.* II — Fl. Merobaudis Panegyricus II / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. XIV. Berolini, 1905. P. 11–18; *Clover F. M.* Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary. Philadelphia, 1971 (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 61/1). P. 64–68.

Olymp. *Fr.* — Olympiodori Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Vol. I. Lipsiae, 1870. P. 450–472 (D); Olympiodorus // *Blockley R. C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool, 1983. P. 151–220 (B).

Oros. — Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII / Ex rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889; Orose. Histoires (Contre les Païens) / Texte établi et traduit par M.-P. Arnaud-Lindet. T. III. Paris, 1991.

Paul. *HR* — Pauli (Diaconi) Historiae Romanae libri XI–XVI / Rec. H. Droysen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. II. Berolini, 1879. P. 183–224.

Proc. *Bell.* — Procopii De bellis libri I–VIII // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. I–II / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905.

Salv. *GD* — Salviani De gubernatione Dei libri VIII / Rec. C. Halm / Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. I/1. Berolini, 1877. P. 1–108.

SHA. *Claud.* — Trebelli Pollionis Divus Claudius // Scriptores Historiae Augustae / Rec. E. Hohl. Vol. II. Lipsiae, 1965. P. 134–148.

Sidon. *Ep.* — Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistularum libri IX // C. Sollius Apollinaris Sidonius / Rec. P. Mohr. Lipsiae, 1895. P. 1–237; Sidoine Apollinaire. T. II: Lettres (Livres I–V) / Texte établi et traduit par A. Loyen. Paris, 1970.

Theoph. — Theophanis Chronographia / Rec. C. De Boor. Vol. I: Textum Graecum continens. Lipsiae, 1883.

Veget. *ERM* — Flavii Vegetii Renati Epitoma rei militaris / Rec. C. Lang. Lipsiae, 1869; Flavius Vegetius Renatus. Epitoma Rei Militaris / Ed. with an English Translation by L. F. Stelten. New York; Bern; Frankfurt am Main; Paris, 1990 (American University Studies. Series XVII: Classical Languages and Literature. Vol. 11).

Zosim. — Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887; Zosime. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. T. II/2, III/1–2. Paris, 1979–1989.

Литература

- Вольфрам 2003* — Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. под ред. М. Б. Шукина, Н. А. Бондарко и П. В. Шувалова. СПб. 2003.
- Дельбрюк 1994* — Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. II: Германцы. СПб. 1994.
- Засецкая 1995* — Засецкая И. П. О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь. 1995.
- Корсунский 1969* — Корсунский А. Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М. 1969.
- Кучма 2004* — Кучма В. В. Стратегикон Маврикия. СПб. 2004.
- Магомедов, Левада 1996* — Магомедов Б. В., Левада М. Е. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь. 1996.
- Мыц, Лысенко, Шукин, Шаров 2006* — Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб. 2006.
- Никоноров 2002* — Никоноров В. П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб. 2002.
- Никоноров, Худяков 2004* — Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М. 2004.
- Скржинская 1999* — Скржинская Е. Ч. Олимпиодор Фиванский. История / Пер. с греч., вступ. статья, коммент. и указат. Е. Ч. Скржинской. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. П. В. Шувалова. СПб. 1999.
- Шувалов 2002a* — Шувалов П. В. Враги Империи (по трактату Псевдо-Маврикия) // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб. 2002.
- Шувалов 2002б* — Шувалов П. В. Урбикий и «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (часть 1) // ВВ. Т. 61 (86). М. 2002.
- Шувалов 2005* — Шувалов П. В. Урбикий и «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (часть 2) // ВВ. Т. 64 (89). М. 2005.
- Шукин 2005* — Шукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб. 2005.
- Baldwin 1980* — Baldwin В. Olympiodorus of Thebes // L'Antiquité Classique. Т. XLIX. Bruxelles. 1980.

- Barbero 2007* — Barbero A. *The Day of the Barbarians: The Battle that led to the Fall of the Roman Empire*. New York. 2007.
- Birley 1988* — Birley E. *The Roman Army: Papers 1929–1986*. Amsterdam. 1988.
- Bivar 1972* — Bivar A. D. H. *Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // Dumbarton Oaks Papers*. No. 26. Washington. 1972.
- Blockley 1983* — Blockley R. C. *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes*. Liverpool. 1983.
- Boss 1993* — Boss R. *Justinian's Wars: Belizarius, Narses and the Reconquest of the West*. Stockport. 1993.
- Burns 1984* — Burns T. S. *A History of the Ostrogoths*. Bloomington. 1984.
- Clover 1971* — Clover F. M. *Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary*. Philadelphia (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 61/1). 1971.
- Coulston 1985* — Coulston J. C. *Roman archery equipment // The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar / Ed. by M. C. Bishop*. Oxford (BAR International Series. 275). 1985.
- Coulston 2002* — Coulston J. *Arms and Armour of the Late Roman Army // Companion to Medieval Arms and Armour / Ed. by D. Nicolle*. Woodbridge. P. 3–24.
- Darkó 2002* — Darkó E. *Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantion // Byzantion*. T. XII/1–2. Bruxelles. 2002.
- Elton 1997* — Elton H. *Warfare in Roman Europe, A. D. 350–425*. New York. 1997.
- Gordon 1961* — Gordon C. D. *The Age of Attila. Fifth-Century Byzantium and the Barbarians*. 2nd printing. Ann Arbor. 1961.
- Greatrex 1993* — Greatrex G. *The Two Fifth-Century Wars between Rome and Persia // Florilegium*. Vol. XII. Ottawa. 1993.
- Halsall 2003* — Halsall G. *Warfare and Society in the Barbarian West, 450–900*. London; New York. 2003.
- Jong 1999* — Jong M. de. *Adding Insult to Injury: Julian of Toledo and His *Historia Wambae* // The Visigoths from the Migration Period to the Seventh Century: an Ethnographic Approach / Ed. by P. Heather*. Woodbridge. 1999.
- Kazanski 1991* — Kazanski M. *Les Goths (Ier — VIIe siècles ap. J.-C.)*. Paris. 1991.
- Kazanski 1994* — Kazanski M. *Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a. d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994 / Bearbeit. und hrsg. von C. von Carnap-Bornheim*.

(Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, Sonderbd. 8). Marburg; Lublin 1994.

Kennedy 2001 — Kennedy H. *The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Medieval State*. London; New York. 2001.

Kokowski 1993 — Kokowski A. *L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Textes réunis par F. Vallet et M. Kazanski. (Mémoires de l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne. T. V). Rouen; Saint-Germain-en-Laye 1993.*

Kolb 1987 — Kolb F. *Untersuchungen zur Historia Augusta. (Antiquitas. Rh. 4: Beiträge zur Historia-Augusta-Forschung. Bd. 20). Bonn 1987.*

Lebedynsky 2001 — Lebedynsky I. *Armes et guerriers barbares au temps des Grandes Invasions (IVe au VIe siècle apr. J.-C.). Paris. 2001.*

Liebeschuetz 1990 — Liebeschuetz J. H. W. G. *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford. 1990.

MacDowall 2001 — MacDowall S. *Adrianople, A. D. 378: The Goths crush Rome's Legions. (Osprey Military Campaign Series. 84). Oxford 2001.*

Millar 1969 — Millar F. P. *Herennius Dexippus: The Greek World and the Third-Century Invasions // The Journal of Roman Studies. Vol. LIX. London. 1969.*

Nefedkin 2006 — Nefedkin A. K. *Armour of the Goths in the 3rd–7th Centuries A. D. // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. XIX. Łódź. 2006.*

Nicolle 1992 — Nicolle D. *Romano-Byzantine Armies, 4th–9th Centuries*. London (Osprey Military Men-at-Arms Series. 247). 1992.

Nicolle 1999 — Nicolle D. *Medieval Warfare Source Book: Warfare in Western Christendom*. London. 1999.

Sinor 1981 — Sinor D. *The Inner Asian Warriors // Journal of the American Oriental Society. Vol. 101/2. Worcester. 1981.*

Ščukin 1993 — Ščukin M. B. *A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Textes réunis par F. Vallet et M. Kazanski. (Mémoires de l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne. T. V). Rouen; Saint-Germain-en-Laye. 1993.*

Syme 1968 — Syme R. *Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford. 1968.

Syme 1971 — Syme R. *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta*. Oxford. 1971.

Thompson 1965 — Thompson E. A. *The Early Germans*. Oxford. 1965.

Thompson 1969 — Thompson E. A. *The Goths in Spain*. Oxford. 1969.

Thompson 1999 — Thompson E. A. *The Huns / Revised and with an afterword by P. Heather*. Oxford; Malden. 1999.

Williams, Friell 1998 — Williams S., Friell G. *Theodosius: The Empire at Bay*. London; New Haven. 1998.

ARMAMENT OF THE GOTHS AS EVIDENCED IN GREEK AND LATIN SOURCES OF THE 3rd TO 7th CENTURIES AD

V. P. Nikonorov

The present article deals with the military equipment (weapons, armour and martial costume) of the Goths — an East-Germanic people that was playing a prominent role in the Great Migration Period. The armament of the Goths is described in literary and documentary writings of the epoch composed in Greek and Latin, starting chronologically with fragments of the non-extant work by Dexippus of Athens and concluding with the Visigothic Code. The data from these sources not only enlarge the list of the items of armament yielded by archaeological sites of the Gothic culture, but also are shedding new light on aspects of the art of warfare of the Eastern and Western Goths.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ ПОДВЕСКА ИЗ ЧЕРНИГОВА

Геральдическая подвеска из раскопок в Чернигове уже упоминалась в литературе (Новик 2002: 159–161), а краткая ее характеристика была включена в свод геральдических подвесок (Белецкий 2004: 256, № 43). Однако ни изображение подвески, ни ее подробная характеристика до настоящего времени не публиковались.

Подвеска найдена в 1991 г. при проведении охранных археологических исследований на территории Окольного града Чернигова. Раскопками в том году был изучен участок оборонительного вала, окружавшего часть города, называемую Третьяком¹. Вал насыпан в конце X — начале XI в., а в XII в. реконструирован. В 1991 г. были исследованы часть насыпи вала, проезд, сооруженный в валу в XII в., и клеть, возведенная при реконструкции фортификации. Вал перекрывал незначительный по толщине слой с углями и немногочисленной керамикой X в. С внутренней стороны вала открыто несколько углубленных в материк построек с такой же керамикой.

Подвеска найдена в теле вала с внутренней его стороны, на 0,3 м ниже пола клетки XII в.; возможно, она попала в насыпь вала во время возведения фортификаций. Длина подвески (с ушком)

4,7 см, ширина — 1,8–2,3 см. Она изготовлена из медного сплава (бронзы?), покрыта белым металлом, сохранившимся небольшими пятнами. Плоскости обеих сторон частично разрушены коррозией (рис. 1)².

Все известные в настоящее время геральдические подвески могут быть разделены на две основные группы — *подвески-оригиналы* X–XI вв., использовавшиеся в качестве верительных знаков чиновниками княжеского аппарата, и *подвески-реплики* XII–XIV вв., входившие в состав женского убора и являвшиеся отличительными знаками женщин из знатных ливских родов (Белецкий 2004). Черниговская подвеска, безусловно, принадлежит к числу подвесок-оригиналов.

¹ Территория Третьяка занимает естественный отрог коренного берега Десны, и отделен оврагами от детинца, части посада и Елецкого монастыря. За стенами укреплений располагался обширный курганный могильник (в непосредственной близости находится курган Черная Могила), сменившийся в XI в. христианским грунтовым некрополем. Вал существовал до начала XIX в. и был уничтожен в 1803 г. при проведении Генерального межевания. Часть вала по направлению к северной стене Елецкого монастыря в расплывшемся виде прослеживается до сих пор на территории тюрьмы, построенной в 1805 г.

² Пользуемся случаем поблагодарить А. Н. Егорькова (ИИМК РАН, СПб), принявшего участие в обсуждении сохранности находки.

Рис. 1. Геральдическая подвеска из раскопок 1991 г. в Чернигове

Среди других геральдических подвесок-оригиналов публикуемая находка выделяется необычностью формы. Боковые стороны подвески вогнуты, справа сохранился клювовидный выступ, загнутый вниз³. Основание подвески, благодаря двум овальным вырезам, имеет фигурную форму, состоящую из трех трапециевидных выступов. Ни у одной из известных геральдических подвесок подобные элементы не фиксировались.

Очевидно, что знак на стороне «А» имеет форму трезубца (рис. 1, А). К сожалению, разрушение поверхности лицевой стороны привело к уничтожению части изображения, поэтому реконструкция знака, изображенного на подвеске, нуждается в специальном обосновании.

Центральный зубец трезубца состоит из двух частей: острая вершина зубца переходит в вытянутый овал,

³ В процессе реставрации этот выступ, сильно разрушенный каверной коррозией, «отболел».

верхняя часть которого находится над основанием трезубца и представляет собой расширение центрального зубца, а нижняя часть — размещена ниже основания трезубца и является треугольной ножкой знака. Ножка частично занимает пространство центрального выступа в основании подвески. Овальная часть размещена поверх основания трезубца. Аналогичным образом оформлялось соотношение центрального зубца и основания трезубца у знаков на сребрениках Владимира Святославича (Белецкий 2000: 15, 17, 18, рис. 6, 14, рис. 7, 15, 20; рис. 8, 1–7, 9), в клеймах на кирпичах из Десятинной церкви в Киеве (Белецкий 2000: 93, рис. 28, 1, 2, 5), на костяном предмете из раскопок городища у с. Жовнино (Белецкий 2000: 52–56, рис. 18, 7), а также на большинстве известных геральдических подвесок (Белецкий 2004: № 8-А, 28-Б, 30, 33-А, 34-Б, 35-А, 36-А, 37, 41-А, 42-А, 49-А, 51, 52).

Место соединения верхней (узкой) части центрального зубца с его овальной (широкой) частью обозначено овалом. Этот элемент аналогичен шарико-кружку, помещенному в месте соединения узкой и широкой частей центрального зубца у ряда трезубцев, изображенных на златниках и сребрениках Владимира Святого (Белецкий 2000: 12, 15, 17, 18, рис. 5, 2, 6, 9, 10, 18, рис. 6, 1, 4, 10, 13–16, рис. 7, 9, 11, 12, 14, 20, 21, рис. 18, 2, 9).

Соединение центрального зубца с боковыми зубцами и основанием оформлено переплетением овальной части центрального зубца и лентовидных выступов, отходящих от оснований боковых зубцов. Во внутреннем пространстве овала (поверхность здесь

частично разрушена коррозией) ленты как будто бы «заведены» за основание знака, а их свободные концы выведены за пределы овала и размещены в пространстве боковых выступов основания подвески. Подобное переплетение отмечено у трезубца-граффити из Софийского собора в Киеве (Белецкий 2000: 63, рис. 20, 1), а также на ряде геральдических подвесок (Белецкий 2004: № 8-Б, 28-Б, 30, 37, 38-Б, 49-А, 51, 52).

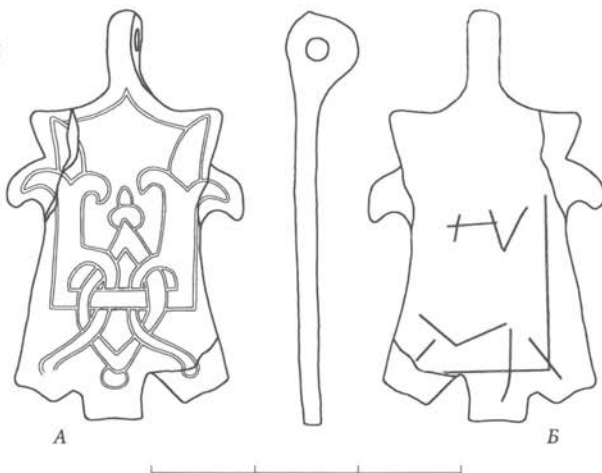
Оформление вершины центрального зубца у трезубца, как, равным образом, и плетенка, соединяющая центральный зубец с боковыми зубцами и основанием, не имеют геральдического значения, а представляют собой элементы декора, типичные для т. н. «парадных» изображений древнерусских княжеских знаков X–XI вв. Очевидно, что на персонификацию трезубца эти элементы не оказывают влияния.

Несколько сложнее обстоит дело с отрочагами внутрь на боковых зубцах трезубца. Дело в том, что в XII–XIII вв. отрочаги на зубцах двузубцев и трезубцев являлись теми отличительными элементами, которые добавлялись к от-

цовскому знаку при наследовании его младшими сыновьями. Правда, такой путь трансформации лично-родовых знаков русских князей для X–XI вв. пока не фиксировался, однако а priori исключать подобную возможность, естественно, не приходится.

Отрог внутрь на левом зубце на первый взгляд «накладывается» на зубец — как верхний, так и нижний его контуры как будто бы продолжают во внутреннем пространстве зубца. Тем не менее впечатление обманчиво. На фотографии хорошо видно, что желобок нижнего контура отрочага переходит непосредственно в желобок контура зубца, а зрительным продолжением желобка является внешняя граница каверны, разрушившей поверхность подвески. В то же время верхний контур отрочага действительно продолжается во внутреннем пространстве зубца, причем приблизительно на середине ширины зубца желобок контура резко меняет свое направление. Продолжением контура мог быть только отрочаг наружу, симметричный отрочагу внутрь. Разместиться такой отрочаг мог только в

Рис. 2. Геральдическая подвеска из раскопок 1991 г. в Чернигове. Прорисовка (с элементами реконструкции)

пространстве клювовидного выступа, симметричного выступу на правой стороне подвески.

Аналогичным образом оформлен и правый зубец трезубца: нижний контур отрога внутрь соединяется с внутренним контуром зубца, в то время как верхний контур отрога продолжается во внутреннем пространстве зубца. Складывается впечатление, что приблизительно в середине ширины зубца на желобок верхнего контура отрога накладывается пересекающий его желобок, принадлежавший отрогу наружу. Однако это впечатление также мнимое: на фотографии видно, что за желобок контура здесь принята граница каверны, разрушившей часть поверхности подвески. От внешнего контура отрога наружу в пространстве правого зубца трезубца сохранился только небольшой фрагмент желобка, соединяющийся с желобком внешнего контура отрога внутрь точно так же, как и на левом зубце. Очевидно, что отрог наружу на правом зубце мог разместиться только в пространстве клювовидного выступа, поверхность которого практически полностью разрушена.

Сторона «Б» у подвески гладкая. На ее поверхности хорошо видны следы царапин (рис. 1, Б), нанесенных по поверхности основы до покрытия ее белым металлом. Эти царапины, очевидно, представляли собой графью — разметку изображения, оставшегося незавершенным. К сожалению, поверхность стороны «Б» сильно разрушена коррозией, поэтому уверенно реконструировать схему нереализованного изображения сложно. В сохранившихся фрагментах графьи угадывается фигура трезубца с вертикальным правым

зубцом, центральным зубцом, перечеркнутым горизонтальной линией, широким основанием и треугольной ножкой. Вершина центрального зубца не ясна. Пространство, в котором должен был размещаться левый зубец, уничтожено коррозией. Прочие царапины, вероятно, размечали схему плетенки, которая должна была придать изображению «парадный» облик.

После всего сказанного знак, изображенный на стороне «А» черниговской подвески, может быть реконструирован в следующем виде (рис. 2, А). Очевидно, что зрительно выделяющиеся «отроги внутрь» на боковых зубцах трезубца на самом деле представляют собой фрагменты необычного декора зубцов, имевшего вид раздвоенных кринов, причем для размещения внешних отрогов этих кринов, симметричных внутренним, на боковых сторонах подвески имелись специальные клювовидные выступы. Геральдического значения все эти элементы не имеют. Таким образом, трезубец, изображенный на стороне «А», можно уверенно персонифицировать князю Владимиру Святославичу (*до 963, †1015).

Принадлежность знака на стороне «Б» (рис. 2, Б) не ясна. Трезубец, который предполагалось разместить на этой стороне, вряд ли принадлежал самому Владимиру — случаи размещения на обеих сторонах геральдических подвесок одинаковых знаков нам не известны⁴. В таком случае знак на стороне «Б» должен был бы принадлежать

⁴ Исключением является костяная подвеска из Новгорода (Янин 1982: 149), на обеих сторонах которой размещены трезубцы Владимира Святого. Однако один из знаков на этой подвеске первоначально имел форму двузубца и только со временем был переделан в трезубец.

одному из сыновей Владимира Свято-славича. К сожалению, неясная форма вершины центрального зубца у этого трезубца оставляет вопрос о персонификации знака открытым.

Верхняя хронологическая граница возможного использования подвески в качестве верительного знака определяется датой смерти Владимира — 1015 г. Благодаря находке костяной подвески из Новгорода мы знаем, что Владимир пользовался лично-родовым знаком в форме трезубца уже при жизни отца (Янин 1982: 149; Белецкий 2000: 53–54; 2004: 254–255). Скорее всего, княжич

получил это право одновременно с началом новгородского княжения. В таком случае нижняя хронологическая граница использования подвески определяется временем около 970 г. С учетом же того, что на другой стороне подвески также предполагалось разместить изображение трезубца, нижняя дата подвески должна быть поднята, по крайней мере, до 988 г., когда старшие сыновья Владимира получили право пользоваться лично-родовыми знаками. Таким образом, геральдическую подвеску из раскопок в Чернигове в 1991 г. можно датировать 988–1015 гг.

Литература

Белецкий 2000 — Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв. // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 2. СПб. 2000.

Белецкий 2004 — Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев». Восьмые чтения памяти Анны Мачинской СПб. 2004.

Новик 2002 — Новик Т. Г. Знак Рюриковичей и его символика на подвеске из Чернигова // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции. Т. 1. СПб. 2002.

Янин 1982 — Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. 1982.

ANCIENT RUSSIAN HERALDIC PENDANT FROM CHERNIGOV

T. G. Novik & S. V. Beletskiy

This article is a publication of a heraldic pendant from excavations of 1991 in Chernigov. It has been established that one of its sides bears an engraved representation of the trident-emblem of Vladimir the Saint (*before 963, †1015). On the other side, marking for a representation of a trident-emblem of one of the Vladimir's sons is discernible. However, in the process of manufacturing the pendant, the initial intention was changed and the engraving has not been completed. The hypothetic date of the pendant is 988–1015 AD.

К ВОПРОСУ О РАЗМЕЩЕНИИ УЧАСТКОВ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ¹

Во многих обобщающих работах по Северо-Западу Рюриково городище (древнейший Новгород) характеризуется как значительное торгово-ремесленное и военно-административное поселение на основных водных путях Восточной Европы — Балтийско-Волжском и «Пути из варяг в греки». Действительно, многолетние работы на памятнике, постоянно проводимые Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН с 1975 г., дали интереснейшие материалы о характере производственной деятельности обитателей поселения в ранний период его существования (вторая половина IX–X в.). Судя по многочисленным образцам бракованных отливок из цветного металла, разнообразным литейным формочкам, тиглям, льячкам, а также инструментам для производства украшений, жители Городища занимались ювелирным делом. Причем чрезвычайно значимыми находками являются следы отходов работы ремесленников-ювелиров, изготовлявших изделия из золота (золотые переплетенные нити, кусочки золотой фольги, обрывки золотой проволоки). Это свидетельствует о высоком

социальном статусе заказчиков среди обитателей Городища, поскольку предметы из золота на поселениях лесной зоны Восточной Европы крайне редки. К этому же кругу древностей относятся различные неудачные отливки украшений, выполненных в скандинавском стиле. Об обработке кости на Городище говорят распиленные заготовки из рога и кости, полуфабрикаты гребней с пропилами зубьев и другие незаконченные изделия. Сохранившиеся в мокрым слое на берегу Сиверсова канала обрезки кожного кроя характеризуют кожевенное производство. Многочисленные деревянные поделки и их детали, а также инструменты для работы по дереву показывают, что жители поселка занимались обработкой дерева. Несомненно, на Городище было свое гончарное производство и иные ремесла.

Однако, если некоторыми видами производственной деятельности, прежде всего связанными с домашними ремеслами (строительство, резьба, ткачество и пр.), обитатели занимались непосредственно на территории дворов и усадеб, то кузнечное, литейное, кожевенное производства всегда находились в стороне от жилой застройки, в целях противопожарной безопасности или гигиены (кожевенное дело).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»

Раньше удалось локализовать некоторые зоны специализированного производства. Так, в 1977–1979 гг. при исследовании на северном берегу Сиверсова канала в ложбине у подножия холма были открыты основания двух глинобитных печей, обнесенных плетнями и бревенчатыми сооружениями. Печи на данном участке функционировали десятки лет с конца IX в. и в течение значительной части X в. При этом они неоднократно подновлялись и строились заново (Носов 1990: 51–61). Печи были вынесены на окраину поселка в сырое место, несомненно, в целях пожарной безопасности домов. При исследовании в 1980-е гг. территории к югу от ц. Благовещения была выявлена постройка (или постройки — сохранились лишь углубленные в материк основания сооружений), предназначавшаяся для ткацкого производства (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 65, 209, табл. 37). В то же время никогда не удавалось локализовать участки, связанные с металлообработкой.

В этой связи большой интерес представляют исследования, проведенные на Городище в 2006–2008 гг. юго-восточнее церкви Благовещения на вершине городищенского холма. Они продолжали работы, начатые здесь в 1980-е гг., в результате которых была обнаружена западная часть древнего рва, окружавшего возвышенную часть Городища площадью 1–1,2 га. Склоны рва понижались местами под углом 45 градусов (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 48–50). В 2006 г. удалось проследить границы восточного склона фортификационного сооружения, а в последующем и полностью раскрыть его, соединив с частью, раскопанной в 1989 г. В целом ширина рва достигала 31–32 м, а его глу-

бина 4,61 м от уровня древней дневной поверхности. Склоны рва были неровными, уступчатыми.

Стратиграфически в заполнении рва выделяются два основных слоя: мешаная песчаная засыпь мощностью 1,5–2 м и черный культурный слой по восточному склону рва толщиной от 0,1 до 0,80 м. Из песчаной засыпи происходят многочисленные кости животных, а также лепная и раннегончарная керамика. Характер залегания черного слоя — единым пластом по восточному склону рва — свидетельствует, что слой был сброшен одновременно при выравнивании площадки Городища (рис. 1). Его мощность увеличивается по мере падения склона, но затем, не доходя дна рва, он расслаивается на прослойки и выклинивается, поднимаясь вверх тонкими прослойками (рис. 2). По сути, этот слой является «археологически закрытым комплексом», в который попали остатки сооружений и вещи одной эпохи. По находкам из черного слоя мы фиксируем только верхнюю его дату, то есть момент его сбрасывания в ров, — это конец X или рубеж X–XI вв. В черном слое встречена лепная и раннегончарная керамика. В целом слой представляет собой перемешанные при сбрасывании отложения от конца IX до конца X в. Гумусированные прослойки по склону и на дне рва под черным слоем показывают, что ров до крупномасштабных работ по его засыпке постепенно заплывал естественным путем, а склоны его оползали.

Особый интерес представляет не только характер черного культурного слоя, сброшенного по склону рва, но и некоторые сооружения, уцелевшие на краю рва и имевшие явно производ-

ственный характер. Одно из них являлось основанием мастерской, впервые за многие годы работ обнаруженным на Городище (рис. 3). Основание углубленной в материк мастерской древнего ремесленника представляло собой корытообразную яму длиной 3 м и шириной от 1,4 до 1,6 м. Сооружение состояло из трех частей. Глубина центральной части — 0,64 м, длина — 1,6 м. С севера и с юга к ней примыкали две приступочки, длиной до 0,7 м. Северная приступочка имела глубину 0,4 м, а южная — 0,3 м. На северо-восточном склоне центрального углубления обнаружена сползшая по стенке часть горна, от которого сохранились куски плотной обожженной глины (размерами 12–14 см, толщиной 4–5 см). Горн находился на краю постройки, а затем при ее разрушении ополз по стенке. Таким образом, производственное сооружение состояло из предгорновой ямы, где стоял ремесленник, примыкающих к ней приступочек — своеобразных столов для работы и горна на краю сооружения. Заполнение комплекса представляло собой углистый черный гумус с включением

костей животных, камней и глины. По соотношению лепной и раннегончарной керамики комплекс можно отнести к середине X в., однако, по мнению В. М. Горюновой, анализ типологических форм раннегончарной керамики позволяет датировать его, скорее, последней четвертью X в. О том, какова была наземная часть исследованной нами мастерской, ничего сказать нельзя, поскольку на холме Рюрикова городища органические остатки не сохраняются. Однако, несомненно, она была больше (длиннее и шире), чем выявленная углубленная часть комплекса, — размерами не менее чем 2–2,5×4–4,5 м. Это могла быть небольшая легкая конструкция. В метре от края сооружения раскопано подполье большой, видимо двухэтажной, древнерусской постройки. Очевидно, при ее возведении часть культурных отложений, связанных с мастерской, была разрушена и затем попала в заполнение ее западной части. С южной стороны к данному производственному сооружению примыкала мелкая яма диаметром 1,4 м и глубиной 0,2 м, но связана ли она с комплексом, не ясно. В заполнении

Рис. 1. Рюриково городище. Черный культурный слой на площади раскопа 2007 г. в процессе разборки

ямы встречены фрагмент листовидного наконечника стрелы ромбовидного сечения и хрустальная круглая бусина.

По своему характеру изученный комплекс напоминает ремесленные сооружения типа 2, выделенные В. М. Горюновой для производственной части Городка на Ловати. По мнению Горюновой, данная группа построек имела значительную овальную в плане предгорную яму, на одном из бортов которой или на выступе, сделанном в стене, сооружался горн-очажок. Для этого типа конструкций были характерны легкие жердевые перекрытия (Горюнова 1988: 51). В нашем случае горн находился на краю ямы, а боковые приступочки (по терминологии В. М. Горюновой, «выступы» в стене) служили для работы. Подобные овальные в плане основания производственных сооружений выявлены также при раскопках Гнездовского поселения (Вешнякова, Булкин 2001: 43).

О производственном характере сооружения на Рюриковом городище свидетельствуют, помимо остатков горна, находка льячки — ложки для разлива цветного металла по формам, имевшей

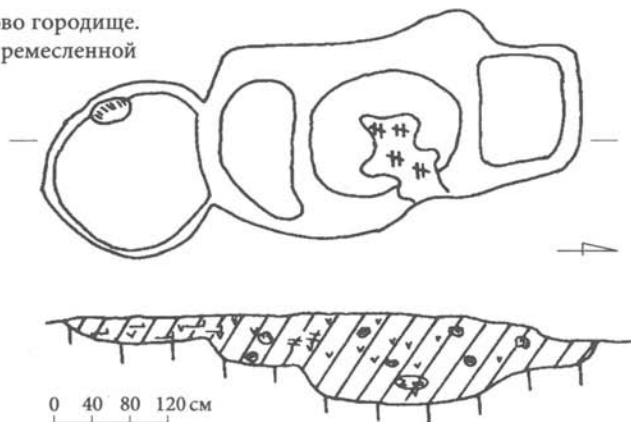
деревянную рукоятку, которая, естественно, в данных условиях не сохранилась. Сама льячка-ложка имела длину 6,6 см, ширину 3,8 см и высоту 3,7 см. Уже при находке было отмечено, что она изготовлена крайне грубо. Льячка не вылеплена, как обычно, а просто вырезана из аморфного куска глины (рис. 4). Кроме того, в западной части заполнения примыкающей с северо-востока к мастерской большой древнерусской постройки найдены обломки тигельков, которые явно связаны с описываемым более ранним ремесленным комплексом и которые, несомненно, попали туда при разрушении культурного слоя, связанного с ним, как и некоторые другие находки конца I тысячелетия н. э. Датировка ремесленного сооружения X в. подтверждается находками половинки дирхема, бронзовой иглы от кольцевидной булавки, фрагмента бронзовой скорлупообразной фибулы (рис. 5, 3), бронзовой иглы от подковообразной фибулы и другими изделиями.

Среди находок из комплекса крайне интересно бронзовое литое навершие с иглой от кольцевидной булавки.

Рис. 2. Рюриково городище. Разрез южной стенки раскопа 2008 г.

Рис. 3. Рюриково городище.
План и разрез ремесленной
постройки

Оно было найдено в верхней части заполнения сооружения. Навершие иглы украшено звериной мордой и плетеным орнаментом в стиле Борре (рис. 5, 1). Держатель кольца на оборотной стороне был поврежден, а нижняя часть иглы обломана. На Городище уже известно 25 находок частей кольцевидных булавок. Это наиболее представительная коллекция североевропейских застёжек данного типа на территории Восточной Европы, причем надо подчеркнуть, что наиболее представительная не только среди коллекций, происходящих с поселений, но и из могильников (Носов, Хвоцинская 2004: 229). По характеру орнаментации найденный экземпляр относится к наиболее роскошному варианту подобного рода украшений. Городищенские кольцевидные булавки характеризуются особой изысканностью, «более половины из них украшены звериным и плетеным орнаментом, в то время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы» (Носов, Хвоцинская 2004: 232). Булавки относятся к элементам мужского костюма. Ими скрепляли свои плащи скандинавы-воины, а столь роскошные булавки, подобные данному

экземпляру, характеризуют высокий социальный статус обитателей Городища.

В верхней части мешаного заполнения западной половины древнерусского комплекса, где найдены упомянутые обломки тигельков, обнаружен крючок, орнаментированный в стиле Борре, который также явно попал сюда с близлежащей площадки, где располагался горн ремесленной мастерской X в. Несомненно, именно отсюда происходят и фрагменты лепной и раннегончарной керамики, оказавшиеся в заполнении основания древнерусского сооружения.

Находка бронзового крючка в стиле Борре, выполненного в виде звериной маски, чрезвычайно интересна (рис. 5, 2). Это уже четвертый подобный крючок, найденный на Городище, хотя подобные предметы достаточно редки и в самой Скандинавии. В Бирке пара таких крючков была найдена у ног погребенного мужчины ушками с отверстиями вниз (захоронение № 906). Как полагали авторы раскопок, за ушки крючки пришивались к полосам шерстяных онучей, которые в свою очередь крепились уже с помощью самого

крючка к холщовым штанам (Arbman 1943: 353, Abb. 304, 6). Следует отметить, что ранее встреченные на Городище крючки являлись производственным браком. Это позволило предположить, что подобные элементы мужской одежды изготавливались непосредственно на Городище (Носов 1990: 162; Хвоцинская 2007: 132–134). Обнаруженное в 2006 г. украшение почти полностью аналогично крючку, найденному в 1989 г., как если бы они были отлиты в одной форме. Хотя кончик изделия отломлен, тем не менее видно, что сам крючок при отливке не получился, он лишь намечен.

Второе сооружение, связанное с производственной деятельностью, было расположено непосредственно на краю рва в 3,7 м западнее описанного ремесленного комплекса. Оно представляло собой остатки основания печи (размером 1×1 м). Печь была глинобитной, а под ее был сложен из камня. При разборке выявлено округлое в плане (0,8×0,9 м)

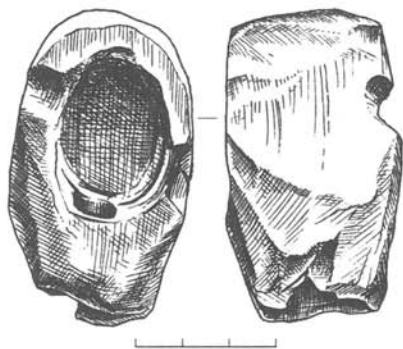

Рис. 4. Глиняная льячка

плотное скопление из небольших обожженных валунов (0,05–0,1 м). По его краю зафиксирована стенка (рис. 6) из более крупных камней (0,15–0,20 м). Над ними зафиксирован мощный слой обожженной и необожженной глины толщиной до 0,2–0,25 м — остатки самой разрушенной печи. При разборке глины встречены фрагменты лепного сосуда. Слой камней лежал на глиняной подушке мощностью до 0,1 м.

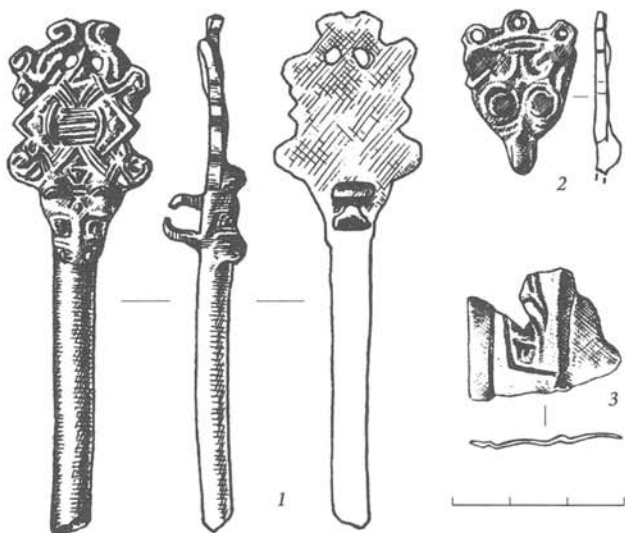

Рис. 5. Бронзовые изделия из ремесленного комплекса:

1 — навершие иглы кольцевидной булавки; 2 — крючок; 3 — фрагмент скорлупообразной фибулы

По характеру конструкции (глиняный верх и каменный под), а также по расположению за основной территорией застройки поселка, на краю рва, данное сооружение напоминает хлебные печи, открытые в заполнении рва у подножия холма в 1977–1979 гг. Тогда, благодаря хорошей сохранности органических остатков, конструкцию печей удалось проследить детально. Печи имели бревенчатые обкладки, а основание конструкций укреплялось кольями. Поскольку в центральной части Городища органика не сохраняется, то и никаких наземных конструкций вокруг рассматриваемой печи не зафиксировано. После разборки печи выяснилось, что под ней находилась более ранняя яма овальной формы (0,82×1,48 м) с крутыми стенками и вогнутым дном (глубиной 0,6 м). Яма была заполнена темно-серым гумусом, и в ней найдены исключительно фрагменты лепной керамики конца I тысячелетия н.э.

Еще одна печь (или горн), находившаяся на восточном краю рва, была сброшена в ров при его засыпке. В разрушенном, но монолитном виде

она оказалась в черном культурном слое на глубине 240–280 см от древней дневной поверхности. В плане плотное скопление обожженной глины с примесью обожженных и расколотых камней фиксировалось на площади 1,50×1,55 м. Стратиграфически остатки данного производственного сооружения отчетливо прослеживались в виде плотной линзы глины с включением камней и углей мощностью до 0,2 м в северной стенке раскопа 2006 г. (рис. 7) При его разборке встречены фрагменты лепной керамики. Характер залегания этого комплекса является дополнительным свидетельством того, что ров засыпался одноактно и целенаправленно. В иной ситуации остатки производственного комплекса не могли оказаться единым массивом практически на дне рва.

Именно рядом с этим глиняным монолитом при дальнейшей разборке слоя была сделана уникальная находка — два фрагмента одной глиняной литейной формы, которые хорошо состыковались между собой. Сохранилась лишь часть формы с ручкой, которая была обломана. На формочке имеются оттиски

Рис. 6. Рюриково городище. Каменный под печи

круглой подвески скандинавского типа и широкоуголой лунница (рис. 8, 1). На Городище это вторая глиняная форма, первая была найдена во время раскопок 1980-х гг. На ней имелась часть отпечатка скандинавской круглой подвески в стиле Борре. Анализ негатива подвески на формочке из раскопок 2007 г. показывает, что отпечатки на обеих формочках похожи. Здесь мы также имеем оттиск круглой ажурной подвески в стиле Борре, и, как и в первом случае, скорее всего, типа В по классификации Ю. Калльмера (Callmer 1989: 24, 29). Хотя оттиск не очень четкий, тем не менее можно рассмотреть основные детали этой подвески, прежде всего звериную мордочку под гофрированным ушком для подвешивания и двойную рифленую ленту по краю изделия, перехваченную по крайней мере в двух местах лапками животных. Эти черты позволяют отнести ее к кругу подвесок так называемого гнездовского типа или подвесок типа Riddarholmen группы В, по Ю. Калльмеру. По его мнению, данный тип подвесок был наиболее распространен на территории Восточной Скандинавии и

Восточной Европы в период IX–X вв. Таким образом, глиняная литейная формочка вполне вписывается в общую датировку черного культурного слоя и, скорее всего, относится ко второй половине X в. Следовательно, и лунница, оттиснутая на той же глиняной форме, датируется этим же временем, хотя часто считается, что такие широкоуголые лунницы бытовали в XI в. Декор лунницы соответствует основному линейно-геометрическому характеру орнамента русских подвесок-лунниц. Фактически отпечаток на формочке представляет собой упрощенную имитацию роскошных подвесок, выполненных в стиле перегородчато-зерненого орнамента (Жилина 2005: 72): зигзагообразные линии играют роль перегородки, а многочисленные углубления при отливке должны были воспроизвести зерненный орнамент.

То, что на краю рва находилась производственная зона поселения, доказывает не только уже указанными фактами, но и характером находок, оказавшихся в сброшенном в ров культурном слое, — многочисленные шлаки, желез-

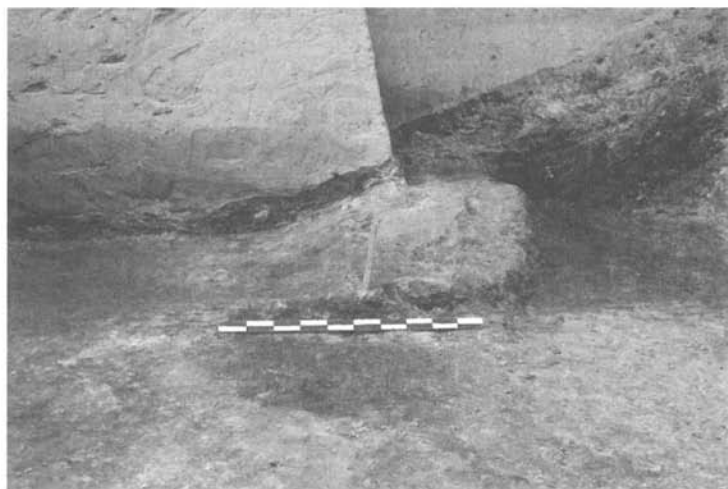
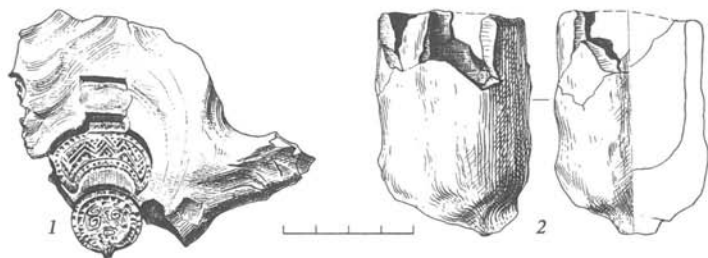

Рис. 7. Рюриково городище. Остатки сброшенного в ров глинобитного горна (печи ?)

Рис. 8. Глиняные изделия:

1 — литейная форма; 2 — тигель

ные крицы, более чем сотня обломков и несколько экземпляров почти целых тиглей. Один из них сохранился практически полностью (рис. 8, 2). Это был круглодонный цилиндрический стакан с округлым устьем — тип А, по классификации В. М. Горюновой. На внутренних стенках сохранились окислы бронзы. Надо сказать, что остатки бронзы встречались и на стенках других фрагментов тиглей, а в одном случае в придонной части миниатюрного сосудика зафиксированы капли золота, что лишний раз доказывает высокие запросы городищенских заказчиков. К кругу находок, связанных с бронзолитейным производством, относятся два железных предмета типа зубильцев, применявшихся для холодной рубки металла, а также клещи прекрасной сохранности. По наблюдению за скандинавскими образцами М. Мюллер-Вилле считал, что клещи длиной менее 300 мм использовались прежде всего в ювелирном деле, а более крупные для обработки железа (Müller-Wille 1977: 153). Наш инструмент имел длину 215 мм. Эти своеобразные клещи с удлиненными губами применялись для установки тиглей в горн и для вынимания их с расплавленным металлом. Так что длина клещей, на наш взгляд, скорее зависела от размера тигля. Подобный

тип инструментов имеет широкие аналогии, как на территории Северной Европы, так и Северной Руси. Наиболее ранние из них найдены в кладе середины VIII в. в Старой Ладоге (Рябинин 1985: 54, 55). Кроме клещей при разборке культурного слоя встречено более 70 предметов, которые можно интерпретировать как мелкие ювелирные инструменты.

Говоря о насыщенности черного слоя остатками производственной деятельности, нельзя не отметить еще один примечательный факт. По сравнению с другими участками, раскопанными на Городище, в нижней части черного культурного слоя, сдвинутого в ров, статистически среди находок преобладали ладейные заклепки (около 100), причем отчетливо наблюдаются определенные места их концентрации. Возможно, где-то на краю рва была и кузница. Известно, что в период развитого Средневековья мастера могли совмещать близкородственные ремесла, в частности — кузнечное и ювелирное дело (Рыбаков 1948: 507). Вполне реально, что подобная практика встречалась и в более раннее время. Но окончательные выводы можно будет сделать, когда полностью на всей площади раскопа будет разобран черный культурный слой, сброшенный по склону рва.

Литература

- Вешнякова, Булкин 2001* — Вешнякова К. В., Булкин В. А. Ремесленный комплекс Гнездовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник ГИМ. № 124. М. 2001.
- Горюнова 1988* — Горюнова В. М. Ремесленные комплексы (X — начало XI в.) Городка на Ловати // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев. 1988.
- Жилина 2005* — Жилина Н. В. Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Стратум плюс. № 5. 2003–2004. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2005.
- Носов 1990* — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005* — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб. 2005.
- Носов, Хвоцинская 2004* — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М. 2004.
- Рыбаков 1948* — Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М. 1948.
- Рябинин 1985* — Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л. 1985.
- Хвоцинская 2007* — Хвоцинская Н. В. Бронзолитейное производство Рюрикова Городища IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб. 2007.
- Arbman 1943* — Arbman H. Birka I. Text. Stockholm. 1943.
- Callmer 1989* — Callmer J. Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // Birka II. 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. 1989.
- Müller-Wille 1977* — Müller-Wille M. Der frühmittelalterliche Schmied in Spiegel skandinavischer Grabfunde // Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Bd. 11. Berlin; New York. 1977.

DISTRIBUTION OF MANUFACTURING AREAS WITHIN GORODISHCHE NEAR NOVGOROD

E. N. Nosov & N. V. Khvoshchinskaya

Excavations of many years at Rurik Gorodishche have yielded interesting finds characterizing handicraft activities of the settlement's residents in the 9th–10th century. Nevertheless, until recently it has proved impossible to locate the manufacturing complexes here.

In 2006, during excavation of Gorodishche defences, the remains of structures undoubtedly related to manufacture were uncovered. One of these, sunk into the bedrock, was located at the edge of the ditch. In its fill were found a ladle for molten metal, a half-piece of a dirhem, the head of a ring pin, a fragment of a shell brooch, and the pin of a

horse-shoe brooch. Some objects pertaining to this structure (a buttonhook decorated in the Borre style, small fragments of crucibles, sherds of handmade and early wheel-made pottery) during its collapse came into the upper layer of the fill of an ancient Russian building. The investigated structure resembles the production complexes excavated in the manufacturing area of Gorodok on the Lovat River, as well as those unearthed at Gnezdovo.

A second structure was found also at the edge of the ditch, in the immediate closeness to the first one. It was represented by remains of the base of an adobe furnace with the platform constructed of stone. In the features of its construction (clay top and stone platform), as well as in terms of its location outside the limits of the dwelling area of the settlement, this structure resembles the bread-baking furnaces uncovered in 1977–79 within the fill of the ditch at the foot of the hill. Another furnace located at the eastern edge of the ditch was thrown down into the ditch when the latter was being filled up. Near the remains of the furnace, a unique small clay mould with a handle was found. On the mould there are imprints of a round pendant of a Scandinavian type and of a broad-horned lunulate decoration.

In addition, the fact that the manufacturing zone of the settlement was situated at the edge of the ditch is suggested by finds from the fill of the latter (slags, iron blooms, over a hundred of crucible fragments, tools for making jewellery). Besides jeweller's workshops, at the edge of the ditch possibly there was also a forge.

ЗАПАДНОЕ БЕЛОМОРЬЕ: ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО СУДОСТРОЕНИЯ ПОМОРЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Второе десятилетие XVIII в. для Северного Поморья, несомненно, стало знаменательным рубежом. Сюда, как и во многие другие регионы Российского государства, на смену «веку минувшему» пришло время решительных и быстрых перемен. Безусловно, это не могло не затронуть основу экономической деятельности населения с давно сложившейся хозяйственной спецификой и со всем укладом образа жизни.

Сказанное в полной мере относится к практике поморского крестьянского судостроения. За последние годы сделано немало в направлении детального исследования конструктивных особенностей некоторых типов поморских судов (Филин 2003а; 2003б). Наше же внимание сосредоточено главным образом на историко-культурном аспекте проблемы судостроения — конкретные крестьяне-судостроители, региональные центры крестьянского судостроения и характер заказов на постройку судов. Речь идет о таком уровне знания исторической генеалогии, который, опираясь на широкую источниковедческую базу, может выступать как исследовательский инструмент персонифицированного «механизма» формирования и передачи культурного наследия. Динамика соотношения традиционных

и инновационных элементов в сфере культуры — вопрос сложный и во многом дискуссионный. Однако важность и необходимость изучения широкого спектра проявлений схожестей и различий социального и культурного характера на уровне обществ, обособленных регионов, городских или сельских образований (не исключая и ремесленных артелей) признана давно (Маркарян 1985: 7–26; Марков 1985: 245–247; Категории 1983; Боярский 1986: 29). Именно это направление исследований мы ранее уже пытались реализовать в рамках изучения городского ремесла северных посадок на основе использования широкого круга письменных источников XVII–XVIII вв. (Ясински, Овсянников 1998, т. I: 14–15).

Петровские нововведения в области поморского судостроения были направлены прежде всего на реформирование крестьянского судостроения, самым тесным образом связанного с морскими рыбными и звериными промыслами и транспортировкой продуктов этих промыслов в главный коммерческий центр Поморья — Архангельский порт. Вывоз из региона добываемой соли, ввоз продуктов питания (прежде всего хлеба, поступающего из южных регионов Поморья),

доставка их в поморские волости от Колы до Пустозерска — все это было на протяжении длительного времени тесно связано с уровнем и масштабами развития морского транспорта и с надежным функционированием всей сложной системы морских перевозок, которая на практике могла работать при наличии не только достаточного количества, но и значительного разнообразия типов морских судов и их вариантов. Это вполне понятно, потому что отражало уже сложившуюся традиционную специфику самих промысловых регионов (Беломорский, Мурманский, Печеро-Новоземельский), то есть — организацию и проведение самих промыслов имеющимися в то время техническими средствами.

Неожиданное, по крайней мере для поморского населения, появление законодательных актов по судостроительной практике не могло не создать существенных проблем для самого промыслового населения. Чтобы правильно оценить сложившуюся ситуацию, необходимо составить полную, основанную на документальных источниках, объективную и желательную без излишней мифологизации номенклатуру всех или по крайней мере большинства типов морских судов, строившихся и функционировавших в Поморье в XVI–XVIII вв.¹

В первой четверти XVIII в. старинной поморской судостроительной традиции пришлось выдержать очень серьезное испытание: по царским указам 1715–1726 гг. было «велено объявить всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов своих на лодках и кочах, дабы они вместо тех судов делали морские суда галиоты, кра-

еры, флейты, кто из них похочет и до того... сроку на старых доходят только на два года, а по нужде три года, а по прошествии того сроку, конечно, все старые суда переделать». Регламентировались наказания заслушание: «кто станет делать после оного указу те сказанные суда, ссылат на каторгу и суда изрубивать»².

О бедственном положении поморов в связи с запрещением строить староманерные суда писал и архангелогородский вице-губернатор Лодыженский: на Двине «которые мастера оные гукоры строили, те к ново-манерным судам мастерством подлинно не обучались, и чтоб для обучения и смотрения в строении оных новоманерных судов прислать к городу Архангельскому мастеров» (РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 32, л. 5). На документе имеются две резолюции — от партикулярной Санкт-Петербургской верфи: «для оного мастеров с партикулярной верфи послать ныне некого, понеже разосланы в Новгородской и в другие уезды», и вторая, уже императорская резолюция — «самим выписать из Голландии». Об этом разрешении население было оповещено: «кто требует ново-манерные суды галиоты, гукоры, краэры и зверсы стро-

¹ Попытки разобраться в типологии северных судов являются началом важной и крайне необходимой работы в этом направлении (Морозов 2002: 6–34; Словарь 2005).

² Поморье не было исключением — замысел Петра о коренной переделке русского речного и морского судостроения коснулся всех регионов России. Так, в Астрахани и Нижнем Новгороде администрация не знала, можно ли подвозить припасы по рекам на староманерных судах, поскольку ходить «не велено», «а ново-манерными судами к сему году не исправилась» (РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1 д. 32, л. 4об.). На это «собственно его императорского руки» была сделана резолюция — «отсрочить на год».

ить, всем объявить, что им по оному его величества императорскому указу ко оному строению мастеров выписать из Галандии самим на свой кошт» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 4160, л. 217об). Пока смотреть поморским судостроителям было практически не на что, они сами пытались освоить новоманерную практику и пытались создать некий гибридный тип судна, сочетающий в себе и традиционные староманерные черты, и новоманерные. Однако обмануть бдительность местных архангельских властей не удалось, и они доносили в Санкт-Петербург: «а по осмотру и по свидетельству оные суда явились по гукорному, токмо по которых мест в грузу бывают шиты вичью, а которые мастера оные гукоры строили, те к ново-манерным судам мастерством подлинно не обучались» (РГА ВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 32, л. 5). Подобная судостроительная практика, можно полагать, встречаться стала нередко, и потому Архангелогородская канцелярия в 1722, 1723, 1728 гг. неоднократно писала в Сенат запросы — как быть с подобными гибридными судами: «именуемые гукоры, токмо явились шитые» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 93). Однако Сенат молчал, и поэтому Архангелогородская губернская канцелярия в 1722 г. была вынуждена сама сделать определение подобным судам: «морские суда, которые прежде сего были в 719-м году не орлены за отлучением, а другие и вновь построенные именуемые гукоры, токмо явились шитые, переписываны и орлены штрафным клеймом, в котором значитца 722 год» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 96об). Таким образом, в группу «штрафных» судов попали суда, в течение 6 лет не прошедшие регистрацию, и суда, построенные не по ново-

манерному образцу. Все поморские суда должны были пройти «освидетельствование» в Архангелогородской ратуше, судовладелец обязан был предъявлять данный документ каждый раз, когда он отправлял корабль с грузом или на промыслы и просил разрешения выйти в море (РГА ВМФ, ф. 212, Отд. I. Указы, д. 19, лл. 104, 115, 119).

В связи с указами о «новоманерных» судах предписывалось «на тех новопостроенных кораблях подписывать, в котором месте строен и звание, а как по спуску готовитца, объявлять в ратуше и записывать все обстоятельство того корабля, число ластов, глубина, ширина и длина машты, знаки, имя корабельного мастера и тому подобное, с которой записи давать во свидетельствованные письма за подписками и за печатью городов, для того, когда такой корабль кому продан будет, то помянутому письму надлежит быть у купца на том корабле» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 4160, л. 4об). В 1728 г. следует повторение указа: «велено по Белому и Мурманскому морю поморским жителем для ходу малым морем от Соловков до города Архангельского и по реке Двине делать галиоты, гукоры, краеры и эверсы, а для рыбных и звериных промыслов делать щербот болше и малые... такие как в Санкт-Петербурге делаютца» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 4160, л. 4). Однако попытка государства улучшить постоянно ухудшающееся состояние морских поморских промыслов путем реорганизации промыслового флота в первую очередь за счет крестьянского населения натолкнулась на упорное сопротивление самого этого населения.

Итак, проследим по письменным документам некоторые этапы этого

противостояния. Императорский указ от 28 декабря 1715 г. был получен в Архангельске 19 января 1716 г., и по этому указу велено было: «Объявить всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов своих на лодьях и кочах, дабы они вместо тех судов делали морские суда галиоты, гукоры, каты, флейты, хто у них такие похочет (пока они новыми морскими судами исправятца) дайтца им сроку на старых доходить только два года, а по нужде три года, а вновь кочей и лодей делать не велеть под штрафом (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 74, лл. 48, 128–128об). Уже следующий указ от марта 1719 г. вносит некоторые послабления: «дабы впредь для морского ходу делали галиоты, гукоры, краеры и эверсы для ходу только малым морем от Соловков до города Архангельского и по реке Двине, и для того старые их суды лодьи, карабасы, соймы, кочи и протчие велено переорлить и дать им на тех заорленных доходить, а вновь отнюдь не делать, а буде кто станет делать после оногo указа, тех с наказанием ссылатъ на каторгу и суды их изрубливать» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 48об). Строгая регламентация, содержащаяся в императорских указах, по существу, означала полную замену, причем в короткий срок, всего промыслового и каботажного флота Поморья, что практически было нереально. 20 сентября 1728 г. в Архангельск посылается новый указ: «велено по Белому и Мурманскому морю поморским жителем для ходу малым морем от Соловков до города Архангельского и по реке Двине... делать галиоты, гукоры, краеры и эверсы, а протчим и особливо рыбным и звериным промышленником для рыбных промыслов и воски припасов позволяйтца

делать щерботы большия и малые, такие как в Санкт-Петербурге делаютьца» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 49).

Что же произошло? Оказывается, что «в звериных и коженных промыслах не токмо помешательство, но и весьма великое умаление чинитца от того, что старо-манерные суда строить тем указом запрещено» (РГА ВМФ, ф. 212, Отд. I, Указы. д. 19, л. 15об). Об этом были прошения архимандрита Соловецкого монастыря и мезенских промышленников, писавших, что «за мелкостию вверх по Двине рек и приморских берегах, и решных устьях, и в протчих местах на новоманерных судах ходить не возможно и оных новоманерных судов им мезенцам строить за скудостию нечем». Соответственно поданным челобитным Правительствующий Сенат принял решение:

1. По челобитью 1730 г. архимандрита Соловецкого монастыря «тому монастырю для потребностей монастырских и крестьянских... старо-манерные суды строить позволить».

2. По челобитью мезенцев 1731 г. «велено, для привозу хлебных припасу и лову зверей старо-манерные суды строить» (РГА ВМФ, ф. 212, Отд. II, Указы. д. 19, 1749, л. 16–16об).

3. Третий указ касался уже архангелогородцев, холмогорцев, а также Двинского и Олонецкого уездов промышленников: «в строении старо-манерных судов позволить», как и мезенцам и Соловецкому монастырю, но при условии, что они «ворванье сало и кожи и другие принадлежащие к тем промыслам товары» будут привозить в компанию графа Шувалова.

Таким образом, указы Сената, изданные к 1749 г., значительно смягчили

жесткие требования первоначальных петровских и послепетровских указов о новоманерном судостроении в Поморье. Оговорки сенатских указов о том, чтобы «кроме тех салных промыслов и звериной ловли и провозу ворваньа сала, кожи и других принадлежащих к тем промыслам товаров, других сторонних товаров на тех старо-манерных судах не возили, а имели для того такие ново-манерные суда, какие указами позволено», возможно, никогда практического значения не имели. Однако письменные документы первой половины XVIII в., и особенно первых десятилетий этого столетия, важны прежде всего как источник представлений о судьбах новых веяний в поморском традиционном судостроении. Трудно поверить, что поморское судостроение во всем вернулось к практике конца XVII в. Несомненно, период внедрения новоманерных судов оказал влияние на весь комплекс поморских судостроительных традиций.

Безусловно, процесс «модернизации» в поморском судостроении не мог проходить быстро и гладко. Приведем несколько убедительных примеров.

В 1722 г. «в разных месяцах и числах его императорскому величеству города Архангельского и других городов жители били челом, чтоб их суды для морских промыслов отпустить на море и в другие места. А по осмотру и свидетельству суды их явились строены по-гукорному, токмо со дна по которых мест в грузу бывает, шиты вичью, и от шитых мест вверх бока прибаваны гвоздем, и до подлинных гукоров не дошли. И оснащены те гукоры по-лодейному. А в допросе о тех судах оных городов жители показали — вышепи-

санные гукоры подлинно ль по новому манеру построены, того они не знают, понеже которые мастера те их гукоры строили, к ново-манерным судам мастерством еще подлинно не обучились» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 4160, л. 212).

В 1728 г. холмогорец Роман Качалов, давая объяснение в Архангельской губернской канцелярии о своей яхте, писал, что еще в 1723 г. «в осмотре из-за моря на Галанских караблях карабельщиков, которые при том осмотре руками подписались, написано: оно-де, судно, против двинских судов называемая яхта, делана стыком и сколачивана гвоздем железным, а снастей на ней все по заморскому обыкновению, и таковые же суды, называемые яхты, ходят в Датцкую землю и другие земли» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 529-Н, л. 77–78об). Любопытно и то, что именно это судно, но как «гукор» было построено на Баженинской корабельной верфи: «строили мастера, которые работают при карабельном строении Гостиной сотни Федора Баженина Иван Федоров сын Мехонин с товарищи».

Письменные документы архангельской таможни того времени содержат немало результатов подобных «осмотров». Так, в 1729 г. при осмотре судна, принадлежавшего Сетринскому Важскому монастырю, оно явилось строено «по гукорному, стыком край с краем, на петниках и на гвоздье, и около ево обведено баркотами, а дерево и снасть на оном гукоре по прежнему обычаю» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 545, л. 129). В итоге владельцу-монастырю было велено исправить оснастку судна для предоставления ко вторичному осмотру, что и было исполнено: «И по определению Архангелогородской губернской канцеля-

Таблица 1. Сведения о поморских судах в 1712–1806 гг.

№	Типы судов	1712	1728	1729	1740	1751–1806
1	лодья	15	2	–	–	340
2	коч	2	–	–	–	–
3	кочмара	–	1	2	–	296
4	карбас	46	25	7	8	24
5	сойма	51	45	15	–	–
6	гукор	–	26	16	8	5
7	буяр	–	4	5	3	4
8	шняка	15	–	–	–	2
9	яхта	–	5	4	5	–
10	галиот	–	–	2	1	5
11	шкута	–	2	2	2	7
12	щербот	–	–	2	–	–
13	дошаник	2	–	–	–	–
14	доншкоут	–	2	2	–	7
15	бот/полубот	–	–	–	–	7
16	бригантина	–	–	–	–	5
17	брик	–	–	–	–	6
18	лехтар	–	–	–	2	–
19	снук	–	–	–	1	–
20	шлюб	–	–	–	–	3
21	гладеник	–	–	–	–	2
22	судно, корабль или неопределенные	1	–	–	–	21
Всего		132	112	57	30	734
					Всего	1065

рии посланы были для осмотра бывшие Осипа Баженина карабельные мастера Куреской волости крестьяня — Василии Плотников, Егор Уских, Чюхченемской волости Ларион Трескин. И по осмотру их оной гукор явился оснащен по гукорному, как таковы гукоры снастятца, и по заморскому обычаю. И в том они подписывались» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 129–129об). Почти те же самые «недочеты» обнаружались при осмотре гукора, принадлежащего архангельскому архиепископскому дому. При осмотре судна, отправленного на мурманский

берег для рыбного промысла, оказалось, что «вышеозначенный гукор показан строения прошлых давних лет и строен и оснащен наподобие новоманерных судов, как строятца гукоры, токмо шит вичью и гвоздем, заклеямен в прошлом 726-м году учиненным штрафным клеймом, на котором значит “1722 году” (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 4160, л. 92). В сентябре 1729 г. Трофим Иванов сын Чайкин, житель Сумского острога, вотчины Сумского монастыря, подал прошение о пропуске гукора, заорленного на имя архангелогородского сол-

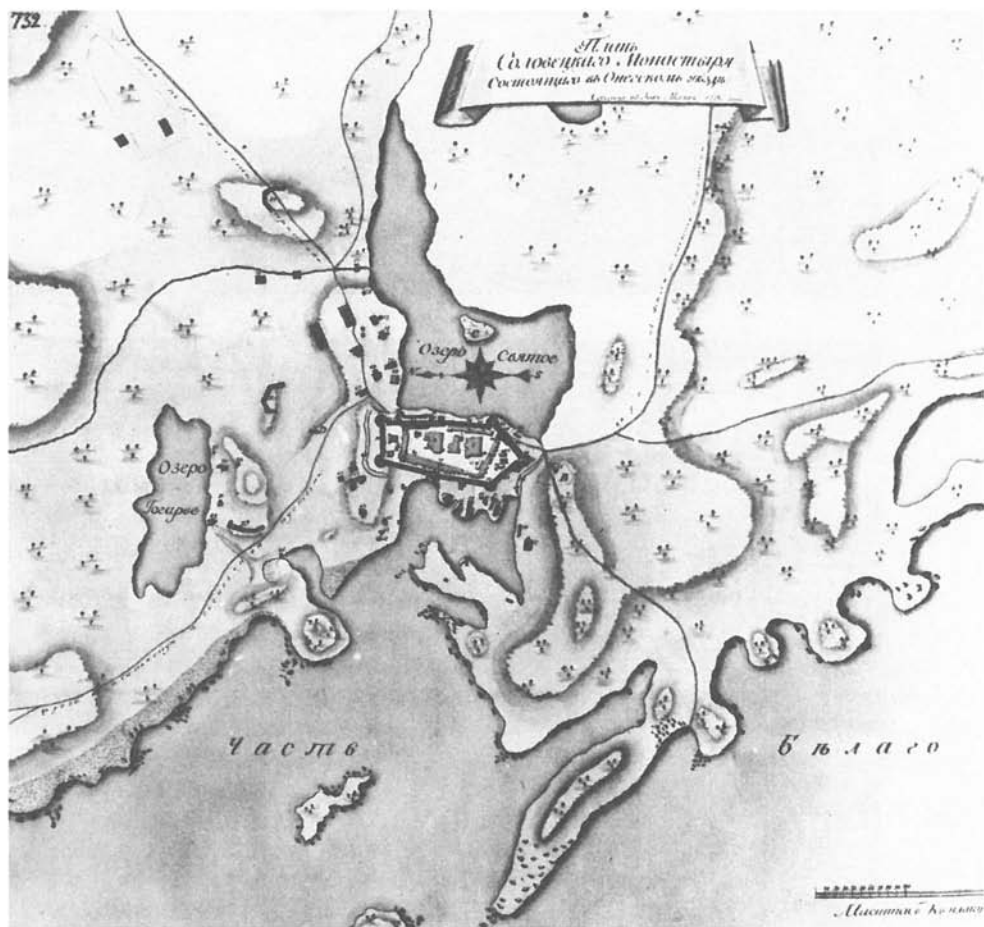

Рис. 1. Северное Поморье: Соловецкий монастырь и его окрестности (карта из Атласа 1797 г.)

дата Ивана Багрова, на котором Чайкин отправил рабочих людей «на море». При осмотре судна оказалось, что «гукор шит вичью и снасть на нем староманерная, а не по гукорному» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 545, л. 63–64).

Приведенные примеры, на наш взгляд, убедительно демонстрируют, каким непростым для поморского крестьянского судостроения оказались первые десятилетия после принуди-

тельного перехода к «ново-манерному» типу судов. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют считать, что процесс такой «модернизации» растянулся на большую часть XVIII в. Объясняется это явление не только приверженностью крестьянских судостроителей к стародавним традициям, но и определенными уступками властей, которые, в свою очередь, были вынуждены принимать во внимание

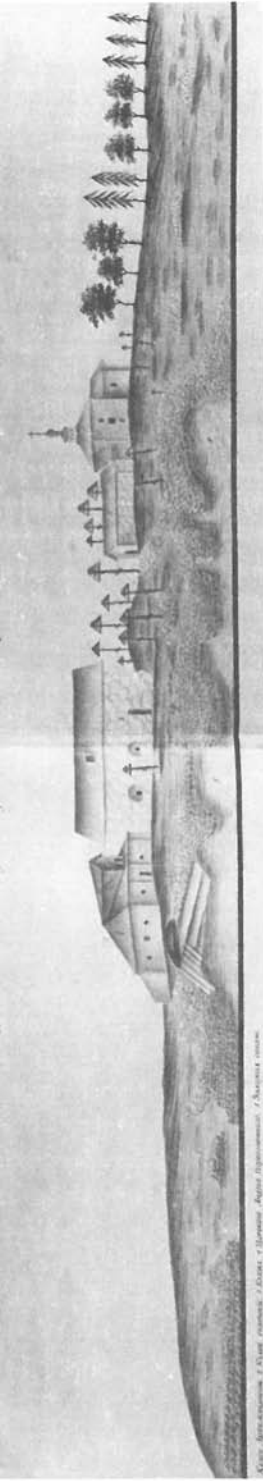
Соловецкий монастырь. Видъ восточной стороны острова D. Соловецкий монастырь. Видъ восточной стороны острова D. Соловецкий монастырь. Видъ восточной стороны острова D.

Видъ Анзерскаго святаго съ восточной стороны на ртвице К.

Видъ Анзерскаго святаго съ восточной стороны на ртвице К. Анзерскаго святаго съ восточной стороны на ртвице К. Анзерскаго святаго съ восточной стороны на ртвице К.

Видъ мысовой Лавры и при ней строения въ гавани Р.

Видъ мысовой Лавры и при ней строения въ гавани Р. Мысовая Лавра и при ней строения въ гавани Р. Мысовая Лавра и при ней строения въ гавани Р.

Рис. 4. Большой Заяцкой остров. Гавань и строения (Атлас 1797 г.)

как рациональность, так и значимость этих традиций для населения региона. Поэтому таким жизнестойким и оказался своеобразный симбиоз старого и нового в поморском судостроении.

В табл. 1 приведены сведения об «отпущенных» из Архангельского порта судов за период 1712–1806 гг. Нетрудно заметить, что здесь представлены все типы морских судов, существовавших в этот период и получивших разрешение на выход в море. Важно и то, что выходявшие из Архангельска суда принадлежали разным регионам Поморья — Западному Беломорью, Подвинью, Мезени. В приведенной таблице речь не идет об абсолютной достоверности численного соотношения различных типов судов. Характер документов, на

основе которых составлена таблица, таков, что нельзя исключать неоднократность выхода в море некоторых судов из Архангельска за одну навигацию. Более важно то, что сведения в таблице позволяют говорить об общей тенденции: увеличение строительства судов типа «новоманерных». Есть и другая сторона проблемы — насколько новая судостроительная практика затронула и изменила традиционные организационные и особенно конструктивные основы местного крестьянского судостроения. В наличии такого взаимодействия в судостроительной практике даже гипотетически вряд ли можно сомневаться.

Необходимо отметить еще один аспект рассматриваемой проблемы —

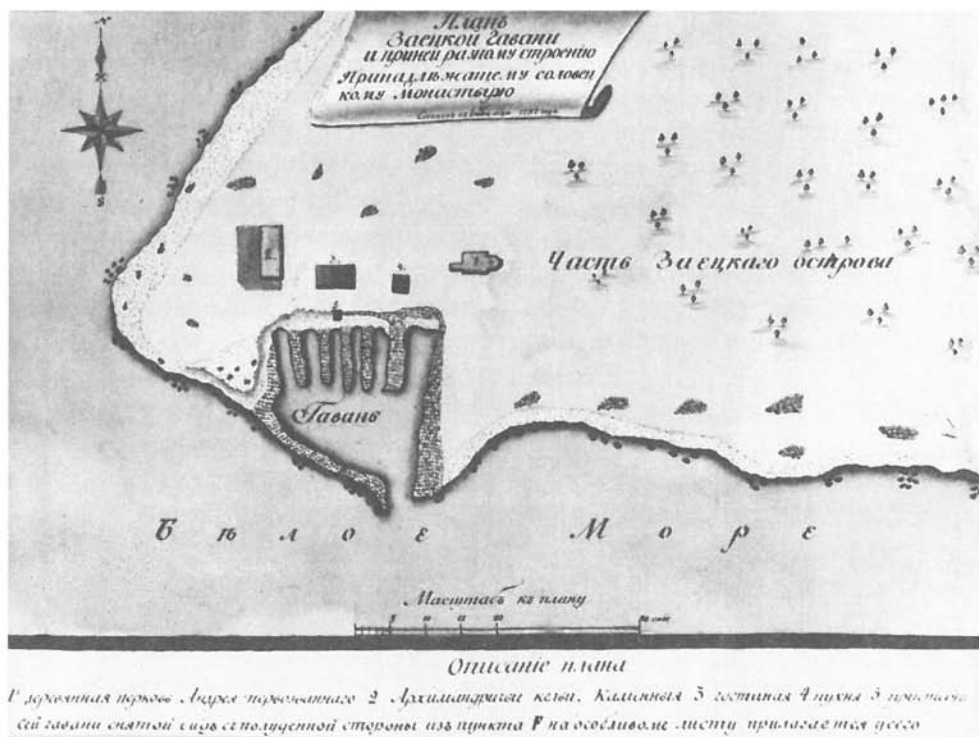

Рис. 5. Большой Заяцкий остров. План гавани (Атлас 1797 г.)

Рис. 6. Большой Заяцкий остров. Гавань и строения

различные регионы Поморья имели существенные (географические и хозяйственные) особенности, и поэтому процесс «модернизации» поморского крестьянского судостроения, например, в Западном Беломорье или в районах Мезени и Печоры мог иметь и, несомненно, имел специфику. Но насколько и в чем это проявлялось конкретно в каждом из регионов, смогут определить лишь будущие региональные исследования.

В связи с этим нам представляется важным обратить внимание на Западное Беломорье как на один из экономически значимых в хозяйственном отношении регионов Русского Севера. Определяющее значение в этом, несомненно, играла самая мощная экономическая структура Поморья — Соловецкий монастырь (рис. 1–6), основные вотчинные владения которого находились именно в западной части Беломорья. Напри-

мер, на 1597 г. Переписная книга Соловецкого монастыря фиксирует: «восемь людей с парус и с якори, и с шеимами, и со всем лодейным запасом, да двадцать карабасов болших и малых» (РА СПб. ФИРИ РАН, колл. 2, д. 127, л. 113). Благодаря активной экономической деятельности в архиве Соловецкого монастыря сохранились наиболее полные сведения о деятельности крестьянских корабелей на протяжении XVIII в.

В основу составленного «досье» положены сведения: 1. Архангельской портовой таможни о получивших разрешение и отправленных из Архангельского порта судах в 1728–1748 гг. (наличие в этих «отпусках» сведений о размерах, месте строительства и строителях-корабелях делает данные документы информативным и надежным источником); 2. Архивные документы первой половины XVIII в. из фонда Соловецкого монастыря.

1. Сведения Архангельской портовой таможи³:

1. Елизаров Иван, крестьянин Олонецкого уезда, Толвуйского погоста

Сохранились два документа на постройку Иваном Елизаровым судна, причем оба они принадлежали представителю Выгорецкого ста-

рообрядческого общежительства Мануилу Петрову. Первое судно — это «шкуна» «Преподобный Савватий»:

«По справке в Архангелогороцкой губернской канцелярии вышеявленная шкута именуемая “Преподобный Савватий” в прошлом 1727-м году октября 4 дня по прошению Выгорецкого общежительства обывателя Мануила Петрова от города Архангелского мимо Архангелскую крепость в Сумской острог с хлебными припасы по таможенным отпуском в отпуску была, а в данном вышеявленному просителю Мануилу Петрову в прошлом 726-м году октября 6 дня из бывшего Архангелогороцкого магистрата свидетельствованном письме за руками бургомистра Семена Дудина, ратманов Ивана Ушакова, Анофрия Воронихина, Петра Свешникова, с которого письма в 727-м году июня 2 дня точная копия взята и под делом того ж году имеетца написано:

Вышеупомянутая шкута именуемый “Преподобный Савватий” груза имеет пятдесят пять ластов, длина по килю 56 футов, ширина по палубам во 18 футов 6 дюймов, глубина 9 футов, о трех маштах, первая грото машта и солтен марселем 70 футов, фоко машта 40 футов, бизан машта 38 футов аглинских, знак на нем российской, строен в вотчине Кожеозерского монастыря при реке Шуйке в прошлом 724-м году мастером Олонецкого уезду Толвуйского погоста крестьянином Иваном Елизаровым. И по определению в бывшем Архангелогороцком магистрате вышеобъявленной шкут от оногo магистрата свидетельствован и вновь учрежденною печатью гербом заклеямен и для того свидетельствованное письмо дано. И о вышеписанном пропуске указом его императорского величества что будет повелено.

Секретарь Давыд Федоров
Подканцелярист Алексей Ступинцов».

Из документа следует, что строительство шкуны происходило не в Толвуйском погосте, а в вотчине Кожеозерского монастыря, то есть эта работа мастера Елизарова была «на выезде».

Второе судно, построенное Елизаровым, — буйар «Лебедь», на которое Мануилу Петрову в 1726 г. было выдано «Свидетельствованное письмо»:

«Из Архангелогороцкого Магистрата дано сие свидетельствованное письмо Олонецкого уезда Выгорецкого общежительства Маноилу Петрову на новопостроенный буйар, в котором оной Петров в Архангелогороцком магистрате сего сентября 10 дня объявил имянуемой “Лебедь” грузу имеет 20 ластов длина по килю 40 футов, ширина по палубам 13 футов, глубина 6 футов 5 дюймов, об одной маште, вышина маште 46

³ Сведения Архангельской портовой таможи составлены по: ГААО, ф.1, оп. 1, д. 529-Н, л. 17-18, 115-115об., 148-149, 155-156, 190-191, 197-198,

222-222об.; д. 545, л. 24-15, 55-56, 104-104об., 119-119об. 1729 г.; д. 2638, л. 5об.-6об., 69-70, 1740 г.

футов аглинских, знак на том буяре — российский, строен в прошлом 725-м году в вотчине Соловецкого монастыря в Кушереке мастером Олонецкого уезда Толвуйского погостов Иваном Елизаровым, ходит на море для рыбных и звериных промыслов, работных людей имеетца 6 человек. А ныне оной буяр изготовлен в путь на выше предьявленные промыслы, а в указе блаженные и вечнодостойные памяти Его Императорского Величества а ныне Ея Императорского Величества каковы присланы из Главного магистрата в архангелоцкой магистрат написано по инструкции коммерц.коллегии втораго надесят Пункта велено на новопостроенных кораблях подписывать, в котором месте строен, звания и как к отпуску изготовлен будет и в тех местах в таможнях записывать и того места от магистрата за печатью городского иметь свидетельствованные писма, в которых все обстоятельства того корабля описаны быть имеют. А имянно — строение корабля, число ластов, глубина и ширина и длинность машты, знаки так же и имя корабельного мастера и тому подобное для того, когда такой корабль кому другому продан будет по тому писму надлежит быть у того купца при том корабле и того раде всех морских таможен инспектором и протчим таможенным служителем того смотреть накрепко, чтоб никакой новопостроенный в Российском государстве корабль в протчие порты без записки не отходил и данные от магистрата свидетельствованные писма судовщики при отходе на порта в портовых таможнях объявляли неотменно и по тем Его Императорского Величества и Ея Императорского Величества Указом и инструкциям, а по определению в Архангелогороцком магистрате против объявления вышепредьявленного Маноила Петрова новопостроенный буяр от архангелогороцкого магистрата дано велено по силе вышепредьявленных Указов и инструкций с сим писмом явитца в Архангелогороцкой портовой таможни, а ежели вооная таможня с сим писмом не явитца и на том писме подписано не будет, то оной буяр на определенных заставах на море не пропускать и того ради во уверение при сем при подписании рук Архангелогороцкого Магистрата печать сентября 17 дня 1726 года...»

Мануил Петров — фигура весьма заметная в жизни Выгоновского старообрядческого общезищества, и не только как администратор, но и как

писатель, и по отзывам современников яркая личность: «...муж благочестивой и строгой жизни, редких талантов» (Рождественская 1972: 301).

2. Лохманов Терентий Савин сын, крестьянин Олонецкого уезда Шуйского погоста Кузнецовой деревни

Сохранилась челобитная 1728 г. стряпчего Соловецкого монастыря

о пропуске шкуты «Авва Зосима Соловецкий чудотворец»:

«Всепресветлейший державнейший великий государь император и самодержец всероссийский, государь всемилостивейший, бьет челом Соловецкого монастыря стряпчий Стефан Чючеев, а о чем, следуют пункты:

1.

Отпущаю я от города Архангелского в вышеявленной Соловецкой монастырь с хлебными про монастырский расход по таможенному отпуску припасы мимо Архангелскую крепость того ж монастыря свидетелствонную в Архангелогороцком магистрате шкуту, имянуемую “Авва Зосима чудотворец”, которая строена в прошлом 725-м году.

2.

А о пропуске вышеявленной шкуты и на той шкуте монахов и кормщика, и работных людей, которые имеют пашпорта, позади Маркова острова указу не имею.

Всемилоостивейший государь, прошу вашего императорского величества о даче о пропуске оной шкуты и со оными людьми позади одного острова указу решение учинить. 1728 году июля дня. К подаче надлежит в Архангелогородцкой губернской канцелярии. Челобитную писал Михайло Солонбалцов. К сей челобитной Соловецкого монастыря стряпчей Стефан Чючеев руку приложил.

№ 2031. Подана июля 2 дня 1728 году. Записав книгу, отдать по повытью и выписать.

По справке в Архангелогородцкой губернской канцелярии, в прошлых 725-м, 726-м и 727-м годах вышеявленная шкута, имянуемая "Авва Зосима чудотворец", от города Архангелского мимо Архангелскую крепость в вышеозначенный Соловецкий монастырь с хлебными припасы в отпуску была.

А в данном во оном 725-м году из бывшего Архангелогородцкого магистрата свидетелствованном писме за руками бургомистров и ратманов написано: Июля 24 дня в Архангелогороцком магистрате Соловецкого монастыря иеромонах Евфимий явился и сказал: в прошлом 725-м году построен того Соловецкого монастыря новостроенное судно шкот, именуемое "Авва Зосима Соловецкой чудотворец", имеет груза сто ластов, длиною семдесят восемь футов, шириною дватцать три фута, глубины десять футов, о трех мачтах с кругом, первая мачта от килю до верху длиною пятьдесят три фута, вторая носовая мачта сорок семь футов, третья кормовая сорок пять футов, а имеютца аглинские фута, знак имеет российской, строен оной шкут в том Соловецком монастыре мастером Олонецкого уезда Шуйского погоста Кузнецовой деревни крестьянином Терентьем Савиным сыном Лохмановым.

А по оному вышеобъявленному иеромонаха Евфимия объявлению от Архангелогороцкого магистрата ратманом Ануфрием Воронихиным оной новостроенной шкут, именуемый "Авва Зосима Соловецкой чудотворец", свидетелствован, который по свидетелству против объявленной одного иеромонаха Евфимия скаски явился во всем в сходстве и для уверения на оном шкуте наклеяно, на котором клейме изображен герб, по краям оного клейма слова "Клеймо Архангел. порт. магистрата", а под гербом "1725 год".

Подканцелярист Алексей Ступинцов».

3. Афанасий Антипин сын Корелский, крестьянин Олонецкого уезда, Панозерской волости

Сохранилась выписка из Свидетельствованного письма на шкуту «Зосима», которая в 1727, 1728 и 1729 г.

«в разных месяцах и числах от города Архангелского на море была в отпусках»:

«Шкута именуемая "Зосима" грузу имеет 20 ластов, длина 30 футов, глубина до полуб 7 футов, ширина меж обшивкою 13 футов, об одной мачте, длина мачты 42 фута аглинских, знак на нем российской, строена оная шкута в вотчине Соловецкого монастыря в Кемском городке мастером Олонецкого уезда Панозерской волости Афанасьем Антипиным, в прошлом 725-м году».

Второе судно, построенное этим мастером, — гукор «Святой Иоан Предтеча», принадлежавший Гри-

горию Еремееву, который и имел на судно Свидетельствованное письмо:

«...груза имеет 10 ласт, длиною 41 фут, поперег 12 футов с половиною, вышина 7 футов два палца, о двух мачтах, длина грота мачты 45 футов, фок мачты 18 футов аглинских, знак российской, строен в 722-м году в Кемском городке мастером Олонцкого уезду Панозерского погоста крестьянином Афонасьем Антипиным сыном Корелским».

4. Никонов Кирил, ладожанин

Этот мастер, несомненно происхождением из г. Ладоги или Ладожского уезда, построил в Поморье несколько судов.

Первое судно — доншкот было построено этим мастером в 1727 г. в вотчине Антониево-Сийского монастыря «на реке Си при монастырской мельницы» для мо-

настырских нужд, в том числе и для мурманских рыбных промыслов и для подрядных перевозок, о чем написано в челобитной стряпчего монастыря Михаила Тарабарина.

Второе судно — гукор ладожский мастер построил в Сумском остроге в следующем, 1728 г.:

«Всепресветлейший державнейший великий государь император и самодержец всероссийский, государь всемилостивейший, бьет челом Соловецкого монастыря Сумского острога житель Василей Степанов сын Махилев, а о чем, следуют пункты:

1.

Иду я от города Архангелского в Колской острог с подрядным в Архангелогороцкой губернской канцелярии вашего императорского величества горожанином Васильем Крестининым правивантом на дачу в том остроге гварнизонным служителем жалованья на новопостроенном своем в нынешнем 728-м году гугоре, именуемом “Святой Андрей Стратилат”, и на оной гукор имею от Архангелогороцкой земской ратуши свидетелствованной письмо.

2.

А о пропуске оного гукура и работных людей по пашпортом мимо Архангелскую крепость по за Маркову острову указу не имею.

Всемилоостивейший государь, прошу вашего императорского величества о даче о пропуске оного гукура и по пашпортом работных людей мимо оную крепость указу решение учинить. Июля дня 172-й году. Челобитную писал писчик Лаврентей Ключев. К поданию надлежит в Архангелогороцкой губернской канцелярии. К сей челобитной Василий Махилев руку приложил.

Копия.

По указу его величества Петра Второго, императора и самодержца всероссийского и протчая и протчая, из Архангелогороцкой ратуши дано сие свидетелствованное письмо вотчины Соловецкого монастыря Сумского острога жителю Василью Степанову сыну Махилеву на новопостроенной гукор, именуемый “Святой Андрей Стратилат”, который груз имеет дватцать восемь ластов, длиною по килю пятьдесят

футов, а по верху шездесят футов, шириной семнатцать футов, глубиною семь футов с половиною, о двух мачтах, первая грот мачта длиною сорок один фут, стег мачта тритцать футов, безан мачта дватцать девять футов аглинских, знак на нем российской, строен в нынешнем 1728-м году при Сумском остроге мастером ладожанином Кирилом Никоновым, а ходить будет тот гукор к морю и на рыбные промыслы, и с хлебными припасы в поморские места, а работных людей пять человек... И с тем писмом по силе вышепредъявленных указов и инструкции ведома явитца в Архангелогородской портовой таможни, и того ради во уверение при сем писме при подписании рук Архангелогородской ратуши печать. Июля 6 дня 1728 году».

5. Плещуков Кирик, ладожанин

В нашем списке этот мастер — второй ладожанин. Пока мы можем высказать только догадку, что Кирил Никонов и Кирик Плещуков — это одно лицо, один и тот же мастер-ладожанин: Кирил Никонов сын Пле-

щуков. Однако неоспоримых доказательств у нас нет. По обнаруженным нами документам он в 1729 г. «на Соловецком острове при монастыре» построил гукор «Санкт-Аббас Савватий Соловецкий»:

«Всепресветлейший державнейший великий государь император и самодержец все-российский, государь всемилостивейший, бьет челом нижайший ваш богомолец, а о чем, следуют пункты:

1.

Отправляюсь я нижайший от города Архангелского в Соловецкой монастырь на новопостроенном в нынешнем 729-м году гукоре именуемом “Санкт Аббас Савватий Соловецкий”, который из Архангелогороцкой ратуши свидетелствован и дано свидетелствованное писмо, с хлебными и другими про монастырской обиход припасами по таможенным отпускам.

2.

А кто на оном гукоре кормщик и работные люди, те имеют при себе свободные пашпорты.

3.

А о пропуске оногo гукора и работных людей мимо Лицкую заставу из Архангелогороцкой губернской канцелярии указу не имею.

Всемилоствейший государь, прошу вашего императорского величества о даче о пропуске указу милостивое решение учинить.

Вашего императорского величества нижайший богомолец вышеобъявленного Соловецкого монастыря келарь иеромонах Геннадий. 1729 году сентября ... дня. Челобитную писал писчик Лаврентий Ключев. К поданию надлежит в Архангелогороцкой губернской канцелярии. Келарь иеромонах Геннадий руку приложил.

№ 812. Подана сентября 3 дня 1729 года. Записав в книгу отдать по повытью и выписав предложить к докладу.

А по справке из Архангелогороцкой губернской канцелярии:

В нынешнем 729-м году июля 30 вышеявленной гукор именуемый “Санкт Аббас Савватий Соловецкий” по прошению вышеименованного келаря иеромонаха Геннадия от города Архангелского в Соловецкой монастырь с хлебными и другими

манастырскими припасами по таможенным отпускам мимо Лицкую заставу в отпуск был. А в данном из Архангелогороцкой ратуши в нынешнем 729-м году свидетелствованном письме на имя Соловецкого монастыря келаря иеромонаха Генадия за руками бурмистров Гавриила Попова, Ивана Латышева, с которого в нынешнем 729-м году точная копия под делом имеетца написано:

Вышеявленной гукор именуемый “Санкт Аббас Савватий Соловецкий” грузу имеет 33 ластва, длиною по килю 52 фута, глубиною 8 футов, о дву мачтах, первая грото мачта со стенгом 81 фут, другая безань мачта 43 фута галанских, знак на нем российской, строен в нынешнем 729-м году на Соловецком острове мастером ладожанином Кириком Плещуковым, и по определению в Архангелогороцкой ратуше вышепомянутый гукор от оной ратуши свидетелствован и учрежденною печатью гербом заклеямен, и для того свидетелствованное письмо дано.

Копия.

По указу его величества Петра Второго, императора и самодержца всероссийского и протчая и протчая.

Из Архангелогороцкой ратуши дано сие свидетелствованное письмо Соловецкого монастыря келарю иеромонаху Генадии на новопостроенной гукор, имянуемый “Санкт Аббас Савватий”, грузу имеет тридцать три ластва, длиною по килю пятьдесят два фута, шириною семнатцать футов, глубиною восемь футов, о двух мачтах, первая грото мачта со стенгом восемьдесят один фут, другая бизан мачта сорок три фута галанских, знак на нем российской, строен в нынешнем 1729-м году на Соловецком острове при монастыре мастером ладожанином Кириком Плещуковым, а ходить будет к морю в Российском государстве и в другие иностранные государства, на нем работных имеетца девять человек. И по силе присланных блаженныя и вечнодостоинныя памяти его и ея императорского величества из Главного магистрата в бывшей Архангелогороцкой магистрат указов и по инструкции Комерц коллегии второго на десять пункта сие свидетелствованное письмо иметь при сем гукоре, для того, когда тот гукор кому другому продан будет, надлежит при том гукоре. И тот гукор от Архангелогороцкой ратуши свидетелствован и вновь учрежденною печатью гербом клеймен для знания и сие свидетелствованное письмо из Архангелогороцкой ратуши ему Геннадию дано и с тем писмом для ведома явитца в Архангелогороцких губернской канцелярии и портовой таможи, и того ради во уверение при сем письме при подписании рук Архангелогороцкой ратуши печать. Июля 22 дня 1729 году.

У подлинного письма приписание рук тако:

Бурмистр Гаврило Попов.

Бурмистр Иван Латышев.

Читал Осип Окулов.

Печатных пошлин семдесят пять копеек, на расходы половина копейки взято и в книгу записано. П(о)длинное письмо келарь иеромонах Генадий взял в том и росписался.

С подлинным читал подканцелярист Алексей Ступинцов».

6. Макар Вторыгин, крестьянин Пудожемской волости

Житель Кемского городка Федор Якимов сын Жилин в октябре 1728 г. получил «Свидетельствован-

ное письмо» на свой новопостроенный гукор «Зосима», копия этого письма взята из таможи:

Копия.

По указу его величества Петра Второго, императора и самодержца всероссийского и протчая и протчая.

из Архангелогородской ратуши дано сие свидетелствованное письмо Кемского городка жителю Федору Якимову сыну Жилину на новопостроенной гукор, имянуемый “Зосима” грузу имеет 11 ластов, длиною по полубам сорок три фута, шириною по полубам же тридцати футов, глубиною от кия до полуб семь футов галанских, знак на нем российской, строен в нынешнем 728-м году в Кемском городке в Пудожемской волости Макарьем Вторыгиным. А ходить будет тот гукор к морю для рыбных промыслов. Работных людей имеетца десять человек, и по силе присланных блаженные и вечностойные памяти его императорского величества и ея императорского величества из Главного магистрата в Архангелогородской магистрат указов и по инструкции Комерц коллегии втораго на десять пункта сие свидетелствованное письмо иметь при оном гукоре, для того, когда тот гукор кому другому продан будет, надлежит при том гукоре. И тот гукор от Архангелогородской ратуши свидетелствован и вновь учрежденную печатью гербом клеймен, и для знания и сие свидетелствованное письмо из Архангелогородской ратуши ему Жилину дано. И с тем писмом для ведома явитца в Архангелогородской портовой таможни, и того ради во уверение при сем писме при подписании рук Архангелогородской ратуши печать. Октябрь 22 дня 1728 года.

У подлинного свидетелствованного писма приписанние рук (тако):

Бурмистр Иван Малахов.
Бурмистр Михайло Чюдной.
Читал Осип Окулов».

7. Шулгин Михаил Федоров сын, крестьянин вотчины Соловецкого монастыря Шиженской волости

Михаил Шулгин сам построил этот «маленький гукор, имянуемый “Михаил”» в 1731 г., а позднее продал его:

«Подано мая 20 дня 1740 году.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Анна Иоанновна, самодержица всероссийская, бьет челом Колского уезда Кандалашской волости крестьянин Яков Карташев, а о чем, следуют пункты:

1.

Имею я, низжайший, намерение отпустить от города Архангелского на море, для рыбного промыслу новоманерной гукор, именуемый “Михаил”, который купил вотчины Соловецкого монастыря Шиженской волости у крестьянина Михаила Федорова сына Шулгина, и оной гукор в Архангелогородской ратуши в прошлом 1731-м году свидетелствован и дано на имя показанного Шулгина свидетелствованное письмо, с которого объявляю при сем точную копию.

2.

А о пропуске оного гукура мимо Архангелогородскую крепость, брантвахту, Лицкую заставу и Пудожемское устье с хлебными и с протчими по таможенным отпуском припасами, с кормщиком и с работными людьми из губернской канцелярии указу не имею.

3.

И чтоб указом вашего императорского величества поведено было о пропуске вышеозначенного гукора с кормщиком и с работными людьми мимо означенные места дать мне с прочетом указ.

Всемилоливейшая государыня императрица, прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Сию челобитную писал Архангелогородской губернской канцелярии копеист Иван Попов. К поданию надлежит во оную губернскую канцелярию. Маия дня 1740 году.

К сему прошению вместо означенного крестьянина Якова Карташева по ево прошению губернской канцелярии копеист Алексей Токарев руку приложил. Записав, отдать в повытье, с свидетелствованного письма взять к сему копию.

Копия.

По указу ея императорского величества самодержицы всероссийской и протчая и протчая, из Архангелогородской ратуши дано сие свидетелствованное письмо вотчины Соловецкого монастыря Шиженской волости Михаилу Федорову сыну Шулгину на новопостроенной маленькой гукор, имянуемый "Михаил", который грузу имеет пятнатцать ласт, длиною по полубам тритцать пять фут пять дюймов, шириною одиннатцать фут два дюйма, глубиною от килю до полуб пять фут пять дюймов, об одной мачте сорок футов аглинских, знак на нем российской. Строен в прошлом 1731-м году вотчины Соловецкого монастыря в Шиженской волости мастером вышеименованным Шулгиным. А ходить будет к морю для рыбного промыслу и к городу Архангелскому по хлебны припасы. Работных на нем имеетца четыре человека, и по родом болше и менше. И по силе присланных в прошлом 1729 году блаженные и вечнодостояные памяти его императорского величества Петра Второго печатного указа второго пункта из Архангелогородской ратуши и сие свидетелствованное письмо ему Шулгину дано. А когда тот гукор другому продан будет, то сему писму быть у того купца, и тот гукор от Архангелогородск ратуши свидетелствован и вновь учрежденною печатью гербом клеймен, и для ведома с сим писмом явитца в Архангелогородской губернской канцелярии и у портовой таможене. И того ради во уверение при сем писме при подписании рук Архангелогородской ратуши печать. Сентября 24 дня 1731 года.

На подлинном свидетелствованном писме ея императорского величества Архангелогородской ратуши печать. На том же писме подписание рук (так): Бурмистр Иван Галахтионов, Бурмистр Лионтий Побегалов».

8. Кокорин Иван, мастер-онежанин

Сохранилось свидетельство о строительстве этим мастером одного судна — «Семион» (так гукор был на-

зван первым владельцем судна — Семеном Ивановым сыном Корелских):

«По указу ея императорского величества самодержицы всероссийской и протчая и протчая.

Из Архангелогородской ратуши дано сие вторичное письмо свидетелствованное Двинского уезду Архангелского монастыря Вождоромской деревни бывшего крестьянина Семена Иванова сына Корелских брату ево родному Якову Иванову сыну Корелских с товарищи, всего шти человеком, в том, минувшаго июня 20 дня сего

1738 году чрез поданное в Архангелогородскую ратушу оногo Якова Корелских с товарищи доношение объявлено: в прошлом де 1735 году из реченной ратуши по прошению означенногo ево брата Семена Корелского имеющийся ево вновь построенное судно гукор, именуемый “Семион”, архангелогородскими и холмогорскими мирскими старостами и посацкими людьми свидетелствованно было, а по свидетельству вновь учрежденную печатью гербом заклеяно, и ему Корелскому дано было свидетелствованное письмо с изъявлением всего того, сколько тот гукор грузу и меры имеет, также и работных по сколку бывает, ... и протчих обстоятельств, о чем в том письме показано имянно. А понеже означенной ево брат Семен Корелских в нынешнем 738 году волею божею умре, а того данного свидетелствованного письма после той ево смерти на тот гукор не осталось, о котором письме не безизвестно, что то письмо он, Семен Корелских, в жизнь свою неведомо где простотою своею потерял. А ныне де означенным гукором владеет он Яков Корелских с товарищи и просили, дабы повелено было на вышеписанный гукор с показанного прежде данного из оной ратуши в 735 году свидетелственного письма на имя ево, Якова Корелских с товарищи, дать вновь другое письмо и о том милостивое решение учинить. А по справке в Архангелогородской ратуше вышеозначенного бывшего крестьянина Семена Корелских на показанной гукор, имянуемый “Семион”, указаное свидетелствованное письмо в даче имелось в том что тот гукор грузу имеет шеснатцать ласт, длиною по стивням сорок пять фут, шириною по полубам четырнатцать фут, глубиною от килю до полуб шесть фут шесть дюймов, о дву мачтах, длина мачтам — первая гротомарсом тритцать фут, вторая безань дватцать фут аглинских, знак на нем российской, строен в том 735-м году по реке Огури в Спаской волости в деревни Павловской мастером онежанином Иваном Кокориновым. А ходить будет к морю на Мурманской берег для рыбного промыслу, также и куда путь надлежит. На нем работных людей имеетца шесть человек, а по годам болше и меньше. А по силе присланного блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества Петра Второго печатного указа прошлаго 1729 году втораго пункта тот новопостроенный гукор свидетелствован и по свидетельству вновь учрежденную печатью гербом заклеяно для того, ежели тот гукор кому другому продан будет, и тому свидетелствованному письму быть у того купца. Того ради по ея императорского величества указу и по определению Архангелогородской ратуши велено со объявлением вышеписанного прежде данного свидетелствованного письма вышеупомянутому крестьянину Якову Корелских с товарищи за показанием ево во оном доношении представлением и дать сие вторичное свидетелствованное письмо в том, ежели где означенное прежде данное свидетелствованное письмо явитца, и тому письму не верить. А с сим данным вторичным письмом для ведома явитца в Архангелогородской губернской канцелярии и в портовой таможни. И во уверении при том ея императорского величества Архангелогородской ратуши при подписании рук печать. 1738 году июля 5 дня.

Подлинное за подписанием рук (такo):

Бурмистр Иван Татауров,
бурмистр Федор Лобиков,
подканцелярист Ма [...] Жехов».

9. Петров Трофим, мастер-кемлянин

Петров Трофим, мастер-кемлянин, построил галиот «Морж», который в 1745 г. «на море» отправлял Выго-

рецкого общезительства «расколник Амос Корнилов»:

«оной галиот грузу имеет 7 ластов, длиною по стивням 60 футов, шириною по палубам 21 фут, глубиною от килю до палуб 6 футов 8 дюймов, об одной машты, длина машты 54 фута. Строен в прошлом 735-м году при Кемском городке деревни Пудожми мастером кемлянином Трофимом Петровым. Ходить будет к морю ради рыбного и звериного промыслов, а также и куда путь надлежит, на нем работных людей ныне имеетца 8 человек, а по годом больше и меньше. На оном судне знак российской, футагглинские».

10. Матвей (Матфей) Иванов сын Демидов,
крестьянин вотчины Соловецкого монастыря,
Подужемской деревни

Новопостроенный щербот «Гликерия» в 1729 г. принадлежал крестьянину Лисестровской волости (окрестности Архангельска) Ивану Игнатьеву сыну Кореле, на имя которого и было выписано «Свиде-

тельствованное письмо» в октябре 1729 г. Позднее щербот был продан раскольнику Амосу Корнилову (Выгорецкое общежительство). Сохранилась копия «Свидетельствованного письма»:

Копия

«По указу его величества Петра Второго, императора и самодержца всероссийского и протчия и протчия и протчия.

Из Архангелогородской ратуши дано сие свидетелствованное письмо Двинского уезду Лисестровской волости деревни Валдино крестьянину Ивану Игнатьеву сыну Кореле на новопостроенной щербот, имянуемый "Гликерия", грузу имеет восемь ластов, длиною по полубам сорок два фута десять палцов, шириною пятнатцать футов десят палцов, глубиною от киля до полуб шесть футов четыре палца, об одой мачты, длина мачты сорок два фута девять палцов аглинских, знак на нем российской. Строен в нынешнем 1728-м году в вотчине Соловецкого монастыря в Подужемской деревни мастером тое ж деревни Матфеем Ивановым сыном Демидовых. А ходит будет к морю в Колской острог и другие приморские места с хлебными припасы и для рыбного и звериных промыслов, на нем работных ныне имеетца пять человек, а впредь по годом больше и меньше, и по силе присланного его императорского величества печатного указу втораго пункта ему, Кореле, из Архангелогороцкой ратуши и сие свидетелствованное письмо дано. А когда тот щербот кому продан будет, то сему писму быть у того купца. И тот щербот от Архангелогороцкой ратуши свидетелствован и вновь учрежденною печатью гербом заклеямен и для ведома с сим писмом явитца в Архангелогородцкой губернской канцелярии и в портовой таможне, того ради во уверение при сем писме при подписании рук Архангелогороцкой ратуши печать. Октября 2 дня 1729 года.

У подлинного свидетелствованного писма пишет тако:

Бурмистр Гаврило Попов,
бурмистр Иван Латышев.
Канцелярист Гаврило Пушакин».

II. Сава Яковлев сын Мартынов, крестьянин вотчины Соловецкого монастыря Подужемской деревни, мастер (иногда обозначается как «мастер Кемского городка»)

На наш взгляд, Сава Мартынов был, несомненно, ключевой фигурой в практике западнобеломорского судостроения в первой половине XVIII в. Это видно даже из тех све-

дений, которые мы имеем из рассматриваемых нами «отпускных» документов, — Сава Мартынов в них обозначен как основной строитель, мастер:

«По справке в Архангелогородской губернской канцелярии, вышеявленной гукор, именуемый “Святой Николай чудотворец”, в прошлом 727-м году июля 26, сентября 25 числа по прошению оного Лопского Подрнского погоста Содалской деревни Костянтина Степановых от города Архангелского в Кемской городок с хлебными припасы в отпуску был.

А в данном в прошлом 1727-м году июля 27 дня оному Костянтину Степановых из бывшего Архангелогородского магистрата свидетелствованном письме за рукою ратмана Ивана Ушакова, с которого во оном 727-м году точная копия взята, и под делом того году имеетца написано: вышеявленной гукор, именуемый “Святой Николай чудотворец”, груз имеет 8 ластов, длиною по полубам тритцать четыре фута с половиною, шириною 10 футов, глубина 5 футов, об одной мачты, длина мачты 34 фута аглинских, знак на нем российской, строен в прошлом 727-м году в Кемском городке в Пудожемской волости мастером той ж волости Савой Мартыновым. И по определению в бывшем магистрате оной гукор от оного магистрата свидетелствован и вновь учрежденную печатью гербом заклеямен, и для того свидетелствованное письмо дано.

Подканцелярист Алексей Ступинцов.

А при сем вышеозначенной проситель Олонецкого уезда Лопского Падонского погоста Содалской деревни Костянтин Степановых под стархом смертной казни сказал — вышеявленной гукор, именуемый “Святой Николай чудотворец” о котором он просит от отпуске в Кемский городок с хлебными припасы, который из бывшего Архангелогородского магистрата свидетелствован и учрежденную печатью гербовой заклеямен в прошлом 727-м году ибля 27 дня, которой в том же 727-м году от города Архангелского во оной Кемской городок с хлебными припасы в отпуску был подлинно тот, а не другой, и никакие в том фалши не имеетца. А ежели ныне или впредь явитца в том какая фалшь, и за то указал бы его императорское величество учинить ему Степановых смертную казнь. Костянтин Степанова руку приложил».

Последующие два года артель строителей во главе с Савой Мартыновым ежегодно спускала со стапе-

лей по судну; это отчетливо видно по «свидетелствованным письмам»:

«Из Архангелогородской ратуши дано сие свидетелствованное письмо Олонецкого уезду Лопского Падонского погоста Содалской деревни Костянтину Дорофееву сыну Степановых на новопостроенный гукор, именуемый “Зосима”, грузу имеет одинатцать ластов, длиною сорок девять футов по полуб, шириною тринацать футов, глубиною семь футов аглинских, знак на нем российской, строен в нынешнем 728-м году в вотчине Соловецкого монастыря в Подужемской деревни мастером тое ж

деревни Савой Мартыновым и ходить будет с хлебными припасы и для рыбного и звериных промыслов, работных людей имеетца пять человек. И по силе присланных блаженныя и вечнодстойныя памяти его императорского величества и ея императорского величества из Главного магистрата в Архангелогороцкий магистрат указов и по инструкции Комерц коллегии втораго на десять пункта сие свидетелствованное письмо имеет при оном гукоре для того, когда тот гукор кому другому продан будет, надлежит быть при том карабле. И тот гукор от Архангелогороцкой ратуши свидетелствован и вновь учрежденною печатью гербом заклеямен, и для знания и сие свидетелствованное письмо из Архангелогороцкой ратуши дано. И с тем письмом для ведома явитца в Архангелогороцкой портовой таможни. И того ради во уверение при сем письме Архангелогороцкой ратуши печать.

Подлинное свидетелствованное письмо за руками бурмистров Ивана Малахова да Михаила Чюдного, читал подъячий Осип Окулов.

Печатных двадцать пять копеек с половиною взяты и в книгу записаны. Июля 31 дня 1728 году. 1728 года сентября в 13 день. Вышепоказанной Констатиин Дорофеев оное судно продал холмогорцу Якову Васильеву сыну Жеребцову, о чем и в Архангелогороцкой внутренней таможне торг записан.

У того подписано (так): Бургомистр Ларион Попов. 1728 году сентября 14 дня. Сие свидетелствованное письмо в Архангелогороцкой портовой таможни явлено и со оного письма взята копия.

У того подписано тако:

Контролер Андрей Брехов.
Канцелярист Иван Савинов.

С подлинным читал подканцелярист Григории Скрыпин».

Копия

«По указу его величества императора и самодержца всероссийского и протчия и протчия.

Из Архангелогороцкой ратуши дано сие свидетелствованное письмо Олонецкого уезду Лопских Падонского погоста Сондальской деревни Константину Дорофееву сыну Степановых на новопостроенный гукор, именуемый “София”, грузу имеет двенадцать ластов, длиною по полубам сорок девять футов, шириною тринадцать футов, глубиною семь фут, о дву мачтах, первая грото мачта длиною сорок семь фут, другая бизан дватцать четыре фута аглинских, знак на нем российской, строен в нынешнем 1729-м году в вотчине Соловецкого монастыря в Кемском городке мастером того Кемского городка Савой Мартыновым сыном Яковлевым, а ходить будет к морю в Колской, Пустозерской остроги, и в другие приморские места с хлебными припасы и для рыбного и звериных промыслов. На нем работных людей имеетца шесть человек. И по силе присланных блаженныя и вечнодстойныя памяти его императорского величества и ея императорского величества из Главного магистрата в бывший Архангелогороцкий магистрат указом и по инструкции Комерц коллегии втораго на десять пункта сие свидетелствованное письмо имет при оном гукоре, и тот гукор от Архангелогороцкой ратуши свидетелствован и вновь учрежденною печатью гербом заклеямен, и для знания и сие свидетелствованное письмо из Архангелогороцкой ратуши ему Степановых дано и с тем письмом явитца в Архангелогороцкой губернской канцелярии портовой таможни. И того ради во уверение при сем письме при подписании рук Архангелогороцкой ратуши печать. Июня 28 дня 1729 году.

У подлинного свидетелствованного письма подписано (так):

Бурмистр Гаврило Попов.
Читал Осип Окулов».

Характерен, на наш взгляд, и тот факт, что все три судна-гукора были построены одному и тому же промышленнику-крестьянину «Олонецкого уезду Лопских Падонского погоста Сондальской деревни Константину Дорофееву сыну Степановых». Отпуск на мурманские рыбные промыслы крестьянами нескольких промысловых судов был, вероятно, не редким явлением.

Совершенно ясно, что фамилии судовых мастеров, указанные в «Свидетельствованных письмах», — это фамилии руководителей судостроительных артелей, численность которых колебалась от шести человек и более.

2. Соловецкое досье

Архивные документы первой половины XVIII в. из фонда Соловецкого монастыря

Более 15 лет тому назад В. П. Пузырев при описании судов, строящихся для Соловецкого монастыря по его заказу вотчинными крестьянами, обратился к архивным материалам фонда этого монастыря, хранящихся в РГАДА (Пузырев 1993: 26). Насколько важен оказался архивный материал, содержащий не только письменные, но и графические данные, уже показали первые публикации из этого фонда (Филин 2003а; 2003б). По существу, мы имеем первые документально подтвержденные объективные графические изображения поморских судов второй половины XVIII в. (технические характеристики корпуса, парусного вооружения). Без всякого сомнения — это очень важное и перспективное направление в изучении поморского «флота» петровского

В связи с этим важным информативным источником для непосредственно как численного, так и поименного состава судостроительных артелей Западного Беломорья служат «порядные» этих мастеров с Соловецким монастырем на строительство мореходных судов за период первой половины XVIII в., хранящиеся в РГАДА в фонде Соловецкого монастыря⁴.

Не имея возможности сейчас полностью опубликовать обнаруженные документы, считаем целесообразным остановиться на некоторых из них периода 1732–1745 гг.

и постпетровского времени. Приведенные нами данные в «Свидетельствованных письмах» лишь кратко перечисляют основные механические данные судна (год, место постройки, имя мастера, возглавлявшего строительную артель). Порядные же на постройку судов содержат более обширную и, несомненно, более ценную детальную информацию: это своеобразный формуляр, и он практически единообразен для всех документов данного рода. Однако необходимо отметить, что каждое архивное «дело» о постройке того или иного судна может содержать больший или меньший объем дополнительных сведений, связанных с производством

⁴ Пользуемся случаем высказать искреннюю благодарность проф. А. В. Гордону за помощь в поиске документов.

железных изделий, используемых при строительстве или оснастке судна, так как «порядные» заключались главным образом на изготовление судового корпуса.

Основные пункты формуляра «порядной» на строительство судна:

1. Две стороны подряда, причем не всегда можно быть уверенным в том, что первым в «порядной» среди мастеров назван глава строительной артели;

2. Основной объем документа посвящен очень подробному перечислению деталей корпуса с указанием их размера, расстояния между указанными деталями или частями корпуса, то есть в объемном «техническом» тексте очень явно присутствует описательным момент, создающий, несомненно, пространственный образ «изделия»; присутствует так характерный для средневекового ремесла принцип работы «по образцу» (например, вместо описания какой-либо детали указано — «сделать против прежней лоды их же мастерства»);

3. Регламентация работ дробная и детальная — что делать им, подрядчикам, и что будет доделывать монастырь своими работниками;

4. Абсолютная хронология строительных работ с указанием даты дня, месяца и года сдачи судна заказчику с подтверждением «годности» судна (при этом указан обязательный осмотр заказчиком наиболее важной в конструктивном отношении внутренней части судна — сочленение килья-кильсона и шпангоутов) до того, как эта часть днища будет перекрыта настилом («подтоварьем»);

5. Документ фиксирует общую сумму, за которую делается работа, и по-

рядок оплаты (задаток и «достальные денги»); изменение, увеличение объема работы по желанию заказчика (например, увеличение размеров судна) увеличивает и общую сумму оплаты;

6. Документ подтверждает круговую поруку артельщиков и скрепляется подписью (не члена артели, а доверенным лицом по «прошению» артельщиков).

Безусловно, каждая «порядная» может содержать какие-то индивидуальные нюансы, что также фиксируется в тексте «порядных».

Мы не имеем возможностей опубликовать все имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы, поэтому остановимся преимущественно на наиболее интересных и важных.

Во-первых, немаловажный вопрос — насколько значителен численно в XVI–XVIII вв. был поморский «флот» в акватории Западного Беломорья? Однозначно можно говорить о его значительности, но никто не может на данный период назвать хотя бы приблизительно достоверное его количество. Для этого есть объективные причины, и одна из наиболее существенных — регистрация поморских судов с выдачей «Свидетельствованного письма» стала осуществляться лишь после 1719 г. Наиболее многочисленная часть флотилии поморских судов — карбасы, из которых только незначительная их часть имела регистрационные номера. Разная степень полноты различных типов документов дает основания с большой осторожностью подходить к абсолютным подсчетам судов. Например, в Переписной книге Соловецкого монастыря 1597 г. указанное число судов представляется вполне реальным:

«Да восемь людей с парус и с якори, и с шей-мани, и со всем лодейным запасом, да двадцать карбасов больших и малых».

(РА СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, д. 127, л. 113).

Почти через 150 лет, в 1741 г., в монастырском Реестре указывается лишь на 6 людей:

«Святой Николай чудотворец», «Святой апостол Андрей Первозванный», «Сумской острог», «Святой Филип митрополит», «Кемский город» и уже разбитая лодья «Святой Герсан», и два щербота — «Преподобный Зосима» и «Преподобный Савватий».

(РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 216, лл. 1–10б).

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы представляют особое значение для поморского судостроения первой половины XVIII в.:

1. 1732 г. «Порядная» крестьян Выгостровской деревни, вотчины Соловецкого монастыря (подрядчики — Иван Воронов, Галахтион Кукоев, Иван Дряголев), крестьян Шижемской деревни (Иван Лежнев, Яков Шухтин, Антон Стрелков, Михайло Трофимов, Григорей Быков), по которой артель обязалась

«сшить лодью самым добрым мастерством по матице длиною девять сажень, вышиною в стамовых набоях с четвертью в два аршина, ширина три сажени с локтем в стамовых же набоях, а сверху на полубах три сажени...».

(РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1171, л. 1–5).

Заказчик должен получить лодью «со всем в готовности предбудущаго 1733 году июня на 3 число» в монастыре, куда должны привести ее строителей. Размеры судовых деталей, техника их изготовления, порядок и сборка деталей строго регламентированы: особо подчеркивалось, что мастера подрядились «построить в монастырь лодю староманерным делом», оговаривался даже «шаг» стежка — «...пришивать к кнису по три петли к набоям, а к балакам и по две», «...первые нашвы пришивать вицей край на край». Вся работа была выполнена по условиям и в срок.

2. «Порядная» 1734 г. наиболее полно и детально описывает весь ход строительных и судовых работ, поэтому приводим ее полностью (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1743, лл. 1–4):

«1734 году августа [... пропущено. — Автор] дня вотчины Соловецкого монастыря Кемского городка Подужемской деревни крестьяне Никифор Демидов, Сава Яковлев сын Мартынов с сыном Федором с товарищи шесть человек подрядились того монастыря господину отцу архимандриту Варсонофию з братиею шить лодью самым добрым мастерством по матице длиною десять сажень с полуаршином, а сажень пол-третья аршина, вышиною в стамовых набоях с четвертью два аршина, ширина три сажени полтора аршина в стамовых же набоях, штевень кормовой по отвесу назад фут, а носовой штевень чтобы был колесист; а сверху на полубах три сажени один аршин, а больше того не делать, разве меньше как можно; внутри класть упруги толщиной по полуфуту, а сверху меж упругами по футу, и лежней между теми класть самые добрые сосновые; и упруги сосновые и пришивать от матицы до стамового набоя меж петлями по полтретья фута, от кормового штевня до забора класть наборка вчастую, причерчивать к набоям и пришивать вицей по два фута петля от петли, так же и от носового штевня до забору класть и пришивать тем же переводом; перешвы класть одна в носу, другая в кормы самые добрые сосновые две вместе, третья на середине, где машты, самая добрая вниз креньем чтоб была под самые полубы; книси и балки ставить от забор до забор, между ними по аршину, и чтоб были

полубы скатисты; тес самый класть добрый нещелеватой, а вышины от матицы три аршина с четвертью, а книсы длиной спущать больше аршина, а корен был бы в аршине, который к балкам пришивается, а пришивать книсы по три петли к набоям, а к балкам по две, а сверх того бить по костыльному гвоздю да по одному нагелю, чтоб сквоз балки и книсы прошли, тугун положить оба конца с кокорами добрые самые, и пришивать вицей, первые нашвы от набоя пришиват вицей край на край, а досталныя гладью, и стоки класть по аршину между ними; борты опушить первая доска полубная и шпигат сделать против прежней лоди их же мастерства; райна и цеплины делать нам, мастерам, добыть брусья доброго соснового и нашить болван, а рул указать нам сделать монастырскому мастеру; два люка настоящие, третий в каюту, четвертый в поварни сделать против прежней лоди самым добрым мастерством; нижние бархоты чтоб ниже шпигату дуима на полтора, а шпигаты были долбленные, стороны были толщиной по два дуима, а в них высота пол-третья дуима, ширина четыре дуима; порубни верхние и игла и кнеки, и протчая вся деревянная поделка делать против прежней лодьи; подтоваре нам вытесать, а не прибывать до осмотру упругов и протчей постройки, а когда осмотритца то нам же, мастерам, прибить по той же поряде; кельсен положить нам же длиною восемь сажен, чтоб стал от забора до забора, толщиной в восемь или девять фут, треть врубить в упруги, нагелями прибить, чтоб нагель от нагеля был по аршину, а нагели для такие? как пришивают, у кормового и носового штевней поставит столбы с кокорами и, поставя, прибить нагелями. А чего мы не дознаемся, то доделать в монастыре по угожеству, и протчая деревянная поделка вся наша мастерская, а железное гвоздь и протчее железное строение монастырское, опрушка, смола и спуск монастырское, а нам мастерам, конопатка полов, и каюты монастырское, а рядили мы за оную лодью за работу и за тес восмидесят два рубли, и того числа наперед мы, подрядчики, взят ныне тритцать рублей, а досталные давать нам по усмотрению нашего дела, ежели оную лодью построим по угожеству, а построит нам вышеписанную лодью во всем в готовности предбудущаго 1735 году июня ж 3 числа, а будя мы, подрядчики, на вышеуказанной срок не поставим и учиним остановку, и в том они власти волны чего они на нас будут взыскивать, и в том во всем как в деле и протчем во все мастерстве друг по друге околне порукою и построивши оную лодью, отвесь нам, мастерам, самим в монастырь на показанное число неотложно, а работником быть монастырским.

Запись писал по прошению вышеписанных подрядчиков Никифора Демидова с товарищи шти человек монастырской работник Иван Березкин. К сей записи место лодейных подрядчиков Никифора Демидова, Савы Мартынова, Федора Мартынова с товарищи по их прошению сумлянин Матфей Овчинников руку приложил. По сей записи лодя сшита и в монастыре в годности принята и по щете досталные денги подрядчиком выданы июня 18 дня 1735 году».

3. «Порядную» на постройку лодьи в 1736–1737 гг. в архиве не удалось найти, но о строительных работах в этот период упоминается в «порядной» 1745 г.: лодья длиной 10 сажен с полуаршином

«...строена была на пред сего в прошлом 1737- годе оным же Саваю Мартыновым» (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д.1122, л. 53–64).

4. 14. июня 1745 г. строительная артель «подрядчиков Подужемской деревни жителей Савы Мартынова, Степана Матфеева сына Демидова, Федора Никифорова сына Демидова, Егора Ефтефеева сына Мартынова, Артемья Павлова, Епифана Михайлова сына Томилина» к 1 июля 1746 г. «про монастырской обиход шить лодью самым добрым ма-

стерством длиною по матице десять сажень с полуаршином, а сажень пол-третья аршина, ширина в три сажени полтора аршина, в стамовых набоях ниже, штевень кормовой по отвесу назад фут, а носовой штевень чтоб был колесист, вверх на палубах три сажени один аршин, а болше того не делать». Мастера, вероятно, решили, что прежний подряд на строительство такой же лодьи в 1745 г. они явно продешевили:

«... за работу и за лес, которой строят на десять сажений с полуаршином, какова была на пред сего в прошлом 737-м годе оным же Саваю Мартыновым, менее ста рублей нине не берет, а сверх прежней поряде просим излишних четырнатцать рублей того ради, что таких годных болших лесов не имеетца и всякие работы пред прежних нине дороже».

На «порядной» была сделана помета архимандрита:

«Еще прибавить длины пол аршина, и того десять сажень с аршином, на которую прибавку дать за работу два рубли». Согласно порядной «лодя у них в годности по записи принята и рощет с ними учинен июля 1 дня 1746 году». Лодья получила имя — и надпись на корпусе: «Санкт Аббас Зосима Соловецкой июня 24 дня 1746 год».

(РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1122, л. 64).

Сам по себе факт вмешательства заказчика в изменение конструкций судна уже после написания «порядной», любопытен.

5. В ноябре 1746 г. крестьяне Подужемской деревни Артемий Павлов, Стефан Демидов, Леонтей Демидов, Федор Мартынов подрядились для Соловецкого монастыря

«сшить лодью самым добрым мастерством по матице в длину девять сажень, в вышине в стамовых набоях с четвертью в два аршина,

и ширина три сажени с локтем в стамовых же набоях,верху на палубах три сажени», за 75 рублей. Срок изготовления заказа, как обычно, год, начало лета будущего, 1747г. (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1122, л. 79–81).

В эти годы наряду со строительством больших морских судов — лодий строились и другие морские суда. Приведем найденные нами два документа: о строительстве морского извозного карбаса и щербота (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 216, л. 19–20).

6. В июле 1741 г.

«вотчинные крестьяне Кемского городка Подужемской деревни Никифор Демидов, Сава Мартынов подрядились построить проих, монастырской обиход извозной карбас из соснового леса самым добрым мастерством безохулно; длиною по палубам и штевням шесть сажень,... ширина от борта до борта по носовому шпангоуту подле забору две сажени с четвертью аршина, глубина по носовому шпангоуту один аршин девять вершков с половиною, ширина в корме подле палубного забору одна сажень с половиною аршина, глубина один аршин одиннатцать вершков с половиною, а сажень в пол-третья аршина; палубу покрыть тесом вдоль, а не поперег, в одну тесницу; корма в розвале шириною аршин с четвертью или как в препорцию придет; опруги класть из добрых кокор, кокора от кокоры разстоянием по три четверти аршина; а шить оной карбас вичьем еловым, першва положить вверх под палубные доски и мачта поставить нам же, роспрушка и опрушка и спуск, також смрла и гвозди-то все монастырское. А окончить оной карбас строением будущаго 742 году к весне как вскрытие полой воды и отвесть нам, мастерам самим в монастырь, токмо проводников дать из миру; подговарины прибить и рул зделать нам же, мастерам. А за оную работу рядили цены шестнатцать рублей, в то число взяли ныне из монастырской казны десять рублей, достальные по отводе оногo карбаса.

А ежели мы, подрядчики, вышеписанной карбас против сей записи построим негодность или строением промедлим, за выше писаной срок, и в отводе богомолцом учиним остановку, то повины возратить взятые денги и провоз заплатить по владычной воли в том сию и запись дали. Запись писал по прошению сумлянин Иван Еремин.

К сей записи вместо вышеписанных подрядчиков Никифора Демидова, Савы Мартынова по их прошению служитель Иван Алексеев руку приложил. По сей записи судно построено и в годность принято.

июня 14 дня 1742 года. Того же дня до-стальные денги шесть рублей от казначея иеромонаха Никандра выданы».

Карбасы (номенклатура карбасов довольно обширна: «карбас», «карбас извозный морской», «извозный крытый карбас», «карбас малый крытый», «карбас большой извозный крытый») были самыми распространенными и многочисленными морскими судами, применявшимися в промыслах, грузовых перевозках. Наиболее регулярное использование — в качестве пассажирского транспорта в XVIII в. для перевозки богомольцев в Соловецкий монастырь. Являясь судном староманерного типа, некоторые карбасы уже в начале XVIII в. стали строиться с транцевой кормой. Построенный в 1741–1742 гг. монастырский шитый карбас относился именно к такой группе малых морских судов.

7. 23 ноября 1756 г. для строительства нового щербота (рис. 7) к 29 июня 1757 г. соловецкий архимандрит указал «подрядить того ж монастыря вотчинных Кемского городка присудственной Пудожемской деревни крестьян Егора Ефтифеева, Федора Савина Мартынова, Алексея Леонтьева Демидовых, Артемия Павлова

сшить про монастырский обиход щербот подвинской, на которых ездят богомольцы в Соловецкой во всем таковым манером, токмо вицей, а не гладью, длиною между штевнями 20 аршин, по матице внутри 18 аршин 10 верхов, посредине шириною у машты 5 аршин 10 верхов, и чтоб было поло без палуб... книси пришивать к бортам по 3 петли, балки к книсам по 2 петли да по гвоздю железному, у книс корене длиною по аршину штоб и нагели бить можно было... Кокоры пришивать и лежни вицей с обеих концов до матицы по три петли, от тех трех петель отмерить по аршину другие три петли, пришивать по вышеписанной мере,...матица положить из двух брусков по лодейному, а не по новоманерному, для мелких мест чтоб меньше воды брало..., оной щербот сошить самым добрым мастерством и для лутшаго присмотру дать им подрядчиком, рисунок, за щербот ряжено 40 рублей» (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 698, л. 1–12).

Любопытно, что судов официально именуемых «щербот», во всем Поморье было построено не так уж и много — по крайней мере, в письменных документах первой половины XVIII в. «щерботы» упоминаются очень редко (табл. 1). Не совсем понятно, почему заказчик особо оговорил требуемое от мастеров судно как «щербот подвинской, на которых ездят богомольцы в Соловецкой» — для первой половины XVIII в. нами учтено около 20 поездок богомольцев на Соловки из Архангельского порта, и все они были осуществлены только на «извозных карбасах» (рейсы для богомольцев по маршруту Архангельск–Соловецкий монастырь по крайней мере с первой половины XVIII в. были крупнейшими в Поморье регулярными пассажирскими морскими перевозками).

Факты архивных документов, собранные нами, важны хотя бы пото-

му, что они отражают очень непростую ситуацию, которая сложилась в крестьянском поморском судостроении в первой половине XVIII в. Сложность этой ситуации, на наш взгляд, прежде всего в том, что исследователи имеют крайне фрагментарный фактический (архивный и натурный) материал, отражающий общую картину развития судостроения в Поморье. Даже на протяжении XVII в., вплоть до петровских указов, наибольший объем приказов

получен лишь в связи с запретительными мерами относительно старомодных судов, затем последующими послаблениями. И как некий итог этих процессов — состояние поморского судостроения во второй половине XVIII в. (номенклатура судов, конструктивные особенности корпусов, парусное вооружение). Создается впечатление, что исследователи пока еще находятся только в самом начале комплексного изучения всех этих проблем.

Некоторые выводы

Сведения, содержащиеся в двух первых частях нашей публикации, позволяют, на наш взгляд, предложить, хотя бы в предварительном плане, некоторые выводы историко-культурного характера.

Во-первых, налицо не только формирование, но и организационное оформление в Западном Беломорье такой отрасли ремесла, как крестьянское судостроение, уже в первой половине XVIII в. Отмеченные процессы формирования центров крестьянского судостроения не являются чем-то уникальным и характерным только для данного региона Поморья. Письменные источники позволили нам сделать вывод о существовании аналогичного крестьянского судостроительного центра XVII–XVIII вв., например, в районе Пинежского волока (из реки Пинеги в реку Кулой и далее в Баренцево море), снабжавшего промысловыми судами население Нижнего Подвинья (Овсянников, Ясински 2006: 37–46).

Но нельзя исключать того, что именно западнобеломорский центр кре-

стьянского судостроения был одним из крупнейших центров и наиболее богатым яркими представителями данного ремесла. Этому способствовало наличие в регионе такой ведущей для всего Поморья экономической структуры, как Соловецкий монастырь. Наиболее крупные вотчинные владения монастыря располагались именно в западнобеломорском регионе, и масштабные рыбные речные (семужьи) и морские промыслы (тресковых), также и соляные промыслы как в Беломорье, так и на мурманском берегу, нуждались в обеспечении морскими судами. Поэтому Соловецкий монастырь регулярно выступал одним из постоянных заказчиков, подряжавших крестьянские судостроительные артели из своих беломорских вотчин.

Во-вторых, поморское крестьянство не случайно выступало в роли судостроителей, поскольку многие крестьяне вели самостоятельный промысел, они же составляли рыболовецкие и зверобойные артели, которые нанимали зажиточные крестьяне, монастыри

и купцы (в том числе и архангельские купцы). Эти же крестьяне нанимались и кормщиками (в том числе и на шпиг-бергенские зверобойные промыслы).

В-третьих, отметим такую характерную черту судостроительного ремесла, которая прослеживается по письменным документам, как устойчивая семейно-наследственная традиция, объединяющая несколько поколений родственников. Присутствует также и географический фактор — члены судостроительной артели проживают в одной деревне или в соседних поселениях. В рапорте Онежской городской думы за 1799 г. имеется очень интересное суждение относительно строения судов в Онегской округе:

«Строение проводится здешними гражданами при самом городе, и в состоящей от него в 13-ти верстах Подпорогской волости по изобилию при оной мастеровых людей, где потому и приморских селений обитателей да и архангельские купцы строение не редко имеют...»

(ГААО, ф. 4, оп. 9, д. 78, л. 99об).

Несомненно, тщательные исследования по истории поморского судостроения позволят более аргументированно выделить основные значимые и, главное, стабильно функционировавшие центры судостроительного ремесла. Это позволило бы «связать» работу таких центров с определенными районами морских промыслов и более того — выявить «производственную» специфику (типovou номенклатуру, конструктивные особенности судов) таких центров.

Вопросы трансформации или эволюции, модернизации мореходных судов в Поморском регионе уже обсуждались в научной литературе. Наиболее полно об этом высказался С. Морозов:

«Огромная энерговооруженность (длина грота-рея равна двум ширинам судна) сближает лодью XVIII в. с европейскими судами XV–XVII вв. Что это? Заторможенное влияние достижений европейского судостроения на оригинальный традиционный тип судна Русского Севера или результат его собственного развития? А может быть, это “замороженное” на Беломорье развитие одного и того же прототипа, быстро видоизменившегося на Западе? Другими словами, либо мы признаем беломорскую лодью оригинальным типом традиционного судна, подвергшегося некоторым европейским влияниям, либо находим ему место в единой истории судостроения стран Северо-Западной Европы» (Морозов 2003: 19).

Прежде чем высказать свое отношение к такой постановке вопроса, приведем еще одну цитату этого исследователя: «Напрашивается вопрос, не было ли появление на Русском Севере 2–3-х мачтовых судов следствием развития международных связей на Беломорье в XVII в.?» (Морозов 2003а: 18). Вряд ли можно согласиться, что крестьянские судостроители, глядя на западноевропейские корабли, приходившие в Архангельск в XVII в., задавались вопросом, не поставить ли на свои суда парусную мачту. Документально мы знаем пока только один пример постройки в XVII в. нового для Поморья типа судна: в 1699 г. первый архиепископ Холмогорский и Важеский Афанасий

«изволил строить сам про свои водным путем шествия своим ижедеванием судно переводом и примером, каковы строят в Азове, именуемое барколон. И на другой день Ивана дня нарисовал ему герб, каков писан на корме на воонной стороне с при-

мера патриарша клейнота... А оное судно стояло на реке на Оногре, для того что палубом высок и грузом глубок... Под гербом в клейноте подписано речами и литерами латинскими прописными болшими тако: ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ АФНАСИЙ БОЖИЮ МИЛОСТИЮ АРХИЕПИСКОП ХОЛМОГОРСКИЙ И ВАЖЕСКИЙ, ПЕРВЫЙ ЕСТЬ ФРОНА ЕГО» (РО НБ, собр. АА Титова, № 4682, л. 30).

Это архиепископское судно, а по сути дела, его можно назвать одним из первых «новоманерных» судов в Поморье, было построено не по образу европейских кораблей, приходивших в Архангельск, а по образцу «каковы стоят в Азове» и с оглядкой на судно, построенное в Москве для патриарха. Баркалон Афанасия плавал в Архангельск уже осенью 1699 г., а потом в 1701 г. В 1710 г.

«пинезанин Кузоне́мской волости крестьянин Иван Афанасьев Иконников да домово́й архиерейской волости крестьяне Зиновей Софронов да Саватей Калтышев достраивали наготово новопостроенное архиерейское походное судно арку...» (РА СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 16, л. 47об).

Несомненно, что это новое архиерейское судно так же, как и баркалон Афанасия, было «новоманерным» и появилось буквально за несколько лет до «драконовских» императорских указов об уничтожении «староманерных» поморских судов и о смертной казни за ослушание этих указов. Конечно, нельзя исключать, что отдельные элементы «новоманерного» судостроения присутствовали не только в практике судостроения архиепископского ведомства, но и у крупных архангельских промышленников и купцов. Но пока такие сведения нам удалось обнаружить только

в документах архиепископского дома.

Можно привести еще одно свидетельство, подтверждающее наше предположение: в ноябре 1710 г. по указу архиепископа было велено для

«домового рыбного мурманского промысла подрядить добрых мастеров сделать к морскому ходу судно по убожеству, которое б подняло грузу тысячи з две или с пол трети пудов. И потому его преосвященнаго архиепископа указу для подряду того тако́го морского судна призваны и подряжены Двинского уезда с Пенегу Кузоне́мского стану Островской деревни крестьяне Иван Михайлов Баскаков да Тимофей Иванов сын Кармакулов, сделать им для архиерейского домового мурманского рыбного промыслу карбас морской крытой мерою по колоде полдевяти сажений щепяных, поперег трех сажен с локтем таких же, или ширина сделать против длины по убожеству, а корма у того карбаса сделать с розводом по корабельному, с казенкою...»

(РА СПб. ФИРИ РАН, ф. 255, оп. 2, д. 3-а, л. 12–12об)⁵.

Документ интересен тем, что фиксирует уже сложившуюся строительную практику в одном из подвинских (пинезско-волоковом) центров крестьянского судостроения, снабжавшего крестьян-промышленников, посадских людей холмогорских посадов, дом архиепископа Холмогорского и Важеского еще в XVII в., и в этой практике уже в самом начале XVIII в. присутствуют те новые веяния в судостроении (речь в «порядной» идет о таком нововведении, как транцевая корма), которые в императорских указах первой половины XVIII в. будут утверждены и расширены в законодательном, то есть

⁵ Полностью документ опубликован в: Овсянников, Ясински 2006: 86–87.

обязательном, порядке. Конечно, уже в первой половине XVIII в. в письменных документах мы встречаем использование при строительстве судов графических материалов. Однако вряд ли, например, публикуемый нами чертеж соловецкого щербота можно рассматривать единственно как руководство к строительству корпуса этого типа судна. Скорее, это набросок основных параметров корпуса будущего щербота, строить которое, вероятнее всего, предстояло по имевшимся у мастеров лекалам. Кстати, по лекалам строились в Поморье суда более позднего времени (набор таких лекал хранится в фондах Архангельского областного крае-

ведческого музея). Если мы сравним два графических изображения: обмер соловецкого щербота 1755 г. (рис. 7) и чертеж соловецкой лодьи 1790 г. «Преподобный Зосима» (рис. 8), очевидно отличие в этих графических документах. Последний чертеж действительно близок к строительному корабельному чертежу, в чем нельзя не согласиться с автором, опубликовавшим его. Но нет никаких свидетельств, что чертеж сделан непосредственно строителями-мастерами лодьи «Преподобный Зосима». Мы склонны полагать, что наличие судовых чертежей на руках строителей во второй половине XVIII в., конечно, не было редкостью и могло быть связа-

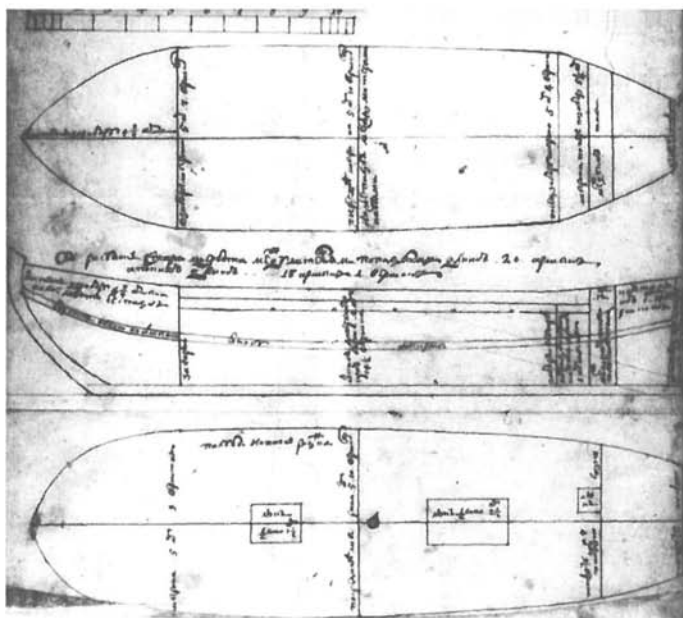
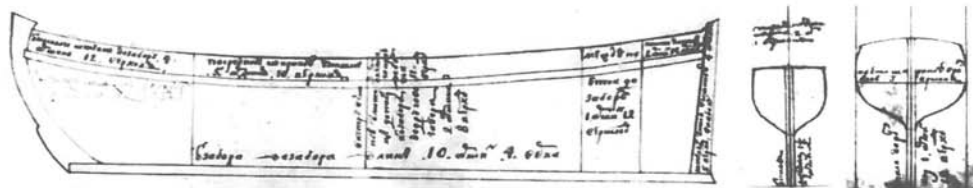

Рис. 7. Рисунок щербота. Чертеж для корабелов. 1755 г. (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 698)

но, многолетней деятельностью в Нижнем Подвинье государственной Соломбальской верфи — Адмиралтейства, а также нескольких купеческих верфей. К этим верфям относятся — Вавчугская верфь семьи Бажениных, Быковская верфь купца Никиты Крылова, отправившего еще в 1730 г. своего племянника Петра Крылова в Голландию обучаться кораблестроительному делу, Маймаксанская верфь купца Пругавина и другие (Ясински, Овсянников 1998, т. II: 401–412). В официальных документах неоднократно подчеркивалось активное участие крестьянских мастеров в работах на частных судовой верфях: «По большей же части производят строение судов российские мужики, кото-

рые из давних времен употребляли себя прежде при строении казенных кораблей, чрез что по данным им чертежам строят суда порядочно» (по сведениям 1782 г. работали: на Важженинской верфи — «мастер Архангелской области крестьянин», на Маймаксанской верфи — «мастер крестьянин», на верфи на р. Заостровке — «мастер крестьянин», на верфи на р. Пинеге — «мастер крестьянин»). Несомненно, строительство с первых десятилетий XVIII в. «новоманерных» судов в Поморье, прежде всего в самом Архангельске (военных, коммерческих, промысловых), способствовало распространению определенного уровня «корабельной» культуры или, точнее, грамотности, которая как

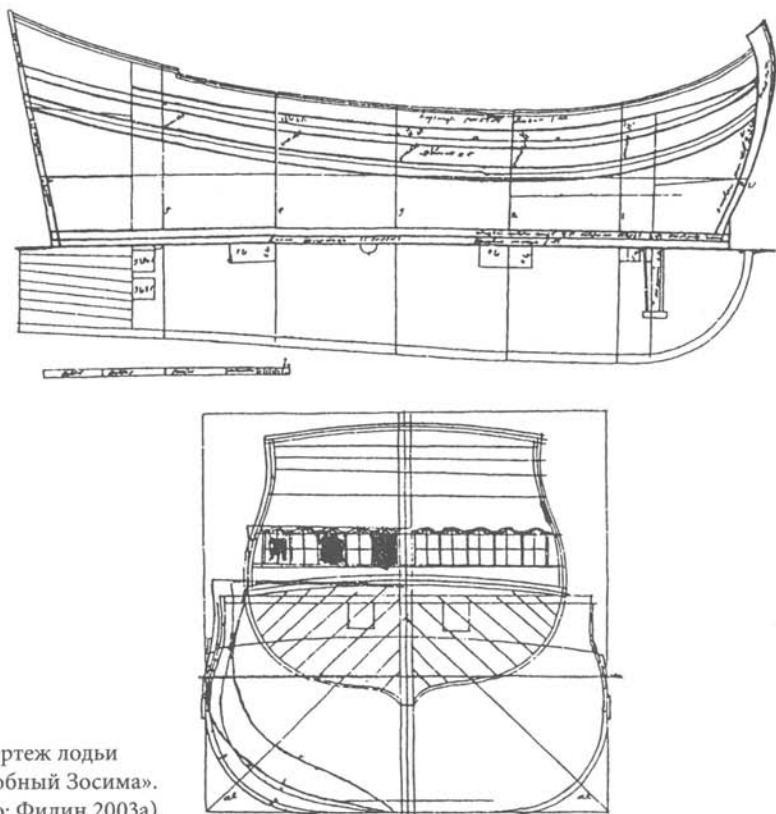

Рис. 8. Чертеж лодьи «Преподобный Зосима». 1790 г. (по: Филин 2003а)

бы «накладывалась» на прежние, выведенные временем традиции.

Другой вопрос — насколько часто такие чертежи могли поступать в распоряжение строительных крестьянских артелей и как использование таких чертежей (или подробное словесное описание) сочеталось с традиционным для любого ремесла изготовлением изделия «по образцу». На наш взгляд, письменные документы, и прежде всего «порядные» на постройку судов, в каждом конкретном случае и дают такой ответ. Именно такое сочетание (несущее в себе и определенный творческий элемент) и способствовало отчетливо выраженной тенденции унификации в создании как «староманерных», так и «новоманерных» судов, особенно лодей и карбасов.

Только к рубежу XVIII–XIX вв. государству удалось завершить по этому вопросу все бюрократические процедуры, прописав в императорском указе от 1801 г.:

«... мореходные суда, строятся ныне не иначе, как по дозволению сего [губернского] Правления по представленным судохозяевами чертежами или планами, засвидетельствованными от находящегося при здешнем порте карабельного мастера, да и по выстройке каждое судно в прочности его и способности к мореплаванию карабельным же мастером самим или чрез посланных от него свидетельствуется, а без такова свидетельства и на промыслы он же не выпускается, в чем и губернское Правление с своей стороны имеет наблюдение» (ГААО, ф. 4, оп. 9, д. 78, л. 1, лоб., 134)

Объем парусной оснащенности (по С. Морозову — энерговооруженность) решался строителями и соответственно судовладельцем исходя из практической целесообразности и основных

пропорций корпуса судна, связанных с его грузоподъемностью. Это отлично видно из уже приведенных нами архивных документов относительно гукаров: построенный в 1727 г. Савой Мартыновым имел длину корпуса 34 ф. и одну мачту, построенный Иваном Кокориным в 1731 г. «маленький гукор» с длиной корпуса 35 ф. также имел только одну мачту, гукоры мастеров Афанасия Антипина, Ивана Кокорина, Кирилла Никонова, Кирилла Плещукова постройки 1727–1735 гг. с длиной корпуса от 41 до 52 ф. и более несли уже по 2 мачты. Высказанные нами соображения относятся исключительно к большим судам (это не касается карбасов), в первую очередь к лодьям. Оказывается, существовала практика изменения количества мачт на судне. При постройке гукара в 1737 г., как видно из «свидетельствованного письма», судно длиной в 68 футов было «об одной мачте», но позднее была «пристроена и вторая, и оснащен по гукорному обыкновению». После этих работ парусное вооружение гукара выглядело так: «на нем грот мачта 5½, грот стеньга 34 фута, безень мачта 45 футов аглинских» (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 2638, л. 17, 22).

Нам представляется, что отсюда следует еще одна и очень простая мысль — размеры судна не могут служить основанием для типологической классификации судов⁶. В начале нашей статьи мы уже упоминали об актуальности создания объективной и документально аргументированной типо-

⁶ В. Ф. Старков, например, упоминая большие и малые кочи XVII в., считает возможным говорить об «использовании поморами двух типов кочей», могущих брать на борт соответственно 24 человека и 30 человек (Старков, Черносвитов, Дубровин 2002: 17).

логии поморских судов XVI–XVIII вв., отсутствие которой будет существенно тормозить изучение поморского судостроения. Затронутые нами проблемы имеют важное и принципиальное значение — речь идет о хозяйственном и историко-культурном аспектах развития одного из экономически «продвинутых» регионов Российского государства XVII–XVIII вв. (рыбный, зверобойный, соляной, смолокурный промыслы, международная морская торговля). Петровское и послепетровское время — это период мощнейших технологических «подвижек» во многих отраслях экономики государства, период дальнейшей хозяйственной консолидации территорий и изменений в социальной структуре общества, наконец, это период неоднократных попыток организации частных промысловых компаний. В связи с этим вряд ли правильно и продуктивно рассматривать Архангельское Поморье в плане традиций и инноваций как некий «замкнутый» территориальными рамками регион, в котором «автономно» происходило и возрождение и все последующие развития тех или иных традиций. Во-первых, сама мысль о замкнутости или изолированности региона не соответствует исторической действительности — наличие обширных зон совместного (Швеция — Дания — Норвегия и Россия) взаимные дани с лопарского населения, живущего на обширных территориях о Северной Атлантики (от Люенон-фьорда, то есть тогдашней северной границы собственно Норвегии) до Кольского полуострова включительно (Шаскольский 1945: 47–56; 1970: 49; Овсянников 1989: 8–32; Овсянников, Ясински 2006: 26–31).

Во-вторых, к настоящему времени уже развеялся миф о небывалой архаичности всего культурного наследия Русского Севера и исследователи приходят к выводам, что многие особенности культуры этого региона сформировались «относительно поздно и исторически вторичны» (Чистов 1974: 9, 11; 1975: 33). Традиции, как и широкий ареал распространения «шитых» судов, отражают общее развитие судостроения на территориях Восточной и Северной Европы. Вероятно, предложенная П. Е. Сорокиным периодизация судостроительной традиции в этом регионе — от килевых судов с обшивкой в клинкер, соединенной железными заклепками (X–XII вв.), к «возобладанию местной финской судостроительной традиции, в которой доски соединены в клинкер с помощью вицы» (XVIII в. и позднее, см.: Сорокин 1997: 90) — все же нуждается в некоторой коррекции. Например, миниатюры Радзивилловской летописи, иллюстрирующие походы на Константинополь князя Олега в 907 г. и князя Игоря в 941 г., позволяют с большой долей уверенности высказать предположение об изображении художником на миниатюрах двух типов русских судов (1 — клинкерная обшивка с креплением бортовых досок при помощи металлических заклепок, 2 — также клинкерная обшивка, но с иным способом крепления бортовой обшивки), что отражает, на наш взгляд, реальное наличие в составе русского флота двух типов судов. Мы не исключаем такую возможность: летописец сам указал на наличие в составе флота князя Олега двух частей — «воспаша Русь парусы наволочиты, а словене кропиньны». «Русь» — это варяжская,

дружинная часть княжеского флота, а «словене» — словянская (Ясински, Овсянников 1998 т. I: 333–337). Таким образом, можно уверенно говорить о существовании на Руси в IX–X вв. двух судостроительных традиций и соответственно двух типов судов, что отражало определенную социальную структуру общества того времени. «Размывание» варяжско-норманнского элемента в древнерусском обществе, о чем свидетельствует исчезновение в курганных захоронениях погребений в лодьях после X в., и исчезновение соответственно металлических заклепок от сожженных лодей привели к затуханию скандинавской судостроительной традиции. Напомним, что техника «шитых» судов сохранялась долгое время не только на территории Поморья, Северо-Западной Руси, но и в Скандинавии (Ясински, Овсянников 1998, т. I: 333–337; Cederlund 1978: 23–24, 28; Westerdahl 1985: 211–235; Prins 1986: 32–55).

Как мы уже отмечали, важнейший и актуальный вопрос изучения поморского крестьянского судостроения — это формирование и функционирование региональных судостроительных центров, традиций таких центров. Совершенно очевидно, что исследование таких центров невозможно без персонализации конкретных носителей этих судостроительных традиций — мастеров. Очевидно и то, что на данном этапе исследований мы обладаем лишь отрывочной информацией, но собирать и систематизировать которую также необходимо. Предложенные нами сведения пока относятся лишь к концу первой четверти XVIII в. вплоть до 1756 г. Есть основания предполагать,

что западнобеломорский центр судостроения (его можно определить как «Онежский») сложился гораздо раньше: например, в мае 1712 г. из Соловков на устье р. Онеги была «отпущена» лодья с кормщиком Трофимом Немчиновым, и на этой лодье был «отпущен по новую лодью монах Семион» (то есть речь идет о поездке, связанной с постройкой, а скорее, с актом приемки новой лодьи для монастыря), в июле этого же, 1712 г. упоминается монастырская «сойма новая онежского шитья» (РГАДА ф. 1201, оп. 1, д. 826, л. 32об., 46-а).

Участие пришлых мастеров-судостроителей в формировании флотилий Соловецкого монастыря вряд ли было случайным. Причину приглашений «чужаков» (большинство соловецких судов было построено вотчинными крестьянами Соловецкого монастыря) следует в каждом таком случае рассматривать особо. Возможно, строительная активность в какие-то периоды была связана с возникшими хозяйственными потребностями, но нельзя исключать, что мастер из другого региона, в частности из Ладожского, который был намного ближе к столице, мог предложить то, чего не делали свои, местные мастера.

Отметим, что в «свидетельствованных письмах», которые являлись своеобразными «паспортами» для судов, указан только один мастер — это глава строительной артели, что в определенной степени обедняет информативность данного типа источников. «Порядные» на постройку судов, несомненно, содержат более широкий спектр сведений, а главное то, что они, за редким исключением, перечисляют

весь или большую часть состава строительной артели. В ряде случаев это дает уникальную возможность изучить персональный состав самой артели как

своеобразной семейно-ремесленной ячейки и составить реестр мастеров-крестьян, строивших суда в этом регионе в 1724–1755 гг.

Список корабелов:

1. Елизаров Иван, Толвуйский погост 1 — шкута, 1724 г.
2. Лохманов Терентий, Шуйский погост 2 — гукур, буяр, 1725 г.
3. Корельский Афанасий Антипин сын шкута, 1725,
2 — гукур, 1725г.

Панозерский погост:

4. Вторыгин Макар, Пудожемская волость гукур, 1728 г.
5. Шульгин Михаил Федоров сын,
Шиженская волость, Пудожемская деревня гукур, 1731 г.
6. Кокорин Иван, Онгеская волость гукур, 1725 г.
7. Петров Трофим, Кемский городок галиот, 1735 г.
8. Кубачин Петр,⁷ с. Кереть «мореходное судно», 1742 г.

Выгостровская деревня:

9. Воронов Иван, глава артели лодья, 1732–1733 г.
10. Кункоев Галактион
11. Дряголев Иван

Шижемская деревня:

12. Лежнев Иван
13. Шухтин Яков
14. Стрелков Антон
15. Трофимов Михайло
16. Быков Григорей

В первой половине XVIII в. по данным документов Соловецкого архива в судостроительных мероприятиях монастыря наиболее активно участвовали

две семьи — Демидовых и Мартыновых, обе семьи проживали в одной деревне — Подужемской.

17. Демидов Матвей Иванов сын щербот, 1729 г.
18. Демидов Никифор, глава артели лодья, 1734–1735 гг.,
2 извозный карбас, 1741 г.

⁷ Имя этого мастера упомянуто в Деле о покупке мореходного судна сумлянином Михайлом Чайкиным Большим у кандакшанина Федора Поле-

жаева (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1141, л. 1–4) Тип проданного судна не указан («мореходное судно»).

19. Сава Яковлев сын Мартынов

20. Федор Савин сын Мартынов

В составе артели во главе с Савой Мартыновым. . . лодья, 1745–1746 гг.

21. Федор Никифоров сын Демидов

22. Степан Матвеев сын Демидов

23. Егор Ефтефеев сын Мартынов

24. Епифан Михайлов сын Томилин

25. Артемий Павлов

Артемий Павлов, глава артели, в составе артели. . . лодья, 1746 г.

26. Леонтий Демидов

Стефан Демидов

Федор Демидов

Во главе артели Егор Федоров сын Демидов. щербот, 1756–1757 гг.

Федор Савин сын Мартынов

Артемий Павлов

27. Алексей Леонтьев сын Демидовых

Если представить семейные традиции перечисленных нами крестьянских мастеров первой половины XVIII в., то структура этих семейств может выглядеть следующим образом:

Демидовы:

1. Демидов Матвей Иванов сын
2. Демидов Степан Матвеев сын
3. Демидов Никифор
4. Демидов Федор Никифоров сын
5. Демидов Леонтий
6. Демидов Алексей Леонтьев сын
7. Демидов Федор Ефтефеев сын

Мартыновы:

1. Мартынов Сава Яковлев сын
2. Мартынов Федор Савин сын
3. Мартынов Егор Федоров
(Евтефеев?) сын

Деятельность этих крестьянских мастеров носила, как видно из «порядных», определенно сезонный характер и при-

ходила в основном на зимний период, что позволяло им принимать активное участие в морской промысловой деятельности.

В XVIII в. значение устья р. Онеги как начала крупнейшей «соляной дороги» от беломорских соляных варниц на Турчасов, на Каргополь и далее — на Вологду, Ярославль и Москву сильно упало. Это было связано прежде всего с уменьшением значения поморской соли на всероссийском рынке. С учреждением на месте бывшего Усть-Онежского погоста города Онега (1780 г.) и Онежского морского порта (1781 г.) основной статьей экономики этого района стали морские промыслы и лесное дело (экспорт леса). Промысловое освоение побережья и островов арктических морей было невозможно без использование устойчивых традиций морского кораблестроения в этой части Поморья. В рапорте онежского городничего за 1799 г. доносилось:

«Граждане города Онеги производят строение судов для рыбного на Мурманском Российском около северного океана берегах и зверинаго на Грунланде промысла купцы: Коширин и Лыткин, мещане: Андрей Агапитов, Михайло Коцмин, Иван Расказов, Гаврила Турыгин, Логин Коширин и Матвей Негодяев...»

(ГААО, ф. 4, оп. 9, д. 78, л. 99).

Судостроение было связано именно с морскими промыслами:

«Строение тех судов производится неравномерно, а по мере надобности, но не более шести судов в год, длиною от 35 до 80-ти фут аглинских по килю, и к ним, к малым по одному, а к большим по два павоска или бота...»

(ГААО ф. 4, оп. 9, д. 78, л. 99).

Как сложилась судьба крестьян-судостроителей из Подужемской и других деревень Кемской округи? Вряд ли у них уменьшился объем корабельного строительства: по данным 1799 г. только у мещан г. Кеми имелось 32 лодьи, а у крестьян Шуерецкой, Сороцкой, Колежемской, Летнерецкой и других волостей округи — 85 людей, а «сверх того для малых перевозок небольшие суды» (ГААО ф. 4, оп. 9, д. 78, л. 108–109об).

Из прежних «кланов» кораблестроителей удалось найти «порядную» на подужемского крестьянина мастера Егора Федорова сына Мартынова, который в ноябре 1781 г. подрядился построить в Соловецкий монастырь «гладкую мореходную лодью в длину меж штевни по матице десять сажен» (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1012, л. 62–64). В 1789 г. крестьянин Сумского острога мастер Федор Васильев сын Рюхин подрядился построить лодью «Преподобный Зосима»

(РГА ВМФ, ф. 330, оп. 1, д. 1711, л. 12об; Филин 2003а; 2003б). Корабельный мастер Федор Васильев сын Рюхин — один из представителей большой и предприимчивой семьи Рюхиных: сам Федор Рюхин имел две кочмары (32 и 41 фут по килю) — «Святой Николай» и «Святой Михаил» постройки 1794 г. и 1796 г.; Матвей Рюхин имел кочмару «Святой апостол Матвей» (РГА ВМФ, ф. 330, оп. 1, д. 1711, л. 7об., 14 об); Иван Рюхин на собственном судне перевозил грузы в Норвегию (его имя было выбито на знаменитых плитах Аникеева острова). В начале XIX в. Федор Рюхин стал мещанином Сумского посада и в 1814 г. выстроил себе лодью длиной по килю 40 фут (РГА ВМФ, ф. 330, оп. 1, д. 1711, л. 59об).

Формирование новой судостроительной артели вблизи Онежского порта, на самом устье р. Онеги, несомненно, содержало определенные преимущества, и, вероятно, прежде всего для обеспечения строительным материалом, а также расширяло круг заказчиков, среди которых в первую очередь был и Соловецкий монастырь. В 80-х гг. XVIII в. государственные власти разных уровней высказывали беспокойство состоянием поморских промыслов и собирали сведения о строительстве судов в Поморье, о потребностях судостроителей в лесе и т. д. Собирал такие сведения и Священный Синод, затребовав у Соловецкого монастыря список «с показанием состоящих при том монастыре ныне налицо мореходные суда, называемые лодьи, в котором точно году, в какой пропорции и меры, каждый порознь построено в какую точно цену кроме такелажа стоит, и ныне с такелажем, и о прочем...» (сведения были

отправлены в Синод в 1783 г.). В отписке (РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 598, л. 1–15об) перечислены 4 лодьи, построенные мастером Подпорожской волости Онегской округи Яковом Фирсовым: «Святой апостол Андрей Первозванный» (1776 г.), «Святой архангел Михаил» (1777 г.), «Святой Николай чудотворец» (1778 г.), «Святой Филип митрополит» (1783 г.).

Сведения о западнобеломорском судостроительном центре первой половины XVIII в., представленные нами в данной статье, выглядели бы довольно изолированными без тех данных, которые проливают некоторый свет и на судьбы этого региона во второй половине этого же столетия.

Сейчас становится совершенно очевидно, что для исследования многовекового процесса колонизации (прежде

всего внутренней колонизации) огромного по своей территории и протяженности вдоль Ледовитого океана Поморского региона необходим совершенно новый подход. Этот новый подход предполагает расстановку новых акцентов в изучении освоения региона. Один из наиболее значимых и определяющих таких акцентов — морской аспект, тесно связанный с хозяйственным укладом и «образом жизни» населения Поморского региона. Манипулирование общими фразами об освоении и колонизации, переписывание уже известных фактов из публикации в публикацию, мифологические рассуждения о «круглых» судах и о коце как уникальной ледовой «защите» поморских судов ушли. Пришло время создавать документальную базу для исследования затронутых проблем.

Источники

- ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 74.
 ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 529-Н.
 ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 545.
 ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 2638.
 ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 4160.
 ГААО, ф. 4, оп. 9, д. 78.
 РА СПб. ФИРИ РАН, ф. 255, оп. 2, д. 3-а.
 РА СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 16.
 РА СПб. ФИРИ РАН, колл. 2, д. 127.
 РА СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, д. 127.
 РГА ВМФ, ф. 212, Отд. I. Указы, д. 19.
 РГА ВМФ, ф. 212, Отд. II, Указы, д. 1749.
 РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1 д. 32.
 РГА ВМФ, ф. 330, оп. 1, д. 1711.
 РГАДА ф. 1201, оп. 1, д. 826.
 РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 216.
 РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 598.
 ГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 698.
 РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 216.
 РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1012.
 РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1122.
 РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1141.
 РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1171.
 РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1743.
 РО НБ, собр. А. А. Титова, № 4682.

Литература

- Боярский 1987* — Боярский П. В. Теоретические основы памятниковедения (постановка проблемы) // Памятниковедение. Теория, методология, практика. М. 1987.
- Категории 1983* — Категории философии и категории культуры. Киев. 1983.
- Маркарян 1985* — Маркарян Э. С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования культуры. М. 1985.
- Марков 1985* — Марков Г. Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования культуры. М. 1985.
- Морозов 2002* — Морозов С. Беломорские суда XII–XVI вв. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. № 1. М. 2002.
- Морозов 2003* — Морозов С. Соловецкие лоды XVIII в. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. № 2. М. 2003.
- Овсянников 1989* — Овсянников О. В. Север Кольского полуострова — контактная зона XVI в. // Исторические связи Русского Севера с Норвегией (к 200-летию города Вардье). Архангельск. 1989.
- Овсянников, Ясински 2006* — Овсянников О. В., Ясински М. Э. Волоки вдоль Ледовитого океана — древняя дорога торговли, промыслов, этнических контактов (материалы для дискуссий) // Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона. Ч. 2. Архангельск. 2006.
- Пузырев 1993* — Пузырев В. П. Паруса над Студеным морем. М. 1993.
- Рождественская 1972* — Рождественская М. В. Автографы выговского писателя Мануила Петрова // Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л. 1972.
- Словарь 2005* — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 2. СПб. 2005.
- Сорокин 1997* — Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-западе Руси в средневековье. СПб. 1997.
- Старков, Черносивтов, Дубровин 2002* — Старков В. Ф., Черносивтов П. Ю., Дубровин Г. Е. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Остатки судов. М. 2002.
- Филин 2003а* — Филин П. Новый архивный документ о поморском судостроении XVIII века: чертеж и описание соловецкой лоды «Преподобный Зосима» // Популярный архив. Т. I. М. 2003.
- Филин 2003б* — Филин П. Лодья Соловецкого монастыря «преподобный Зосима» 1790 // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. № 2. М. 2003.
- Чистов 1974* — Чистов К. В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера // Фольклор и этнография. Обрядовый фольклор. Л. 1974.

Чистов 1975 — Чистов К. В. Традиционные и вторичные формы культуры // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 5. М. 1975.

Шаскольский 1945 — Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Историческаие записки. Т. I. М. 1945.

Шаскольский 1970 — Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л., 1970.

Ясински, Овсянников 1998 — Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику: проблемы и источники. Т. I–II. СПб. 1998.

Cederlund 1978 — Cederlund C. O. Ett Fartyg byggt med sytekNIK. En studie i marinarkeologisk documentation // Statens Sjøhistoriska Museum. Rapport 7. Stockholm 1978.

Prins 1986 — Prins A. H. J. A Handbook of Sewn Boats // Maritime Monographs and Reports. № 59. Greenwich. London. 1986.

Westerdahl 1985 — Westerdahl Chr. Sewn boats of Sweden. Sewn plank boats. Archaeological and Ethnographical papers based on those presented to a conference at Greenwich in November 1984. // National Maritime Museum, Greenwich, Archaeological Series. No. 10. BAR International Series. 276. 1985.

THE WESTERN WHITE SEA REGION: FROM THE HISTORY OF PEASANT SHIPBUILDING IN POMORYE OF THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY

O. V. Ovsyannikov & M. Jasinski

This article is the first scientific publication of archive documents containing information on the shipbuilding in northern Russia of the first half of the 18th century. It offers a detailed analysis of these documents including description of the destinies of peasants-shipbuilders, regional centres of the peasant shipbuilding and the character of the shipbuilding orders.

ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА: ПИСАЛА

Долгое время технологический аспект функционирования письменности в культуре Древней Руси оставался в тени. И лишь находки в слоях Великого Новгорода берестяных свитков и различных предметов с процарапанными на них письменами, а также инструментов, относящихся к письменным принадлежностям, обратили внимание на то, как осуществлялся процесс письма в средневековом обществе. Действительно, в вопросе о письменных принадлежностях важное место занимают две составляющие: материал и орудия письма. Известно, что изучение орудий для письма неразрывно связано с материалом, поскольку каждому материалу соответствовал определенный инструмент для нанесения текста. Что касается материала, то, без сомнения, после сенсационного открытия 26 июля 1951 г. в Новгороде Великом (находка первой берестяной грамоты) прочно утвердилось уважительное отношение к такому писчему материалу, как береста. Неслучайно, порой, ее именуют «русским папирусом». Некоторое количество разнообразных писем и документов обнаружено и в других населенных пунктах Древнерусского государства, таких, как Старая Русса, Псков, Смоленск, Тверь, Звенигород

Галицкий, Москва, Витебск, Мстислав, Старая Рязань. Число находок берестяных грамот уже превысило 1000. Однако приоритет, без сомнения, принадлежит именно Новгороду Великому, где сегодня их число составляет 973.

Использование бересты в качестве писчего материала, как и само процерчивание букв, являлось делом далеко не легким, даже, можно сказать, в определенной степени специфическим ремеслом. Но не только бересту использовали для письма в Древней Руси.

Известно, что древнейшие русские рукописи написаны на пергамене, который по своим качествам — прочности и эластичности — был весьма удобным материалом для письма. Он мог легко гнуться, мог быть свернут в свиток, мог быть разрезан. Писать на нем можно было с обеих сторон. Вплоть до XIV в. пергамен являлся основным материалом для написания документов и книг на Руси. Как известно, в XIV в. появилась в делопроизводстве бумага, которая стала медленно вытеснять пергамен. Но здесь необходимо напомнить, что и пергамен, и бумага были чрезвычайно дорогостоящим писчим материалом. И поэтому наиболее доступным было, конечно, дерево. Доски

и береста, пригодные для такой цели, могли быть приготовлены в любом количестве и в любом уголке обширной Русской земли. При обучении грамоте кроме бересты обращались еще и к деревянным табличкам — церам (от латинского «сега» — «воск», либо навощенная табличка или просто — «tabella, tabula») — тем самым восковым табличкам, которые были заимствованы средневековой европейской культурой из Античности (Добиаш-Рождественская 1987: 25), — скрепленные вместе воощенные таблички, напоминающие записные книжки. Если говорить о находках цер на территории Древней Руси, то их число пока не велико. В слоях Новгорода их — 14, и одна найдена в Берестье. Судя по новгородской коллекции, все они изготовлены из плотного дерева (сосна, можжевельник и др.) и, как правило, хорошо сохраняются в земле (Рыбина 1994:129–133). Они разнообразны по форме, размерам и оформлению. Хронология и топография цер свидетельствует о том, что они не были в постоянном и повсеместном употреблении. В отличие от Западной Европы, где церы широко употреблялись для повседневных деловых, бытовых и других записей, в Новгороде восковые таблички чаще всего использовались при обучении (Рыбина 2000: 42).

Вместе с писчим материалом на Руси внедрялись и орудия письма. Если для европейской средневековой культуры было характерно использование трех типов орудий: стиль, калам, птичье перо, постепенно сменявших друг друга в практике письма, то на Руси ситуация была несколько иной. Писание каламом (камышовый тростник), характерное для Византии до IX в., на

Руси не привилось. А вот использование древними писцами птичьего, преимущественно гусиного, пера дожило до XIX в. Все известные древнерусские письменные источники, выполненные на пергамене, написаны чернилами и именно при помощи птичьего пера.

Что же касается письма по бересте и по воску в церях, то в средневековой Руси использовали предметы, которые в литературе получили название «стили» — от латинского «stilus» (рис. 1–3). Это заостренный костяной или металлический стержень с навершием в виде тупой округленной «головки» или в форме лопаточки, благодаря которой разглаживали воск в церях (Словарь 1994: 550). Термин «stilus» и сегодня бытует в европейской литературе, правда, в публикациях Северной Европы он известен еще и как «griffel» — грифель (Signe 1991). На Руси же за таким инструментом утвердилось название «писало», что, по мнению исследователей, этимологически соответствовало орудию писания (Срезневский 1895: 934). К тому же «писало» упоминается в ряде письменных источников новгородского цикла XI–XVI вв., а значит, по мнению исследователей, это местное название орудия письма (Медведев 1960: 79–80). Но если обратиться к значению еще одного слова, которое переводится с древнегреческого «psao» (ψάω) как «тереть, скоблить» (Вейсман 1899: 1359), то, может быть, не стоит исключать и такой вариант происхождения названия орудия письма, у которого один из концов предназначен для соскабливания или стирания неправильно написанного.

Используя термин «писало» в значении специального инструмента для

письма на Руси, отмечу, что это предмет многофункционального профиля, так как заостренный конец стержня использовался для начертания не только букв, но и других знаков и прописовок. Его же навершие — «лопаточка» — для заглаживания или соскабливания воска в церах либо для подправки текста по бересте: снятие тонкой стружки, оставленной от процарапанной стержнем буквы. Писала могли использоваться для написания текста и на более твердой поверхности, судя по

характеру надписей по штукатурке и камню, керамике и сланцу, и даже по металлу. Впрочем, здесь могли применяться предметы любого назначения, имеющие острый конец. Видимо, поэтому среди находок, обнаруженных при раскопках древнерусских памятников, писала не выделялись долгое время в отдельную категорию предметов в их функциональном назначении. Их могли отнести к шильцам, к булавам либо к ложечкам для причастия (Колчин 1959: 239, рис. 5, 5–7). И сегодня

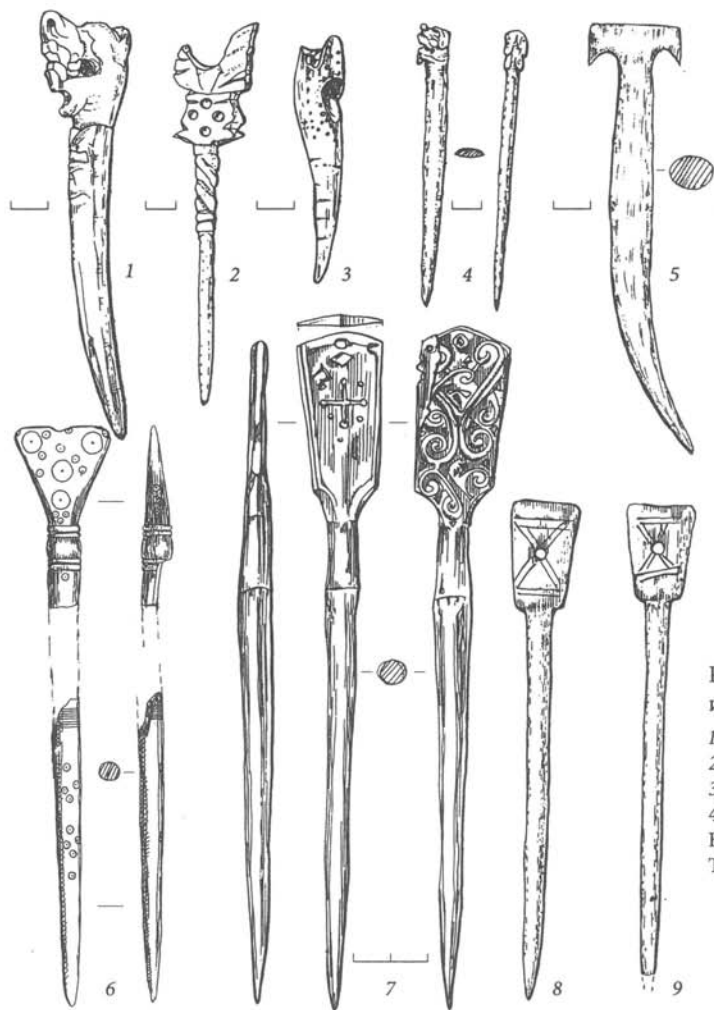

Рис. 1. Предметы из кости и рога. Новгород:

- 1 — Козьмодемьянская ул.;
 2 — Посольский раскоп;
 3, 8, 9 — Неревский раскоп;
 4, 7 — Троицкий раскоп; 5 —
 Никитинский раскоп; 6 —
 Троицкий XIII раскоп

ня порой исследователи затрудняются в определении назначения ряда предметов, иногда приписывая к писалам-стилосам внешне похожие на них. Особенно это относится к орудиям, выполненным из кости и рога с зооморфными навершиями: кочедыки — для развязывания узлов (рис. 1, 1, 3, 5) или орудие для линования по пергаменту — овално-вытянутое в сечении с острым концом, боковые края стержня которого сглажены (рис. 1, 4), чем отличаются они от ножей для разрезания бумаги.

В 50-е гг. прошлого столетия к толкованию стержней как инструментов для писания — писалам, полученных при раскопках в древнем Новгороде, обратился А. Ф. Медведев. Он был первым, кто атрибутировал их как отдельную категорию находок в составе новгородской коллекции, выделил типы, установил хронологию их бытования. Правда, располагал он тогда сравнительно незначительным объемом исходных данных — всего пятьдесят экземпляров и только с одного Неревского раскопа (Медведев 1960: 63–88). Но вместе с тем сопоставление новгородских писал с аналогичными предметами, выявленными более чем в двадцати городах Древней Руси, а также в средневековых городах других государств или княжеств, окончательно утвердило правомерность соотношения таких заостренных стержней с навершием, особенно в виде лопаточки, к инструментам письма — писалам-стилосам.

К настоящему времени коллекция только новгородских писал X–XV вв. составляет свыше 250 находок, обнаруженных практически на всех раско-

пах в Новгороде Великом (Овчинникова 2000: 45–105). Конечно, их число во многом уступает количеству грамот на бересте, но это не должно смущать, ибо одним таким инструментом можно было написать несколько десятков берестяных писем. К тому же в Новгород Великий приходили берестяные письма из других населенных пунктов: Ярославля, Смоленска, Ростова Великого, о чем свидетельствуют тексты берестяных грамот (Рыбина 2000: 34–35).

Анализируя формы писал, которыми пользовались новгородцы, можно отметить, что, несмотря на их многообразие, неизменной остается рабочая часть инструмента — круглый в сечении заостренный рабочий край. Иногда сами стержни металлические, а иногда и костяные (рис. 1, 6) украшались инкрустацией из серебристой полуды или в виде вытянутой нити из серебристой полуды или золотистой бронзы, порой «обматывающей» округлый металлический стержень (рис. 2, 6, 12). На некоторых стержнях присутствуют следы «нарезки» в виде винта (рис. 2, 5, 9, 11) для удержания деревянного или костяного «ободка-рукояти», надетого на стержень между рабочим краем и «лопаточкой», вероятно, чтобы не повредить пальцы. Правда, «рукояти» практически не сохраняются. На мой взгляд, такие «витые» стержни могли бы послужить признаком выделения их в группу инструментов для написания именно по воску, так как в процессе работы конец стержня должен быть нагретым. Не случайно писала с «витым» металлическим стержнем встречаются на участках раскопок, где обнаружены и черы.

Что же касается формы лопаточки или наверхия, то они весьма разнообразны и нередко тщательно отделялись. Именно такая деталь легла в основу типологизации данных предметов, что позволило выделить характерные черты инструментов для письма, проследить эволюцию типов, определить хронологические рамки, а порой и места их концентрации (Медведев 1960; Овчинникова 2000).

Наиболее ранними формами писала в слоях древнего Новгорода являются костяные орудия. Иногда они орнаментировались растительным или геоме-

трическим узорами, резьбой, прорезьями или зооморфными скульптурными изображениями. Так, в слое середины X — начала XI в. на усадьбе «Б» Неревского раскопа одного из богатых феодалов обнаружены костяные, а также роговые писала (рис. 1, 8, 9). Уже тогда этот тип костяных писал был известен и в других городах: Пскове, Изборске, а также в Латвии и Древней Карелии.

Параллельно с костяными предметами для письма в Новгороде с XI в. появляются и металлические. Форма их лопаточки привлекает четко выра-

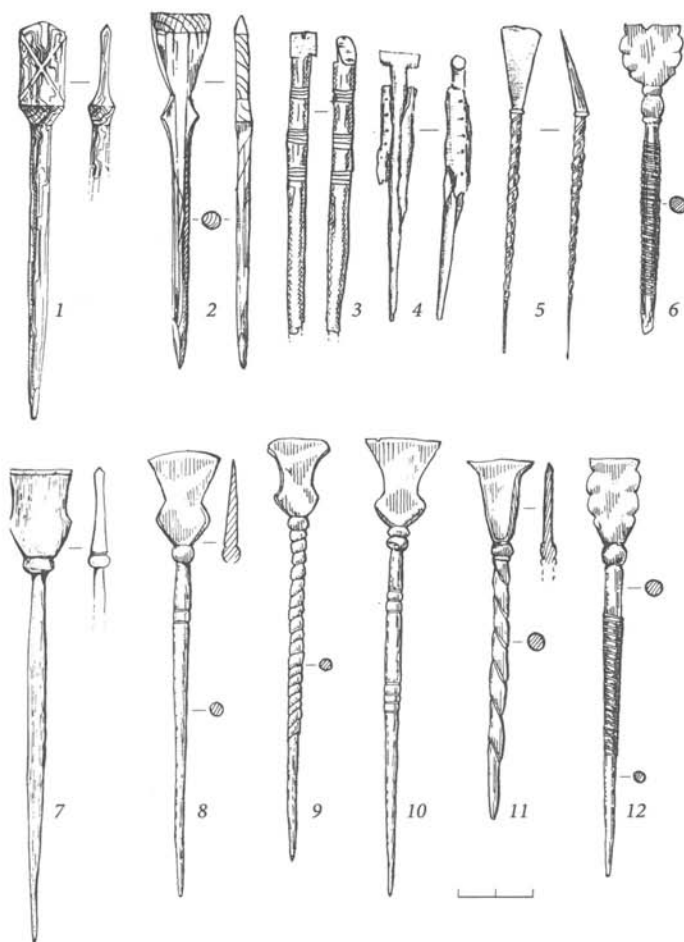

Рис. 2. Писала из раскопок в Новгороде. 1 — Рюриково городище; 2, 6, 8, 10 — Ильинский раскоп; 3 — Неревский раскоп; 4 — Никитинский раскоп; 5, 7, 9, 11, 12 — Троицкий раскоп: 1, 2 — дерево; 3 — кость, железо; 4 — кожа, железо; 5, 7, 8, 10 — железо; 6 — железо, медь; 9, 11, 12 — железо, серебро

ем упора-валика между лопаточкой и стержнем. Среди такого вида инструментов встречаются предметы, имеющие инкрустированные лопаточки с витыми стержнями, порой покрытыми позолотой или бронзой (рис. 3, 3). К этому же времени относятся писала и более простой формы так называемого «болгарского типа» (рис. 2, 5), так как аналогии им известны среди староболгарских стилей IX — начала XI в. из двух крупных городских центров — Плиски и Преслава (Георгиев 1964: 43–50). Подобной формы писала в этот период получают распространение в европейских странах: Польше, Великоморавии и др. К XII в. в Новгороде наиболее популярными становятся писала, форма лопаточки которых представляет собой так называемый «бокальчик» (рис. 2, 7–II; рис. 3, 1). Заметим, что на протяжении с конца XI до середины XIII в. прослеживается определенное развитие этой формы. Еще один вид писал привлекал внимание новгородцев: писало с лопаточкой в виде сечки, условно образующей со стержнем букву «Т». Именно такая форма одна из многочисленных и получает развитие непосредственно в самом Новгороде с XIII в. (рис. 3, 9–II). Несколько в измененном варианте писала подобной формы продолжают встречаться и в XIV в. Аналогичной формы писала известны на довольно широкой территории, но в единичных экземплярах: Псков, Белоозеро, Суздаль, в Рязанской обл., в Ярополке-Залесском, а также в Минске и Poznани.

К XIV в. все чаще в слоях раскопов древнего города фиксируются писала, у которых лопаточка отсутствует, а ее заменяет шарообразное навершие

(рис. 3, 12). Именно этот тип сохраняется до рубежа XV–XVI вв., когда общее количество таких инструментов для письма, как писала, в Новгороде резко снижается. По мнению исследователей, такая форма писал нетипична для Новгорода, она считается московским вариантом (Беленькая 1975: 47–53).

В процессе изучения новгородской коллекции писал складывается впечатление, что на смену древним костяным стилосам конца X — начала XI в. в Новгородскую землю проникали металлические инструменты для письма. Вероятно, их завозили купцы, путешественники или миссионеры в связи с распространением христианства (рис. 2, 5), прибывшие с юга, из Болгарии (Георгиев 1964: 43–50). В этом плане интерес представляют писала, объединяющим признаком которых является наличие крестообразной прорези на лопаточке (рис. 1, 7, 3, 1, 4). Это явное свидетельство их принадлежности служителям церкви. Однако этот признак характерен для писал в последующий период, когда в XII–XIII вв. идет активное внедрение орудий письма в повседневную жизнь новгородцев. Различие форм, количественный состав — все говорит о прочном внедрении в данный период этого инструмента не только в Новгороде Великом, но и по всей Руси (рис. 2, 7–II). С XIV в. добавляются «привозные» писала с Запада — с территории Германии: из Любека и других ганзейских городов. Среди них присутствуют писала новой формы, так называемые составные (рис. 2, 3): грифель металлический вставлен в костяной футляр (Die Hanse 1989: 541–543). Отметим и такой факт, что на протяжении всего периода (XI–XV вв.) в Новго-

роде встречаются единичные находки писала, которые по форме напоминают орудия письма из Прибалтики и Швеции (рис. 3, 9, 11), что свидетельствует о постоянных контактах новгородцев с северными соседями (Caune 1992: 9–27; Uino 1997: 195, fig. 6–16).

Разнообразие форм и размеров писал, представленных в новгородской коллекции, свидетельствует о сложном процессе воспроизведения букв. Техника начертания — написания текста явно зависела от определенного мастерства

исполнителя, который учитывал как тип предмета, используемый для нанесения букв на писчий материал, так и сам материал. В своем рассказе о письменности Паола Утевская сообщает, что, рассматривая буквы, начертанные профессионалом, весьма очевидно изменение форм букв от рукописи к рукописи. На этот факт еще в 50-е гг. XX в. обращал внимание французский ученый Ж. Маллон в своих учебно-научных фильмах о развитии вида букв. Он показал, что в процессе письма на

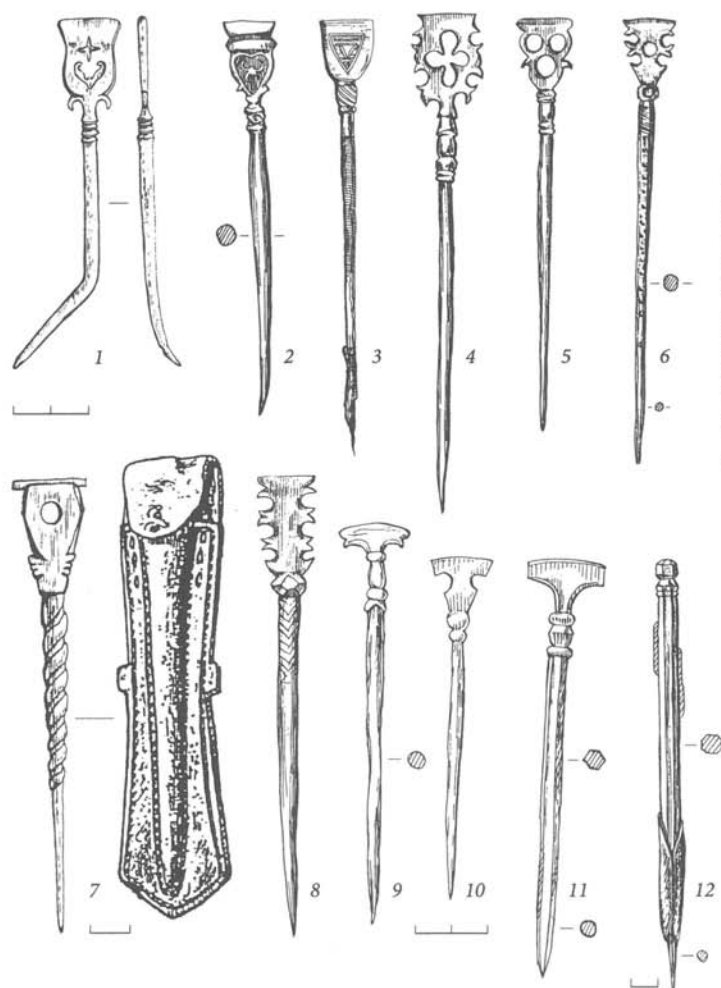

Рис. 3. Писала из раскопок в Новгороде:
1, 3 — Троицкий раскоп;
2 — Буяный раскоп;
4, 5, 7, 8–12 — Неревский раскоп;
6 — Ильинский раскоп:
1, 2, 4, 5 — бронза;
3 — железо, бронза;
6 — железо; 7, 8, 11 —
железо, серебро

начертание букв влияют микроструктура, конструкция, размеры, вес пишущего инструмента и даже угол, образующий между орудием письма и писчим материалом, а кроме того, и текстура самого писчего материала (Утевская 1985). Вероятно, в эпоху Средневековья все это мог учесть лишь мастер своего дела. Не исключено, что в средневековом обществе письмо по бересте представляло особый вид ремесла, и специалисту в такой области, подобно художнику-ювелиру, необходим был определенный набор инструментов. Естественно, что в такой набор могли быть включены писала различной формы. Составляя подобный набор письменных орудий, необходимо было при подборе учитывать размеры инструмента, толщину стержня, угол заточки рабочей части «грифеля», форму «лопаточки» и т. д. Такой набор, вероятно, и был у писца-мастера. Однако это не исключало того, что таким орудием письма мог пользоваться и любой горожанин, повседневно обращавшийся к берестяной почте. К сожалению, в Новгороде пока не обнаружено такого полного в наборе комплекса писал. Не выявлены и места их скопления, подобно тому как это известно в средневековых европейских памятниках. Например, возле монастыря у д. Равна в Северо-Восточной Болгарии в слое X в. было найдено более двадцати писал (Георгиев 1964). Кроме того, в Любеке при исследовании средневековой латинской школы возле церкви Святого Якова была обнаружена коллекция из 46 грифелей, причем 44 из них представлены единой находкой в слое XV в. (Die Hanse 1989). Заметим, что в этом комплексе доминируют грифели из ко-

сти со вставным железным стержнем, с линейным круговым орнаментом. Аналогичные экземпляры встречены и при раскопках в Новгороде (рис. 2, 3). Как уже было отмечено, такие инструменты явно предназначались для письма по воску. Аналогичной формы орудия письма кроме Любека отмечены в Берлине, а также в Дании, Швеции. Ученые связывают это с активным распространением грамотности среди городского населения в XIV–XV вв., обращая внимание при этом и на существование общей мастерской по изготовлению инструментов для письма — «грифелей» (Засурцев 1959: 289–296).

Можно предположить, что и в Новгороде Великом существовали подобные мастерские, а кроме того, и мастерские по переписыванию книг — скриптории и школы. Письменные источники подтверждают факт существования со времен Ярослава Мудрого (с 1030 г.) школ, в которых обучались мастерству письма и грамоте различные социальные слои древнего Новгорода. А для этого необходимо было расширение ассортимента письменных принадлежностей, в том числе и орудий письма — писал. Таким образом, можно отметить, что увеличение числа последних непосредственно в Новгороде происходило во времена совершенствования процесса изготовления рукописных книг, интенсивного обучения грамоте и активной деловой и личной переписки различных слоев населения. Все это являет собой свидетельство широкого распространения грамотности, главного критерия и важнейшего фактора высокого уровня культуры не только в Новгороде, но и во всей Руси.

Литература

- Беленькая 1975* — Беленькая Д. А. О грамотности московских горожан в XIV–XVII вв. // КСИА. № 144. М. 1975.
- Вейсман 1899* — Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб. 1899.
- Георгиев 1964* — Георгиев П. Старобългарски писала от Плиска и Преслав // Археология. № 3. 1964.
- Добиаш-Рождественская 1987* — Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. М. 1987.
- Засурцев 1959* — Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода (предварительная характеристика по материалам Неревского раскопа 1951–1955 гг.) // МИА. № 65. М. 1959.
- Колчин 1959* — Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М. 1959.
- Медведев 1960* — Медведев А. Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // СА. № 2. 1960.
- Овчинникова 2000* — Овчинникова Б. Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника). // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000.
- Рыбина 1994* — Рыбина Е. А. Церы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994.
- Рыбина 2000* — Рыбина Е. А. Образование в Средневековом Новгороде (по археологическим материалам). // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000.
- Словарь 1994* — Словарь античности. М. 1994.
- Срезневский 1895* — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб. 1895.
- Утевская 1985* — Утевская П. Слов драгоценных клады. Рассказ о письменности. М. 1985.
- Caune 1992* — Caune A. Viduslaiku Rakstāmrikusilu atradume Latvija // Latvijas vēstures institūte zurnāls. 1992.
- Die Hanse 1989* — Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. Bd. 2 // Eine Ausstellung des Museums für Hamburgische Geschichte in Verbindung mit der Vereins und Westbank. Hamburg. 1989.
- Signe 1991* — Signe H. F. G. En griffel med den gode hurde? // De arkeologiska utgravinger i Gamlebyen. Oslo. Bind 8. Del. II. 1991
- Uino 1997* — Uino P. Ancient Karelia archaeological Studies. Helsinki. 1997.

FROM THE HISTORY OF WRITING-MATERIALS IN MEDIEVAL NOVGOROD

B. B. Ovchinnikova

This paper deals with the writing implements from medieval Novgorod which in literature have received the appellation “stili” from the Latin “stilus” — a pointed bone or a metal rod with a terminal in the form of a rounded “head” or a “shovel” with which the wax was smoothed out on wax-covered tablets for writings (cerae). In the literature of Northern Europe this instrument is known as “griffel”. In Rus the same object came to be called “pisalo”. In the opinion of researchers it was derived etymologically from “pisat” — write. Turning to the Greek word “psao” (ψάω) which meant “rub, scrape” the present author conjectures that exactly this word may have actually given the name to the instrument with one of its ends serving to rub out something incorrectly written. Noteworthy is the multifunctionality of the pisalos. Indeed, the pointed end of the rod was used not only for writing letters but also for drawing other signs or sketches etc. For this reason, researchers sometimes find difficulty in identification of the purpose of certain objects mistaking for stili the outwardly similar kochedyks — tools for undoing knots, weaving mats or for lining parchment.

At present, the collection of Novgorod pisalos of the 10th–15th century comprises over 250 finds. Analyzing the shape of the pisalos the author pays attention to the diversity of the “shovel” — terminals. It is exactly this part that has been laid into the basis of the typology of these objects and enabled to distinguish characteristic traits of the writing instruments, to trace the evolution of their types, to define their chronological limits and occasionally even the sites of their concentration. The diversity of the shapes and dimensions of the pisalos from the Novgorod collection suggests a fairly complicated process of lettering. It is probable that writing on birch-bark was a special handicraft in the medieval society. Moreover, in Novgorod the Great there possibly have been workshops for copying manuscripts — scriptoria. Written sources confirm the fact of the existence of schools since the times of Yaroslav the Wise (since 1030) where various social strata of ancient Novgorod were taught literacy and the art of writing. All these facts attest the wide distribution of literacy as an important factor providing a high level of culture not only in Novgorod but also throughout the entire Rus.

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА Р. ОЯТЬ

В начале 2005 г. в Институт истории материальной культуры Российской академии наук поступили фотографии археологических предметов (рис. 1, 1). Эти вещи, по словам коллекционера, которому они были предложены для покупки, составляют единый комплекс и происходят из района «нижней трети» течения р. Оять (Лодейнопольский и Тихвинский районы Ленинградской области). Особый интерес среди этих вещей вызывает крест (6,5×5,8 см), отлитый из медного сплава¹, с пропорциями так называемого латинского креста, прямыми, слегка расширяющимися концами и петлей для подвешивания. Крест имеет двусторонние рельефные изображения Распятия и невысокий гладкий бортик по контуру креста. Рельефы на обеих сторонах однотипны и плотно вписаны в плоскость креста: Христос изображен препоясанным, с прямо поставленной головой, окруженной нимбом, с прямым торсом и вытянутыми руками с преувеличенно большими кистями, стопы развернуты в стороны. В лике Христа с трудом просматривается (едва угадывается) вытянутый, с заостренным подбородком овал лица, по-видимому с бородой и усами. Складки длинной набедренной повязки, закрепленной на бедрах

крупным узлом, ниспадают прямо двумя крупными фалдами, напоминая покрой штанов.

Изображение Распятия, которое удалось «прочитать» на кресте, почти тождественно изображению, представленному на лицевой створке бронзового крестареликвария, входящего в состав так называемой «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко (рис. 2, 3)². В свою очередь, столь же близким является сходство этого крестареликвария и серебряного креста с двусторонними изображениями из Лилла Клинтегарда (рис. 2, 2) на о. Готланд (Staecker 1999: 477–478,

¹ Материал, из которого изготовлен крест, укзывается со слов коллекционера, размеры — по фотоотпечатку, на котором вещи переданы, судя по всему, в натуральную величину.

² Крест хранится в Национальном музее истории Украины (Киев), инв. № В-4626/241, 244. В настоящее время установлено, что целостность «сирийской коллекции» была нарушена еще при жизни Б. И. Ханенко в связи с подготовкой к изданию 3-го выпуска альбома «Древности русские. Кресты и образки», где византийские кресты зачастую помещались на одной таблице с древнерусскими крестами, и продолжала нарушаться в дальнейшем (в ходе перераспределения музейных коллекций, в процессе эвакуации в годы войны). В ней оказались собраны разнообразные византийские кресты, включая и балкано-дунайские типы. И потому сегодня корректнее рассматривать ее не как эталонную «сирийскую», а как редкое по разнообразию собрание византийских крестов (Пескова, Строкова 2006: 148–151).

Kat. № 81). Это позволило в свое время предположить, что крест-реликварий такого типа мог послужить иконографическим прототипом при создании модели готландского нательного креста (Пескова 2002: 264–262, рис. 1 и 3, 2).

Иконографический тип Распятия, одинаковый на этих трех крестах, в каждом случае имеет свои особенности. Рельеф на кресте, обнаруженном на Ояти, отличается от аналогичного рельефа на кресте-реликварии лишь расположением стоп Распятого (в первом случае стопы разведены и направлены в стороны, во втором — опущены вниз); при этом размеры этих крестов практически одинаковы (см. табл.), несмотря на различное их функциональное предназначение. На кресте из Лилла Клинтегарда, в отличие от двух других, представлены два иконографических типа Распятия. На одной стороне (обозначим ее литерой А) распятый Христос изображен таким, каким мы отчетливо видим его на кресте-реликварии и менее ясно на кресте с Ояти: худое лицо с закрытыми глазами, бородой и усами, препоясан длинной набедренной повязкой, закрепленной крупным узлом, стопы разведены в стороны, но в данном случае образ Христа дополнен еще и маленьким четырехконечным крестом над головой. На другой стороне готландского креста (сторона В) помещено сходное изображение Распятия, но лик Христа без бороды и усов, глаза широко раскрыты, над головой нет креста, стопы опущены вниз. Таким образом, с изображением на рассматриваемом нами кресте полностью совпадает лишь одна из сторон готландского креста, за исключением одной детали — четырехконечного креста над головой Распятого,

который на нашем кресте не просматривается.

Напомним, что Х. Фуглезанг трактует сочетание двух различных типов изображения Христа на готландском кресте как иконографическое отражение определенных богословских представлений: с одной стороны, Спасения человечества через Крестную жертву Христа, с другой — Второго пришествия Христа Эммануила на Страшном суде (Fuglesang 1981: 73). В отношении готландского креста, изготовленного из серебра и, по-видимому, по индивидуальному заказу, такое толкование воспринимается как вполне возможное. В то же время на скандинавских

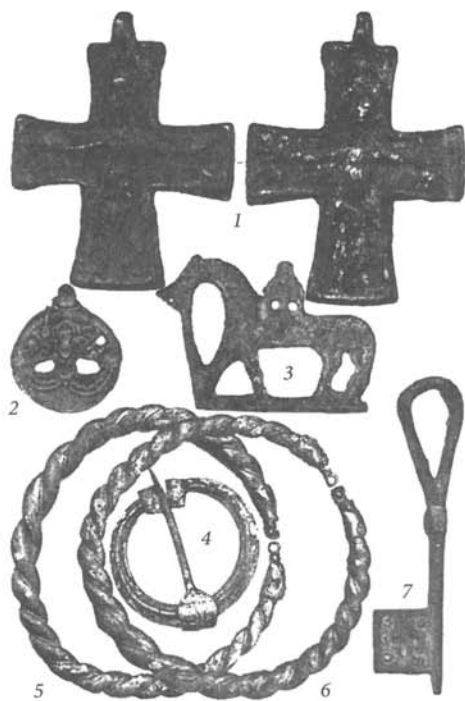

Рис. 1. Комплекс находок из района нижнего течения р. Оять 2005 г.:

1 — крест нательный; 2 — зооморфная подвеска; 3 — подвеска-всадница; 4 — спиралеконечная фибула; 5–6 — витые браслеты; 7 — подвеска-ключ

Рис. 2. Кресты с Распятием, аналогичные оятскому кресту:

1 — крест из окрестностей Сухума; 2 — крест из кладки в Лилла Клинтегарда (о. Готланд); 3 — крест-реликварий из «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко

двусторонних крестах этого типа, особенно отлитых из медных сплавов, встречаются и однотипные изображения Распятия (как и на кресте с Ояти). А это свидетельствует о том, что в ряде случаев мастера просто пытались следовать традиции изготовления крестов с двусторонними изображениями, используя для копирования, возможно, единственный доступный образец.

Небольшой круг приведенных аналогий будет неполным без привлечения еще одной замечательной находки — бронзового креста с Распятием (рис. 2, 1) из окрестностей Сухума (Хрушкова 1979: 65–66, рис. 43, 1; 2002:

199, 203, рис. 71, табл. LXXX, 2)³. Иконографический тип представленного на нем Распятия, с одной стороны, очень напоминает изображение на кресте из Лилла Клинтегарда (сторона В) благодаря одинаковой передаче прямо поставленной крупной головы Распятого с широко открытыми глазами, без усов и бороды. С другой стороны, в нем заметны и существенные отличия: складки набедренной повязки расходятся от колен в стороны по косяку, руки как будто перевиты по всей длине. Эти иконографические особенности присущи крестам с так называемым «грубым изображением Распятия» (тип II), широко распространенным на территории Древней Руси в конце X — первой половине XII в. (рис. 3, 1)⁴. В данном случае отсутствует лишь крестовидная перевязь на груди Распятого, являющаяся ярким и характерным, но не всегда обязательным признаком этой группы крестов. Следовательно, иконография сухумского креста представляет собой пример комбинированного изображения, составленного из отдельных элементов двух типовых изображений Распятия. Примечательно, что и основа креста выполнена по шаблону крестов «с гру-

³ Л. Г. Хрушкова датировала находку VI–VIII вв. (Хрушкова 1979: 65–66, рис. 43, 1; 2002: 199, 203, рис. 71, табл. LXXX, 1, 2). А. Е. Мусин в рецензии на ее монографию 2002 г. обратил внимание на ошибочность столь ранней датировки креста, обнаруженного в окрестностях Сухума, а также близкого ему по типу креста, найденного близ храма X в. в с. Лыхны (Абхазия), и указал на широкое бытование крестов такого типа на севере, востоке и юго-востоке Европы в конце X — первой половине XII в. (Мусин 2004: 358–363).

⁴ Наиболее полная информация о крестах этого типа во всех его разновидностях приводится в монографии А. Е. Мусина (Мусин 2003: 152–171).

бым изображением Распятия», на что указывают его размеры (см. табл.) и форма (со слегка расширяющимися концами). Такая модель креста могла быть создана только мастером, имевшим под руками оба исходных образца, бытовавших более или менее одновременно и, по-видимому, в одной среде. На одном из них (типа готландского креста) было запечатлено Распятие, выполненное в ярко выраженной североευропейской манере (стилистика и двусторонние изображения), на другом (типа крестов «с грубым изображением Распятия») — один из первых на Руси иконографический тип Распятия, соединивший в себе иконографию провинциально-византийских крестов-реликвариев и отдельные, но очень характерные североευропейские стилистические признаки⁵. О близости создателей и носителей этих двух моделей крестов как раз и свидетельствует сухумский комбинированный крест с Распятием. Он же напоминает нам о том, что стоявший у истоков изучения крестов «с грубым изображением Распятия» В. В. Седов не случайно рассматривал крест из Лилла Клинтегарда, как и другие разновидности крестов с Распятием этого времени, как единое целое (Седов 1988: 63–67).

В группе из четырех рассмотренных крестов только готландский крест, входивший в состав большого монетного клада, имеет определенную дату — после 1066 г. (Salin 1893: 296–298. Abb. 7). Модель креста-реликвария (представлена образцом из коллекции Ханенко), к которой, по нашим представлениям, восходит иконография готландского креста, должна быть старше, как и крест, обнаруженный на Ояти, по-

Рис. 3. Крест «с грубым изображением Распятия» (1 — Новгород, Лубяницкий раскоп), крест — реликварий древнеболгарского типа (2 — Новгород, Троицкий X раскоп), древнеболгарский крест с Распятием (3 — Руино (Болгария))

скольку он отливался, скорее всего, непосредственно по образцу лицевой створки такого креста-реликвария.

В связи с описанной находкой 2005 г. следует упомянуть, что в Юго-Восточном Приладожье известна еще одна находка нательного креста с изображением Распятия (рис. 4, 1), происходящего из погребения 3 кургана 15 могильника Орехово на р. Тихвинке. Крест очень плохой сохранности, име-

⁵ Подробный стилистический анализ рассматриваемых крестов проводится в ряде публикаций (Fuglesang 1981; Пескова 2002; Мусин 2003), поэтому здесь мы ограничиваемся лишь ссылками на эти работы.

ет значительные повреждения — полностью утрачен верхний конец креста, на нижнем конце пробито круглое сквозное отверстие. По форме, размерам и едва угадываемому изображению Распятия его все же можно с достаточной долей уверенности причислять к группе крестов «с грубым изображением Распятия» II типа. Более того, на сегодняшний день он, наряду с крестом из Псковского кремля, который датируется концом X — началом XI в., признается одним из самых ранних в этой группе крестов, обнаруженных на территории Древней Руси (Мусин 2003: 156, рис. 63, 15). Основанием тому служит анализ сопутствующих находок. В состав сильно поврежденного женского труположения, кроме подвески-крестика, входили серебро-стеклянные бусины, фрагменты лепного сосуда, бронзовое проволочное кольцо, крестопрорезные грушевидные бубенчики, железный нож, пластинчатое кресало, железная сковорода и подковообразная спиралеконечная фибула (Крупейченко 1976: 16). Время совершения погребения может быть отнесено

ко времени между 980 и 1020 г. (Богуславский 1992: 270, рис. 19).

Факт находки в Юго-Восточном Приладожье еще одного экземпляра креста с изображением Распятия, относящегося к дискуссионной группе, очень важной для понимания развития иконографии этого типа предметов на Руси, безусловно, крайне интересен. А возможность соотнесения находки 2005 г. с определенным вещевым, возможно погребальным, комплексом делает ее еще более значимой. Отсутствие документальных подтверждений места и обстоятельств обнаружения вещей в бассейне р. Оять заставляет нас обратиться к материалам раскопок могильников Юго-Восточного Приладожья. Действительно, по своему составу комплекс находок, если он действительно является закрытым комплексом, в целом вполне соответствует ряду погребальных древностей, известных на этой территории, и, в частности, на территории бассейна р. Оять, и, следовательно, может представлять собой выборку наиболее эффектных вещей из погребального набора женского труполо-

Таблица

	Размеры	Материал
р. Оять: крест с двусторонними изображениями	6,5×5,6 см (по фото)	Медный сплав
Коллекция Ханенко: крест-реликварий	6,4×5,5 см (по: Пескова 2002)	Медный сплав
Лилла Клинтегарда: крест с двусторонними изображениями	4,6×4,0 см (по: Staecker 1999)	Серебро
г. Сухум, окрестности: крест с односторонним изображением	4,5×4,0 см (по: Хрушкова 2002: фото)	Медный сплав
Древняя Русь: кресты «с грубым изображением Распятия» (с односторонними изображениями)	4,5×4,0 см (усредненные размеры)	Медный сплав

жения. Это предположение косвенно подтверждается находкой близкого по составу комплекса женского труположения в кургане 32 могильника Карлуха (Линевский 1947: 8–26)⁶.

Комплекс описан следующим образом: «Женский скелет находился в западной части погребальной насыпи в 1,5 м от ее центра на материковом основании. Сохранность скелета очень плохая. У ног покойной поставлен маленький круговой горшочек. На умершей располагались бронзовые паластинчатая подвеска-уточка, подвеска-«собачка» (без головы) с железным колечком и прилипшим к ней неопределенным железным изделием, три застешки со спирально загнутыми головками. На одной из них сохранился лоскут шерстяной ткани, на другой — обрывок льняной, фрагмент витого браслета, половина толстого витого и более тонкого кольца (от перстней), две конические подвески, внутри которых были узлы из шерстяной нити, две колокообразные подвески, бубенчик с прорезью и кусочком металла внутри, две орнаментированные оковки с остатками дерева, фрагмент копоушки, серебряный крестик с шарообразными концами, украшенный точками по бокам (2,6×2,5 см; утерян). На шее умершей находилось ожерелье из двух серебростеклянных (одна гладкая, другая ребристая, бочонкообразная), синей ребристой и трех золотостеклянных (на одной вдавленный глазок), четырех пастовых зеленоватых, битрапиевидных (всего 10 экз.) бусин. С правой стороны таза обнаружены три монеты: немецкий денарий с отверстием для подвешивания⁷, фрагменты второй и третьей неопределимы

Рис. 4. Находка креста с изображением Распятия в Юго-Восточном Приладожье (могильник Орехово)

из-за плохой сохранности» (Кочкуркина, Линевский 1985: 27, № 45). Погребение может быть отнесено к периоду между 1070 и 1116 г. (Богуславский 1992: 270, рис. 19).

Вместе с тем наличие близкого по составу находок комплекса на территории Юго-Восточного Приладожья еще не доказывает того, что находка 2005 г. является частью закрытого погребального комплекса. Для определения достоверности этого факта следует проанализировать каждую из пред-

⁶ Автор раскопок использует нумерацию курганов, отличную от нумерации первого исследователя могильника — В. И. Равдоникаса (Равдоникас 1934: 29–36), — и описывает его как курган № 2 (см.: Кочкуркина, Линевский 1985: 27, № 45).

⁷ Германия, Оттон III, 983–1002 гг.

ставленных находок, ее хронологию, территорию распространения в Юго-Восточном Приладожье и наличие возможных противоречий совместной находки этих предметов. Особого внимания заслуживает находка подвески-«всадницы». Подобные предметы зафиксированы в Юго-Восточном Приладожье в 5 погребальных комплексах (рис. 5). Их суммарная хронология в этих комплексах может быть определена временем после 950-х гг. Верхняя дата этих находок на материалах погребений Юго-Восточного Приладожья не может быть установлена однозначно. С определенностью можно говорить о том, что эти предметы еще встречаются в комплексах после 1070-х гг. (Богуславский 1992: 270, рис. 19). Подобная неопределенность верхней даты находок возникает вследствие того, что этот тип

подвесок, в силу их относительной малосерийности, объединяет целый ряд разнохарактерных предметов — от тщательно проработанных экземпляров до схематических, утративших даже фигуру всадницы на спине коня. Подобные находки достаточно подробно проанализированы Е. А. Рябининым (Рябинин 1981: 24–27). Они отнесены им к типу XI группы III и охарактеризованы как «изображения женского божества на коне, попирающем змею» (Рябинин 1981: 24). По изобразительным особенностям эти подвески были разделены Е. А. Рябининым на два варианта: первый — наиболее ранний, сочетающий в себе зооморфный и антропоморфный элементы, причем образ всадницы, сидящей боком на коне, выражен достаточно ясно, и второй — представленный подвесками, на которых всадница заменена петлей, а стилизованное изображение змеи превратилось в простую полосу под ногами коня. Подвеска-«всадница» из анализируемой группы находок относится, таким образом, к первому, раннему варианту. Приведенные Е. А. Рябининым данные определяют хронологию подобных изделий в северорусских областях временем X — начала XI в. (Рябинин 1981: 25–26).

Что касается круглой подвески, то, к сожалению, в Юго-Восточном Приладожье для нее не известны точные аналогии. Поэтому мы рассматриваем

Рис. 5. Находки подвесок-«всадниц» в Юго-Восточном Приладожье:

1 — мог. Сязнига V, к. 51, п. 4; 2 — мог. Кяргино-Круглицы, к. 5, п. 3; 3 — мог. Карлуха, к. 6, п. 4; 4 — мог. Видлицы, к. 3, п. 1; 5 — мог. Видлицы, к. 2, п. 2

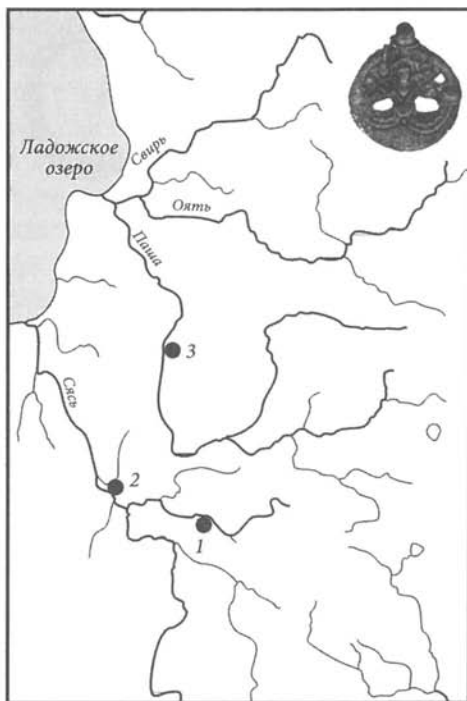
наиболее близкий по облику тип литых бронзовых круглых подвесок, имеющих в той или иной мере стилизованное изображение зооморфного прорезного орнамента. Они обнаружены в трех погребальных комплексах (рис. 6). Их хронология может быть определена периодом между 980-ми и 1020-ми гг. (Богуславский 1992: 270, рис. 19). Подобные находки достаточно широко известны на территории Руси и часто упоминаются как «подвески гнездовского типа». Их суммарная датировка обычно предлагается в рамках X — начала XI в. В последнее время эти находки еще раз проанализированы А. С. Дементьевой (Дементьева 2008: 211–271). Круглая подвеска из анализируемой нами группы находок с достаточной условностью может быть соотнесена с типом А IV вариант 3. Хронология этих предметов определена автором работы как последняя треть X в. (Дементьева 2008: 214, 231).

Находки подковообразных спиралеконечных фибул из граненого дрота и с иглой, расширяющейся в месте ее прикрепления к телу фибулы, очень широко известны как в Юго-Восточном Приладожье (рис. 7), так и в Европе в целом. Их хронология, как и в случае с определением датировки находок подвесок-«всадниц», может быть определена временем после 950-х гг. (Богуславский 1992: 270, рис. 19), что также определяется особенностями

хронологии погребальных комплексов Юго-Восточного Приладожья. Датировка древностей периода после 1070-х гг. здесь может быть уточнена только за счет привлечения дополнительных данных из других регионов. Однако следует отметить, что на территории Юго-Восточного Приладожья известен и другой тип фибул, имеющий значительное сходство с фибулами, изготовленными из граненого дрота. Это подковообразные фибулы, изготовленные методом отливки в односторонней форме. Хронология их может быть определена периодом между 950-ми и 1020-ми гг. (Богуславский 1992: 270, рис. 19). Характерной особенностью этого типа фибул является слегка вогнутая оборотная сторона тела фибулы, которая формировалась при застывании поверхности жидкого металла.

Рис. 6. Находки круглых подвесок в Юго-Восточном Приладожье:

- 1 — мог. Новосельск, к. 14, п. 3;
- 2 — мог. Красная Заря, к. 16, п. 4;
- 3 — мог. Вахрушево II, к. 117, п. 3

Тело подобных застежек часто бывает украшено растительным или геометрическим орнаментом. Концы фибул, как правило, граненые и орнаментированные, однако встречаются и экземпляры со спирально закрученными концами. Решить вопрос об отнесении анализируемого экземпляра к одному из этих типов фибул без осмотра самой вещи не представляется возможным, однако, поскольку неорнаментированные экземпляры подковообразных фибул, отлитых в односторонних формах, встречаются весьма редко, более вероятным, видимо, будет отнести находку из оятского комплекса к более распространенным и имеющим более широкую дату фибулам из граненого дрота.

Бронзовые витые браслеты, подобные найденным на р. Оять (рис. 8, А),

не встречены среди древностей Юго-Восточного Приладожья. Наиболее близкие им браслеты могут быть охарактеризованы как витые браслеты или браслеты с имитацией витья, с несомкнутыми концами. На территории Юго-Восточного Приладожья известно 9 погребений с этими предметами (рис. 8, Б). Наибольшее различие видится в том, что на приладожских экземплярах отсутствуют скульптурные (змеино- или драконоголовые?) окончания браслетов, дополненные к тому же своеобразным замочком, состоящим из маленького колечка, укрепленного на одном конце, и специального гнезда — на другом. Единственный, достаточно близкий в конструктивном отношении, браслет происходит из погребения конца X—XI в. одного из могильников древнеболгарской Плиски

Рис. 7. Находки подковообразных спиралеконечных фибул из граненого дрота с широкой иглой в Юго-Восточном Приладожье:

- 1 — мог. Новосельск, к. 6, п. 4; 2 — мог. Новосельск, к. 2, п. 1; 3 — мог. Ильино II, к. 5, п. 2; 4 — мог. Горелуха, к. 5, п. 1; 5 — мог. Чехихино, к. 17, п. 2; 6 — мог. Чехихино, к. 17, п. 1; 7 — мог. Чехихино, к. 5, п. 1; 8 — мог. Красная Заря, к. 16, п. 5; 9 — мог. Красная Заря, к. 12, п. 1; 10 — мог. Орехово, к. 13, п. 3; 11 — мог. Шугозеро, к. 2, п. 1; 12 — мог. Леоново, к. 112, п. 1; 13 — мог. Щуковщина II, к. 44, п. 2; 14 — мог. Новая Деревня II, к. 29, п. 2; 15 — мог. Гайгово, к. 2, п. 2; 16 — мог. Валданицы, к. 1, п. 2; 17 — мог. Акулова Гора, к. 5, п. 1; 18 — мог. Яровщина, к. 7, п. 2; 19 — мог. Мергино, к. 10, п. 7; 20 — мог. Мергино, к. 10, п. 3; 21 — мог. Шангеничи-лес, к. 14, п. 3; 22 — мог. Шангеничи-лес, к. 4, п. 1; 23 — мог. Шангеничи-село, к. 8, п. 1; 24 — мог. Шангеничи-село, к. 3, п. 1; 25 — мог. Карлуха, к. 32, п. 2; 26 — мог. Карлуха, к. 12, п. 3; 27 — мог. Карлуха, к. 12, п. 1; 28 — мог. Карлуха, к. 6, п. 4; 29 — мог. Новинка-село, к. 8, п. 1; 30 — мог. Капшэйла, к. 1, п. 7; 31 — мог. Рабола, к. 4, п. 1

Рис. 8. Находки витых несомкнутых браслетов в Юго-Восточном Приладожье: А — находка из комплекса 2005 г.; Б — витые несомкнутые браслеты Юго-Восточного Приладожья:

1 — мог. Новосельск, к. 6, п. 4; 2 — мог. Ильино II, к. 8, п. 4; 3 — мог. Чехихино, к. 7, п. 2; 4 — мог. Сязнига VIII, к. 2, п. 2; 5 — мог. Новая Деревня II, к. 1, п. 1; 6 — мог. Кузнецы-Чалых, к. 1, п. 3; 7 — мог. Гайгово, к. 1, п. 1; 8 — мог. Карлуха, к. 32, п. 2; 9 — мог./ Подъяндебское, к. 1, п. 2

(Григорьев 2007: 73–74, обр. 100, 7, 107, 113, 119 — см. тип VI.5)⁸. Вместе с тем традиция использования несомкнутых витых браслетов, а также несомкнутых браслетов с имитацией витья, в рамки которой достаточно хорошо укладываются браслеты из комплекса находок 2005 г., может быть датирована, с приведенными выше оговорками об особенностях хронологии курганов Юго-Восточного Приладожья, временем после 950-х гг. (Богуславский 1992: 270, рис. 19).

Подвеска-ключ относится к широко распространенному типу литых подвесок, внешний вид которых отличается весьма незначительно (отсутствие крестовидной прорези, отсутствие циркульного орнамента, грубость отливки и т. д.). В Юго-Восточном Приладожье подобные находки сделаны в 18 комплек-

сах (рис. 9), датировки которых также определяются временем после 950-х гг. (Богуславский 1992: 270, рис. 19).

Таким образом, состав и хронология комплекса 2005 г. из бассейна р. Оять могут быть признаны непротиворечивыми. Время совершения погребения, исходя из хронологии предметов на территории Юго-Восточного Приладожья, может быть определено периодом между 980-ми и 1020-ми гг. Эта датировка подтверждается независимыми датами подвески-«всадницы» ранней группы (X — начала XI в.) и круглой подвески (или «подвески гнездовского типа» — последняя треть X в.).

Что касается места находки анализируемого комплекса, то, принимая как достоверное сообщение о районе его обнаружения, следует отметить, что в бассейне р. Оять только в районе д. Карлуха сохранились нераскопанные курганы рубежа X–XI вв. Могильники Горка Никольская и Никольское-село расположены в черте крупной деревни, и в начале 1980-х гг. они были практически полностью разрушены. Такая же судьба постигла группу могильников

⁸ Благодарим С. С. Рябцеву за указание на эту находку.

у деревень Шангеничи, Алеховщина и Винницы. Остальные могильники этого района были полностью раскопаны в разное время разными исследователями. Таким образом, вероятнее всего, вещи происходят из грабительских раскопок (размыва берега?) могильника Карлуха.

Против того, что анализируемый комплекс находок происходит из района д. Карлуха на р. Оять, отчасти может свидетельствовать находка круглой ажурной подвески с подражанием северному звериному орнаменту. Подобные находки в бассейне р. Оять неизвестны и более характерны для юго-западного региона распространения курганов Приладожья (р. Паша, Тихвинка и Сясь), где кроме упомянутых находок известен ряд депаспартизованных экземпляров. Это частичное

противоречие может быть разрешено двумя способами. Во-первых, можно предположить, что анализируемые предметы происходят из района среднего течения р. Паши, где в последние годы очень высока активность «черных археологов», сохранилось значительное количество погребальных насыпей и отсутствует крупномасштабная хозяйственная деятельность. Во-вторых, все же признать возможность находки подобного изделия в бассейне р. Оять. В пользу этого говорит тот факт, что могильник Карлуха является, пожалуй, самым богатым предметами скандинавского импорта в этой части Приладожья. Поэтому обнаружение здесь еще одной вещи, связанной с северными традициями, хоть и нехарактерной для этого региона, не представляется невозможной.

Приведенные соображения позволяют, на наш взгляд, с достаточной уверенностью говорить о достоверности анализируемого комплекса. В этом случае комплекс находок представляет значительный интерес, как содержащий вторую в Юго-Восточном Приладожье находку раннего типа натель-

Рис. 9. Находки подвесок-ключей в Юго-Восточном Приладожье:

- 1 — мог. Новосельск, к. 14, п. 3; 2 — мог. Новосельск, к. 14, п. 2; 3 — мог. Ильино II, к. 8, п. 4; 4 — мог. Еремина Гора, к. 1, п. 2; 5 — мог. Вина Гора, к. 1, п. 2; 6 — мог. Ганьково III, к. 3, п. 4; 7 — мог. Залючик II, к. 1, п. 2; 8 — мог. Заозерье, к. 1, п. 2; 9 — мог. Шуковщина III, к. 56, п. 3; 10 — мог. Кузнецы-Чалых, к. 1, п. 3; 11 — мог. Гайгово, к. 3, п. 1; 12 — мог. Гайгово, к. 2, п. 2; 13 — мог. Гайгово, к. 1, п. 1; 14 — мог. Шангеничи-село, к. 19, п. 3; 15 — мог. Шангеничи-лес, к. 4, п. 1; 16 — мог. Шангеничи-село, к. 8, п. 1; 17 — мог. Шангеничи-село, к. 3, п. 1; 18 — мог. Рабола, к. 3, п. 1

ного креста с изображением Распятия, подтверждающую раннюю датировку подобных находок в этом регионе, как на основании датировок приладожских древностей, так общерусских датировок. Кроме того, обе находки крестов этого типа в Приладожье хорошо укладываются в группу древностей, связанную с Византийской империей и Подунавьем. К этой группе древностей можно отнести находки первых византийских серебряных монет, в первую очередь милиарисиев Василия II и Константина VIII, и венгерских поясных наборов и их частей. Толчок распространению этих предметов в регионе могло дать появление на Северо-Западе Руси первых христиан (подробнее см.: Богуславский 1990: 59–61; Богуславский 1995: 90–94).

К настоящему времени среди древнерусских крестов «с грубым изображением Распятия» выделено два иконографических типа (Недошивина 1990: 102–106), предложены различные версии их происхождения, которые пока еще остаются дискуссионными. В рамках данной статьи коснемся происхождения крестов только II типа, имеющих непосредственное отношение к теме (через аналогию с сухумским крестом). Почти все исследователи, касавшиеся этого вопроса, в той или иной мере сходятся в том, что истоки традиции изготовления и ношения крестов с Распятием следует искать в Великой Моравии. В обоснование обычно приводятся один серебряный крест, уже ставший хрестоматийным, и два-три свинцово-оловянных креста, которые принято датировать IX в. Однако исследователей всегда смущала почти столетняя лакуна между ними и древнерусскими

крестами с Распятием. Добавим к этому, что иконографически и морфологически эти кресты существенно отличаются друг от друга. К тому же единичные великоморавские кресты с Распятием настолько отличаются и между собой, что усматривать здесь традицию, на наш взгляд, рано. В то же время обнаруживается, что на территории Первого Болгарского царства в X — начале XI в. были широко распространены миниатюрные кресты-реликварии с рельефными изображениями Распятия (Христос изображен препоясанным) и Богоматери в типе Оранты (рис. 2, 2)⁹, а также кресты-тельники, отлитые по образцу той или другой створки таких реликвариев (рис. 2, 3), см.: (Пескова 2007: 268–275, рис. 1–3)¹⁰. Близость иконографии (створки с Распятием), размеров, а также хронологическая близость древнеболгарских крестов этого типа и древнерусских крестов «с грубым изображением Распятия» позволяет говорить о непосредственной преемственности традиции¹¹. Эта гипотеза становится еще более убедительной, если учесть, что древнеболгарские

⁹ На рис. 2, 2 приводится (как наиболее четкое) изображение креста-реликвария, отлитого, на наш взгляд, в древнем Новгороде по древнеболгарскому образцу (Пескова 2007: 278–279, рис. 1, 2).

¹⁰ Удалось собрать сведения о более чем 30 крестах-реликвариях этого типа и 13 крестах-тельниках, отлитых по их подобию (Пескова 2007: 278–279). Недоступность ряда южнославянских изданий позволяет думать, что в действительности таких крестов в Балкано-Дунайском регионе обнаружено намного больше.

¹¹ О том, что эта традиция была глубоко укоренена среди народов Первого Болгарского царства, свидетельствует также заметное количество в археологических материалах этого периода крестов-тельников и других типов, также отлитых по образцу древнеболгарских крестов-реликвариев.

кресты-реликварии данного типа были не только известны на Руси (Новгород, Чернигов, частные коллекции), но даже копировались, частично перерабатываясь на месте, как показывает крест, происходящий из Троицкого Х раскопа в Великом Новгороде¹².

Если, исходя из сказанного выше, источником традиции широкого изготовления и ношения крестов с Распятием со всей очевидностью выступает Балкано-Дунайский регион, и прежде всего Нижнее Подунавье, то ее носителями в древнерусском обществе (и в буквальном смысле переносчиками) современные исследователи склонны считать представителей дружинного и купеческого сословий, которые в этом регионе воевали, торговали, а иногда и подолгу там жили. Значительное присутствие варягов в этой среде обусловило появление на Руси наряду с крестами «с грубым изображением Распятия» (обоих типов) также и их вариантов, таких, как крест, обнаруженный на Ояти (с более выраженными северо-европейскими особенностями). Этот крест вполне мог быть отлит в Новгороде, Ладоге или даже в Приладожье¹³ по образцу лицевой створки креста-реликвария, подобного кресту из коллекции Ханенко.

С появлением новых находок византийское происхождение креста-реликвария, входящего в коллекцию Ханенко, по-видимому, можно отбросить окончательно, тем более что подтверждения принадлежности его к «сирийской» части коллекции Ханенко пока найти не удалось и вряд ли удастся найти. С другой стороны, в византийском мире он не имеет себе подобных. Единственная створка аналогичного

креста (с изображением Богоматери, почти совсем утратившим первоначальные очертания) происходит из собрания А. С. Уварова (Каталог 1908: № 95, рис. 160)¹⁴. Немногочисленные аналогии, как полные, так и частичные («сухумский крест»)¹⁵, связаны с территорией Древней Руси и Готландом (Лилла Клинтегарда). Стилистически все они в большей или меньшей степени выполнены в манере, присущей изделиям северо-европейских мастеров, копировавших византийские образцы. С включением в этот круг «сухумского креста» (после появления в печати достаточно четкого изображения) было высказано осторожное предположение о том, что крест-реликварий из коллекции Ханенко можно рассматривать как свидетельство первых стихийных опытов создания на Руси самостоятельных моделей крестов-энколпионов, не получивших дальнейшего развития (Пескова 2006: 138). Крест, обнаруженный на Ояти, является еще одним аргументом в пользу этого предположения.

¹² Новгородским мастером добавлены надписи IC XC (на древнеболгарских миниатюрных крестах-реликвариях сопроводительные надписи отсутствуют); по-своему передано одеяние Богоматери (мафорий больше напоминает плат, концы которого завязаны под подбородком).

¹³ Предположение о возможности производства рассматриваемого изделия в Юго-Восточном Приладожье весьма уязвимо для критики, поскольку в этом районе до сих пор не известно не только комплексов производства ювелирных изделий, но даже представительной серии поселений эпохи Средневековья.

¹⁴ Створка хранится в Отделе металла и синтетических материалов ГИМ (Москва), № 75034, М 6120.

¹⁵ Сухумский крест рассматриваем как попавший в Причерноморье с территории Древней Руси.

Литература

- Богуславский 1990* — Богуславский О. И. О находках византийских монет в южном Приладожье // Новгород и Новгородская Земля. Вып. 3. Новгород. 1990.
- Богуславский 1992* — Богуславский О. И. Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации) / Дис. ... канд. ист. наук. СПб. 1992.
- Богуславский 1995* — Богуславский О. И. Об одном круге древностей юго-восточного Приладожья // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Вып. 1. Псков. 1995.
- Григоров 2007* — Григоров В. Металлики от средневековья Блгария (VII–XI в.) / Диссертации. Том 1. София. 2007.
- Дементьева 2008* — Дементьева А. С. «Подвески гнездовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнездовский сборник. М. 2008.
- Каталог 1908* — Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. VIII–XI. М. 1908.
- Кочкуркина, Линеvский 1985* — Кочкуркина С. И., Линеvский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск. 1985.
- Крупейченко 1976* — Крупейченко И. П. Отчет о раскопках у д. Орехово в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 6140, 6140а.
- Линеvский 1947* — Линеvский А. М. Отчет об исследовании курганов X–XI вв. на р. Ояти Ленинградской области в 1947 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 154.
- Мусин 2002* — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб. 2002.
- Мусин 2004* — Мусин А. Е. Ex Oriente Lux: возвращение христианской археологии. Рец. на кн.: Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М. 2002 // Археологические вести. № 11. СПб. 2004.
- Недошивина 1990* — Недошивина Н. Г. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. Вып. 78. М. 1990.
- Пескова 2002* — Пескова А. А. Крест с Распятием из Лилла Клинтегарда (о. Готланд) и его византийский прототип // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.
- Пескова, Стрoкова 2006* — Пескова А. А., Стрoкова Л. В. Об истории и составе «сирийской коллекции» Ханенко из собрания Национального музея истории Украины // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. ТД Международной конференции, посвященной 100-летию Г. Ф. Корзухиной. СПб. 2006.
- Пескова 2006* — Пескова А. А. Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках

материальной культуры Древней Руси и Византии. Памяти Татьяны Чуковой. СПб. 2006.

Пескова 2007 — Пескова А. А. Памятники культового литья провинциально-византийской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород; СПб. 2007.

Равдоникас 1934 — Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // Известия ГАИМК. № 94. 1934.

Рябинин 1981 — Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Е1–60. 1981.

Седов 1988 — Седов В. В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М. 1988.

Хрушкова 1979 — Хрушкова Л. Г. Материалы по мелкой пластике средневековой Абхазии // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси. 1979.

Хрушкова 2002 — Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М. 2002.

Fuglesang 1981 — Fuglesang H. S. Crucifixion iconography in Viking Scandinavia // Proceedings of the Eighth Viking Congress. Århus, 1977. Odense. 1981.

Salin 1893 — Salin B. Några crucifix och kors i Statens Historiska Museum // Svenska Fornminnes-foreninges Tidskrift. VIII. Stockholm. 1891–1893.

Staecker 1999 — Staecker J. Rex regum et dominus dominorum // Lund Studies in Medieval Archaeology. 23. Stockholm. 1999.

COMPLEX OF FINDS FROM A DISTURBED BURIAL ON THE OYAT RIVER

A. A. Peskova & O. I. Boguslavskiy

This paper deals with a complex of finds from the south-eastern region of Lake Ladoga. Of special interest concerning that assemblage is the find of a cross-pendant with a representation of the crucifix. The crucifix is almost identical to a representation on the face valve of a reliquary cross from the so-called “Syrian collection” of B. N. Khanenko and V. N. Khanenko. In turn, the reliquary cross mentioned resembles very closely a silver cross with double-sided representations from Lilla Klintegårda (island of Gotland). Analysis of the complex of finds under study enables us, in our opinion, to confirm the early dates of similar finds from this region on the basis of dating both Lake Ladoga antiquities and general Russian ones. In addition, finds of crosses of that type in the Ladoga

region correlate well with the group of antiquities linked with the Byzantine Empire and the Danube River. While the origins of the tradition of widespread production and wear of crosses with a crucifix are located in the Balkan-Danube region — primarily the Lower Danube, — the bearers of that tradition among the ancient Russian society are put by the modern researchers to have been representatives of the *druzhinas* and merchants who waged wars and traded in that region, occasionally living there for a long time. Considerable numbers of the Varangians within that milieu have determined the appearance in Rus, in addition to crosses “with rough representations of the Crucifix”, also their variants, such as the cross found on the Oyat (showing more distinctive North-European features). The latter cross quite possibly was cast in the city of Ladoga or even somewhere around Lake Ladoga, modelled on a reliquary cross similar to that from Khanenko’s collection. With the recovery of new finds, the Byzantine provenance of the reliquary cross from Khanenko’s collection evidently will be finally rejected.

ПРЕДМЕТЫ ОРУЖИЯ СЕРЕДИНЫ XIII в. ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА СВИСЛОЧЬ

Городище Свислочь находится на южной окраине одноименной деревни Осиповичского района Могилевской области Республики Беларусь. Оно занимает высокий мыс, образованный впадением реки Свислочь в реку Березину. С юга, запада и востока городище имеет крутые склоны высотой 10–12 м. С севера оно укреплено рвом глубиной около 2 м, шириной до 13–17 м и валом высотой около 2,2–2,5 м, шириной у подошвы 8–9 м. Въезд на городище размещен в разрыве вала с напольной стороны. Площадка городища подтреугольная, размерами около 70×70 м. Местное население называет памятник «Замок» или «Замчище».

Городище («Замок Свислочь») неоднократно упоминается в документах времен Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Сохранился инвентарь Свислочьского замка 1560 г. Первые описания городища содержатся в так называемом «опроснике» 1882 г., составленном по циркулярному предписанию минского губернатора (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 295, оп. 1, ед. хр. 3823г, л. 4–7 об.) и в «опросных листах» 1924 г. (Опросные листы: 305–308).

Первое научное описание, сбор подъемного материала и предваритель-

ную датировку памятника осуществили С. С. Шутов и Н. Н. Улащик в 1926 г. (Шутаў, Улашчык 1930: 112–113, табл. 1, 10–18, мал. 2). В 1962, 1969–1971 гг. раскопки городища проводились экспедицией Белорусского гос. университета под руководством Э. М. Загоруйского. В общей сложности было вскрыто около 720 кв.м (Ваганова 1993. С. 559–560). Новые раскопки городища были начаты в 2000 г. В. И. Кошманом (совместно с А. В. Ильютик) и продолжались в 2005–2008 гг. Всего за три года вскрыто 164 кв.м. (Кошман 2001; 2005; 2006; 2008; Ильюцік, Кошман 2003).

Культурный слой на городище имеет мощность 1,7–2,2 м (в ямах до 3,2 м). Верхние напластования (мощностью 0,3–0,5 м) представляют собой плотный темно-серый слой с включениями строительного мусора и перемешанными материалами XII–XX вв. (преимущественно XVI–XVII вв.). Средний горизонт (мощностью 1–1,4 м) представлен влажным гумусированным слоем, насыщенным пеплом, углями, прослойками светлого песка и глины. По характерным находкам он датируется XII–XIII вв. Нижний горизонт (черный сухой гумусированный предматериковый слой и часть ям) связан с первоначальным заселением городища в II–IV вв. н.э.

В древнерусское время заселение городища происходит на рубеже XI–XII вв. Возрождение укрепленного поселения в Свислочи связано со вторым этапом в развитии т. н. «свислочской агломерации поселений» (Кошман 2006: 154–161; 2008: 42–43, 49, 58–61, мал. 18). Основание поселения можно связывать с деятельностью Глеба Всеславича Минского, сына князя-чародея Всеслава Брючиславича. Особенно интенсивно жизнь на поселении протекала в период от середины XII до середины XIII в. В это время поселение представляло собой феодальную усадьбу-замок на юго-восточной границе Минского княжества. Синхронное городищу поселение-спутник отсутствует (до сих

пор не открыто). Это иногда расценивается исследователями как признак порубежных крепостей.

Анализ археологического материала, а также стратиграфические и планиграфические данные свидетельствуют о том, что жизнь на городище Свислочь в середине XIII в. была прервана военным катаклизмом, во время которого деревянная застройка была сожжена, а в культурный слой попало большое количество артефактов.

Раскопки 2005–2007 гг. были исследованы остатки большой сожженной постройки размерами около 10×8 м. Ориентированная по странам света постройка фиксировалась по единичным остаткам обгорелых бревен, рас-

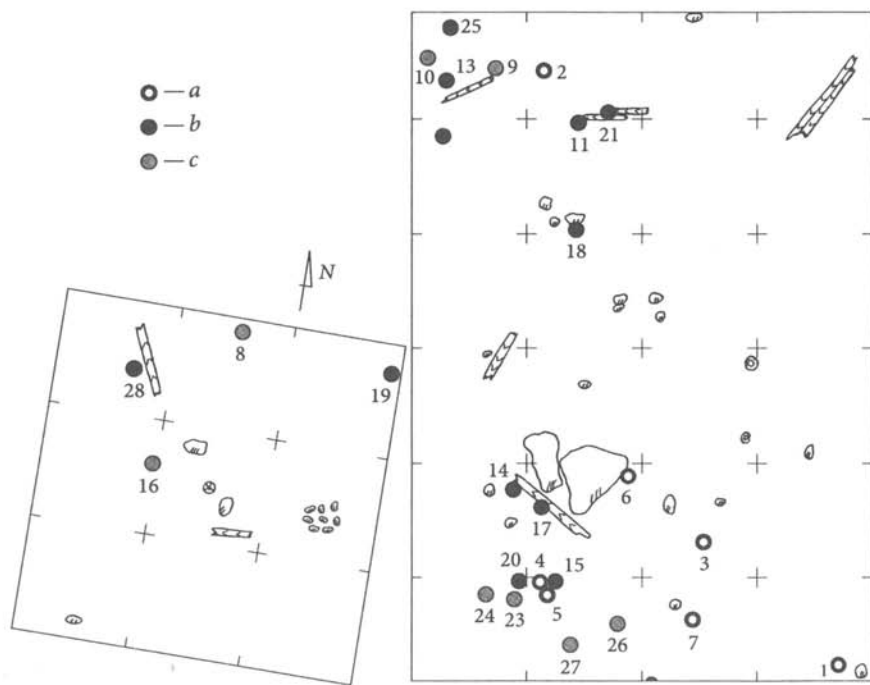

Рис. 1. Планиграфия находок предметов вооружения и воинского снаряжения в раскопах 2000, 2005–2007 гг. на городище Свислочь (номера на плане соответствуют номерам в табл. 1):

a — оружие защитников, *b* — оружие нападающих, *c* — оружие неопределенной принадлежности

Таблица I. Предметы вооружения и воинского снаряжения с городища Свислочь

№	Наименование предмета вооружения	Принадлежность предмета вооружения и воинского снаряжения		
		Оружие защитников	Оружие нападающих	Оружие неопределенной принадлежности
1	Головка навершия меча. Тип I. Рис. 2, 1	×		
2	Основание навершия меч. Тип I. Рис. 2, 2	×		
3	Перекрестье меча. Тип I. Рис. 2, 3	×		
4	Фрагмент булавы. Тип III или IV. Рис. 3, 1	×		
5	Вток копья. Рис. 3, 3	×		
6	Шлем. Тип IV. Рис. 6–8	×		
7	Пластина наплечника (?). Рис. 3, 4	×		
8	Наконечник стрелы. Тип 2. Рис. 5, 11			×
9	Наконечник стрелы. Тип 2. Рис. 5, 10			×
10	Наконечник стрелы. Тип 3. Рис. 5, 14			×
11	Наконечник стрелы. Тип 38:4. Рис. 5, 1		×	
12	Наконечник стрелы. Тип 38:4. Рис. 5, 2		×	
13	Наконечник стрелы. Тип 38:4. Рис. 5, 3		×	
14	Наконечник стрелы. Тип 38:4. Рис. 5, 4		×	
15	Наконечник стрелы. Тип 38:4. Рис. 5, 5		×	
16	Наконечник стрелы. Тип 47 или 48. Рис. 5, 8			×
17	Наконечник стрелы. Тип 52. Рис. 5, 7		×	
18	Наконечник стрелы. Тип 65. Рис. 5, 9		×	
19	Наконечник стрелы. Тип 67. Рис. 5, 6		×	
20	Наконечник стрелы. Тип 90. Рис. 5, 12		×	
21	Наконечник стрелы. Тип — ? Рис. 5, 13		×	
22	Наконечник стрелы. Тип — ? Рис. 5, 15			×
23	Наконечник стрелы. Тип 1. Рис. 5, 16			×
24	Наконечник стрелы. Тип 1. Рис. 5, 17			×
25	Крючок для колчана. Рис. 5, 20		×	
26	Петля колчана. Рис. 5, 18			×
27	Петля колчана. Рис. 5, 19			×
28	Навершие «бунчука». Рис. 3, 5		×	

пространению углей и нивелировочной прослойке светло-желтого песка (рис. 1). Зафиксирован также порог из двух больших плоских камней, обгорелое бревно с пяточным отверстием под двери и подпольная яма (?) размерами 4,4×4,4 м и глубиной 0,8–1 м. Не исключено, что это была двухкамерная наземная постройка с подклетом. В ходе раскопок в яме было найдено обгоревшее зерно, фрагменты гончарной посуды, остеологический и ихтиологический материал, топоры, фрагменты стеклянных браслетов, амфор, неопределимые предметы из цветного металла¹. В границах постройки собрана основная коллекция бытовых вещей: (ножи, ножницы, замки, ключи, долота, шиферные пряслица, варган, гиря от безмена), орудий труда (жернова, порхлица, сошник, тесло, фрагмент серпа, рыболовный крючок), украшений (стеклянные браслеты, сердоликовая бусина, колт), фрагмент т. н. «богородицкого» энколпиона, предметы вооружения и снаряжения всадника. Собранная в ходе раскопок коллекция «элитарных» находок позволяет говорить о высоком социальном статусе владельца постройки.

Среди находок, собранных в результате раскопок 2000, 2005–2007 гг., выделяется представительная коллекция предметов вооружения². Оружие ближнего боя представлено деталями рукояти меча (рис. 2), шипом булавы (рис. 3, 1) и втоком копья, изго-

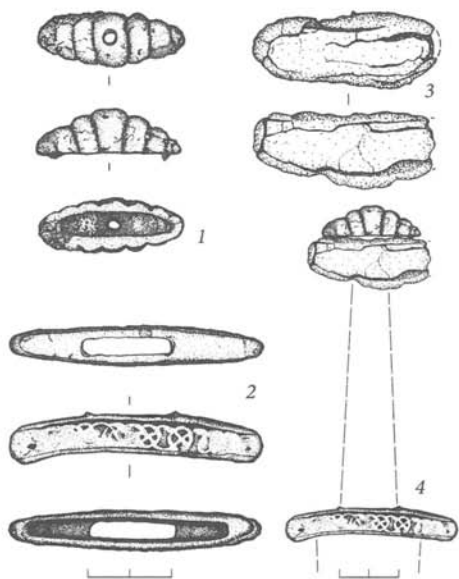

Рис. 2. Детали рукояти меча с городища Свислочь:

1 — головка навершия, 2 — основание навершия, 3 — перекрестье, 4 — реконструкция рукояти.
Рис. Н. А. Плавинского

товленного из скрученного в конус листа (рис. 3, 3). Кроме того, найдены два рабочих топора (рис. 4, 1–2). Головка и основание навершия меча, а также перекрестье относятся к типу I, по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 53–54). В. Казакевичус объединяет такие мечи в тип T1 куршский (Kazakevicius 1996: 53–58; 1997). Шип принадлежал биметаллической булаве типа III или IV, по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966б: 51–54; Кошман Плавинські 2008: 88)³.

¹ В культурном слое городища металлические изделия сохраняются крайне плохо. Очень часто коррозия достигает такой степени, что у предметов не остается металлической основы. В результате этого далеко не всегда можно уверенно судить о морфологических особенностях предметов, что иногда не позволяет уверенно определять их типологическую принадлежность.

² В ходе работ 1962, 1969–1971 гг. также были обнаружены многочисленные находки оружия дальнего и ближнего боя (Ваганова 1993: 559), которые пока остаются неопубликованными.

³ Ранее, при раскопках, проведенных на городище Свислочь Э. М. Загорульским, уже была найдена сильно оплавленная фрагментированная булава (рис. 3, 2) типа III (Кошман Плавинські 2008: 89, мал. 3, 2).

Оружие дальнего боя представлено 15 железными и 2 костяными наконечниками стрел (рис. 5, 1–17). Не менее 10 наконечников из 17 принадлежат специфическим монгольским типам (табл. 1, № 11–15, 17–21, см.: Медведев 1966: № 38:4, 52, 65, 67, 90), причем 2 из них (табл. 1, № 19, 21) имеют характерные признаки использования — они погнуты. Наконечники стрел перечисленных типов наиболее часто находят во время раскопок разрушенных монголо-татарами городов Волжской Булгарии (Белорыбкин 2001: 117–133) и Древней Руси (Медведев 1966а: 45–60, рис. 2; 1966б: 64, 69–70, 75, 83; Артемьев 2004: 146). К снаряжению лучника отно-

сятся также две роговые петли для подвешивания колчанов (рис. 5, 18–19) и железный щитковый поясной крюк (рис. 5, 20), который имеет точные аналогии в древностях унугундинской культуры лесной и лесостепной зоны восточного Забайкалья (Немеров 1987: 220, рис. 5, 1–2; Худяков 1997: 100, рис. 64: 1–2).

Защитное вооружение представлено фрагментами шлема и выгнутой прямоугольной железной пластинкой с фигурными краями, которая может быть интерпретирована как пластина от доспеха (рис. 3, 4). Вместе с тем не следует исключать и интерпретацию этого предмета как детали конского снаряжения (накладка на упряжь,

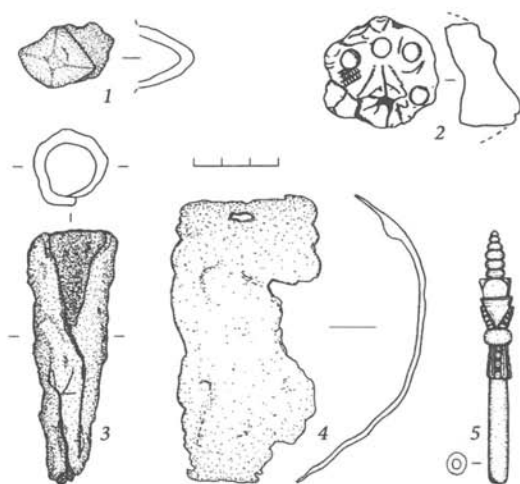
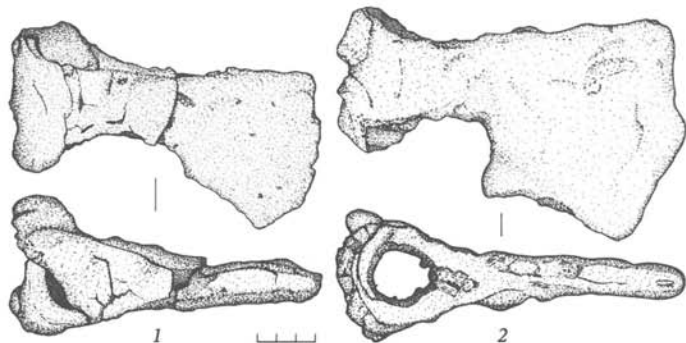

Рис. 3. Предметы вооружения, воинского снаряжения и топоры с городища Свислочь:

1 — фрагмент булавы, 2 — фрагмент булавы (раскопки Э. М. Загорюльского), 3 — втек копия, 4 — пластинка наплечника (?), 5 — навершие «бунчука». 1, 3–5 — рис. Н. А. Плавинского, 2 — рис. Ю. П. Латушковой

Рис. 4. Рабочие топоры.
Рис. Н. А. Плавинского

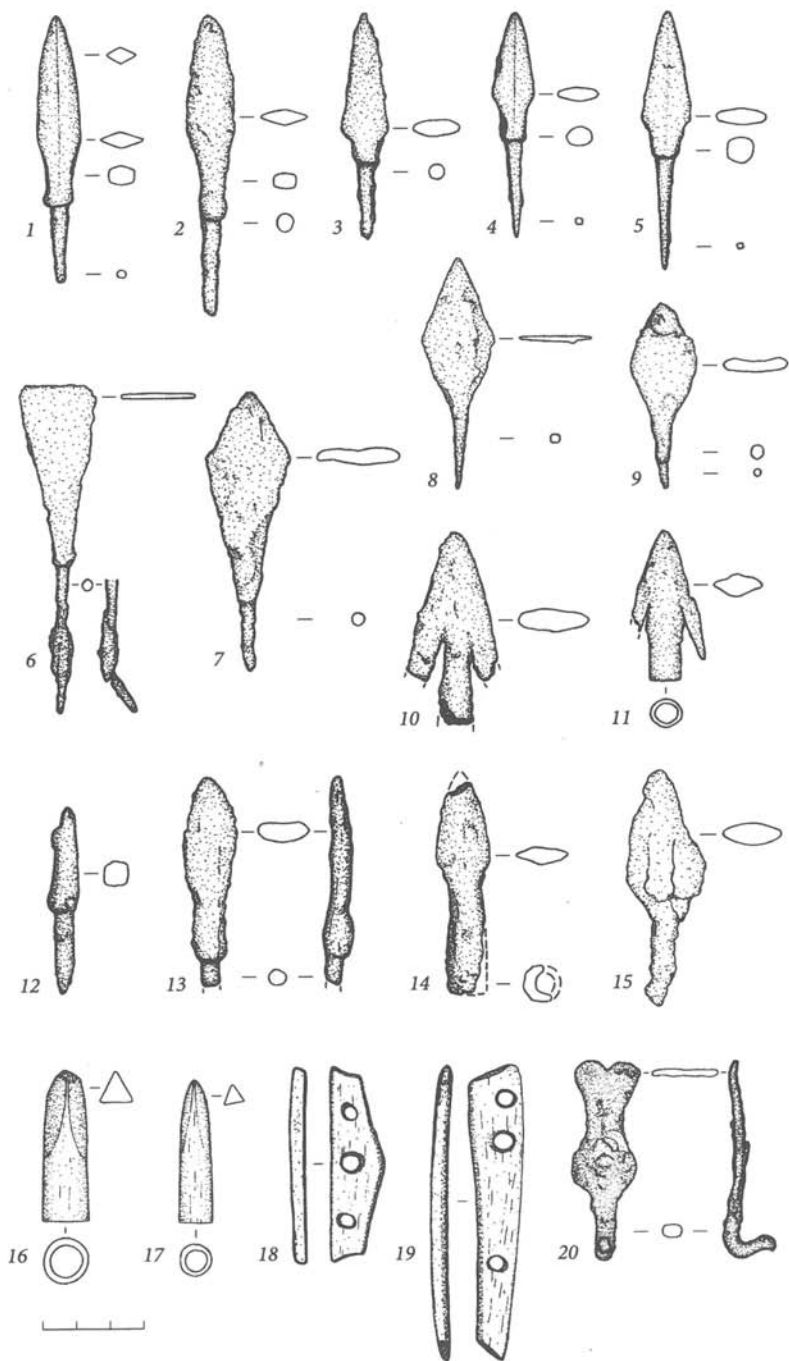

Рис. 5. Оружие дальнего боя с городища Свислочь:

1-15 — железные наконечники стрел, 16-17 — роговые наконечники стрел, 18-19 — петли колчанов, 20 — крючок для подвешивания колчана. Рис. Н. А. Плавинского

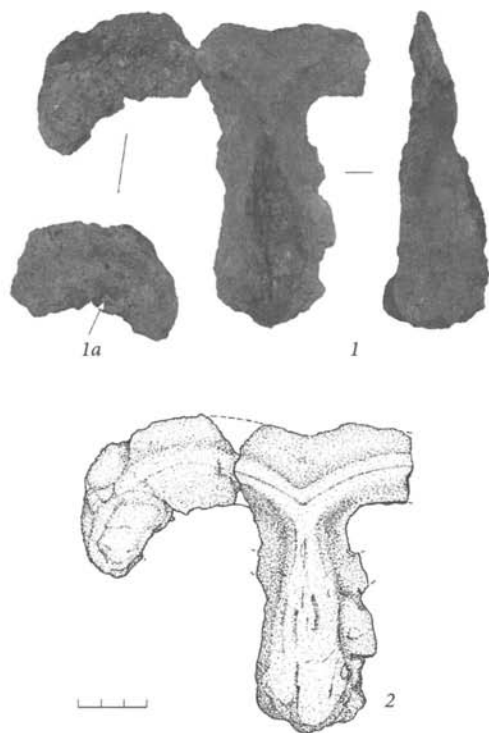

Рис. 6. Фото (1) и прорисовка (2) полумаски шлема с городища Свислочь до реставрации. Рис. Н. А. Плавинский

см.: Кошман, Плавинский 2008: 91). С воинским обиходом связано также костяное (роговое?) резное навершие (рис. 3, 5), которое может быть интерпретировано как навершие древка значка небольшого монгольского воинского подразделения — «бунчука» (Кошман, Плавинский 2008: 92).

Найденный в 2006 г. шлем сохранился в виде нескольких фрагментов⁴. Среди сильно коррозированных кусков купола выделяются два фрагмента полумаски (рис. 6–8). Состояние сохранности фрагментов⁵ заставляет очень осторожно высказываться насчет морфологических особенностей полумаски. Однако тот факт, что она принадлежала

шлему типа IV, по А. Н. Кирпичникову, сомнений не вызывает (Кирпичников 1971: 29–32). Отметим, что в момент обнаружения полумаски к внутренней стороне правой надбровной дужки «припекся» фрагмент кальцинированной кости (рис. 6, 1а) — все, что осталось от хозяина шлема.

Полумаска была выкована из железной пластины толщиной 0,4–0,5 см. Ее высота — 13,3 см, ширина сохранившейся части — 14,7 см, а первоначально она достигала 19,5 см (рис. 6–7). На полумаске имелись дужки под глазами, которые соединяли наносник с почти полностью утраченными надбровными дужками. По центру сильно разрушенной коррозией лобной части как будто бы имеется заклепка. Имелись ли такие же заклепки по краям надбровных дужек, не ясно. Аналогичным образом крепились маски и у других шлемов типа IV (Рыбаков 1953: 104; Кирпичников 1971: Табл. XVI; Петров 1997: рис. 1, 7, 2, 1–3).

У шлемов типа IV на наноснике и подглазных дужках обычно имелись отверстия для крепления бармицы (Кирпичников 1971: табл. XVI; Петров 1997: рис. 1, 7, 2, 1–3; Рыбаков 1953: 104; Горелик 2002: 77, рис. 5). На свислочской полумаске эти отверстия не сохранились (рис. 6–7).

Купол шлема найден в шести сильно разрушенных коррозией фрагментах (рис. 8, 1–3), но можно констатировать, что поверхность купола была гладкой (рис. 8, 5). В отличие от других наголо-

⁴ Пользуемся случаем поблагодарить С. Ю. Каинова и Ю. А. Кулешова за консультации по описанию фрагментов шлема.

⁵ Реставрация и консервация полумаски были проведены художником-реставратором Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны В. И. Пчельниковым.

вий типа IV (Горелик 2002: 25; Кирпичников 1971: 30; Отрощенко, Рассмакин 1986: 27), его купол и полумаска не имеют покрытия из драгоценных металлов (серебра или золота)⁶.

Следует обратить внимание на фрагментированную литую медную пластину, которая была найдена вместе с остатками купола (рис. 8, 4). Ее высота — 6,4 см, ширина — 5,3 см (первоначально могла достигать 5,5 см), толщина — 0,25–0,3 см. По своим пропорциям и очертаниям пластинка напоминает иконку. На знаменитом шлеме типа IV из Лыкова, приписываемом князю Ярославу Всеволодовичу, на лобной части купола имеется серебряная иконка с изображением архангела Михаила. Существует также упоминание о шлеме из села Ногайское (бывшей Таврической губернии), к куполу которого была прикреплена медная пластинка с изображением Прокопия (Кирпичников 1971: 30–31). Определение свислочской находки как иконки также могло бы быть допустимым. Однако на ее поверхности какие-либо изображения различить невозможно, так как пластина сильно корродирована⁷. На ее сохранившейся части нет ни одного отверстия для крепления. Спектральный анализ не выявил на поверхности следов покрытия серебром или золотом. Все это не позволяет пока считать пластину иконкой лобной части шлема.

⁶ Спектральный анализ полумаски, проведенный после ее реставрации старшим инспектором лаборатории Минской центральной таможни Г. Н. Клавсумем, не выявил каких-либо следов покрытия железной пластины драгоценными металлами.

⁷ Первичная реставрация предмета была осуществлена в учебной лаборатории музееведения исторического факультета Белорусского государственного университета А. Н. Плавинским.

Вопрос о датировке и происхождении шлемов типа IV остается открытым. По мнению А. Н. Кирпичникова, шлемы типа IV возникли на Руси в середине XII в. и продолжали использоваться до монгольского нашествия (Кирпичников 1971: 29–32). Однако находка шлема типа IV в погребении половецкого хана в Чингульском кургане свидетельствует, что аналогичные боевые наголовья могли использоваться и во второй половине XIII в. (Отрощенко, Рассмакин 1986: 20, 34, рис. 7, 2). По мнению М. В. Горелика, все «крутобокие шлемы с забралом-полумаской, бровями и носом» (тип IV) являются образцами монгольского защитного вооружения XIII — первой половины XIV в. (Горелик 2002: 25–26). Мнение

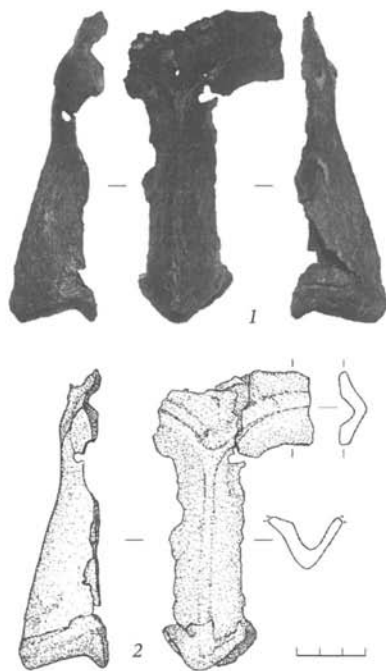

Рис. 7. Фото (1) и прорисовка (2) полумаски шлема с городища Свисloch после реставрации. Рис. Н. А. Плавинского

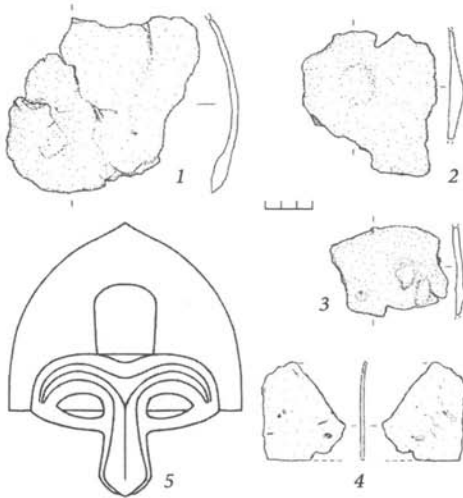

Рис. 8. Фрагменты купола шлема (1–3), фрагментированная медная пластинка (4) и вариант реконструкции шлема с городища Свислочь (5). Рис. Н. А. Плавинского

о древнерусском происхождении этих боевых наголовий (Кирпичников 1971: 31; Петров 1997: 143; Федоров-Давыдов 1966: 34–35; Жуков 2006: 155), или, по крайней мере, констатация их распространения на Руси и в западных окраинах Великой Степи, представляется наиболее обоснованными.

В ходе изучения остатков богатой жилой постройки XIII в. было замечено, что находки предметов вооружения концентрируются вокруг нее. Во внутреннем пространстве фиксировались различные бытовые вещи и украшения. Разделение предметов вооружения на «оружие защитников» и «нападающих» (табл. 1) позволяет определить особенности их планиграфического размещения (рис. 1). Вооружение монголов (наконечники стрел, крючка для колчана, «бунчука») концентрируется с внешней стороны постройки, особенно со стороны въезда на городище и в районе

предполагаемого входа в постройку. Находки элитарных предметов вооружения — остатки шлема, перекрестье и головка навершия меча, шип булавы — «привязаны» к входу в постройку (с южной стороны, около каменного порога). Можно предполагать, что именно там и развернулся последний акт битвы. Его главным действующим лицом стал владелец дома (боярин? князь?). Судьба этого человека была трагична, равно как и судьба поселения.

Первое письменное известие, которое может быть связано со Свислочью, помещено в Галицко-Волынской летописи под 1256 г. «По томъ Данило поиде на ятвязѣ съ братомъ и сыномъ Лвом и съ Шеварномъ, младу сущю ему, и посла по Романа въ Новгородок. И приѣде к нему Романъ со всѣми новгородци и с цтемъ своимъ Глѣбомъ и со Изяславомъ съ Вислоческымъ...» «...И бысть рать велика, яко же наполнити болота ятвяжьскаа полкомъ» (ИЛ: 831; ГВЛ: 707). Как видно из этого сообщения, в походе на ятвягов приняли участие сам Даниил, его брат Василько, сыновья Лев и Шварн, Роман Новгородский, Глеб (Волковыский?), отряды Болеслава Стыдливого и Земовита Мазовецкого. Среди участников похода мы встречаем и некоего «Изяслава со Вислочи»⁸.

⁸ В летописном перечислении участников похода 1256 г. присутствуют люди, княжившие достаточно далеко от Средней Березины. Не исключено поэтому, что город (замок, крепость) князя Изяслава следовало бы искать в Понеманье. Однако археологические исследования не выявили следов древнерусского поселения ни в понеманской Свислочи (Гродненская обл.), ни в верховьях реки Свислочь (Минская обл.). Поэтому мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые отождествляют летописное известие 1256 г. со Свислочью, находившейся при впадении одноименной реки в Березину (Насевич 1993. С. 43).

Поход Даниила Галицкого с союзниками на ятвягов имел целью не только подчинить балтские земли, но и найти союзников для дальнейшей борьбы с монголами, особенно после победы над ханом Куремсой в конце 1252 г. (ГВЛ: 713). В походе на ятвягов в качестве союзника либо вассала и принимал участие «Изяслав со Вислочи». Поход Бурундая 1258 г. на Литву был демонстрацией силы Орды, однако он не был направлен против Даниила, который даже сам был приглашен принять участие в этой акции («...аже миринь, поиди съ мною»). Как политик Даниил признал свою зависимость перед Ордой, но сам не принял участие в походе Бурундая, а отправил за монгольским войском своего брата Василько, который разграбил часть Литвы и отдал военную добычу Бурундаю (ГВЛ: 717–718). Между тем поход Бурундая мог преследовать цель не только демонстрации силы Орды, но и наказания союзников и вассалов, в том числе и «Изяслава со Вислочи». Примечательно, что сам Даниил в это время взял штурмом Волковыск («Данило король еха взя Волковыеск, и Глѣба князя пославъ я и дрѣжаше его в чести»), тем самым наказав своего родственника Глеба. Можно допустить, что Даниил перед угрозой монгольского разорения княжества продемонстрировал свою лояльность перед монголами и «пожертвовал» кочевникам своих недавних союзников. Бурундай, в свою очередь, кроме грабежа Литвы, отправил небольшие отряды для покорения других участников вероятной антимонгольской коалиции. В таком случае уничтожение городища Свислочь в середине XIII в. можно было бы гипоте-

тически связывать с походом Бурундая 1258 г.

Вместе с тем не исключено, что внезапное уничтожение городища Свислочь могло произойти во время похода монголов, который вообще никак не был отмечен в письменных источниках, либо в ходе «развития» похода 1239 г., когда кочевники разграбили Черниговскую землю. Считается, что в результате именно этого похода был уничтожен ряд городов на территории Беларуси (Гомель, Могилев), во время раскопок которых зафиксированы слои пожаров и найдены многочисленные наконечники стрел монгольского происхождения (Макушников 1990: 61, рис. 2, 19–21; Марзалюк 1998: 18, 67, 69–70, мал. 76, 5, 53, 4–5).

Таким образом, найденный на городище Свислочь шлем типа IV, по А. Н. Кирпичникову, может быть датирован 1230–1250-ми гг. Анализ находок из раскопок 2000, 2005–2008 гг. позволяет считать наиболее вероятным предположение о том, что крепость была взята штурмом и сожжена монголами во время похода 1258 г. Планиграфическое размещение находок элитарного оружия позволяет предполагать, что оно могло принадлежать местному феодалу, который погиб при защите своего дома. Не исключено, что он являлся местным князем, владельцем замка и Свислочского княжества, известным по летописи «Изяславом со Вислочи». В таком случае найденный при раскопках шлем типа IV — это второе древнерусское боевое наголовье (после приписываемого Ярославу Всеволодовичу шлема из Лыкова), чей владелец может быть определен хотя бы гипотетически.

Литература

- Артемьев 2004* — Артемьев А. Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В. В. Седова. М. 2004.
- Белорыбкин 2001* — Белорубкин Г. Н. Золотаревское поселение. СПб. 2001.
- Ваганова 1993* — Ваганова А. М. Свіслач // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энциклапедыя. Минск. 1993.
- ГВЛ* — Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб. 2005.
- Горелик 2002* — Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М. 2002.
- Жуков 2006* — Жуков К. А. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси // Международная научно-практическая конференция «Военное дело России и ее соседей в прошлом настоящем и будущем». 29–31 марта 2005 г. Санкт-Петербург. М. 2006.
- Ільющік, Кошман 2003* — Ільющік А. У., Кошман В. І. 2003. Гарадзішча Свіслач (матэрыялы даследавання 2000 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 6. С. 110–129.
- ИЛ* — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 2001.
- Кирпичников 1966а* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. М.–Л. 1966.
- Кирпичников 1966б* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. М.–Л. 1966.
- Кирпичников 1971* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Л. 1971.
- Кошман 2001* — Кошман В. І. Тапаграфія, планіроўка і фартыфікацыя Свіслацкага замка ў XII–XVII ст. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 3. Да 70-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенка. Минск. 2001.
- Кошман 2005* — Кошман В. І. Палявыя даследаванні ў Бярэзінскім і Асіповіцкім раёнах // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 20. Минск. 2005.
- Кошман 2006* — Кошман В. І. «Свіслацка-Бярэзінскі» мікрарэгіён у X–XIII стст. // Археалогія эпохі сярэднявекі / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 12. Минск. 2006.
- Кошман 2008* — Кошман В. І. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. Минск. 2008.
- Кошман, Плавінскі 2008* — Кошман В., Плавінскі М. Прадметы ўзбраення з гарадзішча Свіслач (па матэрыялах 2000, 2005–2007 гадоў): да пытання

аб мангольскіх нападах на тэрыторыю Беларусі ў сярэдзіне XIII ст. // Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. IV. Минск. 2008.

Макушников 1990 — Макушников О. А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев. 1990.

Марзалюк 1998 — Марзалюк І. А. Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы. Минск. 1998.

Медведев 1966а — Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. № 2. 1966.

Медведев 1966б — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв.) / САИ. Е1–36. М. 1966.

Насевіч 1993 — Насевіч В. Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Минск. 1993.

Немеров 1987 — Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // СА. № 2. 1987.

Опросные листы — Опросные листы 1924 г. по Игуменскому уезду // Архіў археалагічнай навуковай дакументацыі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Спр. 70. Воп. 1.

Отрощенко, Рассамакін 1986 — Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я. Половецкий комплекс Чингульського кургану // Археологія. № 53. 1986.

Петров 1997 — Петров Ю. Ю. Древнерусские шлемы с полумасками // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1998). Т. II. СПб.; Псков. 1997.

Рыбаков 1953 — Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М. 1953.

Федоров-Давыдов 1966 — Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М. 1966.

Худяков 1997 — Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск. 1997.

Шутаў, Улашчык 1930 — Шутаў С. С., Улашчык М. М. Археолёгічныя разведкі на ніжняй Свіслачы ўлетку 1926 г. // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускай Акадэміі навук. Минск. 1930.

Kazakevičius 1996 — Kazakevičius V. IX–XIII amžių baltų kalavijai. Vilnius. 1996.

Kazakevičius 1997 — Kazakevičius V. On One Type of Baltic Sword of the Viking Period // Archaeologia Baltica. 2. The Balts and their Neighbors in the Viking Age. Vilnius. 1997.

A MID-13th CENTURY HELMET FROM THE HILLFORT OF SVISLOCH

Nikolay Plavinskiy & Vadim Koshman

The Hillfort of Svisloch is situated in the south outskirts of the village of Svisloch of the Osipovichy District, Mogilev Region. It occupies a high promontory formed by the Svisloch River flowing into the Berezina River (Fig. 1). In the present article, the collection of weapons from excavations of 2000, 2005–2007 is discussed.

The assemblage of arms from the hillfort of Svisloch is fairly unique. It includes East-European weapons of close combat and defensive armours, as well as a complex of offensive weapons typical for the nomads during the Mongol invasion. Finds of parts of a sword hilt, a fragment of a mace and a helmet of type IV according to A. N. Kirpichnikov (figs. 6–8) characterize fairly comprehensively the assortment of the elite (boyar or princely) armament of central Belorussia in the mid-13th century. On the other hand, arrowheads, a suspension hook for a quiver and a head-mount of a “flag” first allow us to prove archaeologically that the settlement on the middle Berezina was destroyed by nomads in the mid-13th century. The collection of Mongol distant combat weapons and equipment is well comparable with those from Kiev, Chernigov and other ancient Russian towns destroyed by the nomads. The diversity of the weaponry left by the invaders and defenders suggests a brief but fierce resistance of the inhabitants of the hillfort which was then annihilated in a strong fire.

The plan view of the finds shows clearly the main direction of the attack — from the north, evidently via the gate. Most of the weapons were scattered around a large structure. The sword, mace and helmet of type IV may have belonged to some prominent feudal lord (a boyar or a prince? owning the castle) who died on the threshold of his house.

Analysis of the information from chronicles allows us to put forward a hypothesis on the time and circumstances of the destruction of the hillfort of Svisloch by the Mongol troops. The archaeological context containing nomadic offensive weapons and equipment together with traces of a fierce fire offers vivid evidence of a sudden invasion.

ГРАФ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СТРОГАНОВ: 1810–1840-е годы

Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882) — обычно воспринимается нашими современниками не как ученый, а как вельможа-администратор, придворный ставленник на руководящие посты, имевший к науке отдаленное отношение. Даже вполне благожелательные к графу историки порой утверждают, что он не обладал «ни острым умом, ни глубокими знаниями» (Левандовский 1990: 108). Противоположная точка зрения высказывается крайне редко (Гурулева 2005).

Собственные публикации С. Г. Строганова по истории искусства и древнеготического зодчества теперь по большей части совершенно забыты. Этому способствует и то, что большинство из них было выпущено в свет анонимно или на французском языке. Даже наиболее известный печатный труд графа — альбом «Дмитриевский собор во Владимире (на Клязьме)», с очерком истории памятника, его описаниями, детальными зарисовками и реконструкциями на разных этапах (Строганов 1849), давно стал библиографической редкостью.

Современные оценки С. Г. Строганова определяются в первую очередь отношением к его административной деятельности на разных крупных постах. Впрочем, часто и эта деятельность

рассматривается лишь в контексте противостояния «правых» и «левых» — «революционеров» и «охранителей». Между тем действительность явно не уместается в такую схему. Наклеить на С. Г. Строганова тот или иной ярлык оказывается достаточно трудно. Приведу лишь два характерных высказывания:

«Боевой генерал, участник Бородинской битвы, далекий от науки, волею судеб оказался в роли “организатора науки”. Он не был к ней подготовлен, но чутье подсказало ему наиболее правильный путь — не командовать учеными... а дать им возможность спокойно работать, оберегая от нападков извне» (Формозов 1984: 38).

«Спина у Строганова гнулась туго: он не то, что перед Уваровым (Сергеем Семеновичем. — Н. П.), которого в грош не ставил, он перед самим Николаем не боялся отстаивать свое мнение. ...Искренняя любовь к просвещению сочеталась в нем с не менее искренней преданностью охранительным началам, отсюда — постоянная внутренняя борьба» (Левандовский 1990: 108–109).

Таким образом, в историографии утвердился в общем довольно привлекательный образ графа как человека

К. Маковский. Портрет графа
С. Г. Строганова. 1882 г. ГРМ

и государственного деятеля. Однако в контексте цитированных материалов достаточно неожиданным выглядит искреннее восхищение С. Г. Строгановым как ученым, запечатленное для потомков в воспоминаниях такого видного представителя русской науки, как академик Ф. И. Буслаев.

«Как много обязан я в своих исследованиях по иконографии и вообще по искусству назидательным советам и указаниям графа Сергея Григорьевича, — читаем мы в этих воспоминаниях, — а также и его собственным печатным работам по этим предметам» (Буслаев 1897: 171). По словам Ф. И., Строганов отнюдь не принадлежал «к большинству тех заурядных любителей изящного», которые относятся к изучению древностей как к приятной забаве. «Настоящий знаток... под-

крепляет свои личные впечатления и суждения научным знанием и опытом, которую приобретает многолетним и постоянным изучением художественных произведений во всех мельчайших подробностях технического их исполнения. Именно таким знатоком и был граф» (Буслаев 1897: 168). В неопубликованной части своих воспоминаний ученый добавляет: «Он (Строганов. — Н. П.) был для меня вторым университетом, ... высшим и заключительным» (Буслаев. Дополнение: 435; цит. по: Кызласова 1985: 38, примеч. 49). Такую высокую оценку трудов графа со стороны одного из выдающихся русских археологов-искусствоведов XIX в. стоит иметь в виду при ответе на вопрос, почему император Александр II предпочел кандидатуру С. Г. Строганова на должность председателя ИАК.

После смерти наставника Ф. И. Буслаев посвятил ему свою главную книгу — «Русский лицевой Апокалипсис» (Буслаев 1884). Его прямые указания на ученичество у графа позволяют понять: тот не просто стоял у истоков винкельмановского направления в отечественном искусствознании. Именно археологическая монография С. Г. Строганова о Дмитриевском соборе, где этому памятнику была дана высокая эстетическая оценка, пробудила в его ученике «страстную охоту к исследованию русской, византийской и романской иконографии и орнаментики» (Буслаев. Дополнение: 496; цит. по: Кызласова 1985: 38, примеч. 49). В сущности, этот труд графа послужил первым толчком в сторону расширения сферы интересов винкельмановского направления, включения в нее, наряду с классической, и русской на-

циональной тематики. Указанная традиция получила достойное развитие в творчестве самого Ф. И. Буслаева и его учеников-археологов Н. П. Кондакова и Н. В. Покровского.

Подобный вывод звучит несколько парадоксально, ибо хорошо известно собственное убеждение С. Г. Строганова, высказанное им в 1850 г. И. Е. Забелину, что «никакого русского искусства до реформы Петра не могло существовать, и, если и есть какие-либо достойные памятники, то все они воспроизведены иностранными мастерами» (Формозов 1884: 39). «Постоянно черпая... в горнилах византийском, романском, итальянском и татарском, — читаем мы в одной из поздних работ графа, — черпая чаще всего иноземными руками, русское искусство не проявило в произведениях своих того, что на самом деле можно было бы назвать самобытным национальным стилем»¹ (Строганов 1878: 15). Указанная позиция С. Г. Строганова обусловила «отсутствие приоритетов в деятельности ИАК в отношении изучения и охраны памятников древнерусской старины, в том числе и христианских древностей» (подр. об этом см.: Мусин 2007: 269–286).

Однако в науке такие парадоксы не редкость. Да, собственные представления графа до конца оставались в русле традиционного понимания археологии как науки о прекрасных древно-

стях, связанных своим происхождением с античной культурой. Но объективно его монография 1849 г. стала исходной точкой для развития отечественной науки совсем в ином направлении. «Она оказала на меня решающее действие, — указывал впоследствии Ф. И. Буслаев, — открыв моим глазам новую область для исследований неизвестных мне до того... богатых материалов русской монументальной и художественной старины в сравнительном изучении» (Буслаев 1897: 323–324).

Конечно, в рамках настоящей статьи невозможно рассмотреть все аспекты жизни и деятельности графа С. Г. Строганова в контексте истории русской науки и культуры XIX в. Поэтому я особо остановлюсь здесь на ранних этапах формирования его личности, которые до сих пор зачастую оставались в тени. Какой путь прошел этот человек, прежде чем оказаться во главе первого археологического учреждения России?

Наш герой родился в Москве в ноябре 1794 г. Таким образом, он был всего пятью годами старше А. С. Пушкина, но именно по этим годам прошел рубеж поколений. Сергей Строганов принадлежал к тому из них, которое, на зависть первым лицеистам, «успело» на войну 1812 г. В действующую армию он попал новоиспеченным 18-летним подпоручиком. Был во всех крупных сражениях — под Смоленском, при Бородине, Тарутине, Малоярославце и пр. Потом, уже в заграничном походе, отличился в «битве народов» под Лейпцигом и был произведен в капитаны. Вместе с русской армией вступил в Париж...

Все это время он числился по Корпусу инженеров путей сообщения, т. к.

¹ Как справедливо заметил А. А. Формозов, это представление о «молодости» отечественной культуры, характерное для западников, отнюдь не говорило о пренебрежении к ней. Напротив, «те, кто так думал, видели в этом большое преимущество: в отличие от европейских соседей, Россия как организм еще не одряхлела, у нее все впереди, в будущем» (Формозов 1984: 64).

перед войной успел 2 года проучиться в институте, открытом при этом корпусе. 1800-е гг. были временем блестящих начинаний в деле российского просвещения. Одним из таких начинаний стал Царскосельский лицей, другим — Институт инженеров путей сообщения. Профессорами туда были приглашены лучшие выпускники Парижской политехнической школы, которых, кстати, прислал императору Александру I Наполеон. Состав учащихся получился пестрым: вместе с молодыми аристократами в институт попали сыновья французских, английских и немецких буржуа — инженеров, архитекторов и других специалистов на русской службе (Гартвиг 1901: 78).

Подобный выбор места учебы наводит на размышления. Скорее всего, изначально Сергей Григорьевич не мыслил о военной карьере. Но гражданские инженеры еще были в России новостью, поэтому высочайший покровитель института принц Ольденбургский «выпросил» для своих воспитанников и чины, и мундиры (Вигель 1892: 77). «За успехи в науках» Сергей Строганов был 17 лет произведен в прапорщики, а затем в подпоручики, числясь при институте. Тут и застала его война. Он прошел ее честно — с первого до последнего дня, младшим армейским офицером, не особо избалованным наградами.

Но в 1814 г. произошло событие, перевернувшее всю его жизнь. Здесь необходимы некоторые пояснения. Изначально Сергей Григорьевич не являлся наследником огромного строгановского майората — более полутора миллионов десятин земли и более 73 тысяч душ обоего пола в нераздельных

дачах. Всем этим владели прямые потомки знаменитого екатерининского вельможи, дипломата и придворного остролова графа Александра Сергеевича Строганова. Отцом же будущего председателя ИАК был барон Григорий Александрович, приходившийся упомянутому сановнику только двоюродным племянником. Его собственное состояние было вполне приличным, но не шло ни в какое сравнение со сказочными богатствами дядюшки — чуть менее 3 тысяч душ (Гартвиг 1901: 77).

Владельцем майората должен был стать граф Александр Павлович Строганов, внук екатерининского вельможи. Но этот молодой офицер был убит в бою — в последний месяц войны. Наследником титула неожиданно стал Сергей Григорьевич. По возвращении в Россию его обвенчали с четверюродной кузиной графиней Натальей Павловной Строгановой, ставшей, волею случая, единственной наследницей родовых богатств.

Перемена в судьбе С. Г. Строганова немедленно сказалась на течении его военной карьеры. В июле 1815 г. его переводят в гвардию поручиком. В январе 1816-го он штаб-ротмистр лейб-гвардии гусарского полка. В 1817-м — уже ротмистр, флигель-адъютант императора Александра I. В 1823-м — полковник... Но открывшиеся блестящие перспективы не вскружили ему голову, разве что — прибавили житейского опыта. «Я хорошо знал его строгий, скептический взгляд на предметы», — скажет впоследствии Ф. И. Буслаев (Буслаев 1897: 173).

Главное увлечение Сергея Григорьевича, определившееся, видимо, еще в институте, осталось неизменным. Оно же определило характер тех служебных

поручений, которые давались Строганову во Франции. Ф. И. Буслаев, со слов самого графа, рассказывает, что в 1815 г. тот долго оставался в Париже, углубленно изучая художественные произведения, вывезенные Наполеоном из покоренных стран как трофеи победы (Буслаев 1897: 167–168). После Венского конгресса все эти культурные ценности были возвращены на прежние места, к чему, видимо, приложил свою руку и будущий председатель ИАК. По свидетельству того же Ф. И. Буслаева, в 1839 г., во время их совместного путешествия по Италии, граф почти всюду «встречал лично знакомые ему предметы или известные — по-наслуху и из книг» (Буслаев 1897: 168).

Биограф графа С. Г. Строганова А. Гартвиг упоминает, что «в ранние годы своей жизни... он создавал один за другим проекты, имевшие в виду счастье России... мечтал о распространении образования и изящного вкуса среди ремесленников» (Гартвиг 1901: 89). Казалось бы, обычное дело для Александровской эпохи — романтизм и прожектерство, мечты о «счастье России», постепенно сменяющиеся «поздним умом» и бездействием... В данном случае все происходило с точностью до наоборот. Идеи молодого человека к 1824 г. вылились в крупный проект, неукоснительно доведенный потом до конца — с большим организационным тактом и дальновидностью. Речь идет о Строгановском училище технического рисования, первоначально задуманном им как «Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам».

Во время своего пребывания в Париже Сергей Григорьевич, по собственным словам, был поражен «тем совер-

шением, которое вносится парижскими рабочими во все произведения, исходящие из тамошних мастерских» и пришел к выводу, что успехи французской художественной промышленности есть следствие существования в этой стране сети общедоступных рисовальных школ. Поэтому граф загорелся идеей создания таких учебных заведений и в России (Калишевский 2007).

29 апреля 1824 г. Сергей Григорьевич обращается с письмом к министру народного просвещения князю А. Н. Голицыну. Проект нового учреждения, изложенный в этом письме, сопровождался таким комментарием: «Я полагаю бы, что, желая сделать полезным свой досуг и свои средства на каком либо поприще для блага моей родины, я выполняю также свой долг, ибо приносить пользу — обязанность человека, налагаемая на него при рождении» (цит. по: Гартвиг 1901: 87). В другом письме, отправленном 3 июня, в связи с прохождением бумаг по инстанциям, 30-летний граф заметил: «Польза не в том, что затевается, а лишь в том, что доводится до конца и прочно устанавливается» (Гартвиг 1901: 87). В результате ему удалось поставить свое детище на ноги на редкость прочно².

Проект имел в виду «воспитание вкуса» у ремесленных и торговых людей, которые получали возможность

² Открытая в Москве в 1825 г., эта частная школа превратилась в 1843 г. в государственное учебное заведение. С 1860 г. оно было преобразовано в Строгановское училище технического рисования. В 1918 г. на базе его организованы «Свободные государственные художественные мастерские» (позднее — Вхутемас). В 1945 г. оно воссоздано как Московское высшее художественно-промышленное училище. В настоящее время — Московский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова.

«улучшать свои изделия при содействии науки и искусства». Первоначальный набор 1825 г. составил 360 человек — в основном детей мещан и даже крепостных. «Строгановская школа... готовила рисовальщиков и орнаментчиков для мануфактурных производств и, по сути, стала... прототипом дизайнерского вуза» (Калишевский 2007).

Классы проходили два раза в неделю, т. к. воспитанники могли быть заняты и другой учебой или работой. С родителей, признанных «достаточными», брали за обучение 30 рублей в год. С бедных не брали ничего, дополнительно обеспечивая учащихся всеми необходимыми материалами за счет устроителя (Гартвиг 1901: 122). Предусмотрительно оговаривалось, что родители, заключившие контракт и отдавшие мальчика в школу, не имеют права по своему усмотрению забрать его оттуда, прервав курс. Телесные наказания в школе не допускались (Гартвиг 1901: 117).

В 1828 г. граф Сергей Григорьевич был вынужден на время оставить все свои дела и начинания и вновь отправиться на войну — на сей раз с турками. 27 мая он вместе с русской армией форсировал Дунай. За воинские отличия в кампаниях 1828–1829 гг. — получил чин генерал-майора свиты Его Величества. Храбрость, проявленная С. Г. Строгановым в этой войне, в целом удачной для России, положила начало его многолетней близости с Николаем I. В начале 1830-х гг. граф исполняет целый ряд особых поручений государя, важнейшими из которых являлись посты временного генерал-губернатора Риги, потом — Минска. Наконец, в

1835 г. его назначают попечителем Московского учебного округа и почти сразу же — генерал-адъютантом императора.

Попечительство С. Г. Строганова, продолжавшееся с 1835 по 1847 г., представляло собой, по выражению К. Д. Кавелина, «блестящий период в истории Московского университета» (Гартвиг 1901: 97). Ф. И. Буслаев, говоря о поре своего студенчества, упоминает «целую фалангу новых и молодых профессоров, только что воротившихся из-за границы». Тогда же явился «новый, тоже молодой (всего 40 лет) попечитель... граф Сергей Григорьевич Строганов... свитский генерал, с серебряными эполетами и такими же аксельбантами... один из немногих любимцев императора Николая Павловича и его ровесник по годам, а при новом попечителе и новый инспектор — наш возлюбленный Платон Степанович Нахимов, в амуниции моряка, по чину — капитан II ранга³. После двухлетнего гнета под ферулою Дмитрия Павловича Голохвастова⁴, мы, студенты 1834 г., могли вполне оценить и радостно почувствовать... благотворную силу обновления во всем строе университетской жизни» (Буслаев 1897: 108–109).

В чем заключалось это «обновление»? Новый попечитель начал с того,

³ Брат адмирала П. С. Нахимова.

⁴ По иронии судьбы, именно Д. П. Голохвастов сменил С. Г. Строганова на его посту 12 лет спустя. Как выразился об этом В. Г. Белинский: «Сокол с места, ворона на место». Ему вторил А. С. Хомяков: «Для университета, думаю, отставка Строганова и особенно назначение его преемника мало, чем легче холеры». Как видим, западники и славянофилы оказались вполне единодушны в оценке этого события (Гартвиг 1901: 96).

что совершенно вывел из практики университетской жизни такое наказание, как солдатчина. Насколько серьезной была эта угроза для юношей, даже не замешанных ни в какой «крамоле», рисует один безыскусный рассказ Ф. И. Буслаева. Во время церемонии бракосочетания грозного инспектора Д. П. Голохвастова в церкви откуда-то послышался крик петуха. Все присутствовавшие студенты оцепенели от ужаса: «А вдруг это кто-то из наших?» Все обошлось благополучно, но, по признанию Ф. И., еще много ночей ему снился кошмар: его отдадут в солдаты...

В первый же год С. Г. Строганов постарался примирить Николая I с Московским университетом, который тот ненавидел и называл «волчьим гнездом». Но граф добился своего: «акт примирения» состоялся. В знак особой милости император даже послал в Москву цесаревича Александра Николаевича — слушать лекции по анатомии и физиологии (Буслаев 1897: 110–111).

Князь В. А. Черкасский, учившийся в университете в начале 1840-х, говорит: «Под влиянием свободного развития, предоставленного графом Строгановым, росло и крепло в нем (университете. — Н. П.) историческое направление, дельно выражаясь во всей умственной жизни тогдашней Москвы; то было время процветания публичных лекций и многих изданий... то была также пора более или менее вежливых турниров... словен и западников» (цит по: Гартвиг 1901: 83).

Да, «историческое направление» было многим обязано С. Г. Строганову. Он не только добился посылки для учебы за границу целой группы талантливых молодых историков (в дальней-

шем им были предоставлены кафедры в университете). Став председателем Общества истории и древностей Российских, он основал периодическую серию, названную «Чтениями ОИДР». В период до 1848 г. успело выйти 23 тома с публикациями самых различных источников по русской истории (Формозов 1984: 38).

Стоит отметить одну характерную черту «строгановского правления» в Московском учебном округе. О гуманности попечителя все были наслышаны, и все же... его крепко побаивались. Сергей Григорьевич держал себя с истинно аристократической вежливостью. Взяв в обыкновение чуть ли не каждый день присутствовать на лекции того или иного профессора, он за все годы ни разу не оскорбил лектора «преждевременным выходом из аудитории» (Буслаев 1897: 109). В Москве попечитель знал наперечет многих способных студентов, а заодно и сообразительных мальчишек из гимназий и «низших школ», которые нередко посещал. Случалось, он брал их под свое покровительство — вплоть до устройства на службу по окончании образования. Однако мягкотелым он не бывал никогда. Поэтому высшей угрозой в устах доброго инспектора П. С. Нахимова было: «Ну, а что скажет граф, когда я ему доложу?».

«Этот страх, при всем известной гуманности графа Строганова, — говорит биограф, — можно объяснить только тою строгостью, с которой требовал граф исполнения каждым своего долга; кроме того, при ясности своего ума, большом жизненном опыте и обширных познаниях, он сразу определял доброкачественность людских мнений

и свойства людей, с которыми ему приходилось сталкиваться⁵. При этом граф нередко пускал в ход свое самое сильное оружие — иронию и сарказм» (Гартвиг 1901: 85).

Красочный рассказ о первом личном знакомстве с графом С. Г. Строгановым оставил Ф. И. Буслаев. По окончании университета он стал преподавать в одной из московских гимназий, но отношения с начальством не складывались. Вести занятия по устаревшим учебникам и схемам ему было тошно. От расстройства молодой человек заболел и пропустил несколько уроков. И вдруг ранним утром — письмо с предложением сегодня же, в 9.00 явиться к попечителю...

«Никакими словами не могу выскать того ужаса, которым поразило меня это неожиданное... приглашение, — вспоминал Ф. И. — Я чувствовал себя виноватым перед гимназией, в нерадении и упущении по службе... Я ждал грозной расправы и был убежден, что меня выгонят... или, по малой мере, сошлют учителем куда-нибудь в захолустье. Сам не помню, как шел на Дмитровку, где жил тогда граф... Не помню, как попал я в приемную залу и как очутился перед лицом самого графа в его кабинете; от всего смутного

⁵ В связи с этим стоит напомнить, как безошибочно оценил С. Г. Строганов способности молодого И. Е. Забелина, с которым столкнулся в Москве в 1843 г. Положение Забелина в научном мире изначально было очень сложным. Талантливый самоучка без образования не имел ни малейших перспектив служебного роста (и соответственно обретения достойных условий существования). Своим благополучием на старости лет он был всецело обязан С. Г. Строганову, пригласившему его в члены ИАК. Там И. Е. сравнительно быстро прошел все ступени табели о рангах, дослужившись до чина статского генерала (Формозов 1984: 38, 108–109).

кошмара остался в моей памяти лишь один светлый момент, обдавший меня несказанной радостью... Попечитель московского округа предложил мне отправиться с его семейством на 2 года в Италию, чтобы давать там уроки его детям...

В продолжение всего двухлетнего пребывания моего за границею настал для меня непрерывный светлый праздник» (Буслаев 1897: 154–156).

С. Г. Строганова редко видели увлекающимся, никогда — экспансивным. «Втереть ему очки» не удавалось никому. В связи с этим можно вспомнить забавную историю, случившуюся позднее, уже в бытность графа председателем ИАК. В 1862 г., в преддверии открытия памятника Тысячелетию России, некий коллежский советник Ю. Львов предложил новгородскому городскому голове генералу Филиппову свои услуги «в разработке новгородских древностей». Львов сумел убедить генерала, что его изыскания «доставят богатый источник открытий». В результате Новгородское городское общество оказало ему пособие в размере 200 руб. (что, кстати, равнялось годовому жалованью чиновника низшего ранга). Затем «изыскатель» уехал в Петербург и пропал, но генерал, желавший, видимо, блеснуть пред лицом государя чем-то небывалым, успел послать в ИАК ходатайство о дополнительном пособии.

Поскольку к делу не было приложено никакой докладной записки, свидетельствующей о серьезности намерений чиновника (а заодно и об уровне его подготовки), С. Г. Строганов предпочел разобраться с ним лично. Место жительства Львова — этого достойно-

го предка Остапа Бендера — установили в адресном столе. После встречи с ним граф вынес резолюцию: «По моему мнению, предположения его не заслуживают ни внимания, ни поддержки со стороны Правительства, так как они лишены всякого научного и археологического интереса». Куда ушли 200 руб., выделенные Новгородским городским обществом, так и осталось тайной (РА ИИМК РАН. Ф. 1, 1862, д. 13, л. 2–4об.).

Уход С. Г. Строганова с поста попечителя Московского учебного округа был спровоцирован графом С. С. Уваровым. Все 12 лет пребывания на этом посту Сергей Григорьевич чувствовал себя вполне независимо лишь благодаря своей близости с императором, с которым «всякий раз сносился... лично, когда не соглашался с распоряжениями министра народного просвещения» (Буслаев 1897: 305–306). Однако в 1847 г. их дружбе пришел конец.

В начале года министр разослал попечителям проект нового университетского устава, где, в частности, предлагалось принимать выпускников гимназий в университет без экзаменов, уничтожить заодно и переводные сессии, предоставить выбор курсов на усмотрение желающих и т. п. С. Г. Строганов не согласился ни с одним из пунктов устава и, найдя их «разрушительными» для университетов, изложил свое особое мнение в письме к императору. В результате проект был провален, но и ответный удар оскорбленного министра не заставил себя ждать.

Поводом послужили публичные выступления славянофилов. В конце 1846 г. граф Строганов (сам яркий западник) приостановил продажу книги

(магистерской диссертации) К. С. Аксакова, с резкими выпадами против Петра I, и призвал к ответу совет факультета, разрешивший ее публикацию. Автору пришлось изъять и переработать некоторые страницы. Защита все-таки состоялась в марте 1847 г. и прошла успешно (Аксаков 1988: 341, 647). Тем не менее, с подачи С. С. Уварова, попечителя округа обязали отныне установить «наблюдение за славянофильской пропагандой». Разумеется, он считал это «выходящим из пределов ведомства» и приличным, скорее, III Отделению.

03.11.1847 г. было написано «всеподданнейшее письмо государю», в котором Сергей Григорьевич просил об отставке, указывая на свое «несогласие с графом Уваровым и невозможность оставаться безгласным исполнителем его направлений» (Гартвиг 1901: 96). Просьба была удовлетворена. Вместе со Строгановым ушел со своего поста и инспектор П. С. Нахимов.

Все дальнейшее напоминало дурной фарс. Студенты решили поднести бывшему попечителю благодарственный адрес и в складчину приобрели альбом с тремя рисунками университетских зданий. Однако С. С. Уваров торопился выместить старому сопернику все прежние обиды. Поднесение альбома было запрещено. Император разрешил лишь передать его графу через нового попечителя Д. П. Голохвастова. Для внесения подписей в альбом студенты должны были являться на квартиру инспектора. Несмотря на все это, в альбоме расписались 182 человека.

Тод спустя вспыхнул новый скандал. В октябрьской книжке «Чтений ОИДР»

проф. О. М. Бодянским был опубликован перевод «Записок» Дж. Флетчера о Московии времен Ивана Грозного. Министр в донесении государю тут же указал на «зловредность» распространения в публике сочинений, где русское правительство рисуется такими черными красками. На дворе был 1848 г., и донос имел полный успех. О. М. Бодянского наказали переводом из Москвы в Казань, издания ОИДР подчинили общей цензуре, а С. Г. Строганову объявили от имени государя «строжайший выговор» через московского генерал-губернатора А. А. Закревского. В ответ он немедленно сложил с себя полномочия председателя общества, а вот ученика своего О. М. Бодянского в конечном счете сумел защитить. Через два года, уже после ухода С. С. Уварова со своего поста⁶, тот вернулся к преподаванию в Москве, а периодическая серия ОИДР — этого «духовного детища» С. Г. Строганова — возобновилась под названием «Вестника» (Речи 1893: 13; Гартвиг 1901: 97–98).

«Когда граф Сергей Григорьевич вышел в отставку, — вспоминал Ф. И. Буслаев, — я сблизился с ним так, как никогда прежде. Заботы о Московском университете, которым он ревностно предавался, теперь обратились на меня и еще тех немногих из молодых профессоров, которые умели ценить его и остались ему верны... Видя его в незащищенной опале, я сострадал ему, но

не сожалел... Я только любовался на него и научался, как переносить житейские невзгоды. Он представлялся мне непреклонным вассалом, которому нанесли обиду в его правах и обязанностях» (Буслаев 1897: 320–321).

Так закончился очень важный и значительный отрезок жизни графа С. Г. Строганова. Не за горами была новая эпоха — с ее реформами, чаяниями и начинаниями, одним из которых и станет организация ИАК. В этой новой эпохе графу выпало сыграть не последнюю роль. Но и в ней он останется «непреклонным вассалом», одним из тех, кого Н. С. Лесков назовет «самодумными людьми», а современный историк М. А. Давыдов — «Оппозицией Его Величества». «Почти во все времена, во всех странах, при всех режимах есть люди, выражающие свое недовольство порой весьма громко, но... никогда не посягающие на Основы — и вовсе не от нехватки храбрости, а по убеждению, что Основы эти самые лучшие... при всех их недостатках» (Давыдов 2008: 341–342). Пожалуй, в Николаевскую эпоху деятели такого типа составляли меньшинство. Однако мы видим их и там — даже в рядах элиты государственных чиновников. Сегодня нам кажется, мы лучше них знаем, какие они совершали ошибки, в чем бывали не правы... Но это отнюдь не мешает признавать их ярчайшими и достойнейшими людьми своей эпохи.

⁶ К делу отставки министра в 1849 г. отчасти приложил свою руку и С. Г. Строганов. В целом вражда этих двух людей напрямую отразилась на судьбах русской археологии. Отношения Сергея Григорьевича с сыном его ненавистника — Алексеем Сергеевичем Уваровым — навсегда остались натянутыми. Между тем уже скоро време-

на изменились, и новый император Александр II приблизил С. Г. Строганова к себе, поручив ему в 1857 г. «всю археологическую часть» в пределах империи (Формозов 1984: 96). Тогда Уваров-младший волей-неволей остался в стороне от дела организации ИАК (см. также: Тихонов 2006). А жаль...

Литература

- Аксаков 1988* — Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М. 1988.
- Буслаев 1884* — Буслаев Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. Т. 1–2. СПб. 1884.
- Буслаев 1897* — Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М. 1897.
- Буслаев. Дополнение* — Буслаев Ф. И. Дополнение к «Моим воспоминаниям», не допущенное мною в печать // АГЛМ. Инв. 343. 2.
- Вигель 1892* — Вигель Ф. Ф. Записки. М. 1892.
- Гартвиг 1901* — Гартвиг А. Школа рисования в приложении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 г. графом С. Г. Строгановым. Ее возникновение и развитие до 1860 г. М. 1901.
- Гурулева 2005* — Гурулева В. В. С. Г. Строганов — первый президент Императорской Археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В. М. Потина. Сборник научных статей. СПб. 2005.
- Давыдов 2008* — Давыдов М. А. Оппозиция его Величества. М. 2008.
- Калишевский 2007* — Калишевский М. Строгановское училище — создавая «вторую природу». 2007 // <http://www.zarplata.ru/a-id-16818.html>
- Кызласова 1985* — Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России. Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории. М. 1985.
- Левандовский 1990* — Левандовский А. А. Время Грановского. У истоков формирования русской интеллигенции. — М. 1990.
- Мусин 2007* — Мусин А. Е. О роли личности в археологии. Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Записки ИИМК. Вып. 2. СПб. 2007.
- Речи 1893* — Речи, говоренные на заседании Императорского Общества истории и древностей Российских 4 мая 1882 г., посвященном незабвенной памяти бывшего председателя графа С. Г. Строганова. М. 1893.
- Строганов 1849* — Строганов С. Г. Дмитриевский собор во Владимире (на Клязьме). Строен от 1194-го до 1197 года. М. 1849.
- Строганов 1878* — [Строганов С. Г.] Е. Виолле-ле-Дюк и архитектура в России от X по XVII века. СПб. 1878.
- Тихонов 2006* — Тихонов И. Л. «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским археологическим обществом) // IN SITU. К 85-летию профессора А. Д. Стояра. СПб. 2006.
- Формозов 1984* — Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М. 1984.

COUNT SERGEY GEORGIEVICH STROGANOV: 1810^s–1840^s

N. I. Platonova

The first chairman of the Imperial Archaeological Commission (IAC) Count Sergey G. Stroganov (1794–1882) now is traditionally considered only as a smatterer in archaeology. His publications on the history of art and ancient architecture are completely forgotten. Meanwhile, his monograph on St Demetrius Cathedral in Vladimir first opened to his contemporaries a new branch of studies — evidence of Russian mediaeval architecture and ornamentation. Studies of the Count stimulated the further researches of his follower Fedor I. Buslaev who, in turn, became the teacher of Nikodim P. Kondakov.

Stroganov's activities in the sphere of popular education proved to be very fruitful. He was an excellent science organizer — all-round educated person, exacting and perfectly understanding people. The term of his supervising the Moscow Educational Circuit became the period of flowering of public lectures and various publications. Count's retiring the post in 1847 was connected with intrigues of the Minister of Popular Education Count Sergey S. Uvarov. The defamation to which S. G. Stroganov was then subjected hindered him afterwards to establish business relations with the son of his enemy — archaeologist Alexey S. Uvarov. As a result, Uvarov, Jr., remained outside the activities for organization of IAC.

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ С ФИННО-УГОРСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ В VIII–X вв.

(по керамическим материалам)¹

В середине VIII в. в низовьях Волхова на северо-восточной границе славянского мира возникло поселение Ладога, ставшее в дальнейшем важным торговым, ремесленным и административным центром Древней Руси. На протяжении нескольких веков оно являлось главными «воротами», через которые по «восточному пути» шли торговые караваны и военные отряды, поступали к народам Северной Европы разнообразные товары из Руси, Византии и стран мусульманского Востока.

Исследователи, обращавшиеся к археологическим материалам Старой Ладоги, отмечали наличие разноэтничных элементов в культуре жителей этого поселения (Давидан 1971; 1973; 1986; Кирпичников 1985; 1995; Корзухина 1965: 13; Лебедев 2005: 488–490). Наряду со скандинавскими древностями, представленными в коллекциях наиболее ярко, и разнообразными компонентами материальной культуры, которые археологи связывают со славянами, в древнейших отложениях памятника были также выделены находки финно-угорского характера (Петренко 1984).

Наиболее заметны изделия финно-угорского происхождения среди пред-

метов, выполненных из кости и рога. При раскопках культурных напластований второй половины IX — X в. Староладожского поселения было найдено пять односторонних резных гребней со спинками, украшенными парными фигурами или головками животных (медведей, коней) и птиц (лебедей), один из которых, по мнению О. И. Давидан, не был закончен (Давидан 1962: 101–103, рис. 4, 1, 3; Петренко 1984: 85, 86, рис. 2, 1; Равдоникас 1949: рис. 33, 1). Кроме того, в Ладоге обнаружена роговая заготовка для изготовления гребня такого же типа (Петренко 1984: 87, рис. 2, 2). Подобные изделия в конце I тысячелетия н. э. были распространены на территории от Эстонии до Прикамья. О. А. Кондратьева, посвятившая зооморфным гребням специальную статью, рассматривала их как «яркое проявление финно-угорской средневековой художественной культуры». При этом исследовательница отмечала, что изделия, украшенные парными головками лебедей, в основном встречены на памятниках прибалтийских финнов, тогда как гребни с изображениями коней и медведей найдены в восточнофинских районах (Кондратьева 1981: 108). Это наблюдение получило подтверждение в работах других ученых. По данным Х. Луйк, изучившей

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 05–06–80415.

изделия из кости со средневековых памятников Эстонии, среди зооморфных гребней-подвесок, представленных на памятниках юго-востока и востока этой республики, подавляющее большинство (II экз., причем есть и незавершенные) несут на спинке стилизованные изображения «длинношеих птиц или змей» (группа I), тогда как изделия, украшенные лошадиными головами (группа II), имеются только в двух экземплярах (Luik 2005: 132–136). Свидетельства изготовления роговых гребней-подвесок присутствуют также на поселении Крутик, отнесенном исследователями к памятникам белозерской веси (Голубева, Кочуркина 1991: 88–90). Среди найденных здесь трех изделий с зооморфными спинками представлены только образцы, украшенные парой коней, причем две подвески не закончены.

Кроме гребней, к продукции прибалтийско-финского косторезного ремесла, по-видимому, относится и роговая булава, чью головку украшает композиция, состоящая из «стилизованных изображений двух лебедей». Она была встречена в комплексе X в. при работах на Варяжской улице (Кондратьева 1981: 106; Петренко 1984: 86, рис. 2, 7). В этом же раскопе в отложениях второй половины X в. найдена костяная копоушка — предмет, характерный для древностей поволжских и прикамских финнов (Петренко 1984: 86, Рис. 2, 3; Леонтьев 1996: 147–150; Архипов 1973: 57; Иванова 1979: 50–53).

Финно-угорское происхождение определяется исследователями и для некоторых старолadoжских находок, выполненных из других материалов: бронзовой очковидной подвески, кресала с бронзовой ажурной рукоятью,

железной сковородки, а также каменной литейной формы для отливки трубочек «для головного венчика финского типа» (Давидан 1986: 103, рис. 2, 1; Петренко 1984: 87, рис. 2, 9; Давидан 1980: 61, 66).

Рассмотренные выше вещи, несомненно, говорят о торговых или иных связях древних обитателей поселения на Лadoжке с финскими племенами. Более того, присутствие в коллекциях, собранных при исследовании Старой Лadoги, литейной формочки, незаконченного зооморфного гребня-подвески, а также роговой заготовки, предназначенной для выполнения аналогичного предмета, может, по мнению В. П. Петренко, свидетельствовать о том, что «по меньшей мере, часть подобных вещей безусловно изготовлена на месте мастерами, хорошо знакомыми с производственными и бытовыми традициями, костюмом и верованиями финно-угорского населения» (Петренко 1984: 87).

Вполне оправданно ожидать, что следы контактов населения Нижнего Поволжья с окружающим финским миром имеются и в обширных старолadoжских керамических материалах. Т. Б. Сениченкова, посвятившая изучению посуды Лadoги VIII–X вв. диссертационную работу, отметила присутствие в раскопах на так называемом Земляном городище и Варяжской улице фрагментов чернolощеной керамики, соотносимых с «лепными мискообразными сосудами юго-восточной Эстонии 2-й половины I тыс. н.э.» (Сениченкова 1998а: 20). Рассмотрев орнаментацию лепной посуды памятника, исследовательница среди элементов и композиций декора выделила группы, «связывающие керамику Лadoги с па-

мятниками финно-угорского населения» Белозерья и Камско-Вычегодского края (Сениченкова 1998а: 20; Сениченкова 2002: 106). Однако специальной публикации, посвященной изучению керамических материалов Старой Ладogi с целью выявления всех достоверных свидетельств контактов жителей поселения как с западными, так и восточными финнами, до настоящего времени предпринято не было.

В многотысячных археологических коллекциях, собранных за время раскопок древнейших слоев Старой Ладogi и состоящих в основном из обломков грубой кухонной посуды, имеется небольшое количество фрагментов сосудов, отличающихся от местных изделий по многим признакам (профилировке, составу керамического теста, обработке поверхности, орнаментации). Двадцать из них имеют аналогии в древностях прибалтийских финнов.

Обломки семи сосудов принадлежат округлодонным ребристым мискам (рис. 1: 1, 4, 6-8, 10, 11). Подобные миски представлены в материалах раннесредневековых могильников Юго-Западной Финляндии (Carpelan 1963: kuva 1; Lehtosalo-Nilander 1982b: 77, fig.22, 1, 5), памятников Юго-Восточной, Центральной и Западной Эстонии (Аун 1976: 353, 354, рис. 4, 5-II, 5, 15-18; 1992: 49, рис. 16, 2, 5, 6, 9, 10, 12, 13, 18, 15-18, табл. XII, 4, 5; Шмидехельм 1959: 164, табл. IV; Лави, Соколовский, Соколовски 1983: 318, табл. XXV, 3; Mägi 2002: pl.1, 2, 18, 2, 23, 2; Moora 1955: joon.17, 1, 2). Для памятников эпохи викингов Северной Эстонии, по данным В. Ланга, «ребристая форма сосудов не характерна... и встречается тут лишь в единичных случаях» (Ланг 1992: 82). Их присутствие на памятниках региона объясняется ученым «определенными влияниями со стороны Финляндии» (Lang 1991: 57). Отмечены

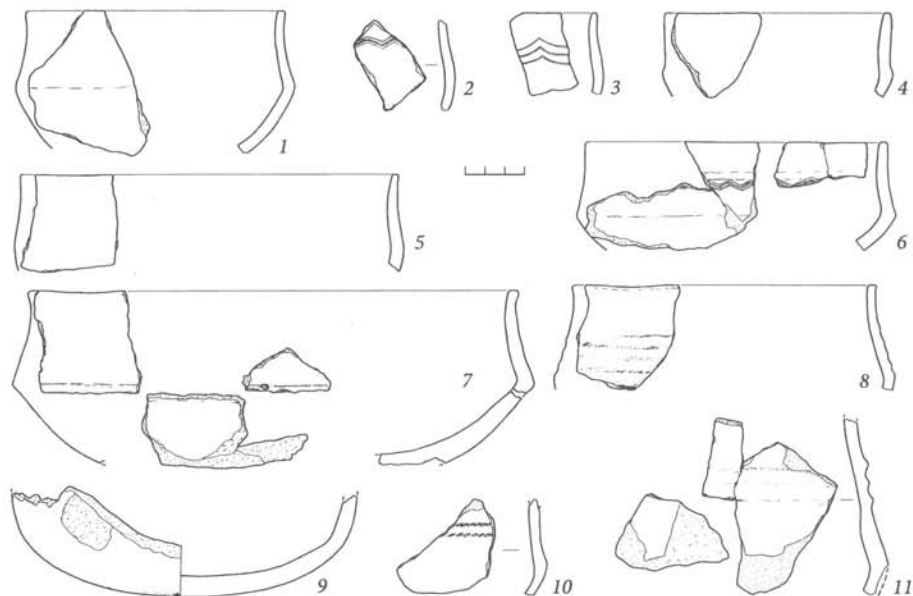

Рис. 1. Прибалтийско-финская посуда из Старой Ладogi

ребристые миски на поселениях Латвии (Даугмальское городище), в погребениях ливов (Cimermane 1974: 106, 5a, 3, 4), а также на некоторых городищах Нижнего Повеличья (Белецкий 1996: рис. 4, 1, 3, 31, 8, 11, 46, 9, 10; Белецкий, Лесман 2005: рис. 6, 1, 6, 11–14; Плоткин 1991: 31, рис. 8, 6) и в могильнике у д. Залахтовье в Восточном Причудье (Хвоцинская 2004: 108, табл. XXVII, Б, L, 29). Известны подобные сосуды и в древностях Центральной Швеции (Selling 1955: Taf. 34, 2, 6, 35, 4, 7a, 8; 36, 2, 4, 5, 37, 1, 3–5, 8, 38, 2–4). Однако, по мнению Д. Селлинг, она является чужеродной для этого региона. Исследовательница полагала, что появление в Скандинавии округлодонных мисок, как и остальных сосудов, объединенных ею в тип АIII, связано с контактами с областями Восточной Балтики (Selling 1955: 150–155).

Обломки трех ребристых мисок, найденных в Старой Ладогге, не орнаментированы. Фрагменты первой из них были встречены в 1947 г. при раскопках отложений верхней части горизонта Е₃ Земляного городища². Я. В. Станкевич

² Обломки зафиксированы в кв. Е₀, Ж₀, Е₁, Ж₁ на гл. 1,55–1,60 м в слое навоза с гумусом и щепой в постройке № 14 (номер по описи — Л-1123), а также в кв. З₁ на гл. 1,57–1,67 м в восточной канаве постройки № 15 (Л-1351), см.: Акт 1947: 79, 93. Большинство фрагментов этого сосуда связываются с комплексом «большого дома» (Станкевич 1950: 193, 194). О. И. Давидан, проанализировав стратиграфию древнейших отложений Староладожского городища, предположительно отнесла остатки этого сооружения (постройка 9) ко второму, среднему пластику горизонта Е₃ (Давидан 1976: 103, 104, 107–110, рис. 3, 6). А. Н. Кирпичников принял это заключение и на основании дендрохронологической шкалы разработанной Н. Б. Черных, датировал постройку 770–810 гг. (Кирпичников 1985: 8). Материалы дополнительного археологического изучения «большого» дома в 1986 г. позволили С. Л. Кузьмину включить ее (постройка IV-5) в IV ярус застройки Земляного городища, суще-

реконструировала изделие как плоскодонную чашу биконической формы (Станкевич 1950: 193, 194, рис. 3, 3). Однако, судя по профилировке обломков нижней части, сосуд явно представлял крупную округлодонную миску³ (рис. 1, 7). Найденные черепки обладают хорошо заглаженной подлощенной внешней поверхностью, причем в верхней части сосуда видны грубые следы горизонтального лощения — узкие, иногда пересекающие друг друга, бороздчатые «канавки»⁴. В изломе фрагменты обладают трехслойной цветовой структурой: сердцевина обломков красно-коричневая, а прилегающие к поверхности участки имеют коричневую окраску. Вторая находка части округлодонной ребристой миски была сделана в 1949 г. в ходе разборки культурного слоя в верхней части горизонта Д⁵ (рис. 1, 1). Фрагмент имеет тонкие стенки, хорошо заглаженную серо-буровато-черную поверхность с четкими следами лощения с внешней стороны. Небольшой обломок еще одного неорнаментированного тонкостенного сосуда обнаружен в 1958 г. в

ствование которого ограничено исследователем 810–830 гг. (Кузьмин 2000: 56–59, 64). Результаты анализа спилов, полученных в результате зачистки остатков постройки в 2005 г., не противоречат такой датировке (Кирпичников 2006: 235).

³ Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Опись хранения 202: 490, 552. (Далее: ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. ...). Благодарю Б. С. Короткевича за помощь в работе с материалами, хранящимися в ГЭ.

⁴ По данным А. А. Бобринского следы, оставляемые лощилом на поверхности изделия, хорошо заметны при обработке его «по подсушенной основе» (Бобринский 1978: 223).

⁵ Обломок (Ла 519 — ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 9: 519) найден в кв. М₃₋₅, Н₃₋₅, О₃₋₅ «при расчистке помоста большого сооружения и мостовой» (Опись 1949: 196). С. Л. Кузьмин отнес эти конструкции к X ярусу Земляного городища, датирующемуся 970–990-ми гг. (Кузьмин 2000: 54).

отложениях нижнего пласта горизонта Д⁶ (рис. 1, 4). Он обладает гладкой, со следами лощения с обеих сторон поверхностью черного цвета.

Остальные ребристые миски декорированы. В первую очередь отметим четыре обломка сосуда из раскопок 2002 г. в юго-восточной части Земляного городища⁷. Они в основном происходят из отложений подгоризонта «Б₂», связанных с функционированием «большого дома» (Кирпичников 2007: 212, 219)⁸. Дендрохронологический анализ позволил отнести время возникновения этой постройки, а также тяготеющих к нему сооружений к 930–931 гг. (Кирпичников 2007: 214, 215; Кирпичников 2008б). Найденные фрагменты украшены по бортику прочерченной композицией из двойного или тройного зигзага (третья линия слабая, затертая), ограниченно-го сверху двумя прямыми линиями, а местами маленьким валиком (рис. 1, б). Поверхности миски были подвергнуты горизонтальному лощению, более качественному с внешней стороны. Цвет у обломков разный: два имеют светло-коричневую, а еще два черную, местами серую окраску.

В Поволховье черепки от семи округлодонных ребристых сосудов, декорированных орнаментальной композицией, аналогичной ладожскому экземпляру, встречены при раскопках Рюрикова городища (Плохов 1995)⁹. Несмотря на то что обломки мисок найдены в разных частях памятника, они очень схожи друг с другом, и можно уверенно говорить об их едином происхождении и датировке. Фрагменты двух сосудов были зафиксированы в черном гумусированном слое мысовой части городища. Это позволяет отнести время их бытования к X в.,

причем скорее к первой его половине. Вполне возможно, что эти однотипные миски были изготовлены на Городище приезжим финским гончаром. В пользу такого заключения говорит не только их схожесть, но результаты исследования состава глиняного теста, выполненные в Керамической лаборатории Лундского университета. В материале лощеных сосудов, так же как в части образцов местной сырой глины и керамики, были отмечены диатомовые водоросли (Brorsson 2001: 56, 57; Hulhén, Brorsson 2007: 601–604, 607).

Кроме Поволховья горшок, украшенный орнаментальной композицией, аналогичной старолadoжской миске, найден в кургане 6 могильника Северик в Нижнем Повеличье (Тараканова 1951: 146, 147, рис. 41; 1954: рис. 8). Из этого же региона, с городища Изборск происходят обломки двух округлодонных ребристых сосудов, декорированных многорядной зигзагообразной линией (Лопатин 2006: 105, рис. 4, 1, 2).

За пределами Северо-Запада России похожие изделия представлены в инвентаре могильников Юго-Западной Финляндии (Carpelan 1963: kuva 5, 5; Lehto-

⁶ Фрагмент (ЛД 69 — ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 71: 69) отмечен между «постройкой № 3 и мостовой» в кв. П_{ХII} на гл. 0,86–0,96 м (Опись 1958: 86). Судя по нивелировочным отметкам, обломок миски зафиксирован несколько ниже уровня залегания этих сооружений, которые, по мнению С. Л. Кузьмина, относятся к застройке VIII яруса, отнесенного им к 920–950-м гг. (Кузьмин 2000: 53, 54).

⁷ Благодарю А. Н. Кирпичникова за возможность ознакомиться с материалами из его раскопок.

⁸ Обломки встречены: в кв. Д_{XIX} на гл. 0,40 м (№ 568), З_{XVII} на гл. 0,47 м (№ 3038), И_{XVIII} на гл. 40 м (№ 1163), И_{XVII} на гл. 0,45 м (№ 3031). Они хранятся в фондах Старолadoжского музея-заповедника.

⁹ Фрагменты двух мисок были найдены в 2006 и 2008 гг. в центральной части памятника при разборке заполнения рва.

salo-Hilander 1982a: pl. 21, 12; 57, *G170*, 3; 78, 13, 79, *G292*, 5). Однако, судя по опубликованным материалам, для украшения посуды, здесь почти не использовалась орнаментальная композиция, в которой зигзаг сочетается с прямыми линиями. Практически не представлен на памятниках Финляндии и валик, заменяющий последние. Нам известен только один сосуд из могильника Иляне, украшенный этим элементом (Хирвилуото 1979: рис. 9).

Изделия, близкие по профилировке и/или орнаментации сосудам из Старой Ладogi и Рюрикова городища, можно отметить в материалах из могильника и с поселения эпохи викингов на о. Бьёрко оз. Меларен в Средней Швеции (Selling 1955: Taf. 36, 1, 2, 4, 42, 4). Значительное сходство в декоре наблюдается между находками из Поволховья и керамикой, происходящей с некоторых раннесредневековых памятников Северной Эстонии (Краут 1980: табл. XVIII, 3; Тамла 1983: 304, табл. XIII; Schmiedehelm 1939: joon. 84), но для посуды этого региона, как уже отмечалось, характерны округлые плечики. Среди подлощенных мисок и чашеобразных сосудов Юго-Восточной Эстонии ребристые экземпляры широко представлены, но лишь немногие из них украшены в верхней части. Самым распространенным видом орнамента на посуде этого региона является ямочный. Сосудов, декорированных прочерченными прямыми и волнистыми линиями, а также низкими валиками (двумя или тремя), найдено гораздо меньше, причем только на нескольких изделиях они составляют единую орнаментальную композицию (Аун 1992: 49, 50, табл. XI, 9; Шмидельм 1959: 165).

Фрагменты еще двух ребристых мисок, найденных в Старой Ладогe, имеют рельефную орнаментацию по бортику, по-видимому выполненную с помощью шаблона. Обломок верхней части первого сосуда зафиксирован в 1939 г. при исследовании отложений выше яруса построек горизонта Д¹⁰. Он представляет собой тонкостенный лощенный с обеих сторон черепок черного цвета (рис. 1, 8). Фрагменты стенки второй миски были обнаружены в 1948 г. при разборе напластований того же горизонта¹¹. Они имеют черный цвет и хорошо заглаженную поверхность со следами горизонтального лощения снаружи (рис. 1, II). Одна ребристая миска с декором, аналогичным встреченному на ладожских сосудах, представлена среди финской керамики Средней Швеции (Selling 1955: Taf. 37, 1). В публикациях материалов из могильников Юго-Западной Финляндии есть обломки трех сосудов, в декоре которых наряду с многорядной волной или зигзагом использовано горизонтальное рифление (Aroalho 1978: liite 8, 13932: 319; Kivikoski 1939: Taf. XXXVIII, 8; Lehtosalo-Hilander 2000: 149, pl. 56, *G1260*, 7). Из этого же региона происходит округлодонная миска, орнаментированная двумя параллельными желобками¹². Со-

¹⁰ Фрагмент (16/4004 — ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 273: 1282) найден в кв. Г₂ на гл. 0,25 м (Опись 1939: 105).

¹¹ Обломки найдены: (СЛ 1041) в кв. У₅ на гл. 0,6 м и (СЛ 1049) в кв. Т₄ на гл. 0,74–0,87 м. ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 8: 1041, 1049. Они залегали на уровне комплексов (СЛЭ 1948: 23, 27, 33), отнесенных С. Л. Кузьминым к IX и XI ярусам, которые датированы исследователем соответственно 950–970-ми и 990-ми гг. (Кузьмин 2000: 53–55). Я. В. Станкевич посчитала, что эти фрагменты принадлежат изделию XII–XVII вв. (Станкевич 1951: 246, рис. 10, 4).

¹² Могильник Savästia. Национальный музей, г. Хельсинки: 1160, 239. Благодарю Н. В. Хвоцинскую за предоставленную информацию.

суды, украшенные такими желобками, «покрывающими всю ребристо вогнутую шейку или выпуклое плечо», представлены среди находок с селищ у пос. Куусалу, расположенного к востоку от Таллина (Ланг 1992: 82, рис. 3), а также среди инвентаря одного из могильников с оградками (Moora 1967: tahl.VIII, 7). Поскольку посуда с подобным декором очень редка в Северной Эстонии, В. Ланг предположил, что она происходит с территории Финляндии (Ланг 1992: 82).

Обломок последней, седьмой ребристой миски был обнаружен в 1939 г. при разборке культурного слоя над постройками горизонта Д¹³. Черный лощеный черепок украшен по бортику двойной линией, выполненной отпечатками шнура (рис. 1, 10). На памятниках как Юго-Восточной, так и Северной Эстонии шнуровой орнамент отмечен только на единичных сосудах (Аун 1992: 50; Шмидехельм 1959: 165; Тамла 1983: 304; Lang 1985: 205, 206, tab. 5; Lang 1996: 86, 112, joon. 31; 42). Ребристые миски, украшенные шнуровыми отпечатками, присутствуют в раннесредневековых древностях Средней Швеции (Selling 1955: Taf. 34, 2, 6), но, судя по материалам ряда могильников, наиболее характерен шнуровой декор для керамики эпохи викингов Юго-Западной Финляндии. Его имеют от 60 до 71% орнаментированных сосудов этого региона (Lehtosalo-Hilander 1982a: pl. 41 17; Lehtosalo-Hilander 1982b: 79, 84).

Наряду с ребристыми сосудами при раскопках в Старой Ладоге были встречены фрагменты верхних частей трех мисок с другой профилировкой (рис. 1, 2, 3, 5). Они имели плавный переход от плечика к тулову, а также, по-видимому, как и ребристые изделия, были округлодон-

ными. Сосуды такой формы представлены в материалах могильников Юго-Западной Финляндии (Carpelan 1963: kuva 1; Cleve 1978: Pl.16, 265; Kivikoski 1951: 29, Taf. 119, 962, 1973: 130, Taf. 114, 1031; Lehtosalo-Hilander 1982b: fig. 22, 2, 3, 6), Аландских островов (Kivikoski 1963: Taf. 12, 8, 43, 1), Средней Швеции (Selling 1955: Taf. 34, 1, 3, 35, 1, 2; 36, 1, 3, 37, 6, 7, 38, 1, 6), среди керамики памятников Северной Эстонии (Тамла 1983: табл. XII, 2; Lang 1985: tahv. V, 2; Schmiedehelm 1939: joon. 82) и некоторых погребений залахтовского некрополя (Хвоцинская 2004: 107, табл. XIV, 9, XVI, 26, XVIII, Б, СХХIII, II).

Древнейший обломок верхней части миски с округлым плечиком зафиксирован в 1982 г. при исследовании отложений на границе микрогоризонтов E₃₋₁ («бурый гумус I») и E₃₋₂ («черный гумус») Земляного городища (рис. 1, 5)¹⁴. Его можно отнести к концу VIII — началу IX в. (Рябинин, Черных 1988: 82, 87, 98; Черных 1996: 112, 113). Тонкостенный черепок имеет черные со следами вертикального лощения поверхности. Фрагмент другого сосуда был найден в 1975 г. в раскопе на Варяжской улице¹⁵ (рис. 1, 3). Он залегал на уровне 9 штыка¹⁶. Судя по порубочным датам дерева из остатков сооружений этого стра-

¹³ Фрагмент (ГЭ, ОАВЕС, коллекция 16/6011) найден в кв. Ж₄ на гл. 0,35–0,55 м (Опись 1939: 161).

¹⁴ Обломок (ИЭ 82/1157 — ГЭ, ОАВЕС, оп. хр. 336–2: 420) найден в кв. Э₃ на гл. 1,95–1,97 м.

¹⁵ В диссертационной работе Т. Б. Сениченкова пишет, что в раскопе I на Варяжской улице на уровне 7–9 штыков было найдено «5 фрагментов чернолощеной керамики как минимум от двух сосудов», причем один из них являлся венчиком (Сениченкова 1998б: 102, приложение I, табл. 59, 2). Благодарю Т. Б. Сениченкову за предоставление рисунка этого фрагмента.

¹⁶ Обломок (САЭ-75, ЛП2/4536) встречен в кв. Ж₀, на гл. 1,60–1,80 м (Опись 1975: 44).

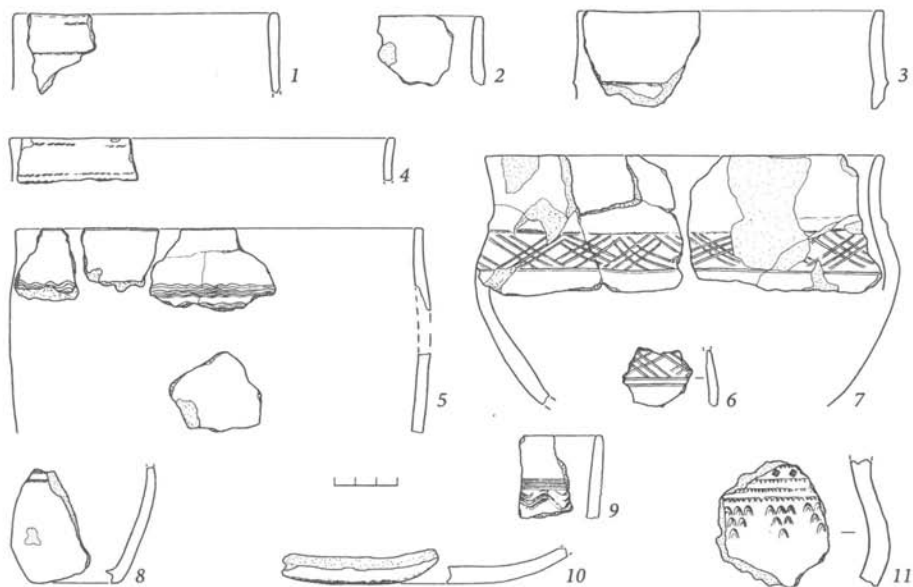

Рис. 2. Прибалтийско-финская и пермско-финская посуда из Старой Ладоги

тиграфического горизонта, фрагмент можно датировать третьей четвертью X в. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 111; Черных 1996: 118). Миска была украшена орнаментом в виде многорядной волны, выполненным трехзубым штампом¹⁷. Еще один обломок тонкостенного округлодонного изделия с плавной профилировкой верхней части был обнаружен в 2003 г. в раскопе 3 на Земляном городище при исследовании сооружений горизонта Б¹⁸, которые датированы «890-ми годами, скорее всего, его первой половиной» (Кирпичников 2004: 278). Тонкостенный черепок имел черную лощеную поверхность, укра-

шенную двойным зигзагом (рис. 1, 2). Декор в виде многорядных горизонтальных волнистых или зигзагообразных линий встречен на значительном количестве округлодонных сосудов с округлым плечиком из могильников на Аландских островах и в Юго-Западной Финляндии (Carpelan 1963: kuva 6, taulu 4; Kivikoski 1963: Taf. 12, 8; Kivikoski 1980: Pl. 17, 5; Lehtosalo-Hilander 1982a: pl. 33, G73, 8, 46, G115, 5, 52, II, 116, G386, 6; Lehtosalo-Hilander 1982b: 77; Lehtosalo-Hilander 2000: 83, 89, 97, Pl. 29, 4, 31, 4, 34, G822, 3). Представлены миски с подобным узором и среди финской керамики Бирки (Selling 1955: Taf. 34, 7, 35, 2-8).

В 2008 г. при работах экспедиции А. Н. Кирпичникова в раскопе 4, расположенном на Земляном городище, было встречено два тонкостенных обломка. Они обнаружены при исследовании остатков «большого дома», впервые

¹⁷ Д. Селлинг подобный узор называет «Bogenband», т.е. состоящая из дуг лент (Selling 1955: Abb. 4).

¹⁸ Фрагмент (САЭ-2003, № 98) обнаружен кв. З_{ХІХ} на гл. 1,07 м, при расчистке настила из тонких бревен (Кирпичников 2004: 267. Рис. 4). Обломок хранится в фондах Староладожского музея-заповедника.

выявленного в 2002 г. и датированного второй четвертью X в. (Кирпичников 2008а: 9–11, Кирпичников 2008б: 351–355). Один фрагмент принадлежал сосуду с непрофилированной несколько отогнутой наружу верхней частью¹⁹ (рис. 2, 9). Черепок имеет черную подложенную внешнюю поверхность, на которой сохранилась часть орнаментальной композиции. Она состоит из прямых и волнистых линий, нанесенных трехзубым штампом. По-видимому, этот обломок принадлежал к чашевидному изделию, имеющему выгнутое дно. Второй фрагмент, представляющий собой осколок такого дна²⁰ (рис. 2, 10), по многим внешним признакам можно отнести к тому же сосуду. Единичные экземпляры чашевидной формы с округлым или выгнутым дном встречены в могильниках Юго-Западной Финляндии (Lehtosalo-Nilander 1982a: pl. 36: G 76: 10; Lehtosalo-Nilander 1982b: fig. 22, 4, 8).

Заканчивая описание обломков округлодонных сосудов, обнаруженных при исследованиях Староладожского поселения, следует отметить находку в 1949 г. в напластованиях верхней части горизонта горизонта Д почти целой нижней части миски такой формы²¹ (рис. 1, 9).

Кроме фрагментов округлодонных изделий в культурном слое Старой Ладogi были также найдены осколки семи, по-видимому, плоскодонных керамических сосудов, имеющих прибалтийско-финское происхождение. Обломки двух из них имеют небольшие оттянутые валики, выступающие в качестве декоративного оформления перехода от плечика к нижней части тулова (рис. 2, 2, 3). Оба фрагмента найдены в 1950 г. при исследовании напластований

горизонта E₂ Земляного городища²². Черепки обладают черными хорошо обработанными внешними поверхностями со следами горизонтального лощения. Сосуды разных форм прибалтийско-финского происхождения, декорированные небольшими валиками, отмечены на территории Средней Швеции (Selling 1955: Taf. 36, 1, 4, 38, 1, 42, 4). Встречена керамика, украшенная таким образом, и на некоторых памятниках Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 50, табл. XI, 9), но наибольшее распространение орнаментация валиками приобрела в Северной Эстонии (Тамла 1983: 304, табл. XIII, 1–3, 5, 10; Moora 1955: joon. 20, 3; Schmiedehelm 1939: joon. 82, 84). Наличие валика послужило для В. Ланга основным признаком для выделения одного из типов посуды — третьего, самого многочисленного среди лощеной и подложенной керамики на городище и селище Иру (Lang 1985: 196, 201–205, joon.1, 8–14, 2, 3, tahv. II, 2, 4–6, III, IV, V, 1, 3; Lang 1996: 81–87, 109–111, joon. 26–29, 41). Самое близкое сход-

¹⁹ Обломок (САЭ-08, № 62) отмечен в кв. IX_{XVI} на гл. 0,35 м.

²⁰ Фрагмент (САЭ-08, № 44) найден в кв. K_{XII} на гл. 0,22 м. В этот же год в кв. L_{XVIII} на гл. 0,15 м был зафиксирован тонкостенный обломок стенки сосуда (САЭ-08, № 2) с черной подложенной с внешней стороны поверхностью, на которой видны следы прочерченного орнамента. В силу маленького размера черепка реконструировать облик изделия, от которого происходит этот осколок, не представляется возможным.

²¹ Дно (Ла 272 — ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр.9: 272) обнаружено в кв. T_{8–10} на гл. 0,47–0,71 м при зачистке под (? Очевидно, над. — А. П.) деревом горизонта Д (Опись 1949: 178).

²² Один фрагмент (Лс 426) зафиксирован в кв. Ф₇, А₇ в слое гумуса на гл. 1,07–1,17 м (Полевые описи 1950: 24). У «большого дома», немного ниже его уровня (СЛЭ 1950: 21). Второй (Лс 504) встречен в кв. P_{3–4} на гл. 1,19 в развале камней (Полевые описи 1950: 29). ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 10: 426, 504.

ство со староладожскими фрагментами имеет обломок изделия, найденного при раскопках укрепленного поселения Асва, расположенного на о. Сааремаа в Северо-Западной Эстонии (Lõugas 1967: 88, 89, joon. 5, 3).

Небольшие осколки верхних частей двух тонкостенных слабопрофилированных сосудов были орнаментированы отпечатками шнура. Они имели черные, хорошо заглаженные со следами лощения поверхности. Один из фрагментов найден в III раскопе 1938 г. при разборке культурного слоя на уровне остатков построек нижней части горизонта Д²³ Земляного городища (рис. 2, 1). Второй — происходит из коллекции, полученной при исследованиях в 1976 г. на Варяжской улице (рис. 2, 4)²⁴. Этот обломок зафиксирован на уровне 14 штыва, и по дендродатам его можно отнести к концу IX в. (Черных 1996: 118). Черепки еще одного чернолощеного слабопрофилированного горшка, украшенные двумя поясками из волнистых линий, нанесенными трехзубым штампом (рис. 2, 5), встречены в 1948 г. при разборке напластований горизонта Д²⁵. Близкие аналогии этим староладожским сосудам имеются среди керамики группы АIII памятников Средней Швеции (Selling 1955: Taf. 40, 2, 3, 41, 1, 42, 1, 43, 1) и Северной Эстонии (Schmiedehelm 1939: joon. 85). По-

хожие по профилировке изделия известны также в Юго-Западной Финляндии (Carpelan 1963: taulu 11, 13, 16; Cleve 1978: Pl. 18, 289; Kivikoski 1951: 29, Taf. 119, 958, 959; 1973: 130, Taf. 114, 1027, 1028; Lehtosalo-Hilander 1982a: pl. 16, 20, 64, 2, 68, G280, 10, 85, G324, 9; Lehtosalo-Hilander 2000: pl. 13, G523, 5). Для этой территории, как уже отмечалось, характерно декорирование сосудов шнуровыми отпечатками. Широко распространена здесь также и посуда, украшенная волнистым узором, — 17–25 % от орнаментированных экземпляров (Lehtosalo-Hilander 1982b: 84)²⁶. Поэтому, хотя большая часть плоскодонных слабопрофилированных горшков ЮгоЗападной Финляндии представляют собой толстостенные, сделанные из довольно грубого материала изделия, сосуды, обломки которых найдены в культурном слое Старой Ладоги, скорее всего, были изготовлены в этом регионе. По-видимому, то же происхождение имел и небольшой плоскодонный сосудик, фрагмент тулова которого обнаружен в 1948 г. при расчистке остатков дерева сооружения горизонта Д²⁷ Земляного городища (рис. 2, 8). Черепок имеет черную лощеную внешнюю поверхность. На уровне плечика сохранились остатки орнаментальной композиции, украшавшей изделие, — два горизонтальных шнуровых отпечатка.

²³ Фрагмент (13/3693 — ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 264: 1423) найден в кв. 7, 8, 18 (В_{II-III}, Г_{III}) на гл. 0,93 м (Опись 1938: 104; СЛЭ 1938: 8, 15).

²⁴ Обломок (САЭ-76, ЛП1/425) найден в кв. К₇ на глубине 2,60–2,80 м.

²⁵ Фрагменты (Сл 326) встречены в кв. Ф_V, У_V, Т_V на гл. 0,6–0,7 м и (Сл 352) в кв. У_I, Ф_I на гл. 0,65–0,8 м. ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 8: 326, 352. При этом первый обломок залегал на уровне сооружения (СЛЭ 1948: 16), отнесенного С. Л. Кузьминым к IX ярусу застройки Земляного городища, дати-

рованного им 950–970-ми гг. (Кузьмин 2000: 53, 54, табл. 12).

²⁶ Следует отметить, что П.-Л. Лехтосало-Хиландер под термином «волнистые линии» объединяет также орнамент в виде «зигзагообразного» и «арочного» фриз, поскольку они иногда встречаются в одном и том же узоре (Lehtosalo-Hilander 1982b: 76).

²⁷ Фрагмент (Сл 1424 — ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 8: 1424) происходит из кв. О_{V1} с гл. 0,7 м, с уровня сооружений X яруса, по С. Л. Кузьмину (СЛЭ 1948: 8, 39; Кузьмин 2000: 54, табл. 13).

Очень похожий сосудик, только декорированный прочерченными линиями, встречен в погребении 451 Бирки (Selling 1955: Taf. 42, 6).

Наконец, в 2004 г. в раскопе 3 в напластованиях, относящихся к 860–880 гг. (Кирпичников 2006: 227, 228), найдены обломки профилированного, по всей вероятности, плоскодонного сосуда²⁸ (рис. 2, 7). Черепки имеют в основном серо-бурую, местами светло-коричневую внешнюю поверхность со следами лощения. Сосуд был украшен по плечу орнаментальной композицией, состоящей из ряда пересекающихся косых крестов, обрамленного сверху небольшим валиком, а снизу прочерченной прямой линией. Причем кресты выполнены не зубчатым штампом, а инструментом с приостренным концом. Небольшой тонкостенный подлощенный фрагмент с аналогичным крестообразным орнаментом был зафиксирован в 1950 г. при разборке отложений горизонта E₃²⁹ Земляного городища (рис. 2, 6). Полных аналогий описанному староладожскому сосуду найти не удалось. Более или менее близкие по форме глиняные изделия можно встретить Среди древностей эпохи викингов Северной Эстонии (Lang 1985: joon.1, 6–8, tahv. II, 3,

V, 1, 2; 1996: joon. 25, 28, 7, 8, tahv. XXI, 1, 2; Vassar 1939: joon. 29, 30, 57), Аланских островов (Kivikoski 1963: Taf. 19, 1; 1980: Pl. 12, 3) и Средней Швеции (Selling 1955: Taf. 38, 7). Украшение посуды небольшими валиками, как уже отмечалось, характерно для памятников Северной Эстонии. В керамической коллекции городища Иру представлен обломок сосуда, украшенного композицией из косых крестов с кружками, ограниченным, как и ладожские сосуды, валиком и прямой линией (Lang 1985: tahv. IV, 1; 1996: joon. 29, 3). Фрагмент венчика, декорированного рядом прочерченных перекрещивающихся косых крестов, заключенных между двойными прямыми линиями, имеется среди находок из средневекового поселения Куусалу III в Северной Эстонии (Краут 1980: табл. XVIII, 2). Аналогичная композиция украшает сосуд, происходящий из каменного могильника с оградками у д. Поанзе в Западной Эстонии, который датирован автором раскопок рубежом эр или I в. н. э. (Mandel 1978: Taf. VII, 2). Поясок из крестов, правда выполненный отпечатками шнура, присутствует на керамическом изделии одного из погребальных комплексов Аландских островов (Dreijer 2000: fig. 2). Некоторые сосуды из могильников Юго-Западной Финляндии и о. Сааремаа, а также горошки с городищ Варбола Северо-Западной Эстонии и Талсы в Латвии украшены прочерченным орнаментом в виде косой сетки, обрамленной прямыми линиями (Aroalho 1978: liite 8; Carpelan 1963: kuva 3, 34, 35, taulu 20, 1; Kivikoski 1939: Taf. XXXVIII, 6; Kustin 1962: 94, 95, tahv. XV, 3, 6, 8, 10; Lehtosalo-Hilander 1982a: pl. 12, 28; Lehtosalo-Hilander 2000: pl. 4, 9, 9, 12; 20, G 668, 8; Mägi 2002: pl. 12, 6,

²⁸ Фрагменты происходят из слоя навоза со щепой: в кв. E_{XVI} на гл. 1,30 м (САЭ-04, № 51), в кв. E_{XV} на глубине 1,38 м (САЭ-04, № 53) и на настиле на гл. 1,45 м (САЭ-04, № 95). Они хранятся в фондах Староладожского музея-заповедника.

²⁹ Фрагмент (Лс 997 — ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 10: 997) зафиксирован в кв. С₉ на гл. 1,53–1,70 м в слое гумуса со щепой и навозом (Полевые описи 1950: 60). Он залегал на уровне сооружений (СЛЭ 1950: 39), которые (постройки 1 и 2) О. И. Давидан отнесла ко второму, среднему пласту горизонта E₃ Староладожского городища (Давидан 1976: 102, 108, 110, Ф. 3, 6). С. Л. Кузьмин включил одну из этих построек (III-10) в III ярус, датированный им 780–800-ми гг. (Кузьмин 2000: 59, табл. 6).

25, 2, 43, 2, 58, 1, 2, 60, 1, 63, 1; Moora 1955: joon.24, 5; Cimermane 1974: 107, 5 att. 1; Цимермане 1980: рис. 5, 32). Нельзя не упомянуть, что прочерченные пояса из пересекающихся косых крестов являются частью декора некоторых раннесредневековых гончарных горшков западных славян (Handbuch 2001: Taf. 267, 1-3, 268, 7, 271, 2, 272, 7, 279, 5, 287, 7, 308, 2; Selling 1955: Taf. 5, 5, 30, 10). Тем не менее весь комплекс имеющихся данных позволяет предположить для рассматриваемого

сосуда прибалтийско-финское, скорее всего эстонское, происхождение.

Таким образом, при раскопках Староладожского поселения были найдены обломки двух десятков сосудов, находящих аналогии среди раннесредневековых древностей Эстонии, Юго-Западной Финляндии и Швеции. Древнейшие обломки лощеных изделий происходят из отложений горизонта Е₃, датированных концом VIII — началом IX в. В незначительном количестве

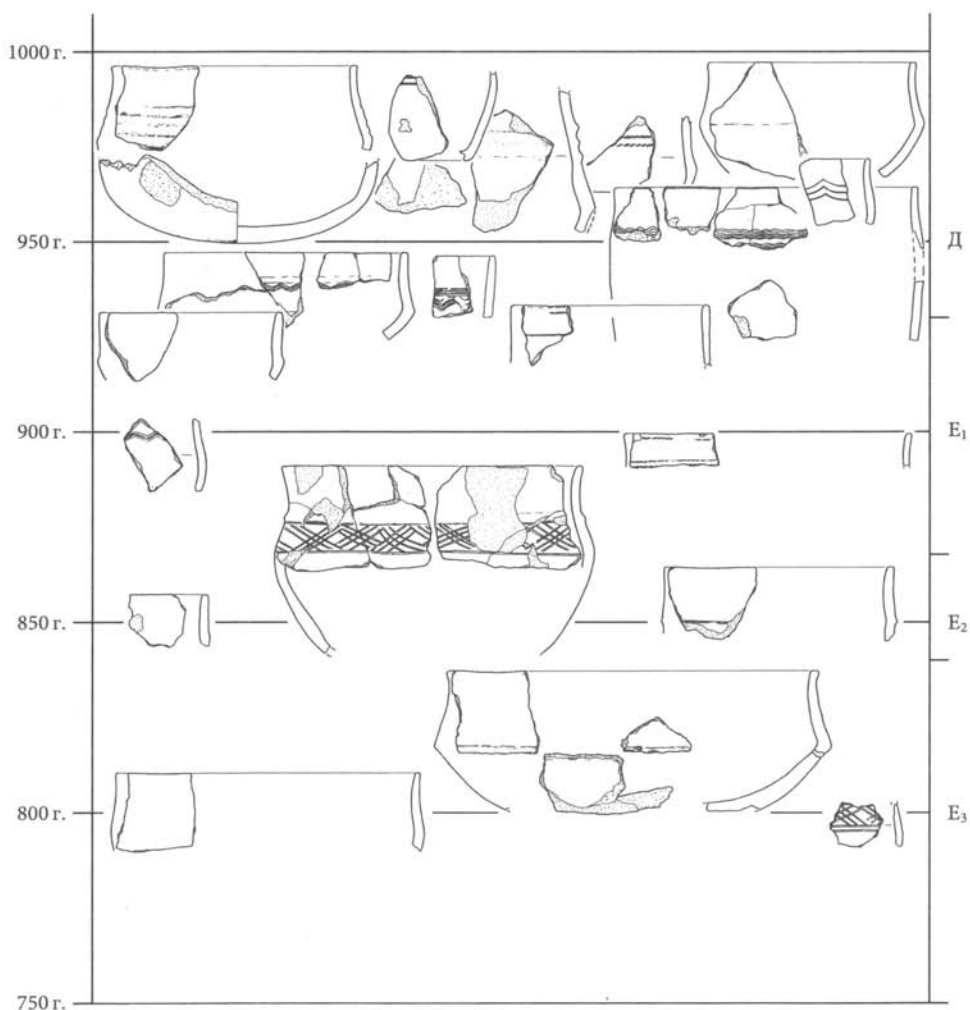

Рис. 3. Хронологическое распределение прибалтийско-финской посуды из Старой Ладогы

прибалтийско-финские сосуды встречены также в горизонтах E₂ и E₁, а наибольшее их число связано с отложениями горизонта D (рис. 3).

В отличие от Рюрикова городища, где найдены части семи однотипных мисок, зафиксированные старолadoжские фрагменты принадлежали изделиям, различающимся по профилировке, орнаментации, а также, очевидно, и месту изготовления. Последнее заключение было проверено методами естественных наук. Анализу было подвергнуто 46 образцов от сосудов, происходящих из культурного слоя Земляного городища Старой Ладogi. Среди отобранных фрагментов представлены как экземпляры грубых лепных кухонных горшков, в том числе и «ладожского типа», являющихся, очевидно, продуктом местного производства, так и обломки разнообразной посуды, для которой предполагалось импортное происхождение. Во вторую группу входило и двенадцать образцов от изделий, имеющих аналогии в древностях прибалтийских финнов. С помощью рентгено-спектрального флуоресцентного анализа был изучен количественный состав главных порообразующих элементов керамики. Его результаты были обработаны методами математической статистики. Факторный анализ химического состава образцов, выполненный М. А. Кульковой, показал, что, во-первых, тесто лощеных сосудов отличается от материала основной массы местной керамики и, следовательно, эти изделия были произведены не на Старолadoжском поселении, а во-вторых, оно существенно разнится у исследованных обломков прибалтийско-финской керамики (рис. 4). Последнее является

отражением несхожести по геохимическим характеристикам сырья, из которого была изготовлена эта посуда. Этот факт, наряду с морфологией, подтверждает предположение о том, что рассматриваемые изделия были привезены в Нижнее Поволховье из различных регионов Восточной Балтики.

Не простой проблемой является установление пути поступления керамики западных финнов в Южное Приладожье. По-видимому, она была завезена на волховские берега путешествующими по «восточному пути» купцами-воинами, причем не в качестве товара, а в составе предметов личного обихода. Не случайно, что первое появление прибалтийско-финских изделий в Старой Ладoge совпадает со временем становления Волжского пути, связавшего народы Балтики со странами Востока (Рябинин 1995: 59; Кузьмин 2000: 64). Интересно также, что часть обломков рассматриваемой посуды найдена в напластованиях, связанных с ладожскими «большими домами», служившими, по мнению исследователей, постоянными дворами для купеческих артелей (Кирпичников 2007: 213, 214; Рябинин, Черных 1988: 93, 98, 99; Рябинин 2002: 21, 27). Археологические материалы, полученные при раскопках Старой Ладogi, однозначно свидетельствуют о пребывании в ней скандинавов. Как известно, основной морской путь IX–XIII вв., связывающий центральную Швецию с Русью, шел мимо Аландских островов к юго-западному побережью Финляндии, оттуда через «Эстонское море» в окрестности Таллина, а далее вдоль густонаселенного южного берега Финского залива к устью Невы (Шаскольский 1954). Трасса этого пути удивительно совпадает с местами находок

одного из редких образцов скандинавских украшений — равноплечных фибул типа Вальста (Носов, Хвощинская 2007: 13–15, рис. 3). В своем движении «на восток» викинги грабили население прибрежных поселений и/или вели с ним торговлю, запасались продовольствием для дальнейшей дороги. При этом на корабли в качестве военной добычи или контейнеров для хранения продуктов могли попасть и лощеные финские сосуды, отличающиеся в лучшую сторону от посуды скандинавских гончаров.

Конкретный пример действий викингов в Прибалтике, закончившихся появлением на судне керамического изделия местных мастеров, имеется в одной из родовых исландских саг — «Сага об Эгиле». В ней описана исто-

рия, происшедшая с главным героем в Курляндии (Сага об Эгиле 1956: 141–145). Поторговав полмесяца с местными жителями, люди Эгиля стали совершать нападения на поселки в разных местах побережья. В одном из набегов герой с товарищами попадает в плен к куршам. Сбежав из него, скандинавы попали туда, где «хранились сокровища бонда — драгоценные вещи и много серебра». В то время как все викинги, нагрузившись ими, пошли на корабль, «Эгиль взял большой кувшин для браги и понес его под мышкой». В дальнейшем он заявил спутникам, что хочет оставить этот сосуд как «добычу предводителя». Это решение героя не вызвало у них удивления. По крайней мере, сага об этом не сообщает. Хотя

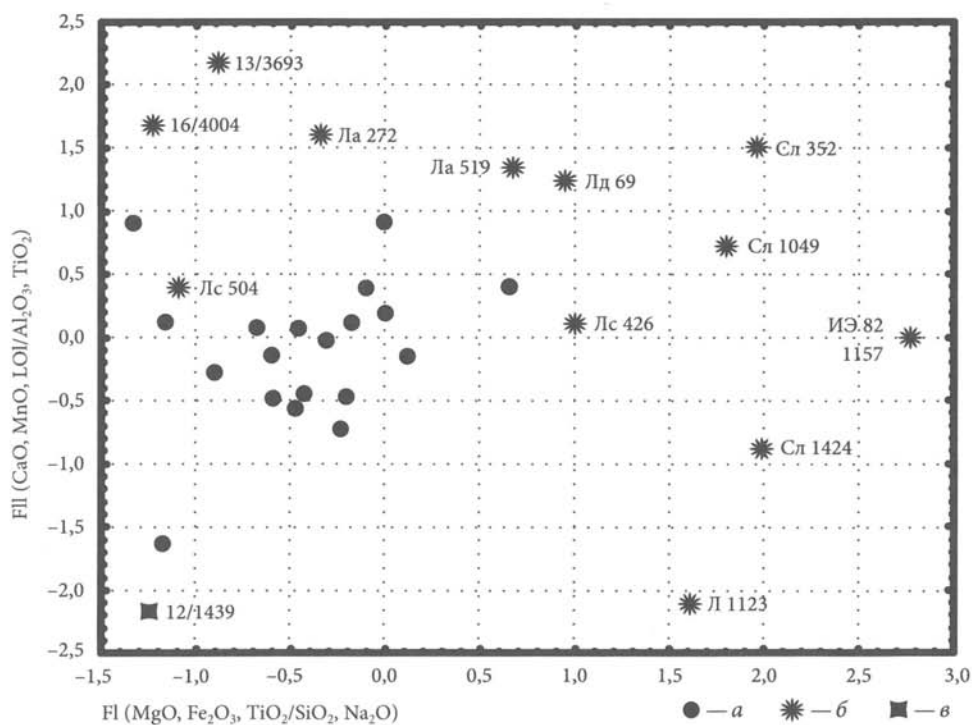

Рис. 4. Распределение образцов по данным факторного анализа химического состава образцов: а — «местная» керамика; б — прибалтийско-финская посуда; в — пермско-финская чаша

викинги не знали о том, что кувшин «был полон серебра».

Конечно, записанная в XIII в. сага только частично отражает историческую действительность X в., однако она довольно реалистично передает атмосферу описываемой эпохи (Сага об Эгиле 1956: 13–17). Поэтому очевидно, что большая часть описанных выше сосудов оказалась на Староладожском поселении при посредничестве скандинавов. Несомненно, что среди приплывающих в Нижнее Поволхье участников военно-купеческих экспедиций были и представители прибалтийских финнов³⁰. Об этом свидетельствует наличие среди староладожских материалов роговых изделий, характерных для эстонских древностей. Но немногочисленность типично финских предметов, в том числе и привозных керамических сосудов, среди вещевых находок Старой Ладogi не позволяет говорить об интенсивных прямых контактах жителей этого поселения с прибалтийско-финскими племенами.

В отличие от изделий западных финнов опознать во фрагментированных материалах памятника продукцию финно-угров, обитавших к востоку от Южного Приладогья значительно сложнее. Это обусловлено тем, что для соседних верхневолжских территорий, заселенных этими племенами, так же как для нижнего Поволжья, характерны грубые лепные плоскодонные горшки довольно широко распространенных форм. Отличия в керамике этих регионов проявляются в основном на уровне различной представленности в коллекциях раскопанных памятников сосудов со схожими профилировками и пропорциями. Скорее всего, не помо-

гут в определении изделий восточных финнов среди посуды Староладожского поселения и методы естественных наук, поскольку маловероятно, чтобы примитивные кухонные горшки в силу их не очень большой прочности, а также значительного веса могли перевозиться на большое расстояние при путешествии по речным путям Восточной Европы. Очевидно, что при необходимости нужные глиняные емкости изготавливались представителями финно-угорских этносов на месте. О присутствии таковых в Старой Ладогe свидетельствуют некоторые элементы и композиции декора на лепной посуде, отмеченные Т. Б. Сениченковой (Сениченкова 1998а: 20; Сениченкова 2002: 106).

Единственный известный нам в староладожских материалах обломок привозного финно-угорского керамического изделия происходит из предметниковых отложений II раскопа 1938 г., находившегося в середине прибрежной части Земляного городища³¹. Этот фрагмент представляет собой часть стенки чашевидного сосуда, украшенного сложной трехъярусной орнаментальной композицией. Она образована сочетанием из ряда отпечатков фигурного штампа четырехугольной формы, трех горизонтальных линий, выполненных

³⁰ Вопрос об участии финнов в купеческих экспедициях на Восток ставился П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Лехтосало-Хиландер 1979: 90, 92).

³¹ Фрагмент (ГЭ, ОАВЕС, Оп. хр. 12: 1439) найден в кв. 10 при расчистке остатков деревянного провалившегося сооружения (Боброва 1938: 69). В. И. Равдоникас отметил, что в этом раскопе, из-за ям и провалов, образовавшихся в результате добычи со стороны берега кварцевого песка, «наблюдается смещенная стратиграфия слоев» (Равдоникас 1949: 10). Г. П. Гроздилов писал о наличии в раскопе культурных напластований начиная с IX–X вв. (Гроздилов 1938: 9, 15).

зубчатым штампом, и ряда треугольников, повернутых вниз вершиной, состоящих из подковообразных вдавлений (рис. 2, 11). На внутренней стороне черепка видны грубые следы от заглаживания поверхности зубчатым орудием. Гончарная масса обломка содержит значительную примесь дресвы. Чашевидные сосуды с максимальным расширением в нижней части изделия и плавным переходом от тулова к округлому или уплощенному днищу представлены в комплексах второй половины IX–XI в. ряда средневековых памятников Белозерья, Ярославского Поволжья и Юго-Восточного Приладожья (Макаров 1982; 1983; 1991: 142–144; Спиридонов 1986: 26, рис. 2, 12). Н. А. Макаров по профилировке верхней части выделил среди посуды этого вида поселения Крутик три типа. Староладожскую находку, судя по отогнутой, утолщающейся к краю шейке, можно отнести к варианту А типа I (Макаров 1982: 126, рис. 1; 1983: 20, рис. 1, 1–5). Как уже отмечалось исследователями, большое число аналогий чашевидным сосудам Волго-Шекснинского района, как по формам, так и по орнаментальным композициям, имеется в камско-вычегодских древностях. При этом жители этого региона, в отличие от финно-угров Верхнего Поволжья, пользовались подобной керамикой уже с эпохи раннего железа (Макаров 1982: 125, 129, 130; 1983: 23, 24). По мнению Н. А. Макарова, появление чашевидных сосудов, наряду с другими восточнофинскими предметами, на средневековых памятниках северо-восточной окраины Древней Руси можно объяснить «проникновением небольших групп пермского населения далеко на запад» (Макаров 1983: 24). При этом ис-

следователь полагает, что эти находки следует считать не результатом исключительно традиционных внутрифинских контактов, а явлением, связанным с продвижением в Прикамье разноразличного населения Северной Руси (Макаров 1989: 61). Судя по результатам рентгено-спектрального флуоресцентного анализа, найденный на Земляном городище обломок, принадлежал изделию, изготовленному вдали от устья Ладожки (рис. 4). Пока трудно установить точный маршрут, по которому этот продукт пермско-финского керамического производства поступил в Нижнее Поволжье (Макаров 1982: 130; 1991: 162). Возможно, появление чашевидного сосуда в Старой Ладого, так же как употребление для орнаментации некоторых глиняных изделий поселения элементов и композиций декора, характерных для Белозерского и Камского-Вычегодского регионов, обусловлено функционированием Сухоно-Вычегодского торгового пути (Сениченкова 2002: 107), хотя об его использовании ранее XI в. данных и не имеется (Макаров 1989: 61; 1991: 162).

Итак, среди материалов, полученных при исследованиях древнейших отложений Староладожского поселения, представлены разнообразные изделия, в том числе и глиняные, происходящие из различных регионов обширного финно-угорского мира. Некоторые предметы свидетельствуют о присутствии представителей этой языковой семьи в конце I тыс. н. э. среди жителей Нижнего Поволжья. Однако немногочисленность подобных находок говорит скорее о вовлечении финских племен, наряду с другими народами, в трансъевропейскую торговлю, чем об интенсивных прямых контактах с ладожанами.

Источники

- Акт 1947* — Акт № 102 передачи в Гос. Эрмитаж находок из раскопок в Старой Ладоге 1947 г. и описи к нему // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 78.
- Боброва 1938* — Боброва А. С. Дневник археологических исследований в Старой Ладоге в 1938 г. Раскоп № 2 // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 191.
- Гроздилов 1938* — Гроздилов Г. П. Отчет о работе экспедиции за 1938 г. (черновой вариант) // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 199.
- Опись 1938* — Опись находок Староладожской экспедиции. Коллекция № 13. Земляное городище на берегу р. Волхов. Раскоп III (основной раскоп к северу от раскопа Н. И. Репникова). 1938 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 195.
- Опись 1939* — Опись № 5 к акту № 753 от 24.1955 г. коллекции № 16 материалов из раскопок в Старой Ладоге в 1939 г. (поступила из ЛГУ) // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 152.
- Опись 1949* — Опись археологических находок из раскопок в Старой Ладоге в 1949 г. к акту № 43. Староладожская археологическая. Нач. В. И. Равдоникас // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1949. Д. 137.
- Опись 1958* — Опись вещевого материала из раскопок в Старой Ладоге (Земляное городище) в 1958 г. Староладожская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР. Руководитель В. И. Равдоникас // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 12.
- Опись 1975* — Опись керамики. Старая Ладога 1975 г. Левый берег р. Ладожки. Раскоп № 1 // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1975. Д. 165.
- Полевые описи 1950* — Полевые описи находок из раскопок Земляного городища в Старой Ладоге в 1950 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 120.
- СЛЭ 1938* — Староладожская экспедиция. Полевые чертежи 1938 г. // РА ИИМК РАН. Ф. Р-1. Д. 1360.
- СЛЭ 1948* — Староладожская экспедиция. Полевые чертежи и рисунки 1948 г. // РА ИИМК РАН. Ф. Р-1. Д. 1061.
- СЛЭ 1950* — Староладожская экспедиция. Полевые чертежи и рисунки 1950 г. // РА ИИМК РАН. Ф. Р-1. Д. 1376.

Литература

- Архипов 1973* — Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола. 1973.
- Аун 1976* — Аун М. Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. // Известия АН ЭССР. Т. 25. Общественные науки. № 4. 1976.

- Аун 1992* — Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин. 1992.
- Белецкий 1996* — Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб. 1996.
- Белецкий, Лесман 2005* — Белецкий С. В., Лесман Ю. М. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова) // *Stratum plus*. № 5. 2003–2004. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2005.
- Бобринский 1978* — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. 1978.
- Голубева, Кочкуркина 1991* — Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск. 1991.
- Давидан 1962* — Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. № 4. Л. 1962.
- Давидан 1971* — Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник XVI. Таллин. 1971.
- Давидан 1973* — Давидан О. И. Антропоморфные и зооморфные изображения из Старой Ладogi // VI Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. Таллин. 1973.
- Давидан 1976* — Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. № 17. Л. 1976.
- Давидан 1980* — Давидан О. И. Бронзолитейное дело в Ладoge // АСГЭ. № 21. Л. 1980.
- Давидан 1986* — Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII–IX веков // АСГЭ. № 27. Л. 1986.
- Иванова 1979* — Иванова М. Г. Хозяйство северных удмурдов в начале II тыс. н.э. Ижевск. 1979.
- Кирпичников 1985* — Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладoga (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.
- Кирпичников 1995* — Кирпичников А. Н. Ладoga VIII–X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб. 1995.
- Кирпичников 2004* — Кирпичников А. Н. Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2003 г. // Старая Ладoga. Первая международная археологическая экспедиция-школа. СПб. 2004.
- Кирпичников 2006* — Кирпичников А. Н. Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 году // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. Реформы в России. XVI — начало XX в. СПб. 2006.
- Кирпичников 2007* — Кирпичников А. Н. Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладogi с Балтийским регионом и странами Востока (по данным раскопок 2002 г.) // Северная Русь и народы Балтики. СПб. 2007.

- Кирпичников 2008a* — Кирпичников А. Н. Археологические исследования в Старой Ладоге в 2007 г. (краткие итоги) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб. 2008.
- Кирпичников А. Н.* Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2008. Революционный терроризм и русская революция. Спб.
- Кондратьева 1981* — Кондратьева О. А. Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА. № 166. 1981.
- Корзухина 1965* — Корзухина Г. Ф. Этнический состав населения древнейшей Ладоги // Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М. 1965.
- Краут 1980* — Краут А. Спасательные раскопки поселения позднего железного века в Куусалу // Известия АН ЭССР. Общественные науки. № 4. 1980.
- Кузьмин 2000* — Кузьмин С. Л. Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII–X вв. // Stratum plus. № 5. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2000.
- Лави, Соколовский, Соколовски 1983* — Лави А., Соколовский В., Соколовски М. Исследования 1981–1982 гг. в Олуствере // Известия АН ЭССР. Общественные науки. Т. 32. № 4. 1983.
- Ланг 1992* — Ланг В. О финских влияниях на Северо-Западе Эстонии в I тыс. н. э. // Древности славян и финно-угров. СПб. 1992.
- Лебедев 2005* — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб. 2005.
- Леонтьев 1996* — Леонтьев А. Е. Археология мери. К предьстории Северо-Восточной Руси. М. 1996.
- Лехтосало-Хиландер 1979* — Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л. 1979.
- Лопатин 2006* — Лопатин Н. В. О различных концепциях культурно-хронологического определения лепной керамики Труворова городища // Изборск и его округа. Материалы II Международной научно-практической конференции). Изборск. 2006.
- Макаров 1982* — Макаров Н. А. Камско-Вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск. 1982.
- Макаров 1983* — Макаров Н. А. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // КСИА. № 175. 1983.
- Макаров 1985* — Макаров Н. А. Орнаментака белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. № 2. 1985.
- Макаров 1989* — Макаров Н. А. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и в Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмурдов. Ижевск. 1989.

- Макаров 1991* — Макаров Н. А. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск. 1991.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005* — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (Новые материалы и исследования). СПб. 2005.
- Носов, Хвоцинская 2007* — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Связи населения центрального Приильмения с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб. 2007.
- Петренко 1984* — Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. 1984.
- Плоткин 1981* — Плоткин К. М. Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков. 1981.
- Плохов 1995* — Плохов А. В. Об одном редком типе лепной посуды Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород. 1995.
- Равдоникас 1949* — Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. № XI. 1949.
- Рябинин 1995* — Рябинин Е. А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналоги) // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтениям, посвященным памяти А. Мачинской. СПб. 1995.
- Рябинин 2002* — Рябинин Е. А. Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. 2002.
- Рябинин, Черных 1988* — Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1. 1988.
- Сага об Эгеле 1956* — Сага об Эгеле // Исландские саги. М. 1956.
- Сениченкова 1998a* — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 1998.
- Сениченкова 1998б* — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб. 1998 // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2-Д. 1998. Д. 563.
- Сениченкова 2002* — Сениченкова Т. Б. Орнаментация ладожской керамики VIII–X вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.
- Спиридонов 1986* — Спиридонов А. М. Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // КСИА. № 187. 1986.

- Станкевич 1950* — Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. По материалам раскопок 1947 г. // СА. № XIV. 1950.
- Станкевич 1951* — Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi. (По материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. № XV. 1951.
- Тамла 1983* — Тамла Т. Селище в Пада // Известия АН ЭССР. Общественные науки. Т. 32. № 4. 1983.
- Тараканова 1951* — Тараканова С. А. Псковские курганы с трупосожжением // КСИИМК. № XXXVI. 1951.
- Тараканова 1954* — Тараканова С. А. Длинные и удлиненные курганы // СА. № XIX. 1954.
- Хвоцинская 2004* — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтове). СПб. 2004.
- Хирвилуото 1979* — Хирвилуото А.-Л. Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов // Финно-угры и славяне. Л. 1979.
- Цимермане 1980* — Цимермане И. Р. Керамика I тысячел. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // Из древнейшей истории балтийских народов. Рига. 1980.
- Черных 1996* — Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М. 1996.
- Шаскольский 1954* — Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX–XIII вв. // Географический сборник. Т. III. 1954.
- Шмидехельм 1959* — Шмидехельм М. Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Труды прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. I. М. 1959.
- Aroalho 1978* — Aroalho J. Lieto-Haimionmäki: Nuoremmanrautakauden polttokenttäkalmisto Aurajokilaaksossa // Karhunhammas 2. Nurun yliopisto. Kulttuurien tutkimuksen laitos. Suomalainen ja vertaileva arkeologia. Moniste 3. Turku. 1978.
- Brorsson 2001* — Brorsson T. Behind the pottery — signs of trade across the Baltic Sea // Novgorod. Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland. British Museum Occasional Paper 141. London. 2001.
- Carpelan 1963* — Carpelan C. Euran, Köyliön ja Yläneen viikinkiaikainen ruumiskalmistojen viikinkiaikainen keramiikka. Laudaturtutkielma Suomen ja Pohjoismaiden arkeologiassa / Рукопись хранится на кафедре археологии Университета Хельсинки. 1963.
- Cimermane 1974* — Cimermane I. Spodrinātā keramika Latvijā // Arheolōģija un etnogrāfija XI. Riga. 1974.
- Cleve 1978* — Cleve N. Skelettgravfältet på Kjuloholm i Kjulo. II. Vikingatid och korstågstim. Gravfältet C // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska fornminnesföreningens tidskrift. XLIV: 2. Helsingfors. 1978.

- Drejjer 2000* — Drejjer M. En åländsk fågelnål // *Åländsk Odling* 60. Årsbok. 2000.
- Handbuch 2001* — Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa / Schriften des Archäologischen Landesmuseums 6. Neumünster. 2001.
- Hulhén, Brorsson 2007* — Hulhén B., Brorsson T. Viking Age and early Medieval pottery in Western Russia // *Archäologisches Korrespondenzblatt* 37.4. 2007.
- Kivikoski 1939* — Kivikoski E. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska fornminnesföreningens tidskrift XLVIII. Helsinki. 1939.
- Kivikoski 1951* — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und Text. II. Helsinki. 1951.
- Kivikoski 1963* — Kivikoski E. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki. 1963.
- Kivikoski 1973* — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki. 1973.
- Kivikoski 1980* — Kivikoski E. Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska fornminnesföreningens tidskrift 80. Helsinki. 1980.
- Kustin 1962* — Kustin A. Randvere kivikalmistu Saaremaal // *Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik* II. Tallinn. 1962.
- Lang 1985* — Lang V. Iru linnuse peenkeramika V–X sajandil // *Известия АН ЭССР. Общественные науки*. Т. 34. № 2. 1985.
- Lang 1991* — Lang V. Ühe savinõutuübi ajaloost Loode-Eestis // *Muinasaja teadus*. I. Arheoloogiline kogumik. Tallinn. 1991.
- Lang 1996* — Lang V. Muistne Rävåla. Muistsed, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas / *Muinasaja teadus* 4. Tallinn. 1996.
- Lehtosalo-Hilander 1982a* — Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari I. The Graves / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska fornminnesföreningens tidskrift 82: 2. Helsinki. 1982.
- Lehtosalo-Hilander 1982b* — Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari II. The Artefacts / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska fornminnesföreningens tidskrift 82: 2. Helsinki. 1982.
- Lehtosalo-Hilander 2000* — Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari IV. Luistari — A History of Weapons and Ornaments / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska fornminnesföreningens tidskrift 107. Helsinki. 2000.
- Luik 2005* — Luik X. Kammikujulised luu- ja pronksripatsid Eestis // X. Luik. Luu- ja sarvesemed eesti arheoloogilises leiumaterjalis vikingiajast keskajani. *Dissertationes archaeologiae Universitatis Tartuensis* 1. Tartu. 2005.
- Mandel 1978* — Mandel M. Über die Ausgrabungen der Tarandgräber von Poanse // *Известия АН ЭССР. Общественные науки*. № 1. 1978.
- Mägi 2002* — Mägi M. At the crossroads of space and time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel), 9th–13th centuries AD. Tallinn. 2002.

Moora H. 1955. — Moora H. 1955. Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s // Muistsed asulad ja linnused. Arheoloogiline kogumik. I. Tallinn. Lk. 46–94.

Moora 1967 — Moora T. Tarbja kivikalmed Paide lähedal ja Põhja-Eesti tarandkalmete keraamika // Известия АН ЭССР. Общественные науки. Т. XVI. № 3. 1967.

Selling 1955 — Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm. 1955.

Schmiedehelm 1939 — Schmiedehelm M. Kuusalu Pajulinn // Muistse Eesti linnused. 1936.–1938. a. Uurimiste tulemused. Tartus. 1939.

Vassar 1939 — Vassar A. Iru Linnapära // Muistse Eesti linnused. 1936–1938. A. Uurimiste tulemused. Tartus. 1939.

CONTACTS BETWEEN THE LADOGA POPULATION AND FINNO-UGRIAN TRIBES IN THE 8th–10th CENTURIES (According to Ceramic Evidence)

A. V. Plokhov

Among the archaeological materials obtained during investigations of the most ancient deposits of the Staraya Ladoga settlement, diverse artefacts from various regions of the Finno-Ugrian world are represented. The ceramic collections from the site also contain finds of that provenance. Two dozen vessels uncovered in fragmentary state during excavations at Staraya Ladoga, have the closest parallels among antiquities of the Baltic Finns. The oldest examples come from the layer of the late 8th — early 9th century although the most numerous fragments have been recovered from the deposits of the 10th century. The sherds recorded belong to pottery differing in profiles, ornamentation as well as in its provenance as suggested by results of x-ray fluorescent analysis. The links of Staraya Ladoga inhabitants with the Finnish tribes populating the regions east of the southern coast of Lake Ladoga are attested, in addition, by certain elements of decoration of the handmade pottery from the settlement under consideration, as well as by a fragment of a bowl-like vessel characteristic of the Kama-Vychegda antiquities. The uncommon rarity of the finds of Finno-Ugrian provenance in the lower reaches of the Volkhov River rather suggests the involvement of the Finnish tribes, together with the other peoples, in the trans-European trade, than their intensive direct contacts with Ladoga residents.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАСТЕРА НОВГОРОДСКОЙ КАМЕННОЙ РЕЗЬБЫ МАЛЫХ ФОРМ

К тому обстоятельству, что пластическое искусство Руси эпохи Средневековья ставит значительно больше вопросов, нежели дает ответов, можно было давно привыкнуть. Но, согласившись с правоммерностью такого положения дела, нам пришлось бы сознательно ограничиться полученной информацией, потенциально наделяя при этом известные образцы общими высокими характеристиками, независимо от их качественного уровня. Между тем последний остается важным показателем, игнорировать который не вправе ни один историк культуры, если только он не стремится к утверждению заранее заданных выводов. Анализ художественного произведения обычно создает предпосылки для более взвешенного его определения, а историко-культурный контекст позволяет увидеть его в качестве памятника своей эпохи.

Таким представляется изучение теоретически. Реальность оказывается более суровой, «подбрасывая» порой имитации и подделки, которые можно не всегда заметить в общей массе. Но если те или иные изделия «не вписываются в строку» — необходимо установить причины этого явления, чтобы не стать жертвой мистификации. Есть

такая угроза и при изучении каменных иконок, преобладающее большинство которых локализуется средневековым Новгородом.

Существующие обобщающие работы (Николаева 1960; 1983; Рындина 1978) надо воспринимать как этапы в изучении обширного и сложного материала. Без них ориентироваться в общей массе произведений было бы практически невозможно. Решая конкретные задачи, авторы работ могут давать свое истолкование явлений, не всегда совпадающее с иным взглядом на вещи. Отсюда разногласия в датировках и характеристиках, и к ним следует относиться с должным уважением, если только они не оказываются совершенно произвольными. Ведь даже самое оригинальное по стилю и манере исполнения произведение не изолировано от культуры своей эпохи, и любая самая тщательная по выполнению копия не идентична своему более раннему оригиналу. Столь же очевидна зависимость каменной резьбы от иконописного образца, наиболее отчетливо прослеживаемая на материале рельефных изображений святителя Николая (Пуцко 2007: 121–131).

Сюжетный репертуар новгородской мелкой каменной пластики име-

ет свои отличительные особенности, сказывающиеся в избирательности изображений (Пуцко 1995б: 78–81; 2008: 505–508). Можно отметить особую популярность паломнической тематики, особенно воспроизведений Гроба Господня (Пуцко 1998в: 159–183; 2006: 11–14), Спаса на престоле (Пуцко 2005б: 142–147), святых всадников (Пуцко 1998а: 105–115), семи спящих отроков эфесских (Пуцко 2008а: 8–12). За этим стоит локальная иконографическая традиция, обнаруживающая связи с порой весьма удаленными церковными и культурными центрами христианского мира. Иными словами, в новгородской миниатюрной каменной резьбе находили свое отражение явления, которые на первый взгляд вряд ли могли интересовать русских заказчиков этой художественной продукции, руководствовавшихся прежде всего благочестивыми побуждениями при тематическом отборе. И тем не менее они должны были видеть уже существующие образцы.

Еще сравнительно недавно казалось, что искусство художественной резьбы по камню пришло на Русь вместе с другими ремеслами в период распространения христианства. В соответствии с этими представлениями наиболее архаизирующие образцы мелкой каменной пластики с сакральной тематикой исследователи относили к XI–XII вв. Однако проверка обоснованности таких датировок привела к обескураживающим результатам (Пуцко 2003а: 89–95): ни одно из ремесленных изделий несомненно местного происхождения не может быть датировано ранее чем началом XIII в. Данный вывод, конечно, не исключает проникновение в

XII в. византийского художественного импорта, в том числе в Новгород (Седова 1994: 90–94). Становление мелкой пластики в Киеве приходится на первые десятилетия XIII в., будучи обусловлено притоком весьма квалифицированных греческих мастеров константинопольского происхождения (Пуцко 1996: 376–390; 1998б: 305–319). Некоторые из византийских ремесленников, по видимому, трудились в указанный период в Новгороде, о чем свидетельствуют произведения из археологических находок (Пуцко 2000б: 21–24). Но проследить начало местного производства удастся только с рубежа XIII–XIV вв. (Пуцко 2003в: 141–152), когда, в частности, был выполнен по образцу произведения византийско-киевской металлопластики начала XIII в. Перынский каменный крест (Пуцко 1999б: 164–172). Там же следует искать прототип резного каменного креста того же времени из Боровичей (Порфиридов 1963: 184–195; Пуцко 2001а: 147–150). Византийский компонент этой резьбы иногда обнаруживается настолько явно, что об отрицании участия греческих мастеров не может быть и речи (Пуцко, 2001: 149–156). Таким в самых общих чертах представляется генезис новгородской каменной пластики малых форм.

Стилистическая неоднородность новгородских каменных иконок неоднократно обращала на себя внимание исследователей. А. В. Рындина отметила значение в миниатюрной пластике XIII–XIV вв. наследия домонгольской скульптуры Северо-Восточной Руси и, определив соотношение новгородской и среднерусской пластики в конце XIII — первой четверти XIV в., выделила два направления в каменной резьбе

Рис. 1. Новгородские каменные иконки византизирующего стиля. XIII–XIV вв.

малых форм первой половины — середины XIV в. (Рындина 1978: 44–61). Теоретически вполне логичное построение схемы не могло, однако, не войти в противоречие с разнородностью самого материала, атрибуция которого в то время явно оставляла желать лучшего. Поэтому попутно разбросанные верные характеристики и тонкие замечания только осложняют общее восприятие процесса. Кажется совершенно непонятным, каким образом художественное ремесло одного русского центра XIV в. становится ареной борьбы или прихотливого соединения разнобразных направлений.

Становление местного стиля в новгородской каменной резьбе второй половины XIV в. рассматривалось в свете южнославянских контекстов (Рындина 1978: 62–84). Южнославянские параллели, как иконографические, так и стилистические, действительно существуют, обязанные общей византийской основе

и восточнохристианским течениям, находившим особый отклик в демократической среде. Мелкая пластика XV в., как справедливо замечено, в значительной мере развивается в атмосфере новгородско-московских взаимоотношений (Рындина 1978: 85–110). Т. В. Николаева предпочла разгруппировку материала по предлагаемым мастерским, продукция которых должна была отличаться в каждом отдельном случае преобладанием определенных сюжетов либо стилистических признаков (Николаева 1983: 25–34). Разумеется, эти признаки не всегда могут оказываться безусловными, но тем не менее ими нельзя пренебрегать, поскольку речь идет о почти не расчлененной массе изделий, требующей внимательного и осмотрительного подхода. Общее ее восприятие никак не исключает существование индивидуальных манер резчиков, в том числе — работавших одновременно.

Вопрос о том, какие именно резные каменные иконки следует признать новгородскими, решается, главным образом, благодаря их принадлежности к определенным типологическим и стилистическим сериям изделий. При этом принимается во внимание историческая связь с Новгородом, по крайней мере, некоторых подобных образцов. Надо заметить, что в ряде случаев условность локализации (Николаева 1983: 25–26) оказывается оправданной, как основанная на косвенных данных, учитывающих, скажем, лишь соответствие иконографическим схемам, распространение которых вряд ли ограничивалось исключительно Новгородом. Наконец, одной из средневековых реальностей была миграция мастеров

в поисках заказов. Насколько прочно они были «прописаны» в Новгороде — на этот вопрос не существует готового ответа. Но зато есть пример с трудом прослеживаемого генезиса одной из, казалось бы, типичных новгородских иконографических формул, как выясняется сложившейся в иной церковно-культурной среде (Пуцко 2000а: 204–212).

Отсутствие четких представлений об истоках и эволюции стиля новгородской каменной резьбы малых форм служило причиной того, что одни и те же изделия относили как к XII, так и к XIV в. (Порфиридов 1976: 256–257; Николаева 1983: 62–64; Сидоренко 1986: 135–148), хотя они в действительности отражают вполне определенный этап развития пластического искусства (рис. 1, 1–3). Отдавая предпочтение более ранней датировке, пришлось бы признать совершенно непонятное механическое перенесение в XIV в. не только стиля, но и индивидуальных манер из эпохи, когда на Руси в лучшем случае могли бытовать лишь образцы византийского художественного импорта. Своеобразным историческим парадоксом на первый взгляд может представиться новгородское происхождение преобладающего большинства ныне известных каменных иконок XIV–XV вв. В действительности этот феномен вполне объясним историческими и экономическими причинами, создавшими благоприятные условия для развития сакрального искусства и художественных ремесел в Новгороде. Исследователи новгородской иконописи приложили немало усилий для уяснения ее культурного контекста, а также ориентации конкретных мастеров

(Смирнова 1976: 61–144). Примечательно следующее наблюдение: «Новый стиль претерпел в Новгороде на протяжении XIV в. большую эволюцию. В развитии “византинизирующего” направления намечаются различные этапы и многообразные тенденции. Если народное, архаическое искусство менялось медленно, составляя стабильный фон новгородской культуры, то в основном течении наблюдается известная динамика» (Смирнова 1976: 136). Не происходит ли нечто подобное и в художественном ремесле, особенно в той его части, которая теснейшим образом связана с иконописью?

Казалось бы, естественнее всего увидеть в Новгороде продолжение традиций византийской художественной резьбы по стеатиту и сланцу, представленной утонченными образцами XII–XIII вв. (Kalavrezou-Maxeiner 1985). Однако известные единичные находки, скорее всего, являются предметами импорта (Седова 1994: 90–94). Более дис-

Рис. 2. Новгородские каменные иконки. XIII — начало XIV в.

кусионным оказывается происхождение резных каменных образков XIII в., отнесенных к продукции «мастерской с монументально-живописным стилем произведений» (Николаева 1983: 28–29, табл. 20): они могли быть выполнены посредственными греческими ремесленниками, как и иконки, обнаруженные в Галиче (Пекарская, Пуцко 1991: 136–137, ил. 7–10). Среди изделий, количественно преобладающих в стилистическом отношении, они занимают явно автономное положение, и их чужеродность трудно не заметить. Резьбу данной группы иконок надо признать вполне профессиональной, несколько архаизированной, по причине копирования более ранних оригиналов. В одном случае на это указывают и орнаментированные нимбы, получающие распространение в византийской пластике XII в.

Каменные иконки, локализуемые Новгородом, очень неодинаковы по мастерству исполнения, чему не следует удивляться, поскольку речь идет об индивидуальной резьбе. Многочисленность произведений, думается, все же не дает оснований говорить о факторе массовости, именно по указанной причине. Нам не известно происхождение первых новгородских резчиков по камню, но смело можно утверждать, что они появились здесь, уже обладая профессиональным опытом, связывавшим их со значительными художественными центрами. Иначе невозможно было бы появление в конце первой четверти XIII в. таких утонченных произведений, как иконка с изображением св. Димитрия Солунского между Козьмой и Дамианом (Пуцко 2000б: 21–22) и двусторонняя иконка с изображением

ми Распятия и избранных святых в кресте-мощевике Семена Золотилова (Пуцко 2002а: 66–72). Художественная зрелость резьбы заставляла исследователей датировать ее более поздним временем, несмотря на конкретные иконографические и стилистические признаки.

Итак, у истоков новгородской каменной резьбы малых форм отчетливо прослеживается присутствие греческих мастеров. В этом убеждают классицирующие формы, искусный рисунок, умело осуществляемая пластическая моделировка объемов, невысказанные при отсутствии устойчивой художественной традиции (Пуцко 2001б: 149–156). Что касается предшествующего этапа, то он оказывается практически синхронным этапу, прослеживаемому в Киеве (Пуцко 2005а: 42–58). Следовательно, искусство художественной обработки камня в течение XIII в. постепенно входило в обиход Новгорода, прежде чем стать одним из местных ремесел. Показательно, что упрощенные варианты усвоенных композиций, образующих своеобразные серии, появляются лишь на последующих этапах развития резьбы: неизбежный результат фольклоризации.

В связи с рассматриваемым процессом особый интерес представляет продукция «мастерской с чертами романо-готической пластики и византийской иконографии» (Николаева 1983: 29–30). Речь идет об элитарных произведениях каменной пластики, требующих свободного владения резцом (рис. 2, 1–4). Если это было свойственно местным резчикам по камню уже в конце XIII– начале XIV в., то новгородское художественное ремесло

вскоре вступило бы в полосу высоко-го расцвета. Между тем более высокой точки развития новгородская резьба по камню никогда не знала. Откуда в ней, в продукции конкретной мастерской появляется столь впечатляющее соединение византийской иконографии с чертами романо-готической пластики? Произошло ли оно на почве самого Новгорода или было занесено извне? Изучение материала в контексте византийских памятников убеждает в том, что речь должна идти о последствиях крестовых походов и культурном наследии Латинской империи на Востоке (Пуцко 2002в: 87–102). К их проявлениям, в частности, относится и получивший известность в новгородских каменных иконках иконографический мотив парных святых всадников, имеющий аналоги в византийских иконах, выполненных для крестоносцев (Пуцко 1998а: 105–115). Впрочем, нельзя сказать, что продукция мыслимой мастерской оказывается строго определенной сочетанием византийской иконографии с западными художественными стилями. В этом легко убедиться на примерах пластической интерпретации деисусной композиции (рис. 3, 1–7). Многие зависело также от образца и индивидуальной манеры резьбы, в значительной мере обуславливавшей качественный уровень изделий (Пуцко 2008б: 133–140; 2008в). При всех локальных отличиях новгородские каменные иконки этой стилистической группы, в сущности, не отделены от палеологовской пластики, ярким образцом которой служит икона праздников в монастыре Ватопед на Афоне (Kalavrezou-Maxeiner 1985: 217–218, pl. 69).

Явление византийской художественной культуры, перенесенное на русскую почву, не могло долго сохранять свои отличительные свойства. Начинаясь процесс его адаптации. Показателен пример композиции вологодской иконы тронной Богоматери с Младенцем и предстоящими святителями, заменившими фигуры донаторов (Пуцко 1995а: 152–163). Нечто подобное происходит и в новгородской каменной резьбе XIV в.: различные манеры, определяемые Т. В. Николаевой как признаки продукции различных мастерских, логичнее трактовать в качестве индивидуальных особенностей, свойственных конкретным рез-

Рис. 3. Деисус в новгородской каменной резьбе. XIV в.

чикам. Их порой отличает тенденция к усилению декоративности, к плоскому рельефу. Распределить материал по отдельным мастерам практически невозможно, хотя формальные черты (такие, как обобщенные формы и их схематизация) явно обращают на себя внимание. В ряде случаев возникает вопрос относительно подлинности изделий, особенно подозрительно поврежденных в самых ответственных местах. Трудно представить мастерские или даже отдельных мастеров, специализировавшихся на изготовлении иконок лишь с определенным сюжетом. Произведения с одинаковой иконографией только в немногих случаях образуют стилистические серии, позволяющие предполагать их принадлежность резцу одного ремесленника. Резьба не всегда одинаково искусная, но большей частью весьма тщательная, без проявления той нарочитой небрежности, которая придает изображению шаржированный характер. Несомненно, в каждом случае учитывали требования заказчика, соответствовавшие его эстетическим вкусам.

Нельзя также не заметить, что каменные иконки, традиционно датированные XIII в., более разностильные, чем изделия XIV в., отражающие индивидуальные манеры местных новгородских ремесленников. Их сравнительно немного, и, к сожалению, невозможно установить их хронологическое соответствие по причине отсутствия датирующих признаков. В немногих случаях это позволяют сделать ювелирные оправы, если только они не намного позже каменной резьбы.

Из всех отмеченных стилистических групп изделий, кроме уже рассмотрен-

ной, надо выделить группу, отнесенную Т. В. Николаевой к продукции «мастерской с живописно-пластической лепкой фигур, с символическими и патрональными изображениями» (Николаева 1983: 31). Речь идет о каменных иконках с отличающимися хорошей моделировкой тяжеловесными фигурами (рис. 4, 1–7). Правда, в одном случае на оборотной стороне помещена довольно схематизированная композиция (рис. 4, 1), находящая аналогию в еще более упрощенном варианте (рис. 4, 2). И все же часть этих иконок с большой долей вероятности может быть отнесена к творчеству одного резчика, более иных воспринявшего византизирующие образцы. Передать изысканность образцов, конечно, было не в его силах.

Важно понять динамику развития новгородской каменной резьбы малых форм, а это удастся с трудом, может быть, по причине относительно слабой изученности материала. На ранних этапах встречаются высокие образцы, вышедшие из рук замечательных мастеров. Затем наступает пора фольклорного осмысления источника, принесенного извне, хотя, похоже, буквально где-то рядом работают и более опытные резчики, способные, по крайней мере, заметно приблизиться к высоким оригиналам. Это, в свою очередь, позволяет дать пластическую интерпретацию живописных икон, в том числе — с многофигурной композицией. На рубеже XIV–XV вв. в новгородской пластике, как и в современной ей византийской, замечается некоторая дробность. Манера каменной резьбы отчасти утрачивает свою специфику и поэтому воспринимается как подобие деревянного рельефа. Па-

раллельно с этим усиливается стилизация, уплощенный рельеф получает, по сути, графическую обработку. Начинают появляться воспроизведения византизирующих московских иконописных оригиналов. Вся эта сложная эволюция практически укладывается примерно в полтора столетия. Ее

выразителями становятся несколько поколений новгородских мастеров, занятых выполнением резных каменных иконок. Их произведения, при всем своем разнообразии, различны по профессиональному уровню. И, что не менее существенно, в их резьбе прослеживается неодинаковое понимание

Рис. 4. Новгородские каменные иконки. XIV в.

художественных форм: от живописного рельефа до плоскостно-графической трактовки с трудом вписанных в пространство сцен или отдельных фигур. Новгородская резьба по камню, бесспорно, была примечательным явлением, хотя и не принадлежала к числу ремесел, освещаемых в письменных источниках (Рыбина 2008а: 167–171).

Анонимное творчество эпохи Средневековья делает характеристику ее мастеров по необходимости слишком общей, сводя ее к выделению тех или иных тенденций. И только самые яркие индивидуальные манеры позволяют уверенно сгруппировать определенное количество работ (Пуцко 2002б: 276–289). Но и в этих случаях почти всегда остается место для сомнений и особенно для мелочной и придирчивой критики, редко подсказывающей реальный выход. Дискуссионность отдельных положений иногда неизбежна, особенно если произведение не вписывается ни в один из типологических рядов, характеризующих локальную традицию. Возникает проблема культурного контекста и широкого исторического фона, без учета которых определение памятника невозможно (Пуцко 2003б: 203–214). Для новгородской мелкой каменной пластики нельзя исключать самые противоречивые явления, оказывающиеся в местных условиях одинаково закономерными. С одной стороны, при-

сутствует определенная типологическая «серийность», а с другой — следы несомненного знакомства с византийской или христианской палестинской культурой. По этой причине мастера-резчики одинаково внимательны как к уже усвоенным, так и к указанным заказчиками новым чужеземным моделям, подвергаемым ими затем в процессе работы определенной адаптации. Наконец, сказывается и материал, из которого изготовлен образец. И в таких случаях появляется несколько непривычная для каменной резьбы фактура рельефа, более свойственная металлопластике или деревянным изделиям.

Фонд новгородских каменных иконок постоянно увеличивается за счет новых находок и получающих известность коллекционных экземпляров, обычно депаспортизированных. Среди обнаруженных произведений оказываются как имеющие аналогии, так и дающие ранее неизвестные типологические варианты (Пуцко 1999а: 72–81). Некоторые из них требуют монографического изучения. Вместе с тем неизменно актуальным остается общее представление о новгородской мелкой каменной пластике и об ее средневековых мастерах. Мы не можем назвать их по именам, но сохранившиеся рельефные образки остаются ярким свидетельством их творческих поисков и профессионального уровня.

Литература

Николаева 1960 — Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск. 1960.

Николаева 1983 — Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // САИ. Е1–60. М. 1983.

- Пекарская, Пуцко 1991* — Пекарская Л. В., Пуцко В. Г. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия. Киев. 1991.
- Порфиридов 1963* — Порфиридов Н. Г. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры. Каменный крест из Боровичей // Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М. 1963.
- Порфиридов 1976* — Порфиридов Н. Г. Мелкая каменная скульптура Древней Руси // Средневековая Русь. М. 1976.
- Пуцко 1995a* — Пуцко В. Г. Вологодская икона тронной Богоматери и проторенессансная живопись Италии // «Послужить Северу...». Историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда. 1995.
- Пуцко 1995b* — Пуцко В. Г. Сюжеты новгородских каменных икон // Церковная археология. Ч. 2. СПб.; Псков. 1995.
- Пуцко 1996* — Пуцко В. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII–XIII вв. // *Byzantinoslavica*. Т. LVII. Prague. 1996.
- Пуцко 1998a* — Пуцко В. Г. Святые всадники в новгородской каменной пластике // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога. 1998.
- Пуцко 1998b* — Пуцко В. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // *Byzantinoslavica*. Т. LIX. Prague. 1998.
- Пуцко 1998в* — Пуцко В. Г. «Гроб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35). СПб. 1998.
- Пуцко 1999a* — Пуцко В. Г. Неизвестная каменная пластика древнего Новгорода // Древности Пскова. Псков. 1999.
- Пуцко 1999b* — Пуцко В. Г. Перынский каменный крест // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. 1999.
- Пуцко 2000a* — Пуцко В. Загадочные явления в новгородской каменной пластике // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Великий Новгород. 2000.
- Пуцко 2000b* — Пуцко В. Каменные иконки из археологических раскопок Новгорода // София. № 4. 2000.
- Пуцко 2001a* — Пуцко В. Г. Византийская модель в новгородской каменной резьбе // Восток — Россия — Запад: мировые религии и искусство. СПб. 2001.
- Пуцко 2001b* — Пуцко В. Г. Византийско-новгородские каменные иконы // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб. 2001.
- Пуцко 2002a* — Пуцко В. Г. Крест Семена Золотилова: мемория Дмитрия Донского? // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. II. Тула. 2002.
- Пуцко 2002b* — Пуцко В. Г. Индивидуальная манера резьбы в каменной пластике средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь. 2002.

Пуцко 2002в — Пуцко В. Г. Новгородские каменные иконки XIV в. «романского» стиля // Староладожский сборник. Вып. 5. СПб. — Старая Ладога. 2002.

Пуцко 2003а — Пуцко В. Г. Русские ранние каменные иконки. (К вопросу о начале художественной резьбы малых форм) // Уваровские чтения — IV. Муром, 14–16 апреля 1999 г. Муром. 2003.

Пуцко 2003б — Пуцко В. Г. Резная каменная иконка новгородского круга (о генезисе двухъярусной композиции с Деисусом) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь. 2003.

Пуцко 2003в — Пуцко В. Г. Новгородская каменная резьба на рубеже XIII–XIV вв.: становление традиции // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб. 2003.

Пуцко 2005а — Пуцко В. Київська пластика початку XIII століття // Студії мистецтвознавчі. Ч. 3 (11). Київ. 2005.

Пуцко 2005б — Пуцко В. Г. Об одной группе каменных икон Спаса на престоле // АВ. № 12. СПб. 2005.

Пуцко 2006 — Пуцко В. Каменные паломнические иконки из Новгорода // София. № 2. 2006.

Пуцко 2007 — Пуцко В. Г. Русские иконы святителя Николая по данным мелкой каменной пластики XIII–XV веков // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре и искусстве. М. 2007.

Пуцко 2008а — Пуцко В. Новгородские каменные иконки с включением изображений семи спящих отроков эфесских // София. № 2. 2008.

Пуцко 2008б — Пуцко В. Г. Резная иконка в Ельце: Деисус в новгородской каменной пластике XIV века // АВ. № 15. М. 2008.

Пуцко 2008в — Пуцко В. Г. Сюжетная резьба в художественном ремесле средневекового Новгорода // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М. 2008.

Рыбина 2008 — Рыбина Е. А. Свидетельства о ремесле в новгородских берестяных грамотах // Дньєслово. Київ. 2008.

Рындина 1978 — Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV веков. М. 1978.

Седова 1994 — Седова М. В. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г. Новгород. 1994.

Сидоренко 1986 — Сидоренко Г. В. Ранний памятник древнерусской мелкой пластики // Русское искусство XI–XIII веков. М. 1986.

Смирнова 1976 — Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М. 1976.

Ralavrezou-Maxeiner 1985 — Ralavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien. 1985.

MEDIEVAL MASTERS OF THE NOVGOROD STONE-CARVING OF SMALL FORMS

V. G. Putsko

The stylistic irregularity of Novgorod small stone icons attracted the attention of researchers not once. At the origins of the Novgorod stone carving of small forms, one can distinctly trace the presence of Greek artists. However, the phenomenon of the Byzantine artistic culture transferred onto the Russian soil could not have preserved its distinctive features for long: the process of its adaptation was beginning. At the early stages one finds the examples that left the hands of remarkable masters. Then the period of trying to find the purport of the art adopted from the outside starts. Plastic interpretations of painted icons, including examples with a multi-figured composition appear. At the turn between the 14th and 15th century, one notes certain divisibility in the Novgorod plastics as well as in the contemporary Byzantine ones. Reproductions of Moscow painted originals began to appear. The works of Novgorod artists given all their diversity differ much in their professional level, unequal understanding of the artistic forms: from the painted relief to planar-graphical treatment.

ИТОГИ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ГЕРМАНАРИЕ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ КОЛЬЦЕВЫХ ГОРОДИЩ В МОЛДОВЕ

На общем фоне древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье выделяется ярко выраженным своеобразием культура кольцевых городищ типа Екимауцы — Алчедар, характеризующаяся специфическими в этом регионе фортификацией, домостроительством, керамическим комплексом, вещевым инвентарем и обрядом захоронений (Рабинович, Рябцева 2009). Первоначальный и при этом наиболее выразительный материал дали раскопки городищ Екимауцы и Алчедара, проведенные Г. Б. Федоровым еще в 1950–1960-е гг. (Федоров 1953а; 1953б; 1960; 1965; 1966; 1968; 1973). Тем более значимыми оказались результаты последних археологических исследований на недавно открытом в Молдове городище кольцевого типа Германарие.

Городище Германарие находится в культурно-исторической микроне «Арионешты — Рудь — Новая Татаровка» в Сорокском районе Республики Молдова, выше г. Сороки вверх по течению Днестра, в 1,5 км к северо-западу от села Новая Татаровка (рис. 1). Памятник был открыт в 1990 г. М. Е. Ткачуком. Он принадлежит к типу кольцевых городищ, отнесенных П. А. Раппопортом вместе с подобными памятниками на Южном Буге к первой группе

круглых городищ. Они отличаются по конструктивным особенностям укреплений и топографическим условиям месторасположения от других круглых городищ Западной Руси. Эта группа днестровско-бужских городищ отдалена от районов локализации трех других групп круглых городищ, территориально между собой соседящих (Раппопорт 1967: 196, рис. 153).

В 1990–1993 гг. были произведены первые раскопки на посаде городища Германарие. Было открыто 3 жилища полуземляночного типа и 8 сыродутных горнов-домниц для выплавки железа. В основном все исследованные сооружения, как и в целом культурный слой, относятся к X–XI вв. (Sava, Manzuga, Tscaciuc, Kurciatov, Bubulici, Rabinovici, Guchin, Alaiba, Badau-Wittenberger 1995). В 2008 г. были возобновлены раскопки на памятнике: на территории посада исследованы жилища полуземляночного типа и несколько очажных ям.

Полученные раскопками материалы, керамика, вещевой инвентарь и особенно ювелирные украшения вновь заставляют обратить пристальное внимание на проблему происхождения культуры кольцевых городищ в Молдове.

Говоря о наиболее важных отличиях в керамическом комплексе городищ

Екимауцы — Алчедар от древнерусской культуры Молдовы в целом, отметим, что на кольцевых городищах типа Екимауцы-Алчедар найдены «воротникообразные» или «бутылкообразные» сосуды, типичные для западнославянской керамики (Древняя культура 1974: 121, рис. 39; Федоров 1960: табл. 60, 4; Хынку 1971: 86-87, рис. 7). Типично для керамики этих памятников и наличие слюды в тесте. Например, на поселении Алчедар керамика с большей при-

месью слюды составляет свыше 90 %, а на расположенном неподалеку другом значительном древнерусском поселении — сложно-мысовом городище Глинжены II, всего 8 %. (Равдина 1988: 59; Гольцева, Кашуба 1995: 49). На других древнерусских поселениях этот процент еще меньше.

Раскопки 2008 г. на поселении Германарие дали значительное число находок керамики, содержащей слюду в тесте. Найдены и фрагменты «бутылко-

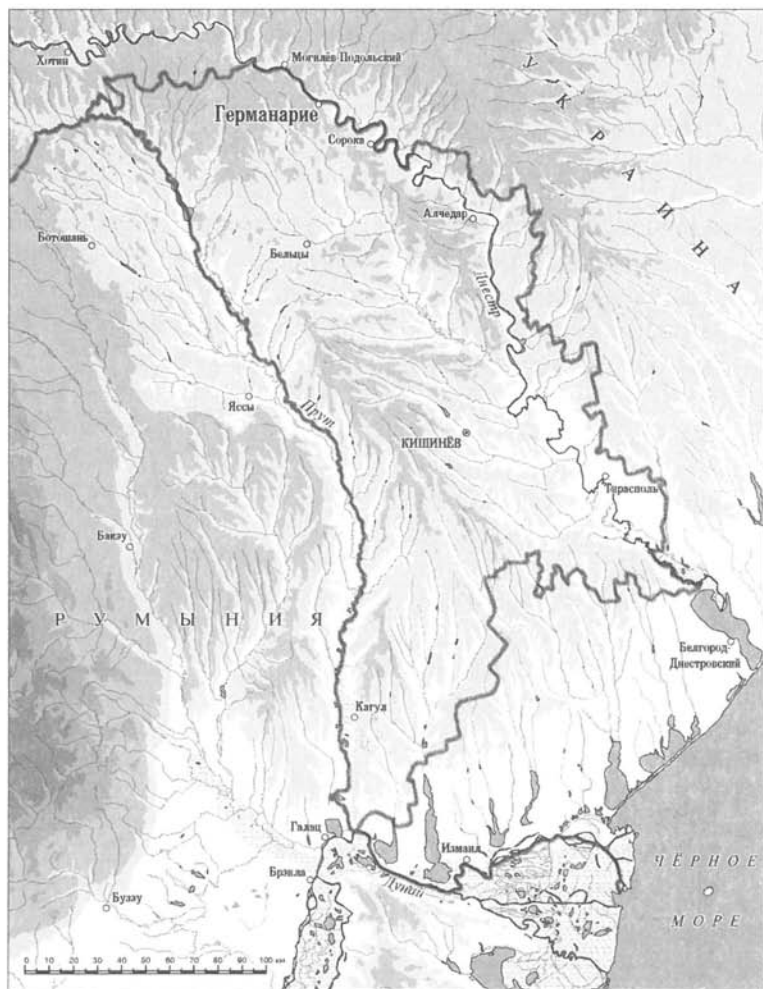

Рис. 1. Молдова. Расположение городища Германарие

образных» сосудов западнославянского типа (рис. 2, 1). Вещевой материал представлен разнообразными изделиями из камня, кости и рога. Особенно много вещей из железа: ножи, скальпель, подпружные пряжки, подковообразная фибула, кресала, зубила, ювелирное зубильце, наконечники стрел (рис. 2).

По сравнению с другими древнерусскими памятниками Пруто-Днестровья кольцевые городища типа Екимауцы-Алчедар в целом выделяются концентрацией предметов оружия, снаряжения всадника и коня. Среди этих вещей встречаются предметы, характеризующиеся ярко выраженной этнокультурной диагностичностью, указывающей на инородное происхождение, — алчедарская шпора «каролингского типа» с ромбовидным шипом, на которую специальное внимание обратил Анатолий Николаевич Кирпичников, наконечник ножен сабли, аналогичный венгерским древностям, поясной набор и, конечно же, втульчатые одно- и двушипные и втульчатые шиловидные наконечники стрел. Последние единицами встречаются в Восточной Европе, а на Екимауцах и в Алчедаре они найдены в количестве 70 и 90 экз. соответственно (Федоров 1960: 284; 1953: 106, 109; Рафалович 1972: 185; Кирпичников 1973: 57, 64, 108; Равдина 1988: 56, 66; Медведев 1966: 57; Рабинович 1997: 13; Rabinovici 2002).

Раскопки Екимауц и Алчедара дали значительную коллекцию наконечников стрел — более 400 разнообразных экземпляров, относящихся почти к тридцати типам, по классификации А. Ф. Медведева (Rabinovici 2002). Поэтому не удивляет, что даже небольшие раскопки на городище Германарие предоставили уже 8 железных наконечни-

ков стрел. Среди них втульчатые двушипные, черешковые: лавролистные с граненым черешком без упора; ромбические без упора; ромбовидные без упора и расширением в нижней трети длины пера; секторовидные срезни; граненые бронебойные ланцетовидные трехгранные без валика на шейке; узкие шиловидные или пирамидальные квадратного и ромбического сечения с перехватом у черешка с закрученностью (эффект сверла) в средней части, относящиеся или близкие к типам 2, 40, 47, 55, 63, 75.1, 95 по классификации А. Ф. Медведева (Медведев 1966). Большая часть из найденных на Германарие наконечников аналогична найденным на городищах Екимауцы и Алчедар.

По сравнению с многочисленными предметами из железа, найденными на Германарие, ювелирные украшения на этом фоне не слишком многочисленны — всего две находки. Однако они уникальны для средневековых памятников на территории Республики Молдова и весьма наглядно характеризуют культурный контекст формирования древностей, присущих кольцевым городищам данного региона.

Безусловно, наиболее яркой находкой в этом контексте является серебряный перстень с тисненым полусферическим щитком, декорированным зернью (рис. 3, 2, 4, 1). Перстень выполнен очень тщательно с применением техникковки, тиснения, пайки, скани и зерни. Конструктивно украшение состоит из четырех основных деталей. Довольно высокий щиток перстня изготовлен из двух частей — тисненого колпачка и полого цилиндрика, свернутого из полоски серебра. Колпачок декорирован радиально расположенной зерне-

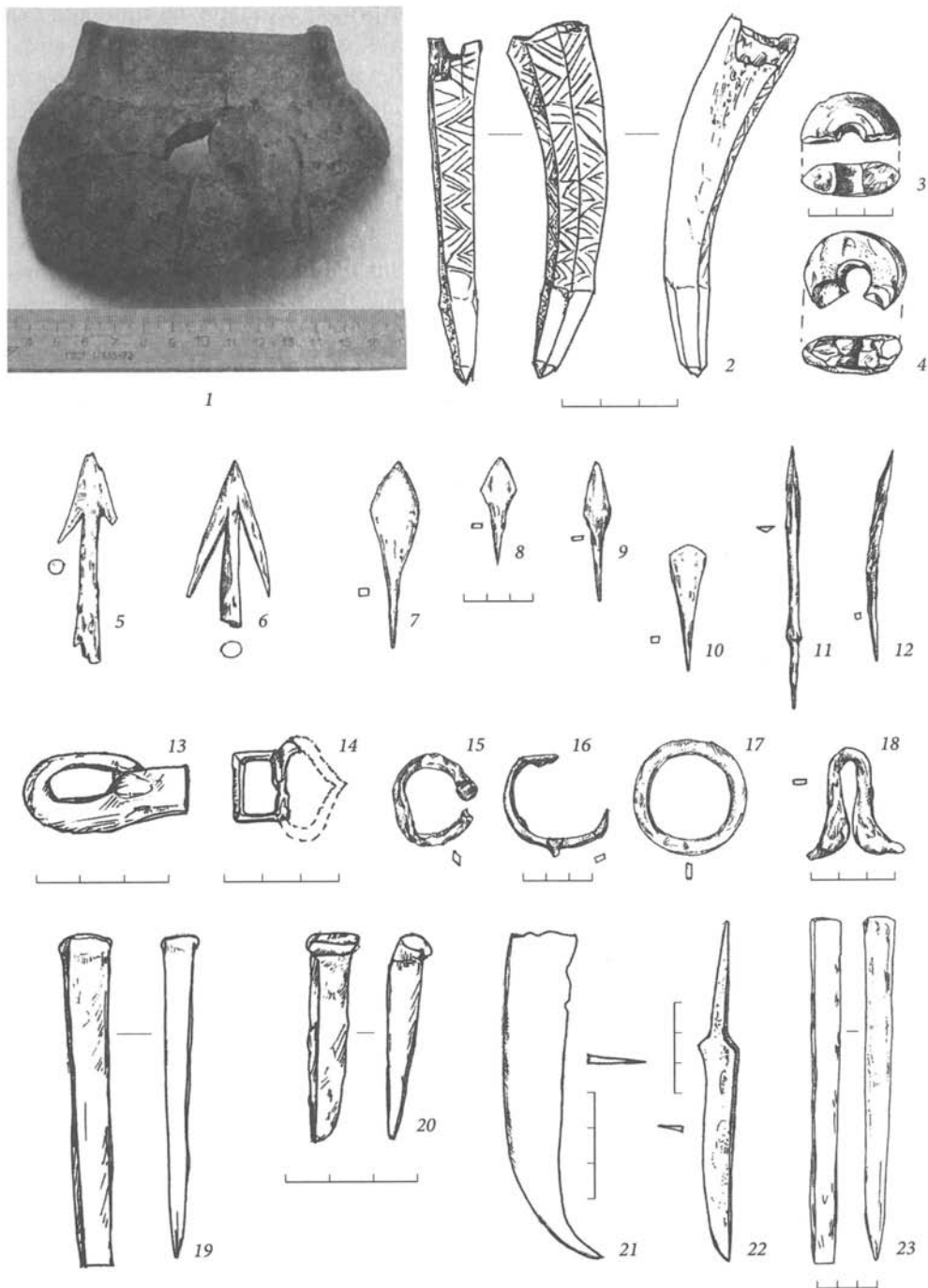

Рис. 2. Керамика и предметы из железа, бронзы, рога и камня с посада городища Германарие

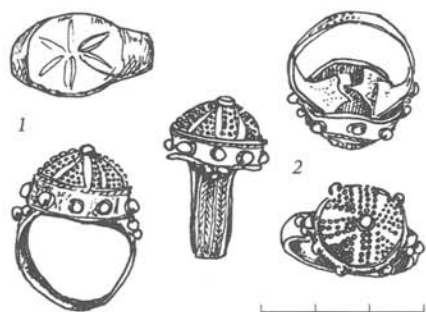

Рис. 3. Перстни с посада
городища Германарие:
1 — медный сплав, 2 — серебро

вой композицией. В центре — крупный серебряный шарик, припаянный к проволочному колечку. От шарика крестообразно расходятся четыре полосы зерни. Вероятно, во всех полосах должно было быть по три ряда зерни, но произошел сбой в размещении композиции, поэтому в одной полосе содержится только два ряда зерни. Между полосами зерни выложены зерновые треугольники, обращенные вершинами к центру. Цилиндрик, служащий своеобразным постаментом для тисненой части украшения, декорирован крупными серебряными шариками, припаянными на проволочные колечки. Место спайки колпачка и цилиндрика прикрыто нитью проволоки и декорировано сканью. На шов от спайки цилиндрика и «донышка» щитка перстня напаяна более толстая проволока. Пластинчатая шинка перстня заведена под это «дно», причем концы дужки не сходятся друг с другом. В настоящее время «дно» фрагментировано. Шинка по краям и в центре декорирована полосами проволоки, между которыми напаяно по два ряда скани, создающие эффект косички. Декор цилиндрика расположен таким образом, что один

из серебряных шариков припаян над местом присоединения дужки, а на самой дужке расположена пирамидка из крупной зерни. Вокруг нее сохранилось несколько шариков мелкой зерни.

Наиболее близкие аналогии (рис. 4, 3, 4) перстню с Германарие содержатся в кладе, найденном в 1954 г. при раскопках крепости Диногетия в Румынии (Dinogetia 1967: 277, 278, fig. 167). В этом комплексе содержатся византийские монеты XI в., а вещевую часть клада составляют три перстня с тиснеными щитками и один цельнолитой, два перстневидных височных кольца (одно витое из нескольких дровот, другое — плетеное), пара серебряных позолоченных височных колец типа Темпельгоф и пара витых серебряных браслетов с миндалевидными щитками, декорированными чернью. Кроме того, в составе клада найдены и предметы быта. Дополняли клад ножик и подборка овручских пряслиц.

В кладе из Диногетии представлены два серебряных перстня с тиснеными щитками, декорированными по той же схеме, что и у перстня из Германарие. Щитки у этих перстней чуть более высокие, чем у аналогичного украшения из Молдовы, треугольники зерни на них увенчаны зерновыми крестиками. Композиция щитка по нижнему краю обрамлена нитью скани. Шинки этих перстней несколько более широкие, на них уместилось три ряда сканных косичек.

Кроме того, в этом же кладе был найден уникальный золотой перстень, у которого полусферический щиток, усыпанный зернью, приподнят над шинкой двумя рядами «стенок», украшенных проволочными «арочками»

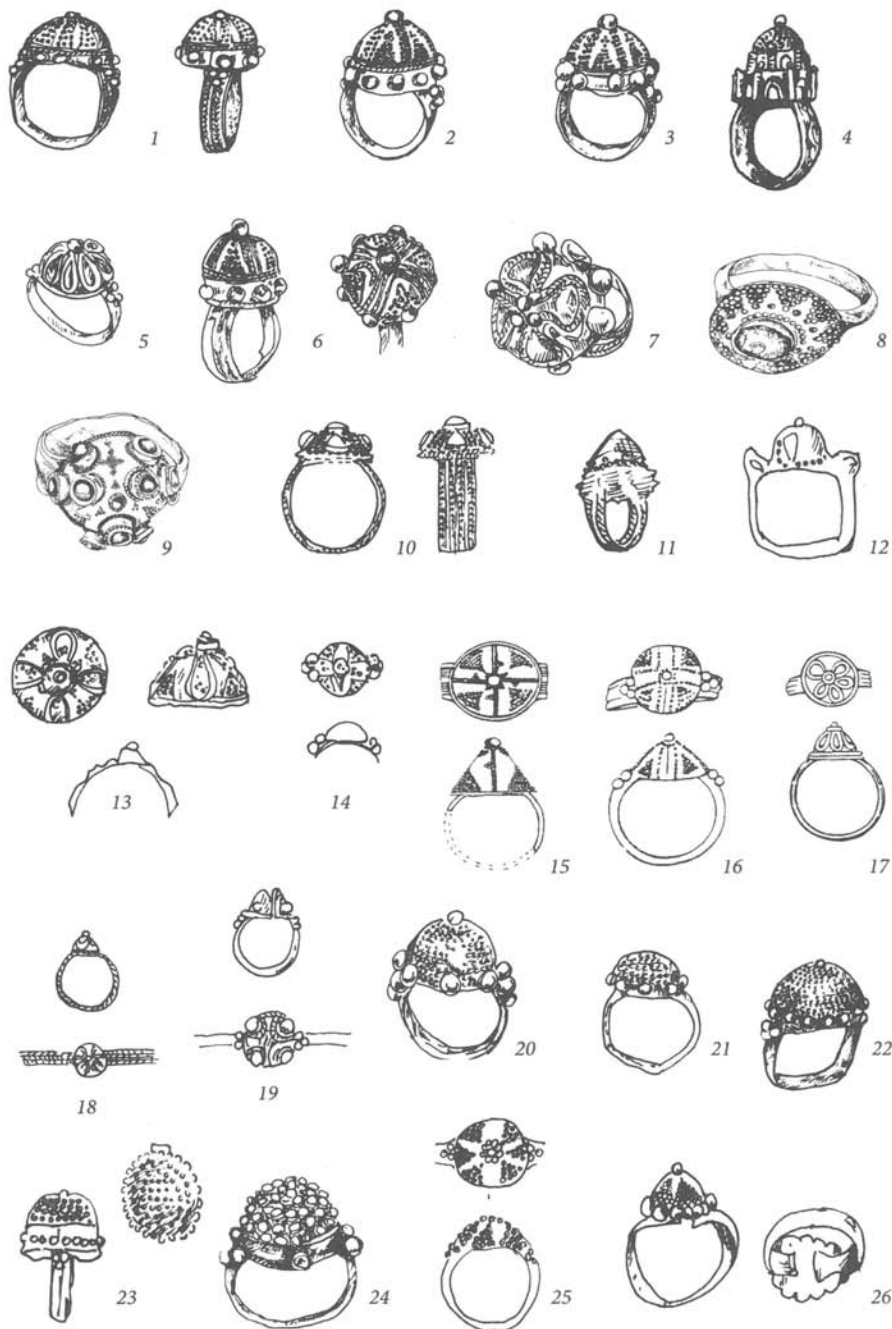

Рис. 4. Перстни с полусферическими щитками. Масштабы разные:

1 — Германарие, 2-5 — Диногечия, 6 — мог. Дервент (Пэкуял луй Соаре), 7 — Саболч, 8, 9 — гор. Микульчицы, 10 — Поханско (погр. 242), 11 — окр. Праги, 12 — мог. Пгуйский град (погр. 355), 13, 14 — кр. Ветрен, 15 — Плиска, 16 — Неготино, 17 — Битоля, 18, 19 — мог. Ловеч, 20 — 21 — Копиевский клад, 22 — Гуцинский клад, 23 — Киев, 24 — гор. Глибовка, 25 — Рождественский мог. 26 — Спасский клад

и «колонками», завершенными крупными шариками (Dinogetia 1967: 279, fig. 167, 4–6). Это достаточно крупный, возможно, мужской перстень, его щиток внешне схож с архитектурным сооружением (рис. 4, 4).

Одной из характерных чертклада из Диногетии является сочетание в нем украшений моравско-чешского (височные кольца типа Темпельгоф) и древнерусского происхождения (браслеты со щитками, декорированными чернью). Кольца типа Темпельгоф состоят из дужки, на которую нанизано два тисненых шарика, и подвески, также украшенной в верхней и нижней частях двумя шарами. Шарик могут быть полностью усыпаны крупной зернью или украшены треугольниками или ромбами, выложенными зернью. Эти украшения появляются в позднеликоморавских древностях последней четверти IX в. и бытуют вплоть до XI в. (Hrubi 1955: obr. 41). Время их наибольшей популярности приходится на X в. Эти изделия являются одним из наиболее распространенных типов чешско-моравских украшений и представлены практически повсеместно — в Старом Месте, Старом Коуржине, Микульчицах, Бини и др. (Hrubi 1955: 278, obr. 10; Holčík 1991:102, Ab. 10).

В X–XI вв. височные кольца типа Темпельгоф широко распространяются в Центральной и Юго-Восточной Европе, встречены также и в Северной Европе — на Бронхольме, Готланде, Зеланде и Сконе (Херрман 1986: 27–28, рис. 10). Их находят на территории южнославянских стран, а также в Болгарии, Польше, Германии. Причем наиболее ранние образцы характерны для территории бывшей Югославии (напри-

мер, серьги из Птуя) и Чехии, где они датируются концом IX — началом X в. (Šolle 1959: 353–506). В Болгарии такие серьги уже относятся к X–XI вв. (Гатев 1977: 34–36).

Таким образом, височные кольца типа Темпельгоф достаточно хорошо маркируют время начала сбора сокровища из Диногетии. Серебряные же витые браслеты древнерусского облика являются в этом комплексе, пожалуй, наиболее поздними вещами. Подобные изделия только появляются в конце XI в. и широко бытуют уже в XII в. (Макарова 1986: 33–37).

Кроме роскошных золотого и серебряных перстней, в Диногетии было найдено несколько бронзовых колечек с полусферическими щитками, близких болгарским и македонским образцам (Dinogetia 1967: 279, fig. 170, 18, 21). У одного перстня щиток гладкий, только с шариком в верхней части и полоской скани, напаянной по нижнему краю, у второго — щиток украшен проволочной розеткой.

Еще один перстень с полусферическим щитком, весьма схожий с перстнем, найденным на Германарие, был обнаружен в Дервенте в 1996 г. в окрестностях другой византийской крепости на Дунае — Пэкуюл луй Соаре при раскопках некрополя (Diaconu, Damian 1997: 43–44; Dumitriu 2001: 104, taf. 14/12). Вместо полос зерни на его щитке напаяны нити скани, разделяющие треугольники. В нижней части тисненая полусфера щитка обрамлена двумя рядами скани (рис. 4, б).

В целом в Карпато-Балканском регионе известно довольно большое количество разнообразных перстней с полусферическими щитками, декори-

рованными различными зерновыми или розетчатыми сканными или проволочными композициями. В декор щитка иногда дополнительно вводятся цветные вставки, крупные шарики подчас установлены на дополнительные «пьедесталы» из скрученной проволоки (как на золотом перстне из Диногеции). Примером находки еще одного золотого украшения, выполненного, по всей видимости, византийским ювелиром, может служить роскошный золотой перстень из случайной находки в комитате Саболч в Венгрии (Mésterhazy 1991: 145–177, abra. 7). Щиток перстня декорирован крупной сканной розеткой, дополнительно украшенной зернью (рис. 4, 7). По нижнему краю щитка — кайма из очень крупных шариков. Пластинчатая шинка этого перстня декорирована сканным узором.

Ян Эйснер отмечал, что «великоморавский ювелирный убор обогатился под византийским влиянием украшениями в виде больших и маленьких пуговиц, серег с гроздьё и серег с корзиночками и прекрасных перстней» (Eisner 1955: 215–226). Среди этих «прекрасных» перстней, безусловно, выделяются перстни с высокими полусферическими щитками. Два подобных серебряных кольца происходят из Микульчиц (Dekan 1979: cat. 162, 163). Для этих украшений характерно сочетание зерневого декора и синих стеклянных вставок (рис. 4, 8, 9). Изящный серебряный перстень с полусферическим щитком был обнаружен в погребении молодой женщины в могильнике Бреслав-Поханско (Kalousek 1971: 142, obr. 242). Щиток перстня украшен плотными рядами зерни и пятью шатонами со стеклянными вставками, пластинчатая

шинка перстня декорирована сканными косичками (рис. 4, 10). Кроме того, в захоронении были найдены еще один серебряный пластинчатый перстень со сканно-зерновым узором и две золотые миниатюрные шаровидные пуговицы, покрытые плотными рядами зерни.

Своеобразный вариант перстня с полусферическим щитком был обнаружен в могильнике Птуйский Град в Словении (Kogošec 1950: 93, fig. 19). У этого украшения пластинчатая шинка имеет подквадратную форму и центральная сфера щитка обрамлена по бокам комбинациями из двух более миниатюрных полусфер, расположенных на выступах шинки (рис. 4, 12).

На Балканах представлены как паяные перстни с тиснеными щитками, декорированными зерновыми или проволочными композициями, так и литые аналоги. В Болгарии перстни с тиснеными полусферическими щитками (рис. 4, 13–15, 18, 19) были найдены в Плиске, в крепости Ветрин и в могильнике Ловеч (Григоров 2007: 33). В Македонии аналогичные украшения (рис. 4, 16, 17) происходят из Неготина, Битоля, Херакли, Мородвис (Манева 1992: 115, т. 80, 81)

Бросается в глаза тот факт, что в Моравии и Болгарии наиболее широко распространены перстни с небольшими тиснеными щитками, припаянными непосредственно к кольцу без промежуточного «постамент» — цилиндрического «барабанчика». Находки же перстней с «постаментом», декорированным крупными шариками, в основном приурочены к Добрудже. Именно этот тип получил распространение и в Древней Руси, подобные изделия представлены как в захоронениях X–XI вв.,

так и во второй группе русских кладов, по Г. Ф. Корзухиной (Корзухина 1954: 22). При этом наиболее схожа с образцами из Добруджи как раз и наиболее территориально близкая находка с Германарие. Кроме этого перстня со щитком, декорированным полосами зерни, на территории Восточной Европы был найден целый ряд серебряных перстней со щитками, сплошь усыпанными зернью.

Два подобных перстня были обнаружены в кладе у с. Копиевка в Киевской обл. (Лінка-Геппенер 1948: 182–190). В состав клада также входили 500 дирхемов (549–954/55 гг., из них 416 — 896–954/55 гг.), три серебряных слитка и набор серебряных украшений. Была найдена одна ширококогая лунница, имеющая самые близкие аналогии на городище Екимауцы, целая подборка «волынских серег» (27 экз. типа «С» и 5 — типа «В»), тисненные пуговицы и бусины, украшенные зернью, а также 5 дротовых браслетов (Рабинович, Рябцева 1997: 236–245). Перстни из данного комплекса несколько отличаются размерами, а также характером декора (рис. 4, 20, 21). У более крупного перстня миниатюрными шариками декорирован не только цилиндрок у основания щитка, но и место припайки шинки. Кроме того, у этого экземпляра цилиндрок покрыт и мелкой зернью.

Серебряный перстень, внешне весьма близкий к изделиям, найденным в Копиевском кладе (рис. 4, 24), был обнаружен в 1982 г. при раскопках жилого помещения на городище Глибовка в левобережной части Среднего Поднестровья (Маярчак 2006: 35, 36). Среди материалов этого комплекса также необходимо отметить три серебря-

ных дирхема (один из них относится к VIII в.), серебряную бусинную серьгу «киевского типа», декорированную сканью и зернью, около десятка пастьевых бусин и бронзовую пуговицу-бубенчик. Полусферический щиток этого перстня установлен на высокий цилиндрок, отороченный двумя рядами скани. Зернь на щитке укреплена на проволочные колечки, при переходе к шинке расположена пирамидка очень крупных шариков. Шинка перстня vyplнена из дротового округлого в сечении кольца.

Среди характерных черт материала, обнаруженного на данном городище, хочется обратить внимание на значительную примесь слюды в тесте гончарных сосудов. Это роднит керамические материалы из Глибовки с находками, происходящими с кольцевых городищ Молдовы, в частности и с Германарие. Материалы этого городища совокупно датируются IX–XI вв., жилище, в котором был обнаружен перстень, по всей видимости, может быть отнесено к XI в., о чем свидетельствует находка серьги «киевского типа» со сканью и зернью.

Еще одна находка аналогичного перстня происходит из Гушинского клада, найденного в 1930-х гг. в окрестностях Чернигова (Рыбаков 1949: 53; Корзухина 1954: 21, 22, табл. VII). В состав клада входили шесть одинаковых височных колец «волынського типа А» (Рабинович, Рябцева 1997: 236–245). В публикации Г. Ф. Корзухиной приведено два целых экземпляра, четыре украшения фрагментированы, их изображения не были опубликованы. Кроме того, в кладе были найдены большая штампованно-филигранная лунница,

крупная лопастная бусина и перстень с полусферическим щитком, сплошь усыпанным мелкой зернью (Черненко 1999: 79–82). Так же, как и образцы из Германарие, Глибовки и Копиевского клада, этот перстень имеет цилиндр, декорированный серебряными шариками, шариков достаточно много (12 экз.), они расположены плотно друг к другу. Пирамидка из трех шариков украшает и переход к кольцу. В данном случае шинка пластинчатая, имеет подпрямоугольную форму (рис. 4, 22).

Весьма интересная находка аналогичного перстня была сделана в 1999 г. при раскопках погребения, совершенного у Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (рис. 4, 23). В захоронении девушки 16–18 лет два крупных серебряных перстня, по всей видимости, не подходивших ей по размеру, крепились при помощи цепочки к круглой скандинавской фибуле типа Terslev (Зоценко 2001: 121–125). Один перстень пластинчатый с квадрифольным щитком, второй — с тисненым щитком, сплошь усыпанным зернью. Цилиндр у этого перстня декорирован крупными серебряными шариками, шинка — сканью. Инвентарь захоронения и убор погребенной весьма разнообразны (Михайлик 2006: 94–96). Головной убор представлен серебряным венчиком с листовыми аппликациями, к правой стороне которого крепилось золотое проволочное кольцо, декорированное оранжевой пастовой бусиной. В области шеи располагалось ожерелье, в которое, кроме пастовых бусин, входили две поясных бляшки, переделанные в подвески, а также серебряные полусферические медальоны с крестовидным зерневым декором. Не-

обходимо отметить, что этот вариант декора, представленный и на аналогичных круглых полусферических подвесках, происходящих из других памятников (Екимауцы, Гнездово, Городище, Спанка, Скадино, см.: Рябцева 2005: 125, рис. 45), весьма близок к декору щитков рассмотренных выше перстней из Германарие, Дервента и Диногоции. Таким образом, можно вести речь об определенном стилистическом единстве приемов декора различных типов серебряных украшений с зернью.

Одной из наиболее поздних по времени попадания в землю является находка зерненого перстня с полусферическим щитком, происходящего из Шалаховского клада (Корзухина 1954: 86). Этот небольшой перстенок, декорированный треугольниками зерни и синими стеклянными вставками, без цилиндрической вставки под щитком, весьма близок к ранним моравским прототипам. Шалаховский клад является комплексом длительного накопления. В нем собраны украшения, как датируемые в пределах середины X — первой половины XI в., так и относящиеся к началу XII в. (Рябцева 1995: 10).

Серебряные перстни с небольшими полусферическими щитками без цилиндрика находят и во владимирских курганах, а также в Поволжье и Предуралье (Спицын 1905: 84–172; Белавин 2000: 103). Подобный серебряный перстень происходит из Спасского клада, найденного в 1868 г. в Казанской губернии (ГЭ кол 501/4)¹. Полусферический

¹ Пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность хранителям Государственного Эрмитажа (СПб) З. А. Львовой и Е. И. Оятьевой за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами Шалаховского и Спасского кладов.

щиток этого перстня декорирован треугольниками зерни, на вершине припаян крупный шарик, аналогичные шарики расположены вокруг основания щитка (рис. 4, 26). Шинка перстня простая, пластинчатая. Щиток был изготовлен без применения техники тиснения — просто свернут из листочка металла.

В Предуралье перстни со щитками в виде умбона или круга, украшенные зернью и сканью, происходят из Горт-Кушета, Рождественского городища, Чердынского района (Белавин 2000: 103, 104, рис. 46, 8, 9). Полусферический щиток перстня с Рождественского городища декорирован шестью расположенными концентрически треугольниками зерни (рис. 4, 25). Крупный шарик, припаянный на вершине полусферы, окружен пояском зерни, в месте перехода к шинке — пирамидки зерни.

Таким образом, перстни с полусферическими щитками, аналогичные найденному на Германарие в Молдове, относятся, по всей видимости, к типам украшений, сложившихся под византийским влиянием. Подобные изделия имеют весьма широкий ареал, простирающийся от Греции и Македонии до Поволжья и Предуралья. Однако образцы, наиболее близкие как конструктивно, так и декоративно к перстню, найденному недавно в Молдове, встречены в основном на ограниченной территории между Карпатами, Нижним Подунавьем и Днестром. Что касается датировки перстня из Молдовы, то ее предварительно можно ограничить серединой X — первой половиной XI в.

Безусловно, с древностями Подунайского региона соотносится и находка на посаде городища Германарие фрагмента простого литого бронзового перстня с пластинчатым щитком, декорированным врезным изображением розетки с восемью заостренными лепестками (рис. 3, 1). Подобные изделия широко представлены в Болгарии, Сербии, Македонии, находят их также в Венгрии, Чехии и Румынии (Преслав, Силистра, Средище, Окорош, Луковит, Соколец, Прахово, Раш, Калище, Тисабездед, Пилин, Стойчень, см.: Григоров 2007: 53). Наряду с литыми перстнями, щитки которых декорированы изображением креста, звезды или птицы, данные перстни относятся к наиболее популярным типам украшений, распространившимся во второй половине IX–XI вв. в Карпато-Балканском регионе под непосредственным византийским влиянием. Таким образом, первые находки ювелирных украшений с посада городища Германарие, с одной стороны, хорошо вписываются в известную картину древностей культуры кольцевых городищ Молдовы, а с другой стороны — еще раз свидетельствуют о связях их обитателей с Подунайским регионом.

Подводя итог, мы должны отметить, что результаты недавних археологических исследований на новооткрытом городище Германарие, показывающие значительное сходство его материалов с культурой кольцевых городищ Екимяуцы—Алчедар, полученных еще около полувека назад, оказываются чрезвычайно перспективными в плане исследования этого яркого культурно-исторического феномена на территории современной Молдовы.

Литература

- Белавин 2000* — Белавин А. М. Камский путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь. 2000.
- Древняя культура 1974* — Древняя культура Молдавии. Кишинев. 1974.
- Гатев 1977* — Гатев П. Накити от погребения от XI–XII в. // Археология. XIX/1. София. 1977.
- Гольцева, Кашуба 1995* — Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. (Материалы раскопок 1978–1979 гг. и 1989–1990 гг.). Тирасполь. 1995.
- Григоров 2007* — Григоров В. Метални накити от средновековна България (VII–IX). София. 2007.
- Зоценко 2001* — Зоценко В. Н. Гнездово в системе связей Среднего Поднепровья в IX–X вв. // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ Вып. 124. Археологический сборник. М. 2001.
- Кирпичников 1973* — Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Л. 1973.
- Корзухина 1954* — Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л. 1954.
- Лінка-Геппенер 1948* — Лінка-Геппенер Н. Копіївський скарб // Археологія. Київ. Т. 2. 1948.
- Макарова 1986* — Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. М. 1986.
- Манева 1992* — Манева Е. Средневековен накит од Македонија. Скопје. 1992.
- Маярчак 2006* — Маярчак С. Археологічні пам'ятки IX–XIII ст. Лівобережжя Середнього Подністров'я. Кам'янець-Подільський. 2006.
- Медведев 1966* — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Е1–36. М. 1966.
- Михайлик 2006* — Михайлик Л. П. Опыт реконструкции вариантов женского погребального убора X в. По материалам некрополей Киева и Кветуни // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб. 2006.
- Рабинович 1997* — Рабинович Р. А. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX — первой половине XIII в. Историко-археологическое исследование. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 1997.
- Рабинович, Рябцева 1997* — Рабинович Р. А., Рябцева С. С. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X–XI вв. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев. 1997.
- Рабинович, Рябцева 2009* — Рабинович Р. А., Рябцева С. С. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. 2009 (в печати).

- Равдина 1988* — Равдина Т. В. О датировке городища Алчедар // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев. 1988.
- Раппопорт 1967* — Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // МИА. № 140. Л. 1967.
- Рафалович 1972* — Рафалович И. А. Славяне VI–IX веков в Молдавии. Кишинев. 1972.
- Рыбаков 1949* — Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11. М.; Л. 1949.
- Рябцева 1995* — Рябцева С. С. Об одном кладе древнерусских ювелирных украшений // Конференция, посвященная памяти Т. М. Соколовой. Тезисы докладов. СПб. 1995.
- Рябцева 2005* — Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб. 2005.
- Спицын 1905* — Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб. 1905.
- Федоров 1953а* — Федоров Г. Б. Городище Екимауцы // КСИИМК. № 50. 1953.
- Федоров 1953б* — Федоров Г. Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М. 1953.
- Федоров 1960* — Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА. № 89. М. 1960.
- Федоров 1965* — Федоров Г. Б. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР // КСИА. № 105. 1965.
- Федоров 1966* — Федоров Г. Б. Посад Екимауцкого поселения // Культура Древней Руси. М. 1966.
- Федоров 1968* — Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. // КСИА. № 113. 1968.
- Федоров 1973* — Федоров Г. Б. Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX–XII вв. (по археологическим данным) // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев. 1973.
- Херрман 1986* — Херрман И. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М. 1986.
- Хынку 1971* — Хынку И. Г. Керамика славян Поднестровья в X–XII вв. // Известия АН МССР. № 2. 1971.
- Черненко 1999* — Черненко О. Е. Гушинский скарб X столетия // Музейні читання. Матеріи наукової Конференції. Київ. 1999.
- Diaconu, Damian 1997* — Diaconu P., Damian O. Păcuiul lui Soare-Dervent, jud. Constanța. Cronica Cercetărilor Arheologice. Campania 1996. București. 1997.
- Dekan 1979* — Dekan J. Wielkie Morawy. Epoka i sztuka. Bratysława; Wrocław. 1979.
- Dinogetia 1967* — Dinogetia. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța-Garvăn. T. I. București. 1967.
- Dumitriu 2001* — Dumitriu L. Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donauebietes im 11–15. Jahrhundert. București. 2001.

- Eisner 1955* — Eisner J. Počátky českého šperku // Pamatky archeologicke. T. 46. Praha. 1955.
- Holčík 1991* — Holčík S. Veľkomoravské pohrebisko v Bíni // Zborník Slovenského národného muzeia. R.LXXV-1900. Bratislava. 1991.
- Hrubi 1955* — Hrubi V. Staré Mesto. Praha. 1955.
- Kalousek 1971* — Kalousek F. Břeclav-Pohansko. Velkomoravske pohřebiště u kostela. Brno. 1971.
- Korošec 1950* — Korošec J. Staroslovasko grobiscě na Ptujskom Gradu. Lublana. 1950.
- Mésterhazy 1991* — Mésterhazy K. Bizanceis Balcani credetu targyak a 10–11 szazdi magyar serleleken // Folia Archaeologia. XXII. Budapest. 1991.
- Rabinovici 2002* — Rabinovici R. A. Vărfurile de săgeață din fier în Moldova medievală timpurie și contextul lor cultural-istoric // Arheologia Moldovei. XXII. 1999. București, 2002.
- Sava, Manzura, Tcaciuc, Kurciatov, Bubulici, Rabinovici, Guchin, Alaiba, Badau-Wittenberger 1995* — Sava E., Manzura I., Tcaciuc M., Kurciatov S., Bubulici V., Rabinovici R., Guchin V., Alaiba R., Badau-Wittenberger M. Investigatiile istorico-arheologice efectuate in microzona istorico-naturala Rudi — Tatarauca Noua — Arionesti — raionul Donduseni, Republica Moldova // Cercetari arheologice in aria Nord-Thracia, No I, Bucuresti. 1995.
- Šolle 1959* — Šolle M. Knižeci pohřebište na Staré Kuuřimi // Pamatky archeologicke. Praha. 1959.

RESULTS OF EXCAVATION OF THE HILLFORT OF HERMANARIY IN THE LIGHT OF INVESTIGATIONS OF THE CULTURE OF RING HILLFORTS IN MOLDOVA

R. A. Rabinovich, S. S. Ryabtseva & N. P. Tel'nov

The townsite of Germanariy discovered recently in northern Moldova belongs in terms of its fortification features to the group of the ring hillforts of the Yekimausy-Alchedar type. Small-scale excavations at this townsite have yielded fairly interesting finds — pottery with mica in the clay, the so-called “bottle-shaped” vessels and numerous iron objects, in particular diverse arrowheads. Of special interest is the find of a silver signet-ring with a hemispherical bezel decorated with grain-filigree. This personal ornament has a wide circle of parallels both in the Carpathian-Balkan region and in Ancient Rus. The most closely the find from Germanariy resembles some finds from Dobrudja. Another signet-ring from Germanariy, made from a copper alloy and decorated with a schematically rendered rosette, is characteristic of the Carpathian-Balkan region of the 10th–11th century. The results of archaeological investigations of Germanariy, demonstrating close resemblance of its materials with those of the Yekimausy-Alchedar culture of the ring hillforts, are extremely promising for studies of that cultural and historical phenomenon in the territory of what is now Moldova.

КОГДА ПАЛ «ЦЕСАРСТВУЮЩИЙ ГРАД»: Молдавия и Московская Русь во второй половине XV в.

Для Европы 1453 г. ознаменовался двумя эпохальными событиями — взятием Константинополя османами и завершением Столетней войны. И если на Западе за этой вехой открывался путь к созданию абсолютных монархий и завоеваниям мира, то на Востоке — на грани небытия оказалась православная общность. Судьбоносные перемены происходили в двух пересекающихся сферах: политической и религиозной. Это не удивительно, поскольку для средневековых монархов очень важными являлись отношения с Богом и церковью.

Молдавское летописание осмыслило приход к власти Стефана Великого (1457–1504) как преобразование, угодное Богу: «Милостью Божьей победил и взял молдавский скипетр». На деяние небес откликнулась страна: «Собралась вся земля со святейшим митрополитом кир Феоктистом и с помощью божьей помазала его на господство на Серете, в местности, которая доселе именуется Дерептате» (СМЛ: 25, 69; Руссев 1982: 194–204). С помазанием господаря возторжествовала справедливость (молд. *dreptate*), а для христиан высшая правда, как известно, в Боге.

Своими подвигами во славу Божью Стефан стал известен православно-

му миру благодаря Афону. Как гласит церковное предание, сама Богородица пожелала, чтобы на Святой горе под ее покровительством жили люди, соблюдающие спасительные заповеди (Пътеводител 2002: 15–16). Однако тяжкий османский гнет обрекал на гибель этот крупнейший религиозный, философский и культурный центр православия. Миссию спасения Афона взял на себя Стефан. О духовной связи христоробивого ктитора с хозяйкой Святой горы свидетельствует мраморный рельеф 1496 г. из Ватопедского монастыря, на котором молдавский господарь вручает сооруженную им постройку Марии с младенцем (HGMV 2003: 285).

Не позднее 1466 г. господарь стал опекать «монастырь наш Зограф» с храмом Св. Георгия. Он ежегодно посылал в огромную обитель 100 венгерских дукатов. Монахи же молились за здоровье господаря, его супруги и детей, а по их смерти обещали править поминальные службы до тех пор, «пока будет стоять святой монастырь» (DRHA 1976: 191–192. Nr. 135). На средства из Молдавии здесь было сооружено множество построек, справлены иконы, церковные книги и утварь. В 1502 г. разрушенный монастырь был восстановлен от основ (Зографски 1943: 79–85). Благодарные

монахи до сих пор молятся о благочестивом воеводе Стефане.

Одна из реликвий Зографа — хоругвь со сценой богоявления на одной стороне и конным св. Георгием — на другой. Образ святого обрамляет надпись: «Как пленных освободитель и нищих защитник, немощных целитель, царей поборник, победоносный великомученик Георгий, моли Христа бога о спасении душ наших» (РМОА: 332–333). Другая святыня — стяг Стефана 1500 г., который монахи называют «вышитой иконой» и считают рукоделием дочери господаря, московской княгини Елены. На знамени изображен св. Георгий на троне; он держит в руках меч и попирает ногами змея. Надпись обращена к Победоносцу: «Прими от нас и эту мольбу смиренного раба твоего, господина Иоана Стефана воеводы, божьей милостью господаря Земли Молдавской, сохрани его невредимым в этот век...» (РМОА: 302–303).

Молдавская икона св. Георгия из Зографа представляет поясное изображение великомученика (РМОА: 353). По легенде «знаменитый молдовлахийский воевода», окруженный огромным турецким войском, собирался спастись в крепости. Однако мать не позволила открыть перед ним ворота, заявив, что сын должен одолеть врага в открытом бою. Ночью Стефану явился великомученик, а с наступлением дня неверные были разбиты. Когда господарь выяснял у пленных причину их панического бегства, они рассказывали о бесстрашном всаднике, который вселял в мусульман ужас. После безуспешных поисков героя среди молдаван воевода показал туркам образ св. Георгия, который всегда возил с собой. И все

они признали того, кто стал причиной их поражения. Исполнив волю святого, господарь отправил икону на Афон (Зографски 1943: 148–149).

В 1488 г. Стефан создал в Молдавии монастырь Воронеж с церковью «во имя святого и славного и великомученика и победоносца Георгия». К ноябрю 1490 г. было составлено четвероевангелие для Воронежского монастыря. Господарь «дал его за помин себя и родителей своих, чтобы быть ему в храме святого великомученика и победоносца Георгия» (РМОА: 77; 400–401). На одной из фресок монастыря изображен господарь, преподносящий храм восседающему на троне Иисусу. Святой Георгий, обнимая Стефана за плечи, как бы рекомендует благочестивого монарха богочеловеку (Воронец 1959: фото 8). Незадолго до кончины господарь повелел создать очередное четвероевангелие. В ноябре 1504 г. Богдан «оковал» эту книгу и передал ее «за душу святопочившего родителя своего Стефана... в церковь Хрэловских дворов, где есть храм святого и славного великомученика Христова Георгия» (РМОА: 420–421). Несомненно, великий воевода поклонялся св. Георгию до последних дней, а культ Георгия Победоносца и почитание Богородицы стали при нем явлениями государственного значения. Этим небесным покровителям посвящены митрополичий собор в Сучаве и монастырь Путна. Важнейшую роль в этом сыграл Афон, молдавские связи с которым прослеживаются с конца XIV — начала XV в. (Зографски 1943: 178–179).

В Византии уже в IX–XI вв. св. Георгий как покровитель правящей династии изображался на троне императо-

ра. Сюжет на знамени Стефана 1500 г. совпадает с византийской императорской иконографией, где мученический венец Георгия заменен королевской короной с лилиями. В такой же короне на ряде памятников представлен и молдавский господарь. Каппадокийский мученик на троне правителя Молдавии и в его короне ассоциировал Стефана со Святым Победоносцем, ведь молдавский господарь был тогда единственным полководцем, успешно противостоявшим османским полчищам. Змеборец на его боевом знамени — также ясный образ, поскольку ислам отождествлялся со змеем. Такого рода художественные произведения служили идейно-политическими посланиями всему православному миру. Поэтому слияние образов Христа и Стефана в роли императора весьма красноречиво (Атанасов 2001: 225–240).

Восприятие Молдавией политической символики Византии и православных славянских царств объяснимо влиянием балканских единоверцев, находивших спасение от османского господства за Дунаем. Создав с их помощью культ небесного защитника престола — св. Георгия, господарь становился равным византийским василевсам, царям Болгарии и Сербии. Идея преемственности читается в рассказе о молдавской иконе из Зографа — образ греческой работы император Иоанн VIII (1425–1448) подарил Александру Доброму, и только затем его внук Стефан прислал икону на Афон (Зографски 1943: 80).

Судя по письму 1484–1486 гг. в Москву с предложением заключить союз, Стефан осознавал свою миссию. На пути агрессии османов господарь сам

остался «в сей стороне», а из других православных правителей Бог хранил только Ивана III. Молдавский воевода сетовал: «Колко господарства было: Грецкое, и не одно, и Сербьское, и Болгарской, и Арбанайское, и Босна — то уже бог покорил под поганьство наших грехов деяя; а топерь турци преступили Чръмное море...» (Исторические связи 1965: 61–62, № 9).

Византийская религиозная доктрина соотносила единого Бога как царя небесного с царем земным, также единым. Падение Константинополя означало «гибель ойкумены, идеального этического здания восточного христианства» (Алексеев 1994: 19). Для «осиротевших» представителей православного христианства Стефан стал земным воплощением святого воина и единственным из правителей, достойным царского титула.

Стефан — единственный молдавский господарь, которого летописец называет царем. Так, он сообщает, что в конце августа 1471 г., когда «сидел царь на обеде», произошло землетрясение. Рассказ о победе молдаван под Васлуем 10 января 1475 г. завершается словами: «И возвратился Стефан воевода со всеми воинами своими яко победоносец в престольный свой град Сучавский». Ликующие люди с митрополитом «благословляли царя: Да живет царь! И было тогда веселье в народе и всем окольным государям и православным всем христианам» (СМЛ: 24, 27, 28–29). Тот же титул указан в Хоморском четвероевангелии 1473 г.: «Благочестивый и христолюбивый царь Ио Стефан воевода господарь Земли Молдовлахийской дал написать это тетраевангелие... за помин своей души и за родителей своих

и детей его» (РМОА: 388). О «царе Стефане» говорит и приписка, сделанная неким «грешным человеком» к октоиху XV в. Речь идет о потере Молдавией в 1484 г. стратегически важных причерноморских крепостей — Белгорода и Килии (История 2004: 372–373).

В Средние века одним из основных способов узаконения владений, титулов и отношений правителей были династические союзы. О свадьбе 14 сентября 1472 г. в летописи сказано: «Взял себе Стефан воевода жену, Марию из Мангопа, царство там было с перекопским царем христианское» (СМЛ: 118). Царское происхождение Марии, умершей в декабре 1477 г., подтверждают двуглавые орлы, монограммы и надписи ее погребального покрывала (РМОА: 288–290). Брак с представительницей рода Палеологов как бы удостоверял право господаря на царский титул.

Однако судьба византийских титулов и владений интересовала не только Стефана. В 1469–1472 гг. Папа Римский и его венецианские партнеры, чтобы склонить великого московского князя к выступлению против османов, организовали женитьбу Ивана Васильевича на Софии Палеолог, а в качестве «приданого» предложили «Восточную империю». Венчание с византийской принцессой произошло 12 ноября 1472 г., хотя Иван III вовсе не собирался идти на Константинополь (Скржинская 2000: 188–213, 267–272).

Молдавский воевода на два месяца опередил с женитьбой своего будущего свата, довольно долго раздумывавшего над предложением итальянцев. Впрочем, идея принятия Стефаном наследия «Второго Рима» посредством Мангупа исходила не от католиков и могла про-

тивопоставляться униатским действиям папства. Это едва ли происходило без участия интеллектуалов «малой вселенной Православия» — Афона.

Показательны контакты Стефана с монахами Зографа в 1466 и 1471 гг. (DRHA 1976: 191–192, 261, Nr. 135, 176), ведь именно там хранили культ покровителя царей св. Георгия (Атанасов 2000: 292–293). Несомненно, в обосновании молдавских притязаний на царский титул участвовал митрополит Феохист. Владыка в 1475 г. был организатором встречи господаря-триумфатора в столице, когда по случаю разгрома неверных Стефана величали «победоносцем» и «царем» (СМЛ: 63–65, 69–71).

В разгар противостояния с турками — в 1474 г. — Стефан лично «повеле исписати» копию «Похвального слова о Константине и Елене», принадлежащего перу замечательного болгарского книжника патриарха Евфимия (1375–1393). Произведение переосмысливало образ основателя Восточной Римской империи Константина Великого (306–337). «Храбрый душой» христианский правитель изображался защитником веры от варваров, а ключевое слово сочинения «царь» оказалось синонимичным метафоре «солнце». В новой исторической обстановке «слово» адресовалось близким ко двору образованным светским людям и призвано было консолидировать молдавское общество вокруг господаря перед лицом смертельно опасного натиска иноверцев (Русев 1983: 81–83, 107–110; Бойчева 1992: 88).

Совсем по-царски величает Стефана его дочь, княгиня Московская, и сама носившая говорящее имя «Елена». По всей видимости, вскоре после замужества в январе 1483 г. (Мохов 1961: 30–32;

Алексеев 1991: 146–148 и др.) она послала письмо, адресованное отцу — «славному и Божиим дарованием нарочитому и христоролюбивому, и от бога великою честью почтенному, венчанному, и на всю страну величаему и самодержавному... господарю Молдавской земли...» (Исторические связи 1965: 57, № 7).

Все «царские истории» Стефана вписываются в хронологический отрезок, ограниченный 1471–1484 гг. Затем произошел какой-то перелом в мироощущении господаря, да и молдавской элиты в целом. Два понятия «царь» и «победоносец» перестали сливаться воедино. В жизни воеводы наступил новый этап, когда первое Стефан навсегда отстранил от себя, а второе осталось дорогим ему до конца дней.

Наиболее полно события и настроения в Молдавии второй половины XV в. передают официальные летописи, являвшиеся предметом непосредственной заботы господаря. Это в значительной мере биографические тексты. В некоторых летописях более трех четвертей текста посвящены деяниям Стефана (Руссев 1982: 30–37). Часто летописные сведения генетически связаны друг с другом. При этом имеется и много синхронных лакун — примерно половина из 47 лет правления Стефана никак не освещены. Пропущенные годы распределяются неравномерно. Большинство из 15 совершенно «пустых» лет приходится на начальный и конечный этапы правления господаря. Никакими событиями не отмечены 5 лет в 1457–1469 гг., и только четыре года на этом этапе заполнены всеми летописями без исключения. В интервале 1470–1486 гг. «пропущен» лишь один год — 1478 г., зато 9 лет отмечены записями у всех летопис-

цев. Из завершающих 18 лет правления Стефана только один 1497 г. осветили все тексты, но они хранят молчание о содержании не менее половины интервала — с 1487 по 1504 г. Причем «пропущены» пять лет кряду — 1491–1495 гг., а в т.н. «Бистрицкой летописи», сложенной при дворе господаря, этот пробел составляет целое десятилетие и начинается с 1486 г.

Три этапа деяний господаря очень неравномерно заполнены сведениями — соответственно около 50 %, 75 % и 25 %. Освещенность первого и второго этапов находит удовлетворительное объяснение в общеизвестных материалах о Стефане. Половинное наполнение первых лет может свидетельствовать о трудном положении господаря, только утверждавшегося в стране и на международной арене. Во втором случае диспропорция легко связывается с бедствиями войн, когда размеренная жизнь государства нарушалась, а все силы концентрировались на защите страны. Ничего подобного нельзя сказать о последних почти двадцати годах правления господаря. Чрезвычайно далекое от нормального распределение записей — с тремя четвертями пробелов! — отразило не познанную еще реальность. Надо думать, существовала веская причина, по которой Стефан потерял интерес к летописному делу, в то время как грамоты он издавал с нарастающей активностью (DRHA 1976; DRHA 1980). По умолчанию памятников молдавской средневековой письменности это явление ускользало от внимания исследователей.

Типологически близкими к молдавским оказались русские летописи, отчасти даже с пересекающейся собы-

тийной канвой. Родственным является и способ осмысления описываемых явлений с позиции ценностей славяноязычной православной культуры. Летописи не допускали вымысла: «Писать сакральным — церковнославянским — языком божественной службы можно было только о правде и Истине». В конце XIX в. обнаружено, что принцип изложения событий по годам восходит к пасхальным таблицам. Когда в XI в. в Печерском монастыре Киева зарождалось русское летописание, пасхалии были рассчитаны до 7000 г. от сотворения мира. По этой причине «повести временных лет» (т. е. переходящих) доводили только до этого predeterminedного рубежа. С наступлением 1492 г. от Р.Х. человеческое время истекало. Поэтому большинство русских летописных сводов, заканчивали свое повествование как раз накануне Второго пришествия (Ужанков 2000).

В христианстве мерилом смысла человеческой жизни является грех. Поэтому, как прожита временная жизнь, определяются перспективы вечной жизни. История земная началась сотворением мира в 5508 г. до Р.Х., а заканчивалась Страшным судом, на котором Господь будет судить души «по написанному в книгах, сообразно с делами» (Откровение Св. Иоанна Богослова, гл. 20). Интеллектуалы Средневековья на основе соединенных с расчетом библейских пророчеств не раз пытались предсказать «конец времен». Многие повторяли идею, высказанную еще в конце II в. н.э.: во сколько дней создан мир, через столько лет последует его конец (Костомаров 1915). Количество дней творения — «седмица» — понималось символически. Этот знак

целостности как сумма 3 и 4 представлялся соединением триединого Бога и четырехмерного материального мира. Все человеческое выступало как семеричное явление. Отсюда и 7 тысячелетий человеческой истории (Геллей 1999: 683). Известная на Руси пасхалия балканского происхождения после 7000 г. от С. М. подытоживала: «Здесь страх, здесь скорбь, аки в распятии Христове сей круг бысть, сие лето и на конец явися, в не же чаем и всемирное Твое пришествие» (Ужанков 2000).

Распространение с конца XIV в. широкой исповедальной практики, покаянной дисциплины и заупокойноминального культа усиливали эсхатологические настроения (Алексеев 1998). Все происходившее осмысливалось как знамение близкого светопреставления. Так толковалось и падение Константинополя, после которого отмечен массовый уход в монастыри русских князей и бояр. Тревожные ожидания в обществе отметил Иосиф Волоцкий (ум. 1515). По его наблюдениям о конце света в конце XV в. говорили всюду — «в домах и на путях, и на торжищах» (Ужанков 2000). Близившаяся круглая дата изумляла людей и служила доказательством наступления Судного дня. Массовое сознание объял трепет всеобщего покаяния (Алексеев 1991: 170).

Но в 7000 г. светопреставление не состоялось, и общество потребовало от высшего духовенства объяснений смысла «сверхлимитного времени». Митрополит всея Руси Зосима (1490–1494) поручил составить новый определитель праздников Воскресения Господня, тем самым отложив конец истории. Симптоматично название

произведения: «Изложение пасхалии на осьмую тысящу лет... в ней же чаем всемирнаго пришествия Христова» (Словарь 1988: 364–366). Такая трактовка вызвала острые нападки сторонников новгородско-московской ереси. «Жидовствующие», еще в 1489 г. высказавшие сомнения в наступлении Судного дня, объявили об обмане. Архиепископ Великого Новгорода Геннадий после расправы с еретиками обратился за разъяснениями к ученому греку Дмитрию Траханиоту, подвизавшемуся на Руси при замужестве Софии Палеолог. Владыка получил весьма двойственное «Послание о летах седьмой тысящи». Автор сочинения не сомневался, что дата светопреставления должна быть «седмирична», но предостерегал: «Никто не весть числа веку» (Словарь 1989: 436; Скрынников 1999).

Всюду ходили упорные слухи, будто митрополит высказывался о Христе как самозваном боге, считал вздором церковные уставы и предания, в иконах и крестах не видел святости. Иерарх якобы заявлял, что «второго пришествия Христова нет». В 1493 г. против Зосимы выступил Иосиф Волоцкий, а вскоре «злодей, какого не было между древними еретиками и отступниками» оставил митрополию (Костомаров 1915; Словарь 1988: 364–366; 434–435).

Между тем митрополита Зосиму считали единомышленником Елены Стефановны. Дочь молдавского господаря входила в столичный еретический кружок, во главе с посольским дьяком Ф. В. Курицыным, автором знаменитой «Повести о Дракуле». Федор Курицын бывал в 1482–1485 гг. с дипломатической миссией в Венгрии и Молдавии, где лично вел переговоры со Стефаном

Великим. Он, равно как и дочь господаря, мог сообщить о страстях, бушевавших на Руси вокруг ожидавшегося светопреставления (Словарь 1988: 504–509; Скрынников 1999).

Взгляд на освещенность молдавскими летописями событий обнаруживает вокруг даты Второго пришествия пять совершенно «пустых лет» — 1491–1495 гг. Еще ранее, уже с 1487 г., прекратились записи Бистрицкой летописи (Руссев 1982: 42). В других текстах под 1490 г. имеются сообщения о смерти венгерского короля Матьяша Корвина и зятя господаря, Ивана Молодого (СМЛ: 66, 72, 120). Таким образом, и в них обнаруживается полное отсутствие домашних событий начиная с 1487 г. Что касается данных об упокоении близких господарю правителей, то они могли быть включены в тексты как предзнаменования близкого конца света (СМЛ: 53).

Своеобразную взаимообусловленность с летописными данными обнаруживают поземельные грамоты. Стефан почти прекратил практику пожалования сел светским землевладельцам. С 1466 г. была проведена беспрецедентная скупка светских имений — приобретено восемь десятков селений за 15 тыс. татарских золотых. Из них более 50 крупных сел, на которые ушло более 80 % израсходованной суммы, господарь пожаловал монастырям и епископствам. Еще 12 сел Стефан передал церкви непосредственно из своих владений. В результате за счет собственности господаря доля принадлежащих церкви сел возросла с 9,4 до 15,2 % (Советов 1972: 82–84, 89, 153 и др.).

Из 499 грамот Стефана о монастырях говорится в 107 документах. Распределив по годам данные о подаренных

монастырям селах, можно представить периодичность таких акций. Более 18 лет вообще не отмечены пожалованиями, хотя ежегодно в церковные вотчины подарено в среднем по 1,2 села. При этом выделяются три периода пожалований. На первый самый продолжительный период (1463–1481 гг.) приходится только 11,5 сел. В перерасчете на один год в два раза ниже среднего показателя. Второй и третий периоды, разделенные 5 пустыми годами — 1493–1498 гг., вместе покрывают меньше четверти времени правления, но зато охватывают около 80 % всех сел, ставших монастырскими при Стефане. Эти имения переданы двумя почти равными долями — 41,2 % в 1488–1492 гг. и 38,6 % в 1499–1503 гг.

Как известно, эсхатологические ожидания второй половины XV в., охватив Балканы, распространились за Дунай, на Восточную Европу (Польвянный 2000: 216–231). Нарастание к 7000 г. «синдрома обеспокоенности» загробной участью души прослеживается на материале российских массовых источников XIV–XV вв. Чтобы обеспечить себе поминальные богослужения «ввек», богомольные землевладельцы часто одаривали монастыри селами. Такие пожертвования превратились в XV в. в важнейший источник роста имений русской церкви, которая охотно брала на себя заботу о душах вкладчиков в обмен на неотчуждаемое имущество. Заупокойно-поминальный культ в Восточной Европе сформировался при непосредственном участии митрополита Киприана (ок. 1330–1406). С его именем связано появление в русских землях конца XIV в. находившихся в употреблении десятилетиями и не-

прерывно пополнявшихся синодиков (Алексеев 1998). Летописи же составлялись как своеобразные погодные помянники имен и поступков, совершенных в результате вполне осознанного выбора правителей, которые наделены властью свыше (Ужанков 2000).

Перемены в отношениях церкви и общества повлияли и на Молдавию. О развитии поминальной практики свидетельствует то, что уже в 1407 г. был заведен поминальник Бистрицкого монастыря (Руссев 1982: 30). В стране плодотворно работали церковные деятели болгарского происхождения, в частности племянник Киприана Григорий Цамблак (Словарь 1988: 175–180; 464–475; Павлов 2004: 67–178).

Следует обратить внимание и на церковное строительство Стефана. Так, 22 из 24 датированных ктиторскими надписями монастырей и церквей построены в 1487–1504 гг. Храмы возведены в крупнейших населенных пунктах — Сучаве, Яссах, Васлуе, Пятра Нямц, Бакэу, Дорохое, Хушь, Хырлэу, а также в монастырях — Путне, Нямце, Бистрице, Тазлэу, Добровце, Воронце (см. РМОА 1958). Нечто подобное прослеживается и в храмовом зодчестве Болгарии (Польвянный 2000: 229).

На стене церкви Св. Николая, сооруженной в Яссах как раз накануне ожидавшегося Второго пришествия, помещены «писания», проникнутые надеждой на чудесное спасение. В богослужебных книгах, прижизненно спасленных господарем «за помин себя», содержатся намеки о причине такой милости. В четвероевангелии 1495 г. сказано, что Стефан «положил его в мольбе о себе в храме Успения пресвятой владычицы нашей Богородицы и при-

снодевы Марии, в церкви в Борзешти на Тотруше, пусть будет непоколебима память о нем, пока стоит этот храм; а если кто станет нарушать и колебать эту память, то ли епископ, то ли поп, то ли кто-нибудь, да будет тому соперником святая богородица в день страшного судища Христова...» (РМОА: 104, 108; 406–408).

Однако более всего впечатляет высеченная в мраморе эпитафия великого господаря: «Благочестивый господин, Ио Стефан воевода, божьей милостью господин Земли Молдавской, сын Богдана воеводы, ктитор и создатель святой обители сей, иже здесь лежит. И преставился к вечным обителям, в лето 7000... месяца... и господствовал лета...» (РМОА: 267–269). В этом тексте из монастыря Путна недостает точных данных о дате смерти и продолжительности правления. Для них оставлены пробелы, которые после кончины Стефана так и остались незаполненными. Они свидетельствуют, что надгробие было изготовлено заранее. Вряд ли нужно сомневаться, что об этом распорядился лично господин, с благоговением украшавший могилы своих предков. Судя по дате, место упокоения было подготовлено к 1492 г.

По прошествии «роковой» даты православные мыслители признали ошибочность прежнего понимания семи тысячелетий бытия. Говорилось о предшествующих светопредставлению трех последовательных христианских царствах. Первым было Римское царство, в котором родился Иисус и возторжествовало христианство. В IV в. возникло Восточное царство, столица которого Константинополь был провозглашен «новым Римом». Однако в

наказание за отступничество от истины на Ферраро-Флорентийском соборе Божья благодать покинула греков, и второе христианское царство погибло (Ужанков 2000).

В том же году митрополит Зосима в поданном московскому собору 1492 г. «Изложении пасхалии» написал о переходе всемирного значения «второго Рима». Он не упоминал о браке великого князя с византийской царевной, но утверждал, что сам Бог прославил «в православии просиявшего, благоверного и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержьца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя». Идея воплотилась в 1498 г. при торжественной коронации Дмитрия-внука, когда на российском гербе появился двуглавый византийский орел. 15-летний сын Елены Волошанки и внук Стефана Великого не имел никакого отношения к греческой ветви династии, но церемония в Успенском соборе Кремля была проведена по образцу венчания византийских императоров (Казакова, Лурье 1955: 190; Скрынников 1999; Ужанков 2000).

Примечательно, что мысль о византийском наследии развивали не греки из окружения Софьи, а образованные люди, близкие к дочери молдавского господаря. Очевидно, тогда же появилось и «Сказание о князьях владимирских», предшествующее в рукописных сборниках «Чину венчания Дмитрия-внука». «Сказание» считало владимирских князей наследниками византийских императоров по давнему родству. Речь шла о том, что император Констан-

тин Мономах вручил «шапку Мономаха» своему внуку Владимиру Мономаху Киевскому. Подобным же образом от деда Ивана III царские регалии получал и Дмитрий. При этом происхождение удельного князя Василя по линии матери от Палеологов особого значения уже не имело (Скрынников 1999)

* * *

В ставшем классическим произведении по истории Византийской империи утверждается: «Со взятием Константинополя сопряжена была утрата незаменимых моральных ценностей для близких и отдаленных народов, для которых православная империя являлась частью религиозного и даже политического мирозерцания, — от покоренной райи до России, уже одолевшей татар. Царское достоинство перешло в более достойные руки» (Успенский 1948: 797). Приведенные в статье факты и соображения показывают справедливость такой постановки вопроса, позволяя углубить понимание последствий гибели «цесарствующего града».

В Молдавии ясно видны две линии эволюции, так или иначе касающиеся взаимоотношений правителя с Богом. Первоначально под воздействием балканских единоверцев, прежде всего братств Афона, христолюбивый господарь проявил готовность стать православным царем и защитником всего христианского мира. Однако после 1484 г. Стефан Великий, смиряя гордыню, стал активно готовиться к близящемуся Судному дню. Разумеется, наступление светопреставления обесмысливало понятие «земной царь» перед торжеством «Царя небесного». При этом господарь до конца своего земно-

го пути сохранил преданность «поборнику царей» св. Георгию.

Те же явления имеют и московские измерения. Заочное соперничество молдавского воеводы с Иваном III за право на царское достоинство сменилось более конструктивными двусторонними отношениями. Вероятно, отчасти через Молдавию в Москву перешли царские идеи и атрибутика византийского происхождения. В этом, судя по всему, немалую роль сыграла не София Фоминична, а Елена Стефановна и люди из близкого ей окружения. Не позднее марта 1486 г. Стефан Великий предложил Ивану Васильевичу заключить союз против османов, поскольку видел в нем «супостата крепкого противу поганьства». Показательно и то, что молдавский господарь признал старшинство великого московского князя, именую Ивана Васильевича «господин мой», «государь великий», «ваша милость» (Исторические связи 1965: 61–62, № 9).

Что касается ненаступившего конца света, то чисто эсхатологическая мысль «Москва — третий Рим» стала обоснованием самодержавного правления на Руси (Ужанков <http://www.pravoslavie.ru/archiv/letopis.htm>). Впервые о перенесении на Москву прежнего значения Византийской империи было заявлено в 1492 г. — «в последняя сиа лета» (Казакова, Лурье 1955: 190).

Общественно-политические реалии Молдавии способствовали возникновению совершенно другой ситуации. Резко возросшее количество пожалований Стефана монастырям около 1500 г. отразило здесь новый всплеск апокалипсических настроений. На этот раз они, по всей видимости, пришли с Запада.

Литература

- Алексеев 1998* — Алексеев А. И. Церковь и государство на Руси в XV — начале XVI вв. (Ранний этап иосифляинства и нестяжательства) / Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб. 1998.
- Алексеев 1991* — Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск. 1991.
- Алексеев 1994* — Алексеев Ю. Г. Россия и Византия: конец ойкумены // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 1 (№ 2). 1994.
- Атанасов 2000* — Атанасов Г. Иконография образа «святой Георгий на троне» в средние века // Stratum plus. № 6. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2000.
- Атанасов 2001* — Атанасов Г. Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния изток през Средновековието. Варна. 2001.
- Бойчева 1992* — Бойчева П. Към въпроса за участието на среднобългарската литература в църковно-политическия живот на Молдова през XVI–XVI в. // Българите в Северното Причерноморие. Т. I. Велико Търново. 1992.
- Воронец 1959* — Воронец. Фрески XV–XVI вв. Бухарест. 1959.
- Геллей 1999* — Геллей Г. Библейский справочник. СПб. 1999.
- Зографски 1943* — Зографски Д. Света гора — Зограф в минало и днес. София. 1943.
- История 2004* — История на Добруджа. Т. 2: Средновековие. Велико Търново. 2004.
- Исторические связи 1965* — Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы. Т. I (1408–1632). М. 1965.
- Костомаров 1915* — Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Пг. 1915.
- Казакова, Лурье 1955* — Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л. 1955.
- Мохов 1961* — Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев. 1961.
- Павлов 2004* — Павлов П. Византийско-българският културен модел в средновековна Молдова (XIV–XV в.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VIII. Велико Търново. 2004.
- Полывянный 2000* — Полывянный Д. И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте Византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново. 2000.
- Пътеводител 2002* — Пътеводител по Атонската Света Гора и показателец на светите и паметници. София. 2002.
- Русев 1983* — Русев П. Естетика и майсторството на писатели от Евтимиевата книжовна школа. София. 1983.
- Русев 1982* — Русев Е. М. Молдавское летописание — памятник феодальной идеологии. Кишинев. 1982.

Скржинская 2000 — Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб. 2000.

Скрынников 1999 — Скрынников Р. Г. Третий Рим // www.rus-sky.org/history/library/skrynnikov.htm

Словарь 1988 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1. М. 1988.

Словарь 1989 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2. М. 1989.

СМЛ — Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М. 1976.

Советов 1972 — Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1: Очерки истории землевладения в XV–XVIII вв. Кишинев. 1972.

Ужанков 2000 — Ужанков А. Н. Русское летописание и Страшный Суд («Совестные книги» Древней Руси) // www.pravoslavie.ru/archiv/letopis.htm

Успенский 1948 — Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. М.; Л. 1948.

DRHA 1976 — Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. II. București. 1976.

DRHA 1980 — Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. III. București. 1980.

HGMV 2003 — Holy Great Monastery of Vatopaidi through the eyes of travelers (15th–19th century). Mount Athos. 2003.

RMOA — Repertoriul monumentelor și obiectelor de artă din timpul lui Ștefan cel Mare. București. 1958.

WHEN THE “CESAR’S METROPOLIS FELL”: MOLDAVIA AND MOSCOVITE RUS IN THE SECOND HALF OF THE 15TH CENTURY

N. D. Russev

In this paper it is shown that after the fall of Constantinople under the power of the Ottomans, the mission of the defence of the Orthodox Church was taken over by the Moldavian *gospodar* Stephan the Great (1457–1504). With the assistance of the monks of Athos, the ruler of Moldavia started to promote the worship of St George and to call himself a “Tzar”. However after 1484, he gave up his intentions, making great efforts to prepare for the doomsday which was expected in 1492. During that period, when the Moldovian-Russian connections were markedly strengthening, Moscow was announced as the “New Constantinople” and Ioann III and his descendants as the successors of the Byzantine emperors. Possibly, Moldavia, in particular the Moscow duchess Elena, daughter of Stephan, has played a significant role in that transformation.

«ХАЗАРСКИЙ СЛЕД» В ДРЕВНЕЙШЕЙ ЛАДОГЕ

При раскопках 1984 г. на Староладожском Земляном городище (экспедиция ЛОИА под руководством Е. А. Рябина) в слое 770–790 гг. (граница микрогоризонтов ЕЗ–3 и ЕЗ–2) был найден обломок железного инструмента с деревянной рукоятью (Рябинин 1999: 190). Сам инструмент практически не сохранился: от него остался только небольшой фрагмент, примерно на 0,5 см выступающий из деревянной рукояти. Это обломок спиралеобразно закрученного железного стержня диаметром 0,4 см. Назначение его определить сложно, возможно, это было шило. Зато деревянная рукоять длиной 9,8 см сохранилась прекрасно (рис. 1–2). Она вырезана из цельного куска дерева и четко разделяется на две части. Маленькая часть, куда вставлен конец железного стержня, имеет форму усеченного конуса с небольшой «манишкой» внизу и в сечении представляет собой правильный восьмигранник. Грани восьмигранника покрыты орнаментом в строго определенной последовательности: грань с тремя рядами коротких насечек, грань без орнамента, грань, украшенная рядами перекрещивающихся линий, грань без орнамента и т. д. Таким образом, две грани орнаментированы тремя рядами коротких

насечек, еще две — косыми перекрещивающимися линиями, и четыре не имеют орнамента. Большая часть рукояти, округлая в сечении (максимальный диаметр 1,8 см), завершается идущим по окружности пояском орнамента из перекрещивающихся линий и короткими насечками по верхнему краю.

Наибольший интерес представляет рисунок на округлой части рукояти, выполненный тонкими прочерченными линиями, нанесенными острым предметом (ножом?). Здесь изображены бегущие животные: с одной стороны — одно животное, более крупное, а с другой — два. У самого крупного животного показаны лапы, покрытые шерстью, уши, вытянутый вдоль тулова длинный хвост; само тулово покрыто перекрещивающейся штриховкой. По отдельным признакам можно предположить, что здесь изображен хищник — собака или волк¹. Два других животных изображены в такой же манере. У первого — показаны лапы, покрытые шерстью, уши, усы (?). Хвост отсутствует. Тело заштриховано косыми линиями слева направо. Возможно, здесь изо-

¹ Выражаем искреннюю благодарность за консультацию и помощь в определении животных зав. лаб. териологии Зоологического института РАН д. биол. наук Аверьянову А. О.

бражен заяц. У второго — также показаны лапы, покрытые шерстью, уши и хвост. Туловище заштриховано так же, как и у самого крупного зверя, — косыми перекрещивающимися линиями. По-видимому, это изображение собаки или волка. Судя по тому, как композиционно расположены животные, мы видим сцену преследования одного животного другим.

При внимательном рассмотрении находки сразу бросается в глаза несоответствие между изяществом, с которым сделана эта вещь, и ее функциональностью, а также то, что этот инструмент, видимо, практически почти не использовался: железо очень быстро сломалось, так что рукоять не имеет следов затертости.

Находки деревянных рукоятей и вообще изделий из дерева в Ладоге, благодаря особенностям ее культурного слоя, не являются редкостью. Найдены также рукоятки, сделанные из кости.

Многие исследователи, занимавшиеся косторезным и деревообрабатывающим ремеслами, отмечали между ними много общего. Г. Н. Бочаров, исследуя декор новгородской резной кости, пришел к выводу, что косторезное ремесло возникло как подражание резьбе по дереву (Бочаров 1969: 97–107). Действительно, дерево и кость (рог) взаимозаменяемы как материал для изготовления самых разнообразных предметов (Флерова 2001а: 93, 143; Колчин 1968: 61). Инструменты костореза также сходны с инструментами деревообработчика: и те и другие использовали нож, резак, сверло, лучковую пилу, циркуль, рашпиль, токарный станок (Флерова 2001а: 23–24; Давидан 1966: 114).

О. И. Давидан, специально занимавшаяся ладожскими изделиями из кости и рога, отметила, что рукояти — это категория находок, отличающаяся большим разнообразием. Не останавливаясь на выделенных ею конструктивных

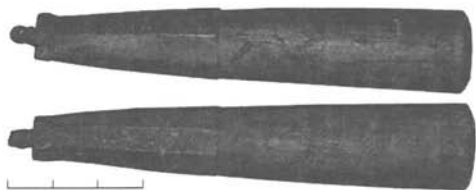

Рис. 1. Деревянная рукоять из раскопок Земляного городища Старой Ладоги

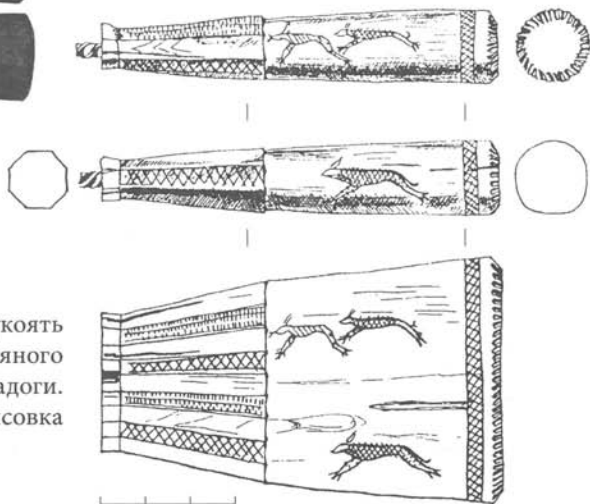

Рис. 2. Деревянная рукоять из раскопок Земляного городища Старой Ладоги. Прорисовка

особенностях (цельные и составные), подчеркнем, что, за исключением самых простых, цилиндрических, форм, почти каждая рукоять индивидуальна².

Публикуемая рукоять могла бы быть поставлена в один ряд с другими найденными в Ладоге рукоятями, как по форме (хотя точных аналогов нет), так и по орнаментации, если бы не изображенная на ней сцена с бегущими животными. В связи с этим возникает вопрос, одновременно ли были сделаны геометрический и сюжетный орнаменты? С большой долей вероятности можно предполагать, что рукоять вышла из рук

² Среди простейших форм отметим деревянные цилиндрические рукояти двух ножей VIII–IX вв. (Старая Ладога 2003: 56, № 8–9; Русь и Балтика 2006: 47, № 147, 148), костяные рукояти из горизонта Е3 (Давидан 1966: 107, рис. 3, 9; Русь и Балтика 2006: 29, № 74) и из горизонта Е1 (Давидан 1966: 107, рис. 3, 8), украшенные поясками перекрещивающихся линий и кружковым орнаментом, рукоять с нарезным геометрическим и циркульным орнаментом из раскопок Н. И. Репникова 1912 г. (Русь и Балтика 2006: 29, № 72). Встречены костяные рукояти с отверстием большого диаметра (Давидан 1966: 107, рис. 3, 11). Удлиненно-овальную форму имеют две деревянные рукояти, суживающиеся к рабочему концу (Русь и Балтика 2006: 47, № 150, 151). Целая серия костяных и деревянных рукоятей шильев и ножей имеет выделенную головку (Давидан 1966: 107, рис. 3, 6; Русь и Балтика 2006: 47, № 152). У одной рукояти помимо головки имеется еще дисковидный упор (Русь и Балтика 2006: 47, № 149). Найдено не менее 5 граненых костяных рукоятей — четырех-, пяти-, шести- и многогранные (Давидан 1966: 107, рис. 3, 5, 7, 10, 5, 3, 4), происходящие, по сведениям О. И. Давидан, из верхних горизонтов культурного слоя (Давидан 1966: 109). Орнамент, украшающий рукояти шильев и ножей, в основном геометрический, представленный прорезными линиями (одинарными или двойными), кружками, сеткой, перекрещивающейся штриховкой. Встречаются также плетенка и элементы растительного орнамента (Давидан 1966: 110, рис. 6, 4). Аналогичный декор имеют и другие предметы из дерева и кости: рукоятки ложек (Русь и Балтика 2006: 45, № 133, 134, 135), чаши (Русь и Балтика 2006: 44, № 132), гребни (Русь и Балтика 2006: 39–40, № 113–119), копоушки и булавки (Русь и Балтика 2006: 30–31, № 75–81, 83).

мастера в законченном виде, поскольку фигуры животных хорошо вписаны в архитектуру изделия и, скорее всего, нанесены тем же инструментом, что и геометрический рисунок. Косвенным доказательством этого могут служить и рисунки, найденные на памятниках Северо-Запада на различных бытовых предметах, а также на обрывках бересты или обломках кости, но не являющиеся элементами орнаментации.

Так, на Земляном городище в микрогоризонте Е3–3 (760–770 гг.) было найдено ребро животного с прочерченным рисунком корабля; изображение выполнено в иной манере, хотя достаточно детализовано — присутствуют, например, такие важные характеристики, как необычный для северных кораблей треугольный парус (Рябинин 1994: 26, 50–51, рис. 26).

В. П. Петренко в раскопе на Варяжской улице в слое, датируемом не позднее IX в., был найден рисунок корабля с высоко поднятыми штевнями и мачтой, увенчанной флагом (Сорокин 1997: 65, рис. 19, 7). По мнению П. Е. Сорокина, это изображение судна скандинавского типа (Сорокин 1997: 65). В том же раскопе, в постройке второй половины IX–X вв., определяемой как святилище, найдена костяная поделка, интерпретированная как рукоять (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 165) или «свирель» (Кирпичников, Сарабьянов 2003: 140). Она орнаментирована поперечными поясками, но позднее, в процессе использования, на ней были процарапаны различные рисунки: крест, «молот Тора», два рога для питья, плетенка (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 165, фото на с. 71). По мнению А. Н. Кирпичникова, здесь соединились элементы скандинав-

Рис. 3. Граффити на реликвариях салтовской культуры (по: Флерова 1997):
 1-2 — могильник Верхнее Салтово; 3-4 — городище Саркел; 5 — городище Маяки

ского и славянского искусства (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 165).

На Земляном городище в слое второй половины X в. было найдено ребро животного с растительным узором на одной стороне и с процарапанным рисунком стрелы на другой. (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 76–77).

Среди рисунков X–XIV вв., оставленных жителями древнего Новгорода (Рыбина 1998: 15–27), встречены изображения людей, животных, птиц (как реальных, так и фантастических). Выполнены они с разной степенью мастерства, но объединяет их контурность и схематизм.

Говоря о средневековых рисунках, необходимо упомянуть две находки орнаментированных костяных конусов, назначение которых до сих пор остается спорным, но чаще всего их называют обоями, рукоятями или наконечниками стрел (Давидан 1966: 112–113). Один из конусов найден на Земляном городище в 1981 г. при разборке строительных остатков церкви Климента (1153 г.). Сделан он настолько изящно, что с полным основанием может рассматриваться как образец декоративно-прикладного искусства. На нем тонкими прочерченными линиями изображена фигура оленя или лося, «присевшего» на передние ноги; внизу проходит орнамент в виде плетенки (Васильев 1998: 410–429). находка не имеет аналогий и остается пока не до конца понятой³.

³ Не совсем ясно ее назначение и спорна предлагаемая автором публикации датировка. Б. Г. Васильев датирует ее на основании косвенных данных IX–X вв., в каталоге выставки «Старая Ладога — древняя столица Руси» (№ 62, с. 64–65) она датируется VIII–IX вв. На наш взгляд, учитывая условия находки, она, скорее всего, относится к более позднему времени.

Рисунок на ней, хотя и сделан в технике прочерчивания острым орудием, по своим стилистическим особенностям резко отличается от рисунка на публикуемой рукояти.

Второй конус найден на Рюриковом городище среди подъемного материала (Верхорубова, Шорин 1985: 54–55, рис. 2, 9). На нем, по мнению авторов публикации, процарапаны «две птицы, разделенные схематическим изображением водоема». Не останавливаясь на интерпретации изображения, подчеркнем, что рисунку присущи статичность и схематизм, хотя автор и пытался показать такие детали, как оперение птиц и водную поверхность.

На деревянной рукояти из Ладоги изображение, наоборот, очень динамичное: реалистично переданы не только отдельные черты облика животных, но и их движение. В первой публикации рукоять рассматривалась как «яркий образец художественного творчества древних ладожан» (Рябинин 1999: 190). Не отказываясь от такой интерпретации, мы попытались сузить круг аналогий, и поиски увели нас довольно далеко от Старой Ладоги — на Дон, в Приазовье и в Предкавказье, к памятникам салтово-маяцкой культуры. Здесь была выявлена серия различных знаков и изображений людей, животных, птиц, нанесенных на строительные камни, кирпичи, различные костяные изделия и керамику (Плетнева 1984; Флерова 1997; 2001a). Выделяются различные стилистические приемы, при помощи которых выполнены эти рисунки — от крайне схематичных до реалистических, передающих не только контуры фигур, но и отдельные детали (Плетнева 1984).

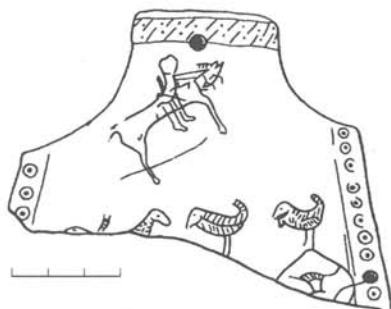
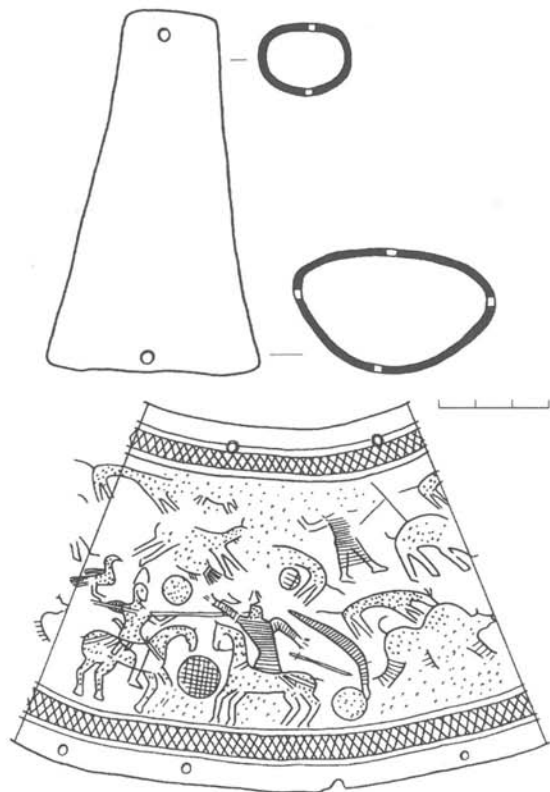

Рис. 5. Граффити на реликварии из Керченского музея (по: Флерова 1997)

Рис. 4. Граффити на реликварии салтовской культуры из городища Маяки (по: Флерова 1997)

Особую группу составляют сюжетные рисунки на костяных изделиях, называемых в литературе горловинами бурдюков или реликвариями (Флерова 1997: 59–60). Эти изображения интересны для нас еще и тем, что нанесены на предметы, входившие в обиход обычных людей. В погребении № 2 Салтовского могильника найден костяной предмет усеченно-конической формы (рис. 3, 1), на котором выгравированы изображения животных: оленя, льва, барана, собаки (?), а также птицы и рыб (Флерова 1997: 61, табл. X, 1). Изображения животных делятся на несколько ярусов, сверху и снизу они ограничены поясками орнамента из насечек и заштрихованных треугольников, заключенных между прочерченными линиями. У животных

показаны уши, пасти, копыта. Туловища заштрихованы косой сеткой, голова и ноги не заштрихованы.

В том же могильнике найден подобный предмет, украшенный изображениями различных животных (конь в сбруе, олень, кабан, хищник), птиц и рыб (рис. 3, 2). Фигуры животных декорированы точками, причем, как и в предыдущем случае, заштрихованы только части изображения (Флерова 1997: табл. X, 2). На городище Саркел найдена орнаментированная втулка (рис. 3, 4), рисунки на которой по своим стилистическим особенностям близки вышеописанным (Флерова 1997: табл. X, 4)

Сложная композиция, включающая в себя не только изображения животных, птиц, сцену терзания, но и поеди-

нок двух всадников (рис. 4, 1), помещена на костяном предмете, происходящем из городища Маяки (Флерова 1997: табл. X, 6). Она обрамлена поясками орнамента из перекрещивающихся линий, каждый из которых с обеих сторон ограничен двумя прочерченными линиями. В. Е. Флерова соотнесла изображения из Маяков с праболгарским графическим рисунком (Флерова 1997: табл. XXII). По мнению Д. Овчарова, сцены битвы и охоты являются наиболее частыми сюжетами для изобразительного искус-

ства эпохи Первого Болгарского царства. Характерными чертами рисунков являются стремление передать движение, точность характеристики вида животного, реалистичность, передача объема, выраженная в заштрихованности отдельных частей изображения (обычно — тела животного) и отсутствии штриховки на голове и конечностях (Овчаров 1982). Отступление от этих канонов В. Е. Флерова рассматривает как непрофессионализм. Например, среди изображений на обломке

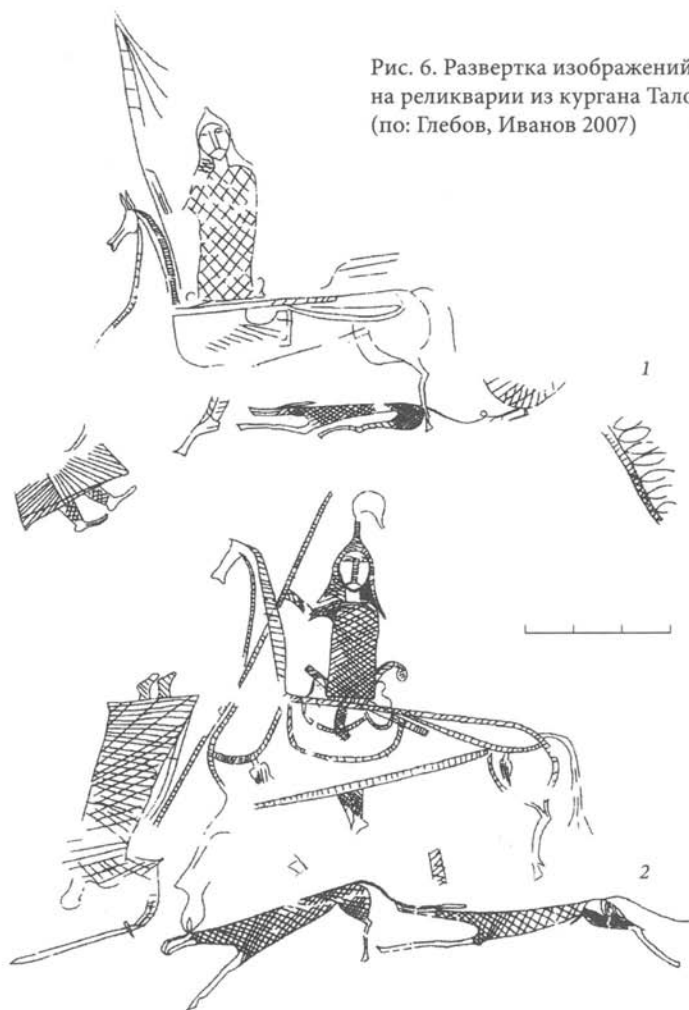

Рис. 6. Развертка изображений (1–2) на реликварии из кургана Таловый II (по: Глебов, Иванов 2007)

депаспортизованного предмета из Керченского музея (рис. 5) одно (а именно изображение всадника), по ее мнению, было вырезано не мастером-резчиком, изготовившим эту вещь, а позднее, т. к. по стилистическим особенностям оно отличается от основных изображений (Флерова 1997: 64, табл. X, 10).

В 2004 г. в Ростовской области на водоразделе рек Маныч и Сал в кургане 3 могильника Таловый II было исследовано погребение, которое, по мнению авторов раскопок, «уверенно соотносится с самими хазарами» и датируется концом VIII–IX вв. (Глебов, Иванов 2007: 12–13, 16). В этом погребении была найдена коробочка-реликварий из оленьего рога с изображениями, прорисованными на лицевой и оборотной сторонах (Глебов, Иванов 2007: с. 12–15). На лицевой стороне показан всадник на крылатом коне, перед ним стоит пеший человек, ниже расположены фигуры собаки и крупной птицы (рис. 6, 1). На оборотной стороне нарисован всадник, поражающий копьём пешего противника, ниже расположены фигурки животных — лося и бегущей за ним собаки (рис. 6, 2). В. Е. Флерова отнесла находку из кургана Таловый II к раннему периоду развития искусства Хазарии и датировала ее в пределах VIII — первой половины IX в. (Флерова 2007: 23).

На наш взгляд, способы изображения животных на ладожской рукояти и на реликварии из кургана Таловый II очень близки друг другу. Фигуры показаны в движении, в динамике. С одной стороны, отличительные особенности зверей переданы довольно лаконично, а с другой — достаточно реалистично, чтобы можно было определить вид

животного. Туловище покрыто перекрещивающейся штриховкой. Конечно, о полном совпадении говорить не приходится, но стилистическая манера одинакова. Думаем, что права В. Е. Флерова, утверждая, что для определения культурной принадлежности изделия важны как сюжеты изображения, так и стилистические особенности, но эти источники являются неравнозначными. Выбор сюжета более подвержен изменениям под влиянием назначения предмета или вкуса заказчика, а его трактовка и особенности передачи деталей определяются художественной школой (Флерова 2001б: 82–83; 2007: 21). В частности, сюжет «собака, бегущая за зайцем» встречается на некоторых металлических изделиях салтово-маяцкой культуры (Фонякова 2001: 87). Обращает на себя внимание совпадение датировок ладожского слоя, из которого происходит рукоять (граница ЕЗ–3, датирующегося 760–770 гг., и ЕЗ–2, который, по уточненным данным⁴, имеет дату 780–810 гг.) и времени, когда было совершено погребение в кургане Таловый II (VIII — начало IX вв.).

Конечно, сейчас трудно сказать, была ли ладожская рукоять изготовлена на территории Хазарии и каким-то образом попала в Ладогу, или она была сделана на месте, но несомненно, что ее сделал человек, хорошо знакомый с искусством кочевнических племен Юго-Восточной Европы или, во всяком случае, видевший и державший в руках какие-то предметы, украшенные в характерной для этого искусства манере.

⁴ Уточненные дендрохронологические определения см.: Черных 1989

Такая находка вполне вписывается в контекст поликультурных ладожских древностей. В микрогоризонте ЕЗ–3 среди находок, имеющих четкий «адрес», кроме вещей североевропейского и скандинавского происхождения, изделий, характерных для лесной зоны (культура длинных курганов), найдены также предметы, свидетельствующие о контактах Ладоги с Юго-Восточной Европой и Востоком (Давидан 1986). К ним относятся самый ранний в Восточной Европе омайядский дирхем 699/700 г. (Давидан 1994: 159) и рисунок корабля с треугольным «средиземноморским» парусом (Рябинин 1994: 51). В микрогоризонте ЕЗ–2 найдены лунницы из синего стекла — украшения, характерные для салтовомаяцкой культуры. В этом слое появляются наиболее ранние сердоликовые бусы шаровидной формы, которые, по мнению О. И. Давидан, поступали в Ладогу с Кавказа по Волжскому пути (Давидан 1988: 113–114). Здесь же открыта стеклодельная мастерская, работавшая на привозном восточном сырье и по восточной технологии (Рябинин 1995: 59). Начиная с микрогоризонта ЕЗ–2 фиксируется активное поступление арабского серебра.

Находки, связанные с Хазарией, и их ближайшие аналогии могут, как нам кажется, несколько прояснить пути их появления в Ладоге.

В. А. Булкин и Д. А. Мачинский, опираясь на разработки В. Л. Янина (Янин 1956), сопоставили нумизматические данные и свидетельства письменных источников. Они разделили клады, обычно рассматриваемые нумизматами в рамках VIII–X вв., на отдельные, как они назвали, «территориально-хроно-

логические сгустки», совпадающие с основными периодами древнерусской истории, известными по письменным источникам. Такой подход дал интересный результат: удалось не только проследить направления торговых путей на территории Восточной Европы, но и зафиксировать поэтапную динамику их изменений. Для первого периода сложения русского протогосударства (750–840-е гг.) были отмечены два пути распространения арабских монет — волго-балтский и донецко-неманский, которые совпадали с путями предшествующего времени (II–IV вв.). Кроме того, внимание исследователей было привлечено к вырисовывавшемуся, по сведениям арабских авторов, но недооцененному ранее доно-окскому пути (Булкин, Мачинский 1986: 13–19, карта 1 на с. 23).

В Ладоге среди находок, синхронныхкладам первого периода, по В. А. Булкину и Д. А. Мачинскому, в микрогоризонте ЕЗ–2 (790–810 гг.) известны лунницы салтовского типа. На границе микрогоризонтов ЕЗ–3 — ЕЗ–2 (760–810 гг.) найдена и публикуемая деревянная рукоять с изображениями бегущих животных. Территориально близкий к Ладоге и лежащий на том же балтийско-волховском участке торгового пути петергофский клад с младшей монетой 804 г. был сокрыт не позднее первой четверти IX в. На некоторых монетах, как известно, найдены граффити, в том числе и на тюркском языке, аналогии которым имеются на памятниках салтовомаяцкой культуры, расположенных по Дону и Донцу. В низовьях Дона находится могильник Таловый II, откуда происходит ближайшая стилистическая аналогия ладожским рисункам на руко-

яти⁵. На наш взгляд, эти находки хорошо вписываются в реконструируемый по письменным и нумизматическим источникам маршрут и могут служить дополнительным аргументом в пользу функционирования доно-окского торгового пути на рубеже VIII–IX вв.

Таким образом, хронология и контекст ладожских находок подтверждают вывод исследователей об ориентации древнейшего поселения в низовьях Волхова на международную торговлю, осуществлявшуюся по водным путям Восточной Европы.

Литература

- Бочаров 1969* — Бочаров Г. Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М. 1969.
- Булкин, Мачинский 1986* — Булкин В. А., Мачинский Д. А. Русь конца VIII — начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. Проблемы историко-культурных контактов. Сыктывкар. 1986.
- Васильев 1998* — Васильев Б. Г. Костяное изделие из Старой Ладogi // Русь и южные славяне. Сб статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина. СПб. 1998.
- Верхорубова, Шорин 1985* — Верхорубова Т. Л., Шорин М. В. Костяные изделия с Городища под Новгородом // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. 1985.
- Глебов, Иванов 2007* — Глебов В. П., Иванов А. А. Реликварий из кочевнического погребения хазарского времени на Нижнем Дону // Проблемы на изкуството. № 3. София. 2007.
- Давидан 1966* — Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога // АСГЭ. № 8. Л. 1966.
- Давидан 1986* — Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII–IX вв. // АСГЭ. № 27 Л. 1986.
- Давидан 1988* — Давидан О. И. Скарабей из Старой Ладogi. // АСГЭ. № 29. 1988.
- Давидан 1994* — Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник. № 9. СПб. 1994.
- Кирпичников, Сарабьянов 1996* — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладoga — древняя столица Руси. СПб. 1996.
- Кирпичников, Сарабьянов 2003* — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладoga — древняя столица Руси. 2-е изд. СПб. 2003.
- Колчин 1968* — Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Е1–55. М. 1968.
- Овчаров 1982* — Овчаров Д. Български средновековни рисунки-граффити. София. 1982.

⁵ Авторы раскопок отмечали, что манера изображений на реликварии из Талового II отличается от манеры других известных на сегодняшний день рисунков с территории Хазарии, объясняя это от-

личие принадлежностью памятников различным этнокультурным группам населения (Глебов, Иванов 2007: 15–16).

- Плетнева 1984* — Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища. // Маяцкое городище. М. 1984.
- Рыбина 1988* — Рыбина Е. А. Рисунки средневековых новгородцев (по археологическим материалам) // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М. 1998.
- Русь и Балтика 2006* — Русь и Балтика в эпоху викингов: археологические коллекции Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. 2006.
- Рябинин 1994* — Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладоге. // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. 1994.
- Рябинин 1995* — Рябинин Е. А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г. СПб. 1995.
- Рябинин 1999* — Рябинин Е. А. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. 1999.
- Рябинин, Черных 1988* — Рябинин Е. А. Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1. 1988.
- Рябинин, Сорокин 1997* — Рябинин Е. А., Сорокин П. Е. Некоторые судовые находки из раскопок в Старой Ладоге // Дивинец Староладожский. СПб. 1997.
- Сорокин 1997* — Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-западе Руси в средневековье. СПб. 1997.
- Старая Ладога 2003* — Старая Ладога — древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб. 2003.
- Флерова 1997* — Флерова В. Е. Граффити Хазарии. М. 1997.
- Флерова 2001a* — Флерова В. Е. Резная кость Юго-Восточной Европы IX–XII вв. СПб. 2001.
- Флерова 2001б* — Флерова В. Е. Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII вв.: о происхождении накладок седла из Шиловского кургана // Средневековые древности Евразийских степей. Воронеж. 2001.
- Флерова 2007* — Флерова В. Е. Хазарские миниатюры // Проблемы на искусството. № 3. София. 2007.
- Фонякова 2001* — Фонякова Н. А. Сюжетные изображения на сосудах и поясах из Хазарии второй половины VIII–X вв. // Средневековые древности Евразийских степей. Воронеж. 2001.
- Черных 1989* — Черных Н. Б. Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. М. 1989.
- Янин 1956* — Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М. 1956.

THE "KHAZAR" TRACE IN THE EARLIEST LADOGA

E. A. Ryabinin & T. B. Senichenkova

In 1981–1985, during a current phase of excavation at the Earthen Hillfort in Staraya Ladoga (Expedition of LOIA headed by E. A. Ryabinin), a fragment of an iron tool with a wooden haft was found in a layer dated dendrochronologically to 770–790 AD (boundary between microhorizons E3–3 and E3–2). The haft was decorated with belts of geometrical ornamentation and representations of running animals.

Finds of wooden hafts and wooden objects in general are not uncommon in Ladoga owing to peculiarities of the latter's cultural levels. Also hafts made of bone have been found. Our haft might have been compared to the other ones from Ladoga both in terms of its shape (although there are no exact parallels) and ornamentation were it not for the scene with running animals depicted on it.

The search for parallels leads us to the Don River, Azov region and Ciscaucasia, *viz.* to finds from sites of the Saltovo-Mayatskaya culture. In its stylistic features, the scene on the Ladoga haft seems to resemble the representations found at the Mayatskoye settlement-site, Verkhnee Saltovo and Mayaki, Sarkel and particularly at the burial ground of Talovy II. The date and the context of our find confirm the views that the earliest Ladoga was oriented to international trade via water ways. It allows us also to define more precisely the routes of that trade, in particular, to draw attention once again to the Don-Oka branch of the trade route which was functioning in the late 8th and early 9th century.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ГОРОДСКОЙ СТЕНЕ ВЫБОРГА 1470-х гг.

От средневековой каменной стены Выборга 1470-х гг. к настоящему времени сохранились лишь отдельные разновременные элементы. Это перестроенная позднее под колокольную башня Ратуши на западном прибрежном участке и построенная в 1547–1550 гг. перед одной из башен ее восточного сухопутного фланга (Карьяпортти) для усиления обороны артиллерийская Круглая башня рондельного типа. Строительство каменных стен для защиты выросшего к этому времени на материковом мысу города было начато во время правления наместника Выборгского замка Эрика Аксельссона Тотта (1457–1481 гг.), предположительно уже в начале 1470-х гг. (Sinisalo 1971; Kauppi, Miltšik 1993: 38–39; 138–139; Тюленев 1995). Строительство масштабного фортификационного сооружения было вызвано потребностью защитить пограничный город от нового более мощного, по сравнению с Новгородом, Московского государства в условиях усиления борьбы за господство на Балтийском море и быстрого развития осадной артиллерии. В результате этих защитных мероприятий в материковой части Выборга возник так называемый Каменный город.

Первое упоминание выборгской городской стены относится к 1475 г. Полагают, что она к этому времени в своей основной материковой части уже

была готова, поскольку тогда же началось строительство замка Савонлинна в соседней провинции Саво и на два таких объекта одновременно не было достаточного количества мастеров и строительного материала (Sinisalo 1971; Kauppi, Miltšik 1993: 38, 138; Тюленев 1995: 48). Строительные работы, вероятно, продолжались до 1490-х гг.

О строительстве городских укреплений, как и о технике строительства, нет достоверных точных данных. Известно лишь, что стена возводилась в спешке, поскольку ее сооружение было частью масштабной фортификационной программы правителя Швеции и наместника Выборгского замка Эрика Аксельссона Тотта, в которую входило также основание нового упомянутого выше замка и другие строительные мероприятия. Наличие окружавшей город каменной стены определило градостроительное развитие Выборга на столетия, вплоть до составления регулярного плана города 1861 г. Длина стены достигала двух километров. Она защищала город по периметру городского мыса и с восточной материковой стороны в месте, где заканчивалась центральная городская скальная возвышенность, восточнее доминиканского и францисканского монастырей.

Наиболее ранняя карта, на которой изображены окружавшие город

стены и башни, относится к концу 1630-х гг. (рис. 1). Точное количество первоначальных башен неизвестно. В 1540–1559 гг. была проведена масштабная реконструкция городской стены и у воротной башни Карьяпортти на восточном фланге стены построена орудийная Круглая башня, выступающая перед линией городских укреплений. В конце XVI в. стена была также укреплена двумя бастионами: Весипортти (1588–1591 гг.) у башни Весипорттиторни и Уусипортти (1592–1596 гг.) в месте изгиба юго-западной части стены. В литературе можно найти сведения о 9–12 башнях, которые можно идентифицировать по шведским планам XVII в. и русским картам 1763 г. (Gardberg, Welin 1996: 17, 21–22; Kauppi, Miltšik 1993: 38–39, 138–139; Lagus 1893: 27–28; Neuvoonen 1994: 3–4; Ruuth 1908: 35–38; Sinisalo 1971; Тюленев 1995: 45; Viiste 1943: 26–27). Наименования башен впервые фиксируются в источниках середины XVI в.

Поскольку восточный сухопутный участок стены длиной в 0,5 км играл основную роль в обороне города, начнем обзор башен с этой стороны городских укреплений. С южной стороны фланга находилась воротная башня Карьяпортти, перед которой для усиления обороны была построена в 1547–1550 гг. отмеченная выше Круглая башня, соединявшаяся с ней галереей из двух каменных стен. Этот оборонительный комплекс из двух башен был детально изучен В. А. Тюленевым в 1978 г. (Тюленев 1983: 91–97). Далее на краю скальной возвышенности находились самая большая башня Св. Андреаса и проездная башня Ратуши. Восточный фланг приступной стороны городской стены на юге замыкал-

ся башней Мунккиторни, рядом с которой находились городские ворота. Вдоль южной прибрежной части стены располагались Пампаланторни, Уусипортти, воротная башня Хаконинпорттинторни и Катаанпяян торни. Рядом с последней башней на обращенном к замку западном берегу находилась Ренгаспортти (Ринкипортти) или Верьяпортти, через которую проходил выход на Абосский мост. С восточной стороны у залива Силаккалаhti находились Весипорттинторни с воротами и Лакамундинторни. Кроме этих башен на карте конца 1630-х гг. отмечены небольшие оборонительные башни севернее башни Ратуши и западнее башни Мунккипортти по направлению к замку, время строительства и названия которых неизвестны. Упоминается также (1564 г.) еще одна воротная башня Санта или Кивипортти. По Синисало (Sinisalo 1971: 8), между Весипортти и Ренгаспортти (Ринкипортти) могла быть башня, которую можно отнести к эпохе Средневековья. При постройке Рогатой крепости в средневековой городской стене были сделаны отмеченные выше дополнительные укрепления, которые нашли отражение на карте конца 1630-х гг.

При рассмотрении каменной стены 1470-х гг. и в связи с предшествующей историей города возникает вопрос о возможных предшествующих городских укреплениях, о которых нет никаких письменных известий и материальных остатков. Новгород неоднократно предпринимал попытки вернуть принадлежавшие ему до Ореховского мирного договора 1323 г. западные карельские погосты. Выборг осаждался в 1350 и 1411 гг., и, следовательно, можно ожи-

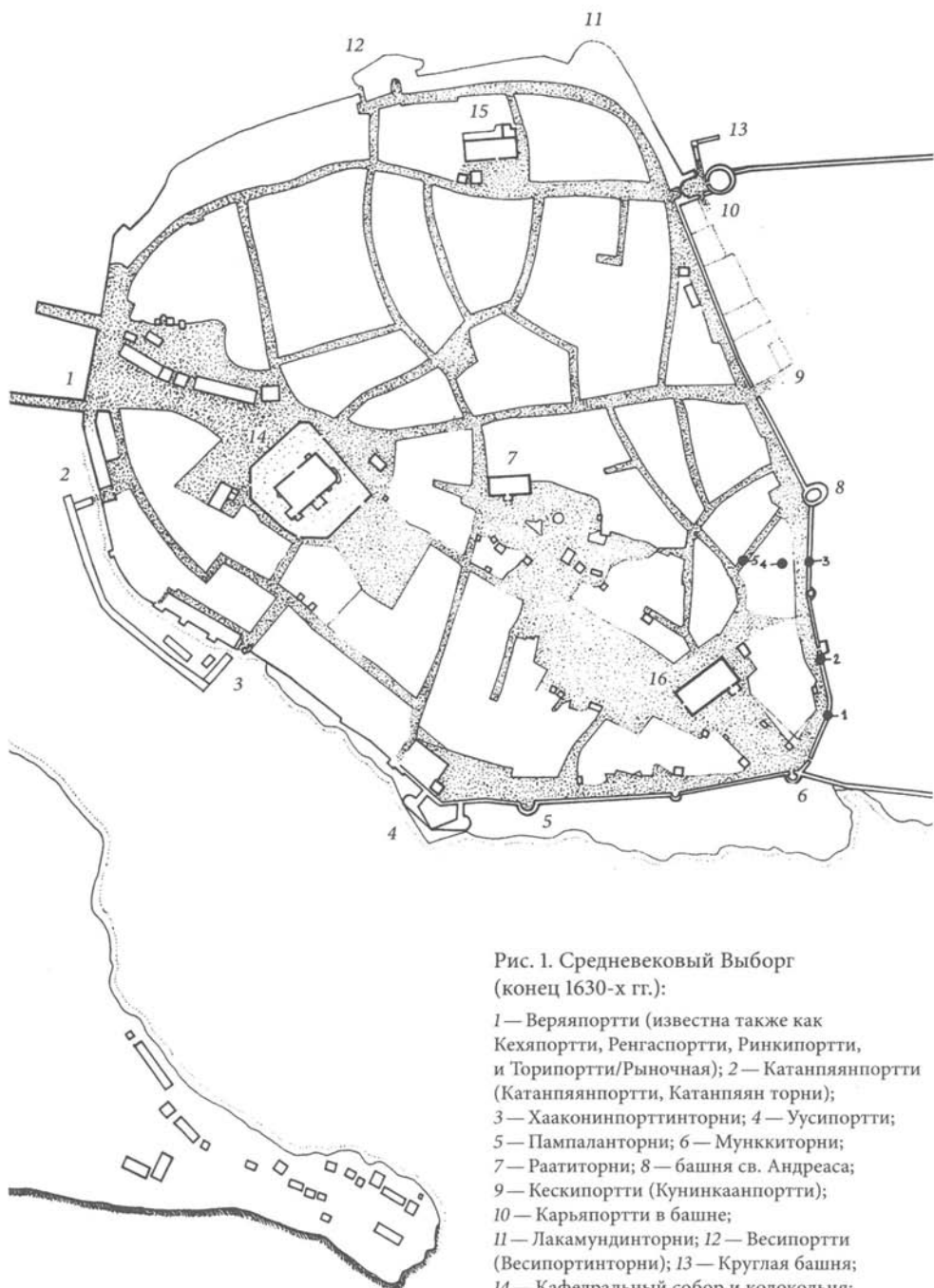

Рис. 1. Средневековый Выборг
(конец 1630-х гг.):

1 — Верьяпортти (известна также как Кехяпортти, Ренгаспортти, Ринкипортти, и Торипортти/Рыночная); 2 — Катанпяянпортти (Катанпяянпортти, Катанпяян торни); 3 — Хааконинпорттинторни; 4 — Уусипортти; 5 — Пампаланторни; 6 — Мунккиторни; 7 — Раатиторни; 8 — башня св. Андреаса; 9 — Кескипортти (Куиникаанпортти); 10 — Карьяпортти в башне; 11 — Лакамундинторни; 12 — Весипортти (Весипортинторни); 13 — Круглая башня; 14 — Кафедральный собор и колокольня; 15 — собор францисканцев; 16 — собор доминиканцев; Ратуша (по Gardberg, Welin 1996: 17). Черными кружками (1–5) отмечены места раскопок 1999–2000 гг.

дать, что было какое-то укрепление, во всяком случае, с восточной стороны (Sinisalo 1971: 7). Можно предположить, что речь в источниках шла об осаде замка. Следует при этом учитывать, что в 1350 г. по летописи уже существовал городской посад, а в 1411 г. новгородцы «охабень взяша и пожгоша».

Второй не менее существенный вопрос, связанный со строительством каменной стены, состоит в том, какую площадь на материковом мысу занимало к этому времени городское поселение. Другими словами, была ли стена построена с учетом его роста или, принимая во внимание особенности Выборгского рельефа и вынужденной необходимости строителям исходить из его особенностей (постройка стены по краю скальной возвышенности и отступления от прямых линий стен), можно полагать, что стена могла отрезать часть уже освоенной городской территории. Частично ответы на эти вопросы были найдены при наших раскопках 1999–2003 гг.

Остается также открытым вопрос о том, насколько прочной и обороноспособной была стена к моменту завершения строительства. Стена сложена из гранитных валунов и была снабжена башнями, рассчитанными на артиллерийский бой. Автор специального исследования о Выборгской городской стене А. Синисало считал, что речь, вероятно, идет о стене, которая образовывалась двумя лицевыми кладками тесаного камня, пространство между которыми было заполнено камнем на растворе (Sinisalo 1971: 8). Он полагал, что толщина стены достигала 2,5–3 м, а высота — 5–7 м. Возможно, уже в Средневековье стена с внутренней стороны

была укреплена контрфорсами. По ее верху проходил боевой ход. А. Синисало также полагал, что высказанные Густавом Ваза в первой половине XVI в. претензии к плохому состоянию стены указывают на действительные недостатки в ее укреплениях (Sinisalo 1971: 8).

В процессе наших раскопок было установлено, что это предположение имеет под собой основания. Пространство между лицевыми кладками было заполнено у Сторожевой башни крупными камнями при ограниченном количестве известкового раствора, что существенно ухудшало ее прочность. Ширина стены в этом месте достигала 2,2 м (Сакса, Бельский, Курбатов, Полякова 2003: 129–140; Belsky, Saksa, Suhonen 2003: 14–30; Сакса 2004а: 569–584; Saksa 2004б: 88–90; 98–109).

Выборгская городская стена впервые подверглась боевому испытанию в 1495 г., когда русские войска Ивана III осадили Выборг. Осада не привела к желаемому результату, но стала широко известна благодаря неожиданному уже для современников ее завершению, которое воспринималось как совершенное св. Андреасом чудо. Позднее в шведской хронике Стууре неудачное завершение штурма было поставлено в заслугу коменданту замка Кнуту Поссе. Событие сопровождалось легендами, из которых наиболее известна легенда про Выборгский гром. Согласно ей, в башне Св. Андреаса во время штурма произошел взрыв котла с изготовленным им волшебным снадобьем. В результате якобы напуганные взрывом московские войска отказались от дальнейшей осады. Одним из возможных объяснений может быть пожар, вызванный воспламенением бочек со смолой (Gardberg,

Welin 1996: 22). Вероятнее всего, начавшаяся осенью осада закончилась с приходом зимы и сопутствующими ей проблемами в снабжении войск¹.

После военных действий 1495 г. стало очевидным, что городские укрепления уже не отвечают современным требованиям обороны. Для их укрепления были запланированы две дополнительные орудийные башни. Из них одна, известная как Круглая, была построена в 1547–1550 гг. Вторая башня рондельного типа планировалась на южном конце материкового восточного фланга, но не была построена (Sinisalo 1971: 9).

Во второй половине XVI в. с восточной стороны от Каменного города к городской стене были пристроены укрепления Рогатой крепости (Горнверка) с двумя угловыми бастионами Эуропэ на юго-востоке и Панцерлак со стороны залива на юго-западе. Береговую часть стены укрепили двумя бастионами, Весипортти и Уусипортти и наружными контрфорсами (Sinisalo 1971: 8–9; Каурри, Miltšik 1993: 38, 138).

Сама стена тем временем разрушалась. По указу короля Юхана III в 1571 г. перед стеной строятся башенки — укрепления из заполненных песком и камнями бревенчатых срубов, которые покрывались землей (Каурри, Miltšik 1993: 38, 138). Остатки этих сооружений выявлены нами в 1999 и 2000 гг. в процессе раскопок у башни Ратуши. В соответствии с планом ре-

гулярной застройки промежуточная между городом и Рогатой крепостью часть стены стала мешать прокладке соединяющих обе части города улиц, и в ней, как это видно на карте 1642 г., были проделаны проходы на месте улиц (Каурри, Miltšik 1993: 39, 139).

В начальный период Северной войны городские стены Выборга укрепили земляными валами и новыми бастионами. При осаде 1710 г. юго-западная прибрежная часть стены была почти полностью разрушена (Каурри, Miltšik 1993: 38, 138).

После окончания войны, в первой трети XVIII в., оборонительные укрепления Выборга основательно укрепили, но в то же время утратившая свое военное значение восточная часть стены продолжала разрушаться, и ее камни использовались при создании новых укреплений. После пожара 1738 г. эту промежуточную материковую стену полностью разобрали. Тогда же была разобрана башня Св. Андреаса, но, возможно, ее нижнюю часть оставили в качестве подвала (Sinisalo 1971: 8).

Большая часть городской оборонительной стены Выборга была разобрана в 1860-е гг. как утратившая свое оборонное значение. Лишь на юго-западном берегу сохранились некоторые остатки укреплений. Но и они были разобраны в 1910-е гг. при расширении порта. От Рогатой крепости сохранился лишь бастион Панцерлак. На удивление хорошо сохранившиеся на высоту до трех метров остатки бастиона Эуропэ были нами раскопаны в 2007 г.

По городской стене Выборга, истории ее строительства, техническому состоянию, размерам и самой линии, проведенной в условиях сложного ре-

¹ В связи с осадой Выборга осенью 1495 г. следует добавить следующее. Нами в 1999 и 2000 гг. были произведены раскопки на ул. Титова в двух десятках метров от места башни Св. Андреаса (ныне находится под построенным в 1960-х гг. жилым домом), однако никаких явных следов военных действий и тотального пожара в слоях конца XV в. не было обнаружено.

льефа материковой части города, до настоящего времени нет достаточно достоверных данных. В разное время как финскими, так и российскими исследователями фиксировались отдельные ее части в процессе строительных, реставрационных и охранных работ (Каурри, Miltšik 1993: 38, 138; Тюленев 1995: 44–48). Они, однако, ограничивались исследованием собственно остатков самой стены или отдельных башен (Ратуши, Скотопрогонной) и характера примыкающего к ним пространства.

В 1999 г. нами были проведены раскопки у единственно сохранившейся части городской каменной стены 1470-х гг. близ башни Ратуши (Раатиторни), позднее перестроенной под колокольню. Раскоп был заложен на дне котлована, выкопанного для размещения в нем алтаря катакомбной церкви, получившей башню для своего использования, с внутренней стороны городской стены. Размеры раскопа составили 8 м вдоль стены (ССВ — ЮЮЗ) и более 2 м в ширину (ССЗ — ЮЮВ). Общая площадь раскопа составила около 30 кв. м. Начался раскоп от северо-восточного угла башни. С юго-западной стороны он ограничивался городской средневековой стеной, а с противоположной северо-восточной стороны — каменными блоками фундамента жилого дома предположительно конца XIX — начала XX в. Выяснилось, что культурный слой на этом участке в своей нижней части сохранился. Следовательно, предыдущие раскопки В. А. Тюленева (1988 г.) и И. А. Хаустовой (1974–1975 гг.) у башни Ратуши затронули лишь часть культурного слоя.

Нетронутые культурные напластования фиксировались уже на глубине

170–190 см от репера². На этом уровне начинался горизонт темно-серого по цвету гумуса мощностью около 40 см, который был представлен остатками строительного мусора. На глубине 220–260 см были расчищены положенные перпендикулярно стене бревна. Наличие кирпичей и кусков черепицы в этом уровне может свидетельствовать о том, что он относится ко времени перестройки боевой средневековой башни под колокольню лютеранской церкви Выборгского сельского прихода (бывшая церковь доминиканского монастыря) в середине XVII в. Ниже продолжался такой же по характеру культурный слой. Его мощность составляла 20–25 см и отличительной чертой было наличие камней и прослойки песка толщиной 20 см у городской стены. Она, резко сужаясь от стены до 5–7 см, фиксировалась на всей поверхности раскопа. Именно с этого уровня сохраняется нетронутой внутренняя лицевая кладка городской стены. Под прослойкой песка зафиксирован слой камней с обрубками дерева, ниже которых продолжался достаточно плотный по своей структуре темный гумусированный слой с зольно-углистыми прослойками мощностью 45–55 см. В верхней его части обнаружены строительные остатки, древесная щепа, кости животных, гвозди. В самом слое найдено много костей домашних животных (корова, свинья и др.), фрагментов обуви и обрывков кожи, фрагментов керамики с глазурованной поверхностью и осколков оконного стекла, кусков черепицы, скорлупы лесных орехов. Нижний, лежавший на скале

² За репер была принята поверхность вмурованного в стену башни верхнего камня сохранившейся поверхности городской стены.

слой темного содержащего золу и уголь гумуса мощностью 40–50 см разделен в средней части прослойкой чистого песка в 3–5 см, залегавшего в слое темного гумуса между двумя большими камнями (диаметр 30–32 см) у краев раскопа. Глубина залегания скалы в раскопе составляет 377–385 см. Нижний слой камней в основании городской стены выложен крупными, диаметром в 100–130 и в отдельных случаях 170 см валунами, в то время как камни лицевого ряда городской стены достигали в среднем в диаметре 30–55 см.

Несмотря на отсутствие датирующих находок в культурных слоях, сама стратиграфия напластований, как и наблюдения за состоянием поверхности стены, дает основания сделать ряд исторических выводов. Темный нижний слой возник непосредственно после строительства городской стены в XV в. Свидетельство этому хорошо сохранившийся совершенно не выветрившийся и не смытый дождевой водой раствор в швах между камнями на этом уровне, что могло произойти лишь тогда, когда поверхность стены вскоре после строительства присыпается землей. Неровности скальной поверхности по трассе стены были выровнены выбором в основание крупных и разных по высоте валунов, что с использованием более мелких нивелирующих поверхность камнями создавало необходимую горизонтальную платформу для собственно самой стены. На поверхности стены на высоте 2 м от ее основания зафиксированы три горизонтально расположенные сквозные отверстия диаметром в 10 см для строительных лесов, расстояние между которыми 260 и 270 см. При строительстве стены (толщина 2 м,

первоначальная высота около 5,2 м) использовалось значительно меньше, чем это было в обычной практике того времени, раствора, что компенсировалось мелкими валунами в заполнении внутренней части. Это привело к последующему достаточно быстрому процессу ее разрушения, что попытались устранить по специальному указу шведского короля Юхана III в 1571 г. посредством возведения с наружной стороны стены бойверков. Начало процесса разрушения хорошо фиксируется по материалам раскопок. Также по результатам раскопок можно судить о жизни «у стены» после утраты ее материковой частью оборонного значения в связи с постройкой в XVI в. Рогатой крепости.

Для получения более полного представления о городской средневековой стене Выборга были заложены два шурфа, один из которых (№ 2) размещался с наружной части городской стены, а второй (№ 1) в 26 м к ЮЮЗ от раскопа № 1 по предполагаемой трассе стены. Его размеры 2×3 м. В шурфе № 1 был встречен мусор, отложившийся в процессе разборки в послевоенные годы створевших в войну построек, слой темно-серого гумуса в нижней части и развал камней предположительно от городской стены у поверхности скалы. В двух метрах к ЮЗ от шурфа впоследствии был заложен разведочный раскоп.

Шурф № 2 был заложен с наружной napольной части городской стены в трех метрах к ЮЮЗ от Ратушной башни с целью обнаружить новые свидетельства по ее истории. Верхняя часть культурных напластований здесь была выбрана экскаватором на глубину 120 см от репера. Ниже залегал гумусированный слой строительного мусора, анало-

гичный слою с внутренней стороны городской стены. Он заметно расширился в сторону от поверхности стены, и его мощность составляла от 20 (у стены) до 80 см. Под ним четко прослеживался слой с обильным содержанием известкового раствора мощностью 30–40 см, который «стекал» в сторону от стены. По-видимому, это следы разборки в середине XVIII в. верхних наземных частей каменной стены. Под ним фиксируется мощная, толщиной 60–80 см прослойка темно-серого гумуса, содержащая мелкие куски известкового раствора и включавшая в себя тонкие прослойки древесной щепы. В этом слое встречены кости домашних животных и несколько фрагментов керамики и обломков черепицы. Одна из отмеченных выше прослоек древесной щепы отделяла слой темно-серого гумуса на глубине 260 см от гумусированного серого слоя, содержащего песок и куски известкового раствора. Мощность слоя около 50 см. С уровня этого слоя камни внешней поверхности стены сохранились в первоначальном состоянии. Отмеченный слой с внешней стороны на расстоянии в 60 см от стены и на глубине около 280 см от репера был ограничен двумя лежащими друг на друге бревнами. Под ними зафиксированы аналогичное бревно и прослойка угля толщиной в 10 см. Это, видимо, остатки упоминавшихся выше защищавших стену снаружи башен 1570-х гг.

Обращает на себя внимание факт хорошей сохранности поверхности городской стены и с ее внутренней стороны, начиная с этого уровня. И именно на этом уровне характер культурного слоя меняется. Это темный схожий по своей структуре как с внутренней, так

и внешней стороны стены слой гумуса, содержащий древесную щепу и также (с наружной стороны) известковый раствор. В верхней части этого слоя было больше строительных остатков, древесной щепы, костей животных, гвоздей.

С внешней стороны стены в рассматриваемом шурфе мощный слой известкового раствора и песка на глубине около 320 см от репера и практически непосредственно под слоем угля и бревнами (разделяет лишь прослойка песка и известки) прерывается горизонтально расположенными прослойками древесной щепы. Ниже зафиксированная часть слоя песка и известкового раствора (толщина 15–20 см) заканчивалась на глубине 310–326 см от репера тонкой прослойкой древесной щепы, на которой фиксировалась аналогичная верхней бревенчатая клетчатая конструкция, сооруженная в 40 см от поверхности скалы. Под щепой, так же как и с внутренней стороны стены, следовала прослойка песка толщиной 10–20 см (330–340 см от репера). Песок заканчивался тонкой вогнутой в средней части прослойкой древесной щепы и трухи, под которой находился такой же толщины слой темного гумуса, вогнутый в центральной части. Этот слой в свою очередь подстилался плохо сохранившимися досками, образующими, по всей видимости, в древности идущую вдоль стены канаву с деревянным дощатым дном и крышкой для сбора воды. Эти слои подстилались слоем гумусированного мокрого песка в 10–20 см, лежащим непосредственно на скале (372 см от репера).

Скальная поверхность в месте постройки стены является относительно

ровной; резкое падение скалы начинается лишь в 6–7 м к ЮЗ от этого места. Из материалов раскопок следует, что в момент сооружения бовверков, которые, как выяснилось, в Выборге далеко отступали от классических образцов, поверхность стены была еще в достаточно хорошей сохранности; осыпалось лишь заполнение швов между камнями. Лишь позднее, во второй половине XVI в., когда к востоку от Каменного города была построена «Рогатая» крепость из двух бастионов, значение стены на этом участке уменьшилось, и она стала быстрее разрушаться.

Раскоп № 2 был заложен на единственно свободном участке в 30 м к ЮЮЗ от раскопа № 1 у Ратушной башни и в 3 м к западу от шурфа № 1. Первоначально он планировался как разведочный (2×3 м), но выявление в нем скопления камней со следами раствора и под ними на скале остатков деревянных (бревенчатых) клетчатых конструкций вынудило сделать ряд прирезок, после чего шурф приобрел черты раскопа неправильных очертаний общей площадью около 20 кв. м.

Непосредственно под слоем дерна в раскопе были встречены камни от вымощенной камнем улицы XIX в. и отдельные обломки кирпичей. Ниже прослежен слой темно-серого гумуса мощностью до 70 см, в котором были встречены как отдельные камни, так и камни, относящиеся к нижней части городской стены 1470-х гг. После снятия камней уличной мостовой и отдельно лежащих камней обозначился сохранившийся фрагмент стены с сохранившимися лицевыми камнями (глубина от репера 127–155 см). Ширина основания стены в этом месте достигала 2 м, а

длина — 1,3 м. Под сохранившейся частью стены на глубине 181–205 см от репера расчищены остатки бревенчатых конструкций клетчатой формы с земляным заполнением. Полагаем, что они выполняли функцию конструкций для создания горизонтальной поверхности под основание стены. Для выяснения характера культурных напластований на этом участке от раскопа была проложена траншея (1×5 м) к стене казармы Петровского времени. Глубина траншеи достигала 1 м в ее СЗ части (у фрагмента стены) и 1,7 м в ЮВ части (у стены казармы). К ЮВ от городской стены в нижней части гумусного слоя фиксировались остатки древесного глена, отдельные сгнившие бревна и глина. Ближе к стене казармы гумусный слой приобретал более однородный характер, окрашиваясь в нижней части в более темный цвет.

Несмотря на незначительную площадь раскопа № 2, в нем обнаружены практически все вещевые находки сезона 1999 г.: фрагменты «голландских» курительных трубок (6 экз.), одна «турецкая» курительная трубка, шведские и российские медные монеты (4 экз.; королева Кристина, Петр I, Анна Иоанновна, Екатерина II). Следует отметить также тот факт, что для устройства фундамента кирпичной казармы Петровского времени использовались камни средневековой городской стены; на них сохранились остатки известкового раствора.

При раскопках 1999 г. примыкающей с юго-западной стороны к Ратушной башне части городской каменной стены 1470-х гг. были выявлены новые детали технической стороны строительства стены и получена важная ин-

формация по расширению территории средневекового города в XV в. и последующих столетиях. Установлено, что каменная стена имела толщину около 2 м и по высоте у башни Ратуши достигала 5,2 м. При строительстве стены в условиях сложного выборгского рельефа с неровной поверхностью скалы и с существенными перепадами в ней строители были вынуждены прибегать к новым техническим приемам. Они заключались в том, что для создания ровной поверхности под основание стены в случае углублений в скале использовались крупные, различные по высоте валуны, диаметром в 100–130 и даже 170 см. Это, вкпе с мелкими нивелирующими поверхностью камнями, создавало необходимую горизонтальную платформу для собственно самой стены. В то же время камни лицевого ряда городской стены достигали в среднем в диаметре 30–55 см. В случае наклона поверхности скалы в основание стены закладывались заполненные землей бревенчатые конструкции прямоугольной формы (клетки). С наружной стороны стены, у ее основания, проходила выложенная из досок водосточная канава.

Раскоп № 1 (2×4 м) 2000 г. у Ратушной башни принес совершенно новые данные по истории города и его укреплений еще и потому, что культурные напластования здесь хорошо сохранились. По ним отчетливо читаются следы разрушения городской стены, сделанной в короткий срок и поэтому без соблюдения необходимых технических условий по причине возникновения новой и более серьезной угрозы с востока после присоединения Новгорода к Москве. В Швеции хорошо понимали, что условия Ореховецкого мирного догово-

ра восточные соседи помнят и не признают его шведской трактовки, а также практической деятельности шведов на границе. К тому же ситуацию усложнило то обстоятельство, что именно ко времени постройки городской стены в Выборге в российской внешней политике актуальным стал так называемый «Балтийский вопрос» — выход к морю. По всей вероятности, именно с этими событиями связан слой пожара под слоями строительного мусора (следов разрушения стены). На уровне поверхности скалы сохранились остатки деревянной застройки.

Раскопки 2000 г. у Ратушной башни с внешней стороны стены в месте ее соединения с башней выявили еще одну особенность строительной биографии стены. В нижней своей части она на высоту в три ряда камней не связана с конструкцией башни; камни стены сложены «встык» с ней для придания необходимой «гибкости» стене. И только начиная с четвертого ряда, камни городской стены выложены «вперевязь» с кладкой объема Ратушной башни как единое целое. В этом, несомненно, отражаются сложности оборонительной истории города, обеспечение которой достигалось в значительной степени через решение различных строительнотехнических задач, в том числе и связанных со сложным скальным рельефом.

Раскоп № 3 2000 г., заложенный на месте строительства дома на углу улиц Сторожевой башни и Титова, имел целью получить дополнительную информацию о каменной городской стене 1470-х гг. Часть ее на этом участке была вскрыта в 1980-е гг. В. А. Тюленевым, однако полученная этими раскопками

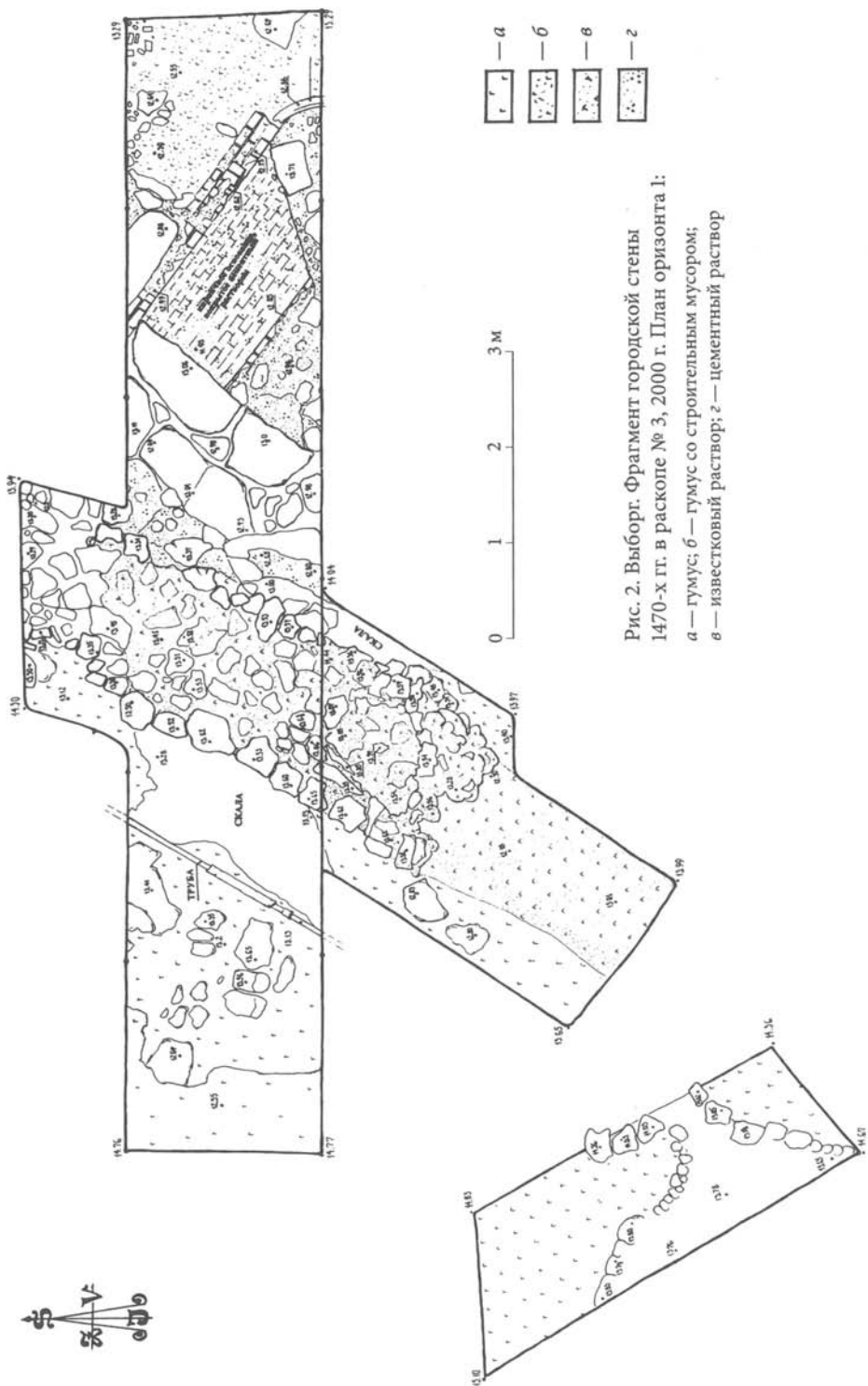

Рис. 2. Выборг. Фрагмент городской стены 1470-х гг. в раскопе № 3, 2000 г. План оризонга 1:

а — гумус; б — гумус со строительным мусором; в — известковый раствор; z — цементный раствор

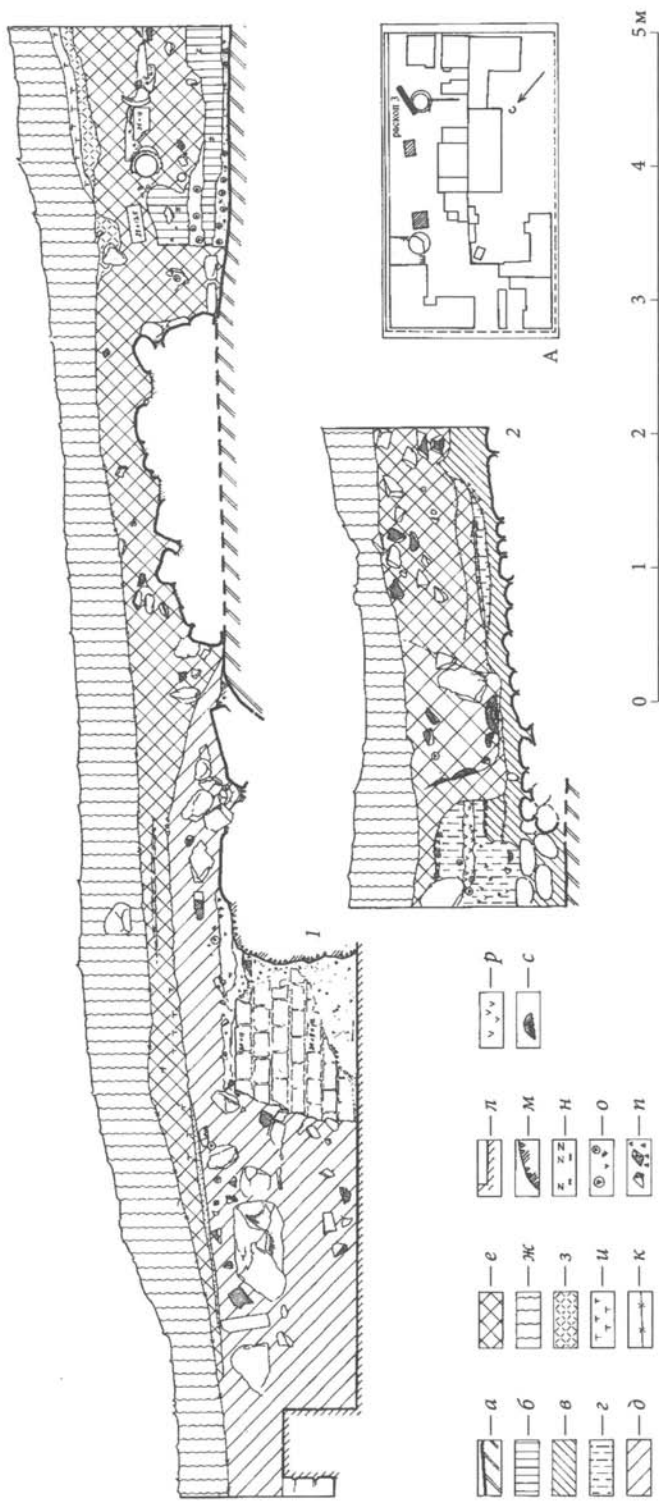

Рис. 3. Выборг. Фрагмент городской стены 1470-х гг. в раскопе № 3, 2000 г. Местоположение (А) и стратиграфия южной (1) и юго-западной (2) стенок раскопа:

- а — скала; б — темно-коричневый гумус; в — черный гумус; г — серый гумус; д — гумусированный слой строительного мусора; е — заполнение ям; ж — техногенный слой; з — торф; и — торф; к — поверхность погребенной почвы; л — кирпичные кладки; м — забутовка из камней с цементным раствором; н — стена; о — известь, известковый раствор; п — кирпичный щель; р — уголь; с — дерево

информация в свете накопленных к настоящему времени археологических данных о средневековых укреплениях города казалась недостаточной. Сохранившийся в раскопе участок городской стены поставлен на краю скального выступа и делает «легкий» поворот в сторону внутренней части города, что опять же подтверждает отмеченную нами ранее необходимость учитывать ее строителями особенностей рельефа поверхности в городе (рис. 2, 3). Это наблюдение, в случае, если будут выявлены другие участки стены, даст возможность соотнести средневековую городскую стену Выборга с ее 12 башнями с современной картой города.

Последующими раскопками 2000 г. в месте соединения улиц Сторожевой башни и Титова на городской каменной стене у башни Св. Андреаса и вблизи ее были получены новые данные по истории развития города в его восточной части. Раскоп № 4, несмотря на незначительную площадь, стал эталонным с хорошо сохранившейся стратиграфией городских слоев XV–XIX вв., включавшей 8 горизонтов. В его нижней части на уровне 7–8-го горизонтов на материке была выявлена угловая часть сруба, заполненная обгоревшими камнями. Дендродаты из самого нижнего горизонта 8 относятся к 1478 и 1480 гг. Другими словами, уже в стадии строительства стены или его завершения городская застройка распространилась к ее основанию. Отсюда наглядно вытекает еще один вопрос ранней выборгской истории. Была ли стена построена «с запасом» на дальнейшее расширение города, или она даже могла «отрезать» от него некоторые уже существующие к 1470-м гг. части? Вопрос вполне обоснован и очеви-

ден, в том числе и по результатам наших раскопок 1999–2000 гг., поскольку линия стены достаточно жестко определялась скальным рельефом мысовой части города. Уже упоминавшаяся выше Ратушная башня была поставлена на самый край уступа скалы. При раскопках у ее основания с наружной части каменной стены были выявлены основание еще одной сложенной из камней более узкой стены и остатки деревянных конструкций в нижнем горизонте. Вряд ли они относились ко времени 1470-х гг. Речь, возможно, идет о наружных укреплениях стены уже в XVI в.

Раскопки 2003 г. в обращенной к заливу западной части города на улице Южный вал и 2004 и 2006 гг. в центральной части неподалеку от Кафедрального собора по улице Выборгская, 8 показали ту же закономерность — наличие мощных, до 3 и более метров горизонтов деревянной застройки. Во всех случаях нижние отложения представлены слоями черной земли с большим количеством щепы и костей животных, находками рыболовных принадлежностей, остатками деревянных конструкций, в которых даже в самых нижних частях использовались уже бывшие в употреблении бревна. Датируются эти нижние горизонты во всех исследованных частях города началом XIV в. Расположенные выше горизонты последней четверти XIV–XVI в. представляют уже сложившуюся городскую планировку с улицами, различными жилыми и хозяйственными постройками и дренажной системой.

Бывшие уже ранее в употреблении бревна этих нижних горизонтов в различных частях средневекового города могут, полагаем, относиться к тому Выборгу, ко-

торый отмечен в летописи в связи с событиями 1411 г. Взятие и разрушение новгородцами «охабня» у Выборга, несомненно, вызвало волну нового строительства в городе и послужило своего рода толчком для его дальнейшего развития. Подобные процессы, по-видимому, были спровоцированы и осадой московскими войсками Выборга в 1495 г. Во всяком случае, материалы археологических раскопок фиксируют заметный рост домостроительства и экономики.

Проведенные в Выборге исследования последних лет выявили многие новые детали в строительстве городских средневековых фортификаций и его строительной истории, формировании его городской структуры. Следует особо отметить то обстоятельство, что результаты этих и ранее проведенных работ определили также основные направления изучения этого древнего города, в том числе и его оборонительных сооружений.

Литература

- Сакса, Бельский, Курбатов, Полякова 2003* — Сакса А.И., Бельский С.В., Курбатов А.В., Полякова Н.Ю. Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии. Калининград. 2003.
- Сакса 2004* — Сакса А.И. Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.) // Страницы выборгской истории. Выборг. 2004.
- Тюленев 1983* — Тюленев В.А. Оборонительный комплекс Кариэпортти Выборгской крепости //КСИА. № 172. 1983.
- Тюленев 1995* — Тюленев В.А. Изучение старого Выборга. Санкт-Петербург. 1995.
- Belsky, Saksa, Suhonen 2003* — Belsky S., Saksa A., Suhonen M. Stadsarkeologi i Viborg // Medeltidsarkeologisk tidskrift 2003. 1. Lund. 2003.
- Gardberg, Welin 1996* — Gardberg C. J., Welin P. O. Viipuri — kivistä rakennettu kaupunki. Jyväskylä. 1996.
- Kauppi, Miltšik 1993* — Kauppi U.-R., Miltšik M. Viipuri. Vanhan Suomen pääkaupunki. Rauma. 1993.
- Lagus 1893* — Lagus G. Ur Wiborgs historia. I–II. Wiipuri. 1893.
- Neuvonen 1994* — Neuvonen P. Viipurin historiallinen keskusta. Rakennusperinnön nykytila. Jyväskylä. 1994.
- Ruuth 1908* — Ruuth J. W. Wiipurin kaupungin historia. I–II. Wiipuri. 1908.
- Saksa, Belsky, Kurbatov, Polykova, Suhonen 2002* — Saksa A., Belsky S., Kurbatov A., Polykova N., Suhonen M. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // Fennoscandia archaeologica XIX. Helsinki. 2002.
- Saksa 2004a* — Saksa A. Viipurin kaupunkikaivaukset 1999–2001 // Viipurin linnaläänin synty. Viipurin läänin historia II. Jyväskylä. 2004.
- Saksa 2004b* — Saksa A. I. Archaeological Cronology of Medieval Vyborg — preliminary results of the excavations of 1998–2000 // Fenno-ugri et slavi 2002. Dating and Chronology. Saarijärvi. 2004.

Sinisalo 1971 — Sinisalo A. Viipurin keskiaikainen kaupunginmuuri // Monrepos. 1. Helsinki. 1971.

Viiste 1943 — Viiste J. Viihtyisä Vanha Wiipuri. I. Helsinki. 1943.

NEW EVIDENCE ON THE HISTORY OF THE CITY WALLS OF VYBORG

A. I. Saksa

This paper is concerned with the history of the stone city walls of the 1470^s in Vyborg. Technical issues of their construction and their influence upon the development of the urban structure are discussed and their defensive potential is characterised. The length of the walls amounted to two kilometres. The oldest map showing the walls and towers encircling the town is dated from the 1630^s. The exact number of the original towers is unknown. In the published sources, information is presented on 9 to 12 towers which are identifiable on the basis of Swedish plans of the 17th century and Russian maps of the 18th century.

It has been already noted in literature that the complaints voiced in the first half of the 16th century by the Swedish king Gustav Vasa concerning the state of the walls of Vyborg corresponded to fact. In the course of our excavations of 1999–2007, it has been established that suppositions about the poor state of the defences were grounded. During the construction of the walls (width 2.2 m, original height about 5.2 m) the quantities of mortar used were considerably less than necessary. This fact fairly quickly resulted in the beginning of the process of destruction of the walls. In 1571, according to a special decree of the Swedish King Johan III, at the outer face of the walls attempts were made to eliminate the destruction by construction of bulwarks — square timber carcasses filled with stones and sand and covered with earth.

The excavations revealed that the city walls were built along the edge of a rocky terrace. Under the conditions of the complicated urban relief, the builders of the Vyborg defences had to employ innovation techniques. Thus, in order to create an even surface for the foundations of the walls, large boulders were used, the interstices between which were filled with small rubble. In this way the needed horizontal platform was created upon which the defensive walls proper were constructed. Where the surface of the rock was sloping, timber cases filled with earth were built into the foundations of the walls. At the excavation near the Town Hall Tower, it was discovered that in the wall adjoining the latter, the three lower courses of stones were laid abutting. Only beginning with the fourth course, the stones of the city wall were bonding with the masonry of the Town Hall Tower.

With construction of the stone city fortifications the problem of the population size of the urban settlement on the bedrock promontory is connected. Our excavations of 1999–2007 have partly solved this problem. It was established that by the moment of construction of the stone defences, the urban territory already had occupied the most of the promontory. At the same time, due to the unevenness of the relief, considerable areas in the central part of the town had been remaining without buildings up to the end of the 17th and beginning of the 18th century.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ НА ЗАВЕЛИЧЬЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА: ПОСЕЛЕНИЕ ИЛИ ГОРОД?

Археологические охранные раскопки 2006–2008 гг. на Завеличье средневекового Пскова (левый берег реки Великой) существенно увеличили источниковую базу по этой части средневекового Пскова. Впервые широкомасштабные исследования проводились напротив Кремля, на участке от летописной «Поромьяни» до Ивановского монастыря (рис. 1, а, б). Полученные результаты стали важным свидетельством о сохранности и характере культурных отложений на этом участке города.

Археологических данных, объективно свидетельствующих о данном участке, было накоплено до этого времени не слишком много. В начале XX в. близ Ивановского монастыря при ремонтных работах было открыто погребение, по находкам монет датированное не позднее XI в. (Каталог 1914). О присутствии на этой территории материалов XII–XV вв. свидетельствовали находки коллекционеров в 1960–1990-е гг. на берегу р. Великой. Однако в данных о местах сбора находок присутствовала известная доля фантазий и «конспиративных» искажений, характерных для собирателей. Довольно объективные данные поступили от коллекционера, собравшего отдельные вещи и керамику из грунта, вывозимого при строительстве Ольгинской часовни в 2003 г., когда

подрезка и нивелировка грунта склона берега была произведена без вызова археологов. В этой коллекции присутствовали вещевые реалии XI–XVI вв.

Предпроектная шурфовка 2004 г. на участке берега напротив кремля дала информацию о присутствии в нестратифицированном слое, не отличающемся «по своей структуре... от расположенного выше современного насыпного слоя», «большого количества керамики, которая датируется преимущественно временем не ранее XVII в.» и о переотложенных более ранних материалах (Кулакова 2004: 13)¹.

Гораздо более значительные и подробные данные были накоплены в результате археологических изысканий XX—начала XXI в. для расположенного южнее участка Завеличья — от «Поромьяни» до Мирожского монастыря. Археологические исследования начались здесь еще в 1886 г. с открытия получившего широкую известность могильника XI–XIII вв. в районе и на террито-

¹ Заметим, что два из четырех шурфов 2004 г. попали в траншеи современных коммуникаций, которыми древние отложения были разрушены полностью. Здесь нам представляется уместным еще раз подчеркнуть, насколько в результате точечной шурфовки высока вероятность неверной оценки степени сохранности культурных отложений на участках города, где мощность культурного слоя мала (Салмина, Салмин 2008: 31, 33).

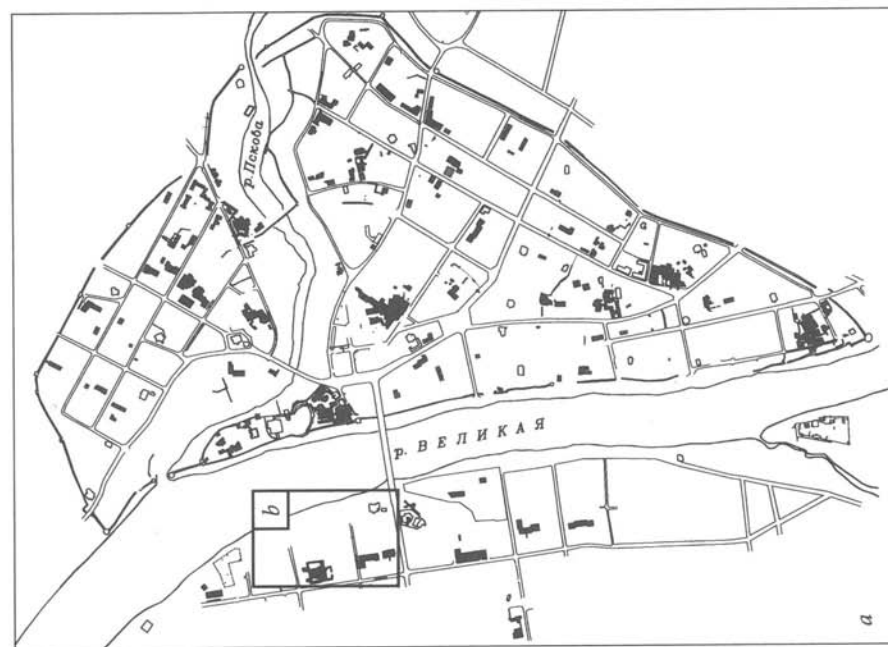
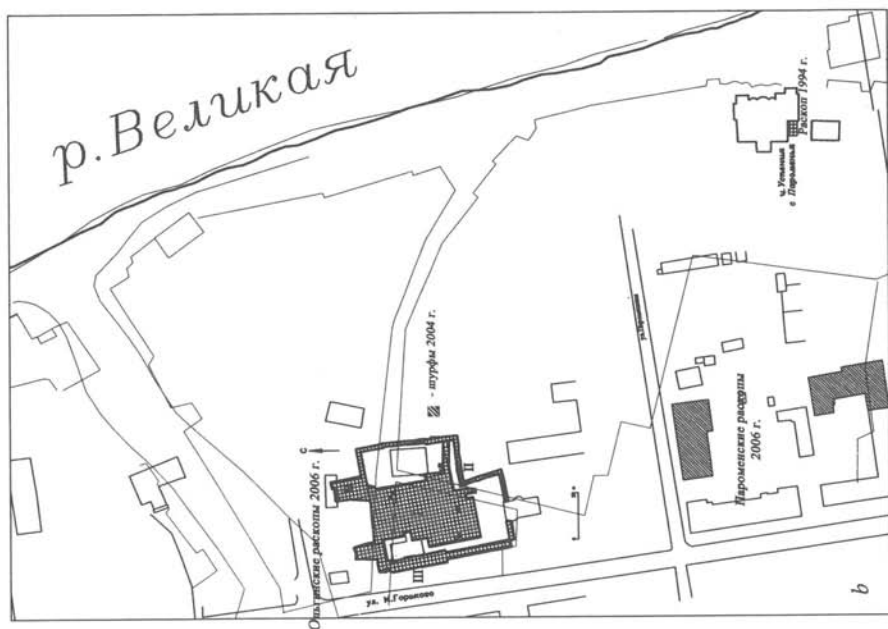

Рис. 1. а — план размещения раскопов в г. Пскове, б — план расположения Ольгинских раскопов 2006 г., совмещенный с наложенным на современную топооснову планом Пскова 1740 г. (совмещение выполнено Б. Н. Харлашовым)

рии Земской больницы (Ершова 1999; Ушаков 1897). Систематическое археологическое изучение городского посада в южной части Завеличья было начато в 1986 г. и продолжается по сей день. Сделаны выводы об освоении и заселении прибрежного участка Завеличья не позднее XI в., захоронения XI–XII вв. соотнесены с остатками древнейшей застройки (жилища с глинобитными печами на плитняковом основании), зафиксированной на Изборском-III, V и XI раскопах. Исследованы следы застройки XII–XIII и XV–XVIII вв. (Королева, 1993; Харлашов, 1994). Второй погребальный памятник раннего периода (X–XI вв.) был открыт при раскопках 2006 г. на Изборских IX и XI раскопах (Закурина, Степанов 2008).

Данные письменных источников, проливающих свет на топографию Завеличья в период раннего Средневековья, весьма скудны. Самые ранние летописные упоминания относятся к 1323 и 1348 гг. (П1Л: 12, 16; П2Л: 23, 26), в обоих случаях Завеличье упоминается как территория, пострадавшая во время военных действий. Летописные упоминания Завеличья во второй половине XIV — начале XVI в. довольно часты, но топографическая конкретика в них относится к южной части Завеличья (Лабутина 1985: 106–107). Позднесредневековые письменные источники связывают территорию на Завеличье напротив кремля, с местоположением гостиных дворов, Немецкого и Любекского (Кирпичников 1994: 14; Юрасов 1997: 120–121).

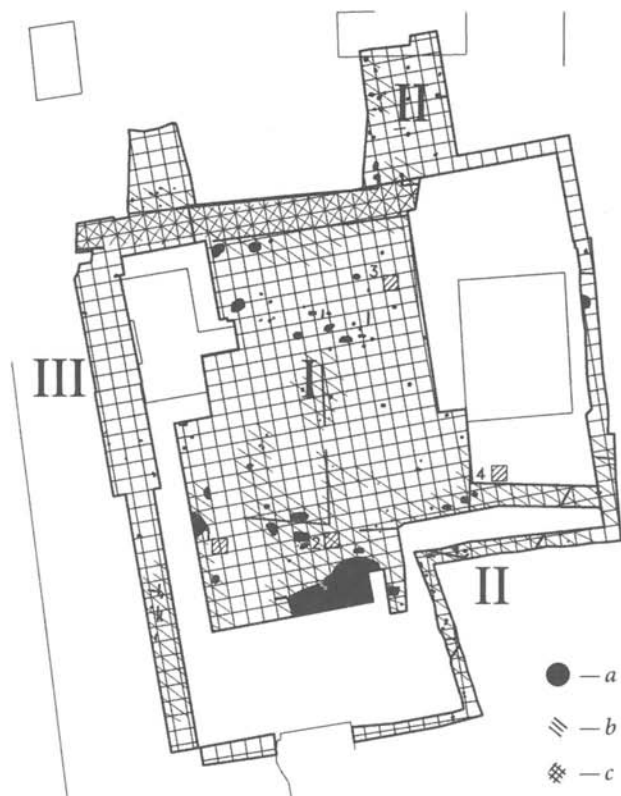

Рис. 2. Распространение отложений и комплексов XI–XIII вв. на площади Ольгинских раскопов:

a — ямы и сооружения XI–XIII вв.,
b — отложения слоя XI–XIII вв.,
c — трасса дороги (улицы?) XII–XIII вв.

Рассматриваемый участок Завеличья отражен также в позднесредневековых изобразительных источниках: на двух иконах по сюжету видения Богородицы кузнецу Дорофею во время осады Пскова войсками Стефана Батория. На иконе из Псково-Печерского монастыря и на иконе из лавки Жиглевича на интересующем нас участке изображена дорога (или улица), ведущая от «Поромяни» к Ильинскому монастырю и расходящаяся затем по двум направлениям — к Ивановскому монастырю и к храму Жен Мироносиц (т. е. на северо-запад, на Изборск). План Пскова 1740 г. также показывает здесь магистраль, частично совпадающую с той, что отражена на иконах.

При работах 2006 г. (Ольгинские I–III раскопы) на довольно большой площади был обнаружен массив раннесредневековых культурных отложений и участок зафиксированной в изобразительных и картографических источниках дороги или улицы (рис. 1, b; рис. 2). Наиболее важным открытием явился факт значительной древности этого объекта (Салмина 2007: 179–190; Салмина, Салмин 2008: 35–47).

Первоначально трасса была прослежена на уровне отложений XVI–XVII вв. в виде 36-метровой по длине и 6-метровой по ширине «полосы» светлосерого, спрессованного, более сухого, чем на остальной площади, грунта с лежащими неупорядоченно и неплотно известняковыми плитками. Выявлен также небольшой участок проулка, зафиксированного на плане 1740 г. Под этим массивом раскрыт темно-серый плотный и сравнительно увлажненный слой (мощностью 7–13 см), разделяющий верхний и нижний горизонты

трассы. Находок в этом слое крайне мало, встречены единичные фрагменты керамических сосудов XII–XV вв.

Под этим слоем по всей длине раскрывается сплошная полоса замощения шириной до 560 см. Замощение составлено некрупным (диаметр 10–14 см) гранитным булыжником, известняковыми плитками (в среднем 10×15×1,5 см) присутствует и более мелкая речная галька и известняковый щебень. Камни замощения на части трассы уложены непосредственно в материковую вязкую глину, 10–12-сантиметровый слой которой лежит на известняковой плите. Камни лежат в 1–2 ряда, толщина замощения достигает 13–25 см.

По обеим сторонам трассы сохранились линии траншеек (1–3 ряда на различных участках), вырубленных в известняковой материковой плите. Ширина траншеек на уровне выявления пятна — от 24 до 40 см. Колышки сохранились на небольших отрезках, дерево имеет очень плохую сохранность; фиксируются небольшие углубления колышков в материк на дне траншей. Траншейки прорезаны рядом ям большего диаметра. Не исключено, что здесь существовали столбы, служившие опорными при устройстве оград на различных этапах существования дороги. В восточной части раскрытого участка выявлены остатки конструкций ворот, установленных, вероятно, на двух столбах. Диаметр столбовых ям 70–72 см, расстояние между воротными столбами — 165 см. К обоим воротным столбам вели «повороты» частокольных канавок.

При расчистке нижнего яруса мостовой и непосредственно под камнями замощения собраны многочисленные находки. Большая часть их составлена

гвоздями, обломками скоб, небольшими неопределимыми железными предметами, обломками ножей. Здесь же обнаружены предметы, относящиеся к XI — началу XIII в.: фрагмент бронзовой шейной гривны, три бронзовых браслета (целый и фрагменты), наклад-ка для поясной кисти, писало, костяные гребень и заготовка рукояти, шифер-

ные пряслица (рис. 3). Отметим, что при разборке мостовой и связанных с нею частокольных траншей было обнаружено (рис. 3) довольно большое количество предметов вооружения и снаряжения всадника и верхового коня (Салмина Салмин 2008: 44–46, 48–49). Непосредственно под массивом мощения обнаружены только вещевые и ке-

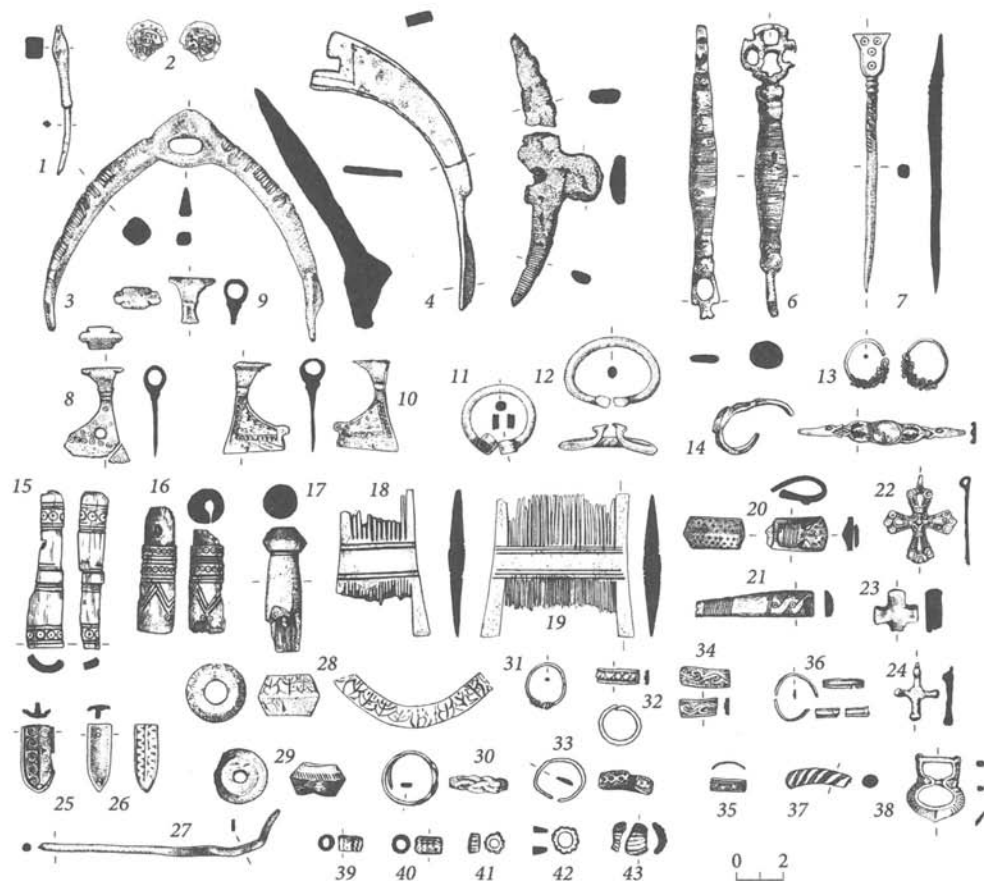

Рис. 3. Находки из предматериковых отложений, ям и конструкций:

1 — наконечник стрелы; 2 — денарий; 3, 4 — стремена; 5 — псалий; 6 — ключ; 7 — писало; 8–10 — подвески-топорики; 11–12 — фибулы; 13 — серьга ажурная со сканью; 14 — перстень с тератологическим сюжетом; 15–17 — рукояти; 18–19 — гребни двусторонние; 20 — фрагмент браслета «с ужиными головками»; 21 — деталь составного одностороннего гребня; 22–24 — кресты нательные; 25–26 — поясные наконечники, 27 — фрагмент шейной гривны; 28–29 — пряслица со знаками; 30 — перстень, 31 — височное кольцо, 32–36 — кольца; 37 — браслет; 38 — пряжка лировидная; 39–43 — бусы (1, 4 — железо; 3, 5, 6 — железо, бронзовая инкрустация; 2, 31 — серебро; 7–13, 20, 22, 24, 26, 27, 32–36, 38 — бронза; 25 — бронза, черн; 14 — бронза, эмаль; 15–19, 21 — кость; 23 — известняк; 28–29 — шифер розовый; 39–40 — паста; 41–43 — стекло)

рамические материалы XI–XII вв., что позволяет говорить о времени устройства замощения этой дороги или улицы, которая вела с запада к летописной «Поромени». Подчеркнем, что летописное упоминание о мощении Изборской улицы на Завеличье датируется только 1417/1418 г.: «Повелеша мастером наместити мост вон стене Великоую оулицу. А другую на Завеличьи Изборскую от Поромяни» (ПЗЛ: 120).

Улицу, открытую в Ольгинских раскопах, можно интерпретировать как «вторую» Изборскую. Существование на Завеличье двух Изборских дорог (улиц) зафиксировано в грамоте 1623 г. Первая была открыта при раскопках Б. Н. Харлашова. Вторая, исследованная при раскопках 2006 г., шла мимо Мирноносицкого кладбища, затем обе улицы сливались в одну дорогу на Изборск (Лабутина 1985: 180).

В исследованную раскопками площадь вошла территория к югу от охарактеризованной трассы. Здесь фиксируется «сетка» частокольных канавок, заглубленных в материковые отложения на 12–36 см. Ориентация канавок близка к меридиональной, то есть соотносится с направлением улицы. Длина сохранившихся отрезков до 8–9 м, ширина от 24 до 42 см, стенки слегка пологие, дно, как правило, уплощенное, ступенчатое. Сами кольшки сохранились очень плохо. Находки из заполнения (вещевые и керамические) датируются XII–XIII вв.

Таким образом, зафиксирован факт разделения площади на раннем этапе на несколько участков, однако интерпретировать их характер и определить размеры довольно сложно. К сожалению, у нас нет уверенности в том, что хотя бы один из участков попал в рас-

коп полностью, однако можно говорить о заметно большей площади участков, чем в Среднем городе (Лабутина 1983). Максимальные промеры ограниченного частоколом участка по оси С — Ю, если судить по суммарной длине отрезков частокола, составляет не менее 22 м (если принять за северную границу трассу дороги — достигает 39, 5 м), расстояние между двумя линиями частокола по оси З — В — не менее 20 м.

Постройки прослеживаются главным образом по остаткам отопительных сооружений. Наиболее информативные остатки сооружений сохранились на «южном дворе», в юго-восточной части Ольгинского-I раскопа. Здесь исследованы остатки двух построек древнерусского времени, слегка заглубленных в материковые отложения. Не исключено, что их можно рассматривать как единый комплекс — на уровне выявления пятна построек сливались, различаясь лишь по составу включений. Постройки сохранились только в нижней части, были выявлены в виде пятен темно-серого грунта с интенсивными включениями крупного известнякового щебня, прокаленной и обожженной глины и раскрошенного булыжника. Котлованы построек незначительно (на 20–35 см) заглублены в материковые отложения, стенки довольно пологие.

Первая постройка (в полевой и отчетной документации обозначена как яма 9) по форме в плане подобна не вполне правильному прямоугольнику, размеры вошедшей в раскоп части до 830×400 см на уровне выявления пятна (до 520×320 см на уровне заглубления в материковые отложения), большая ось — ССВ — ЮЮЗ. В южной части ямы раскрыты остатки отопи-

тельного сооружения — пятно, составленное прокаленной оранжевой глиной с включениями углей, раскрошенного пережженного булыжника, щебня, небольших известняковых плиток и гранитных булыжников. Зафиксировано также скопление слегка подтесанных известняковых плит, на которых прослеживаются следы огня, у южной и восточной границ скопления прослеживается зона интенсивных включений углей, золы, древесного тлена, с восточной стороны присутствуют также включения раскрошенного пережженного булыжника. Эта зона скоплений, в свою очередь, переходит в углесто-зольное пятно с включениями желтого песка. Реконструировать характер отопительного устройства не представляется возможным.

Вторая постройка (в полевой и отчетной документации — яма 31) примыкает к охарактеризованной с запада (в пятне сливалась с ней), также уходит за пределы раскопа, углублена в предматериковые и материковые напластования. Заполнение составлено темно-серым слоем с интенсивными включениями крупного известнякового щебня и сырой бурой глины. Максимальные промеры в пределах раскопа — до 880×410 см, большая ось — 3 — В.

Находки из заполнения двух охарактеризованных построек отличаются изобилием и разнообразием (рис. 3). Широко представлены изделия из железа (ножи, иглы, рыболовные крючки, кудельная булавка, копоушка, клин, неопределимый инструмент, кресало, ключ, звенья цепи и небольших цепочек, фрагменты дужки или дужек, пластины, гвозди и стержни, проволока), камня (обработанные кремни, шифер-

ные пряслица, оселки). Единственная керамическая находка, отнесенная к категории индивидуальных, — миниатюрный орнаментированный лепной горшочек (возможно, игрушка или солонка). Изделия из кости представлены орнаментированными рукоятями, накладкой одностороннего составного гребня, орнаментированным двусторонним гребнем и заготовкой гребня, роговой поделкой, брунчалкой, булавкой. Собрано большое количество отходов косторезного производства — спицы и обрезки косульего рога. Широко представлены изделия из бронзы — votивный миниатюрный топорик, фрагмент гривны, лопасть крестовидной булавки, фрагмент браслета, височное кольцо, пряжки, орнаментированные кольца, наконечник ремня, перстень, грушевидные крестопорезные бубенчики, накладки, проволочные колечки, звенья и обрывки цепочек. Часть находок из бронзы может также относиться к отходам или полуфабрикатам литейного ремесла (выплеск, фрагменты проволоки, пластин). Не исключено, что часть фрагментов тонкой бронзовой проволоки — это обрывки пилочек струн, связанных с косторезным делом. Предметы из серебра немногочисленны — монета-денарий, височное кольцо с завязанными концами. Стекланные и пастовые изделия представлены бусами, бисером, пронизкой.

В пределах этого же «южного двора» исследована прямоугольная яма, на 0,3–0,35 м заглубленная в материк (яма 156), возможно представлявшая собой подвальное помещение наземной постройки. Размеры в пределах раскопа — до 350×230 см, большая ось СВ — ЮЗ. В заполнении ямы найдены

гвозди, фрагмент ножа, ледоходный шип, скоба, пластина, фрагменты железной и бронзовой проволоки, фрагмент шиферного пряслица, фрагмент стеклянного кольца.

Остатки построек на остальных участках (или, возможно, «дворах») представлены основанием печи, но главным образом — только ямами, назначение которых определить не удастся. Среди находок отметим золото-стеклянные бусы, красный и желтый бисер, бронзовые фибулы, орнаментированные кольца и перстни, костяные и роговые гребни, шиферные розовые пряслица, денарий XI в.

Находки из предматериковых отложений, а также обнаруженные в переложном состоянии предметы XI–XIII вв. дополняют и расширяют этот ассортимент. О характере использования территории в ранний период мы можем, таким образом, в наибольшей степени судить по составу, характеру и количеству находок. Коллекция позволяет сделать заключение о том, что население, проживавшее здесь, находилось на достаточно высоком уровне благосостояния.

Об этом прежде всего говорят находки трех серебряных монет-денариев, предметы восточного импорта (сердоликовые, стеклянные и хрустальные бусы), предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня. Находки писала и музыкальных инструментов свидетельствуют о культурном уровне жителей. Собрана коллекция шиферных пряслиц, часть которых — сознаками. Ювелирные украшения разнообразны и многочисленны, среди них немало высокохудожественных и высокотехнологичных изделий: серьга,

выполненная в технике скани, бронзовый в полуде с чернью наконечник ремня, перстень с эмалью и тератологическим сюжетом (человек в пасти рыбообразного чудовища, возможно — Иона в пасти кита) и др. С использованием сложных приемов изготовлены и некоторые бытовые изделия — инкрустированный бронзой по железу ключ, выполненные в той же технике псалий и стремя. Одновременно с этим высок процент украшений из железа: браслеты, фрагменты пряжки и фибулы (можно предположить, что такие украшения были атрибутами небогатого, возможно — зависимого населения).

Состав находок отражает следы двух ремесел: косторезного и бронзолитейного. Собран весьма интересный комплекс косторезного инструментария (миниатюрные железные пилки, пилки-струнки, сверла), многочисленных обломков сырья, заготовок и брака изделий из кости. Находки бронзовых слитков, брака, тиглей показывают присутствие следов литейного производства, хотя никаких производственных сооружений в пределах исследованной площади не зафиксировано.

Основная масса находок относится к XI–XIII вв. или даже XI — началу XIII в. Число индивидуальных находок этого периода приближается к тремстам, фрагменты керамических сосудов исчисляются тысячами.

Выделяется сравнительно малочисленная группа ранних вещей, основной этап распространения которых не выходит за рамки X–XI вв. или XI-начала XII в. Среди них можно назвать некоторые формы нательных крестов (Николаева, Недошивина 1997: 173, 349), деталь составной односторонней расче-

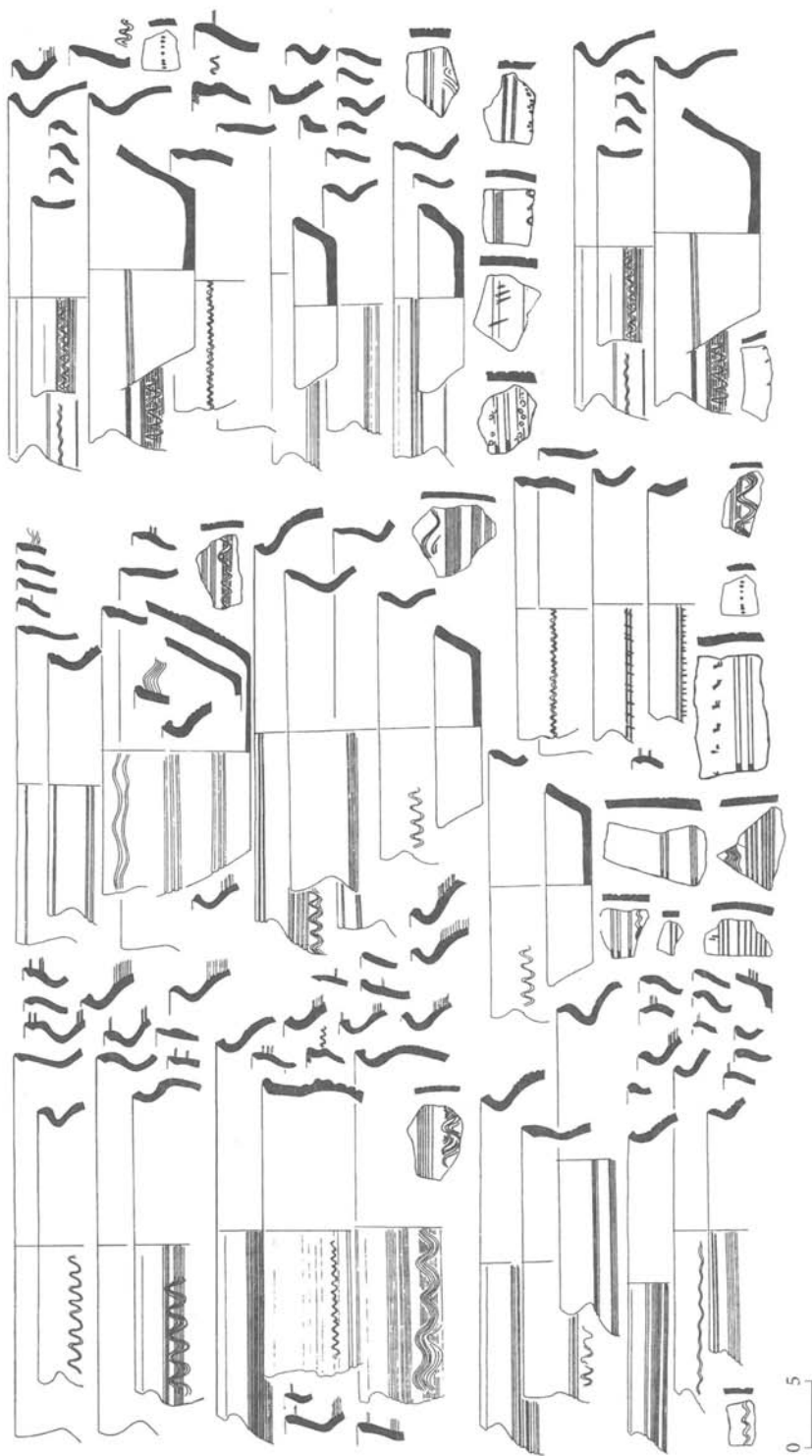

Рис. 4. Керамика из предматериковых отложений, ям и конструкций

ски (Рыбина, Розенфельдт 1997: 20, 257), подвески-топорики, которые являются также признанными атрибутами воинского сословия (Голубева 1997: 153–154, 338; Макаров 1988: 30–32). Нельзя обойти вниманием единичные находки датируемой X в. керамики с валиком, типологически сходной с керамикой Псковского городища, и сравнительно широкую представленность форм керамики, характерных для XI в. (рис. 4; см.: Белецкий 1996; Королева, Кулакова, Степанов 2003).

Исходя из вышеизложенного, на настоящем этапе изученности Завеличья мы можем предложить датировку освоения этой территории не позднее рубежа XI–XII вв. Рамки активного функционирования изученного района, таким образом, — от рубежа XI–XII вв. до второй половины XIII в.

Общий состав находок говорит скорее о городской культуре, чем о культуре сельского поселения. Более того, общий набор предметов социально-престижного круга позволяет говорить о богатой, «аристократической усадьбе». Представляется уместным провести аналогии с исследованным в 1986–1987 гг. участком, расположенным на Завеличье южнее характеризуемого. Здесь при изучении горизонта древнейших отложений (XI–XII вв.) также были широко представлены подобные находки (Харлашов 1994: 55–59, 69–75).

О том, что развитие Завеличья уже на этом этапе подчинено закономерностям развития города, говорит существование уличной сети и единой планировочной структуры участка. Не позднее XII–XIII вв. складываются основные магистрали, идущие вдоль берега. Помимо двух улиц, при рас-

копках 2006 г. у церкви Успенья с Пароменья зафиксирован также фрагмент проулка². В планировке большую роль играют особенности рельефа местности. Ориентация построек практически на всем протяжении исследованной раскопками территории Завеличья связана не только с направлением улиц и линией берега реки, но и с линиями оврагов, пересекавших этот район города и, видимо, ограничивавших заселенную территорию (Харлашов 1994).

Разреженная застройка, чередование собственно жилой зоны с различными угодьями и свободная планировка, которую Завеличье сохранит до XVI–XVIII вв. (Лабутина 1985: 102, 107; Марасинова 1966: 58, 69), с одной стороны, напоминает сельское поселение, но, с другой стороны, может говорить о размещении здесь больших усадеб с обширным хозяйством. Рост численности городского населения при недостатке удобных для одновременного строительства мест в междуречье Великой и Псковы мог привести к тому, что здесь расселялись представители привилегированных слоев древнерусского общества³. Отметим, что в это же время большие по площади дворы с вещевыми материалами социально-престижного облика существуют и на Запсковье (Салмина 2006: 45–48). Вынесение жилищ на слабообжитые заречные территории напротив Крома могли позволить одновременно и не удаляться от общественно-политического центра

² Доклад А. Михайлова «Археологические раскопки на “Поромьяни” в 2006 г.», прочитанный на LIII заседании псковского семинара имени академика В. В. Седова.

³ Ср., напр., свободную застройку пражских Градчан и Малой Страны на раннем этапе (Zelinka 1955).

территории, и избегать проживания в условиях городской скученности.

Однако логика развития богатого посада оказалась нарушена внешнеполитическими обстоятельствами. Политическая ситуация XII в. — сравнительная безопасность, направления возможных вторжений либо с юго-востока (Новгородско-Полоцкое направление), либо с севера (через Нарову) — видимо, служит причиной тому, что на Завеличье не возникает капитальных оборонительных сооружений⁴. Сложное внешнеполитическое положение Пскова в XIII в., активизация Литовского княжества и Ливонского ордена в этот период приводят к ощутимому сокращению территории Пскова и, вероятно, к переселению части жителей с окраин под защиту крепостных стен (Кулакова 2001; Лабутина 1996). Литовский набег 1213 г. в Новгородских 1 и 4 летописях упоминается именно как военные действия собственно на территории города: «Въ лѣто 6721. Въ Петрово говение изъехаша Литва безбожная Пльсковъ и

пожгоша... и много створиша зла и отъидоша» (НПЛ: 49); «В лето 6721. Взятие Псковою... и Литва пришед в Петрово говение, и пожгоша Плесков, отъидоша, попленив» (Н4Л: 184).

Точно так же, как и по данным раскопок предыдущих лет (Харлашов 1994; Степанов 2003), на этой территории зафиксировано присутствие перерыва в активной эксплуатации территории, ориентировочно приходящегося на конец XIII–XIV в. Отложения XV в. также фиксируются слабо, а о строительной активности в большей степени свидетельствуют письменные источники.

Не исключено, что обилие находок — это отражение в материальных остатках тех обстоятельств, которые привели к прекращению существования преуспевающего поселения или посада. Быть может, многочисленные утраты дорогостоящих мелких вещей — это «следы поспешности», с которой жители Завеличья покидали этот район во время военных действий начала — первой половины XIII в.

Литература

- Белецкий 1996* — Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб. 1996.
- Голубева 1997* — Голубева Л. А. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. М. 1997.
- Ершова 1999* — Ершова Т. Е. Некоторые данные о могильнике на Завеличье в районе Земской больницы // Древности Пскова. История, археология, архитектура. Псков. 1999.
- Закурина, Степанов 2008* — Закурина Т. Ю., Степанов С. В. Археологические раскопки на Завеличье (Изборские IX–XI раскопы) // АИППЗ. Псков. 2008.
- Каталог 1914* — Каталог музея Псковского археологического общества. Псков. 1914.
- Кирпичников 1994* — Кирпичников А. Н. Сообщение немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. Публикация источника и исследование. Часть 2

⁴ Ср. с обстоятельствами возведения острога в Новгороде в 1169 г. (НПЛ: 33, 221; Фроянов 1995: 336).

(исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 3. № 16. СПб. 1994.

Королева 1993 — Королева Э. В. Раскопки во дворе дома Батова // АИППЗ. Псков. 1993.

Королева, Кулакова, Степанов 2003 — Королева Э. В., Кулакова М. И., Степанов С. В. Керамика средневекового Пскова X—XVII вв. // АИППЗ. Псков. 2003.

Кулакова 2001 — Кулакова М. И. Динамика застройки Пскова X—XVII вв. по данным археологии, дендрохронологии и письменных источников / Дисс. ... канд. ... ист. наук. М. 2001.

Кулакова 2005 — Кулакова М. И. Отчет об археологических исследованиях в г. Пскове на ул. Горького 4 и 4а в 2004 г. // Архив Псковского археологического центра. Оп. 1. № 187. 2005.

Лабутина 1983а — Лабутина И. К. Двор в средневековом Пскове (некоторые аспекты археологического изучения) // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Рига. 1983.

Лабутина 1983б — Лабутина И. К. К изучению двора средневекового Пскова // АИППЗ. Псков. 1983.

Лабутина 1985 — Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М. 1985.

Лабутина 1996 — Лабутина И. К. Археология и реконструкция территории средневекового города (на примере Пскова XIII в.) // Столичные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI—XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции. М. 1996.

Макаров 1988 — Макаров Н. А. Древнерусские амулеты-топорики // АИППЗ. Псков. 1988.

Марасинова 1966 — Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М. 1966.

Николаева, Недошивина 1997 — Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. Археология СССР. М. 1997.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л. 1950.

Рыбина, Розенфельдт 1997 — Рыбина Е. А., Розенфельдт Р. Л. Гребни, расчески // Древняя Русь. Быт и культура. Археология СССР. М. 1997.

Салмина 2008 — Салмина Е. В. Открытие мощеной улицы XII—XIII вв. на Завеличье средневекового Пскова (Ольгинские I—III раскопы 2006 г.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Выпуск 21. Великий Новгород. 2008.

Салмина, Салмин 2008 — Салмина Е. В., Салмин С. А. Ольгинские I—III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // АИППЗ. Псков. 2008.

Салмина 2006 — Салмина Е. В. Работы на Богоявленском XXXI и XXXIV раскопах в 2004–2005 годах // АИППЗ. Псков. 2006.

Окулич-Казарин 1914 — Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества. Вып. 10. Псков. 1914.

П1Л — Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М. 2000.

П2Л — Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М. 2003.

П3Л — Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М. 2003.

Н4Л — Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М. 2000.

Степанов 2003 — Степанов С. В. Динамика территориального развития городской структуры средневекового Пскова по данным археологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2003.

Ушаков 1897 — Ушаков Ф. А. Каталог вещам и предметам, хранящимся в музее Псковского археологического общества 1897 года. Псков. 1897.

Харлашов 1994 — Харлашов Б. Н. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков. 1994.

Юрасов 1997 — Юрасов А. В. К истории Немецко-Шведского гостиного двора в Пскове в XVII веке // Метаморфозы истории. Альманах. Выпуск 1. Вена; СПб.; Псков. 1997.

Фроянов 1995 — Фроянов И. Я. Древняя Русь. М.; СПб. 1995.

Zelinka 1955 — Zelinka T. S. Prazska predmesti. Praha. 1955.

NEW DISCOVERIES AT ZAVELICHYE IN MEDIAEVAL PSKOV: A VILLAGE OR A TOWN?

E. V. Salmina & S. A. Salmin

This paper deals with preliminary interpretation of the results of excavations at Zavelichye (left bank of the Velikaya River) in Mediaeval Pskov. Large-scale investigations of 2006 were first carried out opposite the Kremlin, over strip of land beginning at the “Poromyan’” of the chronicles as far as the Ivanovsky Monastery. Throughout an expansive area, deposits of 11th–13th centuries have been recorded and the remains of buildings and limits of homesteads have been investigated. The fact that already at that stage, the development of Zavelichye was ruled by the urban regularities is suggested by the existence of a grid of streets and a single layout structure in this area. Among the important discoveries was the revelation of a stone-paved road or street running from the west to the ferry in front of the Kremlin. The sparsely set buildings, the dwelling zone alternated with various grounds and the free plan suggest the location of large homesteads here. The excavations have yielded imported items, ornaments and domestic objects manufactured with the use of complicated technologies and denarii of the 11th century. The assemblage of objects of social prestige marks rich “aristocratic” homesteads. The composition, nature and amount of the finds are characteristic rather of an urban culture than of a rural one. The chronological frame of active functioning of the region under studies is from the turn between the 11th and 12th century to the second half of the 13th century. Its occupation ceased because of the complication of the external political situation of Pskov and war actions of the first half of the 13th century.

УСПЕНСКИЙ СОБОР СТАРОЙ ЛАДОГИ И ХРОНОЛОГИЯ ЛАДОЖСКОГО ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Как и большинство домонгольских храмов Старой Ладogi, Успенский собор не имеет документированной даты строительства, вследствие чего его датировки в различных исследованиях колеблются в пределах второй — третьей четверти XII в. Наиболее обоснованной датировкой долгое время считалась точка зрения, сформулированная П. А. Раппопортом, который отнес большинство храмовых построек Старой Ладogi к 1150–1160-м гг. Согласно его концепции, новгородская строительная артель, после изгнания князя Всеволода Мстиславича в 1136 г., следует за ним в Псков, где на протяжении нескольких лет возводит соборы Ивановского и Мирожского монастырей, тогда как в Новгороде вся строительная деятельность замирает. Затем в 1153 г. владыка Нифонт переводит строителей в Ладogu и закладывает здесь собор Св. Климента, после чего строятся Успенский собор, Георгиевская церковь, а также две церкви, дошедшие до нас в археологических руинах — на Волхове и на Ладожке. На ладожский период приходится окончательное формирование новой типологии новгородского храма — четырехстолпного, одноглавого, кубического в объеме, с закрытыми угловыми палатками хор, соединяющимися между собой деревянным настилом, и веду-

щей наверх внутрискладной лестницей. Эти храмы создаются до 1165 г., когда в Новгороде возобновляется строительство (Пескова, Раппопорт, Штендер 1982: 44–46; Раппопорт 1986: 77; 1993: 58–59). Общую концепцию П. А. Раппопорта принял А. И. Комеч, нашедший ей подтверждение в закономерностях развития композиции фасадов двух сохранившихся храмов Старой Ладogi — Успенского собора и Георгиевской церкви (Комеч 1988: 101–111), а также ряд других исследователей (Соленикова 1994: 235–239; Прудников 1995: 132–142; Мильчик 2002: 289–296). Соответствующую оценку получает и градостроительная концепция Ладogi, «церковный» этап формирования которой, в контексте данной хронологии, приходится на середину XII в. (Кирпичников 1985: 172; Мильчик 1995: 121–131; Кирпичников, Сарабьянов 2003: 89–90).

Однако за последние годы о датировке Успенского собора были высказаны и другие мнения, которые идут вразрез с принятой хронологией ладожского строительства. Главным поводом к этому явилось обнаружение И. Л. Воиновой в ходе реставрационных работ княжеского знака, который был вырезан на строительной затирке в верхней части дьяконника. Знак не имел репрезентативного характера, то есть не предна-

значался для обозрения, поскольку он сразу же был закрыт фресковой штукатуркой. В то же время нет полных оснований интерпретировать его как указание на принадлежность строительной артели тому или иному князю, что можно сказать, например, о княжеских клеймах на кирпичках. Тем не менее наличие знака является важнейшим фактором в датировке Успенского собора. И. Л. Воинова в соавторстве с О. Г. Гусевой (Гусева, Воинова 1995: 75–80; см. также: Лалазаров 2002а: 119; Мильчик 2002: 292) приписала знак князю Ростиславу Мстиславичу и датировала храм периодом его новгородского княжения (1154–1158 гг.). Н. В. Новоселов определил принадлежность знака Святополку Мстиславичу, княжившему в Новгороде в 1142–1148 гг., а время строительства Успенского собора отнес к 1140-м гг. (Новоселов 2001: 128–135; 2002а: 109; 2003: 98–100). С. В. Белецкий сначала предположительно связал знак с Изяславом Мстиславичем, княжившим в Киеве в 1146–1154 гг., объясняя его возможное появление в строительстве ладожского храма тем, что его сын — Ярослав правил в Новгороде в 1148–1154 гг., а сам Изяслав был в 1148–1149 гг. в Новгороде в гостях и мог участвовать в строительстве собора (Белецкий 2001: 195–198). Позже С. В. Белецкий предложил иную интерпретацию знака, определив его принадлежность (вновь предположительно) Владимиру Мстиславичу, родившемуся в 1132 г. (Белецкий 2006: 58). Таким образом, во всех интерпретациях княжеский знак относится к третьему поколению Мономашичей — сыновьям Мстислава Владимировича, но точной даты строительства Успенского собора из него пока не простекает.

Д. А. Мачинский, присоединившись в принадлежности знака Изяславу Мстиславичу, выдвинул свою версию строительства Успенского собора. Согласно его концепции, Успенский монастырь был основан норвежской женой Мстислава Владимировича Кристин до ее смерти в 1122 г. и являлся частью широкомасштабной программы монастырского освоения новгородских земель. Изначально храм был деревянным, но позже на его месте, над захоронением княгини Кристин, ее сыном Изяславом Мстиславичем был возведен каменный собор. Это могло произойти как в период его пребывания в Новгороде в 1148–1149 гг., так и ранее — в 1143–1144 гг., когда Изяслав был в Новгороде и способствовал поставлению своего брата Святополка на новгородский престол (Мачинский 2003: 230–236). Б. Г. Васильев, основываясь на анализе сохранившихся фрагментов фресок, дает памятнику широкую датировку второй четвертью XII в., ставя его строительство и фресковую декорацию в хронологический ряд перед церковью Св. Климента (Васильев 1994а: 191–195; 2003а: 177–178; 2006: 90).

В настоящее время в Успенском соборе завершились многолетние комплексные реставрационные работы, в результате которых архитектура храма максимально приближена к первоначальному облику, а в интерьере полностью выявлены все фрагменты фресковых росписей XII в.¹ Этот факт позволяет дать храму более полную, по

¹ Реставрация архитектуры велась специалистами СПбФИ «Спецпроектреставрация» под руководством И. Л. Воиновой, живописи — художниками-реставраторами Межобластного НРХУ под руководством В. Д. Сарабьянова.

Рис. 1. Успенский собор. Общий вид

сравнению с предшествующими исследованиями, и во многом новую оценку, которая вносит существенные коррективы в наши представления о памятнике. В первую очередь это касается пространственно-композиционного решения его архитектуры, а также художественного и иконографического своеобразия его фресок, которые, как представляется, позволяют по-новому взглянуть на вопрос о времени строительства Успенского собора, а в более широком смысле — о строительной хронологии ладожских храмов XII в. (рис. 1).

Традиционно Успенский собор ставится исследователями в ряд памятников, возведенных в середине XII в., когда была сформулирована новая типология новгородского храма, имевшего более простые и лаконичные формы и

существенно отличавшегося от княжеских построек первой четверти XII в. Для храмов подобного типа характерно одноглавие, наличие четырех столбов, хоры с закрытыми угловыми палатками и ведущая наверх внутрискладчатая лестница. Успенский собор формально отвечает всем перечисленным характеристикам, однако при этом они отнюдь не являются определяющими в облике храма и особенно его интерьера. Внутреннее пространство собора обладает ярко выраженным зальным характером, которое выходит за рамки новой типологии новгородского храма, обнаруживая несомненное сходство именно с ранними княжескими постройками. Показательны соотношения размеров купольного квадрата со сторонами — $4,26 \times 4,28$ м, при том что боковые нефы, имея ширину 1,6 м, оказываются более чем в 2,5 раза уже центрального. Эта характеристика представляется принципиальной особенностью Успенского собора. Для сравнения следует отметить, что среди памятников новгородского зодчества лишь соборы первой четверти XII в. — церковь Благовещения на Городище, соборы Антониева и Юрьева монастырей, Николо-Дворищенский собор — приближаются к этим показателям, где данные параметры чуть превышают соотношение 1:2. Что же касается новгородских храмов середины — второй половины XII в., то эти соотношения становятся значительно меньше, что говорит об иной, по сравнению с зальным интерьером Успенского собора, пространственной композиции подкупольного пространства, ставшей для Новгорода этого периода определяющей (Раппопорт 1982а: табл. 14).

На усиление эффекта зальности ориентировано не только соотношение высоты и ширины основных пространственных ячеек Успенского собора, но и большинство архитектурных решений его интерьера (рис. 2). Главным в характеристике внутреннего облика становится его стабильность и уравновешенность, величественность и зальность. Минимизируются обычные для этого времени членения стен лопатками, которые сохраняются только в арках малых апсид, благодаря чему пространства рукавов подкупольного креста приобретают еще большую целостность и становятся абсолютно преобладающими. Западные угловые компартименты, заметно пониженные относительно подкупольного пространства, уходят на второй план. Особую композицию имеют боковые апсиды, которые возведены в один уровень с центральной, но в интерьере сильно скрадываются за счет того, что открываются они не на всю высоту, но делятся перемычками, образующими ярус просветных арок. Алтарные Г-образные столбы развернуты широкой плоскостью на запад (1,6 м), а заплечики открываются только в объеме боковых апсид, которые — единственные — имеют у проходных арок выделенные откосы в виде лопаток, тогда как все остальные арки храма сливаются с плоскостью стен. Таким образом, композиция алтарного фасада построена на сопоставлении широкой и открытой центральной апсиды и скрытых боковых объемов, открывающихся в наос узкими проемами и просветными арками, которые не столько соединяют пространства боковых апсид с наосом, сколько его приоткрывают, тогда как в

целом остается впечатление их закрытости и обособленности. В результате алтарная композиция лишь усиливает впечатление зальности основного храмового пространства, что становится главной характеристикой интерьера Успенского собора (рис. 3). Отметим, что аналогичный эффект зальности при минимизации архитектуры интерьера хорошо известен на примере Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (около 1140 г.), в котором, по характеристике А. И. Комеча, «наиболее полно для новгородско-псковской архитектуры XII в. воплотился византийский идеал храма с широким свободным, осененным куполом пространством» (Комеч 2003: 45). В то же время соотношение центральной и боковой апсид находит параллели в аналогичной организации алтарного фасада собора Антониева монастыря, где Т-образные столбы создают впечатление плоскости стены, усиливая обособленность просторного центрального алтаря и стесненных боковых апсид, открывающихся в наос высокими узкими арками: «Отсутствие лопаток приводит к образованию широких, стенных по характеру плоскостей, за которыми теряется вертикальная столпообразная природа восточных опор. Возникает ощущение единой стены, отделяющей алтарь от наоса и прорезанной высокими арками примыкающих к ней апсид» (Комеч 1987: 311).

Особо следует сказать о соборе Антониева монастыря, который в первом своем строительном варианте (1117–1119), по существу, открывал новую типологию новгородского храма упрощенной композиции — четырехстолпного одноглавого храма «нового

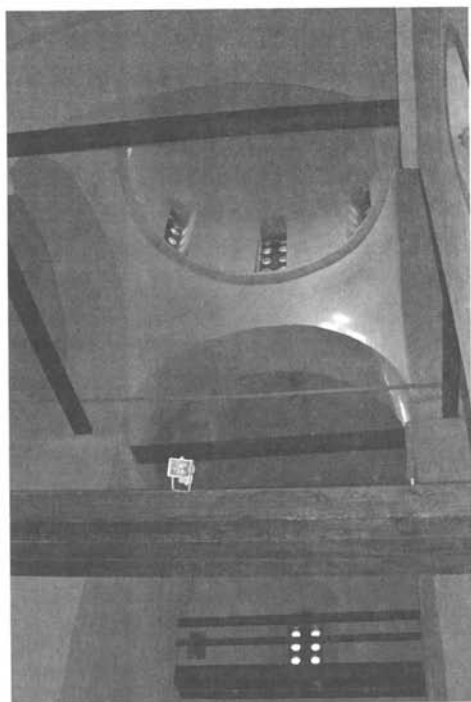

Рис. 2. Успенский собор.
Подкупольное пространство

Рис. 4. Успенский собор. Хоры

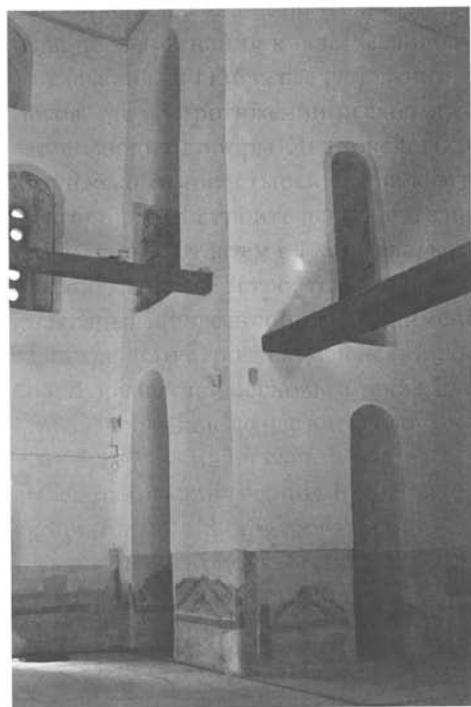

Рис. 3. Успенский собор.
Вид на восток

типа»². Несомненно, интерьер этого храма, обладавший ярко выраженной зальной композицией, во многом предопределил специфику новгородского строительства 1130–1150-х гг. С. В. Лазаров точно отметил идентичность многих архитектурных решений, которые обнаруживают соборы Антониева и Успенского монастырей, при том, что между их строительством прошло не менее двадцати лет. Автор указывает на такие совпадения, как композиция и количество окон всех фасадов, наличие трех равновеликих апсид, соединенных внутри рядом просветных арок (Лазаров 2002а: 119–120). В этих чертах сказалась не только преемственность архитектурной традиции Новгорода, но и известный ретроспективизм архитектуры Успенского собора, который, как нам представляется, был определен характером заказа.

Чрезвычайно показательна композиция хор и западных угловых палаток во втором этаже Успенского собора. Они вынесены далеко наверх и почти не воспринимаются из подкупольного пространства, представляя собой обособленные кубические объемы, один из которых, вероятнее всего, служил приделом, а второй — ризницей. Оба угловых помещения полатей соединяются узким настилом, который скорее напоминает трап, а не площадку для присутствия на богослужении³. Вся композиция второго этажа чрезвычайно близка аналогичному устройству собора Мирожского монастыря, где возведение

хор и угловых палаток явилось результатом изменения первоначального архитектурного замысла и достройки, выполненной практически одновременно с возведением (Мильчик, Штендер 1988: 77–94) и росписью собора (Сарабьянов 2002а: 124–141). Вероятно, именно вторичностью замысла полатей объясняется отсутствие в соборе Мирожского монастыря внутрискладчатой лестницы, которая появляется во всех храмах подобной типологии. Подъем на хоры в псковском храме был организован по наружной деревянной лестнице лишь на втором строительном этапе после пристройки камор (Мильчик, Штендер 1988: 80).

Как известно, Мирожский собор являет собой первый пример подобной организации хор и угловых палаток, которая станет практически обязательным элементом нового типа новгородского храма, получившего распространение с середины XII в. (Комеч 1993: 52). Внутрискладчатая лестница, впервые появившаяся в соборе Ивановского монастыря (конец 1130-х гг.) в Пскове (Михайлов 1982: 77), присутствует и в Успенском соборе, как и во всех новгородских церквях последующего периода, и в этом отношении Успенский собор полностью соответствует новой новгородской типологии. Однако в композиции угловых палаток Успенского собора есть одна черта, которая заставляет вспомнить новгородские памятники первой трети XII в. Замкнутость этих объемов не является абсолютной, поскольку они открываются в западный рукав подкупольного креста аркадой, составленной из двух небольших арочных проемов (рис. 4). Эти арки имели оконные заполнения в виде рам, отпе-

² На этот факт впервые указали Г. М. Штендер и В. М. Ковалева (Штендер, Ковалева 1982: 58).

³ Параметры настила хор точно восстановлены в соответствии с древними гнездами его креплений.

чатки от которых были обнаружены в ходе исследований, что дало основание для их реконструкции в ходе последней реставрации. В этом отношении полати Успенского собора обнаруживают точки соприкосновения с несколькими памятниками 1120–1140-х гг., в которых формулировалась новая композиция хор. Полати Ивановского собора представляют собой сплошное перекрытие над нартексом, в котором угловые ячейки открываются на запад просторными арками. В соборе Антониева монастыря хоры появляются в ходе второго строительного этапа (1122), и в данном случае их угловые компартименты открываются в основное пространство бывшими оконными проемами западной стены, относящимися к четырехстолпному собору первого периода (1117–1119), которые теперь играют роль просветных арок. Показательно, что и в арках-окнах хор собора Антониева монастыря в древности были, видимо, установлены деревянные заполнения, имитирующие оконные рамы, от которых остались слабые следы, что говорит об их чисто декоративной функции. Оконный проем сохранился и в юго-западной палатке собора Мирожского монастыря, но он не имел заполнения, а его откос покрыт росписью под мрамор⁵. Вместе с тем плановая структура хор Успенского собора, повторяя схему собора Мирожского монастыря, имеет и свои особенности. Обратим внимание на то, что западный трансепт собора по ширине равен подкупольному квадрату. Эта особенность плановой структуры привела к тому, что боковые палатки хор получили вытянутую композицию и их вынос на запад оказывается заметно больше, чем в соборе Мирожского монастыря. В этой

черте как будто просматривается некая дань традиции княжеских храмов раннего XII в., имевших П-образную композицию. Таким образом, в структуре полатей Успенского собора проявляются элементы поиска архитектурно-композиционных решений, что сближает его с указанными памятниками, созданными в 1120–1140-х гг.

Композиционное решение алтарной части Успенского собора, которая имеет ярус просветных арок между центральной и боковыми апсидами, также уводит нас к памятникам первой трети XII в. Применение внутриалтарных просветных арок, широко распространенное в киевской архитектуре XI в., продолжается в новгородских соборах, созданных в русле монументального княжеского строительства. Они существуют в Николо-Дворищенском соборе, а также в соборах Антониева и Юрьева монастырей, но в последующих постройках, пошедших по пути упрощения архитектурных форм, они отсутствуют. В случае с Успенским собором представляется правомерным связывать появление внутриалтарных просветных арок именно с ретроспективным обращением к традициям новгородского великокняжеского строительства периода Мстислава Владимировича и его сына Всеволода⁶.

Алтарная преграда Успенского собора, реконструируемая по отпечаткам примыкания барьера и гнездам крепления темплона, типологически прин-

⁵ Приемственность этих архитектурных решений отмечает С. В. Лалазаров (Лалазаров 2002a: 117–118).

⁶ С. В. Лалазаров, говоря о просветных арках Успенского собора, отмечает ретроспективизм этого архитектурного решения (Лалазаров 2002: 119).

ципиально отличается от стандартов, принятых в новгородских памятниках этого периода. Балка темплона, от которой идеально сохранились гнезда с отпечатками деталей конструкции, состояла из двух спаренных брусьев и имела необычайно широкое сечение в 35×65 см, проходя на высоте 3,6 м, тогда как барьер достигал высоты около 1,3 м. Преграда была чуть заглублена в арку алтаря, тогда как боковые апсиды оставались открытыми. Недавние исследования показали, что в новгородской практике XII в. сложилось два основных типа преград. Один из них, реконструируемый в соборе Антониева монастыря (1117–1119), представлял собой высокую конструкцию, полностью перекрывавшую все три арочных проема алтаря на высоту около 5 м от древнего пола. Этот вариант сплошной алтарной преграды характерен для монастырских построек — он встречается также в соборе Ивановского монастыря в Пскове (высота около 5 м) и церкви Спаса на Нередице (высота около 4 м). Показательно, что во всех трех случаях уровень темплона совпадает с нижним ярусом воздушных связей, которые использовались для его крепления. Второй вариант новгородской алтарной преграды более прост, поскольку он занимает проем только центральной апсиды, тогда как боковые, в случае их присутствия, оставлены открытыми. Однако его высота по-прежнему остается очень большой. Так, в соборе Мирожского монастыря темплон находился на высоте около 5 м от древнего пола, а в церкви Благовещения на Мячине темплоном служила сохранившаяся воздушная связь, залегающая на уровне 4,8 м (подробнее см.: Сарабьянов 2000а: 312–359).

Обратим внимание на то, что византийская алтарная преграда была значительно ниже (редко превышала отметку в 3,5 м)⁷. Таким образом, преграда Успенского собора оказывалась примерно на 1 м ниже новгородских стандартов и вписывалась в византийские нормы, которые были распространены также в Киеве и других регионах Древней Руси⁸. Отказ от новгородского варианта алтарной преграды и следование общей византийской традиции в контексте нашей темы могут быть истолкованы как умышленная ориентация на княжеско-киевский образец, что было определено волей заказчика Успенского собора⁹.

Успенский собор является очень индивидуальным произведением архитектурной мысли, не повторяющим образец, но созидаящим архитектурный образ. Разные аспекты его архитектуры обнаруживают точки соприкосновения с такими памятниками, как Николо-Дворищенский собор или соборы Антониева и Мирожского монастыря, причем эти моменты сходства проявляются в гораздо большей степе-

⁷ Для сравнения укажем, что более чем в 20 памятниках, обмеры которых опубликованы в работе Г. Бабич, высота преград не превышает 3,5 м (Бабич 1975: 4–41); в церкви Богородицы Елеусы в Велюсе преграда имела высоту 2,5 м (Мильковик-Пепек 1981: 134–138), в соборе монастыря Пантократора в Константинополе — около 3,5 м (Megaw 1963: 344), в Софии Охридской — чуть больше 3 м (Erstein 1981: 13).

⁸ Напр., в Софии Киевской высота темплона была около 3,5 м, в Успенском соборе Киево-Печерской лавры — 3,02 м, в Кирилловской церкви — предположительно 3,14 м (Чукова 2004: 16–20, 43–44), в церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке — 3,4 м (Сарабьянов 2007а: 20–31).

⁹ С. В. Лалазаров считает, что типология алтарной преграды, располагавшейся только в центральном алтарном проеме, была заимствована из собора Мирожского монастыря (Лалазаров 2002а: 119).

ни, чем с новгородскими храмами нового типа, такими, как, например, Георгиевская церковь в Ладоге или церковь Благовещения на Мячине. Этот вывод дополняется наблюдениями Н. В. Новоселова, который отмечает технологическое сходство ладожского памятника с Ивановским собором в Пскове. Оба памятника, по его мнению, «объединяет одинаковая конструкция фундаментов, характер кладки стен и арочных конструкций, расположение деревянных связей» (Новоселов 2002а: 54–55; 2003: 100). В этом контексте бóльшую убедительность обретают приведенные выше доводы исследователей, датировавших Успенский собор 1140-ми гг.

Рис. 5. Успенский собор. Св. Кирик

К схожим выводам приводит нас и анализ художественных особенностей фресок Успенского собора. К сожалению, сохранилось лишь незначительное количество образов, из которых лишь два изображения — св. Кирика в просветной арке жертвенника и неизвестного мученика на восточной грани юго-западного столба — имеют достаточно хорошую сохранность и дают основания для художественного анализа. Изображение св. Кирика (рис. 5) исполнено в манере, которую можно охарактеризовать как одну из крайних форм линейной стилизации, когда линия, выполненная почти чистыми белилами, становится главным формообразующим элементом. Это касается в первую очередь письма лика, испещренного, несмотря на то что перед нами младенец, резкой линейной пробелкой, которая оказывается главным формообразующим началом — она созидает форму и в то же время иссушает ее, придает ей совершенно определенную аскетическую направленность. Образ святого отрока решен в очень контрастной и жесткой манере белильной проработки, известной в византийском искусстве с 1130-х гг., и в то же время в последовательности наложения красочных слоев, особенно в подготовительной светотеневой проработке формы, ощущается сильное влияние традиций более раннего периода — начала XII столетия.

Лик св. Кирика написан по одной заливке желтой охрой, которая закрывает нимб, лик и оплечье святого. Весь объем головы и шеи пройден слоем охры повторно, и, таким образом, карнация, имея один с нимбом охристый тон, отличается более плотным красочным слоем. Второй этап — нанесение конту-

ров волос, которые положены красной краской — скорее всего, красной охрой с небольшим добавлением киновари. На третьем этапе оливковой, коричнево-зеленоватого оттенка краской выполняются тени. Они положены широко, с ощущением мазка, который не заглаживается, с повторным проходом кисти по уже проработанной плоскости. Эта широкая, но пластичная линия, прекрасно чувствующая форму, обрисовывает контуры лица, конструкцию шеи, ложится вокруг глаз, на бровях, категорической полосой оконтуривает теневую линию носа, упираясь в губу, сплошной полосой определяет линию между бровями, перечеркивая переносицу. Ее ширина и плотность варьируются, и где-то она может ложиться в растирку, легкими полусухими мазками. Тени достаточно резко соотносятся с карнацией, они не образуют плавных переходов, но, скорее, контрастируют с ней. Пожалуй, этот этап наиболее ответственный, поскольку в нем одновременно присутствует точность рисунка и определяется пластическая выразительность формы. Показательно, что именно в нанесении теней проявляется принципиальное родство образа св. Кирика с фресками Антониева монастыря, которые также достаточно контрастно соотносятся с охристой подготовкой лица (Сарабьянов 1997: 62–67). Следующий, четвертый, этап состоит из нескольких элементов и представляет собой графическую доработку теней. Сначала тени подчеркиваются тонкими линиями схожего тона, но в нем явно больше присутствия зеленой краски. Возможно, первоначально эта краска имела яркий и насыщенный оливковый цвет, но сейчас потемнела и приобрела темно-серый тон с оттенка-

ми темно-оливкового и темно-синего. Краска накладывается тонкими мазками и другой кистью, благодаря которой линия приобретает упругость, тонкость и определенность. Контурные линии могут быть пройдены широкой (теневая сторона носа, шея под подбородком) или более тонкой линией (обрисовка глаз, бровей), может быть использована и штриховка (тень на шее). Эта прорисовка частично повторяется краской вишневого цвета, вероятно составленной из красной охры с добавлением киновари и синей краски (лазурит?). Она повторяет предшествующую прорисовку, но в меньших объемах. Завершается этот этап подрисовкой теневой темно-оливковой прорисовки разбеленной зеленой краской, которая выполнена только вокруг глаз.

Последний, шестой, этап — пробелка лица. На данном образе она выполнена практически в один слой, мазками и линиями различной плотности, ширины и интенсивности. Местами мазки известковых белил находят друг на друга, но это не признак многослойности пробелов, а скорее почерк художника, энергично прорабатывающего форму и усиливающего тот или иной участок более активными пробелами. Пробелка приготовлена из чистых известковых белил и положена корпусно, с хорошо читающейся фактурой мазка. Она носит подчеркнуто линейный характер, растушевка здесь применяется крайне редко (например, на лбу в местах больших высветлений), а жидкая проработка белилами, которая могла бы смягчить светотеневую градацию, вообще сведена на нет. Слабый намек на такую проработку, не имеющую отчетливо выраженной структуры мазка, можно увидеть лишь на правой щеке св. Кири-

Рис. 6. Собор Мирожского монастыря.
Спас Эммануил

ка, где жидкий слой белил, идущий от губ, окаймляет снизу овал, в котором угадываются очертания утраченного румянца. Не исключено, что на лике была еще более интенсивная проработка, усиливавшая контрастность манеры письма. На это указывает полная утраченность киновари на румянце, а не исключено, что киноварные оживки присутствовали в проработке теневых участков. Возможно, что присутствовала здесь и черная краска, которой могли быть акцентированы черты лица, как это сделано, например, в ликах св. целителей в соборе Антониева монастыря (Сарабьянов 1997: 64). По крайней мере, зрачки, вероятно написанные черной краской, полностью утратились.

Моделировка одежд также построена на использовании обильных белильных высветлений, которые положены резкими круглящимися линиями и создают на фигуре подобие вихря с избыточно вьющимися складками. Одежда св. Кирика написана в классической трехтоновой манере — подкладочный слой, рисунок с жидкими тенями, про-

белка. Здесь нет никаких промежуточных этапов, рисунок и теневая проработка положены жидким слоем и читаются не очень активно, возможно, за счет некоторой утраченности красочного слоя. При этом пробелка имеет блестящую сохранность и отличается виртуозностью исполнения и даже некоторой избыточностью, что, возможно, объясняется малой площадью одежды, которую художник стремится максимально заполнить рисунком складок. Отметим, что рисунок складок куда более обобщенный и крупный по формам, чем заполняющая его белильная проработка, что ясно говорит о приоритетах работавшего здесь художника.

Принципы моделировки лика и одежд очень напоминают природу мирожских фресок, созданных около 1140 г.¹⁰. Многочастная светотене-

¹⁰ В обширной библиографии вопроса о датировке собора Мирожского монастыря и его фресок укажем лишь на некоторые работы. М. И. Артамонов отнес фрески собора к началу XIII в. (Артамонов 1929: 61–62), М. Н. Соболева определила время строительства периодом 1148–1156 гг., а создание фресок — 1157–1158 гг. (Соболева 1968: 43, 47–48), П. А. Раппопорт датировал строительство концом 40 — началом 50-х гг. XII в. (Раппопорт 1986: 74; 1993: 58), И. А. Лагунин — 1148–1152 гг. (Лагунин 1988: 78–79), Вл. В. Седов — предположительно 40-ми гг. XII в. (Седов 1992: 17), В. А. Булкин — концом 40 — началом 50-х гг. XII в. (Булкин 1993: 9), М. И. Мильчик и Г. М. Штендер — 1151–1152 гг. (Мильчик, Штендер 1988: 77–94), Н. В. Новоселов — рубежом 30–40-х гг. XII в. (Новоселов 2002а: 112). В. Н. Лазарев датировал фрески около 1156 г. (Лазарев 1973: 42; 1986: 110–111). Наиболее последовательно концепцию строительства Мирожского собора в период 1137–1142 гг. разработал А. И. Комеч (Комеч 1998: 41). Эту же датировку в отношении фресок впервые высказал Л. В. Бетин (Бетин 1982: 167). Сейчас датировку фресок временем «ок. 1140 г.» подтверждают Л. И. Лифшиц (Лифшиц, Сарабьянов, Царевская 2004: 164; Лифшиц 2004: 44–45), В. Д. Сарабьянов (Сарабьянов 2002а: 124–141; 2002б; 2003: 57–87), О. Е. Этингhoff (Этингhoff 2002: 413–441).

вая проработка лика, с применением сложных теневых наслоений, уходящая в традиции раннего XII в., которая сочетается с контрастной световой разделкой, покрывающей лик сплошной сеткой белильных линий, является определяющим художественным качеством этих росписей. Эта манера письма ликов очень показательна для работы первого мастера, который выполнил крупномасштабные росписи верхней зоны храма и в целом определил весь художественный строй Мирожского ансамбля (рис. 6). В то же время второй мастер, исполнивший в основном сцены «страстей» Христовых, обнаруживает не столько принципиальное, сколько почерковое сходство с изображением св. Кирика. Его живопись отличается изысканно тонкой и графичной и в то же время динамичной и страстной манерой письма, тогда как лики написаны более лапидарно, с применением трехтоновой системы письма. Его фигуры Анны и Каиафы из «Суда Синедриона» или апостолов из «Чудесного улова рыбы», испещренные такими же вихреобразными складками, оказываются ближайшими аналогиями мане-

ре исполнения св. Кирика (Сарабьянов 2003: 66–67) (рис. 7).

Стиль живописи св. Кирика соответствует тому этапу в истории искусства византийского мира, когда были сформулированы принципы линейной стилизации, то есть — того магистрального направления, которое определило своеобразие художественного языка на столетие вперед. Линейное начало всегда присутствовало в восточнохристианском искусстве, то на короткое время становясь определяющим принципом, то уходя на второй план, уступая место более пластическим принципам моделировки формы. Но никогда еще линейные принципы не становились настолько самостоятельными и динамически свободными, обретающими порой абстрактную, отвлеченную форму, которая могла полностью подчинить себе структуру лика или фигуры, изменить пропорции изображения и даже анатомическую правильность тела, к соблюдению которой стремились художники всех поколений и эпох. Первые отчетливые признаки проявления этого направления исследователи отмечают в ряде миниатюр 1130-х гг., в первую оче-

Рис. 7. Собор Мирожского монастыря. Апостолы из «Чудесного улова рыбы»

Рис. 8. Успенский собор. Неизвестный мученик

редь в Евангелии из монастыря Лионисиу на Афоне, 1133 г. (cod. 8) и в двух кодексах Паноплий Евфимия Зигавина (Ватикан, cod. 666; ГИМ, Син. 387; см.: Попова 2005: 192), а также в мозаиках южной галереи Софии Константинопольской (1118–1122) и собора в Гелати (около 1130 г.) (Лазарев 1971: 153–157). Эти памятники, имеющие несомненное константинопольское происхождение, создают настолько монолитную стилистическую картину, что можно смело говорить о стиле «линейной стилизации» как о состоявшемся и вполне зрелом художественном явлении, сформулированном в 1130-х гг. в недрах искусства византийской столицы. Центральным памятником этого короткого периода являются фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря, которые демонстрируют нам

специфику направления «линейной стилизации» в ее наиболее зрелой и законченной форме. Данное стилистическое направление на первом этапе просуществовало недолго, постепенно угаснув к середине столетия и уступив место искусству, которое, уже хорошо усвоив уроки линейной стилизации предшествующего поколения, применяло их в куда более сдержанной форме. Об этом свидетельствуют, например, сицилийские мозаики 1140-х гг. в Палатинской капелле и Марторане, которые, обнаруживая множество точек соприкосновения с мирожскими фресками, все же исполнены в классически сдержанной форме. Новый виток усиления линейности и динамизации стиля отмечается лишь с 1160-х гг. и обычно связывается с росписями церкви Св. Пантелеимона в Нерези (1164 г.), которые знаменовали новую эпоху в византийском искусстве, получившую название «позднекомниновского маньеризма». На русской почве начало нового этапа динамического стиля отмечено фресками Спасского собора Евфросиньева монастыря (около 1161 г.) (Сарабьянов 2007б: 139–148).

Росписи собора Мирожского монастыря, четко отразившие определенную стадию в эволюции византийской живописи, оказались этапным памятником и для древнерусской живописи второй четверти XII столетия. Артель мирожских художников, выполнив заказ владыки Нифонта по декорации псковского собора, вероятнее всего, переехала в Новгород, где на протяжении 1140-х гг. продолжала работать по архиепископским заказам. К ним в первую очередь относится фресковая роспись Мартириевской паперти Софийского собора, а также, с большой

долей вероятности, двухсторонняя икона «Богоматерь Знамение», вскоре прославившаяся как чудотворная. Вероятно, во второй половине 1140-х гг., в связи с отъездом владыки Нифонта в Киев и его двухлетним заточением, эта артель могла быть расформирована. По крайней мере, росписи ладожской церкви Св. Климента, выполненные, вероятно всего, в середине 1150-х гг., демонстрируют нам уже иную интерпретацию формы, в которой отсутствует столь ярко выраженное линейное начало, из чего можно сделать вывод о работе здесь иной артели, не связанной с собором Мирожского монастыря (Васильев 1999: 75–104; 2000: 60–96.). Однако за десятилетний период деятельности мирожской артели в Новгороде сформировалась определенная художественная среда, посредством которой новое направление получило более широкое

распространение. Очевидно, именно к этому слою художественной культуры Новгорода и принадлежал мастер, исполнивший образ св. Кирика.

В то же время образ неизвестного мученика-средовека на восточной грани юго-западного столба демонстрирует несколько иную природу (рис. 8). Вероятно, в силу утраты верхних слоев живописи, в которые входила белильная моделировка ликов и одежд, его изображение сейчас воспринимается контурно и уплощенно. Фигура имеет мощный абрис и несколько утяжеленные пропорции, в которых легко узнаются принципы новгородского искусства, усваивавшего византийские стандарты и трансформировавшего их в русле своих вкусов. Эта способность новгородской живописи показательна для фресок собора Антониева монастыря (рис. 9) или церкви Благовещения на

Рис. 9. Собор Антониева монастыря. Св. целитель Иоанн

Мячине, где византийская образность обретает новгородскую утяжеленность и некоторую прямолинейность. Тот же эффект некоторого «огрубления» византийской основы мы видим и в сохранившихся образах из Успенского собора, что иногда воспринимается как проявление романских влияний. Подобную точку зрения высказал в свое время В. Н. Лазарев в отношении фресок собора Антониева монастыря¹¹, однако современные исследования показали, что эта художественная черта антониевских фресок является результатом усвоения общих стилистических тенденций именно местной художественной средой¹². Схожее мнение о западноевропейских стилистических истоках высказывалось и в отношении фресок Успенского собора (Васильев 2003а: 177–178), однако и здесь эта «романизация» является следствием новгородской адаптации общевизантийского стиля.

Общность художественных принципов фрески Успенского собора обнаруживают также и с фигурами на обороте иконы «Богородица Знамение», создание которой также правомочно связывать с художественным кругом мирожских мастеров. Некоторая распластанность фигур по полю иконы, а также сложная система светотеневой моделировки ликов, где главенствующая роль принадлежит световым линиям, свидетельствуют об общих стилистических истоках этой иконы и фресок Успенского собора¹³.

Стадиально росписи Успенского собора могли быть выполнены в период между декорацией собора Мирожского монастыря и фресками церкви Св. Климента, то есть в десятилетие с середины

1140-х по середину 1150-х гг. Принципиально важен тот факт, что строительство и роспись храма явились непрерывным процессом. Технологические наблюдения показывают, что росписи были созданы сразу же по завершении строительства храма и для своей работы художники использовали строительные леса. Об этом убедительно говорит останочный штукатурный шов, проходящий по фреске просветной арки дьяконника, который разрезает фигуру изображенного здесь святого пополам. Наличие этого шва в маленьком замкнутом пространстве арки может быть объяснено только присутствием здесь конструктивного узла лесов, который опирался на пол арки, что и помешало художникам расписать эту небольшую плоскость за один прием. О практической одновременности работы строителей и художников красноречиво свидетельствует также использование фрескового штукатурного раствора для заполнения отверстий от пальцев лесов, что было выявлено в ходе архитектурной реставрации памятника (Воинова, Лалазаров 1988: 18–19). Если уводить время создания Успенского со-

¹¹ В. Н. Лазарев в качестве ближайших аналогий фрескам Антониева монастыря называет византизирующие миниатюры рейхенауской и регенбургской школ X–XI вв., а также некоторые росписи Италии конца XI — начала XII столетия (Лазарев 1978: 262). Ранее подобное мнение высказывали Н. Г. Порфиридов и А. И. Некрасов (Порфиридов 1928: 59; Некрасов 1937: 85), а несколько позже к этой точке зрения присоединился М. К. Каргер (Каргер 1964: 8).

¹² Обоснование новой оценки ансамбля фресок собора Антониева монастыря см.: Сарабьянов 1997: 67–79; 2002в: 56–60; Sarabianov 2003: 677–694. В настоящее время эта точка зрения в целом принимается многими исследователями (Захарова 2000: 195; Попова 2005а: 195; Лифшиц 2005: 218–223).

¹³ Обширную библиографию по иконе см.: Иконы 2008: кат. № 3.

бора во вторую половину 1150-х гг., то логично было бы предположить участие в его декорации той же артели художников, которая перед этим расписала Климентовскую церковь. Однако даже фрагментарная сохранность этого ансамбля позволяет утверждать, что его расписали совершенно другие художники с иными стилистическими ориентациями, работавшие в смягченной светотеневой системе моделировок. Отметим также, что стилистика фресок Успенского собора обнаруживает определенное внешнее сходство с памятниками зрелого «комниновского» стиля последней четверти XII в., когда в искусстве вновь активизировалось линейное начало. Это в свое время и дало основания В. Н. Лазареву датировать образ св. Кирика концом XII в. (Лазарев 1967: 81), однако такая датировка противоречит всей старолadoжской храмозданной хронологии и не приемлется с точки зрения архитектуры памятника.

В контексте вопроса о датировке памятника заслуживает особого внимания один сохранившийся элемент иконографической программы алтаря Успенского собора. Речь идет о фресках просветной арки, соединяющей центральную апсиду с жертвенником, где на восточном ее склоне изображен святитель (рис. 10), а на западном — крест-никитрион (рис. 11). Присутствие святителя в просветной нише говорит о том, что в апсиде Успенского собора располагался двухъярусный святительский чин и фигура в просветной арке

Рис. 10. Успенский собор.
Неизвестный святитель

входила в его состав. Действительно, фрагменты, сохранившиеся над синтроном, свидетельствуют о том, что в центре апсиды находилась композиция, представлявшая собой один из иконографических вариантов «Службы св. отцов», когда центральные фигуры святителей изображены в процессии, тогда как периферийные представлены фронтально¹⁴. В Успенском соборе в процессионном развороте были изображены шесть центральных фигур, тогда как восемь крайних были представлены во фронтальных позах. Второй регистр, очевидно, состоял исключительно из фронтальных фигур, и именно ему соответствует изображение святителя в северной просветной арке.

Подобное расширение святительского чина изображениями в просветных арках алтаря известно по ряду памятников. Так, например, в Софии Новгородской от всего святительского чина, который занимал нижнюю половину алтарной апсиды, сохранились фигуры Поликарпа Смирнского, Карпа Фиатирского, Германа Константинопольского и Анатолия, расположенные именно в просветных арках (Лифшиц, Сарабьянов, Царевская 2004: 247–253). Но ближайшей аналогией ладожскому памятнику являются недавно раскрытые

фрески в просветных алтарных арках Николо-Дворищенского собора (около 1118), где изображены святители Лазарь Четверодневный и Герман Константинопольский, как и в во фреске Успенского собора, обращенные в молении к расположенным напротив крестаниктрионам (Лифшиц, Сарабьянов, Царевская 2004: 468–477; Царевская 2002: 42–43). Примечательно, что в аналогичных просветных арках собора Антониева монастыря — сугубо монастырского храма — откосы расписаны растительным орнаментом (Лифшиц, Сарабьянов, Царевская 2004: 589–591).

Николо-Дворищенский собор был воздвигнут князем Мстиславом Владимировичем в 1113 г. как очевидная антитеза княжеского храма владычному Софийскому собору, что, в частности, проявилось в его акцентированном пятиглавии, повторявшем композицию Софии. Видимо, многое в храме Мстислава отражало индивидуальный характер княжеского заказа, поскольку даже в незначительных сохранившихся фрагментах фресок, составляющих ничтожную часть первоначальной декорации собора, угадываются намеки на различные обстоятельства, связанные с личностью князя. Так, например, «Страшный суд» дополнен неординарной сценой «Иов на гноище», которая встречается в монументальной живописи чрезвычайно редко, а ее включение в повествование «Страшного суда» и вовсе уникально. Еще Н. П. Сычев, открывший и опубликовавший эту фреску в 1918 г., высказал догадку о связи данного сюжета с ранением, которое Мстислав, согласно поздней легенде, получил на охоте, а затем исцелился от чудотворной иконы св. Нико-

¹⁴ Редкие примеры подобного варианта «Службы св. отцов» известны по фрескам церквей Богоматери Елеусы в Велюсе (1085–1093) (Милюковик-Пепек 1981: 157–173), Панагии Влахернитиссы в Мецапос (вторая половина XII в.) (Томековић 1983: 1–16), Евангелистрии в Гераки (80–90-е гг. XII в.) (Skawran 1982: 168), и церкви Благовещения на Мячине в Новгороде, 1189 г. (Царевская 1999: 23–37). Еще более редкий вариант с фронтальными святителями в центре композиции, представлен фресками Кирилловской церкви в Киеве, конца XII в., и церкви Панагии Аракиотиссы в Лагудера на Кипре (1192) (Stylianou A. and J. 1995: 175).

лая, в честь которой и был воздвигнут Николо-Дворищенский собор (Сычев 1918: 198–202). Идею Н. П. Сычева поддержал Н. Ф. Мурьянов (Мурьянов 1972: 220–221), а А. Ф. Назаренко опубликовал материалы, согласно которым это легендарное сообщение получило документальное подтверждение. Правда, исцеление князь получает не от иконы св. Николая, а благодаря небесному заступничеству св. Пантелеймона (Назаренко 1993: 73). Хотя изображение Иова часто фигурирует в богослужебных текстах покаянного характера и его образ вполне уместен в структуре «Страшного суда», что подробно проанализировано Л. И. Лифшицем и Т. Ю. Царевской, связь этой композиции с личностью Мстислава и даже возможность непосредственного участия князя в разработке программы росписи этими авторами не исключается (Лифшиц, Сарабьянов, Царевская 2004: 125–131, 523–525).

Пример сцены «Иов на гноище» характерен в плане потенциальных возможностей участия князя-заказчика, т. е. лица светского, в составлении иконографической программы росписи. Не менее показательна в этом отношении, хотя и столь же гипотетична в плане выводов, роспись просветных арок алтаря Николо-Дворищенского собора, где, как указывалось выше, представлены святители Лазарь Четверодневный (рис. 12) и Герман Константинопольский, напротив которых на западных откосах арок изображены поклонные кресты-никитрионы (рис. 13). Л. И. Лифшиц и Т. Ю. Царевская не без оснований усматривают в этих фигурах мемориальное значение, своего рода поминальное моление, связанное с двумя видными церковными деятелями, имевшими

самое непосредственное отношение к роду Всеволодовичей — Мономашичей. Под именем Лазаря известен настоятель храма Бориса и Глеба в Вышгороде, который в 1088 г. назван игуменом родового Выдубицкого монастыря Всеволодовичей, а с 1104 г. по свою кончину в 1117 г. являлся епископом Переяславля — родовой вотчины Всеволода Ярославича и его потомков. Более того, весьма вероятно, что он был отцом главного писца Мстислава Евангелия — Алексы Лазаревича, «сына попа Лазаря» (как он сам написал о себе), который исполнил Евангелие, заказанное князем Мстиславом для церкви Благовещения на Городище — первой новгородской постройки Мстислава, а впоследствии мог

Рис. 11. Успенский собор. Крест-никитрион

участвовать в декорации Никольского собора. Другой изображенный святой — патриарх Герман — ассоциируется с именем одного из монахов Печерского монастыря, участвовавшего в качестве игумена Спасского (на Берестове ?) монастыря в перенесении мощей Бориса и Глеба, а впоследствии ставшего новгородским владыкой (1077–1096), при котором Мстислав Владимирович воссел на новгородский княжеский престол (1095–1117) (Царевская 2002: 42–43; Лифшиц, Сарабьянов, Царевская 2004: 135, 521–522; Жуковская 1997: 676).

К сожалению, у нас нет никаких твердых оснований для атрибуции святителя, изображенного в северной просветной арке алтаря Успенского собора, но его композиционная и программная идентичность фрескам Николо-Дворищенского собора позволяет сделать предположение о таком же поминальном характере этой фрески, predetermined княжеским заказом Успенского собора. Мемориальные фрески просветных арок Николо-Дворищенского собора могли послужить прямым протографом для аналогичных композиций Успенского собора, тем более что главный храм Мстислава и символ его владения Новгородом не мог не служить идеальным образцом для утративших былую власть Мстиславичей, один из которых и являлся заказчиком Успенского собора. Весьма вероятно, что один из сыновей Мстислава, по примеру отца, расположил в просветных арках алтаря мемориальные изображения двух святителей, не только рас-

Рис. 12. Николо-Дворищенский собор. Св. Лазарь Четверодневный

ширивших состав изображенного здесь святительского чина, но и являвшихся молитвенниками за души конкретных усопших. Эти святители, подобно Лазарю Четверодневному и Герману Константинопольскому, изображенным в арках алтаря Николо-Дворищенского собора, молясь перед процветшими крестами-никитрионами, символизирующими вечную жизнь, брали на себя функцию вечного поминовения за близких князю-заказчику людей. К сожалению, поминальный характер данного изображения почти невозможно доказать, поскольку в нашем распоряжении нет точных данных ни о заказчике росписей, ни об изображенном здесь святителе. Однако возможность подобного истолкования косвенно подтверждается традицией поминальных изображений, известных по ряду княжеских храмов XII в. В этом отношении показательна не только аналогия Николо-Дворищенского собора, но и пример росписей церкви Спаса на Нередице (1199), в программу которой был включен целый пласт мемориальных изображений, обусловленных инициативой новгородского князя Ярослава Владимировича, построившего Нередицкий храм как мемориал по своим умершим сыновьям (Пивоварова 2002: 26–41).

Как и в случае со Спасо-Нередицкой церковью, присутствие погребальной темы в программе ладожского памятника более чем вероятно, поскольку, независимо от личности заказчика, Успенский собор, несомненно, был возведен как храм-усыпальница, о чем недвусмысленно свидетельствуют четыре аркосолия, три из которых расположены в пространстве под хорами, а один — в

Рис. 13. Николо-Дворищенский собор. Крест-никитрион

апсиде дьяконника. Сравнение этих погребальных устройств Успенского собора с различными княжескими храмами-усыпальницами домонгольского периода не оставляет сомнений в том, что Успенский собор был возведен по княжескому заказу. Аркосольные устройства являлись неотъемлемой чертой именно тех храмов, которые строились князьями и обычно возводились как места их будущих захоронений. Вл.В.Седов, посвятивший этой теме специальное исследование, указывает, что аркосолии, называвшиеся на Руси «комарами», письменно зафиксированы уже в вышгородском соборе Бориса и Глеба (Седов 2003: 448–449). Как отмечает исследователь, аркосолии получают распространение с XII в., и наиболее часто они располагались в западной части храма, и, хотя в его исследованиях приведен обширный перечень различных вариантов размещения аркосолиев

в стенах наоса, в приделах, притворах и погребальных галереях, расположение аркосольных ниш в восточной части храма для русского зодчества остается явлением чрезвычайно редким (Седов 2000: 46–49; 2003: 459–472). Рассматривая уникальную композицию аркосолиев Нередицкой церкви, где шесть ниш попарно размещены в западной части северной и южной стен, в дьяконнике и жертвеннике, а также на боковых стенах центральной апсиды, Вл. В. Седов в качестве близких аналогий приводит лишь примеры двух смоленских храмов (церковь Михаила Архангела и собор на Протоке), где ниши аркосолиев находятся в восточной части боковых стен, а также дьяконник ростовского Успенского собора начала XIII в. (Седов 2000: 49–51). К этому перечню можно добавить пример Спасской церкви Евфросиньева монастыря, видимо мыслившейся родовой усыпальницей семьи княжны Предславы-Евфросинии, где в ходе последних реставрационных работ под поздними закладками было выявлено несколько аркосолиев, находящихся в северной и южной стенах и составляющих важный элемент в архитектурной композиции всего храма. Отметим, что два из них также вплотную подходят к пространству жертвенника и дьяконника (Сарабьянов 2008: 427–456). Напомним, что важной отличительной чертой композиции аркосолиев Успенского собора является расположение одного из них в дьяконнике храма. Подобное размещение погребального устройства в объеме алтаря, знающее лишь единичные аналогии, на первый взгляд характерно для захоронений духовных лиц. Об этом свидетельствует устойчивая традиция погребения пре-

подобных отцов в юго-восточном углу храма, перед входом в дьяконник. Эта традиция прослеживается по памятникам преимущественно XIV–XVI вв., но возможно, что ее истоки восходят к домонгольскому периоду (Шалина 2007: 167–202). В то же время известен ряд примеров, когда в дьяконнике были погребены знатные представители княжеских родов. Так, летопись указывает на факт захоронения князя Всеволода-Гавриила в дьяконнике псковской церкви Св. Дмитрия Солунского¹⁵. Недавние раскопки в церкви Спаса на Нередице выявили в дьяконнике княжеское погребение XIV в., которое Вл. В. Седов отождествляет с захоронением в 1322 г. в Спасской церкви московского князя Афанасия Даниловича (Седов 2004: 15–16). Таким образом, Успенский собор уже при его строительстве мыслился как родовая усыпальница кого-то из Мстиславичей, и факт наличия аркосолия в дьяконнике собора имеет принципиальное значение для дальнейшего уточнения датировки храма, поскольку его присутствие здесь неординарно.

Высказанные соображения позволяют, на наш взгляд, локализовать время создания Успенского собора и его росписей периодом 1140-х — начала 1150-х гг. Вероятнее всего, собор был построен одним из Мстиславичей, и этот факт нашел отражение и в характере архитектуры, которая полна реминисценциями монументального княжеского строительства последней

¹⁵ Летопись сообщает, что Всеволод Мстиславич «положен бысть в церкви святого мученика Дмитрия еже сам создал» (Пл: 77). В 1192 г. его прах был перенесен в Троицкий собор, но археологические изыскания В. Д. Белецкого выявили наличие в дьяконнике церкви погребальной ямы (Раппопорт 1982а: 80–81).

четверти XI — начала XII в., и в погребальной программе храма, и в содержании росписей. Будучи возведенным за границей посада, вне укрепленной части города, Успенский собор явился одним из ключевых звеньев в градостроительной концепции Ладоги, которая в этот период могла определяться не инициативой новгородских владык, а княжеским заказом, преваляровавшим в ладожском строительстве этого периода. Более того, можно высказать осторожное предположение, что ладожская градостроительная концепция была сформулирована еще в начале столетия и ее первым звеном была закладка князем Мстиславом и посадником Павлом крепости в 1114 (1116) г. Соответственно Успенский собор мог являться одной из первых каменных построек Ладоги, определивших северные пределы города.

* * *

Успенский собор является одним из ключевых памятников Ладоги, поэтому предложенная датировка требует пересмотра всей хронологии ладожского храмового строительства, которая, как было сказано в начале статьи, была разработана П. А. Раппопортом и в целом принимается рядом исследователей. В этих работах авторы, не выходя за рамки определенной П. А. Раппопортом периодизации и считая отправной точкой собор Св. Климента, предлагают разную последовательность возведения ладожских храмов. Так, Е. В. Соленикова вторым ладожским храмом определяет Успенский собор, далее следуют руинированные церкви на Волхове и Ладожке, а завершают строительство Георгиевская

церковь и Никольский собор (Соленикова 1994: 235–239). О. А. Прудников, исходя из разработанного им критерия компактности здания, предлагает иную последовательность: первой после собора Св. Климента возводится Георгиевская церковь, затем храмы на Ладожке и Волхове, а завершается все строительство Успенским собором (Прудников 1995: 132–142). М. И. Мильчик в ряде работ высказывал различные точки зрения на хронологию ладожского строительства. Согласно его ранней концепции, первой, в соответствии с датировкой В. Н. Лазарева, была возведена Георгиевская церковь, за которой в рамках второй половины XII в. были последовательно выстроены церковь на Волхове, Успенский собор и церковь на Ладожке (Мильчик 1979: 116). Впоследствии М. И. Мильчик принимает точку зрения П. А. Раппопорта, ограничив время ладожского строительства серединой 1150-х — 1165 гг. (Мильчик 1995: 123). В одной из последних работ автор согласился с последовательностью возведения храмов, предложенной Е. В. Солениковой, включив в круг построек этого периода и Никольский собор (Мильчик 2002: 289–296). В то же время С. В. Лалазаров, в целом разделяя такую же последовательность строительства, не исключает значительного расширения его хронологических рамок вплоть до конца 1170-х гг. (Лалазаров 2002а: 123). В свою очередь, Б. Г. Васильев, датируя Успенский собор второй четвертью XII в., сдвигает в этот период и начало ладожского храмового строительства (Васильев 2003а: 173–181), а Н. В. Новоселов, определяя первым каменным храмом Успенский собор, созданный,

по его мнению, в период 1142–1148 гг., также на десятилетие удревяняет начало ладожского строительства (Новоселов 2002а: 115–125). Таким образом, точку зрения П. А. Раппопорта никак нельзя назвать общепризнанной¹⁶ (рис. 14).

Постулат о движении одной строительной артели, которая работала либо в Новгороде, либо в Пскове, либо в Ладоге, по целому ряду причин представляется слишком упрощенным и не соответствующим современному уровню знаний¹⁷. Да и в целом рассмотрение развития древнерусской архитектуры как прямолинейного процесса типологической эволюции, магистральная линия которого в первую очередь определялась улучшением технологического процесса, усовершенствованием конструкций и архитектурных форм, передвижением ремесленных артелей, изменением формата плинфы, и т. д., представляется безнадежно упрощенным. Технологическое бытие не могло полностью определять сознание зодчего, для которого важнейшим критерием его творения являлся образ храма, реализующийся в первую очередь в его объемно-пространственной композиции. Р. Оустерхаут, критически оценивая типологический метод исследования византийской архитектуры, говорит о том, что «упрощенная система классификации может стать причиной появления искусственных категорий и

легко увести научный поиск в ложном направлении» (Оустерхаут 2005: 38). Эти слова представляются чрезвычайно уместными и в отношении рассматриваемой проблемы хронологии ладожского церковного строительства.

Расстояние между Новгородом, Псковом и Ладогой не могло являться серьезной причиной для полного свертывания строительства, например, в Новгороде ради его ведения в Ладоге. Строительное производство могло быть организовано во всех трех центрах Северо-Западной Руси одновременно и функционировать параллельно, независимо друг от друга, к чему, несомненно, существовало достаточное количество квалифицированных кадров. Показательным в этом отношении является летописное указание о закладке Нифонтом в Новгороде каменной церкви Св. Саввы, имевшем место в 1154 г., то есть на следующий год после начала строительства Климентовского собора (Раппопорт 1982а: 114), что свидетельствует о разделении владычной артели, которая вела строительство одновременно и в Новгороде, и в Ладоге (Мильчик 2002: 292; Новоселов 2002а: 113). Точно так же сообщение летописи о закладке в Юрьеве монастыре в 1166 г. надвратной церкви не может однозначно говорить о прекращении строительства в Ладоге (Лалазаров 2002а: 123). В. А. Булкин убедительно показал, что в конце XII в. в Новгороде функционировало как минимум два строительных объединения, одно из которых работало по владычному заказу и, например, в 1198 г. строило Преображенский собор в Старой Руссе, а другое в том же году возводило княжеский храм Спаса на Нередице (Булкин 1987: 217–223). Неоднозначность

¹⁶ В своих публикациях, посвященных фрескам церкви Св. Георгия, я также предложил отодвинуть дату строительства Георгиевской церкви на 1180–1190-е гг. (Сарабьянов 2002г: 288–292).

¹⁷ В частности, технологический анализ плинфы новгородских памятников первой половины XII в. позволил Н. В. Новоселову высказать предположение об участии в новгородском строительстве этого периода нескольких строительных группировок (Новоселов 2002а: 32–33).

строительной ситуации в Новгороде начиная с последней четверти XII в. очевидна: здесь могли работать не только новгородские, но и полоцкие зодчие, строившие церковь Петра и Павла на Сильнице (Раппопорт 1994: 76; Торшин 2007: 74–88), и смоленские мастера, построившие церкви Параскевы Пятницы на Торгу и Михаила Архангела на Прусской улице (Булкин 1997: 377–392). Очевидно, что решающей в этой ситуации могла быть воля заказчика, который выбирал строительную артель и определял характер церкви, ее облик и пространственно-структурную композицию, часто ориентируя строителей на тот или иной образец, относящийся к архитектурной типологии, распространенной в предшествующие периоды или в ином регионе. Заказчиком могли выступать не только владыка или князь, но и городской конец, и торговое или ремесленное объединение, и даже частное лицо.

Но такая ситуация с расширением спектра заказчиков в храмозданной деятельности возникла в Новгороде отнюдь не в конце XII в., а значительно раньше. Первое документированное известие подобного рода относится к созданию фресок Софийского собора, который был возведен в 1045–1050 гг. князем Владимиром Ярославичем, но полстолетия оставался нерасписанным. Его декорация была осуществлена в 1109 г., но не на княжеские деньги, а на средства, завещанные епископом Никитой: «В лето 6616 (1109). Преставися архиепископ новъгородьскый Никита, месяца генваря в 30; а на весну почышая пьсати святую Софию, стяжанием святого владыкы» (НПЛ: 19). Что касается возведения храма, то первым

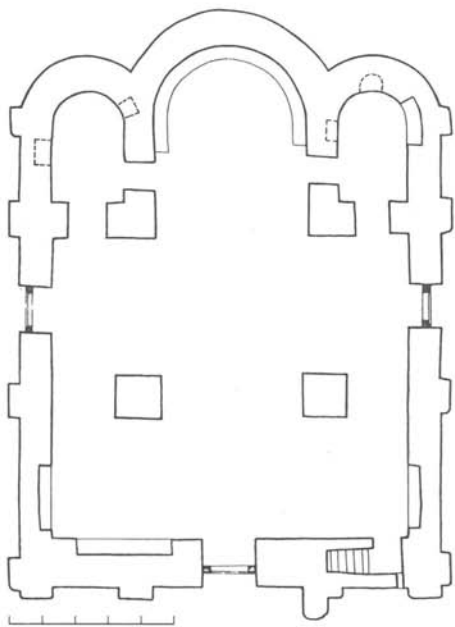

Рис. 14. Успенский собор. План (по И. Л. Воиновой)

новгородским примером не княжеского строительства является собор Антониева монастыря (1117–1119), созданный на средства игумена Антония. Весьма красноречивым фактом является то, что, находясь в длительном и затяжном конфликте с новгородским владыкой Иоанном Попьяном, Антоний на протяжении 10 лет (1117–1127) осуществлял сложное и разнообразное строительство в монастыре, результатом чего стало двухэтапное создание собора в 1119 и 1122 гг., его роспись в 1125 г., а также возведение трапезной церкви в 1127 г.¹⁸. Показательно, что собор Антониева монастыря выпадает из «технологической» хронологии П. А. Раппопорта, оказываясь значительно «моложе»

¹⁸ Подробный обзор летописных сообщений см.: Лифшиц, Сарабянов, Царевская 2004: 538–539.

своей летописной даты¹⁹, что, учитывая другие особенности этого во всех отношениях неординарного памятника, может объясняться и участием в его создании другой строительной артели²⁰. После «революции» 1136 г. строительная ситуация в Новгороде заметно усложняется, и храмозданная инициатива в значительной степени переходит в руки владык. Эти тенденции отчетливо проявляются уже в эпоху архиепископа Нифонта (1131–1156), который, согласно документальным свидетельствам, на протяжении всех 25 лет своего епископства занимался активной храмозданной деятельностью²¹. Именно в этот период, в 1130–1140-х гг., в новгородском церковном строительстве четко обозначаются два типа заказа — владычный и княжеский.

Храмовое строительство во Пскове, последовавшее за изгнанием из Новгорода князя Всеволода Мстиславича в 1136 г., наглядно иллюстрирует двухполярный характер архитектурного заказа. Так, Ивановский собор возводится княжеской строительной артелью и по княжескому заказу, о чем свидетельствуют аркосолы в стенах собора (Комеч 1993: 56). Действительно,

¹⁹ Согласно хронологии П. А. Раппорта, собор Антониева монастыря датируется 1132–1133 гг., тогда как, согласно летописи, он был заложен в 1117 г. (Раппорт 1982б: 198).

²⁰ Н. В. Новоселов склонен связывать строительство собора Антониева монастыря с артелью Киево-Печерского монастыря (Новоселов 2002а: 95–98). Это предположение представляется особенно интересным, если учитывать, что сам Антоний, вероятнее всего, был выходцем из Киево-Печерского монастыря или, по крайней мере, имел с ним самые тесные связи. Подробнее см.: Сарабьянов 2005: 319–344.

²¹ Летописные свидетельства о строительной деятельности Нифонта см.: Мильчик, Штендер 1988: 84–87.

Ивановский собор продолжает линию новгородского строительства, идущую от собора Антониева монастыря, и обнаруживает принципиальное сходство с новгородским памятником и в плановой структуре, и в трехглавии, и в форме восьмигранных столбов, которые впервые фиксируются именно в соборе Рождества Богородицы²². Очевидно, Ивановский собор развивал ту типологическую линию, которая проявилась также в церкви Успения на Торгу, построенной Всеволодом в 1127–1130 гг.²³. Если учитывать, что псковский храм имеет то же посвящение, что и не достроенная Всеволодом новгородская церковь Иоанна на Опоках, то вырисовывается линия княжеского заказа: строительство Ивановской церкви в Новгороде, вынужденно прерванное после изгнания Всеволода, продолжено им с тем же посвящением во Пскове, где он княжит с 1136 по 1138 г.²⁴. Вслед за Ивановским собором во Пскове архиепископом Нифонтом закладывается собор Мирожского монастыря, который создается уже полностью в русле владычного заказа, хотя не исключено, что его возводила та же строительная артель. Между тем собор Мирожского

²² В такой оценке сходятся все исследователи этого памятника, независимо от предлагаемых датировок, см.: Михайлов 1982: 79; 1988: 95. А. И. Комеч прямо говорит о том, что собор Антониева монастыря, вероятнее всего, служил непосредственным образцом для собора Ивановского монастыря (Комеч 1993: 56).

²³ Успенский собор Всеволода представлял собой шестистолпный многоглавый храм, имевший, по мнению многих исследователей, восьмигранные или круглые столбы, см.: Иоанниясн 2001: 42; Петров 1993: 131; Новоселов 2003: 101–102.

²⁴ Не исключено, что оба храма были посвящены первенцу Всеволода Ивану (Белецкий 1996: 106–107).

монастыря представляет собой совершенно иную, новую для новгородского зодчества типологию центрического храма с акцентированно выделенным объемом подкупольного креста и заниженными угловыми компартаментами, что не исключает возможности участия в строительстве приглашенного зодчего²⁵. Вероятно, оба псковских собора мыслились как храмы-усыпальницы, о чем в Ивановском соборе свидетельствуют аркосолии — неизменная принадлежность княжеских построек, а в соборе Мирожского монастыря об этом говорит программа росписи (Сарабьянов 1994: 282–283). Некняжеский характер мирожского заказа отражается в архитектуре Спасского собора, где согласно изначальному плану отсутствовали хоры. Показательно, что аналогичная композиция храма без хор была известна в Новгороде и ранее, а именно в первом варианте собора Антониева монастыря (1117–1119), в чем отразились определенные настроения игумена Антония, находившегося в конфликте не только с владыкой, но, вероятно, и с князем, что слышно в словах его «Духовной грамоты»: «Се яз Антонии, хузшии во мнисех, изыдох на место сее, не приях и имения ото князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа» (ГВНП: 160, № 103).

Псковское храмовое строительство в целом отражает те процессы, которые были свойственны всему зодчеству Северо-Западной Руси этого периода. Схожее чередование княжеского и владычного заказа мы можем проследить и по храмозданной истории Ладogi. Суждения о заказчиках ладожского строительства высказывались неоднократно. Е. В. Соленикова, в целом поддерживая

концепцию о непрерывном ладожском строительстве 1150–1160-х гг., считает, что оно велось по заказу новгородского правительства и от лица новгородских владык, возглавлявших Новгородское вече при Нифонте — *de facto*, а начиная с Аркадия — *de jure* (Соленикова 1994: 235–239). Идею о присутствии в Ладoge значительного княжеского заказа на строительство храмов высказал Б. Г. Васильев, отнеся к княжескому заказу Георгиевскую церковь, Никольский и Успенский соборы, тогда как церкви на Волхове (Спасскую) и на Ладожке (Петровскую) он приписывает заказу горожан (Васильев 2003б: 112). Наконец, Н. В. Новоселов выдвинул весьма убедительную концепцию, согласно которой основная инициатива в ладожском храмовом строительстве принадлежала князьям (Новоселов 2002а: 115–125; 2002б: 7–9).

В летописных свидетельствах содержится лишь два упоминания о ладожском строительстве: сообщения о возведении крепости Мстиславом Владимировичем в 1114 (1116) г.²⁶ и о закладке церкви Св. Климента в 1153 г. архиепископом Нифонтом²⁷. Если следовать концепции П. А. Раппопорта, то в отрезок между 1153 и 1166 г. в Ладoge одной строительной артелью было

²⁵ Неоднократно высказывалась мысль о работе в Мирожском монастыре византийского зодчего, однако более убедительной представляется мысль Вл. В. Седова об опосредованном влиянии византийских образцов, пришедших сюда через переславское зодчество (Седов 1992: 16–17).

²⁶ «Лета 6622 (1114) ... заложена бысть Ладога каменiem на приспе Павлом посадником при князе Мстиславе» (ПВЛ: 197); «Лета 6624 ... Павъл посадник ладожьскыи заложил Ладогу город камян» (НПЛ: 204).

²⁷ «Иде ... архепископ Нифонтъ в Ладогуу и заложил церковь свягата Климента» (НЧЛ: 153).

возведено минимум шесть каменных церквей, которые при этом демонстрируют нам несколько принципиально отличных друг от друга типологий плано-пространственной структуры храма, каждая из которых имеет свою судьбу и эволюцию в истории древнерусского зодчества. В эту хронологическую общность, как правило, включаются все известные ладожские храмы, за исключением Никольского собора, который искусственно отодвигается в поздний домонгольский период, хотя этот памятник представляет несомненный интерес в вопросе общей хронологии старолadoжского храмового строительства. От древней части собора сохранились лишь фундаменты и местами цокольная часть постройки домонгольского периода, тогда как основной массив дошел до нас в перестройке XV–XVI вв.²⁸ В результате предварительных археологических исследований А. Н. Кирпичников определил время строительства храма периодом 1150–1225 гг. (Кирпичников 1976: 18), а через несколько лет О. М. Иоаннисян, О. Г. Гусева и Н. К. Стеценко датировали его второй половиной XII в. (Иоаннисян, Гусева, Стеценко 1979: 12). Чуть позже на основании размеров плинфы эти же авторы передатировали Никольский собор 30–40-ми гг. XIII в. (Иоаннисян, Гусева, Стеценко 1982: 73). Однако Б. Г. Васильев справедливо указал на то, что параметры плинфы Никольского собора в исследованиях указанных авторов существенно различаются, и, кроме того, привел свои, также отличные примеры, основанные на материале фондов Старолadoжского музея²⁹. Если свести воедино данные всех исследователей, то становится оче-

видным, что плинфа Никольского собора отличалась удивительной разномасштабностью, и система датировки памятника по этим параметрам оказывается необъективной³⁰.

Никольский собор представлял собой одноглавый трехапсидный храм с крещатыми западными и Г-образными восточными парами столбов (рис. 15). Изначальность крещатой формы западных столбов, «неудобных» для поздней датировки, была поставлена исследователями под сомнение, поскольку еще в домонгольское время внутренние углы были заложены (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72), однако Б. Г. Васильев указывает на наличие в закрествиях столбов фрагментов фресок, что исключает возможность их закладки сразу по завершении основного объема строительства (Васильев 1994б: 73–74). Крещатая форма столбов в архитектуре Новгорода известна по большим княжеским соборам Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича, однако уже в соборе Антониева монастыря ее заменяют столбы восьмигранной или

²⁸ О. Г. Гусева недавно предложила датировать ныне существующий Никольский собор не периодом «Евфимиевского» поновления середины XV в., а 1541 г. (Гусева 2007: 133–151).

²⁹ По данным А. Н. Кирпичникова плинфа имеет параметры 4,5–6×13–24×20–29 см, по обмерам О. Г. Гусевой, О. М. Иоаннисяна и Н. К. Стеценко — 6,5–7×17–18×26,5–28 см, по материалам Б. Г. Васильева — 4,5–7×17–23×23–24 см (Васильев 1994б: 74–75).

³⁰ П. А. Раппопорт на основании параметров плинфы датировал Никольский собор 1198–1205 гг. (Раппопорт 1982б: 199). Е. В. Соленикова, в целом поддерживая датировочную концепцию П. А. Раппопорта, справедливо указывает на то, что, в силу нестандартности плинфы Никольского собора, он, наряду с такими памятниками, как соборы Антониева и Мирожского монастырей, по строительному материалу датироваться не может (Соленикова 1994: 236).

Г-образной формы, и в более поздних новгородских храмах домонгольского периода эта форма так и не появляется. Соответственно крещатые столбы Никольского собора, относящиеся к его первоначальному архитектурному замыслу, свидетельствуют либо о более ранней дате строительства храма, либо о принадлежности памятника неновгородской строительной традиции.

Б. Г. Васильев первым усомнился в поздней датировке Никольского собора и, на основании анализа фрагментов фресок, определил время его создания серединой — второй половиной XII в. (Васильев 1994б: 76). Эту же датировку поддерживают Е. В. Соленикова, М. И. Мильчик и С. В. Лалазаров (Соленикова 1994: 236; Мильчик 2002: 294; Лалазаров 2002а: 114–115). К этой датировке теперь пришли и первые исследователи памятника — О. Г. Гусева и О. М. Иоаннисян (см. их статью в настоящем сборнике). На наш взгляд, данные пространственно-плановой структуры храма позволяют отнести памятник в еще более ранний период. Сочетание крещатых западных столбов и Г-образных восточных опор позволяет сделать вывод о специфической форме подпружных арок Никольского собора. Северная и южная подпружные арки, опираясь на западе на ветви крещатых столбов, на востоке сливались с плоскостью восточных опор. Этот переход, видимо, осуществлялся через консоль с каменным карнизом, как бы постепенно выходящим из стены. Отметим, что одним из первых примеров подобной формы являются опоры подпружных арок Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (Комеч 2003: 45–48). Каменные карнизы, вероятнее

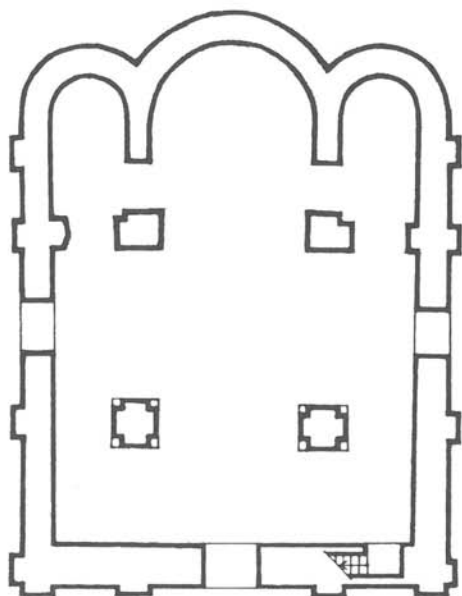

Рис. 15. Никольский собор. План (по О. Г. Гусевой)

всего, располагались на западных столбах в основании пят подпружных арок. На востоке подпружные арки, сливаясь с плоскостью опор, создавали монолитную поверхность, нерасчлененность которой, отчасти повторяя алтарную композицию собора Рождества Богородицы Антониева монастыря, определяла композицию алтарного фасада, обнаруживающего очевидное сходство с аналогичным решением Успенского собора. Сходство двух ладожских памятников усугубляется и соотношением ширины боковых и центрального нефов Никольского собора, которое приблизительно выражается как $1:2,5^{31}$, что очень близко аналогичным показателям Успенского собора. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что интерьер Никольского, как и Успенско-

³¹ Пропорциональные соотношения приводятся по данным П. А. Раппопорта (Раппопорт 1982а: 79, табл. 15, № 126) и О. Т. Гусевой (Гусева 2007: 138).

го, собора был ориентирован на зальное пространственное решение, которое сочеталось с монолитной нерасчлененной композицией алтарного фасада.

Чрезвычайно близкую пространственно-плановую структуру имела и Спасская церковь на Волхове, известная по сохранившимся фундаментам, открытым Н. Е. Бранденбургом (Бранденбург 1896: табл. LIX) (рис. 16). Храм идентичен Успенскому собору по общим параметрам, по характеру наружных и внутренних лопаток, по форме столбов, квадратных на западе и Г-образных на востоке, наконец, по соотношению ширины боковых и центрального нефа (1×2,6). Это сходство позволяет с уверенностью говорить о том, что своим обликом Спасская церковь мало чем отличалась от Успенского собора и также являла собой образец зальной пространственной композиции. Отличие двух памятников прослеживается лишь в ширине западного трансепта, который в Спасской церкви обладал обычными параметрами, и соответственно угловые западные компартименты имели традиционную, почти квадратную форму. Следует обратить внимание на показанные на обмере В. В. Сулова две аркосольные ниши в западной части северной и южной стен, отмеченные им в описании развалин, что однозначно свидетельствует о княжеском заказе на строительство Спасской церкви (Бранденбург 1896: 320). Б. Г. Васильев считает, что Спасская церковь строилась по заказу ладожских горожан из купеческой среды (Васильев 2003б: 112).

Итак, приведенные наблюдения позволяют выделить три названных ладожских храма в единую группу, которая объединяется прежде всего общи-

ми принципами решения внутренней пространственно-плановой композиции, ориентированной на создание просторного зального интерьера, выразительный облик которого являет нам сохранившийся и отреставрированный Успенский собор. Повторим, что соотношение ширины центрального и боковых нефов, прослеживающееся в Никольском (1×2,5), Успенском (1×2,5) и Спасском (1×2,6) храмах, для новгородского зодчества XII столетия оказывается явлением уникальным и весьма своеобразным, свидетельствующим о самостоятельном развитии архитектурной мысли в рамках раннего ладожского строительства. Общность этих памятников позволяет предположить и одновременность их создания. Если принимать датировку Успенского собора 1140-ми гг., то вряд ли можно хронологически дистанцировать от этого периода время постройки Никольского собора и Спасской церкви. Логично предположить, что все три храма строились по княжескому заказу; по крайней мере, в отношении Успенского собора и Спасской церкви об этом можно говорить с уверенностью (Соленикова 1994: 235–239).

Следующий этап ладожского строительства связан с инициативой архиепископа Нифонта и закладкой в 1153 г. собора Св. Климента. Традиционно принято считать, что Климентовский собор явился своего рода переходной формой от того варианта, который был сформулирован в соборе Мирожского монастыря (рис. 17), к новому типу храма упрощенной типологии. Собор Св. Климента действительно в своей плановой структуре поразительно похож на собор Мирожского монастыря

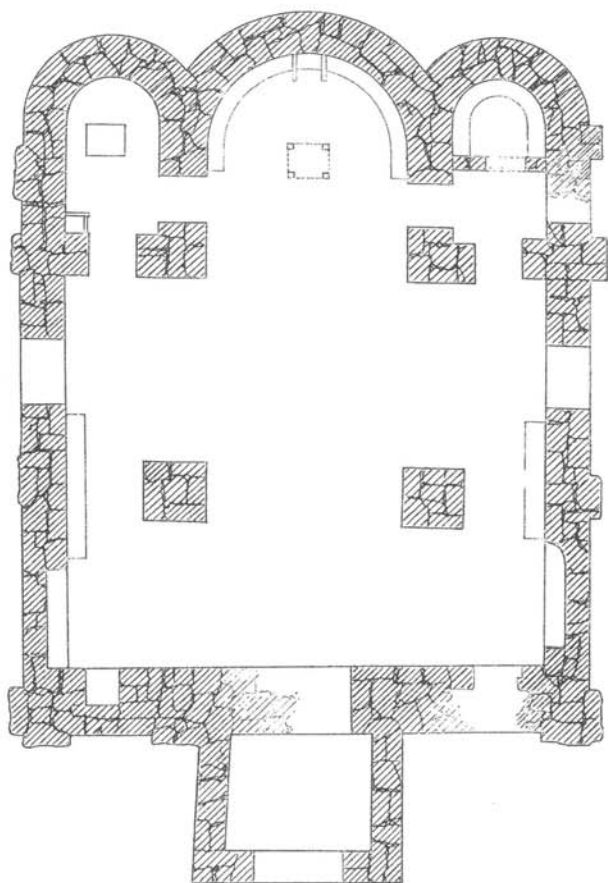

Рис. 16. Спасская церковь.
План (по Н. Е. Бранденбургу)

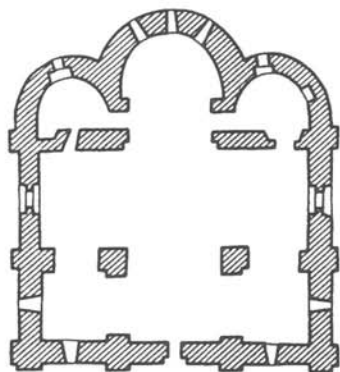

Рис. 17. Собор Мирожского
монастыря. План
(по П. А. Раппопорту)

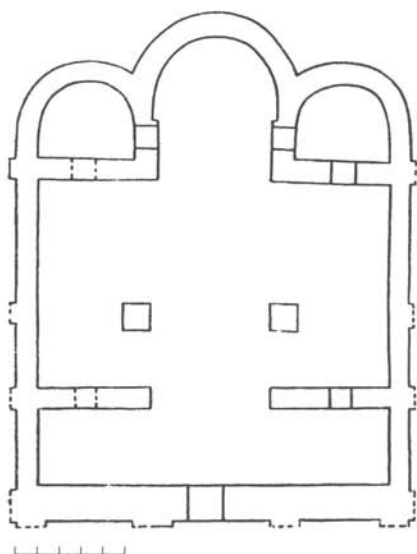

Рис. 18. Собор
Св. Климента. План
(по Б. Г. Васильеву)

(по крайней мере, в том виде, в котором везде фигурирует план псковского храма), к основному ядру которого добавлен нартекс (рис. 18). Однако следует учитывать, что интерьер собора Мирожского монастыря изначально имел облик, существенно отличающийся от современного. Западные подкупольные опоры собора, как и восточные, не были выражены, а, скорее, являлись продолжением стенок, обрамлявших ветви подкупольного креста. Угловые западные компартименты были почти полностью изолированы от подкупольного объема и открывались в рукава подкупольного креста узкими арочными проемами, о параметрах которых дают представление сохранившиеся в первоизданном виде арки в боковые апсиды³². Таким образом, внутренний объем собора читался как ярко выраженный пространственный крест — этот эффект и сейчас является главным впечатлением от храма, но в древности он был выражен еще сильнее. В отличие от Мирожского собора, храм Св. Климента не имел такой структуры — его западные подкупольные столбы четко читаются в плане как квадратные опоры, сильно отнесенные от боковых стен, а угловые западные компартименты основного объема открывались на восток широкими арками (Большаков, Раппопорт 1985: 115; Васильев 1999: 83). Конечно, облик интерьера сильно зависел от композиции хор, которые, судя по большой ширине западной стены, предполагавшей внутрисстенную лестницу, несомненно, существовали. Но даже если хоры имели П-образную структуру и занимали пространство не только над нартексом, но распространялись и на восток³³, интерьер Климентовского собора являл

собой совсем другой облик, нежели его псковский прототип. Это был огромный храм, сравнимый по своим размерам с новгородскими соборами первой четверти XII в., а его интерьер, скорее, был ориентирован на создание зального пространства, где подкупольный крест терял столь отчетливую выразительность, как в соборе Мирожского монастыря. В этом отношении можно согласиться с мнением Б. Г. Васильева, считающего, что строители Климентовской церкви, развивая композицию собора Мирожского монастыря, вместе с тем ориентировались и на образцы ранее воздвигнутых храмов Ладоги (Васильев 1999: 89), то есть на выделенные нами в отдельную группу три церкви зального типа. Впрочем, С. В. Лалазаров считает, что влияние архитектуры Мирожского собора проявилось в Успенском соборе опосредованно, через образец Климентовского собора, и, таким образом, Успенский храм относится к периоду после 1153 г. (Лалазаров 2002а: 118–119). Собор Св. Климента в известной степени стоит особняком не только в ладожском, но и во всем новгородском строительстве середины XII столетия, и этот вывод находит подкрепление в наблюдениях Н. В. Новоселова, который указывает на технологические отличия Климентовской церкви, обнаруживающие параллели не в новгородском, а в южнорусском зодчестве (Новоселов 2003: 99).

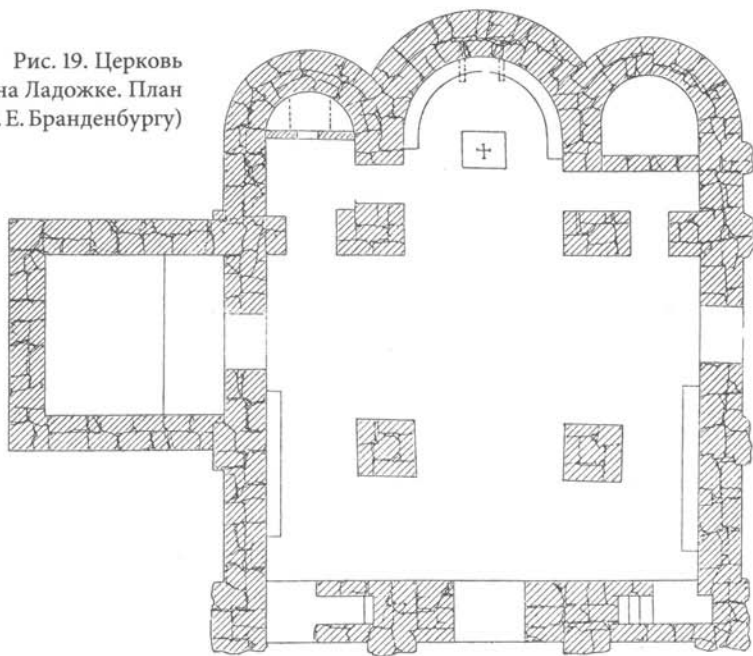
³² Сохранившиеся в угловых западных компартиментах росписи XII в. указывают на то, что эти объемы, вероятнее всего, служили приделами, и, таким образом, их отделенность от основного объема имела литургическое обоснование.

³³ Г. М. Штендер считал, что хоры Климентовского собора имели П-образную композицию (Штендер 1984: 11).

Показательно, что данная пространственно-плановая типология храма, проявившаяся с вариациями в двух постройках архиепископа Нифонта (Мирожский и Климентовский соборы), недавно стала известна еще по одному запланированному, но до конца в этом виде не осуществленному храму. Речь идет о Георгиевской церкви Ладоги, которая в первоначальном замысле была заложена как небольшой храм, повторяющий в миниатюре план собора Мирожского монастыря (Лалазаров 2002а: 69–84; 2002б: 293–313). Отсутствие в нем внутрискладной лестницы говорит об отсутствии хор в первоначальном замысле этого памятника, что дает некоторые основания говорить о возможной закладке Георгиевской церкви еще до строительства Климентовского собора. Однако существующая ныне Георгиевская церковь, возведенная на нереализованных фун-

даментах эпохи архиепископа Нифонта, демонстрирует нам третий вариант пространственно-плановой структуры храма, возведенного на территории Ладоги в рамках домонгольского строительства. Это — классическая церковь так называемого «нового типа», получившая развитие в новгородской архитектуре второй половины XII в., которая в своих основных показателях схожа с постройками группы Успенского собора (четырёхстолпный одноглавый храм с закрытыми хорами и внутрискладной лестницей), но не имеет зальной пространственной композиции, поскольку соотношение ширины ее нефов существенно сближено (1×1,75). К этой же типологии можно смело отнести и церковь на Ладожке, которая своим планом лишь в незначительных деталях отличалась от Георгиевской церкви (Бранденбург 1896: Табл. LX) (рис. 19, 20).

Рис. 19. Церковь на Ладожке. План (по Н. Е. Бранденбургу)

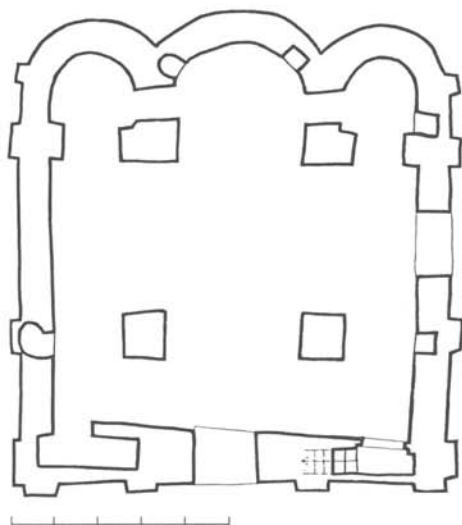

Рис. 20. Церковь Св. Георгия. План
(по С. В. Лалазарову)

В свете изложенных соображений и фактов хронология строительства в Ладоге может быть представлена в следующем виде. Начало строительству положила закладка каменной крепости, которая была осуществлена посадником Павлом по указанию князя Мстислава в 1114 (1116) г. Вне всякого сомнения, внутри крепости сразу же был возведен, вероятнее всего, деревянный храм, и, таким образом, цитадель с церковью стали тем естественным центром, вокруг которого развивалась композиция города. Весьма вероятно, что градостроительная концепция Ладоги была сформулирована еще при Мстиславе, и в таком случае логично предположить, что одним из первых шагов в этом направлении была закладка двух монастырей, обрамлявших границы города. Основание монастырей могло произойти уже при переяславском и великом киевском княжении Мстислава (1117–1132), то есть при новгородском княжении Всеволода

(1117–1136), и здесь уместно вспомнить упоминавшуюся выше идею Д. А. Мачинского о создании Успенского монастыря княгиней Кристин до ее смерти в 1122 г. (Мачинский 2003: 230–236). В расположении этих обителей просматривается прямая параллель с Юрьевым и Антониевым монастырями, которые были замыслены при Мстиславе, вероятно, как своего рода ворота Новгорода при въезде в него по Волхову.

В ранней группе памятников первым храмом хочется видеть Никольский собор, поскольку его крещатые столбы вызывают прямые ассоциации с новгородскими храмами периода княжения Мстислава, но, впрочем, последовательность могла быть и иной³⁴. Очевидно лишь то, что все три ладожских храма — Никольский, Успенский и Спасский — явились звеньями одного строительного периода, настолько много в них общих принципов и точек сопряжения. Время строительства этих храмов, вероятнее всего, приходится на период после 1136 г., и это проистекает из политической ситуации, сложившейся после «революции» 1136 г. Зальная композиция этих церквей, отличаясь даже от новгородских построек предшествующего периода, обнаруживает преемственность пространственного решения интерьера с некоторыми южно-русскими храмами, строившимися как княжеские усыпальницы. Постройки такого типа, где подкупольный квадрат доминирует в пространственной ком-

³⁴ Н. В. Новоселов предположил, что, судя по посвящению храма, он мог быть создан в период новгородского княжения Святослава Ольговича (1136–1138, 1139–1141 гг.), носившего крестильное имя Николая. В то же время строительные особенности храма, по его мнению, противоречат столь ранней датировке (Новоселов 2002а: 109–110).

позиции, превышая по ширине узкие боковые нефы более чем в два раза, прослеживаются с конца XI до середины XII столетия. Наиболее показательными являются такие памятники, как собор Выдубицкого монастыря, заложенный Всеволодом Ярославичем в 1070 г. (соотношение боковых и центрального нефа 1:2,4), церковь Спаса на Берестове, построенная Владимиром Мономахом в период 1113–1125 гг. (1:2,2), Кирилловская церковь в Киеве, заложенная Всеволодом Ольговичем около 1140 г. (1:2,3)³⁵. Названные южнорусские храмы имеют достаточно сложную шестистолпную внутреннюю структуру, с выделенным нартексом, крещатыми столбами и соответствующими им лопатками арок, и, кроме того, они крупнее ладожских церквей. Однако концептуальная общность решения подкупольного объема, создающего просторное зальное пространство, не вызывает сомнения. Весьма вероятно, что именно из среды этих южнорусских памятников возник тот синтетический тип ладожского храма первого строительного периода, который ретроспективно вобрал в себя своеобразие названных княжеских построек Южной Руси, соединив их с традициями новгородского зодчества первой половины XII в. Ладожские церкви могли быть умышленно ориентированы на образцы киевских княжеских храмов, и в этом сказалось пожелание заказчиков ладожского строительства — князей из рода Мстиславичей.

Такая акцентация княжеского характера постройки, наиболее очевидно прослеживаемая на примере сохранившегося Успенского собора, была актуальна для периода становления новой политической системы Новгорода, то

есть для времени архиепископа Нифонта, который, в реальности сосредоточив в своих руках значительную полноту власти, номинально оставался киевским ставленником, поскольку был рукоположен на новгородскую кафедру в 1131 г. из Киева. Соответственно его фактическое полномочие еще не имело юридического статуса, а общеполитическая ситуация имела двойственный характер, когда претензии князей на возвращение былой власти в Новгороде еще имели под собой реальные основания. Очевидно, именно в этот период Ладога и становится вотчиной Мстиславичей, что и обусловило активизацию здесь княжеского каменного строительства, в котором акцентировались черты, демонстрирующие княжеский характер заказа, ориентирующего возводимые храмы на образцы предшествующей эпохи. Схожий феномен ретроспективизма можно увидеть в Борисоглебской церкви Новгородского Детинца (1146–1173 гг.), которая являлась большим шестистолпным храмом с угловой юго-западной башней и повторяла типологию княжеских соборов первой трети XII в.³⁶ Первый строительный период в Ладоге, полностью определявшийся княжеским заказом, вероятнее всего, начался по завершении

³⁵ Параметры приведены по: Раппопорт 1982а: табл.

³⁶ В летописях существует два указания на закладку церкви Св. Бориса и Глеба — под 1146 и 1167 гг. П. А. Раппопорт, основываясь на параметрах плинфы, предпочел позднюю датировку (Раппопорт 1982: 66–67), тогда как В. Л. Янин датировал памятник 1146 г. (Янин 1974: 88–89). Датировка В. Л. Янина и ее обоснование представляются весьма убедительными. Н. В. Новоселов считает, что храм был заложен в 1146 г., но его строительство было прервано и завершилось только в 1167–1173 гг. (Новоселов 2002а: 110–111).

строительства во Пскове Ивановского и Мирожского соборов, то есть — около 1140 г. В 1153 г. какие-то веские причины, вероятно явившиеся следствием сложной церковно-политической ситуации рубежа 1140–1150-х гг., побудили владыку Нифонта прийти в Ладогу со своими строительными инициативами, и на этом кончается княжеский период ладожского строительства. Таким образом, наиболее вероятным временем возведения Никольского, Успенского и Спасского храмов является отрезок между 1140 и 1153 г.

Второй строительный период можно назвать владычным. В это время строится собор Св. Климента и закладывается на уровне фундамента церковь Св. Георгия. Климентовский собор, несомненно, явился актом утверждения владычной власти, поэтому он значительно превышал княжеские храмы по своим размерам и был создан в иной типологии. Однако, как представляется, его внутренняя структура вобрала в себя некоторые элементы предшествующих княжеских построек Ладоги, в первую очередь — зальный характер интерьера, что повлекло за собой некоторое переосмысление композиции образца Мирожского собора. Весьма характерно, что, судя по фундаменту, в Георгиевской церкви, повторявшей план собора Мирожского монастыря, также не предполагалось устройство хор (Лалазаров 2002а: 73), что напоминает ситуацию не только с первым этапом строительства самого Мирожского собора, но и собора Антониева монастыря. Отсутствие полатей в первоначальном замысле в обоих случаях являлось, как представляется, результатом политической конъюнктуры.

Оформление нового политического статуса новгородского владыки закрепляется при преемнике Нифонта Аркадии, который был избран вечем. С этого момента новгородский архиерей становится юридически оформленным главой Новгородской республики, сосредотачивая в своих руках полномочия политической и церковной власти. Ладожские храмы третьего строительного периода, построенные после Нифонта, относятся уже к эпохе Новгородской вечевой республики и полновластия владык, однако время создания этих церквей, а также личность заказчика пока не могут быть строго определены из историко-политического контекста. К третьему периоду правомочно отнести два храма — сохранившуюся Георгиевскую церковь и церковь на Ладожке. Они отличаются небольшими размерами и, как уже говорилось, чрезвычайно близки друг другу по пространственно-плановой структуре. Заказчиком церкви на Ладожке, как считает Б. Г. Васильев, могли выступать представители посада (Васильев 2003б: 112), и такое предположение вполне допустимо. Что же касается Георгиевской церкви, то ее предназначение как храма военной цитадели, где стоял ладожский гарнизон, на первый взгляд предполагает исключительно княжеский заказ³⁷. Однако в равной степени Георгиевская церковь как гарнизонный храм могла

³⁷ Идея княжеского заказа проистекает из концепции В. Н. Лазарева о мемориальном характере церкви, возведенной в честь победы Святослава Ростиславича над шведами (Лазарев 1960: 17, 93–95). Эту же идею поддерживает М. И. Мильчик (Мильчик 1979: 104). Б. Г. Васильев пишет, что «практически не вызывает сомнения княжеский заказ на возведение церкви св. Георгия» (Васильев 2003б: 112).

быть постройкой новгородского правительства, и в таком случае заказчиком мог выступать и владыка, и посадник³⁸.

В предлагаемой хронологической последовательности две последние церкви Ладogi утрачивают твердые исторические основания для датировки, однако здесь вступают в силу доводы иного порядка. Так, Георгиевская церковь обладает одной из характерных черт ладожских храмов — Г-образными восточными столбами, которые долгое время являлись одним из решающих доводов в ее датировке 1160-ми гг. Однако эта форма, как и сам тип храма, существовала в новгородском зодчестве вплоть до конца XII в., о чем свидетельствуют недавно обнаруженные фундаменты Спасской церкви Хутынского монастыря (1192 г.), которые, по мнению В. А. Булкина и Г. М. Штендера, во многом повторяют типологию новгородского храма т.н. «ладожского» периода (Булкин, Штендер 1994: 513–514). С. В. Лалазаров, исходя «из предпосылки о строго последовательном процессе развития архитектурных и конструктивных признаков церковных сооружений в ходе формирования нового стиля», верхней границей строительства Георгиевской церкви определяет конец 1170-х гг. «В действительности же, — продолжает автор, — картина новгородского зодчества в этот период могла быть и более сложной. Вполне вероятны как отклонения от наметившихся новых архитектурных тенденций, так и возврат к более старым, традиционным строительным приемам» (Лалазаров 2002а: 123). Таким образом, теоретически Георгиевская церковь могла быть построена и в самом кон-

це XII в. Никаких материальных свидетельств, позволяющих определить перерыв между закладкой фундамента и продолжением строительства, выявлено не было. Очевидно лишь то, что между двумя строительными этапами существовал значительный перерыв, который нельзя объяснить технологической остановкой, связанной, например, с просушкой фундаментов (Лалазаров 2002а: 85).

Важнейшим фактором в вопросе датировки памятника является определение времени создания фресок, поскольку они, согласно разнообразным технологическим наблюдениям, были написаны сразу после завершения строительства храма (Сарабьянов 1991: 22–25; 2002г: 289–290). Этот вывод соответствует и наблюдениям архитекторов-реставраторов (Лалазаров 2002а: 109).

В. Н. Лазарев, посвятивший фрескам Георгиевской церкви монографию, сначала датировал их 80-ми гг. XII в. (Лазарев 1949: 27, 59), но позже предложил иную датировку — около 1167 г., связав строительство храма и его декорацию с военной победой Святослава Ростиславича над шведами в 1164 г. (Лазарев 1960: 17; 1973: 44; 1986: 111). Основываясь на художественном анализе памятника, я предложил вернуться к более поздней датировке росписей Георгиевской церкви, отнеся их к 1180–1190-м гг. (Sara-bianov 1998: 153–172; Сарабьянов 1999: 128–146; 2000б: 166–188; 2002г: 193–294; Кирпичников, Сарабьянов 2003: 97). В настоящее время датировка фресок

³⁸ Е. В. Соленикова предполагает, что все ладожское строительство после Нифонта осуществлялось новгородскими владыками, которые выступали в качестве глав новгородского светского правительства (Соленикова 1994: 234).

продолжает быть предметом дискуссии³⁹, но в предлагаемой хронологии ладожского церковного строительства Георгиевская церковь отнесена к последним двум десятилетиям XII в. Вероятно, эта церковь явилась последней из известных домонгольских построек Ладogi, и в ней в полной мере отразились особенности храма «нового типа», которые уже полностью преобладали в новгородском строительстве позднего XII столетия.

Хронология ладожских церквей по-прежнему остается открытой темой для исследований, в которой еще предстоит уточнить множество вопросов. Тем не менее сравнение двух сохранившихся храмов Ладogi показывает, что эти памятники стоят в начале и конце хронологической цепочки ладожских храмов XII в. В широком смысле Успенский собор и Георгиевская церковь относятся к одной типологии, но внимательный их анализ выявляет множество принципиальных различий, куда более важных с точки зрения истории развития архитектурной мысли, чем единые типологические признаки. В Успенском соборе архитектурная мысль открывается в своем развитии, здесь хорошо

прочитываются истоки тех или иных архитектурных решений, и в то же время отчетливо различима их творческая интерпретация. В Георгиевской церкви новая типология храма предстает перед нами как совершенная формула или выверенная норма, «свидетельствующая о так называемом тиражировании архитектурной идеи» (Лалазаров 2002а: 114), которая виртуозно приспособлена к сложным условиям, предопределенным наличием старого фундамента. Оба памятника в сравнении представляют собой своего рода хронологический срез, в котором открывается начало сложения новой типологии и ее зрелая форма. Можно присоединиться к мнению Г. М. Штендера и В. М. Ковалевой, что начало формирования нового типа храма обозначилось уже на первом этапе строительства собора Антониева монастыря (1117–1119) (Штендер, Ковалева 1982: 58), и этот факт красноречиво свидетельствует о длительности и неоднозначности этого процесса в новгородском зодчестве. С этой точки зрения существенное расширение границ ладожского храмового строительства представляется более чем оправданным.

Литература

Артамонов 1929 — Артамонов М. И. Один из стилей монументальной живописи XII–XIII вв. // ГАИМК. Бюро по делам аспирантов. Сборник I. Л. 1929

Бабищ 1975 — Бабищ Г. О живописном украше олтарских преграда // Сборник за ликовне уметности. Вып. 11. Београд. 1975.

Белецкий 1996 — Белецкий С. В. К вопросу о датировке домонгольских храмов Пскова // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам

³⁹ Датировку фресок 1180–1190-ми гг. поддерживает Э. С. Смирнова (Смирнова 2005: 239–242) и О. С. Попова (Попова 2005б: 114–115, 835), тогда как Л. И. Лифшиц принимает датировку В. Н. Лазарева 1160-ми гг. (Лифшиц 2007: 102–103).

архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта. 15–19 января 1990 г.) СПб. 1996.

Белецкий 2001 — Белецкий С. В. Предметы с изображением тамгообразных знаков из раскопок в Тверском кремле // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001.

Белецкий 2006 — Белецкий С. В. Еще раз о геральдическом перстне из Твери // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. Тезисы докладов. СПб. 2006.

Бетин 1982 — Бетин Л. В. О реставрации стенописи Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М. 1982.

Большаков 1985 — Большаков Л. Н., Раппопорт П. А. Раскопки церкви Климента в Старой Ладогe // Новое в археологии северо-запада СССР. Л. 1985.

Бранденбург 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб. 1896.

Булкин 1987 — Булкин В. А. Архитектурно-строительная ситуация в новгородском зодчестве конца XII — начала XIII веков // Проблемы Отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Л. 1987.

Булкин 1993 — Булкин В. А. Архитектура Пскова XII века (вопросы датировки) // Программа «Храм». Сборник материалов. Вып. 3. СПб. 1993.

Булкин 1997 — Булкин В. А. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII века // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII в. СПб. 1997.

Булкин, Штендер 1994 — Булкин В. А., Штендер Г. М. Спасо-Преображенский собор — древнейшая каменная постройка Хутынского монастыря под Новгородом // ПКНО. 1993. М. 1994.

Васильев 1994а — Васильев Б. Г. Фрески ц. Успения Богородицы XII в. в Старой Ладогe // РА. № 2. 1994.

Васильев 1994б — Васильев Б. Г. Фрески церкви Николая Чудотворца в Старой Ладогe // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб. 1994

Васильев 1999 — Васильев Б. Г. Фрески церкви св. Климента 1153 г. в Старой Ладогe. Часть I // Староладожский сборник. Вып. 2. СПб.; Старая Ладога. 1999.

Васильев 2000 — Васильев Б. Г. Фрески церкви св. Климента 1153 г. в Старой Ладогe. Часть II // Староладожский сборник. Вып. 3. СПб.; Старая Ладога. 2000.

Васильев 2003а — Васильев Б. Г. Фрески Старой Ладогe // Старая Ладога древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб. 2003.

Васильев 2003б — Васильев Б. Г. Культура Ладогe XII века по памятникам монументального искусства // Ладогa первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 2003.

Васильев 2006 — Васильев Б. Г. Успенский собор XII века в Старой Ладогe. Живописное убранство. Волхов. 2006.

Воинова, Лалазаров 1988 — Воинова И. Л., Лалазаров С. В. Памятник архитектуры XII в. в п. Старая Ладога. Натюрнвые исследования интерьеров. Т. 3. Кн. 6. Ч. 1 // Архив «Спецпроектреставрация». № 4139. Л. 1988.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л. 1949.

Гусева 2007 — Гусева О. Г. Староладожский Никольский собор в XVI веке // Новгород и новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 2. Великий Новгород. 2007.

Гусева, Воинова 1995 — Гусева О. Г., Воинова И. Л. К вопросу о датировке Успенской церкви в Старой Ладоге // Программа «Храм». Вып. 8. СПб. 1995.

Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982 — Гусева О. Г., Иоаннисян О. М., Стеценко Н. К. Исследование Никольского собора в Старой Ладоге // КСИА. № 172. 1982.

Жуковская 1997 — Жуковская Л. П. Апракос Мстислава Великого // Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М. 1997.

Захарова 2000 — Захарова А. В. Фрески церкви Панагии Мавриотиссы в Касторье // ВВ. Т. 59. М. 2000.

Иконы 2008 — Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М. 2008.

Иоаннисян 2001 — Иоаннисян О. М. Об отражении традиции новгородско-псковского зодчества в архитектуре Киева и Переяславля первой половины XII в. // Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского (1909–1969). СПб. 2001.

Иоаннисян, Гусева, Стеценко 1979 — Иоаннисян О. М., Гусева О. Г., Стеценко Н. К. Раскопки в Никольском монастыре в Старой Ладоге // АО-1978. М. 1979.

Каргер 1964 — Каргер М. К. Древнерусская монументальная живопись XI–XV вв. М.; Л. 1964.

Кирпичников 1976 — Кирпичников А. Н. Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге // АО. 1975. М. 1976.

Кирпичников 1985 — Кирпичников А. Н. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л. 1985.

Кирпичников, Сарабьянов 2003 — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога: древняя столица Руси. СПб. 2003.

Комеч 1987 — Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — первой половины XIII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М. 1987.

Комеч 1988 — Комеч А. И. Композиция фасадов новгородских церквей XII–XIII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М. 1988.

Комеч 1993 — Комеч А. И. Каменная летопись Пскова XII — начала XVI в. М. 1993.

Комеч 2003 — Комеч А. И. Каменная летопись Пскова XII — начала XVI века. 2-е изд. М. 2003.

Лагунин 1988 — Лагунин И. А. «И бысть тишина в рустей земли...» К вопросу о датировке Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Древний Псков. История, искусство, археология. М. 1988.

Лазарев 1949 — Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.; Л. 1949.

Лазарев 1960 — Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладogi. М. 1960.

Лазарев 1967 — Лазарев В. Н. Новые фрагменты росписей из Старой Ладogi // Культура и искусство Древней Руси. Л. 1967.

Лазарев 1971 — Лазарев В. Н. Приемы линейной стилизации в византийской живописи X–XII веков и их истоки // В. Н. Лазарев. Византийская живопись. М. 1971.

Лазарев 1973 — Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. М. 1973.

Лазарев 1978 — Лазарев В. Н. Искусство Средневековой Руси и Запад // Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. Статьи и материалы. М. 1978.

Лазарев 1986 — Лазарев В. Н. История византийской живописи. М. 1986.

Лалазаров 2002a — Лалазаров С. В. Архитектура церкви св. Георгия // Церковь св. Георгия в Старой Ладoge. История, архитектура, фрески. Монографическое исследование памятника XII в. / Автор-сост. В. Д. Сарабьянов. М. 2002.

Лалазаров 2002б — Лалазаров С. В. Два этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладoge // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб. 2002.

Лифшиц 2004 — Лифшиц Л. И. Очерки истории живописи древнего Пскова. Середина XIII — начало XV века. Становление местной художественной традиции. М. 2004.

Лифшиц 2005 — Лифшиц Л. И. Два направления в живописи Древней Руси конца XI — первой четверти XII века // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти О. И. Подобедовой (1912–1999). М. 2005.

Лифшиц 2007 — Лифшиц Л. И. Русское искусство X–XVII веков. М. 2007.

Лифшиц, Сарабьянов, Царевская 2004 — Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. СПб. 2004.

Мачинский 2003 — Мачинский Д. А. О строительстве первых каменных храмов Ладogi и первых укреплений Москвы в XII в. // Ладoga первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 2003.

Мильковик-Пепек 1981 — Мильковик-Пепек П. Велјуса: Манастир Св. Богородица Милостива во селото Велјуса крај Струмица. Скопје. 1981.

Мильчик 1979 — Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладoge // СА. № 2. 1979.

Мильчик 1995 — Мильчик М. И. Градостроительные аспекты развития Старой Ладogi // Программа «Храм». Вып. 8. Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга. СПб. 1995.

Мильчик 2002 — Мильчик М. И. Еще раз о хронологии каменного строительства XII в. в Пскове и Ладoge // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб. 2002.

Мильчик, Штендер 1988 — Мильчик М. И., Штендер Г. М. Западные камеры собора Мирожского монастыря во Пскове (К вопросу о первоначальной композиции храма) // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М. 1988.

Михайлов 1982 — Михайлов С. П. Исследование собора Иоанна Предтечи во Пскове // КСИА. № 172. 1982.

Михайлов 1988 — Михайлов С. П. Первоначальное убранство интерьера собора Иоанновского монастыря во Пскове // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М. 1988.

Мурьянов 1972 — Мурьянов Н. Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М. 1972.

Назаренко 1993 — Назаренко А. Ф. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. № 2. 1993.

Некрасов 1937 — Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М. 1937.

Новоселов 2001 — Новоселов Н. В. Княжеский знак на церкви Успения в Старой Ладоге и «пятн Ростиславль» // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога. 2001.

Новоселов 2002a — Новоселов Н. В. От Благовещения до Благовещения. Строительное производство новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб. 2002.

Новоселов 2002b — Новоселов Н. В. Красноречивое молчание (новгородское летописание и ладожское строительство XII в.) // Староладожский сборник. Вып. 5. СПб.; Старая Ладога. 2002.

Новоселов 2003 — Новоселов Н. В. Архитектурные особенности ладожских храмов XII в. и постройки новгородско-псковского зодчества на «старой основе» // Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 2003.

НПЛ — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М. 1950.

НЧЛ — Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. М. 2000.

Оустерхаут 2005 — Оустерхаут Р. Византийские строители / Перевод Л. А. Беляева. Киев; М. 2005.

П2Л — Псковская Вторая летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М. 1955.

ПВЛ — Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л. 1950.

Пескова, Раппопорт, Штендер 1982 — Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. № 3. 1982.

Петров 1993 — Петров Д. А. К вопросу о времени сооружения некоторых частей церковей Успения на Торгу и Якова на Яковлевой улице // Новгородские древности. Вып. IV. М. 1993.

Пивоварова 2002 — Пивоварова Н. В. Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб. 2002.

Попова 2005a — Попова О. С. Аскетическое направление в византийском искусстве второй четверти XI века и его дальнейшая судьба // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М. 2005.

Попова 2005б — Попова О. С. Проблемы византийского искусства. Мозаики, фрески, иконы. М. 2005.

Порфиридов 1928 — Порфиридов Н. Г. Новые открытия в области древнерусской живописи в Новгороде // СНОЛД. Т. 9. 1928.

Прудников 1995 — Прудников О. А. Относительная хронология ладожских памятников // Программа «Храм». Вып. 8. Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга. СПб. 1995.

Раппопорт 1982a — Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников // САИ. Е1–47. Л. 1982.

Раппопорт 1982б — Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л. 1982.

Раппопорт 1986 — Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л. 1986.

Раппопорт 1993 — Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб. 1993.

Раппопорт 1994 — Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб. 1994.

Сарабьянов 1991 — Сарабьянов В. Д. Новые данные о фресках церкви святого Георгия в Старой Ладог. Предварительное сообщение по материалам реставрации 1982–1986 гг. // Практика реставрации памятников монументальной живописи. Сборник научных трудов. М. 1991.

Сарабьянов 1994 — Сарабьянов В. Д. Программные основы древнерусской храмовой декорации второй половины XII века // Вопросы искусствознания 4/94. М. 1994.

Сарабьянов 1997 — Сарабьянов В. Д. Стилистические основы фресок Антониева монастыря // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб. 1997.

Сарабьянов 1999 — Сарабьянов В. Д. Фрески Георгиевской церкви в Старой Ладог. и стилистические течения в новгородской живописи последней трети XII века. Часть I // ВВ. 58 (83). М. 1999.

Сарабьянов 2000a — Сарабьянов В. Д. Новгородская алтарная преграда домонгольского периода // Иконостас: происхождение — развитие — символика. М. 2000.

Сарабьянов 2000б — Сарабьянов В. Д. Фрески Георгиевской церкви в Старой Ладог. и стилистические течения в новгородской живописи последней трети XII века. Часть II // ВВ. 59 (84). М. 2000.

Сарабьянов 2002a — Сарабьянов В. Д. Хронология строительных и художественных работ в соборе Мирожского монастыря: К проблеме

датировки памятника // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. Посвящается 100-летию со дня рождения В. Н. Лазарева (1897–1976). СПб. 2002.

Сарабьянов 2002б — Сарабьянов В. Д. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М. 2002.

Сарабьянов 2002в — Сарабьянов В. Д. Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде. М. 2002.

Сарабьянов 2002г — Сарабьянов В. Д. Фрески Георгиевской церкви и новгородское искусство конца XII века // Церковь св. Георгия в Старой Ладого. История, архитектура, фрески. Монографическое исследование памятника XII в. / Автор-сост. В. Д. Сарабьянов. М. 2002.

Сарабьянов 2003 — Сарабьянов В. Д. Мастера фресок Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря и методы их работы // Хризограф: Сборник статей к юбилею Г. З. Быковой. М. 2003.

Сарабьянов 2005 — Сарабьянов В. Д. Монашеская тема во фресках собора Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М. 2005.

Сарабьянов 2007а — Сарабьянов В. Д. Алтарная преграда Спасо-Преображенской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке // Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. 3–4 декабря 2007 года. СПб.; М. 2007.

Сарабьянов 2007б — Сарабьянов В. Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески. М. 2007.

Сарабьянов 2008 — Сарабьянов В. Д. Храм-реликварий преподобной Евфросинии Полоцкой. К реконструкции первоначального замысла Спасской церкви Евфросиньева монастыря // Образ Византии. Сборник статей в честь О. С. Поповой. М. 2008.

Седов 1992 — Седов Вл. В. Собор Спасо-Мирожского монастыря: иконография и происхождение типа // Архив архитектуры. № 1. М. 1992.

Седов 2000 — Седов Вл. В. Княжеский заказ в архитектуре церкви Спаса-Преображения на Нередице // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб. 2000.

Седов 2003 — Седов Вл. В. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М. 2003.

Седов 2004 — Седов Вл. В. Новые фрески церкви Спаса на Нередице // Щербатова-Шевякова Т. С. Нередица. Монументальные росписи церкви Спаса на Нередице. М. 2004.

Смирнова 2005 — Смирнова Э. С. Работа новгородских художников XII века в разных видах живописи // Византийский мир: искусство Константинополя

и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М. 2005.

Соболева 1968 — Соболева М. Н. Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М. 1968.

Соленикова 1994 — Соленикова Е. В. К вопросу о времени строительства домонгольских храмов Старой Ладogi (в связи с проблемой «заказчика») // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб. 1994.

Сычев 1918 — Сычев Н. П. Забытые фрагменты новгородских фресок XII века // ЗОРСА РАО. Пг., 1918. Т. 12 (переизд.: Профессор Николай Петрович Сычев. Избранные труды. М. 1976).

Торшин 2007 — Торшин Е. Н. Полоцкие строители в Смоленске и Новгороде // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства / Труды ГЭ. Т. 34. СПб. 2007.

Царевская 1999 — Царевская Т. Ю. Фрески церкви Благовещения на Мячине (в Аркажах). Новгород, 1999.

Царевская 2002 — Царевская Т. Ю. Никольский собор на Ярославовом Дворище в Новгороде. М. 2002.

Чукова 2004 — Чукова Т. А. Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб. 2004.

Шалина 2007 — Шалина И. А. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и их символическое значение // Seminarium Bulkinianum. II. К 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб. 2007.

Штендер 1982 — Штендер Г. М., Ковалева В. М. О формировании древнего архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде // КСИА. № 171. 1982.

Штендер 1984 — Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли XI–XIII вв. Автореферат дисс. канд. арх. Л. 1984.

Этингоф 2002 — Этингоф О. Е. К вопросу о датировке росписей Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб. 2002.

Янин 1974 — Янин В. Л. О церкви Бориса и Глеба в Новгородском Детинце // Культура средневековой Руси. Л. 1974.

Epstein 1981 — Epstein A. W. The Middle Byzantine Sanctuary Barrier: Templon or Iconostasis? // Journal of the British Archaeological Association. Vol. CXXXIV. London. 1981.

Megaw 1963 — Megaw A. H. S. Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul // DOP. XVII. 1963.

Sarabianov 1998 — Sarabianov V. The frescoes of Staraja Ladoga and stylistic trends in the late XIIth century murals of Novgorod // *Il Mondo e il Sovra-Mondo dell'Icona*. Venezia. 1998.

Sarabianov 2003 — Sarabianov V. The Frescoes of the Antoniev Monastery and the Origins of the Style of the early 12th Century Novgorodian Painting // ΛΑΜΠΗΔΩΝ. Αφιέρωμα στη μνημη της Ντουλαξ Μουρική. Τ. 2. Αθήνα. 2003.

Skawran 1982 — Skawran K. The development of Middle Byzantine fresco painting in Greece. Pretoria. 1982.

Stylianou 1995 — Stylianou A. and J. The painted churches of Cyprus. London, 1995.

Tomeković 1983 — Tomeković S. Le décor peint de l'église de Blacherna à Mezapos (Magne) // *ЗЛУ*. 19. 1983.

THE DORMITION CATHEDRAL IN STARAYA LADOGA AND THE CHRONOLOGY OF THE LADOGA CHURCH CONSTRUCTION

V. D. Sarab'yanov

The restoration researches of the Cathedral of the Dormition in Staraya Ladoga which were conducted during recent years have shown a new approach to the problem of dating this church. The style of the survived fragments of frescoes is comparable with the murals of the Mirozhsky Cathedral in Pskov which were created in the beginning of the 1140^s by the Byzantine painters invited by Novgorod Archbishop Nifont. The linear manner of painting of the figure of St Cyriakos in the Dormition Cathedral demonstrates resemblance to a few other icons and frescoes made in Novgorod during the short period of the 1140^s. At the same time, the architecture of the cathedral presents a wide hall composition with enlarged space under the dome, which is characteristic of some early 12th century churches in south Rus. These features of the Dormition Cathedral give us a possibility to review the chronology of the churches which were built in Staraya Ladoga during the 12th century. The first period of the architectural activities according to the hypothesis proposed begins in the 1140^s and the Dormition Cathedral must have been one of the first churches in this region. The other two buildings — the cathedral of St Nicholas and the church on the Volkhov River — are known only by their substructures, but they also can be included into the group under consideration because of the closest similarity of their plans to that of the Dormition Cathedral. This period of construction in Staraya Ladoga is obviously connected with activities of the Novgorodian princes who occurred to be in confrontation with the new republican government of Novgorod. Most probably, the architectural activities of the princes were interrupted by Archbishop Nifont who built a new cathedral of St Clement in 1153. That cathedral changed the architectural situation in Staraya Ladoga opening a new page in its chronology.

Поиски русского вооружения эпохи раннего Средневековья на территории Польши

Польское государство с самого начала принадлежало к латинскому, то есть — западному, культурному миру. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что свой след на польских землях должно было оставить близкое соседство с восточноевропейскими зонами производства предметов вооружения. Путей проникновения их сюда было достаточно много: как в руках завоевателей, так и в виде военных трофеев, даров или предметов торговли.

К сожалению, до сих пор не были предприняты попытки обобщить данные о найденном на территории Польши оружии, возможно произведенном на Руси. Разрозненные сведения по этой проблематике можно разделить на две основные группы. К первой следует отнести те работы, авторы которых старались обнаружить следы древнерусской культуры на конкретных археологических местонахождениях: в городах, городищах и могильниках. Ко второй группе относятся исследования, посвященные особым категориям вооружения, признанным нетипичными для раннесредневекового польского военного дела, но в то же время имеющим многочисленные аналогии на территории Руси.

В первой группе работ разделы, посвященные оружию, часто имели вто-

ростепенное значение. Тем не менее для некоторых археологических памятников, прежде всего тех, которые находятся на современной восточной границе польских земель, наличие многочисленных следов материальной культуры Древней Руси было очевидным, особенно если учесть, что в эпоху раннего Средневековья отдельные пограничные области какое-то время находились под властью русских князей. Примером такого археологического памятника является Дрогичин на Буге. Эта историческая столица Подляшья в XI в. была укрепленным поселением на польско-русской границе, в XII–XIII вв. — стольным градом древнерусского Дрогичинского княжества. Среди найденных здесь многочисленных предметов, которые можно связать с материальной культурой Руси, имеются наконечники стрел и костяные детали композитного лука (Musianowicz 1969; Musianowicz 1961; Świątosławski 1996: 12). Аналогичная ситуация отмечена для такого объекта постоянного соперничества между Польшей и Русью, как Перемышль на Сане, где в качестве древнерусских были атрибутированы несколько наконечников стрел (Kunysz 1959). Другим примером является Санок — группа укрепленных поселений, объединенных позднее в город, периодически пе-

реходивший в эпоху раннего Средневековья от Польши к Руси. Среди обнаруженных здесь многочисленных находок древнерусскими считаются некоторые наконечники стрел, шпоры, кистени, фрагменты кольчуги и ламеллярного доспеха (Kotowicz 2002; Kotowicz 2005: 73–74; Ginalski, Kotowicz 2004: 187–257). Большое значение имеют также работы Е. Кусьнежа, посвященные материалам из расположенных на польско-русской границе городищ в Гродеке на Буге и Чермно на Хучве, которые являются остатками знаменитого укрепленного поселения Волянь (Kuśnierz 2006: 79–101) и Червена — главного из так называемых Червенских городов (Zbierski 1959: 124; Kuśnierz 2005: 115–132). Многие из обнаруженных здесь образцов раннесредневекового вооружения, как неоднократно отмечали польские исследователи (Strzyż 2006: 138–140; Kotowicz 2006b: 18–47), имеют аналогии на территории Руси.

Однако поиски вооружения, которое могло попасть в Польшу из Руси, не ограничивались только приграничными территориями. Они коснулись и ряда археологических памятников, расположенных в глубине польских земель. Из них исключительное значение имеет могильник в Лютомерске недалеко от Лодзи. Здесь были открыты многочисленные погребения с каменной обкладкой, без сомнения принадлежавшие воинам. Их первый исследователь К. Язджевский считал, что некоторые предметы погребального инвентаря — прежде всего элементы конской сбруи (стремена, удила, оковки узды) — попали в Польшу из Скандинавии через Русь (Jażdżewski 1951: 163). В одной статье он прямо писал о «политических эмигран-

тах из Киевской Руси, которые принесли с собой в Лютомерск элементы конской сбруи» (Язджевский 1978: 217). Такой вывод в полной мере одобрил создатель современной польской науки о средневековом оружии А. Надольский (Nadolski 1954: 105; Nadolski, Abramowicz, Poklewski 1959: 69, 152).

Иного мнения придерживался специалист в области металловедения Е. Пясковский. Проанализировав большую серию металлических изделий из Лютомерска, он пришел к следующему заключению: «Что касается сравнения с аналогичными памятниками с территории раннесредневековой Руси, следует утверждать, что параллели являются очень незначительными и случайными, прежде всего это относится к элементам вооружения» (Piaskowski 1959: 129). В настоящее время в отношении лютомерского военного снаряжения польские ученые в основном склоняются в пользу непосредственного северного, а не восточного влияния (Kara 1993: 42).

Еще один характерный пример — сожженное в середине XIII в. городище в Рационже недалеко от Тухола, на границе Поморья и Великопольши, где были найдены наконечник стрелы, набалдашник плети в форме птичьей головки из черного сургуча и пластинки ламеллярного доспеха, возможно попавшие сюда из Руси (Kowalczyk 1986: 79–80; Świątosławski 2007).

Что касается имеющихся в польской научной литературе работ, посвященных категориям вооружения, считающимся нетипичными для раннесредневекового польского военного дела, то первая широкая дискуссия о русском происхождении конкретного вида вооружения была посвящена ко-

нусовидным шлемам. Известны четыре экземпляра таких шлемов с территории Великопольши — области, являвшейся центром раннего государства Пястов. Чаще всего они изготовлены из четырех соединенных заклепками железных пластин, нижние края которых охвачены железным обручем. Наличие нескольких русских экземпляров шлемов такого типа склонило некоторых ученых к выдвиганию гипотезы о производстве их в русских оружейных мастерских (см., напр.: Sommerfeld-Sarnowska 1939: 321; Kostrzewski 1947: 336; Antoniewicz 1955: 233–277; Żygulski 1982: 79). Другие исследователи были сторонниками польского происхождения этих шлемов (см., напр.: Jakimowicz 1934; Bocheński 1930). А. Надольский первоначально вполне определенно высказывался за местное производство подобных шлемов в Великопольше (Nadolski 1954: 75), однако позднее, под влиянием фундаментальной работы А. Н. Кирпичникова, посвященной русскому вооружению, согласился с возможностью создания их русскими мастерами, допуская, впрочем, и отнесение их к польскому производству (Nadolski 1960). Отметим, что при современном состоянии исследований по данной проблематике вопрос происхождения шлемов, найденных в Великопольше, не может быть решен однозначно. В настоящее время известны находки шлемов этого типа не только в Польше и на Руси, но также в Венгрии и на прусских землях. Наряду с большой вероятностью их изготовления в Центральной и Восточной Европе, не исключено, что генезис конусовидных шлемов упомянутой конструкции связан с западноазиатским регионом, поскольку в их распространении, по-

видимому, участвовали византийцы и кочевники Великой степи.

Видом оружия, периодически появляющимся на польских землях, но характерным для Руси, была булава. На территории современной Польши известно более 20 экземпляров булав различной формы — в виде звезды, многогранных или шарообразных, — которые были изготовлены, главным образом, из бронзы или железа, а в редких случаях — из свинца. Эти изделия были тщательно проанализированы рядом польских исследователей с учетом широкого европейского фона. Подытоживая дискуссию о происхождении булав на польских землях, А. Михалек обратил внимание на то, что многие из них имеют древнерусские аналогии, при этом некоторые происходят из Венгрии и с балтийских территорий, куда ранее попали из Руси (Michalak 2005: 183–220; Michalak 2006b: 48–76; Kotowicz, Michalak 2006: 78–81). Автор справедливо подчеркивал необходимость проведения металлографического анализа булав, который мог бы помочь в определении их происхождения (Michalak 2006a: 103–114). В пользу русского происхождения булав из Юго-Восточной Польши высказался и П. Стрыж, по мнению которого об этом свидетельствует «высокое качество их изготовления и детали декоративных элементов» (Strzyż 2005: 111; Strzyż 2006: 61).

Оружием, которое ранее считалось неизвестным на территории раннесредневековой Польши, были кистени. Однако в работах Е. Гурбы и А. Черепиньского (Gurba, Czerepiński 1965: 239–241; Gurba, Czerepiński 1968: 484–489) было доказано, что они встречаются на польских землях. В настоящее время зафик-

сировано более десяти таких предметов, прежде всего — в юго-восточных областях, а также на территории Великопольши. П. Н. Котович, который проанализировал соответствующие многочисленные материалы с территории Руси, подчеркнул, что это оружие не привилось в Польше, поскольку, скорее всего, не соответствовало местным особенностям ведения боя (Kotowicz 2006a: 62; Kotowicz, Michalak 2006: 81–84).

В последние годы было обращено внимание на детали еще одного ранее считавшегося неизвестным в польских землях вида вооружения: костяные и роговые части композитных луков и колчанов. Комплект таких деталей был найден в могиле XII в. в Гродеке на Буге (Jastrzębski, Maciejczuk 1988: 56–61; Wołoszyn 2005: 87–105; Kuśnierz 2006: 91–92). Отдельные элементы луков были открыты еще на нескольких археологических памятниках в глубине польской территории (Dmochowski, Wrzesiński 2004: 313–330). Хотя их происхождение точно не определено, и здесь с большой долей вероятности предполагается русское влияние.

Восточное, возможно русское, происхождение приписывалось и некоторым видам наконечников стрел, редких на польских землях, но очень популярных в Восточной Европе. Речь идет, главным образом, о наконечниках с черешком вместо втулки. Впрочем, этот вопрос очень сложен, поскольку большинство наконечников такой формы связывается прежде всего с материальной культурой кочевых народов Великой степи. От них в эпоху раннего Средневековья это оружие попало на территорию Руси, где многие типы подобных наконечников заим-

ствовали и, безусловно, производили. В. Свентославский, не акцентируя внимания на этнических аспектах, рассматривал наконечники стрел с польских земель, имеющие аналоги в материальной культуре кочевников из Руси, как археологический след монгольского нашествия на Польшу (Świętosławski 1997). Автор пришел к выводу, что в нашествии участвовали не только монголы, но и восточноевропейские народы, которые могли принести на польскую территорию именно такие наконечники. Автор также предпринял попытку выделить на землях между Вислой и Одрой образцы оружия народов восточноевропейских степей домонгольского периода: венгров, печенегов и половцев (Świętosławski 2006), которые могли, тесно контактируя с Русью, способствовать проникновению сюда не только степного, но и восточноевропейского вооружения. Несомненно, восточное происхождение признано для наконечников плети в форме птичьих головок. Считается, что несколько экземпляров, найденных на польских землях, происходят из Волжской Болгарии (Гродек на Буге, см.: Kokowscy, Kokowscy 2003: 355–364) и связаны с монгольскими набегами (Ополе, см.: Świętosławski 1997: 91–92). Возможно также их русское происхождение (Ополе, см.: Wachowski 2001: 170; Рационж, см.: Świętosławski 2007: 50), однако окончательное решение этой проблемы в настоящий момент не представляется возможным.

Характерными экземплярами оружия, определенно не боевого, а символического значения, являются миниатюрные топоры. Ранее уже обращалось внимание на возможность

отнесения их к древнерусскому производству (Wrzesińska, Wrzesiński 1996: 197–204; Wachowski 2001: 170). Лучше всего этот вопрос осветили В. Панасевич и М. Волошин, собрав соответствующие материалы с территории Польши (Panasiewicz, Wołoszyn 2002: 245–286).

Представленные выше замечания указывают на то, что поиски вооружения, связанного с Русью, происходили до сих пор методом сравнения находок на территории современной Польши с их возможными древнерусскими аналогиями. Такие образцы оружия были найдены, главным образом, на юго-восточной границе польских земель, где находились области, в результате исторических процессов периодически переходившие от одного государства к другому. Регистрировались прежде всего те их категории, которые считались нетипичными для раннесредневекового польского вооружения, однако характерными для Руси: главным образом, некоторые виды обухового и метательного оружия. Такая упрощенная методика исследований, безусловно, являет-

ся недостаточно эффективной. В эпоху раннего Средневековья, как в Польше, так и на Руси, использовались и производились очень похожие, а зачастую почти идентичные виды оружия, поэтому один только типологический анализ не позволяет оценить масштаб влияния и использования чужого (в данном случае — русского) вооружения на польских землях. Несомненно, исключительно перспективным стало бы в ближайшем будущем широкомасштабное проведение специализированных анализов, например металловедческих. Лишь комплексное междисциплинарное изучение предметов средневекового вооружения, найденных во время археологических исследований на территории Польши, обеспечит возможность правильной оценки их происхождения. Великолепным примером тех сложностей, которые подстерегают исследователей на этом пути, является датируемое 1418 г. упоминание о работавшем в Кракове оружейнике Юрге, который производил «татарские шлемы» и экспортировал их в Литву (Szymczak 1989: 130).

Литература

Яжджевский 1978 — Яжджевский К. Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше // Древняя Русь и славяне. М. 1978.

Antoniewicz 1955 — Antoniewicz J. Niektóre dowody kontaktów słowiańsko-pruskich w okresie wczesnośredniowiecznym w świetle źródeł archeologicznych // Wiadomości Archeologiczne. 22. 1955.

Bocheński 1930 — Bocheński Z. Polskie szyszaki wczesnośredniowieczne. Kraków. 1930.

Dmochowski, Wrzesiński 2004 — Dmochowski P., Wrzesiński J. W poszukiwaniu łuku refleksyjnego — możliwości interpretacji na przykładzie znalezisk z Ostrowa Lednickiego // Wędrówki rzeczy i idei w średniowieczu. Spotkania Bytomskie. 5. Wrocław. 2004.

Ginalski, Kotowicz 2004 — Ginalski J., Kotowicz P.N. Elementy uzbrojenia i oporządzenia jeździeckiego z grodziska wczesnośredniowiecznego „Horodyszczce”

w Treczy, pow. Sanok, stan. 2 // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. 25. 2004.

Gurba, Czerepiński 1965 — Gurba J., Czerepiński A. Ciekawy staroruski zabytek z Czerwienia. «Z otchłani wieków». 31/3. 1965

Gurba, Czerepiński 1968 — Gurba J., Czerepiński A. Rogowy kiścień z Czerwna // Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. 1968

Jakimowicz 1934 — Jakimowicz R. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego w świetle archeologii. (Próba ujęcia zagadnień wczesnohistorycznych Wołynia) // Rocznik Wołyński. 3. 1934.

Jastrzębski, Maciejczuk 1988 — Jastrzębski S., Maciejczuk J. Grób wczesnośredniowieczny z Gródka nad Bugiem, stan. 1C, woj. zamojskie // Studia nad etnogenezą Słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1988.

Jażdżewski 1951 — Jażdżewski K. Cmentarzysko wczesnośredniowieczne w Lutomierniku pod Łodzią w świetle badań z r. 1949 // Materiały Wczesnośredniowieczne. 1. 1951.

Kara M. 1993 — Kara M. Siły zbrojne Mieszka I. Z badań nad składem etnicznym, organizacją i dyslokacją drużyny pierwszych Piastów // Kronika Wielkopolska. 3 (62). 1993.

Kokowscy, Kokowscy 2003 — Kokowscy E., Kokowscy A. Nahajki z rękojeścią w kształcie ptasich głów z Gródka nad Bugiem // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Warszawa; Lublin. 2003

Kostrzewski 1947 — Kostrzewski J. Kultura prapolska. Poznań. 1947

Kotowicz 2002 — Kotowicz P.N. Militaria średniowieczne w zbiorach Muzeum Historycznego w Sanoku. Sanok. 2002.

Kotowicz 2005 — Kotowicz P.N. System militarny Sanoka we wczesnym średniowieczu // Acta Militaria Mediaevalia. 1. 2005.

Kotowicz 2006a — Kotowicz P.N. Uwagi o znaleziskach kiścieni wczesnośredniowiecznych na obszarze Polski // Acta Militaria Mediaevalia. 2. 2006.

Kotowicz 2006b — Kotowicz P.N. Przemiany w uzbrojeniu plemiennym i wczesnopaństwowym (VI — poł. XIII w.) w polskiej części dawnych księstw ruskich — wybrane przykłady // Вісник національного університету Львівська Політехніка. 571. 2006.

Kotowicz, Michalak 2006 — Kotowicz P.N., Michalak A. «I poszedł Włodzimierz na Lachów (...)». O recepcji orientalnych militariów we wczesnośredniowiecznej Polsce // Z otchłani wieków. 61/1–2. 2006.

Kowalczyk 1986 — Kowalczyk M. Raciąż — średniowieczny gród i kasztelania. Łódź. 1986.

Kunysz 1959 — Kunysz A. Przemysł wczesnośredniowieczny. W świetle ostatnich badań wykopaliskowych przeprowadzonych w latach 1958–1959 // Rocznik Województwa rzeszowskiego. 2. 1959.

- Kuśnierz 2005* — Kuśnierz J. Militaria z Czermna nad Huczwą. Próba rekonstrukcji sposobu ataku Tatarów na gród (1240 r.) na podstawie dotychczasowych badań archeologicznych // *Acta Militaria Mediaevalia*. 1. 2005.
- Kuśnierz 2006* — Kuśnierz J. Z badań nad militarnym znaczeniem Gródka nad Bugiem (Wołyń) we wczesnym średniowieczu // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2. 2006.
- Michalak 2005* — Michalak A. Głowica buławy z Trzciela, pow. Międzyrzecz. Wstępne uwagi w kwestii występowania buław na ziemiach polskich w średniowieczu na tle znalezisk europejskich // *Archeologia Środkowego Nadodrza*. 4. 2005.
- Michalak 2006a* — Michalak A. Jeszcze o buławach średniowiecznych z terenu ziem polskich. Refleksje na marginesie znaleziska z Bogucina, pow. Olkusz // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2. 2006.
- Michalak 2006b* — Michalak A. Wpływy wschodnie czy południowe? Z badań nad pochodzeniem buław średniowiecznych na ziemiach polskich // *Вісник національного університету Львівська Політехніка*. 571. 2006.
- Musianowicz 1961* — Musianowicz K. Nowe materiały do kontaktów Drohiczyzna nad Bugiem z Nowogrodem Wielkim // *Rocznik Białostocki*. II/1. 1961.
- Musianowicz 1969* — Musianowicz K. Drohiczyzn we wczesnym średniowieczu // *Materiały Wczesnośredniowieczne*. 6. 1969.
- Nadolski 1954* — Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Łódź. 1954.
- Nadolski 1960* — Nadolski A. Uwagi o wczesnośredniowiecznych hełmach typu wielkopolskiego // *Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi*. 5. 1960.
- Nadolski, Abramowicz, Poklewski 1959* — Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. Cmentarzysko z XI w. w Lutomierniku pod Łodzią. Łódź. 1959.
- Panasiewicz, Wołoszyn 2002* — Panasiewicz W., Wołoszyn M. Staroruskie miniaturowe toporki z Gródka, pow. Hrubieszów // *Archeologia Polski*. 47/1–2. 2002.
- Piaskowski 1959* — Piaskowski J. Metaloznawcze badania wyrobów żelaznych // Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. Cmentarzysko z XI w. w Lutomierniku pod Łodzią. Łódź. 1959.
- Sommerfeld-Sarnowska 1939* — Sommerfeld-Sarnowska W. O tzw. „polskich” szyszakach wczesnohistorycznych // *Wiadomości Archeologiczne*. 16. 1939.
- Strzyż 2005* — Strzyż P. Ruskie buławy «gwiazdziste» z terenu Małopolski // *Acta Militaria Mediaevalia*. 1. 2005.
- Strzyż 2006* — Strzyż P. Uzbrojenie we wczesnośredniowiecznej Małopolsce. Łódź. 2006
- Szymczak 1989* — Szymczak J. Produkcja i koszty uzbrojenia rycerskiego w Polsce XIII–XV w. Łódź. 1989
- Świętosławski 1996* — Świętosławski W. Elementy wschodnie wśród militariów z XIII w. znalezionych na terenie Polski // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 38. 1996.
- Świętosławski 1997* — Świętosławski W. Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w. Łódź. 1997.

Świętosławski 2006 — Świętosławski W. Ślady koczowników Wielkiego Stepu z X, XI i XII wieku w dorzeczeniach Wisły i Odry. Łódź. 2006

Świętosławski 2007 — Świętosławski W. Militaria wschodnie na średniowiecznym Pomorzu // *Wojskowość ludów Morza Bałtyckiego. Mare Integrans. Studia nad dziejami wybrzeży Morza Bałtyckiego*. Toruń. 2007.

Wachowski 2001 — Wachowski K. Elementy rodzime i obce w uzbrojeniu wczesnośredniowiecznym na Śląsku // *Acta Universitatis Lodzensis: Folia Archaeologica*. 23. 2001.

Wołoszyn 2005 — Wołoszyn M. Między Wschodem a Zachodem: pochówek wojownika ze stanowiska 1C w Gródku, pow. hrubieszowski, woj. lubelskie // *Acta Militaria Mediaevalia*. 1. 2005.

Wrześcińska, Wrześciński 1996 — Wrześcińska A., Wrześciński J. Grób z miniaturowym toporkiem z Dziekanowic gm. Łubowo, woj. Poznańskie, stan. 22 // *Wielkopolskie Sprawozdania Archeologiczne*. 4. 1996.

Zbierski 1959 — Zbierski A. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czermna nad Huczwą (zabytki ruchome z wyjątkiem ceramiki) // *Archeologia Polski*. 4. 1959.

Żygulski 1982 — Żygulski Z. jun. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa. 1982.

SEARCH OF RUSSIAN EARLY MEDIEVAL ARMAMENT IN THE TERRITORY OF POLAND

W. Świętosławski

Search of the arms related to Russia has been hitherto conducted in Poland by means of comparison between finds from the modern Polish territory and their possible ancient Russian analogues. Specimens of such armament were discovered mainly on the Polish southeastern frontier, where the lands which throughout the history passed through the Polish and Russian hands are situated. Of these finds, only those categories mostly were registered which were considered non-typical for the Early Medieval Polish weaponry, but characteristic of the Russian one — chiefly, some kinds of butt and missile weapons. However, during the Early Middle Ages, both in Poland and in Russia very similar, frequently even almost identical kinds of armament were produced and used. Therefore the typological analysis alone does not allow us to evaluate a real scale of the influence and employment of foreign (in our case, Russian) weapons within the Polish territory. It seems beyond any doubt that a wide-scale realization of special-purpose analyses, including a metallurgical one, expected in the near future will be exclusively promising. Only interdisciplinary studies of the mediaeval armament uncovered in the course of archaeological investigations throughout the territory of Poland may provide us with a correct identification of its provenance.

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Автор «Повести временных лет» (ПВЛ) в 1113 г. или 1116 г. (вопросы авторства и года ее написания обсуждается до наших дней) поставил основные вопросы образования Древнерусского государства — «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть»¹ (ПВЛ 2007: 7). На основе собранных материалов летописцу было очевидно, что «Русская земля» в значении Русского государства или русского народа как государственного целого (ПВЛ 2007: 379–380) является продолжением предшествующей истории славян и, в частности, восточнославянских племен. Ответ на вопросы — когда возникло государство и каким оно было — должны были дать историки.

В трудах историков образование Древнерусского государства раскрывается самым разным образом — от его основания одним человеком до его отщипывания и утверждения общинного строя. В его содержании в качестве определяющих указывались разные принципы (органическое развитие и прерывность исторического процесса), разные политические институты (монархиче-

ская власть, дружина, система податей, вече), но их значение абсолютизировалось. Наряду с институтами, о которых в исторических источниках содержится определенная информация, в литературе использованы «реконструкции», для которых нет источниковых оснований, — город как община, «свобода» как некая абстракция и т. д. Само понятие «государство» использовалось или метафизически, или в категориях классового господства (историографический анализ см.: Свердлов 1996).

В новейшей литературе все более распространяется компилятивность разных по происхождению и содержанию теорий, иллюстративное использование исторических источников, их целенаправленная интерпретация. Видимо, такое состояние разысканий о природе Древнерусского государства наиболее ярко характеризует исполненная противоречивых характеристик статья «Древнерусская цивилизация: основы политического строя», опубликованная в журнале «Вопросы истории»: «Если исходить исключительно из формы организации власти, древнерусские князья, конечно, монархи. Но при этом монархи, ограниченные княжеским родом, относительно которого великий князь совсем не монарх,

¹ Здесь и далее конъектуры, включенные в текст [С. Лихачевым, не отмечаются.

а старший в роду. А главное, это такая монархия, которая ограничена самим обществом, решающим дела, касающиеся всех, на вече. И князь выступал на этом вече как один из его участников. Он, наряду с другими представителями общинной верхушки, руководил ходом собрания, но ничего там не решал, и не мог решать». Столь же противоречив и недостоверен обобщающий вывод, характеризующий «древнерусскую цивилизацию» в духе самых разных по происхождению теорий: «Как политическое целое, Русская земля напоминает империю: обширное наднациональное государство, во главе с монархом, опирающимся на военную силу. ... Русская земля — это Киевская империя. Внешне — это огромная по европейским меркам держава, богатая, процветающая, со множеством городов, сверкающими золотыми куполами, и народом, который больше всего ценит свободу, любит веселье и верит в старых и новых богов. Внутри — это политическое образование, состоящее из полунезависимых земель, которые управляются князьями одного рода, а подлинная власть принадлежит общинам стольных городов» (Поляков 2005: 67–68).

В настоящее время есть возможность освободиться от идеологем и «реконструкций» и рассмотреть процесс формирования Древнерусского государства на основе объективной источниковой информации. Определяющее значение должны иметь сведения об исторических фактах.

Восточные славяне, сформировавшиеся как этнокультурное единство в VII–IX вв., имели долгую предшествующую этногенетическую историю. От общеиндоевропейского периода они

сохранили индоевропейские антропологический тип, язык и языческие религиозные традиции, комплексную экономику, основой которой являлось пашенное земледелие, развитую племенную структуру с вождями, патриархальной большой семьей и патриархальным рабством (Гамкрелидзе, Иванов 1984; Encyclopedia 1997; см. там же литературу проблемы). Индоевропейские народы, расселившиеся на стадии позднего бронзового и раннего железного века во II тыс. до н. э. в Средиземноморье, эволюционировали во взаимодействии с древними средиземноморскими культурами, а также с цивилизациями Древнего Востока и создали античную рабовладельческую цивилизацию. Индоевропейцы, расселившиеся в лесной зоне Восточной Европы, развивались замедленными темпами.

На стадии развитого железного века германцы активно взаимодействовали с Римским государством в I в. до н. э. — I в. н. э., а в конце III–V вв., преодолев сопротивление, расселились на его территории. Германцы разрушили Римскую империю и варваризировали ее, но они усвоили материальную культуру и письменность, что способствовало более быстрым темпам исторического развития германцев в Центральной Европе (особенно в зоне романо-германского этнокультурного синтеза в VI–IX вв.), чем других народов Европы.

В V–VI вв. славянские племена в конце праславянского периода занимали земли от Верхней Эльбы и Савы до Северского Донца и Дуная. В VI–VII вв. они преодолели сопротивление Византийской империи и также расселились на ее территории.

Славяне не начинали свое историческое развитие с нулевой отметки. Они продолжали индоевропейские традиции этнокультурной и социально-экономической эволюции, включая комплексную экономику, основанную на пашенном земледелии.

Анализ всех видов исторических источников, а также сравнительно-исторический анализ германцев I–II вв. (до эпохи романо-германского этнокультурного синтеза) позволили сделать следующие выводы. Все члены славянских племен VI — начала VII в. были свободны, равноправны и полноправны. Вероятно, только мужчины участвовали в племенном народном собрании, которому принадлежало верховное право в решении вопросов войны и мира, а также суда. Существовала племенная знать — по происхождению, по мужеству и по мудрости. Из ее состава избирался совет старейшин, который решал менее значимые дела. На племенном народном собрании избирался также князь, преимущественно из знатного рода. Князю служила дружина, состоявшая из свободных людей, на определяющих началах службы-дружбы. Эта служба вознаграждалась материальным обеспечением — в мирное время пирами, конем и оружием, в военное время — частью добычи. Они являлись началом неземельных феодалов² (Bouttruche 1968: 211; Бенвенист 1995: 57–58).

Князь и его дружина исполняли ежедневную охрану племени. Князь осуществлял функции внутреннего управления, суда и военного дела, а также внешних отношений с другими

племенами или государствами. В мирное время рядовые члены племени приносили добровольные подношения продуктами земледелия, птицей и скотом. Такие подношения назывались, вероятно, праславянским словом **darǫ*. В древнерусский период «даръ» стал названием одного из видов податей.

Основу семейной организации составляла патриархальная большая семья, состоявшая из автономных малых семей, с коллективным владением, коллективной имущественной и правовой ответственностью, с правом кровной мести. Такая патриархальная большая семья могла включать в свой состав патриархальных рабов, которые являлись вооруженными слугами, пасли скот. Им мог предоставляться земельный участок, на котором патриархальный раб с семьей трудился, выплачивая господину оброк продуктами земледелия, птицей и скотом. По прошествии определенного времени он освобождался и становился полноправным членом племени (Свердлов 1977; 2003: 55–82).

Таким образом, общественный строй славян в конце VI — начале VII в. позволяет установить, что они находились на стадии позднего родоплеменного строя. Комплексная экономика и развитая социально-политическая структура славянских племен позволили им расселяться в эпоху Великого переселения народов во всех географических направлениях.

Расселение славян на обширных пространствах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, появление конкретных региональных особенностей этнокультурного развития и особенностей эволюции праславянского языка с характерным для него диа-

² Fé 'богатство', **od* 'собственность', т. е. богатство, которое передается в собственность.

лектным членением имели следствием формирование западных, южных и восточных славян как этнокультурных общностей.

Восточные славяне расселились в VII–IX вв. в Восточной Европе от Среднего Поднепровья до Ладожского озера, от Прикарпатя до Верхней Волги. Особенностью их расселения являлось постоянное этнокультурное взаимодействие с местным финно-угорским и балтийским населением. В результате эволюции производства орудий труда из железа ранее автономная малая семья в составе патриархальной большой семьи теперь могла себя обеспечить экономически. В IX–X вв. она стала определяющим типом семейной организации и предопределила трансформацию большесемейной общины в соседскую (Ляпушкин 1958: 211–225; 1968: 162–168). В результате неустойчивости хозяйства (неурожаи, засухи, наводнения, войны и другие бедствия) малые родственные семьи, прежде всего в малодворных сельских поселениях лесной зоны, объединяли свои экономические потенциалы в так называемые «неразделенные семьи», отцовские и братские, при сохранении индивидуальной и малосемейной имущественной и правовой ответственности.

Одновременно эволюционировала и племенная структура. Предания ПВЛ о гибели киевского князя Игоря и мести его вдовы княгини Ольги древлянам позволяют установить, что в племени определяющее значение приобрели князь и племенная знать (*лучьшии мужи, мужи нарочиты*). У древлян середины X в. еще существовали народные собрания и, вероятно, существовали княжеская дружина и, в мирное

время, добровольные подношения рядовых членов племени князю и его дружине. Такую переходную форму от племенной организации к государственной обоснованно называют «племенным княжением» (Мавродин 1971; Шаскольский 1972: 56–57; Королук 1972: 218–219). В новейшей литературе его называют также «племенным княжеством». Но такой термин, как представляется, упреждает формирование княжества как определенной государственной структуры, во главе которой находится князь. Межплеменные союзы выражали существовавшие в племени возможности к объединению и к созданию надплеменных органов управления.

Кроме этих факторов саморазвития восточного славянства следует учитывать воздействие на объединительные процессы географической среды — рельефа Восточно-Европейской (Русской) равнины и развитой системы рек, которые соединяли все ее пространство (Соловьев 1959: 60–78; Ключевский 1956: 45–46, 54–60). Ускоренным темпам развития восточных славян во второй половине VIII–IX в. способствовало также формирование в Восточной Европе великих торговых путей — Балтийско-Волжско-Каспийского и Балтийско-Днепровско-Черноморского. По первому из них в Восточную и Северную Европу поступали огромные массы серебра в виде монет-дирхемов и серебряного лома преимущественно из халифата Аббасидов. Это серебро использовалось прежде всего как сырье для изготовления серебряных изделий. Другая его часть в виде монет включалась в местное денежное обращение. На Восток славянские и скандинавские

купцы везли меха, рабов, воск и другие товары. В это время сформировалась восточнославянская денежная система: гривна = 25 кунам (куницам) = 50 веверицам (белкам). Тогда же она была усложнена: 1 гривна = 20 ногатам. Название новой денежной единицы восходило к араб. 'накада' — 'платить деньги', 'накдун' — 'деньги', 'монета'. Вследствие развития ремесла, торговли, денежной системы в землях восточных славян стали появляться города как центры ремесла и торговли, формирующейся государственной власти в развитие древних племенных центров или на речных путях на новом месте и по оппозиции к ним (Носов 2005: 8–32; см. там же литературу проблемы).

Эти процессы совпали с началом эпохи викингов. Вероятно, в первой половине IX в., как сообщается в ПВЛ, скандинавы наложили дань на племена словен, кривичей и мери, которые жили вдоль активно эксплуатировавшегося пути из Балтийского моря в Каспийское и, вероятно, представляли собой межплеменной союз, судя по постоянному их объединению в повествовании. Таких скандинавов стали называть в славяно-финской среде по их названию западнофинскими племенами *guotsi* — *Русь* (обстоятельную разработку этой гипотезы см.: Мельникова, Петрухин 1989). Около 860 г. словене, кривичи и меря восстали и заставили варягов убраться «за море».

Тогда же, в первой половине IX в., скандинавы из Средней Швеции, свеи, по Балтийско-Днепровскому пути попали в Среднее Поднепровье, где локализуется обобщающий этноним и хороним *Ros*, — одно из следствий древнейшего славяно-иранского (сар-

матского) этнокультурного взаимодействия (Брим 1923; новейшую лингвистическую разработку этой гипотезы см.: Трубачев 1997: 223–260).

Существующие в научной литературе гипотезы объясняют происхождение близких по звучанию, но не тождественных по происхождению *рус-рос* в названии формирующегося восточноевропейского многоэтничного государственного образования. Его этнокультурное содержание определялось славянами, этноним которых являлся производным от слов в значении 'слышаться, быть понятным', что продолжало нарицательную самоидентификацию 'мы', 'свои', 'наши' 'люди (вообще)' (Трубачев 1991: 90).

В Среднем Поднепровье в первой половине IX в. появилось государственное образование во главе с князем, который принял титул *каган-хакан*, что политически было направлено против Хазарского каганата (Артамонов 1962: 366; Новосельцев 1982). Эти сведения содержатся в явной и скрытой информации Пруденция, автора продолжения Бертинских анналов. Пруденций был человеком, приближенным ко двору франкского императора Людовика Благочестивого. Судя по точному указанию даты, имен и событий 18 мая 839 г., он участвовал в приеме в Ингельгейме Людовиком византийского посольства, направленного византийским императором Феофилом. Его повествование упоминалось в научной литературе бесчисленное множество раз. Но недостаточно обращалось внимания на возможности точного перевода его текста, который содержит ценные сведения об этнокультурном содержании этнонима *рос*.

Сообщив о византийском посольстве, отправленном Феофилом, Пруденций написал: «*Misit etiam cum eis quosdam qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant ...*» Исследователи обычно переводят слова «*se ... vocari*», выделяя их из предложения в целом, как «называются». Отсюда следует вывод, что послы хакана народа *рос*, которые, как оказалось позднее, являлись свеями (*sveoni*), называют себя росами. Но перевод этой фразы может быть другой. От глагола *dicebant* зависит оборот *accusativus cum infinitivo* — «*se ... vocari*». В Средние века *se* ставилось вместо *eum* или *eos* (Du Cange 1886: 384). *Vocari* — *infinitivus praesentis passivi* глагола *voco*. Следовательно, смысл фразы такой. Пришедших в Ингельгейм свеонов другие народы называли росами, хотя сами себя они называли свеями: «Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос...» (Латиноязычные источники 1989: 9–12). Такой перевод был сделан ранее (Krug 1848: 165; Памятники 1936: 23), он обосновывался автором этих строк в 1960-е г. и был поддержан в научной литературе (Свєрдлов 1968: 7; Шаскольский 1981: 45–51; см. там же литературу проблемы).

Как написал Пруденций, послы хакана народа *рос* вели переговоры с императором Феофилом «дружбы ради». Они оказались в Ингельгейме вынужденно, «потому что путь, по которому прибыли в Константинополь, они продавали среди варварских племен, ужаснейших, отличавшихся безмерной дикостью», так что император Феофил не хотел подвергать их вновь такой опасности, и они следовали обратно кружным путем. Как обоснованно предпо-

ложил М. И. Артамонов, послам помещало вернуться вторжение в Среднее Поднепровье венгерских племен (Артамонов 1962: 344).

Из сообщения Пруденция о посольстве хакана народа *рос* следует, что это государственное образование не могло находиться на северо-западе Восточной Европы, поскольку в данном случае переговоры с византийским императором о «дружбе», т. е. о мире и союзных отношениях, были бы бессмысленны. Оно не находилось в Причерноморье и не входило в состав Хазарского каганата, поскольку в таком случае послы могли бы вернуться. Локализация в IX–X вв. этнонима и хоронима *рос* в Среднем Поднепровье подтверждается также другими латиноязычными, а также восточными источниками (Свєрдлов 1970).

Все эти сведения позволяют сделать вывод, что местное славянское население Среднего Поднепровья, поляне и, вероятно, западная часть северян в первой половине IX в. имели также традиционное название *росы*, как следствие древнего славяно-иранского этнокультурного взаимодействия, подобно тому, как в VI в. южная часть славянских племен называлась по той же причине ираноязычным словом *анты*. Можно предположить, что на территории Среднего Поднепровья в первой половине сформировалось восточнославянское государственное образование с центром в Киеве, которое при участии свеонов вело активную политику на уже существовавшем Днепровско-Черноморском пути. Данным обстоятельством, а также хазарской угрозой объясняется отправленное хаканом народа *росы* посольство к византийскому императору Феофилу. Позднее в разное

время в Среднем Поднепровье княжили Аскольд и Дир.

Как сообщается в историческом предании, записанном в ПВЛ, на северо-западе Восточной Европы после изгнания варягов в племенах словен, кривичей и мери начались распри. В этих обстоятельствах они избрали князем многоопытного военного и политического деятеля конунга Рёрика, который со своим домом и дружиной правил сначала во Фрисландии, затем в Южной Ютландии, откуда он вынужден был перебраться по хорошо известным морским путям, вероятно, в столицу Средней Швеции Бирку (Кирпичников 1979: 99–100; 1995; 1997; Свердлов 2003: 106–109). Можно предположить, что именно туда отправились послы словен, кривичей и мери «за море къ варягомъ», как написано в исторически достоверном предании, записанном в ПВЛ. В нем сообщается также: «И избърашася 3 братья с роды своими...» Таким образом, не было ни завоевания Рюриком словен, кривичей и мери, ни его призвания, как написано в бесчисленной литературе, а произошло его избрание. То есть в новых исторических условиях была продолжена древняя славянская традиция позднего племенного строя избрания князя. Так же поступили западные славяне, которые в 623 г. избрали князем франкского купца Само за его заслуги перед славянами в борьбе с аварами и франками.

Избранный князем Рюрик стал исполнять функции славянского князя, защищая словен, кривичей и мерю от нападений викингов, исполняя традиционные для славянских князей обязанности по организации военно-политической деятельности, направ-

ленной против соседних племен. Следует учитывать, что его «братья» Синеус и Трувор — легендарные персонажи. Их появление — традиционный фольклорный мотив «три брата». Таких имен в скандинавской ономастике нет. Между тем они закодированно выражают древнее предание о прибытии Рюрика со «своим домом и верной дружиной». Столь же значимо в предании испомещение легендарных Трувора в Изборске, а Синеуса на Белоозере. Оно, вероятно, свидетельствует о распространении власти Рюрика от псковских кривичей до белозерской веси. На интеграцию Рюрика в местных общественно-политических структурах может указывать перенесение им своего двора из Ладоги, подверженной вражеским нападениям, в основанный в середине IX в. укрепленный военно-политический центр — Рюриково городище в истоке Волхова, где находились восточнославянские сельские поселения (Носов 1990). С территориальным ростом этого государственного образования появился и новый институт государственного управления — посадение служилых князю мужей по городским центрам для управления ими, а также территориями, которые такими городами контролировались. Видимо, тогда стали появляться территориальные области управления с центром в городе — *волости* (от глагола *володеть*).

Изложенные факты социально-экономической, политической и этнокультурной истории восточных славян свидетельствуют о том, что варягоскандинавы в середине — второй половине IX в. были интегрированы в те процессы, которые закономерно происходили в землях восточных сла-

вян. Они стали не инициаторами их, а участниками. Участие скандинавов в социально-политических и этнокультурных процессах, происходивших в Восточной Европе в IX–X вв., было свойственно и другим странам Европы этого периода, но, как и в других европейских странах, формирование Древнерусского государства и его развитие определялись местными экономическими, социально-политическими и этнокультурными факторами.

Северо-западное государственное образование с центром в Ладоге находилось в преимущественном положении по сравнению со среднеднепровским центром в Киеве. Ладога контролировала значительные торговые потоки по Балтийско-Волжско-Каспийскому и Балтийско-Днепровско-Черноморскому путям. Сбор традиционных для всех стран Европы того времени, включая Хазарский каганат, торговых и проездных пошлин создал условия для накопления средств, для ускоренного социально-политического развития этого образования и усиления его войска наемниками-варягами. Между тем после смерти князя Рюрика в северо-западном государственном образовании произошел династический кризис. Его маленький сын Игорь (поздний ребенок) еще не мог управлять, и власть узурпировал, вероятно, дядя по матери как наиболее близкий по древней системе родства человек к княжичу. Олег, вероятно, принадлежал к роду конунгов, на что указывает в его имени принадлежность к святости — *Helgi*. Он был талантлив и амбициозен, а потому решил увеличить свои владения.

Направление завоевательной деятельности Олега было предопределено

стратегически важнейшим путем того времени — по Днепру, который вел на Черное море и в Византию. Как сообщает историческое предание, записанное в ПВЛ, Олег собрал значительное войско, которое, наряду с варягами, включало ополчения словен, псковских кривичей, чуди и мери. Он талантливо определил стратегию военных действий. Сначала он вышел на верховье Днепра, подчинил так называемых «смоленских кривичей», где укрепил свою власть («посади мужь свои»), после чего среднеднепровское государственное образование было обречено. В 882 г., по летописной хронологии, Киев был занят войском Олега, киевский князь (Аскольд или Дир) был убит. Олег перенес свой двор-резиденцию в Киев, который стал «стольным городом» нового государства. В древнерусских письменных источниках XI–XII вв. оно называлось «Русская земля», а его народ — «Русский язык». Император Константин VII Багрянородный в своем труде «Об управлении империей» (середина X в.) использовал его византийское обобщающее название Ῥωσία — Ῥωσία. В западноевропейской латиноязычной письменности с начала XI в. Русь назвалась *Ruscia*, *Ruzzia*, *Ruzia*, *Rucia* и т. п. В XII в. появилась также форма *Ruthenia*. Других европейских названий этого государства во главе с династией Рюриковичей, если не считать особенностей ее древнескандинавского наименования, в исторических источниках нет. Поэтому здесь и далее используются понятия *Русь*, *Русское государство* и прилагательное *русский* как указание принадлежности к Руси. Слово «древнерусский» является научным термином, которое указывает период

этнокультурного единства позднее образовавшихся русского, украинского и белорусского этносов. Прилагательные *русский* и *древнерусский* используются далее альтернативно.

Из содержащихся в ПВЛ исторических преданий о князе Олеге следует, что он подчинил своей власти полян, древлян, северян и радимичей. Они были интегрированы в составе государства посредством взимания меховой денежной единицы (куна, веверица) или серебряной монеты («щяльгъ») от дыма-дома — хозяйства малой семьи. Эта система обложения называлась «подымное» и была свойственна всем европейским странам, включая Византийскую империю. Вероятно, в его княжение на основе Правд южных племенных княжений была создана Правда Русская — свод юридических норм, которым руководствовался княжеский суд. Его нормы учитывались и при заключении русско-византийских договоров 911 и 944 гг., где (в обратном переводе с греческого) он назван «Закон Русский» (Свердлов 1988).

Из текста договора 911 г. Руси с Византийской империей и его составной части, ошибочно помещенной в ПВЛ под 6415/907 г., следует, что главой Русского государства являлся «великий князь русский» Олег. «Под рукою его» (*рука* — символ власти, распоряжения, вассального подчинения) находились племенные князья, бояре — «люди знатные и богатые», а также «все» без указания конкретных социальных слоев. Олег обладал высшим статусом политических и юридических прав, что свидетельствует о значительной концентрации великокняжеской власти. Он был гарантом поведения русских

людей в Византии. Поэтому в тексте русско-византийского договора, помещенном в ПВЛ под 6415/907 г., содержится такая норма: «да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей».

Увеличив военно-политический потенциал своего государства, Олег последовательно предпринял в 907 г. поход на Константинополь для установления благоприятных условий пребывания русских послов и купцов в столице империи. Это был талантливо организованный комбинированный поход по морю и по суше. Византия должна была заключить мир с Олегом на максимально благоприятных для Руси условиях, регулируя, согласно договору 911 г., имущественные и юридические права, проживание и питание русских послов и купцов, находившихся в пригороде Св. Маманта, а также их возвращение на Русь (Литаврин 1993).

В 944 г. Игорь Рюрикович принудил империю заключить мирный договор с Русью на близких по содержанию условиях, которые регулировали самые разные стороны социальных, правовых и торговых отношений. В этом договоре властные и правовые функции князя Игоря указаны более обстоятельно. Его правами руководствовались имперские власти в отношениях с прибывающими в Константинополь русскими послами и купцами: «...ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ послѣ и гостѣе, да приносять грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селико, и от тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходить. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ

намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю вашему. Аще ли руку не дадять, и противятся, да убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. ... Да запрѣтитъ князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей» (ПВЛ 2007: 17, 24). Данные тексты договоров аутентичны, поскольку они представляют собой, как доказала Я. Малигуди, переводы их списков, сделанных в византийской копийной книге (Malingoudi 1994).

Правовое мышление русской договаривающейся стороны было развитым, так что в договорах 911 и 944 гг. учтены нормы русского, византийского и международного права (Свердлов 1988).

Когда умер князь Олег, не известно. Предание зашифровало неопределенные сведения об этом событии в древнейших, еще общеиндоевропейских по происхождению, языческих сакральных символах коня и змеи. Но из летописных материалов следует, что его *могилы* (места почитания) находились в Киеве и Ладоге. Они свидетельствуют о формировании в княжение Олега государствообразующей оси Киев — Ладога. Такая ось указывала, что Русь этого периода представляла собой единое политическое пространство. Материальным основанием оси являлся постоянно функционировавший торговый путь, историко-идеологическим основанием — традиция Ладоги как первоначального центра существовавшего государства.

После смерти Олега великим князем стал Игорь Рюрикович. Он продолжил

деятельность Олега по территориальному росту Русского государства. Судя по организации похода на Византию в 941 г., которая привела к поражению русского войска, и гибели в земле древлян во время полюдья, Игорь был менее талантлив, чем Олег. Но обстоятельства его смерти обратили внимание княгини Ольги на необходимость реформ в государственном устройстве страны.

Дело в том, что на начальном этапе Русское государство формировалось как потестарное, основанное на завоевании и подчинении. В нем появились и стали постоянными государственные институты — публичная власть в виде княжеской династии и княжих служилых людей — дружины, податная система, княжеский суд и основной источник права, Правда Русская, а также войско, основанное на обязательной службе. Но в середине X в. Русское государство состояло еще из автономных племенных княжений. Прямое великокняжеское управление ими осуществлялось посредством *полюдья* — объезда великим князем, членами великокняжеской семьи и княжими мужами с дружинами племенных княжений для административно-судебного управления, сбора податей и кормления.

Княгиня Ольга не только урегулировала взимание податей с местного населения, но и провела территориальную реформу, введя погосты в качестве постоянного центра административно-судебного управления и сбора податей в сельской местности. Деление территории по городам с волостями и по погостам, которые все более распространялись на ее просторах, завершило создание структуры политически единого

Древнерусского государства. Теперь оно обладало всеми определяющими институтами, которые свойственны и современному государству, — публичной властью, налогами, законом, войском, территориальным делением. В процессе интеграции племенных княжений в составе Русского государства и замены племенного деления на территориальное исчезли постоянно функционировавшие народные собрания, которые ранее являлись альтернативными князю органами власти.

Социально-экономическая эволюция общества, формирование политически единого государства способствовали распространению монотеистической христианской религии, которая представляла собой не только религиозно-нравственное учение, но в Средние века придавала сакральность светской власти. Эти две составляющие христианства в Средние века способствовали его распространению на Руси «сверху» — посредством княжеской инициативы и «снизу» — вследствие освоения религиозно-нравственных ценностей христианства. В середине X в. в Киеве существовала соборная церковь Святого Ильи. Автор ПВЛ указал ее точное нахождение в современном ему Киеве, в котором уже существовали два соборных храма — Св. Богородицы (Десятинная церковь) и Св. Софии: «... яже есть надъ Ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ ...» (ПВЛ 2007: 26). Ее посвящение указывает не только на сближение культа пророка Ильи и верховного языческого бога Перуна, завершившееся в христианский период их интеграцией и формированием синкретического образа Ильи-пророка с языческими атрибутами. Пророк

Илья был борцом с идолопоклонством. Поэтому посвящение ему соборной церкви в Киеве может свидетельствовать также об активной позиции христианских общин по отношению к господствующему на Руси язычеству.

Княгиня Ольга приняла крещение в Киеве и в 957 г. совершила путешествие в Константинополь, где была принята вместе с посольством императором Константином Багрянородным и его семьей. Наряду с целями политическими она, вероятно, просила Константина прислать в Киев епископа и священников, чтобы создать в стольном городе епископию и укрепить христианскую организацию. В такой просьбе ей было отказано. Как тонкий политик, она воспользовалась политическими и церковными противоречиями Византийской империи и западных правителей. В 959 г., еще в период единства христианской Церкви, Ольга отправила посольство с аналогичной просьбой к германскому королю Оттону, который в 962 г. станет императором — основателем Священной Римской империи Оттоном Великим. В отличие от Константина VII Оттон воспользовался возможностью отправить в Киев миссионера епископа Адальберта и священников. Но когда они прибыли в Киев в 961 г. или в начале 962 г., встретили их враждебно. Князь Святослав вырос и отстранил Ольгу от управления государством. Вероятно, уже тогда он думал, используя военный потенциал политически единой Руси, предпринять свои великие походы. Но для их исполнения нельзя было оставить страну, раздираемую религиозными противоречиями. Поэтому он оставил языческую религию господствующей.

Разгром Святославом Хазарского каганата во время военных действий 964–966 гг. имел экономические основания. Он освободил торговые пути по Волге и Дону от хазарского контроля. Одновременно последнее зависевшее от Хазарии восточнославянское племенное княжение вятичей было включено в состав Русского государства. Но блестяще подготовленная дипломатически и в военном отношении кампания 968–971 гг. против Византийской империи завершилась неудачей и заключением почетного для Руси мира.

Отправляясь воевать с империей, Святослав оставил своих сыновей князьями-наместниками. Старшего Ярополка он посадил в Киеве, второго по старшинству Олега — в мятежной Древлянской земле, младшего Владимира, рожденного от наложницы, — в Новгороде. При жизни отца они сохраняли политическое единство государства. Но после его гибели в 972 г. проявилось обычное для раннего Средневековья стремление к первенству и самостоятельности княжичей в своих владениях, где они стали князьями. К тому же была разрушена традиционная государствообразующая роль Киев — Новгород, который в X в. заменил в этой оси Ладогу. Произошел династический кризис. В политическом соперничестве погибли Олег и Ярополк. Младший Владимир нарушил волю отца и, по летописной хронологии, в 980 г. стал князем в стольном городе «Русской земли», восстановив политическое единство страны.

Таким образом, изначально многоэтническое Древнерусское государство, этническую основу которого составляли восточные славяне, в процессе

своего становления и развития продолжило этнокультурные традиции индоевропейского и праславянского периодов исторического развития. Уже на стадии позднего племенного строя у славян в начальной форме сформировались те институты, которые в раннесредневековом обществе на стадии развитого железного века стали образующими раннегосударственную структуру. Князь и служилые ему люди — дружина — обрели властные и административно-судебные функции, привилегированный правовой статус. В социальных связях князя, который стал обладать монархической властью, и дружины появились раннефеодальные отношения на основе неземельных феодов. Общественные отношения из родоплеменных стали соседскими с индивидуальной и малосемейной правовой и имущественной ответственностью. Подати непривилегированного населения из добровольных стали обязательными. Отношения патриархального рабства в господском хозяйстве развились в холопство и множественные формы древнерусского зависимого населения, которое эксплуатировалось посредством отработочной, продуктовой и денежной ренты. Таким образом, системно-структурный метод в соединении с генетическим подтверждает основной вывод, восходящий к концепции С. М. Соловьева, об органическом, имманентно обусловленном содержании процесса становления и развития Древнерусского государства. Его конкретное содержание раскрывается в традиционных для европейских раннесредневековых государств политических институтах и династической истории, включая династические кризисы.

Все эти объективные условия становления и развития Древнерусского государства как социально-экономической, политической и этнокультурной макросистемы объясняют введение христианства в качестве государственной религии всего через тридцать лет после попыток княгини Ольги создать на Руси епископию. Они раскрывают

происхождение значительного роста его военно-политического могущества, активной роли в политической и династической истории Восточной, Центральной, Юго-Восточной и Северной Европы, сохранения его традиций до распада политического единства Древнерусского государства во второй трети XII в.

Литература

Артамонов 1962 — Артамонов М. И. История хазар. Л. 1962.

Бенвенист 1995 — Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. 1995.

Брим 1923 — Брим В. А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Т. I. Пгр. 1923.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси. 1984.

Кирпичников 1979 — Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев. 1979.

Кирпичников 1995 — Кирпичников А. Н. Ладога VIII– X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2 / Древняя Русь: Новые исследования. СПб. 1995.

Кирпичников 1997 — Кирпичников А. Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб. 1997.

Ключевский 1956 — Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М. 1956.

Королюк 1972 — Королюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев. 1972.

Латиноязычные источники 1989 — Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия: IX — первая половина XII в. М.; Л. 1989.

Литаврин 1993 — Литаврин Г. Г. Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус // ВВ. Т. 54. 1993.

Ляпушкин 1958 — Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. № 74. М.; Л. 1958.

- Ляпушкин 1968 — Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА. № 152. Л. 1968.
- Мавродин 1971 — Мавродин В. В. О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л. 1971.
- Мельникова, Петрухин 1989 — Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. № 4. 1989.
- Новосельцев 1982 — Новосельцев А. П. К вопросу о древнейшем титуле русского князя // История СССР. № 4. 1982.
- Носов 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990.
- Носов 2005 — Носов Е. Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб. 2005.
- Памятники 1936 — Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Л. 1936.
- ПВЛ 2007 — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. 3-е изд. СПб. 2007.
- Поляков 2005 — Поляков А. Н. Древнерусская цивилизация: основы политического строя // Вопросы истории. № 3. 2005.
- Свердлов 1968 — Свердлов М. Б. Латинские источники по истории Древней Руси IX — первой четверти XII в. (Германия) / Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л. 1968.
- Свердлов 1970 — Свердлов М. Б. Локализация русов в арабской географической литературе IX–X вв. // Известия Всесоюз. географ. об-ва. Т. 102. Вып. 4. 1970.
- Свердлов 1977 — Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI — начале VII в. // Советское славяноведение. № 6. 1977.
- Свердлов 1988 — Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М. 1988.
- Свердлов 1996 — Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб. 1996.
- Свердлов 2003 — Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб. 2003.
- Соловьев 1959 — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М. 1959.
- Трубачев 1991 — Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М. 1991.
- Трубачев 1997 — Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд., доп. М. 1997.
- Шаскольский 1972 — Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев. 1972.

Шаскольский 1981 — Шаскольский И. П. Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // *Летописи и хроники*. 1980 г. М. 1981.

Boutruche 1968 — Boutruche R. *Seigneurie et Féodalité: Le premier âge des liens d'homme à homme*. Vol. 1. Paris. 1968.

Du Cange 1886 — Du Cange. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. T. VI. Niort. 1886.

Encyclopedia 1997 — *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London; Chicago. 1997.

Krug 1848 — Krug Ph. *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. Bd. I. 2. SPb. 1848.

Malingoudi 1994 — Malingoudi J. *Die russisch-byzantinischen Vorträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht*. Thessaloniki. 1994.

FORMATION OF THE ANCIENT RUSSIAN STATE AS A HISTORICAL PROCESS

M. B. Sverdlov

The formation of the Ancient Russian State was understood in very different ways by different scholars. Some treated it as founded by a single person, the other denied any and alleged the existence of a tribal and communal order in the 11th–12th century. The notion of “state” was then used either metaphysically or in the categories of a class society.

The originally polyethnic ancient Russian state, the ethnical basis of which was constituted by the east Slavs, in the process of its establishment and development was continuing the ethno-cultural traditions of the Indo-European and proto-Slavic periods. At the stage of the late tribal order, among the Slavs of the 6th and 7th century those institutes had been established in their initial form which in the Early Mediaeval society at the stage of the Early Iron Age came to be the constituents of the early state structure. The prince and his armed retinue — *druzhina* — had acquired the authoritative and administrative-judicial functions and a privileged legal status. Among the social connections of the prince and the *druzhina* there had appeared early feudal relations based on the chattel feuds. The social relations instead of tribal grew neighbourly with individual and small-family legal and material responsibility. The previously voluntary duties of the non-privileged population became compulsory. The relations of the patriarchal slavery in the seigniorial economy had developed into bond slavery. Multiple forms of the ancient Russian dependent population had appeared which were exploited by means of the work-off, food and monetary rent.

The systematic-structural method in combination with the genetic one confirms the basic conclusion (deriving yet from Sergey M. Solovyev's conception) about the organic, immanently determined contents of the process of establishing and developing of the ancient Russian state. Its particular content is expressed in the political institutions traditional for the European early mediaeval states and dynastic history, including the dynastic crises. Princess Olga's attempts of the second half of the 950^s to strengthen the ecclesiastic organization in Rus resulted in 988, during the rule of her grandson Vladimir, in the adoption of the Christianity as a state religion.

О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДА В ЛАДОГЕ

Имя А. Н. Кирпичникова заслуженно находится среди классиков изучения крепостных сооружений Северо-Запада России. Важная черта творческой манеры ученого — настойчивость, дотошность, подлинный и бескорыстный энтузиазм в разрешении самых сложных вопросов истории крепостного зодчества.

Давним и, не побоюсь этого слова, любимым объектом исследований А. Н. Кирпичникова является каменная крепость в Старой Ладоге. Не одно десятилетие ученый раз за разом обращается к изучению сложнейшего вопроса об истории ладожских фортификаций, не боясь отказаться, в частности, и от некоторых прежних своих утверждений, которые при новом взгляде могут корректироваться. Смелые утверждения ученого о «крепости Олега» в Ладоге, прозвучавшие более десяти лет назад, получают при современном взгляде на новый материал новое эвристическое обоснование.

Именно вопрос о взаимном отношении друг к другу разных элементов крепостных сооружений Ладоги является наиболее дискуссионным. Сегодня существует три основных точки зрения на то, когда были построены поздней-

шая каменная крепость и деревоземляной город. Перечислю их.

1. Каменная крепость, предназначенная для артиллерийского боя, была возведена в Ладоге в 1480–1490-х гг., вскоре после присоединения Новгородской земли к Московскому государству. Земляной город в Ладоге был возведен в 1584–1585 гг., вскоре после Плюсского перемирия со Швецией, в ходе подготовки Московского государства к реваншу, каковой и совершился в ходе русско-шведской войны 1590–1593 гг. Эта точка зрения высказана в работах А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1984: 23). Впрочем, в последние 10 лет, после выхода в свет статей М. И. Мильчика и М. И. Коляды (см. ниже), исследователь не настаивает на датировке строительства каменной крепости концом XV в. и не оспаривает масштабные каменные строительные работы в Ладоге в 1580-х.

2. Земляной город в Ладоге был возведен сразу после Плюсского перемирия в 1584 г., на случай немедленной атаки ладожских укреплений шведами (которые должны были, следуя этой логике, нарушить условия перемирия, чего, как известно, не произошло). На следующий год началось строительство

каменной крепости, предназначенной для артиллерийского боя, которое предполагалось завершить к 1586 г., когда истекал первоначальный срок Плюсского перемирия. Строительство каменной крепости велось быстро; ее сооружение осуществлялось в рамках одного строительного этапа. Разрядные книги упоминают о строительстве в Ладоге не «города», а «городов», а распросные речи ладожан 1647 г. свидетельствуют о масштабном городском строительстве с привлечением экстраординарных трудовых ресурсов. Такая точка зрения высказана в двух работах М. И. Мильчика и М. И. Коляды (Мильчик, Коляда 1992; 1997).

3. Земляной город в Ладоге был возведен в начале XVII столетия (до 1626 или до 1617 г.), а в середине 1580-х гг. была построена каменная крепость. Эта мысль впервые появилась в монографии Н. Е. Бранденбурга (Бранденбург 1896: 228–231), а в недавнем прошлом вновь нашла своих сторонников в лице С. Л. Кузьмина и А. И. Волковицкого (Кузьмин, Волковицкий 2002), опиравшихся на материалы раскопок В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова, прежде всего — на находку в щели пола постройки, частично перекрытой валом Земляного города, дуката, чекаленного в 1607 или 1603 г. (Равдоникас 1949; Гроздилов 1950) К этому мнению присоединился и автор этих строк в одной из своих работ (Селин 2003а).

Дискуссии вокруг вышеприведенных мнений связаны с тем, что никому из исследователей не удавалось найти прямых указаний на то, какая именно фортификационная работа велась в Ладоге в 1584–1585 гг. и когда именно в Ладоге возникает Земляной город.

Острота дискуссии подогревалась тем, что нижние слои Земляного городища относятся к середине VIII — середине IX в. и имеют прекрасную сохранность материалов из органических веществ, что вызывает пристальное внимание к этому объекту в научной и околонаучной среде (подробнее: Selin 2005; Selin 2007).

Видимо, любые новые конкретные данные, указывающие на характер фортификационных работ в конце XVI — начале XVII в., являются ценными для дальнейших научных построений вокруг хронологии ладожских укреплений. В последние годы такие новые данные обнаруживаются в разных архивохранилищах. Так, в 2002 г. Ю. В. Анхимюком и А. П. Павловым в составе частной разрядной книги Алферьевых и Безниных был опубликован документ, прямо указывающий на посылку в июне 1586 г. в Ладогу городского мастера Гриши Федорова и 17 новгородских каменщиков (Анхимюк, Павлов 2002). Представляется, что это указание совершенно точно определяет характер работ, проводившихся в городе после Ливонской войны — в те годы здесь возводится каменная крепость, — и является значительно более убедительным аргументом в пользу этого тезиса, чем подсчет количества лиц, руководивших городом, что сделано М. И. Мильчиком и М. И. Колядой.

Надо сказать, что эти исследователи, проанализировав данные разрядных книг о Ладоге, вовсе устранились от вопроса о принципах назначений на воеводства, наместничества и головства в Ладогу и причинах этих назначений, хотя в этом отразились

важнейшие перемены во внутренней политике, последовавшие после смерти Ивана IV.

Традиционно городское строительство в Ладоге в 1585 г. связывается с именем Василия Петрова сына Головина. М. И. Мильчик и М. И. Коляда обратили внимание на то, что одновременно с ним в Ладоге находились воевода Роман Алферьев и наместник Федор Лошаков Колычев (Разрядная книга 1984: 30, 60). Назначение именно этих людей на руководящие должности в Ладогу не было случайным¹. После смерти Ивана Грозного начинается борьба между сторонниками продолжения опричной политики, во главе с Богданом Бельским, и сторонниками возврата к порядкам, существовавшим в державе до воцарения Грозного. Последних возглавляли «русские принцы крови» — князья Шуйские. В конце 1584 г. борьба этих двух групп особенно обострилась. В результате победу одержали сторонники «третьей силы» (во главе с Борисом Годуновым), не желавшей возврата к власти узкой группы бояр (как это было в малолетство Грозного), но и не стремившейся вернуть политику террора.

В августе 1584 г. сторонник Шуйских казначей П. И. Головин был обвинен в растрате казны и приговорен к смерти. Его родственники отправились в ссылку по отдаленным городам Московской державы. В Ладоге оказался на воеводстве сын казненного — Василий Петров

Головин (когда на престол взойдет Василий Шуйский, В. П. Головин сам станет казначеем Московского государства; см.: Тюменцев 1999: 280). Среди сторонников Шуйских был также Федор Лошаков Колычев, в 1586 г. местничавший в Ладоге с Романом Алферьевым — худородным «думным дворянином и печатником», открытым сторонником опричных порядков (Разрядная книга 1984: 60; Павлов 1992: 32–38). И вот в 1585 г. эти люди, принадлежащие к разным «партиям» и отстраненные Годуновым от власти в Москве, вместе оказываются в Ладоге: именно они руководят строительством каменной крепости.

В 2002 г. в архиве Новгородской приказной избы начала XVII в., хранящемся в Государственном архиве Швеции, мною был обнаружен документ, прямо указывающий на существование в Ладоге уже двух городов летом 1611 г. Тогда, после изгнания из Ладоги отряда П. Делавилля в начале февраля и до занятия Ладужской крепости войсками К. Сланга и В. Ф. Бутурлина в октябре, городом руководил Г. Н. Муравьев, распорядившийся «на городские поделки, и города чистить, и навоз возити и ратным людем люцкой корм, и подводы на все стороны подо всякие под гонцы и под ратных людей» (приложение 2). Ранее я высказал предположение, что ко времени, непосредственно предшествующему 1610 г., когда и каменный и земляной города уже определенно существовали, относится строительство последнего (Селин 2003б). Однако вновь найденные документы свидетельствуют об ином.

С 1970-х гг. в научный оборот постепенно вводятся материалы так назы-

¹ Мысль рассмотреть назначения воевод и осадных голов в Ладогу в аспекте местнических взаимоотношений московских родов подала мне в 1996 г. Н. И. Милютенко, которой я выражаю самую глубокую признательность.

ваемой третьей описи фонда 1209 (Поместный приказ) РГАДА². В составе документов этой описи преимущественно материалы текущего поместного делопроизводства — отдельные и обыскные книги. Ценность этих источников заключается в том, что очень часто в них содержится информация, не вошедшая в состав документов регулярного делопроизводства, то есть — в писцовые и дозорные книги³. В одном из таких документов нами недавно обнаружены прямые указания на осаду Ладоги в 1582 г. войсками генерала П. Деллагарди и на существование земляных укреплений в Ладоге уже к лету 1598 г.

Документ — обыск губного старосты Корельской половины Водской пятины Бориса Вельяшева в Ладоге и окрестных погостах о рыбных ловлях в окрестностях Ладоги, а также об оброчных землях ладожского посада. На вопрос губного старосты ладожские посадские люди ответили следующим образом: «у ладожан, господине, у посадских людей пашня под посадом до приходу немецких людей была, и оброк они в государеву казну платили, и отписи у них в том оброке есть, а после, господине, *осады немецких людей* (здесь и далее курсив мой. — А.С.) те пашни запустили, а иная земля отошла *под городовую под земляную стену и под ров*, а иная земля отошла под стрелецкую сло-

боду под стрелецкие дворы и под огороды, а во 106-м году тое оброчные посадские земли дозировал и писал подьячий Богдан Леванидов и по своему дозору, что досталные земли наехал, исмирил» (приложение 1). Следовательно, вскоре после Ливонской войны и осады города «немецкими людьми», т. е. шведами, в Ладоге были сооружены городская земляная стена и ров, рядом с которыми была устроена стрелецкая слобода.

Я далек от того, чтобы солидаризироваться с М. И. Мильчиком и М. И. Колядой в том, что земляной город в Ладоге был построен наспех, сразу после Ливонской войны, чтобы в случае нарушения шведами перемирия отсидеться за его стенами, а через год после этого начинает строиться каменная крепость. Нельзя полностью согласиться и с А. Н. Кирпичниковым, в ранних своих работах писавшим о строительстве каменной крепости с башнями и бойницами уже в конце XV в. Но, как показывают источники, не правы и С. Л. Кузьмин с А. И. Волковицким: к 1603 и тем более к 1607 г. в Ладоге уже существовали земляные укрепления. Размеры и архитектура этих первоначальных земляных укреплений, их соотношение с предшествующими слоями Земляного городища и с тем обликом городища в Старой Ладоге, который известен по обмерам конца XIX в. и современному внешнему виду, — это вопрос открытый, но, вероятно, разрешимый как с помощью археологических исследований, так и с помощью письменных источников, весь объем которых не введен в научный оборот и ждет своего исследователя.

² В начале XX в. часть документов этой описи была конспективно опубликована Д. Я. Самоквасовым (Самоквасов 1908). Пользоваться публикацией Д. Я. Самоквасова следует с большой осторожностью, ибо она не дает полного представления о корпусе источников.

³ Ранее я уже опубликовал документ, упоминающий о корабельной пристани и государевом гостинном дворе в устье р. Охта. (Селин 1998).

Приложение 1

1599, июня — Обыск губного старосты Борис Вельяшева в Пречистенском Городенском и Ильинском на Волхове погостах про оброчные земли и рыбные ловли в окрестностях Ладоги

Лета 7107-го июня в день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси указу и по грамоте государева воеводы князя Данило Ондреевича Ногтева с товарищи и по росписи за приписью государева дьяка Дмитрия Алябьева Вотцкие пятины Корелские половины губной староста Борис Вельяшев спрашивал и обыскивал в Ладоском уезде в Пречистенском погосте в Городенском да в Ыльинском на Волхове у священников по священству, а у волостных людей по государеву царя и великого князя Бориса Федоровича кресному целованью: в вашем в Ладоском уезде города Ладоги, что было по писцовым книгам Федора Игнатъевича Салтыкова с товарищи⁴ у ладожан у посадцких людей // на оброке под посадом пашни в разных местах, и что было за земцы Миткою да за Омельянком сорок десятин без трети, да пожни пять десятин, а сена ставитца пятьдесят копен, да что было на оброке за Никольским монастырем из Ладоги за игуменом Закхеем з братьею на оброке двенатцать дворищ пустых да лужок Марфинской Исаковы да две тони Котели да полтони Брахотина Вышем Лужку да тоня Подмо(ги)лица под лугом под Победищем да тоня на реке на Волхове снитовая Порожок, что была на оброке за Григорьем за Терентьевым сыном Скудина⁵, и тою посадцкою оброчною землею и пожнями Никольского монастыря оброчными дворищами

с лужком и рыбною ловлею, тонями на Волхове // и тонею снитовою на Волхове на Порожкех тонь не владеет? И будет хто владеет, и почему владеет, есть ли у них жалованные и оброчные грамоты, и будет есть, и хто им те жалованные и оброчные грамоты, что ваш про то про все слух и ведом, скажите по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси кресному целованью. И Пречистенской священник Богдан Федоров сын⁶ сказал по священству, а волосные люди Макушка Хорытанов да Якушко Иванов, Овдотьины крестьяне Ляпуновы жены Кушелева⁷, да Нечай Семенов сын да Захар Ортемов сын, Дмитриевы кре-

⁴ Писцовые книги Водской пятины Ф. И. Салтыкова и С. Молвянинова, были составлены около 1559/60 г. и не сохранились.

⁵ Григорий Терентьев сын Скудин — помещица Успенского Городенского погоста в середине XVI в.

⁶ Священник Успенского Городенского погоста (центр — Успенская церковь Ладожского Успенского монастыря) Богдан Федоров известен с 1572/73 г. (Обыскные книги 1572/73: 171об, 183), в последний раз упомянут 26 апреля 1600 г. (Распросные речи 1600).

⁷ Авдотья, жена Ляпуна Кушелева, ладожского наместника в 1582 г. (Жалованная грамота 1582). Помещица Пречистенского Городенского погоста весной 1602 г. (Платежная 1602: 51, 64 об.), в 1607/08 г. (Платежная 1607: 208 об.) и в 1612 г. (Дозорная 1612: 82) В 1612/13 г. ее поместье было пожаловано в пожить Агишу Уварову (Даточные книги 1612/13: 57–58). Скончалась 30 января 1615 г., когда отдельную грамоту на ее прожиточное поместье получил Агиш Уваров (Книги записи 1614/15: 88–89).

стьяне Резанова⁸, да Третьяк Омосов сын, Рошко Федоров сын, Борисовы крестьяне Жолтухина, да Васюк Ларионов, // Петров крестьянин Ровдицкого, да Максимко Захаров да Артюшка Ондриев сын, Иванского монастыря крестьяне, да Беляйко Костянтинов сын да Петрушка Васильев сын Лянин, да Терех Олексеев сын Соловецкой, да Титко Степанов сын Смольников, Хорытанко Ульянов сын, Фетко Федоров сын да Илейка Федоров, Сенка Степанов сын, да Ильинского погоста с Волхова Федор Гаврилов сын⁹ сказал по священству, а волосные люди, Степанко Васильев сын, Марьян крестьянин Григорьевские жены Скудина¹⁰, да Прокопей Сергиев сын, Иванов крестьянин Самарина¹¹, да Титко Сергиев сын, Никифоров крестьянин Блеклово¹², да Степанко Ондриев,

Петров крестьянин Ровдицкого¹³, да Богдан Иванов сын Ласткин, Конашко Федоров сын, да Васка // Тимофиев сын, Николина монастыря крестьяне Ладоского, сказали по государеву великому князя Бориса Федоровича всея Руси кресному целованью: у ладожан, господине, у посадцких людей пашня под посадом до приходу немецких людей была, и оброк они в государеву казну платили, и отписи у них в том оброке есть, а после, господине, осады немецких людей те пашни запустили, а иная земля отошла под городовую под земляную стену и под ров, а иная земля отошла под стрелецкую слободу, под стрелецкие дворы и под огороды, а во 106-м году тое оброчные посадцкие земли дозирал и писал подьячий Богдан Леванидов¹⁴, и по своему дозору, что досталные земли

⁸ Дмитрий Федоров Резанов, по десятне 27 сентября 1605 г., городской сын боярский Водской пятины с новым окладом в 350 четвертей (Десятня 1605: 478). Помещик Пречистенского Городенского и Федоровского Песочного погостов в 1607/08 г. (Платежная 1607: 208 об., 210) и в 1612 г. (усадище Вель, единственный его житель), см.: Дозорная 1612: 91.

⁹ Священник Ильинского погоста на Волхове Федор Гаврилов известен только в 1599–1600 гг. (Расписные речи 1600).

¹⁰ Мария, жена Григория Скудина, помещица Водской пятины. Записала за себя холопа в Новгороде в 1601/02 г. (Новгородские кабальные книги 1938: 424). Помещица Ильинского погоста на Волхове весной 1602 г., совладелица дочери (Платежная 1602: 52, 64 об.), в 1607/08 г. (Платежная 1607: 209 об.).

¹¹ Иван Винкин (Александров) сын Самарин, помещик Водской пятины. Получил в 1585/86 г. поместье в Прибужской волости взамен утраченного поместья в Ямском и Копорском уездах. Имел в то время оклад в 550 четвертей (Отдельные книги 1585/86: 581). Его жена, Ефимья Никитина дочь (вероятно, сестра) Григория Никитича Муравьева, в марте 1600 г. отпустила своего холопа (видимо, после смерти мужа) (Книги кабальные 1600).

¹² Никифор Андреев Блеклый, сын боярский Водской пятины, помещик Солецкого и Ильинского на Волхове погостов весной 1602 г. (Платежная 1602: 49, 52) и в 1607/08 г. (Платежная 1607: 207, 209 об.). Стрелецкий сотник в Гдове. 27 сентября 1605 г. верстан на 350 четвертей (Десятня 1605: 488).

¹³ Петр Михайлов сын Ровдицкий, из своеземцев Шелонской пятины Ровдицких (о них см.: Селин 2006), по десятне Водской пятины 1598/99 г. служил земцем с окладом в 200 четвертей (Десятня 1605: 508). В 1598/99 г. был убит в пятине вместе с женой и сыном. Дело о его убийстве сперва решалось в Новгороде, а в 1601/02 г. было послано в Москву (Переписные 1584–1605: 83 об., 192 об.).

¹⁴ Подьячий Богдан Леонидов в марте 1594 г. справил дело по целобитной Григория Тулубьева и Федора Ресницына (Дело Тулубьева и Ресницына 1593). В 1594/95 г. на него бил челом о бое и бесчестье пусторжевец Михаил Сумороков (Переписная 1593–1600). В 1596/97 г. судился с раскольщиком Степаном Третьяковым о полтине (Переписные 1584–1605: 132 об.). В 1598/99 г. записал в Судной избе с подьячим Григорием Кобелевым дело о том, что он привез в Новгород доезжую память про Шуерецких крестьян по иску Григория Кобелева (Переписные 1584–1605: 68). В 1599/1600 г. с ним по кабале в полтора рубля судился новокрещен Кашымчугур Казыбердеев (Переписные 1584–1605: 315 об.). 5 февраля 1599 г. отделял поместье Ивану Матвееву сыну Хомутова и князьям Богдану, Захарию и Михаилу Белосельским в Кипенском, Дудоровском и Никольском Ижерском погостах (Отдел 1599). В июне 1602 г. получил указание ехать от Новгорода до Тесова, до Заречья и до Ямы, досмотреть мосты и где гнилой лес — выметать, положить новый толстой лес (Наказ 1602).

наехал, исмирил, // дал на оброк тим жо ладожаном посадцким людем, Исачку Степанову с товарищи девять десятин с полудесятиною во 106-м году распахати, и ко 107-му году рож сеяти, и оброку у них в государеву казну взял, и оброчная у них есть за приписью государева дияка Дмитрия Алябьева. А пожен, господине, мы у ладожан не ведаем, не знаем, где те пожни, что за ними написаны. А у никольских, господине старцов с Ладоги с посаду, что было дано на оброк по писцовым книгам Федора Игнатъевича Салтыкова с товарищи того Никольского монастыря игумену Закхею¹⁵ и з братьею пожни Лужек Марфинской Исаковы, и тем Лужком владеет по книгам ладожские охотники Жила Филипов с товарищи по отделу подъячих Петра Асеина¹⁶ да Ивана Матфиева¹⁷ да Селивана // Фомина¹⁸, а тони на Волхове за Никольским на оброке. И з государева розгрому с того с Никольского монастыря старцы и слуги от правезу розбежались, и монастырь за-

пустил. И те тони на Волхове наносным лесом позасорились, и чистить было их николму, ловцов не было, и по ся места на тех тонях ловцов нету никакова человека, а что тоня снитовая на Волхове, написаны за Григорьем за Скудиным, и тою тонею владеет Влас Боборькин¹⁹, а по чему владеет, мы того не ведаем. То, господине, наши речи по государеву царя и великого князя всея Руси кресному целованью. А обыскные книги писал Пречистенской диячек Космыня Кондратов. //

Да Никольского монастыря из Ладоги с посаду Никольской игумен Яким²⁰ сказал по священству, да старцы того ж монастыря старец Тихон казначей, да старец Саватей да старец Галасей да старец Онтоней, сказали по государеву крестному целованью: у ладожан, господине, у посацких людей, пашни, пожен не ведаем, и знаем, что, господине, за нашим за Никольским монастырем в выписи написано: за игуменом за Закхеем з братьею на оброки пустые дво-

¹⁵ Это единственное известное мне упоминание об игумене Никольского Ладожского монастыря Закхее.

¹⁶ Подъячий Петр Асеин в 1586 г. вместе с сыном Иваном получил дворовое место на Легоще улице, ранее принадлежавшее Ефиму Ревшину (Дозорная книга 1586: 105).

¹⁷ Подъячий Иван Матвеев — устройщик дворцового села Голина в 1600 г. (Каталог 2004: 503). Судился с вдовой Устиной о холопстве в 1602/03 г. (Переписные 1584–1605: 201а об.)

¹⁸ Подъячий Селиван Фомин 12, 13 и 17 августа 1590 г. обыскивал о землях Бронницкого яма в Бронницком, Наволоцком и Холынском погостах (Обыск 1590а; Обыск 1590б; Обыск 1590в). 28 ноября 1601 г. был послан «за Онег» для сбора государевых денежных доходов (Наказ 1601). 8 октября 1611 г. вместе с И. А. Мунзориным прислал в Новгород деньги на корм немецким людям с половины Григория Морозова Деревской пятины (Роспись 1608/09: 683). Около 20 апреля 1612 г. с ним было отправлено 4 бочки соли немецким людям на Устрецкий стан (Запись 1612).

¹⁹ Влас Григорьев Боборькин, сын боярский Водской пятины. В 1596/97 г. судился со старцем Никольского Полистского монастыря Петром Колокольцевым о крестьянах (Переписные 1584–1605: 28–28 об.). Тогда же судился с крестьянами Гришой и Тренькой Тимофеевыми и их дядей Васюком о крестьянстве (Переписные 1584–1605: 38 об.). В 1598/99 г. с ним о холопстве судился Яков Бутаков (Переписные 1584–1605: 150 об.). В 1601/02 и в 1602/03 гг. с ним судились крестьян дворцовой Кривинской волости о ржи (Переписные 1584–1605: 208–209). По десятне 27 сентября 1605 г. городской сын боярский Водский пятины с новым окладом в 400 четвертей, «У смотру не был; сказали — худ, быть в осаде» (Десятня 1605: 477, 492). В 1612/13 г. 100 четвертей его поместья перешло Григорию Петрову Боркову (Даточные книги 1612/13: 114–115).

²⁰ Игумен Никольского Ладожского монастыря Яким (Иоаким) упоминается также в 1587/88 г. (Приходно-расходные 1612/13: 114), 1600 г. (Расспросные 1600) и 1608 г. (Обыскные книги 1608).

рища и пожни и тони, и мы, господине на ти тони ловли и ловцов не ведаем, и послы того мы на ти тони не ведаем и не слышали, потому что те тони водою, все мком и лисом заросли, а снетовая тоня на Волхове на Порошке пуста, а владеет Влас Бабарыкин по отделу, мы того не ведаем, господине, почему он владеет, а лужок Марфинской отдал ладожским ямщикам по отделу подъячих // Петра Аисина да Ивана Матфиева. То, господине, наши речи по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси крестному целованью, а обыскные книги писал Пятка Петров Ладожанин²¹.

В правом верхнем углу л. 157 почерком 18 в.: № 52

По нижнему полю скрепы:

К сим обыскным книгам Пречистенской поп Богдан в детей своих духовных место руку приложил.

К сим обыскным книгам Ильинской поп с Волхова Федорище в детей своих духовных место руку приложил.

К сим обыскным книгам губной староста Борис Вельяшев²² руку приложил.

К сим книгам Никольской игумен Яким руку приложил.

РГАДА, ф. 1209, д. 16960, л. 157–161 об.

Приложение 2

1611 ноября 6 — Челобитная рядовичей дворцовых Иссадского, Березского, Дубенского, Сумского рядков и рядка Сухих Велец о дозоре их после разорений от немецких людей в 1610 и 1611 гг.

Московского и Великаго Новагорода государства бояром и воеводам бьет челом с Волхов(ского)²³ устья Исацкого рядку дворцовой крестьянин Тимоха Ефимьев и во всех досталных

дворцовых крестьян место Исадцко-го да Березского да Дубинского да Велецкого рядков, которые дворцовые крестьянишка досталные остались от немецких людей от ратных не побиты.

²¹ Пятой Павлов сын известен также как дьячок Климентовской церкви в Ладогe (Обыскные книги 1608).

²² Борис Третьяков (Федоров) сын Вельяшев, сын боярский Водской пятины. 14 ноября 1585 г. записал за себя холопа (Кабалы 1598). Упомянут как новгородский недельщик и пристав в 1585/86 г. (Носов 1957) Пущен в недельщики с 5 июля 1584 г. по 5 июля 1586 г. После выхода из недель получил оклад в 150 четвертей (Список недельщиков 1900). В 1591/92 г. с ним и с Василием Павшиным судился о поженном деле митрополичий сын боярский Василий Архаров (Переписные 1584–1605: 285). Упомянут как губной староста Водской пятины в 1595/96 г. (Носов 1957). В 1596/97 г. вместе с другим губным старостой Водской пятины Степаном Кузминским расследовал душегубное дело Ивана Хомутова с Петром Хомутовым (Переписные 1584–1605: 135). Губной староста Водской пятины

Корельской половины в 1598/99 г. В этом году отделял поместье А. П. Бровцыну (Дело Обольянинова). В 1598/99 г. сыскивал об убийстве сына боярского Петра Ровдицкого (Переписные 1584–1605: 83 об.). В 1599/1600 г. как губной староста отделил поместье Ефиму Коковцову (Дело Коковцовых и Мышецкого 1612). В 1602/03 г. отписывал в Новгород о разбойном деле ореховского земца Конанка Офремова с товарищами (Переписные 1584–1605: 215 об.). В десятне 1603/04 г. был записан как отставленный от службы городской сын боярский с окладом в 300 четвертей, получавшим денежное жалование еще в 1598/99 г. В 1603/04 г. был «осматриван — стар, от службы отбыл, а поместье за собою сказал в дачах 50 чети, а у него жена да дочь» (Десятня 1605: 502). В 1604/05 г. как неслужилый сын боярский отделил в Петровском и Солецком погостах Водской пятины поместье Михаилу Милославскому (Отдел 1613).

²³ Здесь и ниже конъектуры даны в круглых скобках

Прошлого, государь, в 119 году на лете по вашему боярскому наказу приезжал к нам из Великого Новагорода подьячий Василей Заденской²⁴, а правил на нас дани и оброку по прежним (...) по прежним как наши рядки были живы и не воеваны, Исацкого ряду земли с полутора обеж да с трехнатцать дворов и с рыбных ловель на год по девят рублев и по восмнатцать алтын и по две денги да з Березского рядку земли с выти да з двунатцати дворов на год по четыре рубли и по восьми алтын и по две денги, да з Дубенского рядку з дватцати с пяти дворов и с ры(бных лов)ель, на год по семи рублев, да с Велецкого рядку с поземов да с восьми (дво)ров рубль восьмь алтын две денги, и всего з году с четырех рядков дватцат один рубль восьмь алтын две денги, и обоего, государь, за два года правят на нас сорок два рубля и

²⁴ Василий Ананьин Заденский, новгородский подьячий. В 1600/01 г. дозировал Бежецкую пятину вместе с подьячим Постником Аниеевым (Каталог 2004: 83). Подьячий Судных дел Дворцового приказа, около сентября 1611 г. (Имена 1611). 21 июня 1611 г. был послан в Порожскую волость для денежных доходов (Дело по двум челобитным). По словам Никифора Бибикова и подьячего Юрия Юмина, прочитав память, сказался болен, на правее с крестьянами не стоял, а сказал, что поехал в Новгород (Челобитная Бибикова и Юмина 1611). Вероятно, с этим связана челобитная Заденского о даче жалованья за 1610/11 г., в которой он пишет, что, будучи послан на Порог «по грехам заболел» (Челобитная Заденского 1612). Жил на Федорове улице. 8 декабря 1613 г. поручился по казначее Отенского монастыря старце Феодосии (Поручная 1613). В 1613 г. пахал из оброка участок во дворцовом селе Ракоме (Выдельные книги 1613: 200–201). 16 сентября 1614 г. вместе с Семеном Боборыкиным и Лучанином Еремеевым отписывал в Дворцовый приказ о том, что у дворцовых крестьян Коростынского, Буреского и окрестных погостов не хватает лошадей для пахоты (Челобитная Боборыкина, Еремеева и Заденского 1614). В апреле 1615 г. с Ф. Г. Бутурлиным получил указание доправить на старосте и крестьянах села Королева деньги за испорченную ими ладью (Память 1615).

шестнатцат алтын четыре (денги), кроме пошлинных денег. А в прошлом, государи, во 118-м году на лете фрянские немцы город Ладогу взяли, по рядкам жилцов мно(го...) жен и детей наших побили и животы пограбили и дворы повыжгли и хлеб и сена в город Ладогу вывозили, а досталные (людиш)ка мы, сироты, которые убежали от немецких людей и жили в забижи, скитались по христолюбцам, и в прошлом, государи, в 119 году, (ка)к приехали под Ладогу из Великого Новагорода наши ратные (люди), и в те поры, государи, наши досталные хоромы на острог и на дрова вывозили. И как, государи, они Ладогу взяли у немец, и как в те поры на (зад?) сели мы на старые на свои участки, где хто преж сего жил, и после того незадолго приехали под Ладогу неметцкие ратные люди, и нас бедных вдругие розгонили и живот наш пограбили. И как, государи, от Ладоги все (...) шли, и мы, государи, в третия собралися на весне. И того же, государи, 119(-го) в Петров пост втретье на нас приехали изгоном неметц// кие ратные люди, и ту нас людей многих в поле побили и животы пограбили и лошадей досталных отгонили. И после того, государи, (..) на Исацкой рядок собралось нас досталных людишек, которые остались от немец непобиты, четыре человека, и у тех, государи, дворы позжены и оне живут в пустом дворе, а на Березском рядку всего пять человек, в Дубенском рядку и в Сумском всего девять человек, а в Велецком рядку один человек. И всего, государи, в четырех рядках собралось нас досталных людишек девят(натцать) человек, которые жили своими дворами, а тритцать девять человек немецкие люди побили и животы их пограбили, а

жены их и дети их разбрелись безвестно. И тех нас достальных людишек, которые остались от немец, (л)ета имали в город Ладогу воевода Григорей Никитич Муравьев²⁵ на городовые поделки и города чистить и навоз возити и ратным людем (конской и людцкой корм и подводы на все стороны подо всякие под гонцы и под (рат) ных людей. И как, государи, немецкие люди город Ладогу взяли, и ныне лошадейные²⁶ подводы и в суды гребцы и кормщики от Ладоги (под Орешек) и до Корелы и на все сто-

роны в погосты, и рыбу, государи, мы просолные волховские, и икру на нас же на сиротех твоих правят. А ныне, государь, на нас достальных людишках правят за свои за погорелные и за пустые и выморочные дворы, которые побиты люди и которые розошлись безвестно за два года дани и оброку против прежних, как были прежде все живы и не вовеваны. И мы, государи, ныне от пуста вконец (погибли). Государи бояри Московского и Великоновгородского государства, по(ка)жите милость, пожалуй-

²⁵ Григорий Никитич Муравьев. Первое известие о нем относится к 1580/81 г., когда он свидетельствовал духовную грамоту Ивана Григорьева Ададунова (Духовная 1580/81). Нет Григория Муравьева среди помещиков Водской пятины 1582 г. Свое первое поместье в Будковском погосте он вместе с братом Пименом получил 8 июля 1585 г. (Отдел 1585). Разрядные книги упоминают Муравьева в качестве стрелецкого сотника в Ивангороде в 1590/91 г., вскоре по взятии города московскими войсками (Разрядная книга 1966: 456). 8 января 1595 г. Федор Лихарев и Григорий Муравьев (как представители русских дворян) сообщили прибывшим в Нарву шведским дворянам, что следующим утром русские послы отправятся в Новгород (Рябошапко 1974: 49). На верстании в сентябрь 1605 г. в Ивангороде братья Григорий и Феоктист Никитичи Муравьевы упомянуты среди окладчиков. Сам Г. Н. Муравьев служил в то время головой у ивангородских стрельцов. Он был записан среди дворовых детей боярских с наивысшим окладом в 600 четвертей (Десятня 1605: 468–469). Накануне взятия Новгорода шведами в июле 1611 г., ладожский воевода Муравьев получает приказ от чашника и воеводы В. И. Бутурлина и боярина и воеводы кн. И. Н. Большого Одоевского выдать гарнизону хлеб из государевых житниц и сообщить им, что перемена будет после того, как новгородские правители заключат договор с Делагарди (Отписка 1611). В те недели 1611 г., когда новгородцы, расправившись с Иваном Салтыковым, искали возможность для выхода из политического тупика, Муравьев занимается обустройством Ладожской крепости, проявляя, как и все люди того времени, жесткость, а иногда и жестокость к местному яггялому населению. Именно Муравьев возглавлял осенью 1611 г. оборону Ладожской крепости, когда ее осаждало совместное шведско-новгородское войско во главе с Клаусом Слангом (впоследствии —

шведским комендантом Нотебурга) и В. Ф. Бутурлиным. После занятия Ладоги шведами осенью 1611 г. (во всяком случае, к декабрю 1611 г.) Григорий Муравьев назначается воеводой Тесовского острожка (Кормовые книги 1611). Выполняющий обязанности воеводы, Г. Н. Муравьев не участвует в подписании приговора об отправлении посольства новгородцев к шведскому принцу Карлу Филиппу (Приговор 1611). К середине марта 1612 г. на посту тесовского воеводы Г. Н. Муравьев был заменен своим родственником, Федором Максимовичем Муравьевым (Челобитная Муравьева 1612). Весной 1612 г. Г. Н. Муравьев назначается в поход на Копорье, вплоть до весны 1614 г. принимает участие в боевых действиях, ведущихся новгородским правительством на Северо-Западе, в частности — в походе на Гдов. В январе 1616 г. Григорий Муравьев был отправлен в посольский стан в Пески, где Яков Делагарди вел переговоры с кн. Д. И. Мезецким. Как некоторые другие новгородские дворяне, Григорий Муравьев сообщал посламу об известных ему намерениях шведов, однако остался в шведском посольском стане (Отписка 1616). В 1618 г. для встречи посольства Г. Стейнбека в Ладогу из Новгорода был послан голова Григорий Муравьев с 50 новгородскими дворянами и 100 казаками с пищалями (Отписка 1618). 30 апреля 1623 г. Г. Н. Муравьев вновь был назначен ладожским воеводой (Дворцовые разряды 1853: 922–923, 1031), однако пробыл он на этом месте лишь до 18 февраля 1625 г., когда по старости и по болезни он уходит со службы (Дворцовые разряды 1853: Ст. 1134–1135).

²⁶ так в ркн

Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod, serie 2:351, л. 225–226.

Л. 225 и 226 оба края сильно пострадали от ветхости

Л. 225–16,9x40, л. 226–17,2x39,5

те нас бедных сирот своих досталных, (вели)те, государи, у нас взяти дан и оброк за один год по розсчету з живущих, которые ныне собрались, а за пустые дворы, с которых немет(цкие л)юди побели насмерть не велите на нас тои дани и (...) не велите на нас (...) на смерть замучити, и велите, государи, те дворы вызжены и места дозрить, которые разорены до (основанья), а выморочные

по дозору в пусто записати, чтобы мы, си(роты) досталная людишка ваши посадцкие тяглые вперед вконец, впушта тянучи, не погибли и достал и домишка своих не оставив не розбрелися розно, за пусто платячи, и паки сироты и великии одолжили и от воинских ратных людей вконец обнищали. Великие бояре воеводы, покажите милость, смилуйтесь, пожалуйста!

Литература

Анхимюк, Павлов 2002 — Анхимюк Ю. В., Павлов А. П. Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр» // Архив Русской истории. Вып. 7. М. 2002.

Бранденбург 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб. 1896.

Выдельные книги 1613 — Выдельные книги государева оброчного хлеба в селе Ракоме приказчика Лучанина Еремеева и подьячего Сидора Коптева. 1613. 21.08–7.09 // RA, NOA. Serie 1: 99.

Гроздилов 1905 — Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. Т. XIV. 1950.

Даточные книги 1612/13 — Даточные книги (без начала) Водской пятины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 37.

Даточные книги 1612/13 — Даточные книги Водской пятины. Без начала. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 37.

Дворцовые разряды 1853 — Дворцовые разряды. Т. 1. СПб. 1853.

Дело Коковцовых и Мышецкого 1612 — Дело об обмене поместьями между Бежецкой пятины Гостем и Иваном Микифоровыми детьми Коковцова с Водской пятины кн. Иваном Федоровым Мышецким. 1612. 29.05–3.06 // RA, NOA. Serie 2: 133.

Дело Оболянинова — Дело по челобитной о поместье Петра Игнатьева с. Оболянинова. 1614. 22.03. Без окончания // RA, NOA. Serie 2: 123.

Дело по двум челобитным — Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2: 351.

Дело Тулубьева и Ресницына 1593 — Дело по челобитью Григория Васильева сына Тулубьева и Федора Ресницына. 1593. 27.06 — ноябрь // RA, NOA. Serie 2: 136.

Десятня 1605 — Десятня Водской пятины 1605 года // Известия Русского генеалогического общества. № 4. 1911.

Дозорная 1612 — Дозорная книга Корельской половины Водской пятины. 1612 // RA, NOA. Serie 1: 39.

- Дозорная книга 1586* — Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода дозора князя Василия Кропоткина. 1586 // Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Сост. К. В. Баранов. СПб. 2001.
- Духовная 1580/81* — Духовная Ивана Григорьева сына Ододурова. 1580/81 / Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // Русская историческая библиотека. Т. 17. № 1. СПб. 1898.
- Жалованная грамота 1582* — Жалованная кормленная грамота царя Ивана Васильевича Ляпуну Федоровичу Кушелеву на г. Ладога в Новгородской земле. 1582. 22.12 // Акты служилых землевладельцев. Т. 1. М. 1997.
- Запись 1612* — Запись о взятии подьячим Дмитрием Игнатьевым с таможенными головами 4 бочек соли у посадского Андрея Безноса. 1612. 20.04 // RA, NOA. Serie 2: 351.
- Имена 1611* — Имена старым и молодым подьячим Дворцового приказа. До 1611 г. 6 сентября // RA, NOA. Serie 2: 351.
- Кабалы 1598* — Кабалы, поданные Борисом Федоровым с. Вельяшевым. 1598. 3.01 / Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // Русская историческая библиотека. Т. 17. № 148–150. СПб. 1898.
- Каталог 2004* — Писцовые книги Новгородской земли // Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 2. М. 2004.
- Кирпичников 1984* — Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л. 1984.
- Книги записи 1614/15* — Книги записи поместных пошлин. 1614/15 // RA, NOA. Serie I: 44.
- Книги кабальные 1600* — Книги кабальные. 1600, март–сентябрь // Акты юридического быта. Т. 2. № 131. II. СПб. 1846.
- Кормовые книги 1611* — Кормовые книги Тесовского яма при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 20.12–1612. 25.01 // RA, NOA. Serie 1: 71.
- Кузьмин, Волковицкий 2002* — Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И. Ладожские бастионы и горизонт В Земляного городища (проблемы хронологии) // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 2002.
- Мильчик, Коляда 1992* — Мильчик М. И., Коляда М. И. Новая датировка каменной крепости в Старой Ладоге // Russia Medievalis. Bd. VIII. Hf. 1. Munchen. 1992.
- Мильчик, Коляда 1997* — Мильчик М. И., Коляда М. И.. Новая датировка каменной крепости в Старой Ладоге // Дивинец Староладожский. СПб. 1997.
- Наказ 1601* — Наказ подьячему, посланному в Обонежскую пятину для сбора государевых денежных доходов. 1601. 28.11 // Русская историческая библиотека. Г. 38. Л. 1926.

Наказ 1602 — Наказ подьячему Богдану Леонидову, посланному для досмотра за мостовыми дозорщиками. 1602, июня // Русская историческая библиотека. Т. 22. СПб. 1908.

Новгородские кабальные книги 1938 — Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л. 1938.

Носов 1957 — Список новгородских губных старост, казацких и стрелецких голов и сотников, городских приказчиков, рассыльщиков и недельщиков XVI–XVII вв. // Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л. 1957.

Обыск 1590а — Обыск подьячего Селивана Фомина в Холыньском погосте о землях Бронницкого яма. 1590. 17.08 // RA, NOA. Serie 2: 1.

Обыск 1590б — Обыск подьячего Селивана Фомина в Наволоцком погосте о землях Бронницкого яма. 1590. 13.08 // RA, NOA. Serie 2: 1.

Обыск 1590в — Обыск подьячего Селивана Фомина в Бронницком погосте о землях Бронницкого яма. 1590. 12.08 // RA, NOA. Serie 2: 1.

Обыскные книги 1572/73 — Обыскные книги Водской пятины. 1572/73 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 770.

Обыскные книги 1608 — Обыскные книги житничного ключника Афанасия Лопухина и подьячего Юрия Юмина о числе посадских дворов на Ладожском посаде и рыбных ловлях ладожских посадских людей в Ладогe и в погостах Ладожского уезда. 1608. 29.08–7.09 / Дело по челобитной ладожских посадских людей о невзимании с них оброчных денег за рыбные ловли за прошлые 1607/08, 1608/09, 1609/10 и 1610/11 годы. 1608. 12.05–1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:351.

Отдел 1585 — Отдел выборными губными старостами Водской пятины Полужской половины Василием Пыжовым и Семеном Ожогиным части порозжего поместья Семейки Матюшкина Пимену Никитину сыну Муравьеву, Владимиру Бровцыну, Акинфу Семенову сыну Муравьеву, Василию Иванову сыну Самарину, Данилу Неелову, Исаку Неклюдову сыну Мунзорину в Будковском погосте Водской пятины. 1585. 8.07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936.

Отдел 1593 — Отдел подьячим Богданом Леонидовым части поместья кн. Ивана Мещерского во Введенском Дудоровском погосте Ивану Матвееву сыну Хомутова и другой части поместья кн. И. Мещерского в Кипенском и Дудоровском погостах князьям Богдану, Захарии и Михаилу Белосельским, а также кн. З. и М. Белосельским части поместья кн. Тимофея Мещерского в Дудоровском и Никольском Ижерском погостах. 1599. 5.02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960.

Отдел 1613 — Отдел подьячим Семеном Михайловым поместий дьяку Андрею Лысцову и Михаилу Аничкову из поместья Романа Неелова в Солецком и Петровском погостах Водской пятины. 1613. 12.04 // RA, NOA. Serie 1:69.

Отдельные книги 1585/86 — Отдельные книги земель в Прибужской волости отдела Романа Остафьевича Долгорукова, подьячих Богдана Седякова и Максака Семенова. 1585/86 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 968.

Отписка 1611 — Отписка новгородских воевод кн. Ивана Одоевского и Василия Бутурлина в Ладогу о доставлении хлебных запасов московским стрельцам, осажденным шведскими ратными людьми. 1611, прежде июля // Акты исторические, собранные императорской Археографической экспедицией. Т. 2. № 331. СПб. 1842.

Отписка 1616 — Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ об известиях, сообщенных Яковом Боборькиным и другими новгородцами. 1616, января после 7 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 1.

Отписка 1618 — Отписка новгородских воевод кн. И. А. Хованского с товарищами в Посольский приказ о том, что они послали в Ладогу 50 дворян и 100 казаков, и что шведские послы благополучно пришли в Ладогу 17 сентября. 1618, сентября около 25 // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 2.

Павлов 1992 — Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб. 1992.

Память 1615 — Память Федору Григорьеву сыну Бутурлину и подьячему Василию Заденскому о доправке денег на старосте и крестьянах с. Королева за испорченную ими ладью. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2: 285.

Переписная 1593–1600 — Книга переписная Новгородского судного приказа. 1593–1600 // Акты юридического быта. Т. 2. № 139. I. СПб. 1846.

Переписные 1584–1605 — Книги переписные судным, разбойным и татейным делам, запискам и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // RA СПб. ФИРИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12.

Платежная 1602 — Книга сбора денег на охотничьи прогоны с поместий и вотчин, присудных и оброчных денег с сох и с рядка Клеток в Ижерском погосте, поральских денег наместничьего дохода с Водосской волости и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Водской пятины Корельской половины сбора губного старосты Бориса Вельяшева. 1602, апреля до 21 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16964.

Платежная 1607 — Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пищальных и присудных денег Водской пятины Корельской половины сбора губных старост Кузьмы Бровцына да Матвея Кушелева 1607/08 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662.

Поручная 1613 — Поручная запись по казначее Отня монастыря старце Феодосии. 1613. 8.12 // RA, NOA. Serie 2: 22.

Приговор 1611 — Приговор новгородского митрополита Исидора, воеводы кн. Ивана Никитича Большого Одоевского и земских чинов об отпуске в Стокгольм юрьевского архимандрита Никандра с уполномоченными для предложения Российского престола одному из шведских принцев. 1611. 25.12 // Дополнения к актам историческим, собранным императорской Археографической экспедицией. Т. 1. № 162. СПб. 1846.

Приходно-расходные 1612/13 — Приходно-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34.

Равдоникас 1949 — Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Часть 1 // СА. № XI. 1949.

Разрядная книга 1966 — Разрядная книга 1475–1598 гг. М. 1966.

Разрядная книга 1984 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М. 1984.

Распросные 1600 — Распросные речи о причинах охуданья Ладожских охотников. 1600. 26.04.-19.05 // Гурлянд И. Я. Новгородские ямские книги 1586–1631 гг. Ярославль. 1900.

Роспись 1608/09 — Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2: 350 (Serie 1: 140).

Рябошапко 1974 — Рябошапко Ю. Б. Тязвинские переговоры 1594–1595 гг. // Социально-политическая история СССР. Ч. 2. М.; Л. 1974.

Самоквасов 1908 — Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. М. 1908.

Селин 1998 — Селин А. А. Новый документ о поселении рубежа XVI–XVII вв. в устье Невы // Archaeologia Petropolitana. № 2. 1997. СПб. 1998.

Селин 2003а — Селин А. А. Ладога при московских царях. Изд. 1-е. СПб. 2003.

Селин 2003б — Селин А. А. Григорий Никитич Муравьев. Кто создавал условия непрерывной жизни // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 2003.

Селин 2006 — Селин А. А. Генеалогическая и историко-географическая заметка о своеземцах // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексева. М.; СПб. 2006.

Список недельщиков 1900 — Список детям боярским и земцом новгородским помещиком, которые были в Великом Новгороде в неделях, а из недель вышли и которые пущены по государевым грамотам // Heraldica. Исторический сборник. Т. 1. СПб. 1900.

Тюменцев 1999 — Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград. 1999.

Челобитная Бибикова и Юмина 1611 — Челобитная (отписка) Никифора Бибикова и Юрия Юмина о том, что подьячий Василий Заденский и ладожские воеводы отказываются сотрудничать с ними в деле доправки денег с Ладожского порога и ладожских рыбных ловель. 1611. 8.11 // RA, NOA. Serie 2: 351.

Челобитная Боборыкина, Еремеева и Заденского 1614 — Челобитная Семена Боборыкина, Лучанина Еремеева и подьячего Василия Заденского о том, что у дворцовых крестьян Коростынского, Буреского и окрестных погостов не хватает лошадей для пахоты. 1614. 16.09 // RA, NOA. Serie 2: 284.

Челобитная Заденского 1612 — Челобитная боярам и воеводам подьячего Дворцового приказа Василия Заденского о даче ему жалованья за прошлый 119 г. // RA, NOA. Serie 2: 351.

Челобитная Муравьева 1612 — Челобитная Федора Максимовича Муравьева о том, что не удастся собрать корма на немецких людей, стоящих на заставе в Тесове. 1612. 17.03 // RA, NOA. Serie 2: 75.

Selin 2005 — Selin A. A. Staraja Ladoga: A Medieval Russian Town in a Post-Soviet Context // Russian History/Histoire Russe. Vol. 32. Nr. 3/4. 2005.

Selin 2007 — Selin A. Staraja Ladoga: A Fate of Medieval Town in the early 21st Century // Security of Archaeological Heritage. Cambridge. 2007.

ON THE DATE OF CONSTRUCTION OF ZEMLYANOE GORODISHCHE IN LADOGA

A. A. Selin

Professor Anatoliy N. Kirpichnikov is well known as a prominent researcher of fortresses in north-western Russia. The fortification complex of Staraya Ladoga is one of his favourite objects of studies.

Indeed, the history of Ladoga defences is fairly complicated. The fortifications include at least three stone walls built during the period of c 10th–16th century and a wood-and-earth hillfort constructed additionally in the Early Modern period.

There are three versions of the chronology of the stone and wood-and-earth fortress building in Ladoga:

- 1) The stone fortress of the artillery period was erected in 1470–1490^s, then in the late 1580^s the wood-and-earth fortress was added;
- 2) The wood-and-earth fortress was built immediately after the Treaty of Plussa in 1584 and some years afterwards the stone fortress was erected;
- 3) The stone fortress was built in the 1580^s and the wood-and-earth one was added after 1603 or 1607 (some time before the fortress was seized by the French and then by the Swedes in 1610).

A recently found document implies that 1) in 1580, 1581 or 1582 the Ladoga fortress was besieged by Swedish troops and 2) in 1599 there was an earthen fortress in Ladoga. Another document of 1611 tells us that in 1611 there were two fortresses in Ladoga (one of stone and one of wood and earth).

НАХОДКА ДРЕВНЕРУССКОГО НАБОРНОГО ПОЯСА В ИЛЬМЕНСКОМ ПООЗЕРЬЕ

В 2002 г. Новгородский музей приобрел у частного лица набор бронзовых поясных бляшек, несколько поясных наконечников и лировидную пряжку. Со слов прежнего владельца, находка была сделана с помощью металлодетектора в прибрежной полосе озера Ильмень, где-то в районе населенных пунктов Песчаное (бывш. Спас-Пискупец) и Курицко¹.

¹ При низком уровне (как, например, летом и осенью 2002 г.) значительная часть обыкновенно находящейся под водой прибрежной зоны обнажается. Этой ситуацией активно пользуются так называемые «любители металлопоиска», и в последние годы в Новгородский музей поступило значительное количество археологических находок, происходящих якобы с этой территории. Приходится констатировать, что Поозерье является одним из регионов, наиболее активно «осваиваемых» грабителями. Рассматриваемая территория насыщена археологическими памятниками второй половины I — середины II тысячелетий н. э. Большая часть известных на сегодня поселений и погребальных древностей сосредоточена на берегах р. Веряжи, что касается самого берега оз. Ильмень, то мы располагаем пока данными лишь о незначительном числе археологических объектов в этой зоне. Одна сторона проблемы кроется в недостаточном уровне обследованности данной территории. С другой стороны, нельзя забывать о том, что этот регион всегда был зоной высокой хозяйственной активности. Весьма вероятно, что часть памятников к настоящему моменту частично или практически полностью разрушена, другие находятся под застройкой или размыты озером, что зачастую имеет историографические подтверждения. Так, например, С. Н. Орлов и М. М. Аксенов в начале 1960-х гг. отмечали (Орлов, Аксенов 1961:

Поступившая в музей коллекция предметов состоит из 19 металлических деталей поясной гарнитуры, составляющих, на наш взгляд, единый поясной набор. В его состав входит двухчастная лировидная пряжка с выделенным приемником иглы на рамке, с обычно железной, в рассматриваемом случае утраченной иглой (рис. 1, I), одиннадцать ременных накладок — девять кру-

161–168) наличие размываемых остатков поселения на берегу озера у деревни Курицко (кстати, в предполагаемом районе находки пояса). Позднее никто из исследователей так и не смог обнаружить там каких-либо признаков культурного слоя. Однако было бы опростетчиво полностью доверять информации, предоставленной коллекционером. По его словам, извлеченные из земли предметы не подвергались никакой обработке и передаются в их первоначальном состоянии. Однако невооруженным глазом видно, что вещи прошли процесс кустарной «реставрации» и покрыты толстым слоем лака. Кроме того, все известные на сегодняшний день наборы поясной гарнитуры, исключая отдельные предметы, происходят из погребений, и находка подобного комплекса в культурном слое поселения представляется маловероятной. Также маловероятна, хотя теоретически и возможна, находка целого наборного пояса, скрытого в виде клада, однако в составе клада, скорее всего, должны были бы быть найдены и еще какие-то вещи помимо украшенного металлическими накладками пояса. По всей видимости, наиболее вероятно происхождение данного поясного набора из неизвестного средневекового мужского захоронения; таким образом, все-таки налицо факт разрушения погребального памятника, возможно расположенного на территории Поозерья. Сезонные колебания уровня воды в Ильмене достигают 7 м.

глых (рис. 1, 2–10) и две пятиугольной формы (рис. 1, 11–12), четыре поясных кольца (рис. 1, 16–19) и три наконечника ремней (рис. 1, 13–15).

Лировидные пряжки данного типа широко распространены как в поселенческих, так и в погребальных древностях X–XII вв., их форма стандартна, и, пожалуй, такие пряжки являются одним из самых массовых типов деталей поясной гарнитуры, находимых не только в Новгородской земле, но значительно шире — на территории всей западной и северной частей Древней Руси. По материалам раскопок средневекового Новгорода невозможно установить время появления пряжек этого типа в материальной культуре, верхняя же дата их бытования ограничивается концом XII в. (Лесман 1984: 118–153).

Входящие в рассматриваемый набор бляшки принадлежат к двум различным типам — круглые и пятиугольные. Круглые бляшки, диаметром около 1,5 см, с бортиком по краю и выпуклой центральной частью, украшены растительным орнаментом в виде трех переходящих один в другой волнитообразных побегов, идущих от центра к краю, и трех небольших завитков от краев к центру между ними (рис. 1, 2–10). Крепление к ремню выполнено с помощью штифта, отлитого вместе с самим изделием, на конец штифта надевалась ромбическая или прямоугольная «шайба» из тонкого бронзового листа, державшая накладку на кожаной основе. Всего в состав поясного набора входило 9 таких бляшек. У 6 бляшек фиксировавшие их на ремне «шайбы» сохранились, у оставшихся трех штифты обломаны.

Две пятиугольные бляшки размерами 1,4×1,25–1,3 мм имели несколько

вытянутые пропорции. Они украшены по краю бордюром из ложной зерни, а в центральной части — нечетко отлитым стилизованным изображением цветка лотоса (рис. 1, 11–12)². Бляшки были отлиты вместе со штифтом и закреплялись на ремне при помощи небольшой подквадратной «шайбы».

Среди поступивших в музей предметов находятся четыре поясных кольца. Два кольца плоско-выпуклого сечения, диаметром около 3,4–3,5 см, украшены с внешней, выпуклой стороны вьющимся литым растительным орнаментом (рис. 1, 16–17). Другая пара — неорнаментированные круглопроволочные гладкие поясные кольца, диаметром 2,7 и 2,9 см (рис. 1, 18–19). Орнаментированные растительными побегими поясные кольца могут быть датированы по находкам аналогичных колец в Новгороде периодом с начала XI по начало XIV в. — между 1025 и 1313 г., по Ю. М. Лесману (Лесман 1990: 79–80).

Поясные наконечники представлены в составе коллекции тремя экземплярами. Первый — с прямым верхним краем и заостренным нижним, размерами 3,2×1,2 см, украшен орнаментом из пяти пар двойных завитков; с обратной стороны — два штифта крепления, аналогичные штифтам на бляшках, на

² Забегая вперед, стоит обратить внимание на качество изображения на пятиугольных бляшках. Анализируя находки, сделанные на Кубенском озере, И. А. Зайцева предположила, что все они изготовлены по оттиску, чем и объяснила очень нечеткое изображение (Макаров 2008: 91, 77: 15, 16). Однако необходимо отметить, что практически на всех пятиугольных бляшках вытянутых пропорций орнамент выполнен хуже, чем на остальных типах накладок, входящих в состав поясного набора, исключение составляет, пожалуй, только бляшка, изображенная на рисунке (Arné 1914: 149 fig. 244), хотя не исключено, что в книге помещено «идеальное» изображение.

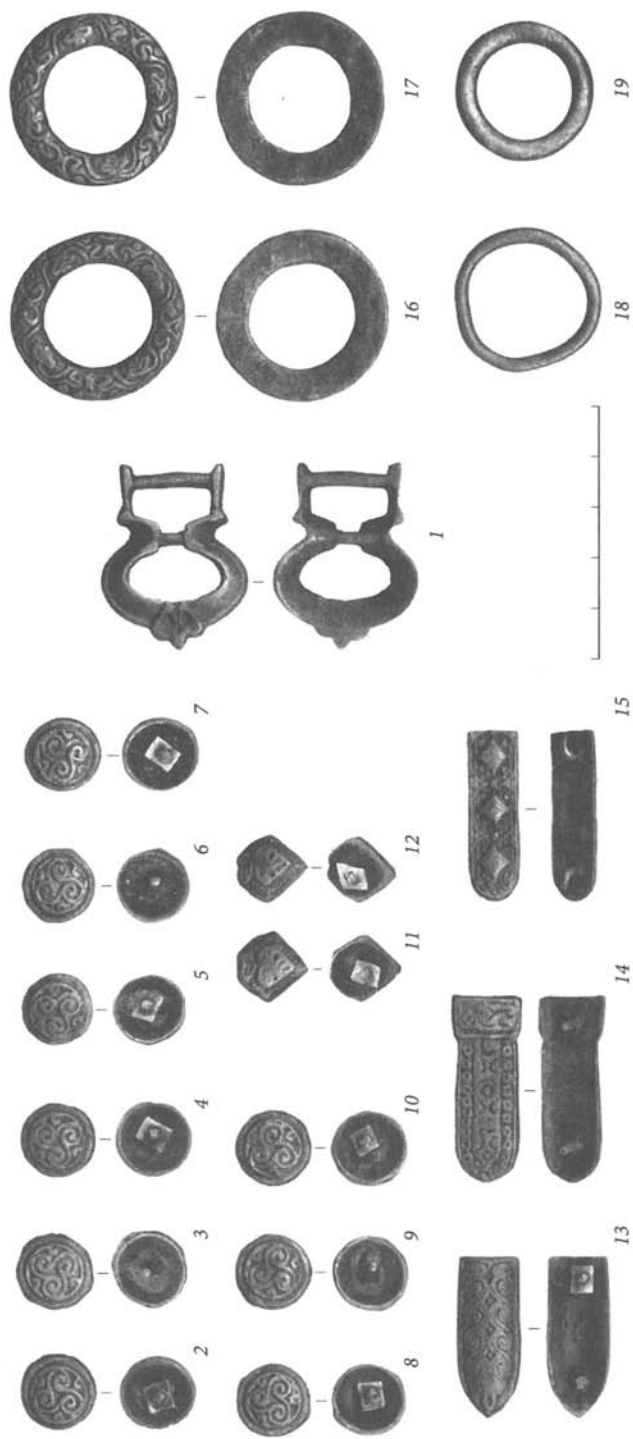

Рис. 1. Древнерусский наборный пояс из Ильменского Поозерья:

1 — пряжка лировидная;

2-12 — поясные бляшки круглые и пятиугольные;

13-15 — ременные наконечники;

16-19 — поясные кольца.

1-19 — бронза

одном из штифтов сохранилась прямоугольная шайба (рис. 1, 13).

Второй наконечник — самый маленький, с прямым верхним краем и скругленным нижним, размерами 3,4×1 см, украшен тремя расположенными друг над другом ромбами со слегка вогнутыми краями, вписанными в овалы; ромбы отделены один от другого крупным шариком ложной зерни, посередине каждой грани также располагается по шарик у ложной зерни меньшего размера. С обратной стороны сохранились два заостренных загнутых крючка, прикреплявших наконечник к кожаной основе (рис. 1, 15).

Третий наконечник, размерами 3,7×1,1–1,3 см, — сложной пятиугольной формы, с выделенной трапециевидной зоной в верхней части и скругленным нижним краем. Его нижняя часть украшена по краю бордюром из ложной зерни, а центральная и верхняя части — стилизованным растительным орнаментом. С обратной стороны сохранились два штифта (рис. 1, 14).

Сохранившиеся элементы крепления поясных бляшек и наконечников дают возможность реконструировать голщину кожаного ремня, которая достигала 4–5 мм при ширине основного поясного ремня 1,7–1,8 см.

Входящие в состав поясного набора и описанные выше поясные накладки шершавы и достаточно широко представлены среди погребальных древностей Новгородской земли (Михайлов, Соболев 2000). Наиболее ранняя по времени обнаружения известная находка пояса, украшенного аналогичными бронзовыми накладками, была сделана в 1844 г. Н. Ф. Ушаковым в одном из курганов у с. Бустрыгино

недалеко от с. Сорогожского Весе-гонского уезда. На наборные пояса, украшенные аналогичными бронзовыми бляшками, обращали внимание А. А. Спицын, в публикации материалы раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато (Спицын 1896: 27–28), и Т. Арне в книге «Швеция и Восток», увидевшей свет в 1914 г. (Arne 1914: 128–155). Две бляшки, одна из которых круглая, полностью аналогичная входящим в состав рассматриваемого пояса, опубликованы А. А. Спицыным и происходят из женского, по мнению Л. К. Ивановского, подкурганного захоронения 10 у дер. Шпаньково на Ижорском плато, раскопанного в 1875 г. (Спицын 1896: 68; табл. IX, 1). Сходный набор поясных бляшек был найден в начале XX в. в с. Отмичи недалеко от Твери (Плетнев 1884; 1903). В последние годы аналогичные круглые и пятиугольные бляшки найдены, например, в составе наборного пояса в погребении 2 кургана 1 у с. Никольского (Тухтина 1966) и в кургане 8 курганного некрополя Кабожа I (Тухтина 1990), в Торопце (Станкевич 1960: 140), в кургане 1 могильника Малы в районе древнего Изборска (Седов 1976: 87–95), пятиугольные — в курганах 165 и 236 могильника Залахтовье (Хвоцинская 2004: 91–92, табл. LXVII: 17, табл. СIII: 4), на поселении Минино II и в погребениях 60, 61 могильника Минино II на Кубенском озере (Макаров 2007: 311–314, рис. 302, 3–10; Макаров 2008: 91, рис. 77, 16). Единичные бляшки встречены также в культурных напластованиях Новгорода и Рюрикова Городища. Последняя находка двух аналогичных пятиугольных бляшек была сделана в 2005 г. в районе деревни Городище на

реке Лаве в Кировском районе Ленинградской области. Эта находка также происходит из сборов «любителей металлопоиска», по словам которых находка была сделана на пахотном поле (Волковицкий, Григорьева, Селин 2008: 150, рис. 1, 1). Происходящие из этих же сборов вещи — обрезок дирхема, бронзовая лировидная пряжка и бронзовый крест-тельник не дают возможности установить характер нарушенного памятника: возможно их происхождение как из культурного слоя неизвестного раннесредневекового поселения, так и из разрушенного погребения. Данная находка тем более интересна, что происходит из района, являющегося «белым пятном» на археологической карте Северо-Запада Новгородской земли.

В общей сложности на территории Новгородской земли насчитывается более двух с половиной десятков пунктов, где были найдены целые пояса или отдельные бляшки (Михайлов, Соболев 2000).

Наборные пояса с аналогичными бляшками были найдены также на Готланде (Thunmark-Nulén I: Abb. 445: 7) и в материковой Швеции (погр. в Syndbyberg, приход Eken в Уппланде, находки из которого хранятся в Stockholms Stadsmuseum, Dnr 848/46), где как сами пояса в целом, так и отдельные типы ременных накладок вызвали ряд местных подражаний.

Установить точные хронологические рамки бытования наборных поясов данного типа на территории Новгородской земли довольно сложно. Одиночные мужские захоронения трудно датировать. Часто детали поясной гарнитуры являются единственными предметами, найденными в погребениях,

либо встречаются в комплексе с другими очень широко датируемыми вещами — поясными кольцами, лировидными пряжками (1006–1197 гг., по Ю. М. Лесману, см.: Лесман 1984: 118–153), ножами, реже — оружием, детальная хронология которого также не разработана. Опираясь на хронологию новгородских древностей, можно было бы утверждать, что подавляющее большинство погребений было совершено в интервале между началом XI и концом XII в. Однако в погребальных памятниках пояса, украшенные бляшками описываемых типов, встречаются исключительно в захоронениях по обряду трупоположения. Появление погребений по обряду ингумации в сельских могильниках Новгородской земли приходится на середину XI в. По-видимому, захоронения с поясными наборами рассматриваемого типа, ни разу не встреченные в кремациях, не могут быть датированы ранее этого времени. Редкие находки узкодатируемых типов вещей, в первую очередь роговых односторонних гребней, выходящих из употребления в Новгороде на рубеже последней трети — конца XI в. (Лесман 1984: 140), позволяют скорректировать верхнюю дату некоторых из рассматриваемых захоронений и с известной долей осторожности предположить распространение поясной гарнитуры «новгородского» типа (Михайлов, Соболев 2000) в целом в хронологическом интервале между серединой XI и концом XI — рубежом XI–XII вв. По всей вероятности, и разрушенное захоронение из Поозерья должно датироваться этим же хронологическим интервалом.

Отличия между поясным набором из Поозерья и большинством ана-

логичных ему наборов с территории Новгородской земли заключаются в отсутствии небольших овальной формы и треугольного сечения скобок, служивших для скрепления ремней (Спицын 1896: табл. XVI, 11 и XVI, 19; Михайлов, Соболев 2000: рис. 1, 9; Хвоцинская 2004: табл. LXVII, 11, СIII, 4, СXXXI, 8–10), которые присутствуют и в большинстве шведских и готландских, подражающих древнерусским поясам «новгородского» типа (Thunmark-Nulén I: Abb. 113, 7, 294b, 5), и в наличии в составе находки четырех поясных разделительных колец (рис. 1, 16–19). Если причина отсутствия скобок, как и малое число поясных бляшек — всего II экз., может скрываться в невнимательности находчиков (хотя возможно и именно такое количество поясных накладок, например, в погребении в кургане I у села Никольское также было найдено II бляшек), то наличие в два раза большего, чем обычно, числа поясных колец требует объяснения. Самое простое объяснение — дополнение набора парой красивых орнаментированных поясных колец коллекционером. Во всех известных аналогичных поясных наборах входящие в них поясные кольца (одно или два) — гладкие, неорнаментированные.

Таким образом, если попытаться воссоздать внешний облик данного пояса, то один из вариантов его конструкции, по всей вероятности, может быть таков: пояс состоял из трех основных ремней, концы которых были продеты в литые бронзовые кольца-разделители, и одного или нескольких дополнительных. Возможно, ремни фиксировались в местах сгибов проволочными скобками треугольного сечения, отсут-

ствующими в коллекции, но представленными в большинстве аналогичных поясных наборов, и шпеньками бляшек. К основным ремням спереди крепились дополнительные вертикальные ремешки, удерживавшиеся на сгибе проволочной скобкой и украшенные одной или несколькими бляшками и наконечником или только наконечником (рис. 2, 1a и 1b). Также возможно, что один или два поясных наконечника находились на основном ремне, с обеих сторон от поясного кольца, не только для украшения ремня, но и для дополнительной, более надежной фиксации места соединения. Такое использование поясных наконечников зафиксировано в погребении в кургане 236 в Залахтове (Хвоцинская 2004: табл. СXXXI, 10) и в одном из Владимирских курганов (Спицын 1905: 132).

Несколько иной вариант реконструкции пояса получится, если все-таки все четыре поясных кольца относятся к одному ремennому набору (рис. 2, 2). В таком случае пояс состоял из пяти основных кожаных ремней различной длины. Самый длинный из них охватывал талию владельца за спиной и по бокам был продет в гладкие поясные кольца, примерно в районе крыльев таза. Дальше находились два коротких ремешка, продетых одним концом в гладкие, а другим — в орнаментированные поясные кольца, к которым крепились, вероятно, более узкие вертикальные ремешки, возможно украшенные одной или несколькими накладками и завершающиеся ремennыми наконечниками. К одному из этих колец был прикреплен украшенный бляшками ремень, завершающийся пряжкой, а к другому — также украшенный бляшка-

ми, завершающийся поясным наконечником.

Обратим внимание на миниатюру в Изборнике Святослава (Изборник 1983). На ней сыновья князя Святослава Ярославича вне зависимости от их возраста изображены опоясанными. Пояса написаны золотом, предстают сплошной полосой без проработки от-

дельных деталей. Можно предположить, что конструкция поясов княжичей схожа с поясами, известными нам по археологическим находкам, т. е. с теми, о которых шла речь выше: пряжка, пояс с двумя или четырьмя свисающими вертикальными ремешками. Несмотря на специфику изображения, на миниатюре, как кажется, можно даже

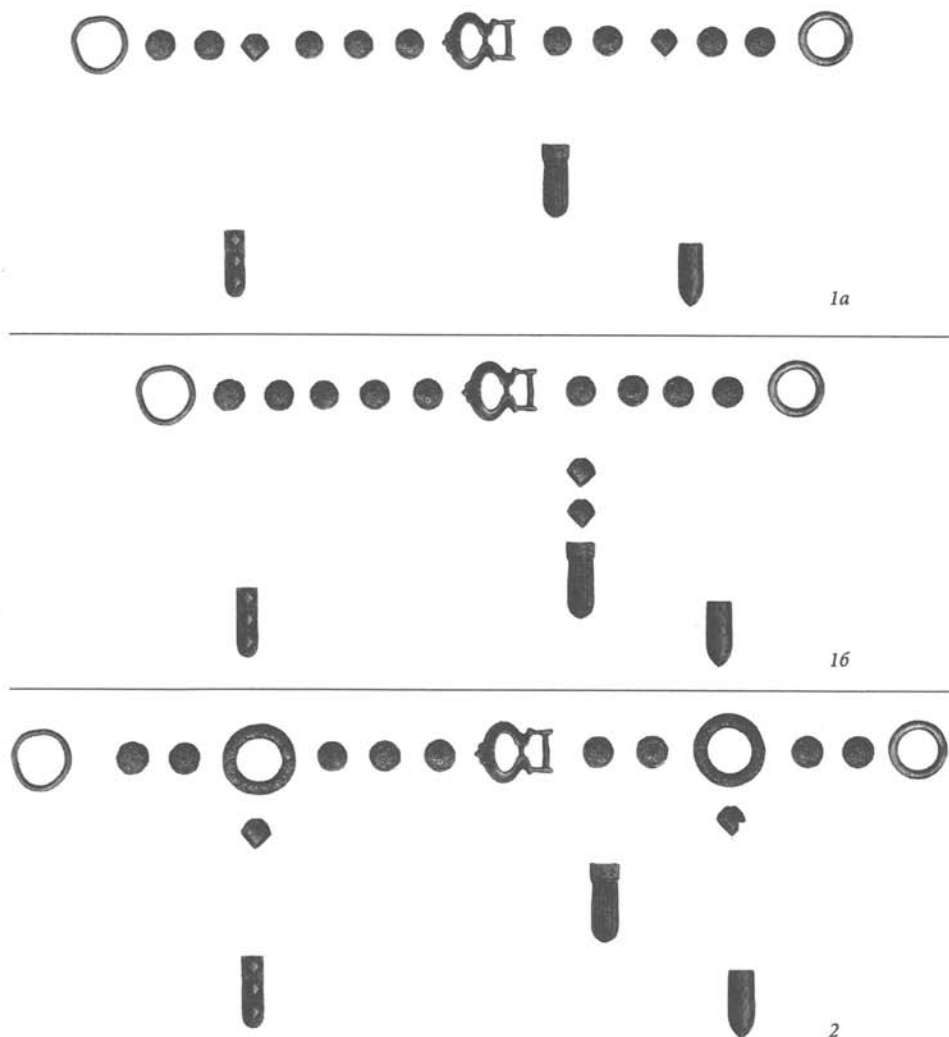

Рис. 2. Древнерусский наборный пояс из Ильменского Поозерья. Варианты реконструкции внешнего вида

заметить наконечники на вертикальных ремешках.

Кем могли быть люди, погребенные с украшенными металлическими накладками, поясами? Следует признать, что отражение социального статуса погребенного в погребальном обряде и/или уборе в рамках христианской погребальной практики — вопрос, на наш взгляд, очень сложный и весьма спорный. Так или иначе, сложность реконструкции исторических реалий заключена в христианской культуре и мировоззрении средневекового — христианского — общества. Начиная с первой половины XI в., вначале в городах, а затем и в сельской округе, основные действия над телом усопшего производятся в церкви, оставаясь невозможными для археологического изучения, в то время как материальное выражение погребального обряда не дает возможности зафиксировать общественное положение или имущественный статус погребенного.

Исключение составляют княжеские и ктиторские погребения в храмах, но здесь мы видим скорее опосредованное отражение их социального положения — отнюдь не все основатели и вкладчики, в том числе и крупные, погребены в церквях, жертвователями которых были они и их семьи. В сельской же местности, где традиция погребения в церкви археологически не прослежена, отсутствует и такая возможность.

Возможности проследить социальное положение более низких, нежели княжеско-боярский, слоев общества по материалам древнерусской археологии и вовсе отсутствуют. Нарративные источники отразили и донесли до нас достаточно сложную структуру древ-

нерусского средневекового общества, включающего в себя не только людей высокого ранга, но как свободных, так и людей в той или иной мере зависимых, однако при этом письменные источники отражают лишь один случай корреляции имущественного положения и погребального обряда (скудельницы), и то, вероятнее всего, отражая не повседневность, а экстремальный случай.

При анализе распространения находок поясной гарнитуры рассматриваемого типа важным фактором для реконструкции общественного положения погребенных оказывается география распространения находок — распределение большей части поясов вдоль новгородских границ, находки наборных поясов в таком могильнике, как Залахтовье, их распространение и многочисленность в окрестностях Кубенского озера, находки в курганах Весьгонского уезда, Белоозера, на Ижорском плато.

По мнению исследовавшего могильник Никольское III Н. А. Макарова, кладбище является некрополем гарнизона, дислоцированного в точке, наиболее удобной для контроля пути, связывающего Новгород с Белозерьем и Заволочьем. На это, по мнению исследователя, указывает необычный половозрастной состав, преобладание мужских погребений и большой процент среди находок предметов вооружения, в том числе меча (Макаров 1990: 119–120). Однако в погребальных комплексах полностью отсутствуют детали поясной гарнитуры, в то время как в самом Белоозере, в культурных слоях поселения, было найдено несколько поясных бляшек, в том числе и рассматриваемых типов (Захаров 2004: рис. 96, 34, 52, 53).

Залахтовский могильник также может быть интерпретирован как кладбище гарнизона, стоявшего на восточном берегу Чудского озера и выполнявшего, вероятно, функции пограничной стражи. Детали поясной гарнитуры XI–XII вв. представлены в основном пряжками и поясными кольцами за исключением двух курганов, в одном из которых было найдено погребение с интересующими нас бляшками. Исследователь расположенного севернее Залахтовья на берегу Чудского озера городища Сторожинец С. Г. Попов считает, что в древнерусское время городище «могло в период экспансии Ливонского ордена в Прибалтике и обострения псковско-новгородско-ливонских отношений нести оборонительно-наблюдательные функции» (Попов 1989: 55–56). Название поселения и его размеры позволяют, на его взгляд, говорить о городище как о пункте стражи, что подтверждается и названием ближайшей деревни. Термин «сторожа», «сторожница», «сторожня» адекватен понятиям «стороженье», «стража», «охрана», «караул» (Даль 1882: 552–554).

В конце XI — первой трети XII в. нарастает новая волна внутренней колонизации территории Северо-Запада — начинается продвижение переселенцев из более южных и юго-восточных районов на Ижорское плато (Лесман 1982: 65–74). Вместе с ними на этой территории появляются и люди, носившие пояса, украшенные металлическими бляшками. Можно предположить, что в круг обязанностей «опоясанных» входили не столько военные, сколько судебные, пограничные функции, функции сбора или контроля сбора налогов. Через этих людей осуществлялась связь с Новго-

родом, как отправка в последний информации о положении дел в том или ином погосте или микрорегионе, так и получение общественно важных известий из города.

Такой круг обязанностей заставляет вспомнить летописных «старост». Иной письменный источник, хотя и для несколько более позднего (на 30–50 лет) времени, чем предлагаемая дата существования/функционирования группы «опоясанных» новгородцев, дает возможность выделить еще как минимум одну категорию таких «должностных лиц». В корпусе берестяных грамот существует очень интересный документ — грамота № 724, в которой описываются события 60-х гг. XII в., происходившие на северо-востоке Новгородских владений (Янин, Зализняк 1996: 129–133). Конец 60-х гг. XII в. — это время серьезного конфликта Новгорода и Суздаля из-за северных даней: активная политика Андрея Боголюбского в Заволочье привела к настоящей войне. По мнению исследователей грамоты, автором документа является онежский домажирич — новгородский представитель, «должностное лицо», проживающее в некоем пункте, куда «по первому пути» «люди» должны доставить собранную дань (Янин, Зализняк 1996: 131).

Таким образом, представляется весьма вероятным, что мужчины, погребенные с поясами «новгородского» типа, являлись представителями новгородской администрации. Можно предположить, что находки поясных наборов «новгородского» типа, распространенных в эпоху Ярослава — Ярославичей на всей территории Новгородской земли, иллюстрируют процесс ее форми-

рования, упорядочение связей Новгород с внутренними и приграничными территориями. Вполне вероятно, эти достаточно унифицированные пояса служили знаками социального положения их владельцев. Представляется вероятным, что люди, носившие такие пояса при жизни и погребенные с ними,

исполняли административные, пограничные, коммуникативные, а не военные функции, являясь представителями центральной новгородской власти. Однако эти люди, вероятно, довольно редко появлялись в самом Новгороде, где найдено всего несколько таких бляшек.

Литература

- Волковицкий, Григорьева, Селин 2008* — Волковицкий А. И., Григорьева Н. В., Селин А. А. Новые средневековые находки в Южном Приладожье // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижоры. СПб. 2008.
- Даль 1882* — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб. 1882.
- Захаров 2004* — Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М. 2004.
- Изборник 1983* — Изборник Святослава 1073 г. М. 1983.
- Лесман 1982* — Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Межвузовский сборник. Л. 1982.
- Лесман 1984* — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. 1984.
- Лесман 1989* — Лесман Ю. М. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2. Новгород. 1989.
- Лесман 1990* — Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (XI–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. 1990.
- Макаров 1990* — Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников Восточного Прионежья. М. 1990.
- Макаров 2007* — Макаров Н. А. Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 1. М. 2007.
- Макаров 2008* — Макаров Н. А. Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М. 2008.
- Михайлов, Соболев 2000* — Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // АВ. № 7. СПб. 2000.
- Орлов, Аксенов 1961* — Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород. 1961.

- Плетнев 1884* — Плетнев В. А. О курганах и городищах Тверской губернии. Тверь. 1884.
- Плетнев 1903* — Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь. 1903.
- Попов 1989* — Попов С. Г. Городище Сторожинец // КСИА. № 198. М. 1989
- Седов 1976* — Седов В. В. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. № 146. М. 1976.
- Спицын 1896* — Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20. СПб. 1896.
- Спицын 1905* — Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб. 1905.
- Станкевич 1960* — Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья // МИА № 76. М.; Л. 1960.
- Тухтина 1966* — Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X–XII вв. // Труды ГИМ. № 40. М. 1966.
- Тухтина 1990* — Тухтина Н. В. Курганная группа Кабожа I (в бассейне реки Мологи) // Труды ГИМ. № 74. М. 1990.
- Хвоцинская 2004* — Хвоцинская Н. В. Финны на Западе Новгородской земли. СПб. 2004.
- Янин, Зализняк 1996* — Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1995 гг. // Средневековая Русь. М. 1996.
- Arné 1914* — Arné T. La Suede et l'Orient. Uppsala. 1914.
- Thunmark-Nulén 1995* — L. Thunmark-Nulén. Die Wikingerzeit Gotlands. I. Stockholm, 1995.

FIND OF AN ANCIENT-RUSSIAN COMPOSITE BELT AT LAKE ILMEN

V. Yu. Sobolev & S. E. Toropov

This paper is a publication of a set of belt fittings acquired by the Novgorod Museum in 2002. The find comes from the coastal zone of Lake Ilmen near the settlements of Peschanoye (former Spas-Piskupets) and Kuritsko. The composition of the belt set comprises 19 metal parts: a two-piece lyre-shaped buckle with a pronounced pin-holder on a frame, eleven belt mounts (nine circular and two of the pentagonal shape), four belt rings and three belt terminals. Two variants of reconstruction of the appearance of the belt are suggested. On the basis of the parallels available (the Novgorod Land, Gotland, mainland Sweden) an attempt is made to narrow the chronological frame of the deposition of belt sets at burial sites to the time span between the mid-11th and the early 12th century. Taking into account the known finds of similar belts, a hypothesis is proposed concerning the social status and functions of the interred.

КРЕПОСТЬ НИЕНШАНЦ

(некоторые итоги историко-археологического изучения)

Крепость Ниеншанц, основанная в устье реки Охты в 1611 г., стала очередным этапом многовекового процесса освоения этой территории, занимавшей удобное географическое положение на пересечении важнейших путей того времени — водного, проходившего по Неве, и сухопутного, связывавшего Ижорскую землю с Карелией и Финляндией. Узкий мыс при слиянии Охты и Невы был одним из наиболее удобных мест в нижнем течении Невы для устройства мысовой фортификации. В 1300–1301 гг. здесь существовала шведская крепость Ландскрона, а в конце XV в. располагались сельцо «на усть Охты» из 18 дворов и две небольших деревни. Позднее, в конце XVI в., на их основе развивается поселение Невское устье. В XVII в. на этом месте был основан шведский город Ниен с крепостью Ниеншанц (Сорокин 2001).

Первые отрывочные свидетельства по истории Ниеншанца связаны с описаниями иностранных путешественников, побывавших в Петербурге вскоре после его основания (Беспярых 1991). В Анонимном описании на немецком языке, названном «Точное известие о ... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях», изданном в Германии в 1713 г.,

сообщается о том, что укрепления Ниеншанца были разрушены (Беспярых 1991: 48, 56). О полном их разрушении говорится и в других немецких изданиях: «Преображенная Россия» Фридриха Христиана Вебера, «Краткое описание большого императорского города Санкт-Петербурга», а также в описании французского путешественника Огюста Де Ла Мотрэ (Беспярых 1991:102, 264, 211). Некоторые подробности о разрушении Ниеншанца имеются и в книге датского посланника Юста Юля (Юль 1899: 103–104).

В «Истории императора Петра Великого» Феофана Прокоповича сообщается только о разорении Ниеншанца и переселении его жителей в Петербург (Беспярых 1991: 256). Упоминание Ниеншанца как памятника Петровской эпохи и призыв к его сохранению впервые содержатся в сочинении середины XVIII в. (Богданов 1991: 238–240). Подробное описание штурма Ниеншанца приводится в ряде изданий XVIII в. (Журнал 1770: 64–69; Книга Марсова 1776: 13–22).

Изучение истории города и крепости в устье реки Охты приходится на следующий — XIX в. Первое исследование истории Ниена и Ниеншанца, основанное на шведских архивных

документах и картах, было проведено лютеранским пастором А. И. Гиппингом, в результате чего появилась книга «Нева и Ниеншанц» (Hipping 1836; Гиппинг 1909). Следующая обобщающая публикация на эту тему, в которой дается системный обзор исторического развития города и крепости в устье Охты, была сделана в 1891 г. К. Бонсдорфом (Bonsdorff 1891). Примечательно, что обе эти книги были изданы первоначально в Финляндии на шведском языке. Лишь впоследствии работа А. И. Гиппинга и собранные им и А. А. Куником карты были подготовлены к изданию с комментариями на русском языке А. С. Лаппо-Данилевским (Гиппинг 1909; Лаппо-Данилевский 1913).

В середине XIX в. военный инженер Ф. Ласковский, изучавший крепости на территории Российской империи, впервые дал характеристику укреплений Ниеншанца и событий, связанных с его штурмом, с инженерной точки зрения (Ласковский 1861: 288–293). Штурм Ниеншанца и дальнейшая судьба его укреплений описаны и в ряде других изданий (Устрялов 1858: 229–238; Тимченко-Рубан 1901: 111–114, 141).

В советское время отдельные работы, касающиеся истории Ниеншанца в контексте борьбы русского народа за выход к Балтике, появляются только перед Великой Отечественной войной (Гадзяцкий 1941). Несколько позднее в Швеции русскими учеными было продолжено издание и интерпретация шведских карт Ингерманландии, дельты Невы и Ниеншанца (Bagrow, Kohlin 1953). Одной из первых работ, возродивших эту тему в советской послевоенной историографии, стала

статья Е. А. Кальюнди и А. Н. Кирпичникова «Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г.». Авторы осветили один из наиболее важных периодов в истории Ниеншанца, связанный с деятельностью генерала-квартирмейстера Эрика Дальберга (Кальюнди, Кирпичников 1975). Значительный вклад в изучение истории города в устье Охты в контексте общей истории Северо-Западного региона в XVII в., на основе новых архивных документов, внес И. П. Шаскольский (Шаскольский 1987; 1993; 1994; 1998). Позднее исследования были продолжены российскими и шведскими историками (Jangfeldt 1997: 20–31; Эренсверд 2003; Горбатенко 1998; Семенцов 2006; Сорокин 2000; 2001; Шарымов 2004; Ahlberg 2005: 729–38). Начиная с 1992 г. начинают привлекаться и данные археологии (Сорокин 1994; 1996; 2001).

Первые упоминания Ниеншанца, связанные с основанием крепости и Русско-шведской войной, имеются у Юхана Видекинда (Видекинд 2000). Новая шведская крепость на Неве была задумана еще до начала Русско-шведской войны. Осенью 1609 г. шведский король Карл IX организовал разведку на берегах Невы с целью выбора места для строительства новой крепости, а несколько месяцев спустя — 24 февраля 1610 г. он отдал приказание найти на Неве место, удобное для сооружения новой крепости, «чтобы можно было защищать всю Неву под эгидой шведской короны». Одним из возможных мест ее сооружения названо место, где ранее (в середине XIV в. — П.С.) находился блокгауз Магнуса Эриксона. Другие упоминания о каких-либо шведских укреплениях на Неве во вре-

мя шведского вторжения 1348–1349 гг. отсутствуют¹.

После взятия шведскими войсками Кексгольма в начале весны 1611 г. Якоб Делагарди двинулся по весенней распутице на Новгород. Он предлагал королю послать войска к Ладоге, чтобы отрезать Нотеборг, и послал описание и чертеж Ладожского озера, при этом указывал, как важно было бы построить крепость у реки Невы в 6 милях выше Нотеборга, и послал в Стокгольм предполагаемого строителя крепости изложить некоторые подробности (Видекинд 2000: 161). К письму Карлу IX был приложен проект новых укреплений, который, судя по всему, был одобрен королем. Работы по сооружению крепости велись с весны до зимы 1611 г. Руководили ими крепостной мастер Херро Янсс и полковник Линдвед Классон Хестеско. На сроках работ сказывалась нехватка квалифицированных рабочих и материалов, а также предпринимавшиеся с русской стороны попытки помешать строительству. В письме, написанном в начале июля, король сетовал на то, «что медленно строится укрепление на Неве», и требовал ускорить сооружение крепости (Bonsdorf 1891: 5–6; Bless 1938: 74²). К началу осады Нотеборга «недавно поставленный Ниеншанц уже настолько окреп благодаря насыпям, валу и рвам, что в его укреплениях могло укрыться 500 человек»

¹ В ходе той войны шведы захватили Орешек и в течение почти семи месяцев удерживали его. Однако здесь речь, судя по всему, идет не об Орешке, так как эта крепость в это время продолжала существовать. Вполне вероятно, что шведы до захвата Орешка вновь использовали устье Охты в качестве опорного пункта и, возможно, в каком-то виде восстановили укрепления Ландскроны.

² Пользуясь случаем, благодарю А. Н. Кирпичникова за предоставленный перевод статьи Блесса.

(Видекинд 2000: 212). К концу 1611 г. новая крепость, вмещавшая 500 человек, в основном была завершена (Гиппинг 1909, т. 1: 258).

Впоследствии Ниеншанц неоднократно упоминается в связи с продолжавшейся Русско-шведской войной. В конце 1615 г. Густав II Адольф побывал в приграничных крепостях, где были оставлены наместники и коменданты. Комендантом Ниеншанца был назначен Тенне Йорансон. Ранней весной 1616 г., «проезжая через Ниеншанц и Нотеборг, его величество (Густав II Адольф. — П.С.) изучил положение дел и нашел: если русские завладеют этими крепостями вновь и используют выгоды своего положения, то его величество должен будет или собственными руками обратить в развалины Выборг, Ревель, Гельсингфорс и Борго, а затем отдать их русским или же неизбежно вступить с ними в новую войну» (Видекинд 2000: 380, 394).

В описании Видекинда, связанного с событиями 1617 г., говорилось, что при продолжении мирных переговоров «необходимо к лету вновь собрать войско и держать его наготове в Нарве или в Ниеншанце». Позднее войска, прибывшие из Швеции и Финляндии, должны были сначала направиться в Ниеншанц (Видекинд 2000: 397, 398).

Шведское военное командование придавало чрезвычайно важное значение Ниеншанцу в обороне новых шведско-русских рубежей. Располагаясь между Копорьем и Нотеборгом, крепость должна была защищать коммуникации, проходившие через устье Невы. Она получила название Ньюенсканс, что в переводе со шведского означало «Невское укрепление». В то же

время это название может переводиться и как «новое укрепление». Русское название города на Охте — Канцы было производным от шведского «Сканцен», что означало *земляное укрепление, небольшая крепость*. Финны называли его «Неванлинна». Начиная с Петровского времени, в русском языке закрепился немецкий вариант названия крепости — Ниеншанц.

Согласно заключенному в 1617 г. Столбовскому миру Россия, ослабленная внешними и внутренними войнами Смутного времени, вынуждена была уступить Швеции Ижорскую землю и значительную часть Карелии.

Изображение ранних укреплений Ниеншанца, построенных, вероятно, в 1611 г., имеется на шведских картах середины XVII в. Эти карты, за редким исключением, выполнены достаточно схематично, что не позволяет достоверно определить размеры и точную локализацию укреплений. На карте Эрика Нильса Аспегрена, изготовленной около 1650 г., на мысу при впадении Охты в Неву показан прямоугольный шанец «Konungsgarden», *королевский двор* (Bagrow, Kohlin 1953: VI.1). На карте, датируемой около 1650 г., имеется схематичное изображение замка — двухэтажного сооружения с башенками (Эренсверд 1998: 20). Шанец был небольшим и имел прямоугольную форму. Его размеры достигали 120×100 шведских локтей, то есть — примерно 72×60 м, а толщина стен составляла 15 локтей — около 9 м (Гиппинг 1909, т. I: 168).

На более ранней карте устья Невы 1643 г. крепость изображена более детально — с внешними земляными укреплениями, включавшими значитель-

ную по площади территорию (РАО 1652; Bagrow, Kohlin 1953: IV.I; Возгрин, Шаскольский 1981). Она имела вид неправильного шестиугольника с тремя бастионами, выдвинутыми в южном и восточном направлениях. В крепостных валах было двое ворот, одни из которых вели к мосту через Охту, а другие выходили на берег Невы. Цитадель прямоугольной формы располагалась в центральной части крепости, вокруг нее находились другие постройки (рис. 1).

На проектной чертеже Георга Швенгеля замок прямоугольной формы с семигранными башенками по углам и воротами в восточной стене, выходившими к Охте, был смещен к западу от центра мыса и находился ближе к берегу Невы. План датирован 1644 г., однако нанесенная на нем ситуация, судя по имеющейся надписи, может частично восходить к более раннему времени. «Здесь в 1633 году, я по милостивому повелению Вашего Королевского Величества наметил поселение для обывателей, Бог в помощь» — написано на плане. Следовательно, разметка города и, вероятно, укреплений была начата всего спустя год после королевского указа об основании города Ниена на Неве (Лаппо-Данилевский 1913: № 3; КГА-1).

Однако с гибелью короля Густава II Адольфа реализация этих планов затянулась. Новый, исправленный проект был подготовлен тем же автором только в 1644 г., после постановления государственного совета 1638 г. о планировании города. Проектный чертеж предусматривал строительство новых укреплений с двумя линиями обороны (рис. 2).

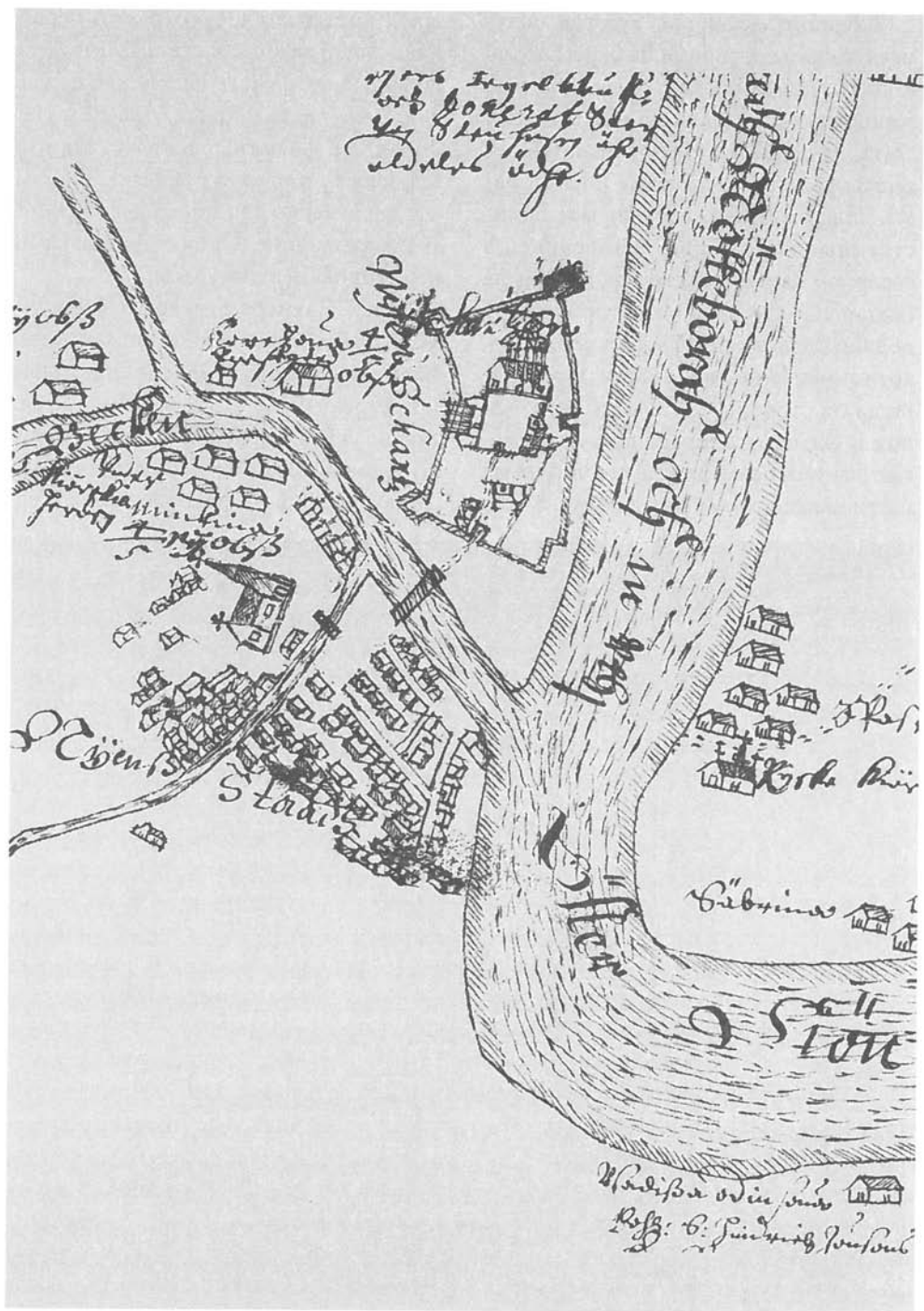

Рис. 1. План крепости Ниеншанц 1643 г.
Шведский государственный архив

Внешние валы и рвы в форме полу-месяца, замыкающиеся на берега Невы и Охты, должны были окружить всю городскую застройку по обе стороны Охты. В пределах укреплений предусматривалось сооружение восьми бастионов, усиленных рavelинами. Единственные ворота проектировались в северной части — по трассе дороги на Выборг. Со стороны Невы город также должны были защищать укрепления, хотя и менее внушительные, чем с напольной стороны. На мысу между Невой и Охтой планировалось сооружение пятиугольной цитадели с четырьмя бастионами и тремя ravelинами. В цен-

тре ее предполагалось сохранить первоначальный замок. Бастионы цитадели должны были иметь удлиненные фасы с острыми исходящими углами и укороченные фланки, располагающиеся перпендикулярно куртинам крепости, что характерно для голландской системы укреплений. Однако реализация этого проекта затянулась.

В 1652 г. генерал-губернатор Ингерманландии Эрик Стенбок послал новый план укреплений Ниена в Стокгольм. Он сетовал на то, что город Ниен до сих пор не укреплен. «Если крепость к этому времени была укреплена и могла выдержать осаду, то расположенный во-

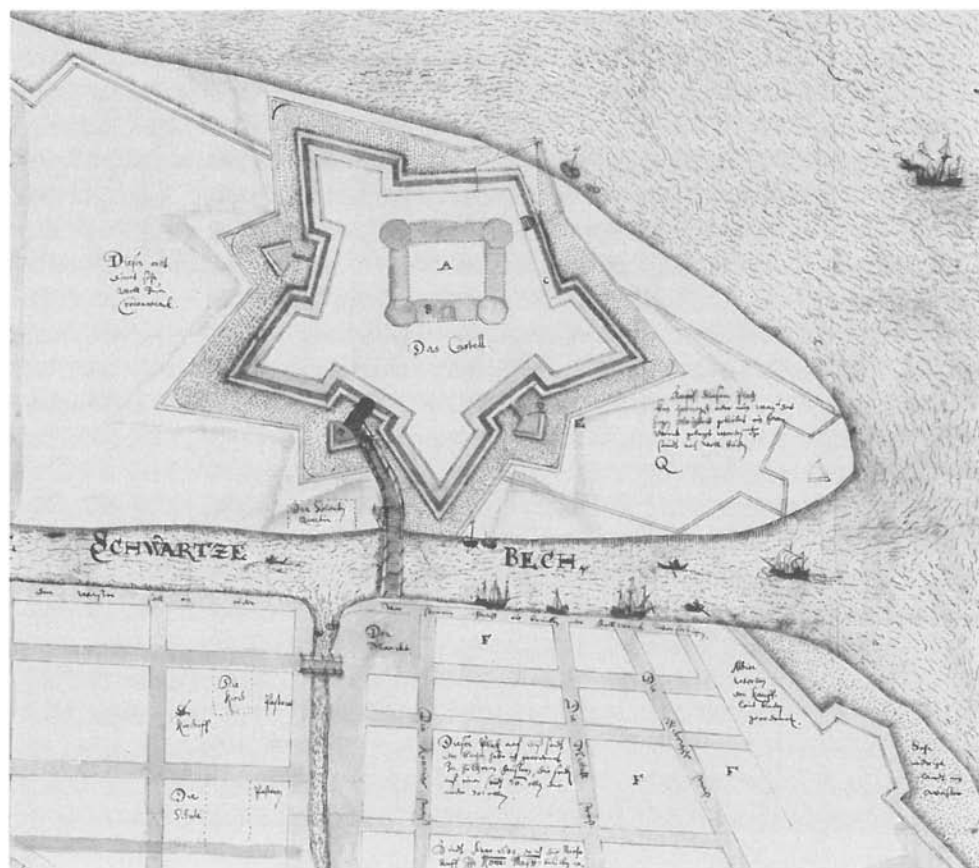

Рис. 2. План крепости Ниеншанц 1644 г. Г. Швенгель. Шведский военный архив

круг нее незащищенный город был бы большой помехой при ее обороне, так как дома, используемые противником в качестве прикрытия, значительно облегчили бы штурм», — докладывал он в Стокгольм. В том же году правительство утвердило обновленный генерал-квартирмейстером Юханом фон Роденбургом проект укреплений Ниена. Военная коллегия поручила Юхану Верншёльду переработать этот план в некоторых пунктах, после чего он был послан в Ниен для осуществления. За разметку на местности отвечал Генрих фон Зойленберг. Надзор за работами был поручен Юхану фон Роденбургу, но впоследствии работы были приостановлены (Bless 1938: 76–77; Ahlberg 2005: 730–732). На проектном чертеже городские укрепления приобретают более округлые очертания. Количество бастионов в них уменьшается до семи. Двое ворот из города вели в направлении Выборга и Нотеборга. Цитадель, расположенная на мысу, имеет форму звезды с пятью пустыми бастионами. Два ее бастиона выходят в русла Невы и Охты, а окружающий ров заполнен водой. По внутреннему периметру укреплений и в центре цитадели планировались постройки. Единственные крепостные ворота без рavelина были со стороны Охты (RAO 1652).

Проекты 1630–1650-х гг. предусматривали сооружение укреплений вокруг уже сформировавшегося города и включение в него новых, еще не освоенных территорий на левом берегу Охты. Однако реализация их затягивалась из-за отсутствия средств. В каком состоянии крепость находилась к началу войны 1656–1661 гг., не совсем ясно. Во всяком случае, ее укрепления, видимо,

еще не были завершены. В этой войне Россия попыталась вернуть утраченный выход к Балтике. Весной и летом 1656 г. русские войска вступили в Прибалтику, Ингерманландию и Карелию. В начале июня войско под руководством Петра Потемкина блокировало крепость Нотеборг. Услышав о приближении русских, находившийся в Ниеншанце генерал-губернатор Густав Горн с людьми на судах эвакуировались в Нарву (Гадзяцкий 1941: 257). 30 июня Ниеншанц был взят отрядом русских войск. В городе были сожжены около 500 домов, значительные запасы хлеба и захвачено 8 пушек (Гиппинг 1909, т.2: 86; Bless 1938: 78). Однако вскоре после этого, учитывая, что в Нарве находились превосходящие силы противника, русские войска оставили Ниеншанц и отошли к Нотеборгу, а затем за пограничную реку Лаву (Гадзяцкий 1941: 257, 267–268). Известно, что в 1657 г. в Ниеншанце случилась чума, и из 400 человек гарнизона в живых осталось лишь 60. По сообщениям пленных, зимой 1657–1658 гг. в Канцах был сделан «земляной острог», в котором размещалось 300 человек гарнизона с 10 пушками (Гадзяцкий 1941: 272–275).

Война приняла затяжной характер. В 1658 г. было заключено трехлетнее перемирие, а в 1661 г. подписан Кардиский мир, по которому Ингерманландия оставалась за Швецией.

В 1659 г., после вступления в силу перемирия, новый генерал-губернатор провинции Симон Гельмфельт получил приказ об укреплении Ниена — «весьма значительного и важного населенного пункта» — в соответствии с прежним планом (Munthe 1906: 225–227, 521). Уже в сентябре 1661 г. он рапортовал о том,

что строительство укреплений цитадели почти полностью завершено. Однако в том же году Якоб Шталь разработал новый план укрепления Ниена. Возможно, на этот раз речь шла лишь о цитадели, поскольку в 1663 г. король отдал приказ продолжить работы в цитадели и поручил Якобу Шталю подготовить план для укрепления всего города. В 1665 г. этот план был составлен и после некоторой доработки в Военной коллегии начал осуществляться в следующем году. Городское укрепление включало семь «королевских» — больших — бастионов. 13 июня план городских укреплений был размечен на местности. Согласно рапорту от 7 сентября работы в цитадели были завершены и начато строительство городских валов. По сообщению от 3 ноября работы над городскими укреплениями продвинулись довольно далеко. (Ahlberg 2005:732–735).

Строительство укреплений вокруг города Ниена продолжалось до 1666 г. В основу фортификационных работ 60-х — начала 70-х гг. были положены проектные чертежи И. Варншельда и братьев Якоба и Юхана Шталь (Лаппо-Данилевский 1913: № 4; Munthe 1911, DI: 534; 1911, DII: 23–25, 225–227, 521–527). Дополнительные укрепления с тремя бастионами между Невой и Охтой южнее цитадели были размечены на местности в 1672 г., и в следующие годы работы продвигались, хотя и медленно. Укрепления цитадели также предполагалось дополнить двумя рavelинами для защиты двух ворот, ведущих в город, и морских ворот на берегу Невы. План, приложенный к рапорту Эрика Дальберга королю в декабре 1681 г., показывает состояние крепости при посещении ее в октябре этого года (KrA-

11). Укрепления в южной части района города на мысу между Невой и Охтой были завершены, но соединение с цитаделью на севере все еще отсутствовало. (Ahlberg 2005: 736–737).

Изображения крепости на планах второй половины XVII в. отличаются от проектов укреплений, предлагавшихся в 1630–1650-е гг. На них она получает форму пятиконечной звезды с пятью бастионами. Ее размещение на узком мысу удалось осуществить только благодаря расширению мыса, в результате подсыпки и укрепления берегов Невы и Охты. Изменения очертаний береговой линии хорошо заметны на поздних планах крепости.

Согласно фиксационным планам Ниеншанц представлял собой правильный пятиугольник с полными бастионами на углах (Лаппо-Данилевский 1913: № 6). Согласно плану 1681 г. диаметр окружности, описываемой по ее оконечностям, составлял около 245 м. Ширина самих бастионов достигала около 60 м, расстояния между их шпицами — линии наружного полигона — около 137 м. Протяженность куртин между бастионами составляла 50,4 м. Ширина валов достигала приблизительно 19 м. Максимальная ширина рва напротив центральной части куртин была 27 м. По другим планам цитадели второй половины XVII в. все эти параметры несколько варьируют.

Высота валов и глубина рва может определяться по проектным разрезам укреплений. Судя по плану 1681 г., на котором изображен разрез для новых — внешних укреплений Ниеншанца, высота вала составляла около 4,2 м, глубина рва около 3,3 м. Однако и ширина валов в этой части составляла около

12 м а ширина рвов около 17,8 м. Таким образом, эти укрепления могли быть не столь значительны, как укрепления цитадели. По мнению Ф. Ласковского, высота вала главных укреплений, считая и глубину рва, составляла 6 сажен, то есть — 12,78 м при сажени, равной 2,13 м, а его «ширина или толщина заложения» — 9 сажен, то есть — 19,2 м (Ласковский 1861: 288). При этом ссылки на какие-то документы отсутствуют. Возможно, параметры соотношения высоты к ширине фортификационных сооружений были вычислены на основании аналогий.

Во рву по периметру крепости были установлены «полисады» — ограда из частокола. С южной и северо-восточной сторон крепости имелись воротные ра-

велины треугольной формы. Первый из них — Большой — был связан дорогой с мостом через Охту, за которой находился центр города Ниена. Второй — с воротами, выходившими на мыс к Неве, — назывался Малый. К ним через оборонительный ров были устроены подъемные мосты. Каждый из пяти бастионов также имел свое название. Южные бастионы именовались: Карлов (со стороны Охты) и Гельмфельтов (со стороны Невы). Они носили имя короля и генерал-губернатора Ингерманландии, во времена которых строилась крепость. Западный бастион, выходивший на Неву, назывался Гварн — Мельничный. Возможно, на нем действительно была установлена мельница. Северный, обращенный к устью Охты,

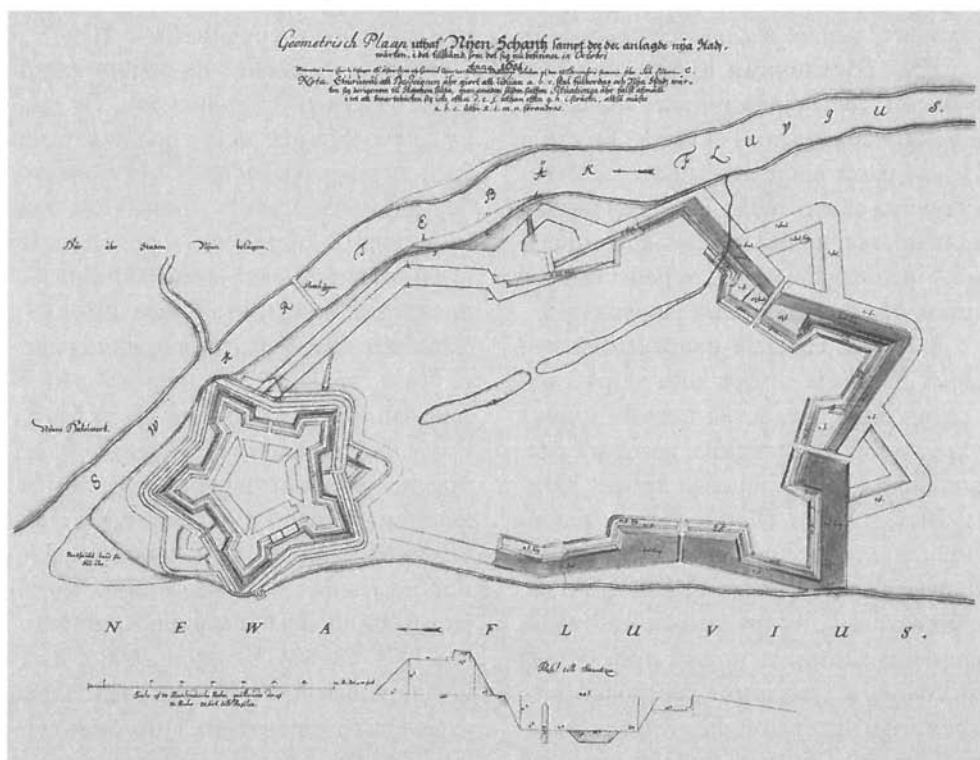

Рис. 3. План крепости Ниеншанц 1681 г. Шведский военный архив

был назван Гамбле, что означает «Старый». Не исключено, что на этом месте был один из бастионов первоначальной крепости, сохранный в новых укреплениях. Восточный бастион, выходящий к Охте, именовался Мертвый, так как он располагался на месте позднесредневекового могильника (Сорокин 2001: 31–32).

В 1670-е гг. концепция укрепления Ниеншанца была изменена. В проектных планах этого времени предлагалось сконцентрировать силы и средства на укреплении мыса между Невой и Охтой, что диктовалось экономическими соображениями. Учитывая, что территория мыса была защищена природными рубежами — реками Невой и Охтой с западной, северной и восточной сторон и труднопроходимыми заболоченными лесами с южной, земляные укрепления с тремя бастионами предполагалось возвести только на наиболее уязвимом южном направлении — между Охтой и Невой, расстояние между которыми составляло около 500 м. Но здесь возникла другая, не менее сложная проблема — необходимо было перенести весь город под защиту новых укреплений.

В 1675 г. генерал-квартирмейстер Эрик Дальберг предложил на рассмотрение правительства новый проект укреплений Ниеншанца, который развивал и конкретизировал проект Юхана Шталя 1671 г. (Лаппо-Данилевский 1913: № 5). Если первоначально укрепления этой крепости строились в соответствии с голландской системой фортификации, то новый проект был выполнен в традициях передовой в то время французской фортификационной школы. Внутри существовавшей крепости показаны: дом коменданта,

два барака-казармы, три караульных помещения, находившиеся у ворот, и пороховой погреб в Мельничном бастионе. Главной идеей, заложенной в новые проекты, было то, что они предусматривали перенос всего города с правого берега Охты на левый — в пределы сооружаемой крепости. Однако строительные работы шли медленно.

В описании Ниеншанца Эриком Дальбергом в 1681 г. говорилось, что крепость слишком далеко выдвинута на мыс и этим ослаблена, городские же укрепления вовсе не совершенны и принесут больше вреда, чем пользы, для обороны крепости (Bless 1938: 84). Два бастиона крепости, выходящие на Неву и Охту, постоянно разрушались в периоды наводнений и ледохода. Вероятно, окружавшие ее оборонительные рвы были соединены с Невой и Охтой, и заполнение их водой приводило к размыву склонов рва. По плану Дальберга эти места должны были быть перекрыты мощными свайными берегоукреплениями. Кроме того, планировалось облицевать эскарповые стены главного вала камнем от дна рва до уровня горизонта (Bless 1938: 88). Дальберг вновь настаивал на переносе всего города внутрь новых укреплений, запланированных на левом берегу Охты. При этом, по его мнению, здесь предполагалось строить только каменные дома, а крепость должна была стать большой и просторной, чтобы окрестное население в случае войны могло укрыться в ней (Кальюнди, Кирпичников 1975: 68–69). Только в 1698 г. в ответ на новые просьбы жителей Ниена и генерал-губернатора Ингерманландии, поддержанные Дальбергом, обратившимся с письмом к новому королю

Карлу XII, средства на продолжение фортификационных работ были наконец выделены.

Генерал-квартирмейстер Карл Магнус Стюарт направил королю новый проект крепости, который воплощал в себе многие предложения его предшественников и в то же время включал много новых фортификационных идей (Лаппо-Данилевский 1913: № 8). Он также предусматривал размещение всего города на мысу между Невой и Охтой. Основная крепость должна была иметь форму шестиугольника с бастионами по углам, а также два воротных рavelина, один из которых выходил к мосту через Охту, второй — главный — располагался с южной стороны. При этом предполагалось ликвидировать старую цитадель. Но три ее северных бастиона и ravelин, обращенный к Неве, сохранялись и включались в состав дополнительных укреплений, примыкавших к крепости с севера и защищавших оконечность мыса. Для прикрытия моста на правом берегу Охты предполагалось соорудить кронверк. Помимо этих фортификаций впервые планировалось построить укрепления и на левом берегу Невы вокруг Спасского села.

В 1699 г. правительство выделило средства и направило 600 человек на строительство укреплений Ниеншанца. Были возведены валы и редуты на подступах к Ниеншанцу. Предполагалось, что жители Ниена за свой счет должны оборудовать в ее земляных валах специальные бомбоубежища. Однако жители, собравшись на совет, постановили, что они не в состоянии взять на себя эти расходы (Bless 1938: 87–88). С началом Северной войны войска генерал-майора Абрахама Крониорта продол-

жили работы по сооружению южной линии укреплений между Невой и Охтой. Тогда же для защиты подступов к крепости с запада на левом берегу Невы вокруг Спасского села также были построены укрепления. В 1701 г., по сообщению русских торговых людей, «город Канцы стоит в устье Охты; город земляной, вал старый, башен нет, за валом рогатки деревянные и ров. Изорву к валу палисады сосновые, город небольшой, земли в нем всего с десятину, величиною по примеру с каменную Ладугу. Пушек в Канцах много железных. В городе только один воеводский дом, да солдатских домов с 10» (Линде 1872: 7–8). Согласно показаниям пленного, в следующем, 1702 г. оборонительные сооружения Ниеншанца быстро приводились в порядок — «прежней вал старой, который был неотделке, вновь зделан, на том валу раскат и поставлено три пушки... а в Канцах от реки и по городской стене, и по башнем поставлено пушек со сто железных». Вокруг Спасского также был построен «вал величиною с сажень, обнесенный рвом».

Вскоре после падения Нотеборга 18–20 ноября 1702 г. по решению военного командования жители города Ниена были переселены в Выборг, а сам город был сожжен из-за опасения внезапного появления русских войск. Однако русское наступление было начато только в апреле следующего года. Перед штурмом весь гарнизон крепости состоял из 700 солдат. В крепости имелось 70 чугунных и 5 медных орудий разных калибров, а также 3 мортиры.

С русской стороны в штурме крепости участвовал двадцатитысячный корпус под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева (Книга Марсова 1766:

14). Осада с массированным артобстрелом продолжалась с 25 апреля по 1 мая, после чего гарнизон капитулировал. После падения Ниеншанца крепость была переименована в Шлотбург. Военный совет принял решение выбрать новое место для крепости, поскольку «он (Шлотбург. — П.С.) мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры» (Журнал 1770: 69). Выбор Заячьего острова для новой крепости, помимо некоторых преимуществ, таких, как близость к морю и расположение в окружении воды, имел и явные недостатки. Новая крепость находилась в зоне затопления наводнениями, кроме того, она не контролировала проход судов по всем рукавам невской дельты, а это требовало строительства дополнительных укреплений.

Историки называют различные даты разрушения Ниеншанца: 6 мая, 16 мая, 29 июня, середина сентября 1703 г. Г. Г. Приамурский относит дефортификацию Ниеншанца ко времени, когда была построена крепость Кроншлот, и не позднее закладки Адмиралтейства — то есть между 7 мая и 5 ноября 1704 г. (Приамурский 1998: 44–45). Подробные документы, которые могли бы уточнить время и обстоятельства разрушения Ниеншанца, пока не известны. Следует полагать, однако, что разрушение крепости в Петровское время не было полным. Дефортификация Ниеншанца была делом очень трудоемким, поэтому укрепления были разрушены лишь частично, с тем чтобы неприятель не мог их вновь использовать. Вероятно, в какой-то мере были разрушены валы и бастионы крепости.

Несмотря на свидетельства о полном уничтожении Ниеншанца, следы

его укреплений на мысу между Невой и Охтой — в виде сохраняющейся планиграфии крепости с пятью бастионами — можно проследить на картах Петербурга XVIII — начала XIX столетия. На плане 1808 г. изображены еще все валы и бастионы крепости, но уже без рavelинов. А на плане Шуберта 1828 г. очертания крепости, на месте которой была сооружена верфь, все еще отчетливо прослеживаются в рельефе местности. В течение XIX–XX вв., когда здесь существовали Охтинская верфь и Петрозавод, остатки укреплений были полностью сnivelированы, а культурные слои, связанные с ее существованием, в значительной степени переотложены.

Первые разведочные археологические раскопки на мысу в устье реки Охты были проведены Санкт-Петербургской археологической экспедицией в 1992–1993 гг. (Сорокин 1994; 2001: 40–42, 65–72, 110). Уже тогда здесь были выявлены культурный слой XVII в. и захоронения XVI в. Однако из-за плотного размещения на территории памятника заводских сооружений, разветвленных инженерных коммуникаций и дорожного покрытия, а также незначительной площади разведочных шурфов обнаружить здесь какие-либо отчетливые остатки фортификационных сооружений не удалось.

В 2006 г. в связи с подготовкой нового строительства на этом участке корпуса Петрозавода были снесены, что позволило продолжить археологи-

³ Пользуясь случаем, выражаю благодарность участникам исследований в устье реки Охты — археологам: О. В. Андреевой, С. Г. Попову, С. А. Семёнову, К. А. Михайлову, А. В. Полякову, И. А. Лазареву, В. Д. Гукину, М. М. Ахмадеевой, А. В. Ивановой, С. Ваильеву, А. В. Карамышеву, А. К. Петрову.

ческие раскопки на этой территории³. В 2007–2008 гг. в ходе раскопок на юго-восточном участке мыса вблизи левого берега Охты и в его центральной части были изучены засыпанные рвы различных периодов существования фортификационных сооружений на этой территории (Сорокин, Поляков, Иванова, Михайлов, Лазаретов, Гусенцова, Гукин, Ахмадеева, Попов, Семенов 2008). Предварительно можно выделить три этапа их строительства. Две линии рвов, относящиеся, вероятно, к крепости Ландскрона, были прослежены с восточной стороны — вдоль берега реки Охты на протяжении около 70 м и с южной — напольной стороны на протяжении около 50 м. Судя по находкам, обнаруженным в верхней части заполнения обоих рвов, они могли быть использованы в XVI в., а также в самом начале XVII в. при строительстве первоначальных укреплений Ниеншанца. Рвы были окончательно засыпаны только в XVII в. при строительстве новых укреплений Ниеншанца. В позднем заполнении внешнего и внутреннего рвов с южной стороны было найдено около двух сотен скоплений человеческих костей — переотложенных погребений. В двух местах, во внешнем рву, они носили явные следы перезахоронения. Здесь несколько десятков черепов были сложены горками вместе. Отдельные человеческие кости и их небольшие скопления встречались также в засыпке рвов и в других местах. При этом часть из них принадлежала детям и женщинам, что позволяет связывать их с позднесредневековым могильником, находившимся на левом берегу Охты. Общее количество обнаруженных человеческих останков на исследуемой территории превышает обыч-

ное количество захоронений в составе сельских могильников региона. Два выявленных перезахоронения могли быть связаны также с массовым захоронением шведских воинов, погибших при Ландскроне, однако это предположение требует дальнейшего изучения.

Следующий этап строительства крепостных сооружений может быть отнесен к первым десятилетиям существования Ниеншанца. В этот период направление рва несколько меняется — в результате его внутренняя стенка пересекает внешний ров предшествующего периода под углом около 20°, отклоняясь в северной части к востоку. Его стенки, сделанные под углом около 60°, укрепляются дерновой обкладкой, шириной около 1,5 м, предохранявшей их от оползания. Дерновая кладка делалась из горизонтальных пластов дерна, нарезанного прямоугольниками. За рвом с его внутренней стороны были прослежены две линии дерновых кладок, связанные с основанием крепостного вала.

Третий этап фортификационного строительства связан с полной перепланировкой оборонительных сооружений Ниеншанца в конце войны 1656–1661 гг., когда здесь была построена крепость с пятью бастионами и двумя воротными рavelинами в форме звезды. Участок рва, примыкающий к эскарповой стене вдоль юго-восточной куртины крепости между Карловым и Мертвым бастионами и перед фланками этих бастионов, был исследован на протяжении около 50 м. На дне рва в основании склона при строительстве были срублены клетки шириной около 2 м. Они состояли из уложенных вдоль

Рис. 4. Ров Ниеншанца второй половины XVII в. в месте примыкания юго-восточной куртины к Мертвому бастиону

склона двух рядов бревен, соединенных внахлест и скрепленных между собой путем врубки поперечинами. Деревянная конструкция служила опорой деревянной кладки, облицовывавшей склон рва под углом около 50° и предохранявшей ее от оползания. В 3 м от стенки рва был обнаружен палисад — ряд частокола из бревен диаметром до 20 см, который сохранился на высоту до 1,2 м.

Он должен был служить препятствием для штурмующих крепость при преодолении рва (рис. 4). Участок рва, примыкающий к внешней стенке, исследовать на этом этапе не удалось.

На месте примыкания куртины к Мертвому бастиону был исследован потайной ход — в виде лестничного спуска, выходящего в ров. Лестница шириной 1,3 м, прослеженная на протя-

Рис. 5. Потайная дверь на фланке Мертвого бастиона Ниеншанца

жении более 3 м, спускалась под углом около 30°. Со стороны рва выход был закрыт деревянной дверью, сохранившейся на полную высоту (рис. 5). Она имела размеры: 1,2 м в высоту и 1,1 м в ширину. Массивные железные накладки — жиковины с петлями обеспечивали ее соединение с притолокой. Сверху потайной ход был перекрыт бревнами, покрытыми листьями бересты. Потайной ход — сортия служил для выхода осажденных в ров при вылазках и отражении неприятеля. Неплохая сохранность двери объясняется тем, что она была присыпана землей. Это либо было сделано для ее маскировки, либо произошло произвольно из-за обрушения вала при штурме.

С внутренней стороны к южному фланку бастиона примыкали остатки прямоугольной постройки, погибшей в пожаре. Расположение постройки и обнаруженные в ней монеты королевы Кристины 1640-х гг. свидетельствуют о том, что она относится ко времени до строительства новых укреплений крепости в 1650–1660-х гг. Вероятно, ее гибель была связана со взятием Ниеншанца русскими войсками в 1656 г.

У левого фланка Карлова бастиона на высоте около 1,5 м над донной поверхностью рва была исследована деревянная платформа, служившая, вероятно, для ведения фланкирующего обстрела. Она опиралась на дерновый склон рва и на деревянные столбы, забитые в его дно. Протяженность платформы вдоль стенки рва составляла около 9,6 м, ширина около 2 м. В южной части платформа имеет следы значительных разрушений деревянных конструкций, среди которых имеются находки осколков мортирных бомб.

Наземные оборонительные сооружения крепости второй половины XVII в. — валы — на исследованном участке не сохранились. В заполнении рва прослеживаются три слоя. Нижний связан с заплыванием рва в период существования крепости. Два других слоя характеризуют два этапа его засыпки. Первый связан с разрушением крепости после взятия и, вероятно, представляет собой частично снелированные насыпи крепостных валов. Окончательно ров был засыпан слоем щепы уже в начале XIX в., когда на этой территории существовала Охтинская корабельная верфь. В заполнении рва были встречены находки разных эпох от неолитических каменных орудий и позднесредневековой белоглиняной керамики, свидетельствующих об освоении этой территории в глубокой древности, до предметов XIX в. Ко времени существования Ниеншанца относятся: фрагменты североευропейской керамики, голландских курительных трубок, кожаная и плетенная из бересты обувь, шведские монеты, ядра, картечь. Огромные осколки чугунных мортирных бомб были найдены

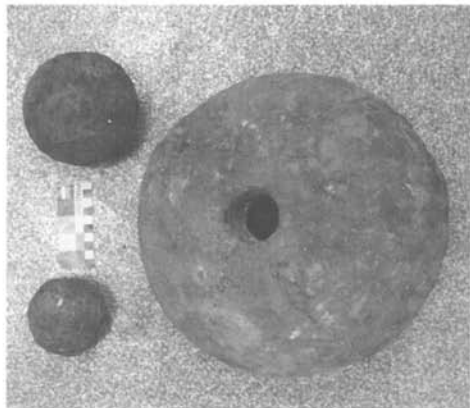

Рис. 6. Ядра и мортирная бомба

непосредственно на дне крепостного рва. Еще одна неразорвавшаяся бомба, диаметром 30 см и весом 71 кг была обнаружена в центральной части крепости. Они служат ярким свидетельством ожесточенного штурма ее русскими войсками в 1703 г. (рис. 6).

Несмотря на сведения найденных источников о полном уничтожении Ниеншанца, следы его укреплений на мысу между Невой и Охтой можно проследить на картах Петербурга XVIII–XIX столетий. Ниеншанц, к сожалению, не стал историческим памятником в Петербурге и был обречен на разрушение. Строительство здесь Охтинской верфи в XIX в. и Петрозавода в XX в. привело к окончательной нивелировке фортификационных сооружений. И до недавнего времени даже существование

каких-либо следов прошлого на этой территории ставилось под сомнение. В числе причин, повлиявших на уничтожение крепости, можно назвать как политические мотивы, так и общее отношение к историческим памятникам в прошлые столетия. Что касается нашего времени — это скептицизм по отношению к возможностям сохранения археологического слоя в условиях городской среды и неразвитость охранного законодательства.

Обнаруженные остатки фортификационных сооружений различного времени на Охте позволяют ставить вопрос об их музеефикации. Одним из активных борцов за сохранение этих бесценных для Петербурга свидетельств его предыстории является А. Н. Кирпичников.

Литература

- Беспярых* 1991 — Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991.
- Богданов* 1997 — Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб. 1997.
- Видекин* 2000 — Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М. 2000.
- Возгрин, Шаскольский* 1981 — Возгрин В. Е., Шаскольский И. П. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XII. Л. 1981.
- Гадзяцкий* 1941 — Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–58 гг. // Исторические записки. Т. 11. М. 1941.
- Гиппинг* 1909 — Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. Т. 1, 2. СПб. 1909.
- Горбатенко* 1997 — Горбатенко С. Б. Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России // Краеведческие записки. Вып. 5. СПб. 1997.
- Журнал 1770* — Журнал или поденная записка Петра Великого. Ч. I. СПб. 1770.
- Кальюнди, Кирпичников* 1975 — Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. // Скандинавский сборник. Т. XX. Таллин. 1975.
- Книга Марсова 1766* — Книга Марсова или воинских дел. СПб. 1776.

Лаппо-Данилевский 1913 — Лаппо-Данилевский А. С. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб. 1913.

Ласковский 1861 — Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб. 1861.

Линде 1872 — Линде Ю. И. Промыслы Охтинского пригорода. СПб. 1872.

Приамурский 1998 — Приамурский Г. Г. Санкт-Петербург и судьба Ниеншанца // Шведы на берегах Невы. Стокгольм. 1998.

Семенцов 2006 — Семенцов С. В. Типология населенных пунктов и дорог Приневья в XV–XVII вв. // Приневье до Петербурга. СПб. 2006.

Сорокин 1994 — Сорокин П. Е. Археологические исследования в устье реки Охты // Петербургские чтения. СПб. 1994.

Сорокин 1996 — Сорокин П. Е. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. Вып. 1. СПб. 1996.

Сорокин 2000 — Сорокин П. Е. Устье реки Охты — первоначальный поселенческий центр в низовье Невы // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб. 2000.

Сорокин 2001 — Сорокин П. Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб. 2001.

Сорокин, Поляков, Иванова, Михайлов, Лазаретов, Гусенцова, Гукин, Ахмадеева, Попов, Семенов 2009 — Сорокин П. Е., Поляков А. В., Иванова А. В., Михайлов К. В., Лазаретов И. П., Гусенцова Т. М., Гукин В. Д., Ахмадеева М. М., Попов С. Г., Семенов С. А. Археологические исследования в г. Санкт-Петербурге в устье реки Охты. СПб. 2009 (в печати).

Тимченко-Рубан 1901 — Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб. 1901.

Устрялов 1858 — Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого т. IV, ч. 1. СПб. 1858.

Шарымов 2004 — Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб. 2004.

Шаскольский 1987 — Шаскольский И. П. О судьбе архивных материалов города Ниеншанца // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII. Л. 1987.

Шаскольский 1993 — Шаскольский И. П. Старейшее известие о русском торговом селении на территории будущего Петербурга (начало XVII в.) // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб. 1993.

Шаскольский 1994 — Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб. 1994.

Шаскольский 1998 — Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб. 1998.

Эренсверд 1998 — Эренсверд У. Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы. Стокгольм. 1998.

Юль 1899 — Записки датского посланника Юста Юля. СПб. 1899.

Ahlberg 2005 Ahlberg N. Stadsgrundningar och planförändringar. Svensk stadsplaning 1521–1721. Upsala. 2005.

Bagrow, Kohlin 1953 — Bagrow L., Kohlin H. Maps of Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmö. 1953.

Blees 1938 — Blees J. Fastningen Nyenskans och Nyen. Norrlands Forsvar. 1938.

Bonsdorff 1891 — Bonsdorff C. Nyen och Nyenskans. Helsingfors. 1891.

Hipping 1836 — Hipping A. J., Neva och Nyenskans intill S:t Petersburgs anläggning: Historisk skildring. I. Helsingfors. 1836.

Jangfeldt 1997 — Jangfeldt B. Fran Landskrona till Nyenskans. St. Petersburg 1997.

Munthe 1906 — Munthe L. W. Kongl. Fortifikationens historia. II, Stockholm. 1906.

Munthe 1911 — Munthe L. W. Kongl. Fortifikationens historia. D. I. I.; D. II. Stockholm. 1911.

KrA-1 — Krigsarkivet SFP Osternsprovinserna Nyen. 1.

KrA-11 — Krigsarkivet SFP Osternsprovinserna Nyen. 11.

RAO 1652 — Riksarkivet, Osternsprovinserna. Livonika. Kartor № 2. 1652.

THE FORTRESS OF NYENSCHANTZ. SOME RESULTS OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

P. E. Sorokin

Nyenschantz (Swedish: *Nyenskans*) was founded by the Swedes in 1611 in the mouth of the Okhta River. In 1656 a Russian attack badly damaged the fortress. Soon, the Swedes built here a new fortress with five bastions and two gate ravelins which had existed until the beginning of the Northern War. Several plans of that fortress have survived.

In 1703, Nyenschantz was seized by Peter the Great's troops. There is evidence that immediately after the foundation of Petersburg, the fortress was destroyed. However, in the plans of Petersburg of the 18th — early 19th century, Nyenschantz is represented as before. Archaeological excavations conducted in 1993–2009 in the place of the south-eastern curtain of the fortress between the Dead and Charles's bastions have revealed the extant fortress ditch with turf linings resting on timber structures. A secret door (*sortie*) and a destroyed wooden platform for gun-firing were uncovered. Finds of balls, mortar bombs, grape-shot and bullets attest a fierce assault on the fortress.

During the planned house construction in that territory, it is very important to preserve the historical memory of Nyenschantz.

КТО ТАКОЙ УЛЬФБЕРТ?

Надпись VLFBERHT выявлена на многих клинках мечей эпохи викингов. В археологической литературе она обычно считается именем кузнеца. На клинках встречены и другие имена (INGELRII, CEROLT, ULEN, REX, ЛЮДОТА), но они более редкие, а часто — единичные. Только надписи VLFBERHT достаточно многочисленны для обсуждения написания имени, знаков на обратной стороне клинков, их хронологии и географии распространения. Все это позволяет вернуться к обсуждению того, кто такой Ульфберт.

К настоящему времени собрана информация о 166 клинках с надписью VLFBERHT, найденных на террито-

рии 24 европейских стран, включая современную Калининградскую область России — бывшую Восточную Пруссию (табл. 1). Информация эта разного качества — от короткого упоминания в литературе до детальной публикации, включающей технико-металлургические исследования мечей. Из 166 клинков всего 135 удовлетворительно зафиксированы для идентификации надписи и геометрических знаков на обратной стороне. В выявлении надписи и знаков особенно велика заслуга А. Н. Кирпичникова: он один обнаружил и зафиксировал около 40 клинков с надписями VLFBERHT и знаками: 7–9 в России, 2 на Украине, 10 в Швеции, 18–21 в Норвегии¹.

Варианты

Все надписи, без исключений, расположены в доле в верхней трети клинка, «написаны» так, что их носитель мог читать их, если держал меч левой рукой с наконечником направо. Почти перед всеми надписями помещен простой крест, второй крест часто размещается в конце надписи (перед или после последней буквы «Т»). Надписи VLFBERHT не составляют едино-

образную группу, что было отмечено уже в 1889 г. (Lorange 1889). Однако классификация вариантов и форм надписей, а также знаков на обратных

¹ Изучение мечей из Норвегии проводилось в 1997 г. в рамках российско-норвежского проекта, организованного Музеем наук при университете в Тронхейме при финансовой поддержке Норвежского совета по науке. Результаты этих исследований опубликованы пока только частично.

1. +VLFBERH+T	(46–51 ex.)	I	⊗	(29 ex.)
2. +VLFBERHT +	(18–23 ex.)	II	⊗ ⊗ ⊗	(8 ex.)
3. VLFBERH+T	(4–6 ex.)	III	⊗ ⊗ ⊗	(9 ex.)
4. *VLFBERH+T*	(1–2 ex.)	IV	⊗ ⊗ ⊗	(19 ex.)
5. + VLFBERHTT	(10 ex.)	V	⊗ ⊗ ⊗	(23 stk.)
6. +VLEBERHT +VLFBEHT + +VLFBERH + +VLFBERHT +VLFBERTH	(17 ex.)	VI	+ INGEFLRII + + VLFBERH+T C ⊗ ⊗ IINIOMINEDMN	(5 ex.)
7. non definable	(31–32 ex.)	VII	non definable	(6 ex.)

Рис. 1. Классификация надписей VLFBERHT и знаков на клинках

сторонах клинков, насколько мне известно, пока не проводилась (или, во всяком случае, не опубликована). Для дальнейшей работы я составила такую классификацию (рис. 1), которая была впервые представлена на международном конгрессе в Ирландии в 2005 г. На рис. 1 число вариантов дано в скобках; неточные числа зависят от того, что определение вариантов связано с сохранностью надписей и клинков или полнотой имеющейся в литературе информации.

Семь вариантов надписей и знаков могут создать впечатление об очень большой вариативности написаний. Но на самом деле имеются только два основных варианта надписи VLFBERHT — варианты 1 и 2, отличающиеся друг от друга только местом второго креста. Надписи вариантов 3 и 4 — редкие. Вариант 5 был выделен потому, что «Н» и «+» здесь не были кованы как отдельные знаки — их горизонтальные стержни сделаны одним стержнем через оба знака. Но может быть, следовало бы включить вариант 5 в вариант 1, так как порядок букв в

надписях одинаков. Вариант 6 состоит из 6 уникальных надписей. Вариант 7 включает надписи, которые либо плохо сохранились, либо недостаточно подробно документированы.

Наиболее многочисленными вариантами знаков на обратной стороне клинков являются варианты I, IV и V. Знаки вариантов II и III относительно редкие, при этом знаки варианта II являются неудачными подражаниями варианту I. Знаки варианта V менее точные, со стержнями, приваренными к клинку, их концы не смыкаются. Вариант VI включает 5 уникальных знаков; при этом пятый из них, не отмеченный на схеме, является простым четырехконечным крестом. Интересны две надписи варианта VI: на одной стороне клинка GB-3 имя +INGEFLRII+, на другой стороне +VLFBERHTCC+; оба имени написаны неправильно; на обеих сторонах клинка N-12 правильно написано имя VLFBERHT варианта 1. Клинок D-13 — единственный клинок с надписью VLFBERHT с явно христианской надписью на обратной стороне: +IINIOMINEDMN — «in nomine domi-

ni». Вариант VII включает 6 знаков, которые либо плохо сохранились, либо недостаточно подробно документированы.

При всей дробности выделенных вариантов как надписей, так и знаков на клинках мы должны констатиро-

вать поразительное единообразие в их оформлении — решительно преобладают два варианта надписей (1–2) и два-три варианта знаков (I, V, возможно, также IV). Трудно представить себе, что за таким единообразием не скрыта некая историческая реальность.

Хронология

Существующие хронологии клинков достаточно широкие. Кроме того, большинство клинков сохранилось недостаточно хорошо для того, чтобы можно было опираться в установлении хронологии их изготовления на размеры и форму. Мечи можно было бы датировать по сопутствующим им в погребениях вещам или по типам ру-

коятей (рис. 2), если считать, что мечи, состоящие из клинка и рукояти, изготавливались как единое целое и что старые рукояти не устанавливались на новые клинки. Разработка такой хронологии возможна прежде всего на основании изучения мечей из погребений в Норвегии и Швеции. Однако подобная хронология также имеет широкие

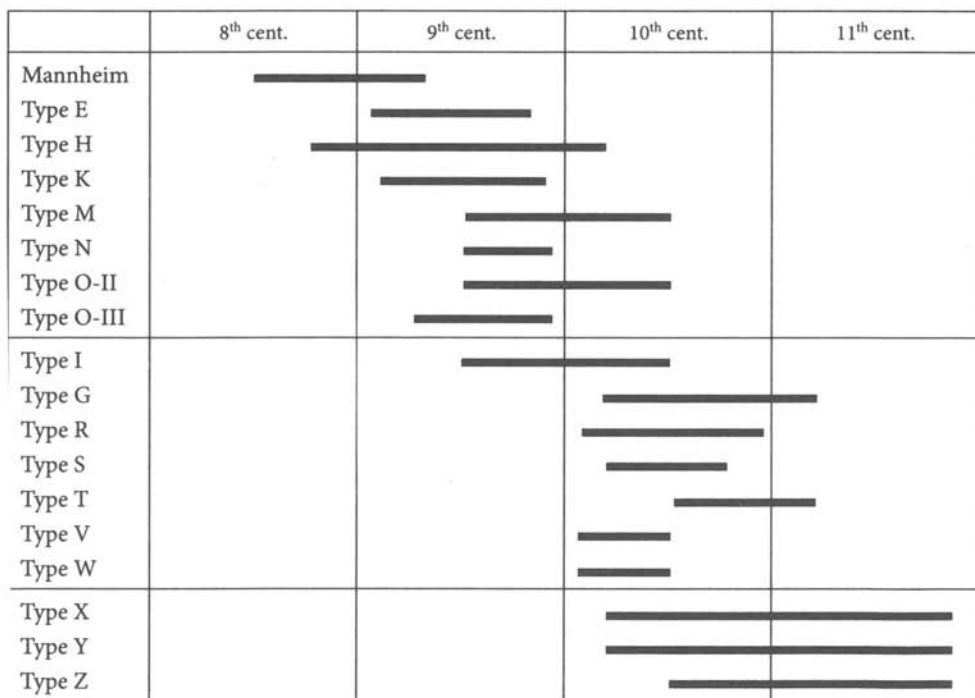

Рис. 2. Хронология рукоятей мечей с клинками с надписью VLFBERHT (Petersen 1919). Горизонтальные рубрики — фазы эпохи викингов

рамки, и, кроме того, погребения часто датируются именно по типологическим датировкам рукоятей, установленным Я. Петерсеном (Petersen 1919)².

Датировки Я. Петерсена, предложенные им для клинков с надписью VLFBERHT, на наш взгляд, требует проверки. Исследователь датировал эти клинки первой половиной X в. (Petersen 1919: 101, 131, 141, 148, 152). Однако сейчас известны мечи с клинками VLFBERHT и рукоятями, относящимися ко всем трем фазам эпохи викингов (табл. 2–4).

Разделение эпохи викингов на фазы, не принимая во внимание датиров-

ки каждого типа рукоятей, облегчает обсуждение. Из табл. 2–4 ясно следует, что клинки VLFBERHT со всеми вариантами надписей и знаков, за редким исключением, датируются всеми фазами эпохи викингов. Если эти датировки отражают действительность, то большое число клинков с надписью VLFBERHT производилось около 800 г. или в раннем IX в. и они были в употреблении в течение всей эпохи викингов, а рукояти периодически заменялись новыми, модными типами. Это значит, что клинки и рукояти мечей производились отдельно.

Географическое распространение находок

Решению вопроса о том, кем был Ульфберт, география распространения находок мечей не помогает, так как это распространение явно не отражает действительность. Из табл. 1 следует, что большинство мечей найдены в языческой Европе. Только 16–19 мечей найдены на территории Каролингской империи: Бельгия — 2, Швейцария — 1, Германия — 7 (10?), Испания — 1, Франция — 1, Италия — 1, Нидерланды — 3. Еще шесть мечей происходят с территории христианских Англии (4) и Ирландии (2). Vlfberht — франкское имя, «написано» латинскими, каролингскими буквами, что локализирует производство клинков в пределах Каролингской империи. Распространение же находок отражает погребальные обряды и деятельность исследователей. В христианской Европе нельзя было поме-

щать вещи в погребение, в то время как в языческих землях в погребения клали предметы, необходимые умершему в потусторонней жизни. Погребальные обряды особенно роскошны в Норвегии, чем и объясняется богатство находок мечей в Норвегии³. Целенаправленные поиски клинков VLFBERHT (А.Н.Кирпичников, J. Leppäaho в Финляндии) увеличили их число. Несомненно, много клинков с надписью VLFBERHT в Европе еще ждут своего раскрытия.

² Предлагались и иные типологии рукоятей мечей, однако типохронология Я. Петерсена до сих пор остается «lingua franca», употребляемым по всей Европе.

³ В музеях Норвегии хранится не меньше 2500 двулезвийных мечей и несколько сотен однолезвийных (около четверти всех мечей эпохи викингов в Норвегии однолезвийные; они считаются норвежского производства).

Загадочный Ульфберт

Традиция подписывать клинки франкским именем Ульфберт, написанным каролингскими буквами, возникла в Франкской империи при каролингских императорах (об имени см., напр.: Lorange 1889: 15 и сл.; Jankuhn 1951: 217 и сл.). Имя *Vlfberht/Ulfberht* в данном правописании в современных франкских источниках неизвестно (ср. Jankuhn 1951: 218 и сл.). Франкская форма имени *Wulfberht* без начальной буквы «W» лингвистически является скандинавской формой: начальная буква «W» около 800 г. исчезла в Скандинавии, но сохранилась в Германии⁴. Профессор лингвистики Норвежского университета по технологическим и естественным наукам (Тронхейм) Finn-Henrik Aag в личной информации указал на то, что нет ни фонологической, ни орфографической разницы между написаниями *Vlfberht/Ulfberht* и *Wulfberht* — оба написания звучали как польский полугласный «ǫ».

В Каролингской империи было много диалектов и написаний. В книге братства аббатства Санкт Галлен (Швейцария) *Libri Confraternitatum Sancti Galli* (Piper 1884) имеется несколько написаний имени IX–XI вв.: *Uolfberht*, *Uolfbernt*, *Uolfbernus*, *Uolfberht/Wolfbert*, *Uolfbertus/Wolfbertus*. Эти лица тесно связаны с аббатством Санкт Галлен, они упоминались в молитвах — монахи, аббаты, основатели и благодетели. В 802 г. мужчина подарил *villa* одному аббату на нижнем Рейне, для подаяния себе и отцу *Wulfberti* — родительный падеж имени *Wulfbertus* (Jankuhn 1951: 218). Разница между этими по-разному написанными именами

и надписью на клинках должна быть исследована языковедами⁵.

Археологи считают Ульфберта кузнецом. Однако я не видела в литературе достаточной аргументации в пользу этого предположения. На мой взгляд, неправдоподобно, что *Ulfberht* был кузнецом, по двум причинам. Первая из них — хронология мечей. Как показано на рис. 2, многочисленные клинки с надписью *VLFBERHT* были либо все произведены в раннем IX в., либо они производились в течение всей эпохи викингов. Не известно, сколько мечей с надписью *VLFBERHT* было выковано, но их были много: даже без учета того, что пока далеко не все сохранившиеся мечи эпохи викингов в Европе исследованы, сейчас известно не менее 166 мечей. Если намек профессора Heiko Steuer на то, что к настоящему времени найдена одна тысячная часть прежде существовавших клинков, близок к истине (Steuer 1999: 408), то за короткий срок было выковано более 160 тысяч клинков, помеченных надписью *VLFBERHT*. Представляется совершенно невероятным, чтобы все эти клинки изготовил один кузнец: он не мог жить три века или не успел бы выковать столько клинков.

Вторая причина: надпись Ульфберта — это кузнечная марка или подпись («сигнатура»). Даже при каролингском Возрождении, когда господствующие классы и духовенство обучались чи-

⁴ Личная информация от рунолога Aud Beverfjord (Норвежский университет по технологическим и естественным наукам, Тронхейм) и профессора нордистики того же университета Jan Ragnar Hagland.

⁵ Разные написания можно отыскать в *Libri Confraternitatum* других аббатов.

тать и писать, невероятно, что кузнецы были грамотны. На мечах с именем Ульфберта помещена надпись, или подпись, что является сильным аргументом за то, что Ульфберт был грамотным человеком. Но грамотные лица не работали за наковальней (если, конечно, грамотный человек не стал рабом). Возможно, что Ульфберт был начальником, инспектором или контролером значительного производства клинков, может быть аналогично *missi dominici* Карла Великого. Профессор нумизматики Норвежского университета технических и естественных наук в Тронхейме Jon Anders Risvaag указал в личной информации на любопытную аналогию с деятельностью мастеров-чеканщиков Средневековья — они имели разрешение от короля чеканить монеты (либо находились на службе у короля), отвечали за форму, надписи и качество и помещали на монету свое имя, но сами монеты не чеканили, а использовали труд своих слуг. Возможно, нечто подобное мы можем предположить и для процесса изготовления клинков с надписью VLFBERHT.

Не исключено, что ключ к пониманию того, кем был Ульфберт, скрывается в самой надписи. Перед всеми надписями VLFBERHT, кроме 6 надписей варианта 3, стоит крест. Во всех надписях (кроме очень редких надписей варианта 6) есть и второй крест, помещенный или в самом конце надписи, или перед последней буквой «Т». В одной (возможно, в двух) надписях имеются три креста: начальный, перед и после конечной буквы «Т». Кресты имеют значение, иначе кузнецы не приварили бы их почти ко всем клинкам. Большинство крестов — это простые кресты

греческого типа, только один, может быть, два — костыльные кресты (N-18; может быть, и S-17). Но единообразие более поразительно, чем разнообразности. Возможно, именно крест перед надписями является ключом к положению Ульфберта. Перед именами и подпиями римско-католических аббатов, епископов и также монастырей стоял, и стоит, простой, греческий крест того же размера, как буквы, точно как +VLFBERH+T. Епископ в Осло Bernt Eidsvig любезно ответил на мои вопросы о прелатах и сообщил, что крест перед именами аббатов и епископов связан с юрисдикцией, а не с освящением епископов⁶. Владыка точно не знает историю креста, но осторожно предполагает, что традиция восходит к реформам папы Григория Великого (†604 г.).

Это чрезвычайно важное сообщение, так как епископы и аббаты были также аристократами и военачальниками. Оружие — от баллист до копий и мечей — могло производиться в поместьях епископов и в больших аббатствах, таких, как Санкт Галлен (Швейцария), Лорш, Фулда, Корби (Германия), Санкт Рикер, Санкт Квентин (Франция), Боббио, Винченсо ал Волжерно (Италия) и других (Verhulst 2002: 78 и сл., 84). Кузнецы, жившие в поместьях аббатств или аристократов, могли платить за аренду земли изготовленным ими оружием. Я не утверждаю, что Ульфберт был епископом или аббатом, но крест может указывать на то, что он занимал какое-то положение в церковной или монастырской иерархии.

⁶ Перед именами монастырей тоже ставился крест. Но Vlfberht не может обозначать монастырь, так как не является названием места (Jankuhn 1951:217).

Однако подписи с начальным крестом действительно известны в современных, каролингских источниках. Архивариус архива бывшего аббатства Санкт Галлен (Швейцария) обратил внимание на подписи в документах в аббатском архиве (о дарах, о продаже земель и т. п.) IX в.⁷ Заказчики текста (продавцы, дарители и т. п.), писцы и свидетели подписывали документы «+signum Rodperti presbiteri» или «signum + Benedinct teste». Эти лица могли быть и миряне и клирики⁸. Второй крест в имени, возможно, указывает на иное положение Ульфберта по сравнению с епископом или аббатом, например — «мастер производства мечей» (не «кузнец мечей»). Архивариус в бывшем аббатстве Санкт Галлен в документах не видел имена с вторым крестом (Bruckner, Marichal 1956).

Надо иметь в виду и возможность того, что две главных и наиболее частых надписи (варианты 1 и 2) могут указывать на двух лиц, носивших имя Vlfberht и занимавших одинаковое положение в производстве клинков.

Следует также обратить внимание на то, что и другие надписи на клинках имеют начальный крест (Geibig 1991: 195): уникальные +Leutlrit и +Pulfbri/+Pulfbri (Кирпичников 1966: табл. XVII, 4;

Bergman, Kirpičnikov 1998: Abb. 2, 2); надпись +IINIOMINEDMN на обратной стороне меча с надписью VLFBERHT (Herrmann, Donat 1985: 376). Кресты, возможно, указывают на то, что эти лица находились в той же должности, что и Ульфберт. В других надписях — таких, как большинство надписей Ingelrii, дважды зафиксированной надписи Cerolt и уникальной надписи Ulen, — нет крестов (T17462, прорисовка А. Н. Кирпичникова; Кирпичников 1966: табл. XIII, 3, VIII, 2).

Значение геометрических знаков на обратных сторонах клинков не ясно. По предположению некоторых исследователей, они могут обозначать кузницы (Jankuhn 1951: 216; Müller-Wille 1971: 81). Аналогичные и идентичные знаки известны на клинках без надписей, часто — со знаками на обеих сторонах (Müller-Wille 1971: 81; неопубликованные прорисовки клейм на мечах из Норвегии, открытых и исследованных А. Н. Кирпичниковым). Эти знаки выполнены весьма тщательно и явно должны были иметь самостоятельное значение. К сожалению, археологи пока не уделили им должного внимания. Представляется, что изучение этих знаков — отдельная и важная задача будущих исследований.

Кузнецы

Если Ульфберт и другие грамотные мужчины не сами приварили свои имена и знаки к клинкам, то кто это сделал? Один ответ напрашивается —

рабы. Энергия рабов активно использовалась в Каролингской империи. Торговля рабами имела грандиозные масштабы не только внутри империи: рабы продавались в огромном количестве в Арабскую Испанию и на Ближний Восток (Verlinden 1955; 1970; 1977; Verhulst 2002: 105 и сл.; McCormick 2001), а так-

⁷ Факсимильное издание см.: Bruckner, Marichal 1956.

⁸ Подобные документы из других аббатств опубликованы и требуют дальнейших исследований.

же ввозились из многих стран, в том числе — из славянских. Рабы работали в поместьях («demesnes») аристократии и церкви, служили солдатами и ремесленниками (Verhulst 2002: 34 и сл., 105 и сл.; Bachrach 2001: 53, 76; Verlinden 1955; 1977). Алькуин, англосаксонский советник Карла Великого, был аббатом четырех аббатств, в которых работало более 20 тысяч рабов (Duby 1974: 86). В 822 г. эмир в Кордове купил 5 тысяч рабов для своих войск, администрации и гарема (Steuer 1999: 410).

Невероятно, что раб-кузнец был грамотным, — образованные элитные рабы не работали в кузницах. Во всяком случае, некоторые кузнецы, принадлежащие монастырям, платили аренду оружием собственной работы, в одном случае — 7 копий ежегодно (Bachrach 2001: 93). Использование труда неграмотных рабов в кузницах объясняет, почему надпись VLFBERHT на клинке одного из самых ранних мечей (из Маннхейма, D-8) неправильно написана — +VLFBEHT+, «R» отсутствует. Неграмотный раб мог легко пропустить одну букву, а приваренную надпись нельзя исправить. Клинок из Маннхейма, вернее всего, подлинный клинок с надписью VLFBERHT, изготовленный рабом под наблюдением Ульберта⁹.

Против мнения о том, что клинки ковали рабы, а не носители имен на

клинках, свидетельствует то, что к четырем из надписей Ingelrii добавлено слово «fecit» (сделал): Ingelrii fecit, Ingelrii feci, +Ingelrii me fecit+. Кроме того, на клинке из Украины на одной стороне приварена надпись «Людота», а на другой стороне — «коваль»: *Людота ковал*; А. Н. Кирпичников датировал этот меч первой половиной XI в. (Кирпичников 1966: 84 и сл., № 87). Однако слова «me fecit» не добавлены ни к одной надписи VLFBERHT. Возможно, что Ingelrii и Ульфберт работали в других обществах или в по-разному организованных производствах.

Можно возразить, что кузнецы занимали особое положение в обществе и, следовательно, не могли быть рабами. Действительно, в некоторых обществах кузнецы имели особое положение, но это не упоминается в известной мне литературе об обществе в Каролингской империи. Наоборот, согласно *Capitulare de Villis vel Curtis Imperialibus*, написанному около 800 г., «каждый заведующий должен иметь в своей области хороших ремесленников, то есть кузнецов», а далее упоминается большое число других ремесленников, среди них — серебро- и златокузнецы. Заведующий же должен подавать ежегодные сведения о доходах, в том числе — доходах от кузниц (Loyn, Percival 1976: 70; 72).

Итоги

Конкретное обсуждение клинков с надписью VLFBERHT, их датировки и числа, логично приводит к сомнению в том, что

Ульфберт был одним кузнецом: в этом случае он жил два-три столетия и изготовил невероятно большое число клин-

⁹ Такое рассуждение позволяет вновь вернуться к вопросу о подражаниях и/или фальсификациях клинков: по форме надписи трудно сказать, является ли подписной клинок тем или дру-

гим — только тщательное изучение кузнечной техники может выявить различия между подлинными клинками и фальсификациями/подражаниями.

ков. Надпись показывает, что Ульфберт был грамотным человеком. Анализ общества Каролингской империи логично приводит к тому, что грамотный человек вряд ли работал у наковальни, там служила энергия неграмотных рабов. Производство оружия было под строгим контролем государя и происходило, скорее всего, под контролем епископов, прежде всего — в больших аббатствах.

Крест перед именем Ульфберта делает вероятным то, что Ульфберт занимал заметное положение в церковной или монастырской иерархии либо в церковной или монастырской промышленности. В личности Ульфберта останется много неясного, но можно утверждать, что Ульфберт был не кузнецом, а, вероятнее всего, заведующим или контролером клинкового производства.

Таблица 1. Клинки VLFBERHT в Европе

Место находки. Буквы перед номером мечей — коды стран (ISO 3166)	Надпись / знак	Типы рукоятей и фазы эпохи викингов, по: (Petersen 1919)		
		Ранняя	Средняя	Поздняя
B-1. Маас, В, NL или D	1			X
B-2. Themse, Scheldt	6 / VI			Xп
BY-1. ?			V	
CH-1. Marin, озеро Neuchâtel	1 / II			X
CZ-1. Letoměřice	3			Y
CZ-2. St.Veits кафедральный клад	7 / I		T	
D-1. Frankfurt-Höchst	6 / I			X
D-2. *Haithabu	7		W	
D-3. Hamburg; Elben	1 / II			X
D-4. Hamburg, Grasbrook; Elben	1 / I		R	
D-5. Holzheim, Donau-Ries	1 / V			X
D-6. Karlsruhe, Rhein	1 / VII			Y
D-7. *Alt-Galow, Oder	1 / V			X
D-8. Mannheim, Altrhein	6 / II	Mh		
D-9. Speyer, Rhein	2 / V	Mh		
D-10. ?	1 / V			X
D-11. ?	7			X
D-12. ?	1 / I			X?
D-13. *Espenhain, Sachsen	7 / VI			Xп
DK-1. Rosenlund, о. Fyn	7		S	
DK-2. Jørlunde, о. Sjælland	1 or 2		V	

Место находки. Буквы перед номером мечей — коды стран (ISO 3166)	Надпись / знак	Типы рукоятей и фазы эпохи викингов, по: (Petersen 1919)		
		Ранняя	Средняя	Поздняя
DK-3. Fed, Jylland	7		S	
E-1. ?	2 / V			X
EST-1 Pihlta, o. Saaremaa			T	
EST-2 Vajke-Maarja, rajon Rakvere	1			
EST-3 Остров Saaremaa	6			
EST-4 Остров Saaremaa	1 или 2 / I	H		
EST-5 Остров Saaremaa	6 / VII	E		
EST-6 ?				
EST-7 Raudvere, o. Saaremaa	1 / III		T	
EST-8 Rajon Kingisepp, o. Saaremaa	1 или 6-7 / I		T	
EST-9 Остров Saaremaa				Z
F-1 Nantes, Loire				Xп
FIN-1 Hattula, Eg. Tavastland	1 / I			
FIN-2 Kumo, Satakunda	7 / ?			
FIN-3 Vammala, Satakunda	7 / ?		I	
FIN-4 Eura, Satakunda	1 / ?			X
FIN-5 Virmo, Egentliga Finland	1 / ?			
FIN-6 Tammerfors, Birkaland	? / ?			
FIN-7 Letala, Egentliga Finland	1 / ?			
FIN-8 Tavastehus, Eg. Tavastland	1 / ?			Y
FIN-9 Hollola, Päijänne-Tavastl	5 / ?			
FIN-10 Valkeakoski, Birkaland	6 / ?		T	
FIN-11 Vesilax, Birkaland	2			
FIN-12 Vesilax, Birkaland	6 / ?			
FIN-13 Eura, Satakunda	1	M		
FIN-14 Tavastehus, Eg Tavastland	2 / ?	H		
GB-1 TenfootBridge, Thames	3			Z
GB-2 Battersea, London, Thames	7 / ?			X
GB-3 Stanground, Cambrsh, Nene	7 / ?	N		

Место находки. Буквы перед номером мечей — коды стран (ISO 3166)	Надпись / знак	Типы рукоятей и фазы эпохи викингов, по: (Petersen 1919)		
		Ранняя	Средняя	Поздняя
GB-4 Chertsey, Surrey	7		S	
HR-1 Biskupija Crkvina,	2	OIII		
HR-2 Prozor, Ličko-Senska	7	OIII		
I-1 ?	7 (?)			
IRL-1 Ballinderry, West Meath	2 / IV	K		
IRL-2 Island-Bridge, Dublin	6	H		
IS-1 Hrafnkeldalur, Jökudalshrp			V	
IS-2 Hafurbjarnasstaðir, Miðneshp	7 / VII		V	
LT-1 Martyniškiai, rajon Joniškia			S	
LT-2 Paalksniai, rajon Varniai				
LV-1 Vecsaulēc Čapanai, Bauskēs	2 / V			Y
LV-2 Salaspils, rajon Rīgas	1 / III			Z
LV-3 Aizkrauklē, rajon Stučkos	1 / I		T	
LV-4 Aizkrauklē, rajon Stučkos	7 / IV			X
LV-5 Mežotnē, rajon Bauskēs	5 / III	H		
LV-6 Vampeniēšcius, rajon Rīgas				
LV-7 Aizkrauklē, rajon Stučkos				Z
N-1 Hedrum, Vestfold	1 / I			
N-2 Balestrand, Sogn og Fjordane	7			
N-3 Etne, Hordaland	1 / II		R	
N-4 Gaular, Sogn og Fjordane		H		
N-5 Vik, Sogn og Fjordane	1 / III		R	
N-6 Stryn, Sogn og Fjordane	1 / II	H		
N-7 Hemne, Sør-Trøndelag	1			
N-8 Fjaler, Møre og Romsdal	1 / III	H		
N-9 Eid, Sogn og Fjordane	6 / IV	H		
N-10 Tysnes, Hordaland	2 / IV	OIII		
N-11 Osterøy, Hordaland	1		V	
N-12 ?	6 / VI		R	

Место находки. Буквы перед номером мечей — коды стран (ISO 3166)	Надпись / знак	Типы рукоятей и фазы эпохи викингов, по: (Petersen 1919)		
		Ранняя	Средняя	Поздняя
N-13 Steinkjer, Nord-Trøndelag			S	
N-14 Stange, Hedmark	7		T	
N-15 Tjølling, Vestfold		N		
N-16 Tjølling, Vestfold	2 / V	H		
N-17 Hamar, Hedmark	5 / V		S	
N-18 Hole, Buskerud	4 / V			Z
N-19 Tinn, Telemark	1			Z
N-20 Kvitseid, Telemark	1		Q	
N-21 Hedrum, Vestfold	2 / V		Q	
N-22 Rygge, Østfold	5 / I	OII		
N-23 Rygge, Østfold	3 / IV			п
N-24 Toten, Oppland	1		R	
N-25 Rollag, Buskerud	1 / I		Q	
N-26 Tjølling, Vestfold	7	H		
N-27 Vanse, Vest-Agder	7 / IV		S	
N-28 Middle Norway (?)	1 / I		I	
N-29 Middle Norway (?)	6 / I			Y
N-30 Melhus, Sør-Trøndelag	1 / IV	K		
N-31 Vikna, Nord-Trøndelag	1,3,7 / IV			X
N-32 Stjørdal, Nord-Trøndelag	5 / IV		I	
N-33 Åfjord, Sør-Trøndelag	5 / V	H		
N-34 Verran, Nord-Trøndelag	7 / V	H		
N-35 Overhalla, Nord-Trøndelag	1, 3 / V	H		
N-36 Stangvik, Møre og Romsdal	5	H		
N-37 Levanger, Nord-Trøndelag	1 / IV	H		
N-38 Inderøy, Nord-Trøndelag	2		V	
N-39 Brønnøy, Nordland	2 / V	H		
N-40 Stjørdal, Nord-Trøndelag	1 / V	Mh		
N-41 Steinkjer, Nord-Trøndelag			R	

Место находки. Буквы перед номером мечей — коды стран (ISO 3166)	Надпись / знак	Типы рукоятей и фазы эпохи викингов, по: (Petersen 1919)		
		Ранняя	Средняя	Поздняя
N-42 Oppdal, Sør-Trøndelag	1 / III		I	
N-43 Oppdal, Sør-Trøndelag	5		V	
N-44 ?	1 / I		S	
NL-1 Lith, Waal		H		
NL-2 ?, Rheine	1, 2 / V	H		
NL-3 Nijmegen, Waal(?)	7 / I			
PL-1 Awajaki, Paslek	6 /		T	
PL-2 Brześć Kujawski, Włocławek				Z
PL-3 Luknajo, Mragowo				
PL-4 Nowa Wioska, Świebodzin			S	
PL-5 Sadkowo, Braniewo	6			Y
PL-6 Oder?			S	
PL-7 ?				Y
RUS-1 под Новгородом	5 / I			X
RUS-2 Кашина, ю-в Приладожье	7 / I		V	
RUS-3 Кашина, ю-в Приладожье			V	
RUS-4 Тимерево, Ярославская обл.	2 / IV	E		
RUS-5 Гнездово, Смоленская обл.	3 / VI	E		
RUS-6 Гнездово, Смоленская обл.				
RUS-7 = BY-1			V	
RUS-8 Рокот, Смоленская обл.	7 / IV	E		
RUS-9 Залющик, ю. в Приладожье			I	
RUS-10 Салман, Татарстан			S	
RUS-11 Болгар, Татарстан	6 / I	H		
RU-12 Wiskiauten, Kr. Samland			V	
RU-13 Wiskiauten, Kr. Samland	7 / I	H		
RU-14 Wiskiauten, Kr. Samland				X
RU-15 Suvorovas, Kr. Welhau			W	
RU-16 Rřevskoje (Linkunen), Вост.Прус	7		T	

Место находки. Буквы перед номером мечей — коды стран (ISO 3166)	Надпись / знак	Типы рукоятей и фазы эпохи викингов, по: (Petersen 1919)		
		Ранняя	Средняя	Поздняя
RU-17 Rřevskoja (Linkunen), Вост.Прус	7 / V			X
RU-18 Kaup (Wiskiauten) Вост.Прус			V	
RU-19 Kaup (Wiskiauten) Вост.Прус		H		
RU-20 Rřevskoja (Linkunen), Вост.Прус				
RU-21 Rřevskoja (Linkunen), Вост.Прус				
RU-22 Rřevskoja (Linkunen), Вост.Прус				
RU-23 Rřevskoja (Linkunen), Вост.Прус				
S-1 Hogrån, Gotland	1	H		
S-2 Skog, Ångermanland	2 / IV			X
S-3 Hille, Gästrikland	1 / I	H		
S-4 Adelsø (Birka), Uppland	2 / V	H		
S-5 Vestergarn, Gotland	2? / III	H		
S-6 Eskelhem, Gotland	2 / IV	H		
S-7 Västland, Uppland	2? / III	H		
S-8 Vallstena, Gotland	7 / IV			
S-9 Hedesunda, Gästrikland	6 / V			
S-10 Österfärnabo, Gästrikland	6 / V	O		
S-11 Valbo, Gästrikland	7 / IV		V	
S-12 Dalarna, Svealand	5 /		V	
S-13 ?	2 / III		I	
S-14 Halla, остров Gotland	7 /	H		
S-15 Halla, остров Gotland	7 /	H		
S-16 Hulterstad, остров Öland	1 / I			
S-17 Hulterstad, остров Öland	4? / I			
UA-1 Херсон, р. Дніпро	1 /		T	
UA-2 Красный Рог, Киевская обл.	1 / V	H		
UA-3 Шестовиця, Чернігівська обл.	1 / I		V	
UA-4 о. Хортица, Днепровские пороги	1 / II		S	
UA-5 о. Хортица, Днепровские пороги	1 / I		S	
UA-6 о. Хортица, Днепровские пороги	7 / VII		T	

Таблица 2. Хронология вариантов надписей VLFBERHT

Варианты надписей	Фазы эпохи викингов		
	Ранняя	Средняя	Поздняя
1	11	20	13
2	15	4	3
3	1 или 2	0	4 или 3
4	–	–	–
5	4	4	1
6	6	4	4

Таблица 3. Хронология вариантов знаков на обороте клинков

Варианты знаков	Фазы эпохи викингов		
	Ранняя	Средняя	Поздняя
I	5	11	5
II	2	2	2
III	4	4	1
IV	7	4	4
V	11	2	9

Таблица 4. Хронология сочетания вариантов надписей и знаков

Надпись / знак	Фазы эпохи викингов		
	Ранняя	Средняя	Поздняя
1 / I	2	8	2
1 / II	1	2	2
1 / III	1	3	1
1 / IV	2	0	1
1 / V	3	0	4
2 / I	1	0	0
2 / II	–	–	–
2 / III	2	1	0
2 / IV	6	0	1
2 / V	4	1	2

Окончание таблицы 4

Надпись / знак	Фазы эпохи викингов		
	Ранняя	Средняя	Поздняя
3 / I	-	-	-
3 / II	-	-	-
3 / III	-	-	-
3 / IV	0	0	2
3 / V	1	0	0
4 / I	-	-	-
4 / II	-	-	-
4 / III	-	-	-
4 / IV	-	-	-
4 / V	0	0	1
5 / I	1	0	1
5 / II	-	-	-
5 / III	1	0	0
5 / IV	0	1	0
5 / V	1	1	0
6 / I	1	1	1
6 / II	1	0	0
6 / III	-	-	-
6 / IV	1	1	0
6 / V	1	0	0

Литература

Кирпичников 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.

Bachrach 2001 — Bachrach B. S. Early Carolingian warfare. Prelude to empire. Pennsylvania. 2001.

Bergman, Kirpičnikov 1998 — Bergman L. T., Kirpičnikov A. N. Neue Untersuchungen von Schwertern der Wikingerzeit aus der Sammlung des Staatlichen Historischen Museums in Stockholm // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster. 1998.

Bruckner, Marichal 1956 — Bruckner A., Marichal R. (ed.). Chartae Latinae antiquiores. facsimile-edition of the Latin Charters prior to the ninth century. Part II. Olten; Lausanne. 1956.

Duby 1974 — Duby G. The Early Growth of the European Economy. New York. 1974.

Geibig 1991 — Geibig A. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter // OFFA-bücher. Band 71. Neue Folge 71. Neumünster. 1991.

Herrmann, Donat 1985 — Herrman J., Donat P. (Hrsg.). Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. — 12. Jahrhundert). 4. Berlin. 1985.

Jankuhn 1951 — Jankuhn H. Ein Ulfberht-Schwert aus der Elbe bei Hamburg // Festschrift für Gustav Schwantes. Neumünster. 1951.

Lorange 1889 — Lorange, A. L. Den Yngre Jernalders Sværd. Bergen. 1889.

Loyn, Percival 1976 — Loyn H. R., Percival J. The Reign of Charlemagne. Documents on Carolingian Government and Administration. New York. 1976.

McCormick 2001 — McCormick M. Origins of the European Economy. Communications, and Commerce A. D. 300–900. Cambridge. 2001.

Muller-Wille 1970 — Muller-Wille M. Ein nenes ULFBERHT-Swert aus Hamburg // Offa 27. Neumünster. 1970.

Petersen 1919 — Petersen J. De Norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben // Skrifter utgit av Videnskapsselskapet i Kristiania. Hist.-fil. Klasse. no. 1. 1919.

Piper 1884 — Piper P. (Hrsg.). Libri Confraternitatum Sancti Galli Augiensis Fabariensis // Monumenta Germaniae Historica. Berolini apud Weidmannos. Berlin. 1884.

Steuer 1999 — Steuer H. Handel und Wirtschaft in der Karolingerzeit // 799. Kunst und Kultur der Karolingerzeit. Karl der Grosse und Papst Leo III in Paderborn. Beiträge zum Katalog der Ausstellung Paderborn 1999. Mainz. 1999.

Verhulst 2002 — Verhulst A. The Carolingian Economy. Cambridge. 2002.

Verlinden 1955 — Verlinden. C. L'esclavage dans l'Europe medievale. Vol I. Peninsule Iberrique-France. De Tempel. Bruges et Ghent. 1955.

Verlinden 1970 — Verlinden Ch. Wo, wann und warum gab es einen Grosshandel mit Sklaven während des Mittelalters? // Kölner Vorträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, heft. 11. Herausgegeben vom Forschungsinstitut für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte an der Universität zu Köln. Köln. 1970.

Verlinden 1977 — Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe medievale. Vol II. Italie, Colonies Italiennes du Levant, Levant latin, Empire Byzantin. Bruges et Ghent. 1977.

WHO WAS ULFBERHT?

A. Stalsberg

According to common notion, Ulfberht, whose name (Vlfberht) is found on a number of Viking Age sword blades, was a blacksmith in the Carolingian Empire, where he obviously lived in the early 9th century when the first blades inscribed with his Frankish name in Carolingian letters were made. In this article it is disputed that Ulfberht was a blacksmith. Indeed, blades with his signature were used throughout the three centuries of the Viking Age, and so far 166 their examples are known, which are only part of the blades once existing. It is therefore improbable that *one* blacksmith has forged all these blades. It is also argued that Ulfberht had a signature and obviously was a literate man, and it seems unlikely that a literate man would have worked in a smithy together with slaves. It is argued that Ulfberht may have been an overseer of the blade production, and the initial cross in his signature may indicate that he was working in an abbey or episcopal residence where weapons in the Carolingian Empire were produced. The signatures of abbots and bishops bore an initial cross, but the second cross in the VLFBERHT signature may indicate that he possibly held an ecclesiastical position. Anatoliy N. Kirpichnikov has greatly improved the basis for the studies concerned with Ulfberht through discovering and documenting forty two VLFBERHT signatures in addition to the ninety three previously known from twenty three European countries.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С МЕЧАМИ В КУРГАНАХ ИЖОРСКОГО ПЛАТО

(по материалам раскопок Л. К. Ивановского)

Известно, что захоронения с мечами в древнерусских могильниках достаточно редки. Помимо широко известных дружинных курганов раннего Средневековья и единичных княжеско-боярских погребений в соборах Новгорода и Пскова, выделяются погребения с мечами, совершенные в рядовых сельских могильниках XI–XIII вв. Сосредоточены они преимущественно на окраинных территориях Руси, граничащих с инокультурным окружением, — на финно-угорском севере, балтском западе и степном юге. Один из таких пограничных микрорегионов — Ижорская возвышенность. Расположена она на западе современной Ленинградской области, в зоне интенсивных контактов славяно-русского населения с коренными прибалтийско-финскими народами Северо-Запада России — водью, ижорой, карелами и ближайшими западными соседями — эстами.

Погребения с оружием в рядовых сельских могильниках Руси на сегодняшний день исследованы недостаточно. Единственная специальная работа, посвященная «дружинным курганам» XI–XIII вв., принадлежит М. Х. Алешковскому. Автор делает акцент на типологии древнерусских топоров и проблеме выделения боевых разновидно-

стей. Вопрос о мечах в статье затронут вскользь (Алешковский 1960: 85).

Мечи в курганных древностях XI–XIII вв., как справедливо отметил А. Н. Кирпичников, попадаются лишь в виде исключения (Кирпичников 1966: 50). Из учтенных на 1966 г. 15 находок мечей в погребениях рассматриваемого периода 13 происходят из курганов Ижорского плато.

Обо всех этих находках имеются сведения в литературе. Это одна случайная находка 1959 г. из разрушенного кургана у деревни Мануйлово под Кингисеппом (Кирпичников 1966: 84–85, № 1; 91, № VII) и 12 мечей из раскопок Л. К. Ивановского 1872–1892 гг. (Спицын 1896: 34; Кирпичников 1966) в следующих комплексах: Мутаюля, курганы 5, 11, 17; Тяглино, курган 7; Яблоницы, курган 9; Смердовицы, курган 24; Хотыницы, курганы 11, 24, 59; Старо-Сиверская II, курган 14; Межно, курганы 10, 11.

Встреченные в литературе указания на еще две находки из тех же раскопок сомнительны. Меч из Гатчины (Aspelin 1878: 235, № 1131), по всей видимости, происходит из другого пункта в ее окрестностях. В «Древностях Ингрии» Аспелина (Aspelin 1878) Гатчина фигурирует как общее указание на район

раскопок, после которого следует название конкретного могильника (ср. Gatschina. Staro-Siverskaya и др.). В подписи к рисунку № 1131 указание на конкретный могильник отсутствует — очевидно, мечи были депаспортизованы уже тогда, в период подготовки издания, и Аспелин ограничился подписью «Гатчина». В Гатчине действительно есть курганный могильник, впервые зафиксированный в 1932 г. (Равдоникас 1932). Однако в полевых дневниках Л. К. Ивановского этот пункт отсутствует (РА ИИМК РАН. Ф. 3. дд. 624–631; Спицын 1896: 57–123). Нет оснований предполагать, что он проводил там раскопки. Скорее всего, опубликованный Аспелином меч соответствует одному из 12, отмеченных в дневниках Л. К. Ивановского.

«Железные пластины в виде обломков меча» из кургана Малая Горка — 26 (Спицын 1896: 97), видимо, имели настолько неудовлетворительную сохранность, что уверенно определить их назначение не смог даже А. А. Спицын. Мы вынуждены исключить эту находку из рассмотрения.

В настоящее время в фондах Государственного Эрмитажа хранятся 5 мечей из раскопок Л. К. Ивановского. Они депаспортизованы: в описи указаны лишь общая дата раскопок Ивановского (1872–1892) и регион — Санкт-Петербургская губерния. Вероятно, депаспортизация находок произошла при распределении коллекции между Эрмитажем и Историческим музеем в 1890-е гг. или, что более вероятно, еще раньше, когда коллекция хранилась на квартире Л. К. Ивановского (Веселовский 1900). Во всяком случае, на этапе публикации находок А. А. Спицыным

связь мечей с комплексами уже не устанавливалась. Хранящиеся в Эрмитаже мечи включены А. Н. Кирпичниковым в каталог под номерами 9, 10, 77 (мечи IX — первой половины XI в.), 15, 28 (мечи второй половины XI–XIII в.); в музейном хранении соответственно ЗО/1556, ЗО/6490, ЗО/6498, ЗО/6489, ЗО/6487 (Кирпичников 1966: 76–77, 86–89). Рассмотрим их по порядку.

Меч ЗО/1556, каролингский, типа Н, с прямой гардой и треугольным навершием. Большая часть полосы утрачена (рис. 1, 3).

Меч ЗО/6490, каролингский, типа Н по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 132–134), с прямой гардой и треугольным навершием. Клинок ближе к острию обломан (рис. 1, 8).

Оба меча отнесены Я. Петерсеном, а вслед за ним и А. Н. Кирпичниковым к типу Н, однако различаются между собой пропорциями и формой рукояти и навершия. У меча ЗО/1556 рукоять сравнительно тонкая, а навершие крупное, массивное. Меч ЗО/6490 отличается широкой крупной рукоятью и сравнительно миниатюрным навершием своеобразной формы с мысовидным выступом в верхней части.

Меч ЗО/6498, каролингский, типа Z по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 203–204). Рукоять обмотана серебряной проволокой. Большая часть полосы утрачена (рис. 1, 1).

Эти три экземпляра были известны Яну Петерсену, что оговорено в его работе по норвежским мечам (Petersen 1919; Петерсен 2005). Тип Н отнесен Г. С. Лебедевым к I группе типов и датируется по североευропейским материалам IX в., «в основном его ранней частью» (Лебедев 1991: 296–298). Это

массовое оружие дружин викингов периода ранних набегов на побережье Англии и Ирландии, связанное с военно-демократической средой. Тип Z отождествляется с той же социальной категорией, однако распространяется позже и бытует в течение всего XI в. В целом простые и универсальные типы Н и Z, изначально присущие низшей воинской прослойке, для XII–XIII вв. совершенно архаичны (особенно Н). По мнению Г. С. Лебедева, эти типы соотносятся с *folkvarn* (народным оружием) норвежских источников. В скандинавском обиходе оно удерживается до XIV в., однако уже в X–XI вв. перестает быть показателем высокого социального статуса (Лебедев 2005: 306–307). Типы Н и Z имеют общеевропейское распространение.

Меч 30/6489, романский, тип III по А. Н. Кирпичникову (рис. 1, б). Полоса сохранилась примерно на 2/3 длины, сильно повреждена коррозией. Гарда и навершие литые из медного сплава. Это позволило А. Н. Кирпичникову убедительно соотнести данный экземпляр с мечом «с медной рукояткой», найденным в кургане II могильника Хотыницы (Кирпичников 1966: 86–87, № 15), хотя ранее А. А. Спицын предполагал, что под «медной рукояткой» следует понимать обмотку серебряной проволокой ручки каролингского меча 30/6498 (Спицын 1896: 94). А. Н. Кирпичниковым учтены 3 находки мечей типа III в древнерусских материалах (в том числе интересующая нас), отнесенных им к XII — первой половине XIII в. (Кирпичников 1966: 54). Одно

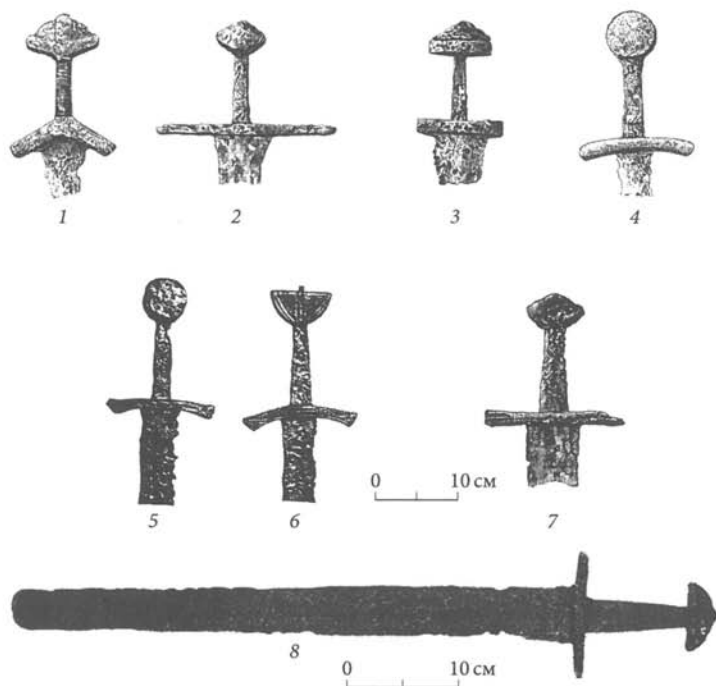

Рис. 1. Мечи из раскопок Л. К. Ивановского:

1–4 — Спицын 1896: табл. XIX; 5–6 — Кирпичников 1966: табл. XXVII; 8 — Кирпичников 1966: табл. II

седловидное навершие этого типа происходит из гомельской оружейной мастерской, комплекс которой датируется 1239 г. (Плавинский 2006: 15). С территории Беларуси также известен меч с навершием этого типа из разграбленного кургана в могильнике Засвирь (Мядельский район Минской области). Курган содержал погребение по обряду трупосожжения. Исходя из даты бытования данного типа и датировки могильника Засвирь, находку можно датировать XI–XII вв. (Плавинский 2008: 247–248, рис. 1, 1). В западноевропейских материалах подобные изделия редки и датируются последней четвертью XII — первой половиной XIII в. (Кирпичников 1966: 54; Kazakevičius 1996: 160). Примечательно, что крупнейший знаток европейского клинкового оружия Э. Окшотт даже не выделил эти образцы в особый тип. В его типологии европейских наверший седловидные изделия вообще отсутствуют. Наиболее близок к ним тип N — «навершие в форме лод-

ки», отличающийся вогнутой верхней гранью. Этот тип также крайне редок — Э. Окшотту известны лишь 2 сохранившихся экземпляра и несколько скульптурных изображений (Окшотт 2004: 264; Окшотт 2007: 125).

Между тем в землях балтов известны 24 находки мечей с седловидными навершиями, широко датирующиеся XI–XIII вв. (Kazakevičius 1996: 78–82, 160). Эти образцы имеют прямую верхнюю грань, что сближает их с хотыницкой находкой. Очевидно балтское происхождение данного типа.

Ближайшая к Ижорскому плато находка типа III — меч из ижорского могильника у дер. Кирсино в бассейне реки Мга (Сорокин 2006: 101; Сорокин 2008: 94, рис. 3). Но это не классическое балтское навершие, а скорее европейский тип N по Р. Э. Окшотту — его верхняя грань заметно вогнута внутрь.

Меч ЗО/6487, романский, тип VI по А. Н. Кирпичникову (рис. 1, 5). Полоса сильно повреждена коррозией. Навершие плоское, дисковидное, типа G по

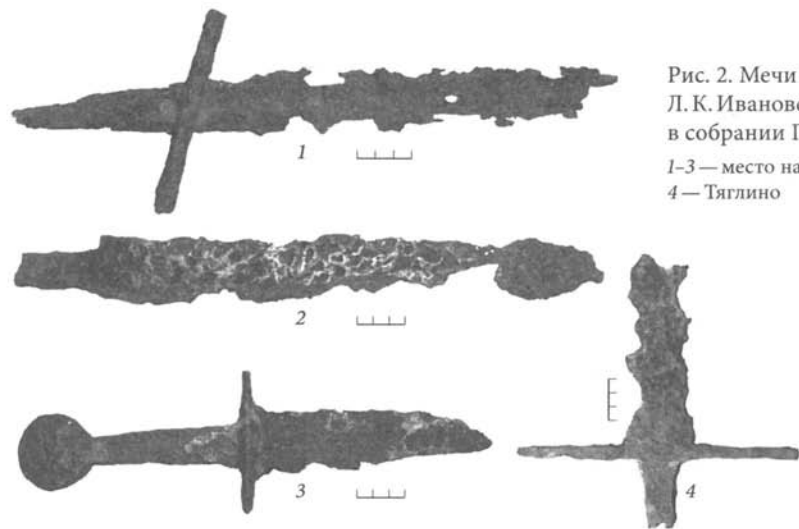
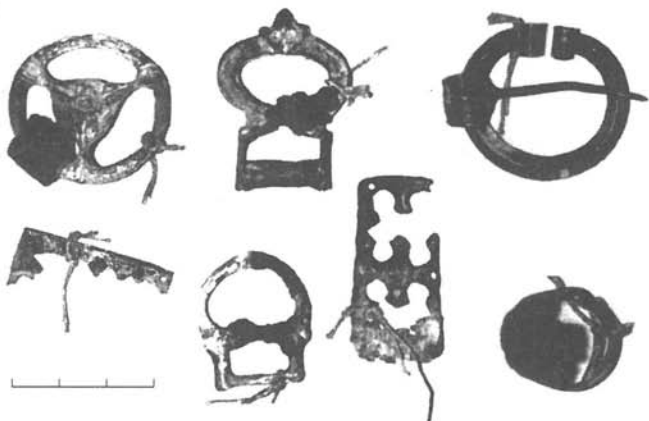

Рис. 2. Мечи из раскопок Л. К. Ивановского в собрании ГИМ:

1–3 — место находки неизвестно, 4 — Тяглино

Рис. 3. Инвентарь погребения
Межно-II из раскопок
Л. К. Ивановского. ГИМ.
Фото В. А. Кольчатова

Э. Окшотту (Окшотт 2004: 262; Окшотт 2007: 120–121). Гарда изогнута в направлении острия. Простейшая и популярная с поздней эпохи викингов форма навершия доживает до XV в. (Кирпичников 1966: 5). Возможно, этот меч изображен в публикации А. А. Спицына (рис. 1, 4, см.: Спицын 1896: табл. XIX, 10).

Клинок по крайней мере одного эрмитажного меча — 30/6490 — носит следы ритуальной порчи. Полоса ближе к острию обломана, специфический загиб кромки слома свидетельствует о преднамеренном характере данного повреждения. Клинки остальных экземпляров имеют неудовлетворительную сохранность, у всех значительная часть полосы утрачена, оставшаяся сильно корродирована. В силу этого установить, были ли мечи ритуально сломаны, или же утрата части клинка объясняется действием коррозии, не представляется возможным. Таким образом, ритуальная порча предметов погребального инвентаря, распространенная среди средневекового населения Северо-Восточной и Северной Европы, прежде всего скандинавов и прибалтийско-финских народов, до-

стоверно фиксируется на одном экземпляре из 5 осмотренных.

Еще 4 меча из раскопок Л. К. Ивановского хранятся в фондах ГИМ¹. Все они относятся к группе романских. Сохранность мечей плохая (рис. 2). Один из них может быть соотнесен с типом VI по А. Н. Кирпичникову, дисковидное навершие относится к типу G по Э. Окшотту. Остальные типологически неопределимы и могут датироваться в широких пределах XI–XV вв.

Погребения с мечами в курганах Ижорского плато по отдельности с трудом поддаются узкой датировке. Пять из них не содержат, кроме меча, никакого другого инвентаря. Сравнительно узко датируется лишь погребение Межно-II (рис. 3), относящееся к XII в. по наличию лировидной пряжки и подковообразной фибулы с треугольным сечением дуги и спиральными головками. Инвентарь остальных невыразителен (рис. 4).

¹ Выражаю искреннюю благодарность хранителю коллекции Л. К. Ивановского Н. Г. Недошиной и С. Ю. Каинову за возможность ознакомиться с материалами и предоставленные фотографии.

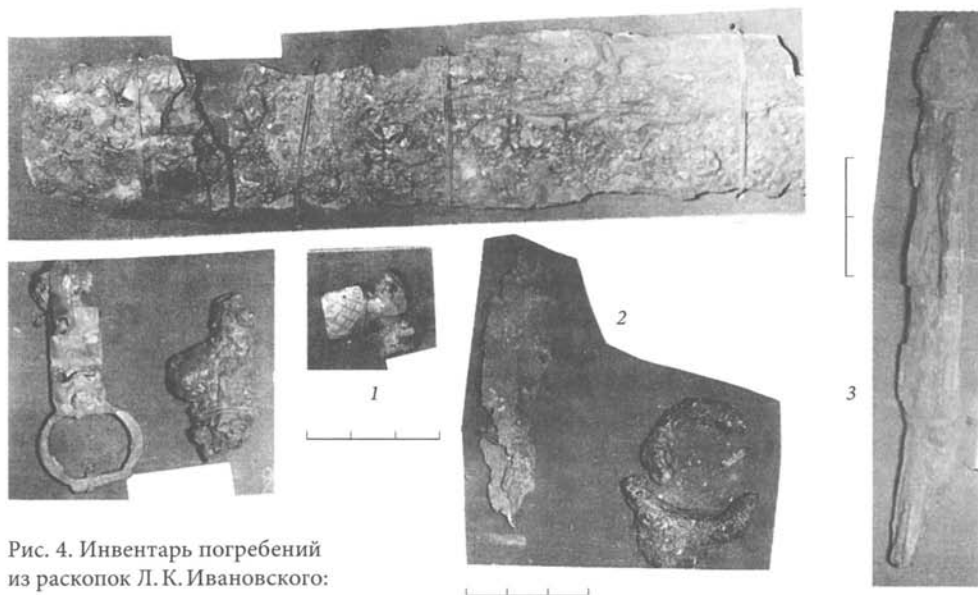

Рис. 4. Инвентарь погребений из раскопок Л. К. Ивановского:

1 — Хотыницы — 24; 2 — Смердовицы — 24;
3 — Хотыницы — 11

Однако представляется возможным попытаться датировать всю группу в целом.

Все 12 мечей происходят из могильников, отнесенных Ю. М. Лесманом (Лесман 1982: 70–71, карты 3 и 4) к периодам II и III (соответственно 1134–1268 и 1238–1313 гг.)². Исключение составляют Межно и Тяглино, возникшие в конце периода I (до 1177 г.), что не принципиально, так как периоды I и II в этой части перекрываются. Для могильников Ижорского плато исчезновение оружия и орудий труда из погребального инвентаря фиксируется с появлением подкурганых могильных ям в середине — третьей четверти XIII в. (Рябинин 2001: 41). Таким образом, можно с большой долей вероятности отнести комплексы с мечами к погребениям на

горизонте (т. е. без подкурганых могильных ям) и датировать их в пределах второй четверти XII — третьей четверти XIII в.

На этом фоне длительное бытование каролингских мечей заслуживает особого внимания. Находки на Ижорском плато подтверждают, что мечи эпохи викингов, в том числе массовый архаичный тип Н, использовались в течение длительного времени. Этому возможны две причины. Во-первых, количество находок этого типа говорит об огромных масштабах производства. Очевидно, рейнские мастерские в IX–X вв. выпустили столь значительное количество этих изделий, что его оказалось достаточно для последующих трех столетий. Во-вторых, качество этих мечей делало их (разумеется, при бережном отношении) вполне конкурентоспособным и эффективным оружием даже спустя несколько веков по-

² Даты условны и отражают синхронизацию с дендрохронологической датировкой ярусов Невского раскопа в Новгороде.

сле изготовления, особенно в народной среде. Со временем эти изношенные и морально устаревшие мечи оказались в погребениях.

Обращает на себя внимание географическое распределение находок мечей (рис. 5). Все известные экземпляры локализируются на западной и восточной окраинах курганного ареала, на границах плотно освоенной, заселенной территории. Если учесть булаву из раскопок В. Н. Глазова в Мануйлове (Спицын 1905: 140), а также навершие плети из могильника Старосиверская-II — также элемент воинского, всаднического снаряжения (Спицын 1896: табл. XIII, рис. 15), картина становится еще более рельефной. Следует также учесть наход-

ку кистеня между деревнями Калитино и Каргалозы, на юго-восточной периферии курганного ареала (Каргопольцев, Седых 1999: 74–77). Вероятно, хорошо вооруженное население концентрировалось на наиболее опасных участках, защищая доступ на плато со стороны слабо освоенной, болотистой территории. Опасность представляли западная и восточная границы Водской земли, северная и южная были открыты. Кроме того, все могильники с мечами расположены вблизи рек. Это, с одной стороны, связывает их с первоначальным этапом заселения засушливого Ижорского плато, с другой, вносит дополнительный стратегический смысл в их расположение: размещение воинов было связано с

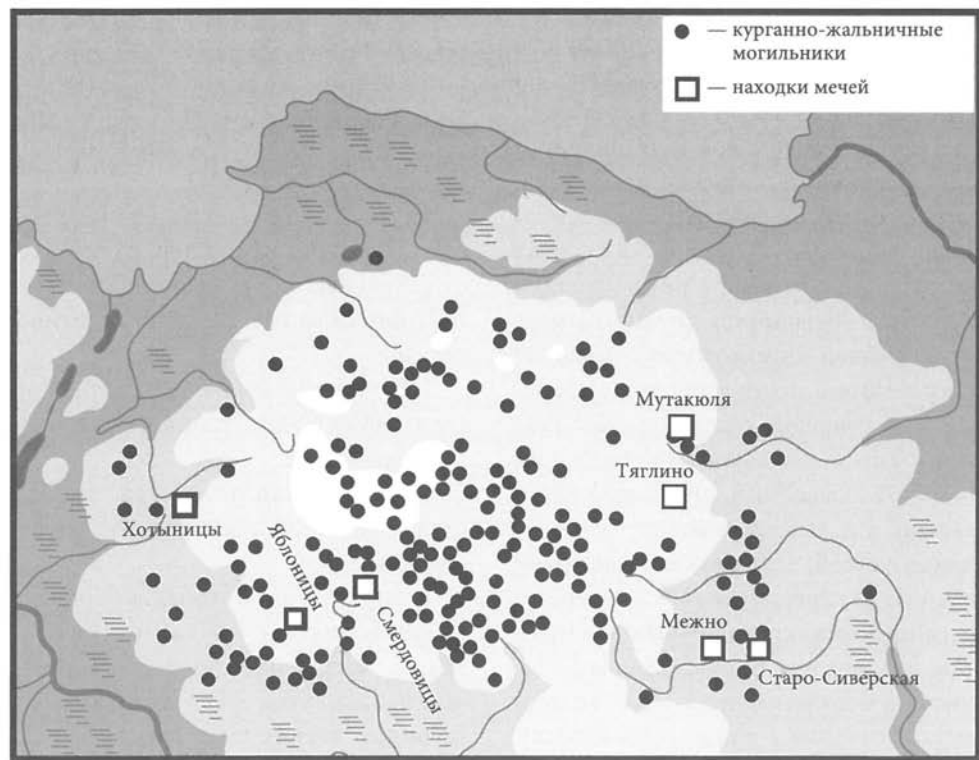

Рис. 5. Находки мечей в курганах Ижорского плато

обслуживанием путей сообщения — как водных, так и сухопутных.

Могильники с мечами не привязаны к синхронным городищам, что может указывать на значение последних как временных убежищ, малонаселенных в мирное время и не являвшихся местом постоянного размещения военных отрядов. Исследования Кайболовского городища также свидетельствуют об этом (Рябинин 2001: 128–135). Наличие наконечников стрел в слоях городища (Рябинин 2001: 133) можно связать с выявленными там же следами кузнечного производства или спорадическим исполнением им военных функций. Постоянного воинского контингента там, видимо, не было.

Наличие мечей и элементов кавалеристского снаряжения в погребениях, возможно, маркирует социальную неоднородность сельского населения Ижорского плато в XII–XIII вв., появление профессиональной (или полупрофессиональной) воинской прослойки. Ее социальная сущность требует особого изучения. М. Х. Алешковский считал погребения с мечами в петербургских курганах «бесспорно дружинными», подчеркивая их противопоставление погребениям лично свободных вооруженных смердов, сопровождавшихся топорами и копьями (Алешковский 1960: 85). С младшей дружиной связывает их и А. Н. Кирпичников (Кирпичников 1966: 50). При этом исследователи исходят из утвердившегося в литературе, но фактически априорного мнения о том, что меч, в силу своей высокой стоимости, мог принадлежать только профессиональному воину-дружиннику. М. Х. Алешковский также приводит тезис о размещении в XII–XIII вв. «молод-

шей» дружины по селам (Алешковский 1960: 70), со ссылкой на Б. А. Рыбакова (Рыбаков 1948: 121).

В этом контексте интересно сопоставить материалы могильников Ижорского плато с результатами раскопок Н. А. Макарова в Прионежье. Среди исследованных им могильников особое место занимает Кемский некрополь (Никольское-III), где зафиксированы погребения с боевыми топорами и одно — с мечом типа X по А. Н. Кирпичникову (Макаров 1990: 146–162). Н. А. Макаров датирует могильник XI в. (не исключен рубеж XI–XII вв.) и отмечает особый статус оставившего его населения, «резко противопоставленного в социальном отношении остальным группам, заселявшим восточное Прионежье» (Макаров 1990: 119). По мнению исследователя, здесь располагался воинский отряд из младших дружинников, «отроков», обеспечивавший контроль над водно-волоковыми путями (Макаров 1990: 122–124).

Помимо наличия оружия в погребениях, Кемский некрополь отличается от остальных могильников Восточного Прионежья следующими особенностями:

1. Крупный могильник, заметно превышающий по числу погребений рядовые памятники.
2. Необычный половозрастной состав: более половины погребенных — мужчины.
3. В могильнике сконцентрированы монетные находки (80 монет!) и привозные предметы — поливные керамические чашечки, глиняные поливные писанки, стеклянные перстни, миндаль, фисташки, раковины каури (Макаров 1990: 119–120).

4. Наличие, помимо боевых топоров, миниатюрных амулетов-топориков в детских погребениях (Макаров 1990: 74–75).

5. Курганный обряд, чуждый населению Белоозерья: курганы имеются только в Кемском некрополе и одиночная насыпь на фоне обширного грунтового могильника — в Белоозере (Макаров 1990: 32).

Насколько рассматриваемые особенности прослеживаются в могильниках Ижорского плато, содержащих погребения с мечами?

Размеры этих могильников можно оценить лишь приблизительно, поскольку точное число содержащихся в них насыпей Л. К. Ивановским не зафиксировано, а современные данные не отражают их первоначальное количество. Однако очевидно, что интересующие нас могильники не относятся к числу крупнейших некрополей Ижорского плато, таких, как Малое Жабино, Рабитицы, Калитино, Плещевицы, Ново-Сиверская. В Мутакюле исследовано 45 курганов, в Хотыницах — 92, в Тяглине — 47, в Яблоницах — 80, в Старо-Сиверской II — 27, в Межно — 28. Опираясь на датировки Ю. М. Лесмана, можно заключить, что могильники Тяглино, Хотыницы, Яблоницы, Мутакюля прекратили функционирование в последней четверти XIII в. (Лесман 1982). В целом ранний облик имеет и инвентарь могильника Старо-Сиверская-II. Ретроспективно оценивая размеры этих кладбищ, можно отнести их к средним в масштабах Ижорского плато. Перелом в культуре населения Водской земли, имевший место в середине — третьей четверти XIII в., напрямую затронул оставшееся их население. Хоронить

здесь перестают, в то время как другие некрополи продолжают функционировать и позднее, чем обусловлены их значительные размеры.

Половозрастной состав интересующих нас могильников не может быть оценен из-за отсутствия антропологических коллекций. Этот фактор приходится исключить из рассмотрения.

Из 7 могильников, содержащих погребения с мечами, монеты отмечены Л. К. Ивановским лишь в двух — Межно и Тяглино, одна и две находки соответственно³. Говорить о концентрации монетного серебра в руках населения, оставившего эти могильники, таким образом, не приходится. По составу инвентаря эти могильники не выделяются богатством на общем фоне курганных могильников края.

В этом контексте получает развитие тезис М. Х. Алешковского о своеобразии Новгородской земли — единственной, где крестьян-смердов летопись называет «воями»⁴, где этих смердов хоронили с оружием (Алешковский 1960: 85). Правда, исследователь считает погребения с топорами и копьями крестьянскими, а с мечом — априорно — дружинными. Сам М. Х. Алешковский эту точку зрения не аргументирует, но можно попытаться восстановить его логику. Во-первых, как уже отмечалось,

³ Всего у Ивановского отмечено 20 монет в 15 группах.

⁴ Как показали последние исследования, термин «вои» характерен не только для новгородского летописания и применялся не только к новгородцам, а отождествление его с определенной социальной категорией отнюдь не однозначно, вопреки распространенной историографической традиции. Подробнее см.: Лукин П. В. Древнерусские «вои» IX — начала XII веков // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 5–58. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200 гг. СПб., 2000. С. 288.

тезис об особой дороговизне меча чрезвычайно популярен в историографии (и в ряде случаев обоснован). Во-вторых, в XII–XIII вв. в общеевропейском масштабе формируется особая феодально-рыцарская культура со своим специфическим набором правил и традиций. Как часть этой культуры следует рассматривать погребения с мечами и воинским убором в стенах христианских храмов, известные от «полуязыческой» Новгородской земли до полностью христианизированной Испании (Oakeshott 1960: Pic. 10a, b). Здесь меч в могиле никто не рассматривает как «пережиток язычества». Это уже не сопровождающий покойника инвентарь, необходимый ему в загробной жизни. Меч здесь — дань уважения, символ особого статуса в жизни земной, знак принадлежности к совершенно определенному сословию. Нельзя исключать, что эта традиция, прижившаяся в военно-феодальной среде, достигла и Ижорского плато. Однако, на наш взгляд, такая интерпретация будет искусственной.

Королевские, княжеские, рыцарские погребения с мечами — это погребения феодальной элиты, резко выделяющиеся на фоне массового погребального обряда. Они единичны и сосредоточены в государственных и религиозных центрах. Речь идет о сугубо городском обряде. Могильники Ижорского плато — сельские, погребения с мечами расположены на рядовых кладбищах, совершены по общему обряду и не выделяются богатством. Очевидно, здесь в сельской среде удаленного от городских центров региона, со значительной долей субстратного населения, длительное время сохранялись архаические традиции погребения.

Кроме того, регулярные военные походы новгородцев в земли «чуди» (населения Эстонии), не прекращавшиеся на протяжении XI — первой половины XIII в., заставляли жителей отдаленной от Новгорода пограничной Водской земли искать способы самостоятельной защиты своей территории от ответных акций. Практически полное отсутствие в летописи указаний на ответные набег чуди можно расценить как свидетельство эффективности местной системы обороны. Очевидно, эти задачи возлагались на местное население.

В середине XIII в. население Ижорского плато перестает помещать в погребения оружие и орудия труда. Е. А. Рябинин обоснованно связывает эту перемену в погребальном обряде с активной миссионерской деятельностью церкви на западных рубежах Новгородской земли, развернувшейся как ответ на крестоносную экспансию. Стремясь обеспечить благонадежность населения стратегически важного региона, ставшего ареной боевых действий в 1240–1241 гг., Новгород развернул борьбу против сохранившихся здесь многочисленных пережитков язычества, искоренение которых затянулось на несколько столетий. Как одно из проявлений этой борьбы Е. А. Рябинин трактует приведение погребального обряда в соответствие с христианскими канонами (Рябинин 2001: 137–141). В целом разделяя эту точку зрения, мы предположим также влияние еще одного фактора — изменения военной организации населения Ижорского плато в связи с резко возросшей опасностью. В сороковые годы XIII в. местное население было не в состоянии своими силами отразить агрессию Ордена. Зна-

чение местной воинской прослойки и ополчения падает, их функция, по всей видимости, переходит к сменяемым новгородским контингентам, временно дислоцируемым в различных пунктах плато. В XIV в. функцию военного центра «Водской земли» принимает на себя Копорье, где появляются служилые князья и дружина (Гадзяцкий 1940: 110–113). Появление регулярных войск, направляемых и отзывааемых Новгородом, вызвало упадок местной военной организации и исчезновение воинского компонента из крестьянской культуры за ненадобностью.

Таким образом, погребения с мечами на Ижорском плато можно датировать в пределах второй четверти XII — третьей четверти XIII в. и связать с местной военной организацией. Реконструировать эту организацию в деталях уже вряд ли удастся, как и определить социальный статус погребенных с мечами. В ходу были как вполне современные для того периода романские клинки, так и архаичные каролингские. Окраины густонаселенной территории

охраняли хорошо вооруженные воины, возможно также обслуживавшие пути сообщения. Сельское население при необходимости могло образовывать некое вооруженное ополчение. Опорными пунктами в системе обороны западных рубежей, откуда можно было ожидать нападения, скорее всего, служили городища Кайболово, Воронино, Пиллово и, возможно, Черная, в мирное время слабозаселенные, но в случае опасности способные принять население близлежащих деревень. Восточные рубежи, ориентированные в глубь новгородских владений, городищами не усилены.

Исчезновение обычая хоронить умерших с оружием в третьей четверти XIII в. можно связать с борьбой православной церкви против языческих обрядов. В качестве еще одного фактора выступает упадок местной военной организации в связи с агрессией Ордена и появлением профессиональных, сменяемых дружинных контингентов, направляемых в «Водскую землю» и отзывааемых Новгородом.

Литература

Алешковский 1960 — Алешковский М. Х. Курганы русских дружинников XI–XII века // СА. № 1. 1960.

Веселовский 1900 — Веселовский Н. И. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. СПб. 1900.

Каргапольцев, Седых 1999 — Каргапольцев С. Ю., Седых В. Н. Находки на юге Ижорского плато // Древности Северо-Запада России. СПб. 1999.

Кирпичников 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII веков // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.

Кирпичников, Сакса 2006 — Кирпичников А. Н., Сакса А. И. Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб. 2006.

- Лебедев 1991* — Лебедев Г. С. Этюд о мечах викингов // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л. 1991.
- Лебедев 2005* — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб. 2005.
- Ленц 1908* — Ленц Э. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Часть I. Собрание оружия. СПб. 1908.
- Лесман 1982* — Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. 1982.
- Лукин 2004* — Лукин П. В. Древнерусские «вои» IX — начала XII веков // Средневековая Русь. Вып. 5. М. 2004.
- Макаров 1990* — Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв. М. 1990.
- НПЛ* — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М. 1950.
- Окшотт 2004* — Окшотт Э. Археология оружия. М. 2004.
- Окшотт 2007* — Окшотт Э. Меч в век рыцарства. М. 2007.
- Петерсен 2005* — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб. 2005.
- Плавінскі 2006* — Плавінскі М. А. Клінковая зброя X–XIII стст. на тэрыторыі Беларусі. Мінск. 2006.
- Плавинский 2008* — Плавинский Н. А. «Случайные» находки клинкового оружия XI–XIII вв. на территории Беларуси // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб. 2008.
- Равдоникас 1932* — Равдоникас В. И. Ижорский могильник в Красногвардейске (б. Гатчина) // Сообщения ГАИМК. № 11–12. 1932.
- Рябинин 1974* — Рябинин Е. А. Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли // КСИА. № 139. 1974.
- Рябинин 1997* — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб. 1997.
- Рябинин 2001* — Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб. 2001.
- Сорокин 2006* — Сорокин П. Е. Раскопки ижорских могильников в бассейне реки Невы // Записки ИИМК. № 1. СПб. 2006.
- Сорокин 2008* — Сорокин П. Е. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии Ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 2: Древности Ижорской земли. СПб. 2008.
- Спицын 1896* — Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20. СПб. 1896.
- Спицын 1905* — Спицын А. А. Отчет о раскопках В. Н. Глазова у деревни Мануйловой Ямбургского уезда // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. СПб. 1905.
- Хлевов 2002* — Хлевов А. А. Предвестники викингов. СПб. 2002.

Aspelin 1878 — Aspelin J. R. Antiquités du nord Finno-Ougrien. Helsingfors. L. III. Helsinki, 1878.

Kazakevičius 1996 — Kazakevičius V. IX–XIII amžių baltų kalavija. Vilnius. 1996.

Kazakevičius 1997 — Kazakevičius V. On one type of Baltic sword of Viking period // *Archaeologia Baltica* 2. Vilnius. 1997.

Oakeshott 1960 — Oakeshott R. E. The archaeology of weapons. Arms and armour from prehistory to the the age of chivalry. London. 1960.

MEDIAEVAL BURIALS WITH SWORDS IN KURGANS OF THE IZHORA PLATEAU (Materials from Excavations of Lev K. Ivanovskiy)

I. V. Stasyuk

Swords are found only as exceptions among the kurgan antiquities of Rus. Of the fifteen finds of swords recorded by Anatoliy N. Kirpichnikov (1966) from burials of the 11th–13th centuries, 13 examples come from kurgans of the Izhora plateau. All these were uncovered during excavations of Lev Konstantinovich Ivanovskiy in the last quarter of the 19th century; at present these finds are lacking field documentation. Only for one sword it is possible to reconstruct the links with a particular funerary complex and for two items — to define their find spots.

The burials under discussion are dated, on the whole, to the second quarter of the 12th — third quarter of the 13th century. The finds from the Izhora plateau prove that swords of the Viking age have been in use over a fairly long time span. All the items known are distinctly concentrated at the western and eastern outskirts of the kurgan area — in the borderlands of the densely occupied territory. The presence of swords and elements of horsemen's gear in the burials is possibly marking the social inhomogeneity of the rural population of the Izhora plateau in the 12th–13th century — the appearance of the professional or semi-professional military stratum.

In the mid-13th century the inhabitants of the Izhora plateau abandon the practice of putting weaponry and tools into graves. The reason of this change in the funerary rite is justly sought in the missionary activities of the Church on the western frontiers of the Novgorod Land. Probably, certain alterations took place in the military organization of the population of the Izhora plateau due to the sharply increased war danger. The significance of the local military stratum and militia was falling during that period while their functions were being transferred to the replaceable contingents temporarily deployed by Novgorod in various points of the plateau. In the 14th century, the function of the military centre of the "Vodskaya Land" was taken over by Koporye where service vassal princes and the *druzhina* (princely armed retinue) appeared. The advent of the regular forces alternatively sent and recalled by Novgorod provoked the decline of the local military organization and disappearance of the military component from the peasant culture.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СНЕТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ ПОД ПСКОВОМ

Снетогорский монастырь находится на правом берегу р. Великой на возвышенном мысу (Снятная Гора), образуемом излучиной реки, в 3 км к северо-западу от Пскова (рис. 1). Впервые он упоминается в Псковской летописи в 1299 г. в связи с мученической гибелью игумена Иосафа с иноками. В 1310–1311 гг. здесь возводится каменный собор Рождества Богородицы, который вскоре после

строительства был расписан фресками, являющимися в настоящее время единственным сохранившимся памятником древнерусской монументальной живописи периода с 30-х гг. XIII в. по 60-е гг. XIV в. В XV в. собор был местом пострижения и усыпальницей псковских князей: здесь принял схиму (1416 г.) и погребен князь Григорий Евстафьевич, а в 1421 г. постригся Федор

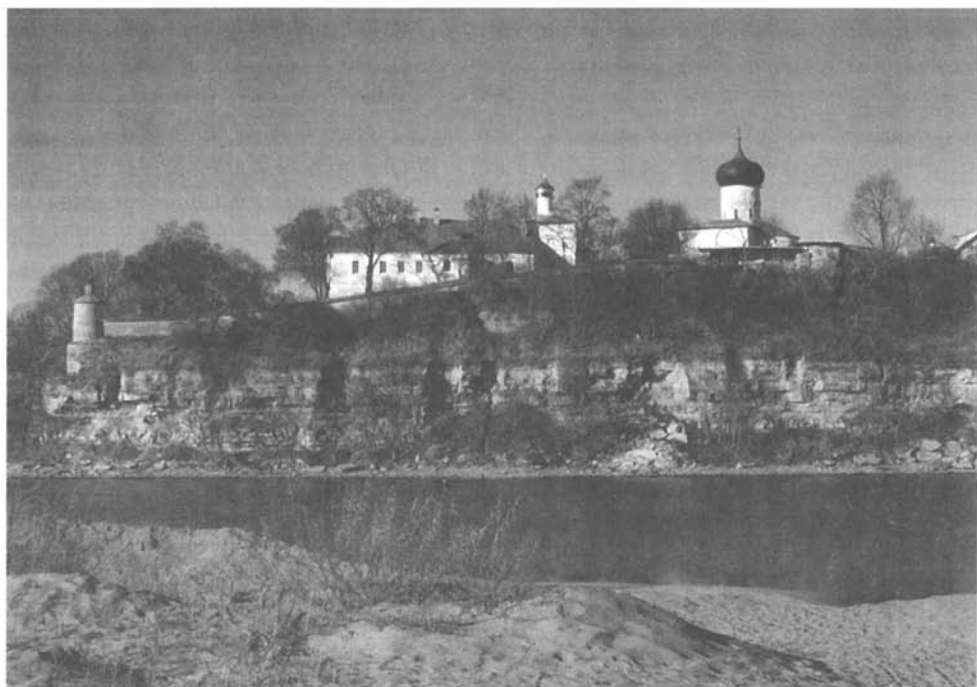

Рис. 1. Снетогорский монастырь

Александрович Ростовский. В первой половине XVI в. в 10 м к северу от собора возводится церковь Вознесения под Колоколы, разобранный в 30-х гг. прошлого века. В 1518 г. строится каменная трапезная палата с церковью Николы, а в XVII в. — Святые ворота со сторожкой. Снетогорский мужской монастырь был упразднен в 1804 г., и здесь устроен загородный архиерейский дом. Тогда же территория монастыря была подвергнута крупным перепланировкам, и новое строительство продолжалось вплоть до конца XIX в. (Токмаков 1887; Лабутина 1985; Охотникова 1985; Голубева 1985; 1994; Морозкина 2009).

В 2007 г. Псковский археологический центр провел раскопки восточной окраинной части средневековой площадки монастыря на месте расположения построек Восточного корпуса (рис. 2). Каменный Восточный корпус был построен в 1817 г. по инициативе архиепископа Евгения (Болховитинова), назначенного на Псковскую владычную кафедру в 1816 г. Во второй четверти XIX в. к существующей каменной постройке с севера пристраивается дополнительный каменный объем, примерно в два с половиной раза длиннее первого строения. В 1860-х гг. постройки подвергаются крупным переделкам (удлиняются к северу и югу дополнительными объемами), тогда же проводятся земляные нивелировочные работы. В 1930-е гг., вероятно в результате пожара, была утрачена северная часть корпуса. В 1941–1944 гг., в период немецкой оккупации Пскова, северная часть корпуса вновь выстраивается и дополнительно достраиваются другие помещения корпуса, а также проводятся земляные работы по планировке поверхности и выкапываются

подвалы. В последующие годы постройки Восточного корпуса неоднократно горели в пожарах, и в 2004 г., по согласованию с НПЦ по охране памятников истории и культуры Псковской области, были разобраны до основания строения XX в. В 1985–2000 гг. специалисты Псковского филиала института «Спецпроектреставрация» В. Е. Никитин, И. Б. Голубева и А. М. Лебедев проводили комплексное исследование построек Восточного корпуса в их сохранившейся части, и выдано заключение по охране и реставрации. С 1994 г. Восточный корпус, в числе других зданий ансамбля, передан в ведение Псковской епархии РПЦ. В начале 2000-х гг. южная, «немецкая» часть Восточного корпуса была заново отремонтирована и приспособлена для жилья.

Несмотря на исключительную значимость комплекса памятников Снетогорского монастыря, до середины 1980-х гг. серьезные архитектурно-археологические исследования здесь не проводились. В 1990 г. здесь работала архитектурно-археологическая экспедиция ЛГУ под руководством В. А. Булкина. Работы велись в рамках комплексной программы предпроектных исследований по реконструкции монастыря совместно с группой псковских реставраторов во главе с В. Е. Никитиным. Финансировались работы Генеральной дирекцией «Псковреструкция». Основной объем раскопок 1990 г. был сосредоточен внутри собора Рождества Богородицы с расположением отдельных шурфов по внешнему периметру постройки (рис. 2). Общая вскрытая площадь составила 162 кв. м. Было установлено, что закладка фундаментных конструкций осуществлялась

не в ров, а в котлован — зафиксирована мощная «фундаментная платформа», в основании которой находились валуны с поперечником до 0,8 м, поверх которых положены плиты, пролитые известково-песчаным раствором (Булкин 1991). В дополнение к полученным данным по конструктивным особенно-

стям собора, его строительной хронологии, обнаружены остатки притвора, примыкавшего к центральному пряслу западной стены (вероятно, притвор, упомянутый в 1417 г. в связи с погребением князя Григория Евстафьевича). Здесь же был открыт саркофаг, сложенный из кирпичей на глине, и 2 саркофа-

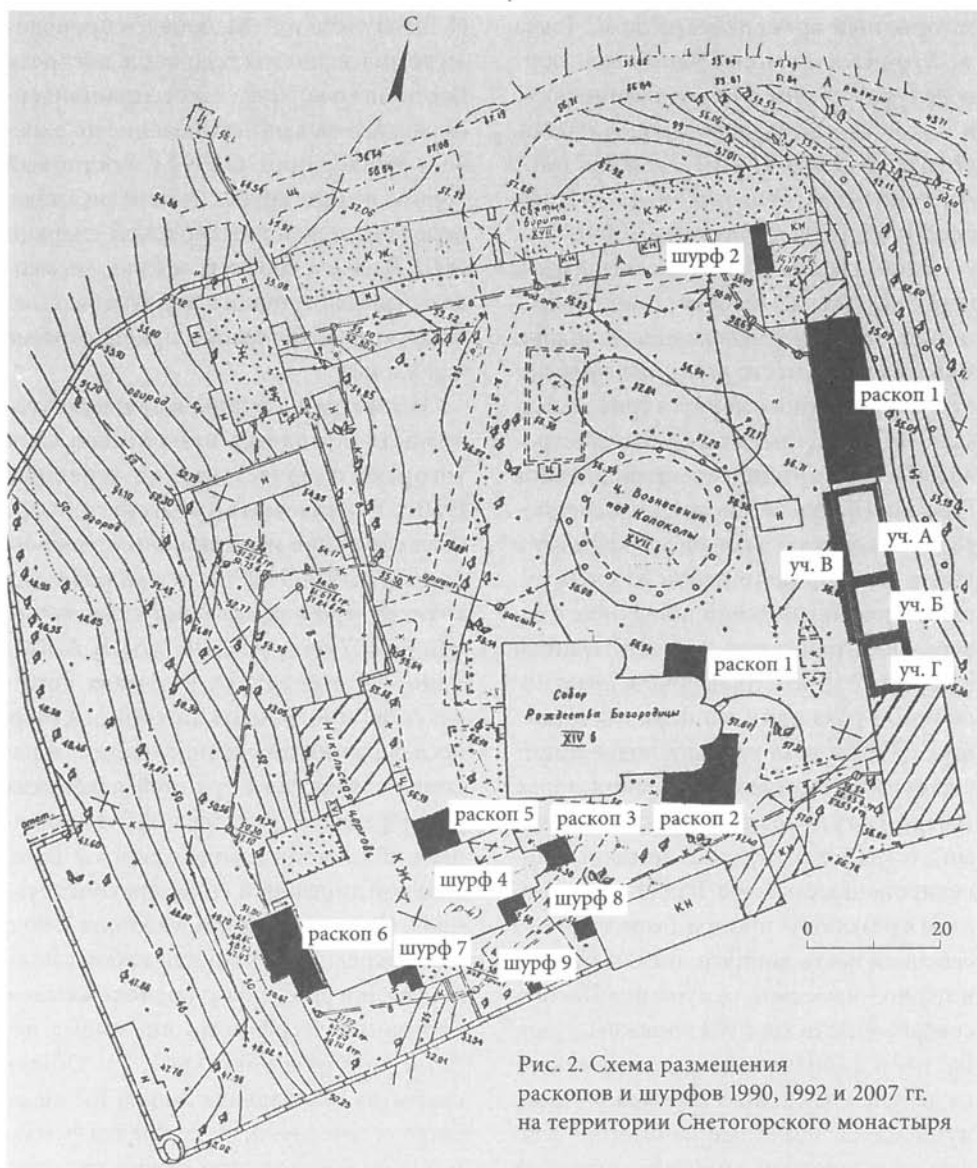

Рис. 2. Схема размещения раскопов и шурфов 1990, 1992 и 2007 гг. на территории Снетогорского монастыря

га из известняковых плит (погребения не вскрывались).

В 1992 г., в рамках указанной программы, раскопки были продолжены под руководством Е. А. Яковлевой (Яковлева 1992). На территории монастыря было заложено 6 раскопов, суммарной площадью 277 кв. м, и столь-

ко же шурфов общей площадью более 47 кв. м (рис. 2). В раскопе 2 продолжено исследование «фундаментной платформы» собора Рождества Богородицы и зафиксированы ее границы со стороны апсид. В западной части этого раскопа, в пространстве бокового входа в храм, обнаружен белокамен-

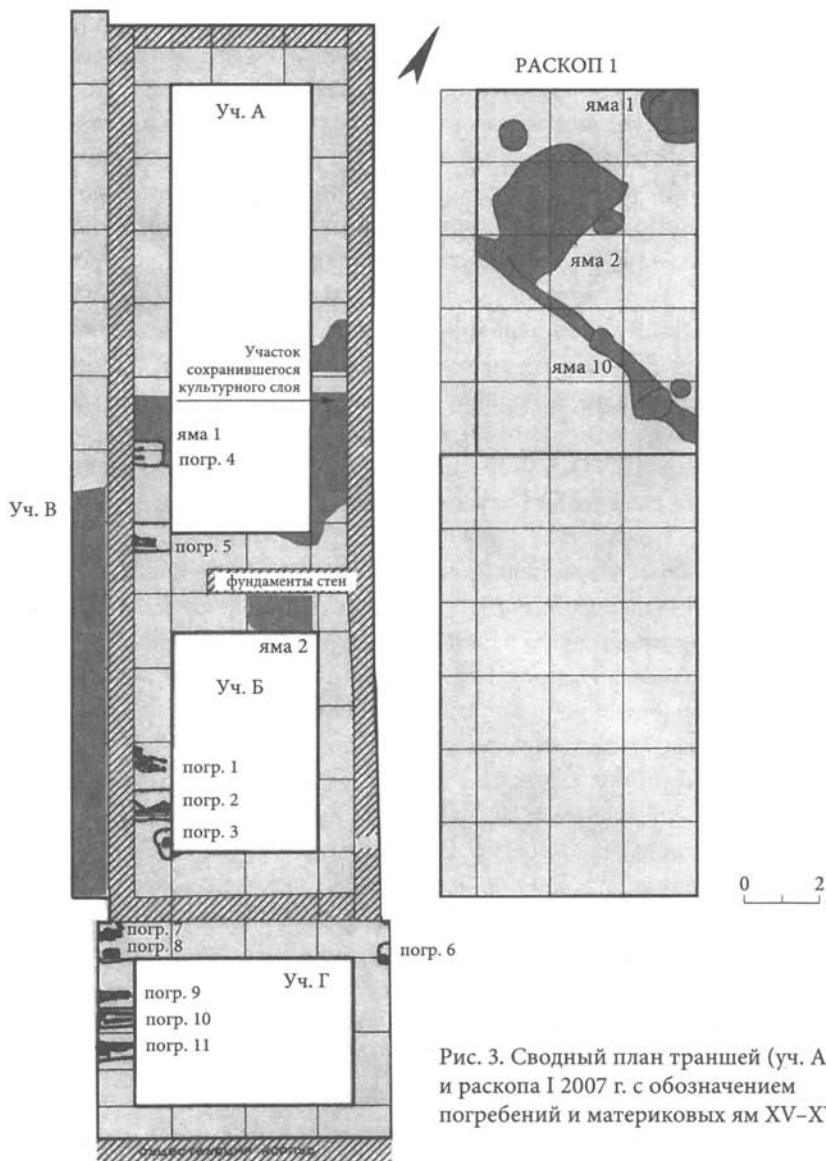

Рис. 3. Сводный план траншей (уч. А-Г) и раскопа I 2007 г. с обозначением погребений и материковых ям XV-XVII вв.

ный саркофаг. Погребение датируется второй половиной XVI в. (Яковлева 1995). В раскопах, примыкавших к Никольской трапезной церкви, раскрыты входы в подвал трапезной XVI в. с остатками крылец. Детальная проработка археологического материала позволила исследовательнице сделать ряд существенных замечаний, касающихся хронологии строительных периодов, а также благоустройства примыкавшей к памятнику территории. На большей части исследованной территории культурные отложения оказались уничтоженными в результате разновременных перекопов. Собранные при раскопках артефакты суммарно датируются XV–XVIII вв.

Участки культурного слоя первоначального этапа существования монастыря были зафиксированы и на периферии его современной территории к юго-западу от поварен XVI в. Здесь над материком выявлен слой серой гумусированной супеси, а также ямы с идентичным заполнением, содержавшие керамику конца XIII — начала XIV в.

В сезоне 1992 г. полностью завершить начатые работы не удалось. Планировалось их продолжение в следующем году, но в 1993 г., в связи со сложной экономической ситуацией в стране и с передачей монастыря в ведение Псковской епархии, комплексная программа исследований была свернута.

В 2003 г. охранные археологические исследования по трассе закладки коммуникаций на территории монастыря (вдоль построек Северного корпуса со Святыми воротами) были проведены под руководством сотрудника отдела археологии Псковского музея-заповедника А. А. Александрова. Вы-

явлены отложения сильно нарушенного культурного слоя мощностью до 1,5 м, содержавшего материалы XVII–XVIII вв. и единичные находки XV в. В материковых западинах были обнаружены мелкие фрагменты лепной керамики, датированной исследователем не позднее X в.¹

Необходимость проведения исследований в 2007 г. была вызвана начатыми по заявке монастыря работами по реконструкции Восточного корпуса. Согласно проекту реставрационных работ 2007 г., на месте разобранный северной части Восточного корпуса запланировано строительство нового здания, в контурах которого и был заложен раскоп (раскоп I), где исследования проводились сплошной площадью на 154 кв. м (рис. 2). Кроме того, по плану реставрации, предусматривалось усиление фундаментов сохранившейся части Восточного корпуса. В связи с этим по внутреннему периметру постройки были заложены раскопочные траншеи — участки А и Б. Участок Г располагался на месте разобранный в 2004 г. постройки, соединявшей сохранившуюся часть корпуса с отремонтированной южной жилой частью Восточного корпуса: здесь траншеи проходили по линии закладки новых фундаментов. Дополнительная траншея проходила вдоль внешнего края западной стены корпуса (участок В). Общая площадь траншей составила 109,5 кв. м, а суммарная площадь раскопок 263,5 кв. м.

Отмечу, что все участки (за исключением участка В) находились в контурах

¹ По сообщению А. А. Александрова, материалы раскопок 2003 г. находятся в стадии подготовки полевого отчета.

Рис. 4. Погребения № 7–11 (участок Г)

Рис. 5. Материковые ямы в раскопе I. В центре — частокольная канавка (яма № 10)

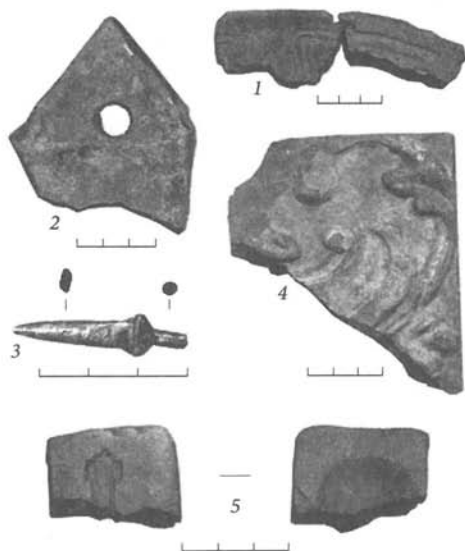

Рис. 6. Находки из раскопок 2007 г.
1 — дуговые кирпичи (ф-ты),
2 — лемех (ф-т), 5 — форма литейная
двусторонняя известняковая (ф-т),
3 — острие, 4 — изразец полихромный:
1, 2, 4 — глина; 5 — камень; 3 — бронза

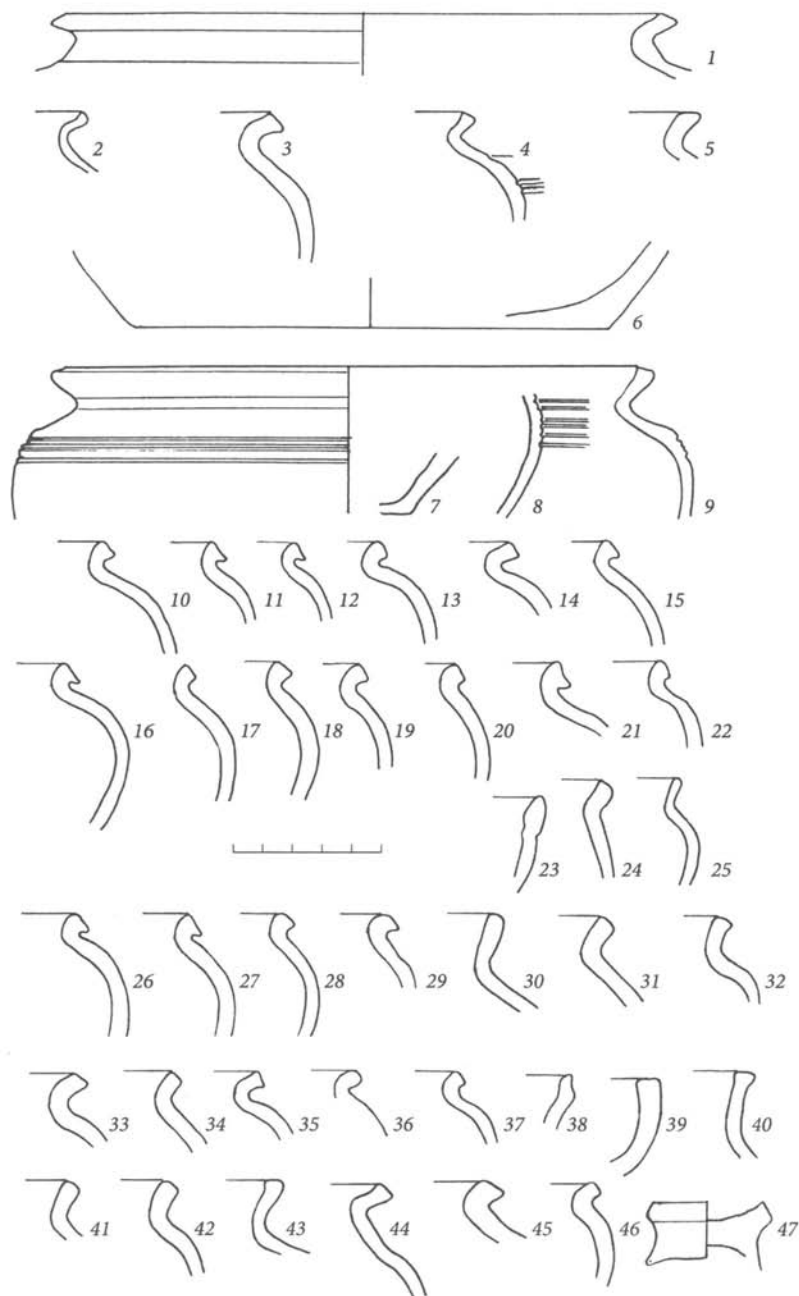
щатых гробов, скрепленных коваными железными гвоздями. Подавляющее большинство погребений безынвентарны. Лишь в одном случае (детское погребение № 5) найдено бронзовое острие (рис. 6, 3). Погребение № 6 находилось на восточном склоне монастырской площадки. Погребения № 1, 7, 8, находящиеся выше других, были нарушены при рытье подвалов, после чего кости были сложены в анатомическом порядке и присыпаны грунтом. Наиболее древним, но не ранее второй половины XV в., следует признать погребение № 4, могильная яма которого была впущена в материк на глубину более 1 м.

Половозрастные определения останков, открытых раскопками, выполнены старшим научным сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ Д. В. Пежемским (табл. 1).

котлованов — подвальных ям, вырытых в 1941–1944 гг. В южной части участка А, на участках Б и Г непосредственно под слоем дерна открыт материк и расчищено 11 погребений (рис. 3–4). Они залегали либо непосредственно на поверхности материка (погр. № 1), либо в неглубоких (до 0,3 м) могильных ямах (погр. № 11). Все захоронения совершены по православному обряду. В шести случаях зафиксированы остатки до-

Таблица 1

№ погребения	Пол	Возраст
1	Женский	senilis (старше 55 лет)
2	Мужской ?	senilis (старше 55 лет)?
3	Женский	senilis (старше 55 лет)
5	Ребенок	infantilis I (около 6 лет)
6	Мужской	maturus II (45–55 лет)
8	Мужской	adultus (около 25 лет)
9	Мужской	senilis (старше 55 лет)
10	Мужской	senilis (старше 55 лет)

ис. 7. Керамика:

6 — из сохранившегося культурного слоя (уч. А); 7, 8 — из заполнения могильной ямы огр. № 4; 9 — из заполнения ямы № 2 (участок Б); 10–25 — из заполнения ямы № 1 (раскоп I); 5–38 — из заполнения ямы № 2 (раскоп I); 39–47 — из заполнения чашкокольчатой канавки (яма № 10, раскоп I). 23, 24, 39, 40 — фрагменты чернолощенных сосудов; 5, 38 — фрагменты сосудов, покрытых зеленой глазурью

Рис. 8. Монета из раскопок 2007 г:

А — фото; Б — прорисовка

В юго-восточной части участка А, под серым мешаным слоем, содержащим материал XX в., на глубине 0,1–0,4 м ниже современной дневной поверхности, был открыт темно-серый культурный слой, содержащий включения углей и горелую солому. Керамический комплекс, обнаруженный здесь, датирует слой в пределах первой половины XV в. (рис. 7, 1–6). В юго-западной части участка зафиксирована крупная хозяйственная яма (№ 1) с керамикой, идентичной комплексу из темно-серого культурного слоя. Еще одна яма (№ 2), датированная временем не позднее XIV в. (рис. 7, 9), выявлена в северной части участка Б.

Яму № 1 нарушает погребение № 4. В нижней части его заполнения обнаружена керамика конца XIV — начала XV в. (рис. 7, 7–8). Она могла попасть в заполнение могильной ямы только из слоя этого времени при совершении захоронения. Это определяет время прекращения использования данного участка монастырской территории в

хозяйственных целях — не ранее второй половины XV в.

В начале XIX в. в восточной части монастырского кладбища были возведены каменные постройки, разрушившие погребения. Митрополит Евгений, знавший и чтивший русскую историю, вряд ли начал строительство в пространстве существовавшего кладбища. Вероятно, на момент начала строительства кладбище уже ничем не выделялось на поверхности. Если так, то зафиксированные в раскопках погребения можно датировать временем от второй половины XV до второй половины XVIII в. Напомню, что в 1804 г. монастырь был упразднен, а штат его приписан к Спасо-Елеазаровскому монастырю, находящемуся в 30 км к северу от Пскова.

В северной части раскопа I² при зачистке материка, перекрытого слоем строительного мусора XX в., зафиксирован комплекс ям XVI в. (рис. 3; 5). В заполнении ямы № 1 обнаружены фрагменты зеленополивной фляги и лемеха (рис. 6, 2), а также большое количество керамики указанного времени (рис. 7, 10–25). Находки из ямы № 2 представлены фрагментами дуговых кирпичей (рис. 6, 1) и обломком двусторонней литейной формы (рис. 6, 5). Собранный здесь керамический комплекс также не противоречит указанной дате (рис. 7, 26–38). Несколько более ранним временем (конец XV — первая половина XVI в.) можно датировать керамику (рис. 7, 39–47), найденную в заполнении ямы № 10. В предметерико-

² Культурный слой и поверхность материка в центральной и южной части раскопа I были практически полностью разрушены позднейшими раскопками.

вом слое (на границе со слоем позднего перекопа) найден также коронный полугрош (рис. 8), чеканенный при польском короле Казимире IV Ягеллончике (1447–1492). В системе расположения ям вырисовывается хорошо известный по раскопкам на посаде Пскова план дворового комплекса: яма № 1 может быть интерпретирована как хозяйственная, яма № 2, вероятно, является заглубленной в землю частью наземной постройки (подвал дома), а яма № 10 однозначно определяется как канавка частого оградного ограждения.

Исследователи монастыря отмечают особый социально-экономический уклад общины, когда значительная часть денежных вкладов шла на нужды братии для ведения отдельных хозяйств, что близко идеологии городской общины посада (Голубева 1985). Отсюда следовал и свободный иноческий устав, отличающийся от общепринятых православных канонов, что не могло не тревожить Отцов Церкви, порекавших братию кроме прочего за «шюбы на пуху» и дорогие заморские облачения.

Литература

- Булкин 1991* — Булкин В. А., 1991. Отчет об археологических исследованиях 1990 г. // Памятник архитектуры XIV–XIX вв. Комплекс Снетогорского монастыря. Научно-проектная документация, том 2, книга 2а. Псков. Архив АНО «ПАЦ», д. 72/55.
- Голубева 1985* — Голубева И. Б. Снетогорский монастырь. Историческая записка. Псков. 1985.
- Голубева 1994* — Голубева И. Б. Архитектурный ансамбль Снетогорского монастыря // Псков через века. СПб. 1994.
- Лабутина 1985* — Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М. 1985.
- Морозкина 2009* — Морозкина Е. Н. Псковская земля. М. 2009.
- Охотникова 1985* — Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Исследования и тексты. Л. 1985.
- Спегальский 1963* — Спегальский Ю. П. Псков. Л.; М. 1963.
- Токмаков 1887* — Токмаков И. Я. Снетогорский монастырь. Библиография и материалы. Псков. 1887.
- Яковлева 1992* — Яковлева Е. А. Археологические исследования. 1992 // Памятник архитектуры XIV–XIX вв. Комплекс Снетогорского монастыря. Научно-проектная документация, том 2, книги 3 и 4. Псков. Архив АНО «ПАЦ», д. 73/57, 74/56, 75/59.
- Яковлева 1995* — Яковлева Е. А. Белокаменный саркофаг из раскопок в Снетогорском монастыре под Псковом // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Вып. 2. СПб.; Псков. 1995.

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF 2007 IN THE SNETOGORSKY MONASTERY (PSKOV)

S. V. Stepanov

In 2007, a group of Pskov Archaeological Research Centre conducted excavations in the area of the Eastern Buildings erected in 1817 on the initiative of Archbishop Evgeny (E. A. Bolkhovitinov).

The Monastery was first mentioned in the Pskov Chronicles under the year of 1299. In 1310–1311, a stone Cathedral of the Nativity of the Virgin was here erected. Soon its walls received murals which are now the only survived ancient Russian monumental painting of the period from the 1230^s to the 1360^s. In the 15th century the cathedral was the place where Pskov princes took the monastic vows and were buried.

The main objective of the excavations of 2007 was discovery and investigation of the mediaeval cultural layer. The total excavated area amounted to 263.5 m. In the course of the excavation, the necropolis of the cloister was studied and its boundaries have been approximately established. Eleven burials were discovered which had disturbed the deposits of the cultural level of the first half of the 15th century.

Outside the limits of the cemetery, the excavations revealed the remains of a home-stead complex of the 16th century. This find confirms indirect evidence of the written sources on a peculiar monastic statute of the cloister which allowed to keep there separate estates thus contradicting the conventional Orthodox canons.

Воспоминания В. Г. Дружинина о А. А. Спицыне

Василий Григорьевич Дружинин (1859–1936) входил в число немногих близких друзей Александра Андреевича Спицына. Их знакомство началось в студенческие годы на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В его квартире (Дружинин был сыном богатого купца-старообрядца, владельца Кыштымских заводов на Урале) собиралась дружеская компания студентов этого факультета, на основе которой позднее возник «кружок русских историков». Постоянными посетителями обедов у Дружинина бывали С. Ф. Платонов, И. А. Шляпкин, К. А. Иванов, часто там бывал и А. А. Спицын (Бухерт 2000: 130). Дружеские связи между участниками этих собраний в дальнейшем поддерживались на протяжении почти всей жизни. В Музее истории СПбГУ хранится серебряный ковшичек — братина, преподнесенный С. Ф. Платонову сотоварищами со студенческих лет по поводу 25-летия его научной деятельности. На дне выгравирована надпись «С. Ф. Платонову старые друзья 1883 I/III 1908 В. Г. Д. + К. А. И. + А. А. С. + И. А. Ш.».

В 1883 г. по окончании университета В. Г. Дружинин был оставлен «для приготовления к профессорскому званию»

и сдаче магистерских экзаменов. В конце 1886 г. он был определен на службу в Министерство внутренних дел и откомандирован для занятий в департамент духовных дел иностранных вероисповеданий. Результатом этих занятий стала магистерская диссертация «Раскол на Дону в конце XVII века», защищенная в апреле 1889 г. Немного ранее, в декабре 1888 г., Дружинин был избран секретарем Отделения Славяно-русской археологии Русского Археологического общества, а в апреле 1890 г. — секретарем всего общества и занимал эту должность до 1906 г. (Веселовский 1900: 290, 424). С. А. Жебелев в историческом очерке о РАО в 1897–1921 гг., оставшемся неопубликованным, отмечал, что Дружинин на протяжении 17 лет вел все дела общества, заведовал всем его хозяйством, руководил канцелярией и некоторое время редактировал Записки общества (РА ИИМК РАН Ф.2. Оп.3. Д.453. Л. 21). Но это была общественная, неоплачиваемая работа. Поэтому вскоре после защиты В. Г. Дружининым магистерской диссертации, 2 мая 1889 г., председатель Императорской Археологической комиссии граф А. А. Бобринской, который знал Дружинина по совместной работе в Русском Археологическом

обществе, ходатайствовал перед министром императорского двора о введении должности ученого секретаря комиссии, предлагая его кандидатуру (РА ИИМК РАН Ф.1. 1889 г. Д. 36. Л. 1). В итоге 1 июля Дружинин был назначен членом комиссии без содержания с оставлением при МВД, а в январе 1891 г. после добровольной отставки И. И. Толстого переведен на штатную должность. В феврале 1892 г. Бобринский ходатайствовал о присвоении Дружинину чина надворного советника, отмечая, что он ведет протоколы заседаний комиссии, приводит в порядок библиотеку, занимается фотографией находок, причем используя личную аппаратуру. Фактически Дружинин стал первым фотографом комиссии и к моменту своего ухода в 1896 г. обучил фотodelу сторожа Археологической комиссии И. Ф. Чистякова, который и стал ее штатным фотографом (Длужневская 2007: 246, 254).

Летом 1891 г. по инициативе старшего члена комиссии В. Г. Тизенгаузена, часто замещавшего председателя, Дружинин провел небольшие раскопки на двух городищах в Екатеринбургском уезде Пермской губернии, на берегах озер Иртяш и Б. Наного. Из 150 рублей, выделенных на эти работы, было истрчено только 9 рублей на извозчика и 10 рублей 90 копеек на оплату труда рабочих. 8 найденных предметов, и среди них фигурка бронзового зайчика, были переданы в Исторический музей в Москве. В 1892 г. на городище, расположенном на озере Иртяш, несколькими траншеями были вновь проведены раскопки, уложившиеся в три дня. Опять из аванса в 150 рублей было израсходовано только 43 рубля 70 копе-

ек. Коллекция находок из 156 номеров, включающая в себя кварцевые и кремневые орудия, предметы из кости, рога, бронзы и железа, была передана также в Исторический музей (РА ИИМК РАН Ф. 1. 1891 г. Д. 88; 1892 г. Д. 89). Обращает на себя внимание полное отсутствие фрагментов керамики, которую Дружинин, видимо, просто не брал. Отчет о работах в 1892 г. представлен в комиссию не был.

Еще один эпизод полевой деятельности В. Г. Дружинина связан с 1895 г., когда ему комиссией было поручено осмотреть место находки золотых и серебряных вещей в деревне Муслюмовой Шадринского уезда Пермской губернии. Произведя на месте небольшие раскопки, Дружинин писал в отчете, что никаких следов погребения не обнаружил и соответственно «не подлежало сомнению, что находка носила характер клада» (РА ИИМК РАН Ф.1. 1895 г. Д.149 Л. 31). Судя по всему, полевые исследования не очень привлекали магистра русской истории, во всяком случае, он стремился ограничиться весьма кратковременными и локальными работами, не используя даже большей части финансовых средств, выделенных на их проведение. Как только в 1896 г. выдалась возможность перейти на работу в Археографическую комиссию и заняться более традиционным для историка делом, Дружинин не преминул ею воспользоваться.

Между тем, вопреки расхожему мнению о роли С. Ф. Платонова и Н. И. Веселовского, именно В. Г. Дружинин сыграл решающую роль в приглашении А. А. Спицына в Археологическую комиссию. В их переписке уже с лета 1889 г. обсуждался вопрос о сотрудни-

честве Спицына с комиссией. Сразу же после назначения Дружинина внештатным сотрудником комиссии Спицын пишет ему из Вятки: «Всего лучше было бы для меня пристроиться не в гимназии, а где-нибудь при архиве и вообще при каких-нибудь кабинетных ученых трудах. Всего было бы лучше, если бы нашлось подходящее место в Археологической Комиссии. Давно меня разбирает охота заняться общерусской археологией, и если бы мое желание совпало с желанием Комиссии, то я с удовольствием принял бы участие в ее трудах (конечно, важно, чтобы содержание соответствовало гимназическому — увы! Этот вопрос имеет капитальное значение). Вы ведь знакомы с гр. Толстым, так не можно ли Вас попросить перекинуться с ним об этом словечком-другим? Я знаю, что Комиссия уже давно занята вопросом об общем описании русских древностей, но не знаю, как идет это дело и кто его делает: есть ли у них для него особое лицо или эту работу разобрали члены Комиссии. Вам это нетрудно узнать» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 465. Л. 37). Сообщая о своих занятиях историей и археологией Вятского края, Спицын писал Дружинину в декабре 1889 г.: «Ну, значит, теперь в Археологической Комиссии у меня рука. Я очень пробирался к архиву Комиссии, где, я знаю, найдется немало для меня интересного, да как доберешься до Питера? Это не в лавочку сходить за вареньем. Не сообщите ли Вы мне, в порядке архив или нет? Можно ли найти в нем все, что относится, например, к древностям вятским? Или все существенное помещается в Отчетах?» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 465. Л. 41). В другом письме,

датированном февралем 1890 г., сообщалось: «Еще раз спасибо Вам, голубчик, за заботы о привлечении меня в комиссию, но я, право, боюсь оказаться неблагодарным. Дело в том, что гр. Уварова меня приласкала, снискала своими милостями, и, хотя я, может быть, щедро заплатил ей за внимание, но все же перебегать при этих условиях в чужой лагерь претит совесть. Я не из перелетов. Однако от души желаю успеха Археологической Комиссии, которая могла бы стать во главе нашей археологии, если бы хотела, и не отказываюсь от мысли со временем принять участие в ее работах. Я медлил своим ответом Вам потому, что у меня было явилась мысль некая — проситься в члены Комиссии с жалованьем (до 1200 р.), чтоб заняться вплотную археологией, оставив гимназию, но думаю, что это невозможно, главное, потому, что я еще не зарекомендовал себя, по крайней мере, в настоящее время. Посмотрим — увидим (членом-наблюдателем от Комиссии в губернии я, конечно, готов быть с большим удовольствием)» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 465. Л. 46). В январе 1891 г. Спицын вновь писал Дружинину о своих археологических работах и планах, делился сомнениями, полагая, что сначала должен зарекомендовать себя большой работой по археологии: «В тайне я рассчитываю стать со временем усердным работником для Комиссии, так как, конечно, только она может дать средства для таких предприятий, какие я задумываю, но мне надо, чтобы расставанье с М. А. О. произошло без боли. Так и потрудитесь пока сказать г. Тизенгаузену: рано или поздно я непременно примкну к Комиссии и надеюсь стать одним из деятельнейших

ее сотрудников... Еще раз спасибо за участие. В конце концов, Вы приведете же меня в Комиссию, и я надеюсь, что Вы дадите ей если не хорошего, то порядочного работника» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 465. Л. 54).

Перейдя на работу в Археографическую комиссию, В. Г. Дружинин оставил занятия археологией, которые, вероятно, были ему не очень по душе, и сосредоточился на изучении своей основной темы — истории старообрядчества в России. Он собрал огромную коллекцию старообрядческих рукописей, на основе которой издал в 1912 г. справочник-указатель «Писания русских старообрядцев». В 1920 г. за свою научную деятельность Дружинин был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 1921 г. был назначен заместителем председателя Археографической комиссии. В 1930 г. он вместе с С. Ф. Платоновым и другими историками стал жертвой сфабрикованного ГПУ «Академического дела». В феврале 1932 г. Дружинина приговорили к заключению в концлагерь сроком на 5 лет, но

через год приговор заменили ссылкой в Ростов-Ярославский, где ему пришлось вести настоящую борьбу за выживание в условиях нехватки денег на жилье, дрова, хлеб, бумагу и перья. В этих тяжелых условиях по инициативе директора Государственного литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевича он работал над «Воспоминаниями о литературных встречах и знакомствах», рассказывающих о букинистах, коллекционерах, ученых, с которыми был знаком (Берестецкая 1994: 214–227; Длужневская 2007: 247). В рамках этой работы, вероятно, и был написан публикуемый ниже небольшой очерк о А. А. Спицыне. Отсутствие справочной литературы, слабеющая память 74-летнего ученого, переживавшего страшные лишения, потерю близких друзей и вырванного из привычной жизненной обстановки, не могли не привести к некоторым неточностям в очерке, которые отмечены в комментариях. Текст приводится в авторской орфографии и пунктуации, конъектуры публикатора отмечены квадратными скобками.

Александр Андреевич Спицын 1857–1933¹

А. А. Спицын родился в Вятской губернии, где, точно не знаю². Неизвестно мне так же, кто были его родители³. Он окончил курс Вятской классиче-

ской гимназии в 1878 г. и поступил на Историко-филологический факультет СПб университета. Мы случайно познакомились, когда он был на втором

¹ В. Г. Дружинин, находясь в ссылке вне Ленинграда, ошибся — А. А. Спицын родился 14 (26) августа 1858 г., умер 17 сентября 1931 г.

² А. А. Спицын родился в Яранске — уездном городке Вятской губернии.

³ Родителями А. А. Спицына были: Андрей Леонтьевич Спицын (1812–1868), выходец из крестьян, записавшийся мещанином г. Котельнича

Вятской губернии, служил у яранского откупщика К. В. Беляева. Третьим браком в 1849 г. женился на Дарье Семеновне Сенниковой (Спицыной) (1832 — после 1910 г.) дочери котельничского мещанина Семена Тимофеевича Сенникова. В семье, кроме Александра, было еще два брата и сестра. О родителях и о детстве А. А. Спицына см.: Ждан 1999: 11–129.

курсе, а я на первом. Видимо, он стеснен был в средствах: носил черный потертый сюртук, при белых полотняных брюках и не носил крахмального белья⁴. Стальные очки его были поломаны и починены веревочкой. Он уже со второго курса был делегатом от студентов в обществе вспомоществования недостаточным студентам, и ему поручалось обследование жизни и средств студентов, обращавшихся в общество за ссудами и пособиями⁵. И эту работу он исполнял замечательно добросовестно. За это он пользовался уважением и любовью студентов. Он избрал специальностью Русскую историю. Мы близко сошлись во время курса, и он бывал часто у меня в кругу моих друзей⁶. Скромный, приветливый, искренний и прямой в отношении своих взглядов, он возбуждал к себе любовь и уважение. По окончании курса Университета он уехал в Вятку, где получил в женской гимназии должность преподавателя русского языка и истории⁷. По особенности личных качеств, простодушия и прекрасного преподавания он стал любимцем учениц и даже их кумиром. Мне приходилось встречаться с некоторыми из его учениц и разговор о С[пицыне] возбуждал в них восторг и похвалы по его адресу и самые светлые воспоминания. Мы продолжали с ним деятельную переписку⁸. В Вятке он занялся разработкой местной истории и напечатал ряд статей по этому пред-

мету в местных календарях и памятных книжках в том числе «Летописные сказания о Вятке» и др. которые не утратили своего значения до настоящего времени. Кроме того, он издал несколько пособий по русскому языку и составленный им указатель статей к Вятским губернским ведомостям. Напечатал также несколько статей по археологии Вятского края. Он принимал деятельное участие в составлении и издании большого трехтомного сборника, выпущенного земством по поводу столетнего юбилея губернии. Историческая часть сборника была составле-

25 рублей за полугодие, и Спицыну приходилось постоянно обращаться к ректору с прошениями об отсрочке уплаты и в Комитет вспомоществования недостаточным студентам: «Приезжая в Петербург, я надеялся на какой-нибудь урок и случайные пособия. Надежда, как водится, обманула неопытного юношу. Из дому я не могу получить и 15 р. в месяц, занятий никаких не имею. На ноябрь из дому ничего не получил. Пособие прошу для отдачи долга (2 р.) и на квартиру (15 р.)» (ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д. 20324. Л. 9). Более подробно о студенческих годах А. А. Спицына см.: Тихонов 2003: 93.

⁵ Об этом же писал и однокашник Спицына С. Ф. Платонов в своих воспоминаниях (Платонов 1921: 114–117).

⁶ В начале 1880-х гг. сложился «кружок русских историков», собиравшийся дома у Дружинина, в который входили С. Ф. Платонов, И. А. Шляпкин, К. А. Иванов и др.

⁷ В Вятской женской гимназии А. А. Спицын был преподавателем только русского языка, словесности и педагогики. В июне 1889 г. он писал Дружинину: «В Казань я еду рыться в университетском архиве для собирания сведений по истории вятской гимназии и буду проситься у Попечителя на место учителя истории, что составляет мою давнишнюю мечту. Будь я учителем истории, можно было бы помечтать и о магистерском экзамене» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 465. Л. 36).

⁸ В фонде В. Г. Дружинина в РГАЛИ находятся более 100 писем А. А. Спицына 1882–1915 гг. (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 465. 123 листа). В настоящее время они, наряду с другими письмами Спицына, готовятся к публикации автором данной статьи.

⁴ А. А. Спицыну в студенческие годы приходилось терпеть большую нужду: «Я вел дневник нашим расходам и твердо помню, что мы держали на пищу 5–7 копеек ежедневно. Так шло до февраля месяца, когда и я получил небольшой урок. Материальная сторона моих студенческих лет вообще была весьма плачевна» (Петряев 1986: 106). Плата за обучение в университете в то время составляла

на им⁹. В 1893 г.¹⁰ с выходом в отставку пр[офессора] Н. П. Кондакова и гр[афа] И. И. Толстого из Археологической Комиссии возник вопрос о замещении двух открывшихся вакансий членов комиссии. Нужно было найти человека, который занялся бы изучением древностей бронзового века, производить раскопки курганов по поручению Комиссии, ездить доследовать хищнические раскопки, обследовать городища и майданы и списывать предметы того периода и составлять списки поступающих в Комиссии собрания древностей. Старший член Комиссии, de facto ею управлявший¹¹, обратился и ко мне за указанием кандидата. Я назвал ему С[пицына], аттестовал его как местного археолога и принес оттиски его печатных трудов. Мне поручено было с ним списаться и предложить приехать в СПб для личных переговоров. С[пицын] приехал, понравился и после переговоров был принят на должность члена Комиссии¹². Ему было, впрочем, поставлено в обязанность отдавать Комиссии служебное время и заниматься в ее помещении. Это место давало С[пицыну] 1800 р., что при его скромных потребностях его вполне удовлетворяло¹³. С[пицын] был в восторге, т. к. это ставило его на ученую дорогу и научную работу, да и кроме того жизнь

в СПб давала возможность работать среди друзей; друзья же его приняли его с распростертыми объятиями и извещали его и от провинциального и столичного одиночества. В Комиссии он приобрел уважение сочленов благодаря усердной работе. Кстати сказать, что вторая вакансия была предоставлена проф. Восточного факультета Н. И. Веселовскому стяжавшему впоследствии большую известность счастливой раскопкой скифских и других больших курганов на юге России. Мы все трое очень сблизились между собой, т. к. Н. И. Веселовского я знал по Археологическому обществу и он постоянно бывал у меня среди моих друзей. В Комиссии С[пицын] занялся обработкой собраний древностей, которые поступали в нее¹⁴. Назову между прочими коллекцию доктора Л. К. Ивановского, раскопавшего до десяти тысяч курганов в Ямбургском уезде быв. Петербургской губернии. Коллекция поступила из Русского Археологического общества не описанной, т. к. доктор Л. К. Ивановский не успел это сделать перед смертью. С[пицын] быстро и прекрасно исполнил это описание и напечатал в Материалах по Археологии России, издаваемых Археологической Комиссией¹⁵. Обработал он также и описал древности, добытые в

⁹ Более подробно об этом см Бердинских 2003: 399–420.

¹⁰ В. Г. Дружинин опять ошибается — Н. П. Кондаков был уволен с должности члена Археологической комиссии 1 февраля 1891 г., а И. И. Толстой — 5 января 1891 г.

¹¹ Речь идет о бароне В. Г. Тизенгаузене, с 1876 г. занимавшем должность старшего члена Археологической комиссии; о нем см.: Тихонов 2007.

¹² В действительности переговоры о возможности работы Спицына в Археологической комиссии шли уже с лета 1889 г. до декабря 1891 г. Это видно по

письмам Спицына к В. Г. Дружинину (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 465. Л. 36–64). Членом Археологической комиссии он был назначен с 1 февраля 1892 г.

¹³ В действительности Спицыну было установлено жалование 1 тыс. рублей в год плюс 1 тыс. руб. столовых и 600 руб. квартирных, а впоследствии он получал 3700 рублей в год за свою службу в Археологической комиссии (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10260. Л. 10).

¹⁴ См.: Спицын 1928.

¹⁵ МАР № 20. В этой работе принимал участие и В. Г. Дружинин (Тихонов 2008: 167).

курганах Окского бассейна, и издал его в тех же Материалах. Я опять не буду перечислять другие его работы. Он ввел планомерное исследование курганов северной и центральной России и находил исследователей, которые принимали на себя раскопку их по поручению и на средства Комиссии. Сам он тоже ездил летом производить раскопки. В бытность членом Комиссии он задумал и стал выполнять большое научное предприятие — составление библиографического указателя русской литературы по археологии, но не только по названиям печатных статей и книг, но и по наименованиям предметов. Труд этот он вел с поступления в Комиссию и до смерти, у него с течением времени накопилось более двадцати тысяч карточек, которые хранились в Комиссии и по которым он давал справки всем приходившим к нему по разным вопросам археологии. Труд этот находится теперь в Академии материальной культуры и не издан. Спицын составил, а Комиссия издала руководство для производства раскопок курганов, обследованию майданов и городищ. Это руководство вытерпело два издания и богато иллюстрировано. Второе издание вдвое обширнее первого. Это было первое научно составленное руководство, а до него каждый археолог копал курганы как ему вздумалось. Свои труды С[пицын] печатал в Отчетах Комиссии, в Известиях и Записках Русского Отделения Археологического Общества¹⁶. Этих работ у него значительное число. Изучая найденные при раскопках предметы, он пытался и также объяснить и происхождение их и намечал периоды, которым они принадлежали и излагал

эти теории в своих статьях, но русские археологи, особенно «патентованные» ученые¹⁷, не считали эти теории достаточно обоснованными, т. к. знали, что С[пицын] не владел иностранными языками и мало был знаком с трудами западных археологов, которые изучали такие же предметы, находимые в Западной Европе¹⁸. Но труды С[пицына] получили признание и оценку финляндских археологов, которые подготовили и издали к 70-летию со дня его рождения особый в честь его сборник статей по археологии, написанных на французском языке, посвятили его С[пицыну] и прислали ему этот том¹⁹. Такое признание объясняется тем, что в Финляндии были находимы предметы подобные тем, которые изучал и описывал С[пицын]. В революционное время С[пицына] неоднократно приглашали провинциальные университеты читать лекции по археологии, а также университеты Славянских

¹⁶ Некоторые выпуски «Записок отделения русской и славянской археологии» полностью состояли из статей и заметок А. А. Спицына, напр.: том VIII, выпуск I, изданный в 1906 г.

¹⁷ На страницах дневника вице-президента Академии художеств и товарища (заместителя) председателя Русского Археологического общества графа И. И. Толстого можно найти довольно резкие высказывания в адрес А. А. Спицына и нелицеприятные характеристики его деятельности, типа «замечательно туп и не ему заниматься наукой» (Толстой 1997: 259, 261, 588).

¹⁸ Это некоторое преувеличение: А. А. Спицын мог читать на немецком языке и был знаком с трудами, в частности, О. Монтелиуса. В его архиве даже сохранилась неопубликованная работа «Монтелиус о бронзовом веке» (РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 17).

¹⁹ Речь идет об издании: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. IV. Helsinki, 1929, подготовленном А. М. Тальгреном. Все статьи, в том числе и советских ученых, в нем были опубликованы на французском или немецком языках.

земель²⁰. Видимо эти циклы лекций С[пицына] возбуждали интерес, потому что приглашения повторялись. По учреждении Академии Материальной Культуры Археологическая Комиссия, как выше сказано вошла в ее состав или правильнее — Комиссия расширилась и по специальностям ее ведения возникли отделения Академии. С[пицын] вошел в нее членом и оставался там до смерти. Правда, его там теснили «патентованные» археологи, старались даже уволить его в отставку, — но его почитателям удавалось каждый раз отстаивать его²¹.

Везде, где служил С[пицын] он приобретал себе друзей и почитателей, а в учреждениях замечательной усидчивостью и работоспособностью и к тому же приветливостью и всегдашней готовностью помогать всякому обращающемуся к нему за научными указаниями и справками и готовностью делиться своими знаниями полное уважение. Я не берусь оценивать его ученые работы — это дело специалистов²². Но несомненно, что он оставил после себя ценный ряд печатных трудов²³.

Ростов

24.VI. 1933

В. Г. Дружинин

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л.11–15об.

Подлинник.

Автограф В. Г. Дружинина.

²⁰ В 1912 г. А. А. Спицын выступал с лекциями в Саратове, в 1924 г. — в Екатеринбургe, в первую половину 1920 г. ездил в Литву.

²¹ После преобразования Археологической комиссии в РАИМК (с 1926 г. — ГАИМК) А. А. Спицын являлся заведующим разрядом славяно-русских, финских и литовских древностей. Но весьма показателен тот факт, что в 1920-е гг. в изданиях академии не было опубликовано ни одной его работы. В 1929 г. в связи с изменением структуры ГАИМК он был освобожден от заведования разрядом русской археологии, 19 сентября 1930 г. было издано распоряжение № 189, гласившее: «По постановлению Комиссии по чистке аппарата Академии объявляется общественное порицание Н. В. Малицкому, М. И. Максимовой, Л. А. Мацулевичу, А. А. Спицыну, Н. П. Сычеву, К. К. Романову, участвовавшим совместно с белоэмигрантами в пражском сборнике *Seminarium Kondakovianum* в статьях явно враждебных советской науке, открыто показавших антисоветские и антинаучные направления, несовместимые с положением советских ученых» (РА ИИМК РАН Ф.2. Оп.1. 1929 г.

Ед. 7. Л. 209). Вскоре, в декабре 1930 г., последовало и увольнение А. А. Спицына из ГАИМК «в связи с производственным планом 1931 г. и необходимостью усиления научного состава Академии в методологическом отношении» (курсив мой. — И. Т.) (РА ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Ед. 11. Л. 98).

²² Вскоре после смерти А. А. Спицына его учеником В. И. Равдоникасом был напечатан некролог, в котором давалась очень высокая оценка его научной деятельности (Равдоникас 1931: 54–62). В 1948 г. (Жебелев 1948; Бич 1948) и в 1958 г. (Пасек, Латынин 1958) в «Советской археологии» были помещены статьи, посвященные А. А. Спицыну. В ноябре 2008 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная научная конференция «История и практика археологических исследований», посвященная 150-летию со дня рождения А. А. Спицына (История и практика 2008).

²³ Общий список трудов А. А. Спицына насчитывает более 300 наименований, среди которых более десяти крупных монографических изданий (Список 1948).

Литература

- Бердинских 2003* — Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М. 2003.
- Берестецкая 1994* — Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Исследования по русской истории. Вып. 2. М. 1994.
- Бич 1948* — Бич О. И. Архив А. А. Спицына // СА. X. 1948.
- Бухерт 2000* — Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и кружок русских историков // Археографический ежегодник за 1999 год. М. 2000.
- Веселовский 1900* — Веселовский Н. И. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. СПб. 1900.
- Длужневская 2007* — Длужневская Г. В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. № 14. М. 2007.
- Ждан 1999* — Ждан (Спицына) Е. А. Из далекого прошлого. Калуга. 1999.
- Жебелев 1948* — Жебелев С. А. Археолог — энтузиаст (Памяти А. А. Спицына) // СА. X. 1948.
- История и практика 2008* — История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию А. А. Спицына. СПб. 2008.
- Пассек, Латынин 1958* — Пассек Т. С., Латынин Б. А. К столетию со дня рождения А. А. Спицына (1858–1958) // СА. № 3. 1958.
- Петряев 1986* — Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. Киров. 1986.
- Платонов 1921* — Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Кн. 2. Пг. 1921.
- Равдоникас 1931* — Равдоникас В. И. Памяти А. А. Спицына // Сообщения ГАИМК. № 9/10. 1931.
- Список 1948* — Список ученых трудов А. А. Спицына // СА. X. 1948.
- Спицын 1928* — Спицын А. А. Мои научные работы // Seminarium Kondakovianum. Т. 2. Прага. 1928.
- Тихонов 2003* — Тихонов И. Л. «Интерес к археологии появился у меня в университете»: А. А. Спицын // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II. СПб. 2003.
- Тихонов 2007* — Тихонов И. Л. Русский востоковед, нумизмат, археолог В. Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского (1928–2004). СПб. 2007.
- Тихонов 2008* — Тихонов И. Л. Триада деятельности А. А. Спицына в Петербурге: Археологическая комиссия, Русское Археологическое общество, Университет // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию А. А. Спицына. СПб. 2008.
- Толстой 1997* — Толстой И. И. Дневник 1906–1916. Публикация Л. И. Толстой. СПб. 1997.

MEMOIRS OF V. G. DRUZHININ ABOUT A. A. SPITSYN

I. L. Tikhonov

This paper is concerned with the previously unknown and unpublished recollections of the historian Vasiliy Grigor'evich Druzhinin about the prominent Russian archaeologist Alexander Andreevich Spitsyn. These memoirs written in 1933 are kept in the Russian State Archives of Literature and Arts, Moscow. Spitsyn and Druzhinin had been acquainted and friends since their university days. From 1889 until 1896, Druzhinin was an assistant of the Imperial Archaeological Commission; at its request he conducted small-scale excavations and became a pioneer of photography in the Commission's activities. It is exactly he who had a considerable role in Spitsyn's entering the Archaeological Commission in the beginning of 1892 and who helped Spitsyn to come to feel at home there. The memoirs written by a person who was closely acquainted with Spitsyn are an important documental source and present more precisely certain moments in the biography of the outstanding archaeologist.

«ДОСКИ ГРОБНЫЕ»: СТРАННЫЕ РЕЛИКВИИ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

На Руси христианских реликвий было мало. Первоклассных (по позднейшей классификации), то есть мощей святых, можно пересчитать по пальцам одной руки. Это были мощи папы Климента и его ученика Фива, привезенные Владимиром из Корсуня и хранящиеся в Десятинной церкви; разумеется, мощи св. Бориса и Глеба в Вышгороде и предположительно перст Иоанна Крестителя, также хранящийся в Киеве (Флора 1989: 185–188)¹. За всю домонгольскую историю этот фонд пополнился весьма скудно².

Доступность реликвий, разумеется, существенно увеличивалась после иноземных завоеваний. Известно, какое количество мощей оказалось на За-

паде после падения Константинополя в 1204 г. Разорение столицы Византии создало целый новый рынок христианских реликвий, истинных и мнимых. Как кажется, Русь также смогла воспользоваться новыми обстоятельствами для увеличения фонда реликвий. Так, в 1218 г. полоцкий епископ принес из Константинополя (латинского!) князю Константину Всеволодовичу части страстей Христовых, обе руки мученика Лонгина и мощи Марии Магдалины: «Приде еп̄пъ Польшьскыи . изъ Цѣраграда к великому князю Костантину Володимеръ . [...] и принесе кѹму стеру часть ѿ стрѣсти ѿ Гѣнь . ꙗже наѣ ради Влѣка Гѣсь Хѣъ ѿ Июдѣи претерѣпѣвъ пострада . и мощи стаѣ Логина . мѣнка сотника . стѣи него руцѣ

¹ Известная константинопольская святыня — «правая рука Иоанна Предтечи» (ныне во дворце Топкапи, Стамбул) — косвенно подтверждает такую возможность: отсутствует безымянный палец.

² В Печерском монастыре в Киеве хранились мощи св. Феодосия, в Ростове — епископа Леонтия, позднее, в 1231 г., перенесенные в соборную церковь (ЛЛ: 512). Речь, разумеется, идет о реликвиях, доступных для почитания. Оставляем в стороне вопрос о частицах мощей, закладываемых в престол при основании церквей, — их, можно полагать, было гораздо больше. Так, из легенды об основании Успенского собора Печерского монастыря (в Печерском патерике) знаем, что были принесены мощи св. Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Якова, Федора (Абрамович

1931: 6). Как кажется, единственный подобный мощевик был найден в Спасском соборе Чернигова. Судя по надписи («<ПантелеимоО> <Акакии> <Макавеи>»), он содержал мощи трех святых (Холостенко 1974: 199–202). Традиция, согласно которой мощи св. Варвары были принесены в Киев византийской женой Святополка Изяславича и хранились в Михайловском Златоверхом монастыре, — поздняя и недостоверная (Кабанец 2004: 179–187), как и сам этот брак (Kazhdan 1988–1989: 419). К списку реликвий домонгольского времени нужно добавить те, что были принесены Добрыней Ядрейковичем из Константинополя: частицу ризы св. Федора Стратилата, часть мощей св. Власия Севастийского и часть камня, находившегося в головках гроба св. Иоанна Богослова (Книга Паломник 1899).

вбѣ . и мощи стѣна Мрѣа Магдалыни . Холюбивѣи же кна³ Костантинъ с радостью великою створи праздыньство свѣтло ш приходѣ ихъ . и постави и оу Възнесе|нья в монастыри . передѣ Золотыми вороты . и бѣвшю днѣ стго въскрѣнья Гѣна . и приспѣ ѿ днѣ памѣ ста^т мѣнка Логина . повелѣ кна³ Костантинъ по ѿпѣты заутрени . ѿ стѣна Бѣа сборныа . и ѿ ста^т Дмитриа . ити всему народу съ крѣты епѣпу со всѣмъ клиросомъ . и самъ кна³ с своими блгородными снѣми . и со всѣми болары . идоша к стму Възнесе|ню . взатъ же епѣпъ на главу свою стую ту раку . в не^нже бѣ положено стое то скровище . и тако възвратишаса в гра^л . и идоша къ стму Дмитрию . поуще и славаще Гѣа на шго Гѣсъ Хѣа . и ту цѣлова епѣпъ . и хѣолюбивѣи кна³ Костантинъ . и вси правовѣрнии члѣци :» (ЛЛ: 441–442). Судя по тому, что все реликвии сохранились в одной небольшой раке, это были частицы мощей, но и такие фрагменты были целым событием, достойным пышно проведенного и детально описанного праздника.

Вероятно, такого же происхождения были и реликвии, суммарно упомянутые под 1231 г. в сообщении о поставлении епископа Кирилла Ростову, прославляемого за церковное украшательство, но еще больше за то, что он «внес в стую цркъвь . крѣты чѣтныа . многы мощи стхъ . в рака^х прекрасны^х . в заступленѣ и покровѣ . и оутверженѣ

граду Ростову . и хѣолюбцю князю Василкови . и кнагинѣ его . и снѣи его Борису :» (ЛЛ: 458)³.

Нехватка мощей общецтимых святых приводила к тому, что ценили и мощи «новых» мучеников: в 1230 г. торжественно перенесли во Владимир останки за год перед тем пострадавшего «от Болгар» Аврамия (ЛЛ: 452–453).

До 1204 г. первоклассные реликвии были чрезвычайной редкостью. Поэтому естественным желанием было увеличить число святых за счет т. н. «контактных реликвий», то есть предметов, предположительно входивших в соприкосновение с телесными останками святого⁴. Но поскольку и такие реликвии были редкостью на свободном рынке, желающие обладать ими становились жертвами подлога и обмана.

Под 1212 г. в панегирике Всеволоду Юрьевичу, помещенном в Лаврентьевской летописи, среди прочих заслуг князя упомянуто создание церкви Св. Дмитрия во Владимире, ее украшение «иконами и писаньем», а также — реликвиями св. Дмитрия: «и принесѣ доску гробную изъ Селуна . ста^т мѣнка Дмитриа . мюро непрестанно точащю . на здравье немощнѣ^м в тои цркви постави . и сорочку того^к мѣнка ту же положи . и манастѣрь созда в не^м . цркъвь камену Ржѣтвое стѣзѣа Бѣа» (ЛЛ: 437). Как выясняется из иного сообщения той же летописи, реликвии (или, ско-

³ Правда, может статься, что многочисленные реликвии в раках — это всего лишь мощи первого ростовского епископа Леонтия, согласно другим летописям как раз и перенесенные в 1230 г. из церкви Св. Иоанна в соборный храм Ростова: «Мѣца февра^л . ке . на память стго ѿца Тарасиа . принесени быша мощи великаго стла чудотворца епѣпа Левнѣа . изъ цркви стго Ивана . а въ церкви зборнѣу стѣна Бѣа Ростовѣ» (ЛЛ: 512).

⁴ В Ростове, например, в церкви Иоанна Предтечи, хранилась «вощаница с вино^м . юже нѣщи мнаху яко бѣ Левнова епѣпа . пре^к бѣвшаго в Ростовѣ» (ЛЛ: 436). Ее происхождение обеспечило чудесную сохранность в огромном пожаре, постигшем церковь в 1211 г. Вероятно, наиболее знаменитой реликвией подобного рода был меч св. Бориса, хранившийся в личных покоях Андрея Юрьевича Боголюбского.

рее, только первая из них) были принесены в 1198 г.: «тоє же зимы принесена [бы^ѣ] дска ис Селуна . гробн^а ста Дмитриа . мѣца . геньваря . въ . 1 . днь . на пама^ѣ ста^ѣ ѿца Григорья Нисьскаго .» (ЛЛ: 414, Радз.: 129)⁵.

Эти реликвии также стали доступны после завоевания — Солуни норманнами летом 1185 г. Но вот в том, что это были подлинные реликвии св. Димитрия, позволено усомниться. В литературе существуют различные толкования относительно того, что представляли собой эти реликвии св. Димитрия. Разнотолки вызывает даже, казалось бы, довольно ясно упомянутая «сорочка»: часть исследователей считает ее «частицей окровавленной сорочки» (Каштанов 2001: 45), часть — фрагментом плаща святого или покрова его гробницы (Bakirtzis 2002: 186). Судя по тому, что эта реликвия не упомянута в сообщении 1198 г., она попала во Владимир позже, после крестового завоевания Константинополя, когда латинский епископ Солуни Варинус оказался в состоянии обнаружить и отослать на Запад многочисленные реликвии св. Димитрия (Bakirtzis 2002: 186). Дело в том, что до этого времени никакие реликвии св. Димитрия, кроме названных в т. н. *Passio altera* орариума и золотого кольца (Woods 2000: 221–234), не были известны.

Еще большие трудности для толкования вызывает «доска гробная». Ее считают то ростовой иконой с саркофага св. Димитрия (Каштанов 2001: 45; со ссылкой на: Зверев 2000: 119–120), то «деревянной доской с гроба с изображением св. Димитрия как воина» (Bakirtzis 2002: 186; со ссылкой на: Смирнова 1997⁶), то есть — тоже своего рода иконой. Однако утверждение,

будто эта доска содержала ростовое изображение св. Димитрия, находится в области домыслов, вызванных, как кажется, попытками согласовать с летописным сообщением позднейшие реликвии Дмитриевского собора⁷.

Чтобы понять, чем могла быть принесенная на Русь «доска гробная», необходимо краткий экскурс в историю солунского культа и реликвий св. Димитрия. Традиция считает св. Димитрия воином, пострадавшим в самом начале IV в. во время гонений на христиан императора Диоклетиана. Примечательно, однако, что наиболее ранние жития появляются только в IX в. (Woods 2000), и истоки почитания св. Димитрия, вообще говоря, неясны (Walter 2003: 67–74). Ясно, впрочем, что базилика Св. Димитрия в Фессалониках сооружена не на месте изначального погребения святого: в римскую эпоху кладбища размещались вне городских стен, а следовательно, расположенная в центре города церковь не может содержать оригиналь-

⁵ Всеволод, несомненно, ощущал особую связь с Солунем и св. Димитрием, его патрональным святым. Увы, иногда привлекаемые для демонстрации этого утверждения сведения Новгородской Первой летописи младшего извода о якобы имевшем место паломничестве Всеволода в Солунь около 1177 г. (НПЛ: 468; ср.: Каштанов 2001: 45) принадлежат к числу поздних и недостоверных.

⁶ Эта работа была мне недоступна.

⁷ Развитие этой легенды можно проследить в поздних летописях. Московский летописный свод XV в. так поправляет известие своего источника: «принесе же дьску святаго Дмитриа из Селуны града съ гроба его и постави ю в тои церкви» (МЛС: 109), практически идентично и в Воскресенской летописи (Воскр.: 118). В Никоновской летописи, разумеется, находим дальнейшую детализацию: «въ ней же и икону постави, юже принесе изъ Селуны з гроба святаго великомученика Дмитрея, миро непрестанно точаща» (Ник.: 65). Из этих позднейших домысливаний выросла легенда ростовой иконы св. Димитрия из Московского Кремля (Дмитриевский собор 1997: 229).

ного «гроба» святого. Существует две конкурирующие теории, объясняющие этот и иные необычные факты: одна из них связывает начало почитания с перенесением в Солунь реликвий иного св. Димитрия — дьякона из Сирмиума — и последующее переосмысление его как святого-воина; более новая гипотеза состоит в том, что начала почитания связаны с перенесением в Солунь реликвий испанских святых воинов Эметерия и Хелидония в начале правления императора Феодосия (Woods 2000).

Как бы там ни было, фактом остается, что (вопреки распространенному убеждению в том, будто где-то под базиликой существует «гроб» св. Димитрия) солунские епископы так никогда и не были в состоянии предъявить его мощи, даже в ответ на неоднократные требования императоров прислать их в Константинополь. Неизвестны и какие-либо «контактные реликвии» Св. Димитрия. Как отмечает Харламбос Бакирцис, культ Св. Димитрия между VII и XV в. можно разделить на два периода: до появления мирра и после. Первое историческое свидетельство о мирроточивости датируется только 1040 г. До появления мирра фокусом почитания и паломничества был шестигранный покрытый серебром деревянный киворий, расположенный в центре храма⁸. В это время предполагали, что могила св. Димитрия находится где-то под киворием, но точное местоположение было неясным⁹. Архиепископ Иоанн, автор «Чудес Св. Димитрия», объяснял это тем, что во время гонений на христиан святых хоронили тайно, опасаясь идолопоклонников, почему в его времена в Фессалониках и не известны никакие могилы святых, кроме Св. Матроны (Bakirtzis 2002: 177).

Вероятно, именно отсутствие мощей святого и отсутствие точно установленного места его погребения привело в конце концов к обретению мирра, так как считалось, будто мирро источают целохранимые тела святых. Наличие мирра, следовательно, удостоверяло, что мощи святого — вопреки отсутствию «гроба» — все же находятся где-то под церковью. Обретение мирра, однако, перенесло фокус почитания и паломничества в иную часть базилики и на иное, специально созданное сооружение: мраморный «ларнакс» в одном из северных приделов базилики. Именно это сооружение, из-под которого по трубам в окружающие бассейны точилось мирро, в XII в. (например, в описании солунского архиепископа Евстафия) называли «гробом» святого (Bakirtzis 2002: 180). Это сооружение не сохранилось (в постлатинский период фокус паломничества передвинулся еще раз) и реконструируется весьма приблизительно на основании описаний как двухъярусная конструкция с видимым кенотафом и нижней секцией, якобы содержащей (по поверию) тело святого. Над кенотафом, вероятно, был балдахин (Bakirtzis 2002: 182).

Словарь толкует *гробьни* в нашем примере как прилагательное от *гробъ* в значении «гроб, рака» (СлРЯ 1989: 392)¹⁰.

⁸ Предполагают, что известный ковчег св. Димитрия середины XI в., хранящийся ныне в Музее Кремля (Evans, Wixom 1997: 77–78, № 36), есть модель этого кивория (Bakirtzis 2002: 179; Walter 2003: 74, 84).

⁹ Обзор археологических аспектов культа св. Димитрия в Солунской базилике см.: Walter 2003: 73–76, 78–79.

¹⁰ Судя по тому, что редакторы словаря не внесли наш пример в статью *дъска* в значении «доска с изображением, икона» (СлРЯ 1990: 126), они не видели возможности толковать принесенный из

Какая же часть описанного выше сооружения — «гроба» — могла быть привезена на Русь и названа «доской гробной», точащей мирро? Хотя «доской» могли называть также и каменную плиту, в том числе мраморную (СлРЯ 1990: 125–126), в нашем случае речь, скорее, должна идти именно о деревянной доске, что лучше согласуется со способностью источать мирро. Но никаких деревянных конструктивных деталей «ларнакс» в базилике Св. Димитрия не содержал. Напротив, из таких деревянных досок (покрытых серебром) был составлен более ранний киворий. Из литературы неясно, сохранялся ли он после обретения мирра и создания нового «гроба» в другой части базилики. Некоторые исследователи как будто исходят из того, что оба «гроба» не существовали (Bakirtzis 2002: 189), в то время как иные полагают возможным утверждать, будто старый киворий был разрушен только в 1185 г. норманнами (Walter 2003: 75). Во всяком случае, к 1198 г. он уже не считался «гробом» святого.

Сообщение о еще одной «доске гробной» содержится в Ипатьевской

летописи под 1134 г.: «В лѣто ꙗ̄с̄ х̄ м̄в̄. Престависѧ . Изславъ Глѣбовичъ . маѧ въ дѣ . в се же лѣто . принесена бы^ѣ дѣска . оконечная гроба Гнѧ . Дионисѣмъ послалъ бо бѣ Мирославъ ···» (ИЛ: 295). И Дионисий, и его патрон Мирослав упомянуты как всем известные личности, что сегодня чрезвычайно затрудняет их идентификацию. Составители указателей к новому изданию Ипатьевской летописи полагают, что Мирослав — это Мирослав Гюрятинич, новгородский посадник, и, следовательно, «доска оконечная» была принесена в Новгород. Это ошибочно: в южной, киевской летописи новгородец едва ли был бы назван так естественно-небрежно¹¹. Скорее, речь идет о киевском боярине Мирославе Андреевиче «Хиличе внуке», фигурирующем в сообщениях Ипатьевской летописи 1140-х гг.¹².

Понять, какой именно предмет принес Мирославу Дионисий, не так легко. Прежде всего потому, что «оконечная», судя по всему, представляет собой *haraх*. И. И. Срезневский толковал слово как «концевой, находящийся на

Солуни предмет как икону. Предполагают, что в солунском «гробе» св. Димитрия было изображение святого. Так, в 1149 г. по приказу императора Мануила I Комнина «покрытие» ларнакса с изображением святого было перевезено в Константинополь и помещено в монастыре Пантократора, а взамен было выполнено новое «покрытие» (Bakirtzis 2002: 186, п. 78). Однако идея, что это была деревянная ростовая икона, — лишь предположение, навеянное попытками связать существующую икону из Дмитриевского собора во Владимире с солунскими реликвиями. Кроме того, не существует никаких свидетельств тому, что византийские изображения святого источали мирро. Более ранний киворий, судя по описаниям, содержал серебряную лавку, «на которой было отпечатано лицо мученика» (Bakirtzis 2002: 187).

¹¹ На выбор составителей указателя повлияло, видимо, то обстоятельство, что Мирослав Гюрятинич упомянут под 1134 г. в Новгородской Первой летописи (НПЛ: 208).

¹² Мирослав Андреевич был одним из наиболее приближенных бояр Всеволода Ольговича и от имени князя приводил в 1145 г. к присяге Давыдовичей (ИЛ: 321). После смерти Всеволода он упомянут (под 1146 г.) как приближенный его брата Олега (ИЛ: 325), предавший его, впрочем, после совещания на вече с киевлянами (что выдает его не-черниговское происхождение). Мирослав, надо полагать, принадлежал к известному в Киеве семейству. Позднее встречаем внука Мирослава Ивора Юрьевича («Мирославль вноукъ») (см.: ИЛ: 327), еще позднее — вероятно, правнука, также Ивора (Мирославича) (см.: ИЛ: 619).

конце, на краю» (Срезневский 1895: 646–647). Новейший словарь еще более лаконичен: «находящийся с краю, крайний» (СлРЯ 2000: 111–112). Напротив, хорошо известно, что «Гроб Господень» — пещера, где до Воскресения находилось тело Иисуса. Никаких конструктивных деталей в виде «досок» здесь не предполагается.

В похвале княгине Ольге Иаков Мних описывает ее «гроб» следующим образом: «ѣсть гробъ бл҃жныя Олгы и на верху гроба оконце створено» (Срезневский 1893: 594). Было бы соблазнительно думать, что доска «оконечная» — это не «крайняя» доска (прилаг. от «коньць»), но плита с проделанным в ней оконцем (от «оконьце», с иной акцентуацией).

Преследуя далее этот след, можем, как кажется, положительно идентифицировать, что же именно принес Дионисий из Иерусалима в Киев. К счастью, мы имеем довольно близкое по времени описание Гроба Господня, оставленное игуменом Даниилом: «Есть же сице гробъ Господень: яко печерка мала у камени съчена, дверци имущи малы, яко можеть человекъ влѣсти на колѣну поклонься. <...> И яко влѣзуче въ пещерку ту дверцами малыми, и на деснѣй руцѣ есть яко лавица засъчена въ томъ же камени пещернѣмъ, и на той лавицѣ лежа тѣло Господа нашего Иисуса Христа. Есть нынѣ лавица та святая покрыта дѣсками мраморяными (здесь и далее курсив мой. — А. Т.). Суть на странѣ продѣлана оконца 3 круга, и тѣми оконци видиться святыи тѣ камень, и тудѣ цѣлуютъ вси христьяне» (Житѣе и хоженье 1883: 18)¹³.

Итак, судя по описанию Даниила, в начале XII в. вырубленная в скале ле-

жанка, где, по приданию, находилось тело Христа, была покрыта мраморными плитами («дѣсками»). Притом одна из этих плит, крайняя («на стране»), имела три «оконца», сквозь которые и можно было видеть собственно камень «гроба». Это и была «оконечная» плита¹⁴.

Идентифицированная как Гроб Господень пещера была заключена в своего рода футляр, строение, получившее в византийской традиции наименование Κουβούκλιον, а в латинской *aediculum* (игумен Даниил называет ее «теремец»). После разрушения церкви Воскресения фатимидским халифом ал-Хахимом в 1009 г. византийцы смогли восстановить в середине XI в. восточную часть храма, включая ротонду и *кувуклий* с Гробом Господним¹⁵. После Первого Крестового похода предприняты были новые, более масштабные, восстановительные работы, завершившиеся (в 1131–1149 гг.) при королеве

¹³ «Досками мороморяными» Даниил называет также и плиты, которыми была «оделана» «трапеза» на горе Елеонской (Житѣе и хоженье 1883: 39). Вообще для Даниила любая мраморная плита — вымостка площади или облицовка стен — «доска» (Житѣе и хоженье 1883: 29, 39).

¹⁴ Поразительно, но по совпадению такая доска (и крайняя, и с оконцами) удовлетворяет обоим возможным толкованиям слова «оконечная».

¹⁵ Довольно подробное описание «теремца» состоянием на начало XI в. приводит игумен Даниил: «Есть пещерка та святая одѣлана около краснымъ мраморомъ, яко имѣнь, и столпци около мраморомъ краснымъ стоять числомъ 12. Верху же надъ пещеркою сдѣланъ яко теремецъ красенъ на столпѣхъ, верху круголъ и сребренными чешуями позлащенными покованъ; и на врѣхъ того теремца стоить Христось, сдѣланъ сребромъ яко въ мужа болѣе, и то суть фрязи сдѣлани. И нынѣ есть подъ самымъ верхомъ тѣмъ непокрытымъ. Суть двери 3-и у теремца того учинени хитро, яко и решето крестьци. И тѣми дверми влазять людие къ гробу Господню. Да то есть гробъ Господень былъ пещерка та, якоже то сказахъ: испытахъ добръ отъ сущихъ ту издавна и вѣдущихъ поистиннѣ вся та святая мѣста» (Житѣе и хоженье 1883: 18).

Мелисенде. Эти работы затронули и *aediculum*, в частности, лежанка Христа была покрыта золотом, предоставленным императором Мануилом I Комнином (Morris 2005). Важно, что игумен Даниил видел и описал *кувуклий* до начала восстановительных работ.

Можно думать, что в начале 1130-х гг. «гроб Господень» подвергся какому-то ремонту, вероятно, с заменой мраморных досок, самую значительную из которых («тудѣ цѣлуютъ вси христьяне») и удалось заполучить киевскому боярину Мирославу¹⁶. Это было сделать тем легче, что «доска оконечная», судя по описанию Даниила, не была закреплена (что, кстати, свидетельствует о ветхости и необходимости ремонта): за небольшую плату «ключарь» Гроба Господня отодвинул ее и даже отковырял для Даниила частицу настоящего камня: «и къ тому ми удвигнувъ дощѣку, сущую во главахъ гроба Господня святого, и уятъ ми того святого камня мало благословеніе, и запрѣтивъ ми с клятвою никому не повѣдати въ Іерусалимѣ. Азъ же, поклонився гробу Господню и ключареви, и возьмъ кандло свое съ масломъ святымъ, изидохъ изъ гроба святого съ радостію великою, обогатився благодатію Божією и нося въ руку моею даръ святого мѣста и знаменіе святого гроба Господня». Странно, что этот камешек, гораздо более аутентичная реликвия, остался не замеченным на Руси.

¹⁶ Если Дионисий принес только одну из нескольких досок, покрывавших лавку, она не должна была быть слишком громоздкой: Даниил оценивает длину «лавицы» в 4 локтя. Обмерам Даниила можно верить: он «измерял собою».

¹⁷ Не вполне ясно, зачислял ли Добрыня Ядрейкович в число этих двух досок ту, что названа им «доска верхняя»: «Во притворѣ же за великимъ олтаремъ вчинены во стенѣ Гроба Господня верхъ-

Сколько мраморных досок покрывало лежанку до ремонтных работ, неизвестно. Но последующую судьбу еще двух из них можно установить. Приблизительно через сто лет после паломничества Даниила и почти через семьдесят лет после принесения одной из досок на Русь их видел в Константинополе Добрыня Ядрейкович. Из его описания святынь Царьграда явствует, что доски демонстрировались в Св. Софии как особо ценные реликвии: «Преже поклонихомся святѣи Софѣи і пресвятаго Гроба Господня двѣ досцѣ цѣловахомъ і печати гробныя і икону пресвятыя Богородицы, держащую Христа» (Книга Паломник 1899)¹⁷.

Строго говоря, обе «доски гробные», попавшие на Русь в XII в., не могут быть отнесены к числу реликвий, даже «контактных», так как происходят из сооружений, созданных гораздо позже и не входивших в соприкосновение с телами. Солунская доска была частью сооруженного в XI в. «гроба», иерусалимская — частью *кувуклия*, «теремца», заключавшего в себе пещеру Гроба Господня. Впрочем, в случае с Гробом Господним святость места была такова, что многие прилигримы испрашивали «благословление» даже от достоверно новых предметов (масла лампад, специально внесенной нака-

ния доска і посохъ желѣзень» (Книга Паломник 1899). Х.М. Лопарев полагал, что речь идет о той доске, которую Добрыня целовал «прежде всего». Однако паломник целовал именно *две доски*; особое обозначение этой — «верхняя», — как кажется, призвано отличить ее от тех двух. Если это отдельная реликвия, общее число досок должно было равняться четырем, и, следовательно, размер одной доски равен одному локтю.

нуне земли), оказавшихся внутри Гроба (Vilkan 1982: 11). Для византийцев Гроб Господень был не сооружением, но одной огромной реликвией (Vilkan 1982: 20), и, следовательно, любая часть сооружения могла восприниматься как реликвия.

Обе истории любопытны, кроме прочего, и тем, что демонстрируют предприимчивость, а также недюжинное влияние (вероятно, подкрепленное материально), которым могли пользоваться люди из Руси в Иерусалиме или Солуне, если решали раздобыть реликвии.

Литература

- Абрамович 1931* — Абрамович Д. Киево-Печерський патерик. Вступ, текст, примітки. Київ. 1931.
- Воскр.* — Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. М. 2001.
- Дмитриевский собор 1997* — Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М. 1997.
- Житъе и хоженъе 1883* — Житъе и хоженъе Данила Русския земли игумена. 1106–1108 гт. // Православный Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 3. СПб. 1883.
- Зверев 2000* — Зверев А. С. Константинопольские и греческие реликвии на Руси // Христианские реликвии в Московском кремле. М. 2000.
- ИЛ* — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т.2. М. 1998.
- Кабанец 2004* — Кabanец Е. К вопросу о формировании локальных христианских культов на Украине (на примере почитания св. великомученицы Варвары) // Культурные памятники в мировой культуре: Археологический, исторический и философский аспекты. Сборник научных трудов. Севастополь. 2004.
- Каштанов 2001* — Каштанов Д. В. К истории связей Северо-Восточной Руси и Фессалоники во второй половине XII — начале XIII в. // Славяне и их соседи. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. М. 2001.
- Книга Паломник 1899* — «Книга Паломник». Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 году. Под ред. Х. М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. Т. XVII, вып. 3. СПб., 1899.
- ЛЛ* — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т.1. М. 1997.
- МЛС* — Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т.25. М. 2004.
- Ник.* — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение) // ПСРЛ. Т.10. М. 2000.
- НПЛ* — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т.3. М. 2000.
- Радз.* — Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т.38. Л. 1989.
- СлРЯ 1989* — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2. М. 1989.
- СлРЯ 1990* — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М. 1990.
- СлРЯ 2000* — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М. 2000.
- Смирнова 1997* — Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М. 1997.

Срезневский 1893 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб. 1893.

Срезневский 1895 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб. 1895.

Флоря 1989 — Флоря Б. Н. К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР. М. 1989.

Холостенко 1974 — Холостенко Н. В. Мощеница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. Л. 1974.

Bakirtzis 2002 — Bakirtzis C. Pilgrimage to Thessalonike. The Tomb of St. Demetrios // *Dumbarton Oaks Papers*. 56. 2002.

Kazhdan 1988–1989 — Kazhdan A. Rus — Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // *Harvard Ukrainian Studies*. XII–XIII. 1988–1989.

Morris 1982 — Morris C. *The Sepulcher of Christ and the Medieval West*. Oxford. 2005.

Vilkan 1982 — Vilkan G. Byzantine Pilgrimage Art // *Dumbarton Oaks. Byzantine Collection. Publications*. No 5. 1982.

Walter 2003 — Walter C. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition* // Aldershot. Hants. Burlington. VT. Ashgate. 2003.

Woods 2000 — Woods D. Thessalonica's Patron. Saint Demetrius or Emeterius? // *Harvard Theological Review*. 93. 2000.

Evans, Wixom 1997 — Evans H.-C., Wixom W.-D. (ed.). *The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. AD 843–1261* // The Metropolitan Museum of Arts. New York. 1997.

«COFFIN BOARDS»: QUEER RELICS OF THE PRE-MONGOLIAN RUS

A. P. Tolochko

Until the beginning of the 13th century, the “first-rate relics”, i. e. the remains of saints were extremely rare in Rus. Therefore, quite natural was the desire to augment the number of sacred objects due to the so-called “contact relics” i. e. objects that presumably had been in close touch with the bodily remains of some saint.

This paper analyzes information on one group of the relics — “coffin boards” brought to Rus in 1134 from Jerusalem and in 1198 from Thessalonica. In the strict sense, the two “coffin boards” brought to Rus in the 12th century both cannot be ascribed to the number of relics, even of the “contact” ones, since they come from much younger structures which had not be in contact with the bodies of saints. The Thessalonica board was part of the “coffin” of St Demetrius; the one from Jerusalem was part of a *cubiculum* — a “chamber” containing the cave of Christ’s Coffin. However, in the case of Christ’s Coffin, the sacredness of the place was such that many of the pilgrims asked blessing even from certainly recent objects (oil from icon-lamp or earth specially deposited the day before) which were put inside the Coffin. For the Byzantines, the Coffin of Christ was not simply a structure but a single gigantic relic so that also any part of that structure may have been considered as a relic.

ПОРОКЫ — ОСАДНЫЕ ОРУДИЯ XIII в.

Предложенную статью мне хотелось предварить словами благодарности А. Н. Кирпичникову — крупнейшему отечественному историку военного дела Киевской Руси, оказавшему влияние в том числе и на мои студии в этой области. Отдельные определенно были инициированы Анатолием Николаевичем, благодаря вовлечению меня в работу тематических конференций, организатором и координатором которых он являлся. Опосредованно он сопричастен к появлению и этой работы. Точнее, его славный юбилей, понудивший вернуться к одному из сюжетов, лишь попутно затрагивавшемуся в моих ранних работах.

В свое время, объясняя причины обрушения стен Десятинной церкви во время штурма Киева монголо-татарами в декабре 1240 г., я предположил, что одной из них были стенобитные осадные орудия — пороки, как они именуются в летописи. Те самые, которые Батый поставил у Лядских ворот и разбивал ими городские стены: «Постави же Баты пороки городу подлѣ вратъ Лядскихъ, ту бо бѣаху пришли дебри: порокомъ же бес престани бьющимъ день и ночь, выбиша стены» (ИЛ: 785).

Учитывая, что после овладения «городом Ярослава» монголо-татарам

пришлось штурмовать также и аналогичные укрепления «города Владимира» («гражанѣ же создаша паки другой градъ, около святое Богородицѣ»), исключать применение пороков и здесь не приходится. И тем не менее утверждать, что они разрушили Десятинную церковь, нет достаточных оснований. По крайней мере, такой вывод не имеет летописного подтверждения. Ни в этом конкретном случае, ни в других.

О пороках русские летописцы говорили начиная с 30-х гг. XIII в. До начала 60-х гг. того же столетия в летописях содержится около десятка упоминаний о них, и все они находятся в сообщениях об осадах того или иного города. Определенно именно в это время это давнее оружейное изобретение получило особое распространение. Его знали не только монголо-татары, но и венгры, а также русские.

Впервые пороки упомянуты в статье 1233 г. Ипатьевской летописи в рассказе о сражении под стенами Перемышля венгров под водительством королевича Андрея с русскими дружинами Владимира Рюриковича и Даниила Романовича. Победа осталась за русскими князьями, венгры вынуждены были в спешке отступить к Галичу, бросив свои осадные орудия: «Бишася

о мост со Володимѣромъ и Даниломъ, и отбивъшися имъ, угре же воротишася к Галичу и пороки пометавше» (ИЛ: 770–771).

Второе известие о пороках содержится в статье 1234 г., где речь идет об осаде названными выше князьями Чернигова. Все закончилось в конечном итоге миром, но после, как говорит летописец, «лютого» боя, в котором были применены пороки, названные таранами: «Лють бо бѣ бой у Чернигова, оже и таранъ на ны поставиша, меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, а камень якоже можаху четыре мужи силнии подъяти» (ИЛ: 772).

Из приведенного текста явствует, что речь в нем идет об орудии, при помощи которого осаждавшие пытались разбить городские стены. Наверное, и размеры камней, и дальность их полета несколько преувеличены, но очевидно,

что это была мощная камнеметательная машина.

О таких осадных орудиях сообщает статья 1259 г. Татарский воевода осадил Луцк и поставил перед городским мостом пороки, пытаясь выбить оттуда его защитников. Но тут, как отметил летописец, «Богъ же чудо створи, и святой Иванъ и святой Никола, вѣтру же таку бывшу, яко порокомъ вѣргшу, вѣтръ же обращаше камень на нѣ, паки же мечющемъ на нѣ крѣпко, изломися Божею силою, пракъ ихъ» (ИЛ: 842).

Разумеется, трудно комментировать чудо, но не исключено, что возвращавшиеся на татар камни, которые разрушили их пороки, были теми, которые метали из аналогичных орудий осажденные лучане. О том, что в западнорусских городах такие орудия в годы монголо-татарской оккупации были, свидетельствует летописная статья

Рис. 1. Осада Багдада монголами. Пороки под стенами города

1261 г. Бурундай не решился на штурм столицы Галичины Холма потому, что город обладал значительными ресурсами для успешного его отражения: «Пришедшимъ же имъ к Холмови, город же затворенъ бысть, и сташа пришедше к нему одалъ его, и не спѣша [вои его] ничтоже: бяхуть бо в немъ боярѣ и людье добрии, и утвержение города крѣпко, пороки и самострѣлы» (ИЛ: 851)¹.

По существу, во всех случаях пороки предназначались наступавшими для того, чтобы проделать бреши в забороллах — деревянных стенах, идущих по земляному валу. Об этом говорится в рассказе о взятии Батыем Киева, но еще более отчетливо в сообщении об осаде Сандомира Бурундаем в 1261 г. И содержательно, и стилистически эти рассказы напоминают один другого: «И обступиша и со всѣ сторонѣ, и огородиша и около своимъ городомъ, и порокъ поставиша: и порокомъ же бьющимъ неослабно день и ночь, а стрѣламъ не дадущимъ выникнути изъ заборолъ, и бишася по четьрѣ дни, в четвертый же день сбиша заборолу с города» (ИЛ: 852).

Камнеметальные орудия прикрывались осаждавшими мощным огнем лучников. Плотность его была такой, что осажденные не могли и голову поднять из-за заборол. Об этом говорится не только в приведенном выше тексте, но и во многих других. Осада Владимира на Клязме сопровождалась камнеметанием и лучной стрельбой: «Татарамъ же пороки градъ бьущемъ, стрелами бещисла стрѣляющимъ»

(ИЛ: 780). В Киеве «стрелы омрачиша свѣтъ побѣженнымъ» (ИЛ: 785). Во время осады Люблина войсками Данила и Василька Романовичей «мечющимъ же пращамъ и стрѣламъ яко дождю идушу на градъ ихъ» (ИЛ: 796).

Лишь однажды в летописи сообщается о неэффективности татарских пороков, которые будто бы не могли справиться с укреплениями города Колодяжина: «И приде к городу Колодяжню, и постави порока 12 и не може разбити стѣны» (ИЛ: 786). Этот случай, по видимому, объясняется тем, что осада Колодяжина была непродолжительной — горожане, «послушавше злого свѣта», сдали свой город татарам.

При отражении атак обороняющиеся предпринимали смелые вылазки, чтобы уничтожить вражеские осадные орудия. Об одной из них, закончившейся успехом, сообщается в летописной статье 1238 г. Лаврентьевской летописи, рассказывающей об осаде монголо-татарами города Козельска: «И исшедше изъ града иссѣкоша праща ихъ» (ЛЛ: 522). О том, что такой боевой маневр не был редкостью, свидетельствует статья 1249 г. Ипатьевской летописи, в которой речь идет об осаде князем Ростиславом Михайловичем и его угорскими и польскими союзниками города Ярослава. Построив конницу в боевые порядки для отражения наступления дружин Данила Галицкого, Ростислав оставил пешее войско у городских ворот для прикрытия пороков: «Пѣшцъ же остави противу вратомъ града стрещи вратъ, да не изидуть на помощь Данилу и не исѣкутъ праковъ» (ИЛ: 802).

В двух летописных известиях о пороках или пращах содержится не совсем ясное упоминание о каких-то сосудах,

¹ Не исключено, что лучане имели какие-то камнеметательные машины и в более раннее время. Об этом можно заключить на основании свидетельства статьи 1149 г. Ипатьевской летописи: «А с города яко дождь камение метаху на нь» (ИЛ: 390).

которые приготавливались для взятия города. Первое относится к 1245 г., когда Данило и Василько Романовичи совершили дневной марш-бросок от Холма до Люблина: «Данило князь со братомъ Василкомъ совокупиша силу свою, и повѣлеста престроити праца и иные сосуды на взятие града, и придоста на градъ Люблинъ: одиного дне быста подъ градом ис Холма, со всеми своими вои и працами» (ИЛ: 796). Близкое свидетельство находится в уже упомянутой статье 1249 г. Отправляясь к Ярославлю Ростислав Михайлович также подготовил аналогичные средства для «взятия града»: «И собравъ ть зъмьльцѣ многи, сосуды ратные и градные и пороки» (ИЛ: 800).

О каких сосудах идет речь, сказать трудно. Первым и, кажется, естественным предположением является то, что летописец говорит о сосудах с горючей жидкостью, которые забрасывались пращами на городские стены для их поджога. Находит оно как будто и свое археологическое подтверждение. Имеются в виду небольшие конусовидные керамические сосуды с узким горлышком, обнаруженные на пути продвижения монголо-татарских орд. Они найдены в городах Волжской Булгарии, а также в Киеве и его окрестностях. Исследователи, обратившие на них внимание², в частности Л. Д. Дмитров (1943: 117–139), интерпретировали их как зажигательные бомбы, которые пращами или пороками забрасывались в осажденные города. Позже С. Е. Михальченко, Р. М. Джанполадян и Р. С. Орлов пересмотрели этот вывод, полагая, что

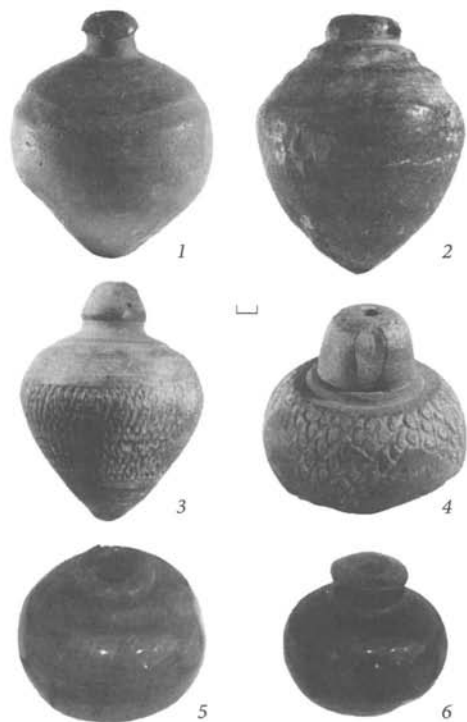

Рис. 2. Керамические гранаты с «греческим огнем»:

1–4 — Киев и его окрестности;
5–6 — Кания (Крит)

сфероконысы использовались в качестве тары для лекарственных снадобий или ртутных препаратов (Михайличенко 1974: 46–50; Джанполадян 1982: 12–24; Орлов 1991: 16–18). Подтвердить свое утверждение дополнительными данными исследователи не смогли.

Думается все же, что ближе к истине был Л. Д. Дмитров. В пользу его интерпретации свидетельствуют похожие находки сосудов в Греции, где они однозначно отождествляются с керамическими гранатами, заполнявшимися «греческим огнем». Датируются эти находки X—XII вв.

На Руси подобное новшество военной техники, судя по всему, не нашло

² Подробная библиография приведена в работе Р. М. Джанполадян (Джанполадян 1982: 5–13).

применения, хотя возможность такая и была. В 1184 г. во время битвы русских с половцами был захвачен необычный пленник, владевший технологией приготовления живого огня и приспособления для его использования: «И оно-го бесурменина яша, у него же бяшетъ живый огонь, то и того ко Святославу приведоша со устроенымъ (огнемъ)» (ИЛ: 636).

Свидетельств о том, что это военное изобретение, известное половцам, заинтересовало русских и было взято ими на вооружение, в летописи нет³. В связи с этим нет и оснований предполагать, что русские использовали в военных действиях конусовидные сосуды, о которых сказано выше. Следовательно, «сосуды» летописных статей 1245–1249 гг. означали что-то иное.

Но что? В древнерусское время термин «съсуд» имел много значений. Кроме основного — посуда или сосуд, были и другие — судно, лодка, орудие, инструмент (музыкальный), утварь, снасти (Срезневский 1903: 834–835). По контексту «съсуды» обоих летописных свидетельств ближе всего к орудиям, которые вместе с пращами и пороками применялись при взятии города. В статье 1249 г. они снабжены тремя прилагательными — ратные, градные и порочные, что указывает, по-видимому, на разные типы этих боевых сосудов.

Трудно сказать, в какой степени летописный рассказ отражает реалии

военного дела Руси и Венгрии середины XIII в. Определенно только, что он имеет в значительной степени литературное происхождение: зависит, вероятнее всего, от описаний аналогичных военных ситуаций, содержащихся в «Иудейской войне» Иосифа Флавия. Там «съсуды» также подразделены на три категории: «стѣнобичные», «градобичные» и «ратные» (Флавий 2004: 436а, 25–35; 441в, 21–26). Обнаруживаются и прямые текстуальные заимствования.

Несколько слов о том, как эти орудия доставлялись к месту сражений. Из летописной статьи 1249 г. определенно следует, что пороки строились (или собирались из готовых деталей) на месте перед штурмом города. Причем делалось это на виду у его защитников, нередко под их прицельным огнем. Вот как это описано в летописи: «Стоящу же ему (Ростиславу Михайловичу. — П. Т.) у града, и строящу пороки ими прииметь град, и бысть бой великъ пред градомъ, оному же велѣвшу своимъ охобитися, да не язвени будутъ вои его отъ гражданъ, дондеже устроить сосуды порочные» (ИЛ: 800–801). Согласно свидетельству Лаврентьевской летописи (статья 1237 г.), монголо-татары использовали для строительства пороков дерево из окрестных лесов. Так, в частности, было под Владимиром на Клязьме: «В субботу мясопустную почаша наряжати лѣсы и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города Володимеря» (ЛЛ: 462). Видимо, это была обычная практика с древних времен. По существу, подобная ситуация описывается и Иосифом Флавием: «И плотницы принесше ти съ оловомъ пустиша ото приспы къ стѣномъ измѣрити, аще угодно есть градобичныя

³ Судя по свидетельству Ипатьевской летописи (статья 1254 г.), поджоги осажденных городов осуществлялись русским старым и испытанным способом, при помощи соломы и дров: «Искахуть бо вои ѣздаще сѣмо и сѣмо дрѣва и соломы, што бы приврещи граду, не обрѣтоша, вся бо бѣ пожегль Володислав...И тѣмъ не зажжен бѣ градъ» (ИЛ: 825).

съсуды поставить, иначе бо не възмогоса измѣрити и бѣеми зѣ забралъ» (Флавий 2004: 441в. 21–24).

Из последнего свидетельства явствует, что команда, которая «устраивала» пороки, не просто выбирала для них подходящее место, но и измеряла расстояние от городской стены. Это связано было, по-видимому, с небольшой дальностью полета камней и оптимизацией прицельности боя самых пороков. Пускаемые из них камни должны были точно ложиться в цель, какой являлись заборолы у городских ворот. В связи с этим у защищавшихся появлялись возможности воспрепятствовать установке пороков, чем они иногда и пользовались.

При знакомстве с летописными извещениями о пороках нетрудно заметить, что это древнее изобретение практически не имело распространения в древнерусском военном деле. Из всех сообщений о пороках только единич-

ные определенно свидетельствуют об их использовании русскими. В двух случаях это связано с военными кампаниями Данила Галицкого, во время которых были подвергнуты осаде Чернигов и Люблин. В двух других — речь идет об осаде Луцка в 1149 г. дружинами Юрия Долгорукого и в 1259 г. ордой Бурундая — наличие пороков у русских можно лишь предполагать.

Чем это объяснить? Видимо, главным образом тем, что русским эти стенобитные орудия не были нужны. Большинство их соседей (кроме западных) практически не знали городских форм жизни. А следовательно, при военных столкновениях с ними достаточно было и традиционного вооружения. Судя по всему, не было пороков и у главного противника Руси — половцев. Осуществляя грабительские набеги на ее земли, они не предпринимали завоевательных походов и не штурмовали русских городов.

Литература

- Джанполадян 1982 — Джанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двини и Ани // Археологические памятники Армении. Т. 12. Средневековые памятники. Вып. IV. Ереван. 1982.
- Дмитров Л. Д. 1943 — Дмитров Л. Д. До питання про загадкові сфероконічні осуди, як запалювальні бомби XIII століття г.э. // Наукові записки. Кн. 1. Київ. 1943.
- ИЛ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М. 1962.
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М. 1962.
- Лихайличенко 1974 — Михайличенко С. Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. № 140. 1974.
- Орлов 1991 — Орлов Р. С. Сфероконусы Поволжья в Среднем Поднепровье // тезисы докладов научной конференции «Путь из Булгара в Киев». Казань. 1991.
- Срезневский 1903 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб. 1903.
- Флавий 2002 — Флавий Иосиф. История иудейской войны. Древнерусский перевод. Т. 1. М. 2004.

POROKY — BESIEGING MACHINES OF THE 13th CENTURY

P. P. Tolochko

This paper is concerned with the besieging machines known as “*poroky*” from Russian chronicles. These were stone-throwing devices intended for destruction of wooden walls constructed on earthen banks.

The majority of records mentioning the *poroky* are dated to the 1230^s–1260^s suggesting that they were particularly widespread exactly during that period. Battering-rams were used on a large scale by the Mongols and Tartars during their invasion of Rus in 1237–1241. Under the walls of a small town of Kolodyazhin only, they installed twelve *poroky*. With the use of these machines, all the major ancient Russian fortresses were seized including the most powerful one — that of Kiev.

Judging by particular chronicle records, *poroky* were employed also in Rus, but here they never have been of primary importance. This is probably explained by the fact that in the military conditions of that period Russians had no need in the equipment of such a kind. Indeed, the southern, eastern and northern neighbours of Rus, against whom it happened to wage wars, did not know fortified towns. On the other hand, in the west, Rus undertook no offensive actions but, to the contrary, attempted with all its forces to defend the inviolability of its own borders.

ВОЙНА И ДЕНЬГИ

Монеты были важным элементом средневековой культуры народов Старого Света. Особое место в истории Восточной Европы этого времени занимали иноземные монеты. В Средние века на территории Восточной Европы не были известны месторождения драгоценных металлов. Поэтому длительное время денежные знаки, которые использовались народами региона, были иностранной чеканки. Еще в раннем Средневековье через земли Восточной Европы двигались значительные массы монетного серебра. «Это способствовало невиданному обогащению целых стран и народов Старого Света, ускорившему развитие экономики, культуры и техники» (Кирпичников, Богуславский 2003: 343).

В Средние века войны активно влияли на циркуляцию монет. По мнению ряда авторов, на севере Европы в раннее Средневековье подобное влияние носило прямой и непосредственный характер, то есть монеты перемещались в результате войн, захвата трофеев, выплаты дани (Лебедев 1985: 10; 2005: 228). Представляется интересным проверить: в какой степени это предположение правомерно для юга Восточной Европы в период развитого и позднего Средневековья с XII по XVI в.

Рассматриваемый период ограничен с одной стороны разделением Киевской Руси на отдельные княжества (Рыбаков 1982: 469), а с другой — «Смутным временем» Московии.

Поступление иноземных монет продолжало играть важную роль в жизни народов Восточной Европы и в более позднее время: прежде всего в эпоху развитого и позднего Средневековья. Процесс этот зависел от многих элементов общественного развития и имел огромное значение для истории края. В статье мы попытаемся разобраться в том, как военные действия влияли на поступление монет из Центральной Европы на земли между Днестром и Карпатами.

Рассматриваемый регион занимал достаточно компактную территорию. На западе он ограничен Карпатами и Нижним Дунаем, на востоке Днестром, на севере лесами бассейна Припяти. Южнее располагается Черное море. В Средние века этот регион отличался хронической политической нестабильностью и многочисленными войнами. Подобная ситуация влияла на все стороны жизни общества, в том числе и на динамику поступлений иноземных монет.

Монеты Центральной Европы были достаточно обособленным элементом

денежной массы на землях между Днепром и Карпатами. Все эти монеты были выпущены за пределами Восточной Европы. Все они чеканились в одном географическом районе Европы и принадлежали к единой культурной традиции¹.

На рассматриваемую территорию монеты Центральной Европы могли поступить только в результате достаточно длительного перемещения из одной области Европы в другую. На их перемещение оказывали влияние все элементы военной ситуации в Европе: на месте чеканки, на торговых путях и в районах «потребления» монет. Таким образом, есть возможность сопоставить степень влияния военных конфликтов на разных этапах поступления иноземных монет к месту их использования.

Рассматриваемый период начинается в XII в. В этом столетии единая Киевская держава уже распалась на отдельные княжества. Однако можно согласиться с мнением целого ряда исследователей о том, что в обособленных русских землях, в том числе — на Среднем Днепре и сопредельных ему территориях, продолжалось успешное развитие экономики и культуры (напр.: Довженок 1978: 76). Особенностью южных земель Руси в это время, как и раньше, было постоянное военное противостояние с кочевниками, которое носило весьма сложный и противоречивый характер (Егоров 1994: 184–202).

Успешному развитию экономики и культуры южнорусских земель в XII и начале XIII в. противоречит ситуация на денежном рынке. В историографии неоднократно высказывалось мнение о

том, что к началу XII в. активное монетное обращение в Древней Руси заканчивается (Спасский 1962: 53–54; Янин 1956: 161). Однако для территории между Днепром и Карпатами это предположение кажется нам не совсем точным. В рассматриваемом регионе известны достаточно многочисленные находки монет XII и начала XIII в. Особо необходимо отметить, что они известны не только в единичных, но и в коллективных находках².

В начале рассматриваемого периода на территории между Днепром и Карпатами безраздельно господствовали иноземные монеты. Наибольшее число монет XII в., обнаруженных здесь, принадлежало Византийской империи (Зоценко 1991: 57–79; Нудельман 1985: 58–95; Столярик 1992: 57–71). Поступлению византийских чеканок на юго-запад Восточной Европы способствовали развитые культурные и экономические связи Галицкой и Волынской земель с Византией в X–XII вв. (Копитко 2003: 229–230). Однако значительная часть тезавраций с византийскими монетами сконцентрирована в степях возле Дуная (Столярик 1992). Подобная география свидетельствует о заметной роли кочевников в распространении византийских монет на данной территории.

В отличие от XI в. европейские монеты (прежде всего серебряные денарии)

¹ Монеты Скандинавии и Южной Европы (включая Италию) требуют, по целому ряду причин, особого анализа и остаются за пределами настоящего обзора.

² Примером этому могут служить закрытые комплексы, обнаруженные в Алчедаре (лесостепная Бессарабия), возле Измаила на Дунае, в Киеве и в степях Украины (Зоценко 1991: 65, 75–76; Карышковский 1971: 81; Кропоткин 1962: 33, 37; Ciocanu, Nicolae 2003: 163–166).

были весьма скромно представлены в денежном обращении Восточной Европы XII в. Особенно заметно это в ее южной части (Котляр 1971: 38, 48; Янин 1956: 155). Остается открытым вопрос о возможности использования «старых» запасов денариев на Среднем Днепре и прилегающих землях.

Поступление «новых» чеканок из Центральной Европы в XII в. можно достаточно достоверно констатировать только для одного района: монеты государств Центральной Европы в находках XII и первой трети XIII в. были сконцентрированы в бассейне Верхнего и Среднего Днестра и в соседних землях. Подавляющее большинство европейских денариев этого времени обнаружено в составе Хотинского клада (Потин 1963: 109–127; Кокоржицкая 2006: 82–85). Однако небольшой клад на территории Черновицкой области и единичные находки подобных монет свидетельствуют о неслучайности появления комплекса из Хотина (Пивоваров 2002: 58–62; 2008: 188, 193; Тимошук 1978: 20): можно предположить, что на Верхнем Днестре на рубеже XII и XIII в. начал формироваться особый ареал обращения монет из Центральной Европы. Данный ареал располагался на землях Понизья, которые подчинялись власти Галицкого княжества (Зуб 2003: 66–75).

Появление ареала обращения европейских монет можно связать с расширением военной агрессии Венгерского королевства на Восток. Венгерские завоеватели весьма активно продвигались на восток — в сторону Карпат и Прикарпатья. Одновременно с этим в самом Венгерском королевстве происходила немецкая колонизация со сто-

роны германских феодалов и горожан (Пивоваров 2002: 67–68). В конечном итоге произошла встреча границ политических претензий Венгерского королевства и Галицкого княжества. Политическое противостояние Венгрии с ее соседями не мешало династическим связям и торговым контактам между ними. Результатом этого и могло быть распространение европейских монет на юге Галицкой Руси.

Для притока монет из Центральной Европы в Галицкие земли возможно и иное объяснение. Однако оно также связано с военными походами. Галицкие князья, как известно, принимали активное участие во внешней и внутренней политике соседних католических государств, включая Германскую империю и Польшу (Котляр 2008: 47–48, Майоров 2008: 36–38, 42–45). Военная активность Романа Мстиславича Галицкого и его наследников способствовала традиционным связям княжества с Центральной Европой, в том числе — в сфере распространения денежных знаков. Одновременно с этим Польша и Венгрия активно вмешивались во внутреннюю политику Галицкой земли, прежде всего в начале XIII в. — в ходе борьбы за власть после смерти Романа Мстиславича в 1205 г. (Зуб 2003: 75).

Военная ситуация полностью изменилась в середине XIII в. В 1237–1241 гг. монголо-татары разгромили большинство русских княжеств. После этого Бату-хан и его преемники совершили ряд походов против Руси, Венгрии и Польши (Похлебкин 2001: 10–14, 45–53). Особенно сильно пострадали те земли, которые были расположены возле степной границы. Территория между

Днепром и Карпатами была не только зоной монголо-татарской агрессии, но и своеобразным «коридором» для походов монголов в Венгрию, Польшу и на Балканы. Рассматриваемые земли, включая Галицкую Русь, сильно пострадали от нашествия Чингизидов (Фіголь, Фіголь 1999: 6–10). Одновременно с этим нельзя говорить о полном «запустении» южных русских земель в пределах рассматриваемого региона (подробнее см.: Ивакин 1990: 145–146). Ближе всего к кочевьям татар на рассматриваемой территории было Среднее Поднепровье, однако в этом районе на славянских поселениях в лесостепной зоне известны слои XIV и XV в. (Довженок 1978: 76–82).

Монгольское нашествие и образование Золотой Орды сопровождалось резким изменением состава денежной массы на землях между Днепром и Карпатами. Поступление монет из Центральной Европы прекратилось почти полностью. На рассматриваемой территории известны только случайные единичные находки отдельных европейских монет этого времени³.

Необходимо отметить то, что вторая половина XIII в. не была на рассматриваемой территории «безмонетным периодом». После возникновения Золотой Орды ее дирхемы достаточно быстро появились между Днепром и Дунаем, концентрируясь на юге возле Черного моря. Подобное нумизматическое явление было связано с деятельностью итальянских купцов из Генуи в Северном Причерноморье (подробнее см.: Полевой 1988: 7–11; Русев 1999: 62–63).

В низовьях Дуная и Днестра возникли торговые фактории итальянских купцов (Коновалова 1994: 225; Карпов 2001: 184).

Прекращение притока монет из Центральной Европы в XIII в. на земли к востоку от Карпат нельзя объяснить только общим экономическим упадком края. Вероятно, оно было связано с военными поражениями Венгерской короны на своей собственной территории (Параска 1975: 42–44).

Возрождение притока монет из Центральной Европы произошло в XIV в. В этом столетии начался упадок Золотой Орды. Первым сигналом ослабления Улуса Джучи на его западной границе был разгром Ногай ханом Токтой в самом конце XIII в. (Северова 1995: 17–19). В середине XIV в. началась «великая замятня», которая фактически расколола Улус Джучи на части (Греков 1975; Похлебкин 2001: 24–25). Ослаблением Золотой Орды воспользовались ее западные соседи, которые в XIV в. захватывают русские земли (Винокур, Горішній 1994: 260–263; Ивакин 1998: 281–288). Все это привело к военному завоеванию земель между Днепром и Карпатами Венгерским и Польским королевствами или Великим княжеством Литовским (Винокур, Горішній 1994: 232, 235; Фіголь, Фіголь 1999: 10–11). Государственной религией Венгрии и Польши был с самого начала католицизм. Литва была крещена в конце XIV в. В результате западные русские земли вошли в новую для них систему «христианской» Европы (Всемирная 2002: 514–515). Соответственно с этим изменилась и роль монет из Центральной Европы. Они стали постепенно вытеснять все остальные элементы денеж-

³ Например, на золотоордынском городище в Костештах (Полевой 1969: 149).

ной массы. Международной валютой этого времени в Центральной Европе был пражский грош (Котляр 1971: 65; Рябцевич 1968: 37–38).

На земли между Днепром и Карпатами пражские гроши проникли не позднее первой половины XIV в. Об этом свидетельствуют комплексы, сокрытые в первой половине данного столетия (Котляр 1968: 131). Типичными примерами можно считать клад из Львова (Оприск, Рожко 2008: 394–405) или из золотоордынского погребения на Нижнем Дунае (Добролюбский, Субботин, Сегеда 1987: 88–89).

Однако география распространения пражских грошей первоначально была весьма ограниченной. Она охватывала только крайний запад рассматриваемого региона — Галицкие земли, захваченные Польшей, и Молдавское княжество (Соболева 1967: 51; Нудельман 1975: 109). В Среднем Поднепровье они, кажется, не были представлены даже в третьей четверти XIV в. (Козубовский 1991: 19)⁴.

В XIV и начале XV в. поступление пражских грошей шло по нарастающей. Наибольшее число среди этих монет, обнаруженных в Восточной Европе, составляют экземпляры с именем короля Богемии и императора Священной Римской империи германской нации Вацлава IV (1378–1419). Возможно, чеканка пражских грошей с именем этого короля продолжалась и после его смерти (Соболева 1998: 179).

Одновременно с пражскими грошами на западные земли рассматриваемо-

го региона начали проникать чеканки Венгрии и Польши (Котляр 1971: 80–81, Полевой 1979: 148–149; 1988: карта-вклейка; Фіголь, Фіголь 1999: 165). Однако значение венгерских и польских монет не могло сравниться с монетами Чехии. Это относится как к их количеству, так и к географии находок. Монеты Венгерского королевства появились к востоку от Карпат в XIV в. после значительного хронологического перерыва в своем притоке. Область их распространения в основном охватывала территории к западу от Прута, то есть — земли первоначальной территории Молдавского княжества. Польские чеканки поступали преимущественно на запад Украины, оказавшийся под властью Польской короны. При этом самые ранние монеты Польского королевства, которые заняли заметное место на рассматриваемых землях, относятся к выпускам Владислава II Ягайло (1386–1434). О проникновении польских монет можно говорить только с рубежа XIV и XV в. Более ранние чеканки в составе тезавраций этого столетия не известны (Нудельман 1990: 190).

Особо отметим, что денежные знаки германских княжеств фактически отсутствуют на территории региона в коллективных находках XIV в.

XV столетие во многом продолжило тенденции, появившиеся в XIV в. В это время на земли между Днепром и Карпатами продолжилось поступление монет из Центральной Европы. При этом большинство из этих монет сохранили относительно узкий ареал своего распространения на западе рассматриваемого региона. Подобная география находок была связана с зоной военной активности и политических претензий

⁴ Существует мнение и о более раннем появлении пражских грошей в район Киева (Бектинеев 1994: 8), однако оно нуждается, по нашему мнению, в дополнительной аргументации.

того или иного королевства. Наибольшее значение среди монет Центральной Европы на землях между Днестром и Карпатами сохраняли пражские гроши. Монеты из Чехии продолжали активно поступать на земли к востоку от Карпат в начале XV в. (Зварич 1971: 65). Открытым остается вопрос о притоке этих монет после 1419 г., когда в Чехии начались Гуситские войны (Всемирная 2002: 235–242). Вероятно, можно согласиться с предположением о том, что значительная часть пражских грошей Вацлава IV поступила уже после завершения его правления.

Более поздние пражские гроши представлены на землях Восточной Европы весьма скромно. Подобную ситуацию можно объяснить военной обстановкой на территории Чехии. В XV в. длительный период религиозных Гуситских войн и последующих междоусобиц нарушил нормальную чеканку монет на землях Чехии. Выпуск пражских грошей возобновил Георгий Подебранд (1457–1471), однако прежнего масштаба их чеканка так и не достигла (Зварич 1971: 65, Рябцевич 1965: 123).

Польские монеты были стабильно, но весьма скромно представлены только на западе Украины. Количество кладов, содержавших эти польские монеты, во второй и последней трети XV в. явно уменьшилось (Нудельман 1990: 196). Складывается впечатление, что после Владислава II Ягайло в притоке польских монет произошел явный упадок. Подобное положение на денежном рынке можно сопоставить с направлениями военной активности Польского королевства и положением его соседей. В XV в., после смерти Вла-

дислава II Ягайло, основные события во внешней политике Польши происходили на юге (поражение от турок в 1444 г.) и на севере (война с Тевтонским орденом) (см.: Всемирная 2002: 300–301). В результате этого Великое княжество Литовское продолжало сохранять свою автономию, включая оригинальную монетную систему. Это явно мешало распространению польских монет на восток. Одновременно Молдавское княжество переживало не самый худший момент своей истории, что ограничивало продвижение польских чеканок на юг. Возрождение же притока польских монет на земли Молдавского княжества произошло только в правление Яна Ольбрахта (1492–1501), то есть — в самом конце XV в. (Нудельман 1990: 196–197).

Похожую ситуацию можно констатировать и для венгерских монет. Чеканки Венгерского королевства достаточно скромно представлены на землях Молдавского княжества на протяжении всей первой половины XV в. Ситуация изменилась во второй половине XV в.: активный приток венгерских денариев на восток от Карпат начался при Матвее Корвине (1458–1490) и его преемниках (Нудельман 1989: 209). Резкое изменение в динамике притока венгерских монет было вызвано не только удачной монетной реформой и военными победами Венгрии, но и тяжелым военным положением Молдавии. Военная экспансия Османской империи нанесла значительный урон экономике княжества (Богуславский 2006: 21–26; подробнее см.: Киртоагэ 1992).

Однако за пределами Молдавского княжества на землях современной Украины венгерские монеты встре-

чаются относительно редко (Котляр 1971: 81). Можно предположить, что относительно стабильное положение Литовского княжества на большей части XV в. обеспечило ему защиту от «экспансии» монет из Центральной Европы.

В XVI в. состав денежного потока из Центральной Европы заметно изменился. Подобная ситуация была вызвана изменениями в военной обстановке на землях между Днестром и Карпатами и у ближайших соседей. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в это время катастрофически сократилось поступление монет из Чехии. Зато монеты Венгерского королевства в XVI в. продолжили свой активный приток на земли Молдавского княжества (Murgescu 1998: 39–44). Интересно отметить, что поступление венгерских денариев продолжалось и после разгрома венгров в 1526 г. при Мохаче турецкими войсками. Приток венгерских монет сократился только в начале XVII в., что, вероятно, было связано с их обесцениванием (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 81–82; Нудельман 1974: 209). Отметим, что на территории современной Украины венгерские чеканки были представлены весьма скромно (Котляр 1971: 94–98).

XVI в. стал временем усиления притока польских монет на земли между Днестром и Карпатами. Этот процесс не был равномерным, так как коронная чеканка польских номиналов не была стабильной и прервалась в 1648 г. (Рябцевич 1968: 46). На землях Молдавского княжества польские чеканки достаточно стабильно присутствовали в комплексах на протяжении всего XVI в. (Абызова, Бырня, Нудельман

1982: 84–85). Состояние денежного рынка в данном случае реагировало на растущую эксплуатацию Молдавии и соседних с ней земель Причерноморья со стороны Турции (Орешкова 2005: 33). Поступление польских монет на восток в XVI в. первоначально сдерживал особый статус Великого княжества Литовского. Однако военные поражения Литвы от московитов Ивана Грозного привели к подписанию в 1569 г. Люблинской унии Польши и Литвы. В результате было создано единое государство — Речь Посполитая. Одновременно длительная Ливонская война привела к ослаблению финансовой системы княжества. Следствием этого стало реальное объединение денежных систем Польского королевства и Великого княжества Литовского. Польские монеты получили в последней четверти XVI в. свободный доступ на земли Литвы, включая лесостепную зону между Днестром и Карпатами (Козубовский 1997: 174–177).

XVI столетие стало настоящим новым рождением для продукции монетных дворов Священной Римской империи германской нации. Монеты из Германии почти полностью отсутствовали на рассматриваемой территории в предшествующие века. Однако XVI в. стал временем их повторного появления на просторах Восточной Европы, включая земли между Днестром и Карпатами (Котляр 1971: 97–98). Данному явлению способствовало увеличение монетной чеканки в Западной и Центральной Европе. Особое значение имело начало чеканки талеров и распространения их по всему миру. В рассматриваемом регионе эти большие серебряные номиналы появились только в конце XVI в. и

были представлены еще весьма скромно (Козубовский 1997: 177). Однако их появление служило своеобразным символом начала нового этапа денежного обращения.

Парадоксально, но успехам германских монет способствовали военные действия в другой части света. В первой половине XVI в. испанские конкистадоры завоевали государства ацтеков и инков, на территории которых располагались богатейшие месторождения серебра и золота (Хэммонд 2002: 47–363). Завоевание далекой Америки выбросило на рынок Западной (а потом и Центральной) Европы огромное количество дешевых драгоценных металлов (Стукалова 2000: 106).

В Западной и Центральной Европе в XVI в. началась «революция цен». В историографии продолжается дискуссия о причинах этого финансового переворота, но увеличение денежной массы на территории Европы в это время является несомненным (ср.: Савкевич 1991: 95–104). Подобная ситуация самым благотворным образом сказалась на финансах многих немецких земель, которые имели тесные экономические и политические связи с Испанией. Деятельность монетариев Германии не только активизировалась, но и перешла на качественно новый уровень.

Рассмотренная ситуация на территории между Днестром и Карпатами позволяет сделать некоторые наблюдения о влиянии военных действий на распространение монет из Центральной Европы. Обращает на себя внимание то, что поступление новых монет из Центральной Европы непосредственно в результате военных походов может

быть предположительно отнесено только ко времени до XIII в. В более позднее время чеканки данного региона приходили на земли между Днестром и Карпатами исключительно в результате экономической деятельности.

Одновременно с этим необходимо отметить, что войны играли роль регулятора монетных потоков. Складывается впечатление, что наибольшее значение для поступления новых монет из Центральной Европы на Восток имели те войны, которые непосредственно затрагивали центры монетной чеканки или регион «потребления» денежных знаков. Подобное влияние могло быть как негативным, так и положительным. Успешные завоевания способствовали распространению монет удачливого победителя, как это произошло с чеканками Польши. Наоборот, внутренние конфликты и гражданские войны могли прервать успешную карьеру даже самого сильного игрока на финансовом рынке (напр., пражских грошей). Военные поражения могли ослабить ту или иную державу и ее финансовую систему. Обычно это приводило к откровенной финансовой экспансии более удачливых соседей. Так, в XV в. Молдавия, а в XVI в. и Литва были вынуждены допустить на свой рынок чужие денежные знаки. Меньшее влияние на приток монет из Центральной Европы оказывали военные конфликты или союзы на торговых путях.

Таким образом, анализ поступления иноземных монет на земли между Днестром и Карпатами еще раз подтвердил, что война и деньги всегда связаны между собой. При этом война играла роль регулятора экономических процессов, а не их суррогата.

Литература

Бектинеев 1994 — Бектинеев Ш. И. Денежное обращение Великого княжества Литовского в XIII–XV вв. Минск. 1994.

Богуславский 2006 — Богуславский Г. С. К вопросу о причинах османского завоевания Четатя Албэ // Древнее Причерноморье. Сборник статей, посвященных 85-летию со дня рождения профессора П. О. Карышковского. Одесса. 2006.

Всемирная 2002 — Всемирная история. Т. 9. Начало Возрождения. М.; Минск. 2002.

Греков 1975 — Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. 1975.

Добролюбский, Субботин, Сегеда 1987 — Добролюбский А. О., Субботин Л. В., Сегеда С. П. Золотоордынское погребение у Дуная // Днестровско-Дунайское междуречье в I — начале 2 тыс. н.э. Киев. 1987.

Довженок 1978 — Довженок В. О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М. 1978.

Егоров 1994 — Егоров В. Л. Русь и Южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. № 6. 1994.

Зоценко 1991 — Зоценко В. М. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия. Киев. 1991.

Ивакин 1990 — Ивакин Г. Ю. К вопросу о роли нашествия Батыя для исторических судеб Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев. 1990.

Карпов 2001 — Карпов С. П. Из истории Средневекового Крыма: высшие официалы Каффы под судом и наветом // Отечественная история. № 1. 2001.

Карышковский 1971 — Карышковский П. О. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской области // Материалы по Археологии Северного Причерноморья. Вып. 7. Одесса. 1971.

Кирпичников, Богуславский 2003 — Кирпичников А. Н., Богуславский О. И. Историческое наследие Старой Ладоги // Культурное наследие Русского государства. Вып. 4. СПб. 2003.

Киртоагэ 1992 — Киртоагэ И. Г. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством (1484–1595). Кишинев. 1992.

Козубовский 1991 — Козубовский Г. А. Находки монет XIV–XV ст. на территории Киева. Киев. 1991.

Кокоржицкая 2006 — Кокоржицкая Т. Н. Фризахские пфенниги в нумизматическом собрании Одесского археологического музея // Древнее Причерноморье. Сборник статей, посвященных 85-летию со дня рождения профессора П. О. Карышковского. Одесса. 2006.

Коновалова 1994 — Коновалова И. Г. К вопросу о ранней истории Белгорода и Килии // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М. 1994.

Котляр 2008 — Котляр Н. Ф. Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. СПб.; Киев. 2008.

Кропоткин 1962 — Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Е4–4. М. 1962.

Лебедев 1985 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985.

Лебедев 2005 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб. 2005.

Майоров 2008 — Майоров А. В. Поход Романа Мстиславича 1205 года: в Саксонию или Польшу? // Вопросы истории. № 11. 2008.

Нудельман 1974 — Нудельман А. А. Монеты и денежное обращение на территории Днестровско-Прутского междуречья (IV в. до н. э. — XVII в.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев. 1974.

Нудельман 1975 — Нудельман А. А. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в 14 — начале 16 вв. // Карпато-Дунайские земли в Средние века. Кишинев. 1975.

Нудельман 1985 — Нудельман А. А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе с древнейших времен до образования Молдавского государства. Кишинев. 1985.

Нудельман 1989 — Нудельман А. А. Венгерские денарии Матгьяша Хуньяди и его преемника в молдавских кладах // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. Кишинев. 1989.

Нудельман 1990 — Нудельман А. А. Бэкринештский клад и польско-литовские монеты в молдавских тезаврациях // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. 1990.

Орешкова 2005 — Орешкова С. Ф. «Турецкое озеро»? Черное море в XV–XVII вв. // Восток. № 3. 2005.

Параска 1975 — Параска П. Ф. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства // Карпато-Дунайские земли в Средние века. Кишинев. 1975.

Полевой 1969 — Полевой Л. Л. Материалы из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946–1959) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. 1969.

Полевой 1979 — Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии 13–15 вв. Кишинев. 1979.

Полевой 1988 — Полевой Л. Л. Международная черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII–XIV в. (по материалам истории товарно-денежного обращения) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев. 1988.

Потин 1963 — Потин В. М. Клад брактеатов из Поднестровья // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 1. Киев. 1963.

Похлебкин 2001 — Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М. 2001.

Русев 1999 — Русев Н. Д. На грани миров и эпох: города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. Кишинев. 1999.

Рыбаков 1982 — Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. 1982.

Рябцевич 1965 — Рябцевич В. Н. К вопросу о денежном обращении Западнорусских земель в XIV–XV вв. // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 2. Киев. 1965.

Рябцевич 1968 — Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Минск. 1968.

Савкевич 1991 — Савкевич О. С. «Революция цен»: к истории вопроса // Из истории культуры средневековья. Межвузовский сборник. СПб. 1991.

Соболева 1967 — Соболева Н. А. К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV–XV вв. // Вестник Московского университета. Серия IX. История. № 2. М. 1967.

Соболева 1998 — Соболева Н. А. Первая находка пражского гроша на Новгородском (Рюриковом) городище // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 12. Новгород. 1998.

Спасский 1962 — Спасский И. Г. Русская монетная система. Л. 1962.

Столярик 1992 — Столярик Е. С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1992.

Стукалова 2000 — Стукалова Т. Ю. Монеты. Монетное обращение. Монетные союзы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4. М. 2000.

Хэммонд 2002 — Хэммонд И. Конкистадоры: история испанских завоеваний XV–XVI веков М. 2002.

Винокур, Горішній 2003 — Винокур І., Горішній П. Бакота. Кам'янець-Подільський. 1994.

Зуб 2003 — Зуб Д. Ю. Нариси з історії золотарства Галичини. Львів. 2003.

Івакін 1998 — Івакін Г. Ю. Київ доби Олельковичей // Історія Русі—України (історико — археологічний збірник). Київ. 1998.

Козубовский 1997 — Козубовский Г. А. Нумізматичні пам'ятки XVI–XVIII ст. // Археологія доби українського козацтва XVI–XVIII ст. Київ. 1997.

Котляр 1968 — Котляр М. Ф. Галицька Русь у другій половині XIV — першій XV чверті ст. Київ. 1968.

Котляр 1971 — Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ. 1971.

Оприск, Рожко 2008 — Оприск В., Рожко В. Скарб срібних монет з вул. Клепарівської у м. Львові // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вып. 12. Львів. 2008.

Пивоваров 2002 — Пивоваров С. В. Нумізматичні пам'ятки Буковини. Чернівці. 2002.

Пивоваров 2008 — Пивоваров С. В. Дослідження Чорнівського городища першої половини XIII ст. // Археологічні студії. Вип. 3. Київ; Чернівці. 2008.

Тимошук 1978 — Тимошук Б. О. Твердиня на Пруті Ужгород. 1978.

Фіголь, Фіголь 1999 — Фіголь М. П., Фіголь О. М. Історія Галича в пам'ятках мистецтва. Львів; Галич. 1999.

Ciocanu, Nicolae 2003 — Ciocanu M., Nicolae E. Un tezaur de monede Bizantine descoperit la Alcedar, jud. Orhei // Simpozion de Numismatica: dedicat implinirii a 125 de Ani de la Proclamarea independentei Romaniei. Chisinau, 24–26 septembrie 2002. Bucuresti. 2003.

Murgescu 1998 — Murgescu B. The circulation of the Hungarian denars in the Romanian Principalities in the 16 century // Numizmatikai Kozlony. XCVI–XCVII. 1997–1998. Budapest. 1998.

WAR AND MONEY. CHANGES IN THE COMPOSITION OF FOREIGN COINS COMING TO THE REGION BETWEEN THE DNEIPER AND THE CARPATHIANS IN THE 12th–16th CENTURY

S. N. Travkin

This paper makes an attempt to trace the main peculiarities of the importation of coins from Central Europe to the lands between the Dnieper River and the Carpathian Mountains in the 12th–16th century. Within the territory under consideration, coins of Hungary, Poland, Czechia and German states were in circulation. Their importation depended on the military situation in that region and in the regions of their minting. However the influx of coins from Central Europe as a direct result of war campaigns could have taken place only before the 13th century. In the 14th–16th century, coins from Central Europe were imported to the east of the Carpathian Mountains due to economic activities. The wars were a regulator of the economic processes rather than their substitute.

КУРГАНЫ С КАМЕННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В ОКРУГЕ ПСКОВА И ИЗБОРСКА

(к постановке проблемы)

Статья посвящена некоторым результатам изучения своеобразных и малоизвестных в настоящее время в центральной части Псковской земли погребальных памятников. Имеются в виду курганы, насыпь которых в значительной мере составлена из камней и в которых присутствуют внутрикурганные каменные конструкции. В ближайших окрестностях Изборска и Пскова их раскопки проводились всего в 9 пунктах. Это Выбуты (Лыбуты по В. Н. Глазову), Першино (совр. Бабаево), Ерусалимка, Волженец, Романово и Северик близ Пскова, а также 3 погребальных комплекса неподалеку от Изборска: Конечки, Малы и Усть-Смолка.

Следует отметить, что во многих из перечисленных пунктов археологические комплексы сложны по своему составу и содержат различные типы погребальных памятников.

Погребальный комплекс к западу от Выбутского погоста начинается в 150 м от синхронного ему селища, на левом берегу р. Великой (Харлашов 1990). Точное количество погребальных сооружений не установлено из-за распашки и значительных nivelировок прибрежной полосы реки. В 1903 г., кроме курганов с каменными

конструкциями, В. Н. Глазов раскопал 4 круглых песчаных кургана. В одном из них было обнаружено трупосожжение, обложенное известняковыми камнями и перекрытое лепным горшком, в другом — остатки трупосожжения в основании насыпи (Спицын 1905: 73). Помимо курганов, изучены 5 жальников с труположениями. Из находок в жальниках отмечен только железный серп (Спицын 1905: 71–75). После раскопок, произведенных В. Н. Глазовым в 1903 г., Б. А. Коишевский в 1928 г. отметил здесь 12 курганов (Коишевский 1928). В настоящее время на участке размерами 450×100 м зафиксировано 10 погребальных конструкций, из которых в 90-е гг. XX в. было раскопано 4.

Курганная группа у д. Першино известна лишь по работам В. Н. Глазова 1903 г. Она находилась приблизительно в 1 км северо-восточнее Выбутского погоста. Общее количество насыпей не установлено. Было раскопано 3 длинных кургана, 7 малых полусферических, а также доследованы 2 основания малых песчаных курганов. По сведениям В. Н. Глазова, рядом с деревней находилась сопка с крупными камнями в основании, скрытая крестьянами (Спицын 1905: 72–73).

В могильнике Северик по данным 1928 г. было отмечено 3 длинных, 3 сопковидных и 2 малых полусферических кургана. После раскопок С. А. Таракановой в 1953 г. одного из длинных курганов в могильнике оставалось 6 насыпей, 5 из которых в 1976–1977 гг. были исследованы К. М. Плоткиным (Плоткин 1976).

Курганная группа у д. Ерусалимка насчитывает круглых 17 насыпей, из которых 3 — крупные сопковидные. В 1878 г. Н. И. Соколов раскопал 7 наиболее крупных курганов с захоронениями по обряду трупосожжения на стороне и на месте (Соколов 1878). В 1976 и 1977 гг. В. А. Тюленев исследовал еще 4 кургана с трупосожжениями (Тюленев 1977а; 1977б; 1978).

При раскопках одиночного сопковидного кургана у д. Романово С. В. Белецкий выделил два этапа сооружения насыпи с использованием каменных конструкций (Белецкий 1986: 180–182).

Курганный могильник на восточной окраине Изборска, обозначаемый в современной научной литературе как «Усть-Смолка-III», был впервые обследован Ф. Крузе в 1840 г. Точное количество насыпей на то время не известно, раскопано же было 5 могил под курганами, обложенными камнями, и в жальниках (Седов 2007: 43). В 1998 г. в составе могильника насчитывалось 4 круглых кургана, один из которых в 1999 г. исследовал Н. В. Лопатин: в насыпи и под ней были открыты два трупосожжения. Кроме них были исследованы также грунтовые погребения по обряду трупоположения (Лопатин 2002).

При обследовании могильника в Конечках в 1972 г. было зафиксировано

48 небольших круглых курганов, размещенных на площади 500×200 м. Раскопками 1974 г. исследованы 4 каменные насыпи, в которых выявлены как трупосожжения, так и трупоположения (Седов, 1974).

В Мальском курганно-жальничном могильнике, состоявшем когда-то из нескольких сотен захоронений, в общей сложности исследовано более 50 курганов и жальников. Значительную часть составляли курганы с каменными конструкциями (Седов 1976).

Исследованные в перечисленных археологических комплексах насыпи с каменными погребальными конструкциями представляется возможным разделить на три группы:

1. Длинные и овальные насыпи с внутренними прямоугольными оградками, содержащие сожжения.
2. Круглые или овальные курганы, почти полностью сложенные из камней, содержащие сожжения.
3. Круглые курганы с каменным цоколем в основании насыпи, содержащие сожжения и трупоположения.

Наиболее раннее погребальное сооружение *первой группы* исследовано А. В. Яковлевым в 1996 г. в Выбутах. Погребальная конструкция из плитняковых камней и небольших валунов (курган 9) располагалась на обрывистом берегу р. Великой. Среди камней прослеживалась фрагментарно сохранившаяся оградка. Часть могильника оказалась утраченной в результате естественного расширения русла реки. Среди камней и под ними преобладали не полностью сожженные человеческие кости при значительно меньшем количестве кальцинированных. На костях предплечья одного из погребен-

ных были надеты 2 бронзовых дрово-
вых браслета с шишечками на концах.
Кроме того, были найдены фрагмент
бронзового прямоугольного в сечении
браслета, фрагмент двухпроволочного
браслета и фрагмент сегментовидно-
го в сечении браслета тоже из бронзы.
Фрагментированная керамика — леп-
ная, тщательно заглаженная. Как спра-
ведливо отметил А. В. Яковлев, все эти
предметы имеют аналогии в памятни-
ках культуры каменных могильников
Северо-Восточной Эстонии I–II вв. н. э.
(Яковлев 1999: 167–173).

Некоторые элементы погребально-
го обряда каменных могильников, в
частности прямоугольные оградки и
вымостки, использовались и при соору-
жении длинных курганов. Наиболее
яркий пример — курганы 3–5 в Севери-
ке и курган 6 в Першине. Они синхрон-
ны как длинным, так и круглым песча-
ным насыпям, распространившимся в
регионе в VI–VII вв. н. э. (Плоткин 1989:
170–172).

В отличие от памятников первой
группы каменные насыпи *второй груп-
пы* в научной литературе отдельно не
рассматривались. Их описание дава-
лось лишь в общем контексте древно-
стей этноконтактной зоны. Необходи-
мость уделить особое внимание этим
памятникам стала очевидна после ар-
хеологических раскопок, проведенных
в Выбутах и Изборске (Усть-Смолка
III) в сравнении с ранее изучавшимися
В. В. Седовым (1974 г.) каменными кур-
ганами в Конечках близ Изборска.

В кургане 1 могильника Конечки
после расчистки его поверхности от
свеженных с полей валунов открылась
сплошная насыпь («вымостка», по
В. В. Седову) из камней различных раз-

меров. Общие размеры кургана состав-
ляли 8×7,5 м. Камни находились в слое
супеси или песка и образовывали на-
сыпь выс. 20–40 см. При разборке насы-
пи были найдены кальцинированные
человеческие кости, железные булавки,
серп и остатки окислившейся бляшки.
По заключению автора, такие булавки
известны в Прибалтике в материалах
как XII в. так и более раннего време-
ни (Нукшинский могильник, Асотское
городище). Однако железные посохо-
видные булавки хорошо известны по
древностям раннего железного века
Прибалтики и Верхнего Поднепровья
в комплексах II–IV вв. н. э. (Шадыро
1985: 64, 65).

Под камнями кургана 1 находилась
насыпь из красной глины с отдельны-
ми камнями. В ее основании обнару-
жено труположение головой на ССВ.
На правой руке — браслет, плосковы-
пуклый с сужающимися концами, ор-
наментированный насечками. У левой
бедренной кости — железная пряжка с
разогнутыми в одной плоскости конца-
ми и бронзовый предмет.

Основу кургана 2 диаметром 5 м и
выс. 0,65 м также составляла камен-
ная насыпь, в центре которой лежала
большая известняковая плита. Среди
находок оказались венчик древнерус-
ского гончарного сосуда, гвоздь, 2 ко-
сти животного и несколько зубов, при-
надлежавших подростку. Из этого было
сделано заключение о захоронении по
обряду труположения.

Курган 3 имел размеры 4,5×5 м, выс.
0,5–0,6 м. Состав насыпи оказался та-
ким же, как и в первых двух. Централь-
ную часть занимал большой валун.

Курган 4 диаметром 8–10 м и выс. 0,5–
0,6 м отличался от предыдущих наличи-

ем обкладки из плитняка и валунов по периметру, хотя структура насыпи была прежней. Основание кургана — плотная красноватая глина. Обкладка кургана похожа на некоторые конструкции в Мальском могильнике. В юго-западной поле насыпи открыто плохо сохранившееся детское погребение, совершенное головой на СЗ. При погребении найдена бронзовая бусина, а в северной части насыпи — железный серп. При разборке заполнения грабительской ямы, нарушившей центральную часть кургана, были найдены обломок шейной гривны и две бронзовые биспиральные привески (Седов 1988: 97).

Структура насыпей («каменные панцири») курганов, по мнению В. В. Седова, имеют большое сходство с ятвяжскими древностями. Следует отметить, что раскопанные в 1974 г. каменные курганы не единичны в могильнике. Внешний их осмотр дает основание полагать, что большинство оставшихся курганов имеют аналогичное строение.

К этой же группе мы относим курган 4, раскопанный в 1994 г. А. В. Яковлевым в Выбутах. Погребальная насыпь размерами 9,6×5,5 м находилась в 150 м западнее каменного могильника. Это — курган, целиком возведенный из мелких камней, лежавших без какого-либо порядка, на высоту не более 1,1 м. В верхней части насыпи, несмотря на ее нарушенность позднейшим перекопом, была выявлена кремация и обнаружено скопление слабообожженной лепной керамики с примесью крупной дресвы в тесте. По мнению А. В. Яковлева, керамика представлена не менее чем двумя сосудами тюльпановидной формы. Насыпь кургана подстилал культурный слой селища, в котором встреча-

лась лепная керамика слабого обжига с крупными отожающими примесями в тесте, с насечками по краю венчика, со следами заглаживания, а также фрагмент лезвия железного серпа и железная накладка (Яковлев 1995: 34–37). Такой же курган 7,5 аршина диаметром и 2 аршина высотой, сооруженный из плитняка, был изучен в этом могильнике в 1903 г. В. Н. Глазовым. В его основании прослеживалась углисто-зольная прослойка. Находки отсутствовали (Спицын 1905: 72).

Каменный курган близкий по конструкции Конечкам и Выбутам, был раскопан в 1999 г. Н. В. Лопатиным на восточном берегу Городищенского оз. в Изборске (Усть-Смолка 3). На первом этапе была сооружена насыпь из плитняковых камней различного размера, в которой было помещено трупосожжение. Размеры сохранившейся части первоначальной каменной насыпи определяются исследователем как 3,5×2,2 м при высоте около 25 см. С трупосожжением связана находка железной обоймы наконечника ремня, украшенная по краю плавными зубцами и имеющая аналогии в европейских древностях 2-й половины 1 тысячелетия н. э. На втором этапе каменная насыпь была перекрыта насыпью из желто-серого песка. В результате размеры сооружения достигли 5×4,1×0,45 м. С этим этапом связано еще одно трупосожжение, найденное за пределами первоначальной каменной насыпи в материковой ямке. Это погребение сопровождал фрагмент бронзовой спиральки (Лопатин, 2004: 200–205).

Одной из характерных черт конструкций насыпей второй группы является отсутствие ровиков.

В Усть-Смолке 3, как и в Конечках, очевидно присутствие в могильнике гораздо большего количества каменных погребальных насыпей, которые ранее рассматривались исследователями как естественные природные образования либо как кучи сvezенных с полей камней, и при разведочных работах не фиксировались.

В *третьей группе* представляется оправданным выделить 2 подгруппы. К *подгруппе А* отнесены сравнительно небольшие по размерам круглые курганы с низкой насыпью. В их числе курган на плитняковом цоколе, исследованный Н. Н. Малышевой в Выбутах в 1992 г. (курган 7). От кургана сохранилась плитняковая обкладка диаметром 3,4–3,6 м, положенная на слой кострища. Курганные ровики отсутствовали. В пределах сооружения обнаружались остатки двух кремаций по обряду сожжения на месте, одна из которых содержала множество предметов, относящихся к костюму погребенной женщины (спиральные пронизки, бронзовые пластина, заклепка, ошлакованные бусы), а также фрагменты лепной и круговой керамики. По погребальному инвентарю и данным радиоуглеродного анализа сооружение отнесено к X в. (Малышева 1999: 161–163).

Близкой аналогией кургану 7 из Выбут, как по конструкции и погребальному обряду, так и по составу находок, является также курган 2, раскопанный К. М. Плоткиным в могильнике у д. Северик (Плоткин 1976: 33, 34).

Небольшие по размерам курганы с кольцевыми плитняковыми обкладками, аналогичные кургану 7 из Выбут, сохранившие трупосожжения, выявлены и в курганной группе у д. Ерусалимка,

находящейся в Выбутском микрорайоне. Три таких кургана, датированные X — началом XI в., были исследованы в 1976 и 1977 гг. В. А. Тюленевым (Тюленев 1977а: 36; Тюленев 1978: 41, 42). Как и курган 4 в Выбутах, они были сооружены на слое селища с окатанной лепной керамикой эпохи раннего металла, орнаментированной наколами (Тюленев 1977б: 8).

К *подгруппе Б* отнесены крупные круглые курганы с массивной обкладкой в основании, окруженные ровиком. Такой курган в Выбутах (курган 2) был изучен Н. Н. Малышевой в 1991–1992 гг. (Малышева 1999: 152–167). Его размеры составляли 8,3–9,6 м, высота — не менее 1,2 м. Погребальное сооружение окружал ровик шириной до 5 м и гл. до 0,9 м, включавший каменные вымостки. При раскопках кургана в основании песчаной насыпи был выявлен цоколь, выложенный из известняковых камней на высоту от 1 до 6 рядов. Кроме того, частично было прослежено внутреннее кольцо из камней. Антропологический анализ останков погребенных позволил установить присутствие в кургане четырех погребений по обряду кремации и двух погребений по обряду ингумации; последние, вероятно, следует расценивать как впускные. Радиоуглеродное датирование древесины из кургана определило дату захоронений в пределах второй половины X — первой половины XI в. Этому не противоречит керамический материал из кургана, хотя автор раскопок и предполагает более раннее время его сооружения.

В 1903 г. В. Н. Глазов исследовал в Выбутах песчаный курган, имевший в основании «каменное кольцо» и по раз-

мерам идентичный описанному выше. Он был раскопан в черте бывшей д. Голдуша на северо-западной окраине выбутского погребального комплекса (Спицын 1905: 73).

Прямой аналогией выбутскому кургану 2 на плитняковом цоколе является песчаный курган с плитняковой кладкой в основании, расположенный у д. Волженец на противоположном берегу р. Великой. Этот курган был исследован в 1978 г. И. О. Колосовой. Внешний диаметр обкладки (9,6 м) совпадает с курганом в Выбутах, а высота достигает 1,2 м. При раскопках были выявлены как трупосожжение (человек + конь + собака), так и впускные труположения. С кремацией оказались связаны находки гладкостенной лепной керамики, металлическая ромбовидная привеска и 2 железных предмета. Кроме того, в насыпи встречались фрагменты богато орнаментированной гончарной керамики X — начала XI в. (Колосова 1979: 4, 5).

Думается, что аналогичное выбутскому кургану 2 и кургану из Волженца сооружение было раскопано в 1976 г. в Северике. В кургане 1 размерами 7,2×7,8 м была выявлена массивная плитняковая обкладка в 2–3 ряда, частично открыт ровик, обнаружена кремация человека, сопровождаемая ингумацией коня (Плоткин 1976: 30–32).

К этой разновидности курганов представляется возможным отнести и «сопковидную» насыпь около д. Романово. На первом этапе ее сооружения на плитняковой погребальной площадке было помещено трупосожжение, окруженное кольцевой плитняковой кладкой и перекрытое суглини-

стой насыпью. На втором этапе была выполнена досыпка кургана камнями и сооружен плитняковый панцирь. Анализ разнообразного вещевого материала (фрагменты лепных погребальных урн, фрагменты пластинчатого и спирального перстней, обрывки бронзовых цепочек, трапециевидные привески) позволил С. В. Белецкому датировать формирование основной части кургана последней четвертью I тысячелетия н. э. В период Средневековья в курган были впущены погребения по обряду ингумации (Белецкий 1986: 182).

Конструктивно и хронологически к этой же подгруппе тяготеют мальские курганы, изучавшиеся А. А. Заборовским, Ш. Лиенау-Линно, Г. П. Гроздиловым и В. В. Седовым. Их отличительной особенностью являются труположения в каменных ящиках-саркофагах, что сближает их с памятниками Эстонии начала II тысячелетия н. э. (Седов 1976: 92–95).

На основании имеющихся данных можно сделать предварительные выводы по относительной хронологии погребальных древностей с каменными конструкциями в Псковско-Изборском регионе. Наиболее ранними погребальными сооружениями первых веков н. э. являются каменные могильники, долгое время считавшиеся нехарактерными для данного района. Пока известен всего один такой могильник (Выбуты), но современное положение дел позволяет ожидать аналогичных открытий.

Наследниками каменных могильников (в хронологическом аспекте), по видимому, можно считать каменные курганы с сожжениями в Конечках,

Выбутах и Изборске (Усть-Смолка 3). Несмотря на нерепрезентативный вещевой материал, эти памятники объединяет большое количество камня в составе насыпей и отсутствие ровиков. Показательно, что каменная насыпь в кургане Усть-Смолка оказалась перекрыта песчаной насыпью, относящейся к трупосожжению времени культуры длинных курганов. Напомним, что некоторые элементы погребального обряда каменных могильников, в частности прямоугольные оградки и вымостки, использовались и при сооружении насыпей культуры длинных курганов. Наиболее яркий пример — курганы 3–5 в Северике и курган 6 в Першине.

Следующий этап развития погребальных древностей с каменными конструкциями (возможно, синхронный длинным курганам) представлен небольшими курганами с кольцевыми выкладками в основании, без ровиков, содержащими сожжения. По результатам раскопок в Северике К. М. Плоткиным было высказано предположение, что небольшие курганы с кольцевой каменной оградкой являются «недосыпанными» длинными курганами и относятся к поздней фазе (не ранее VIII в.) культуры длинных курганов (Плоткин 1989: 172). Раскопки в Ерусалимке и Выбутах подтвердили правильность датировки этих сооружений, однако связь их с традицией возведения длинных насыпей с прямоугольными каменными оградками в их составе не очевидна. Наверное, точнее было бы рассматривать сооружение каменных кольцевых цоколей в курганах как самостоятельное явление, связанное с традицией сооружения не длинных, а

круглых курганов с каменными насыпями.

Круглые курганы диаметром 9–12 м с кольцевой обкладкой в один ряд по основанию, содержащие сожжения, исследованы в Восточной Литве (Наравай). По погребальному инвентарю они датируются V–VII вв. (Бешенене, Бутенене, Кунцене 1976: 432; Кунцене 1978: 435). Аналогичные курганы несколько более позднего времени (VII–IX вв.) исследованы в восточно-литовском могильнике Кретуонай (Бутенене 1981: 351).

Представляется, что небольшие по размерам курганы с каменным кольцом в основании и трупосожжениями на месте являются более ранними по сравнению с курганами диаметром 8–10 м, имеющими в основании кольцевую кладку в несколько рядов и окруженными ровиком. Датировка крупных насыпей на основании раскопок в Волженце, Романове и Выбутах определяется последней четвертью I тыс. н. э. и первой половиной XI в. В крупных насыпях встречаются и впускные трупоположения древнерусского времени.

Однако впускные трупоположения XI–XII вв. зафиксированы и в каменных курганах. Таковым является захоронение в могильнике Усть-Смолка 3, датированное Н. В. Лопатиным XI в. и синхронное грунтовому могильнику, расположенному там же (Лопатин 2002: 50). Представляется, что к категории впускных относятся и ингумации в Конечках. Структура насыпей, сложенных из мелких камней, отраженная в полевой документации (Седов 1974: чертеж кургана 1), допускает, что впускные погребения могли быть засыпаны камнями из насыпи кургана.

К финальной стадии курганного погребального обряда с каменными конструкциями относятся насыпи XI–XIII вв., содержащие подкурганные труположения, хорошо известные в Восточном Причудье (Спицын 1903), а также в могильнике Малы близ Изборска (Седов 1976: 87–95). Выявлены такие курганы и в Юго-Восточной Эстонии — Линдора, Сиксяли (Лаул, 1978: 459; Лаул, 1981: 380).

В настоящее время недостаточно данных, чтобы говорить о преем-

ственности погребальных традиций в выделенных группах. На столь малом материале труднодоказуема и их хронология. Однако уже сейчас очевидно, что в Псковско-Изборском регионе постепенно выявляется пласт погребальных древностей с каменными конструкциями, относящийся к финальной стадии раннего железного века. Можно предположить, что каменные конструкции в курганах второй половины I тысячелетия н.э. генетически с ними связаны.

Литература

Белецкий 1986 — Белецкий С. В. Курган у д. Романово под Псковом // СА. № 3. 1986.

Коишевский 1928 — Коишевский Б. А. Отчет о палеоэтнологическом обследовании в Псковском округе // РА ИИМК РАН. Ф.2. 1928. № 117.

Бешенене, Бутенене, Кунцене 1976 — Бешенене Д., Бутенене Е., Кунцене О. Курганный могильник у д. Наравай // АО. 1975. М. 1976.

Бутенене 1981 — Бутенене Э. Исследование курганов в Кретуонай // АО. 1980. М. 1981.

Кунцене 1978 — Кунцене О. Раскопки курганов в Наравай // АО. 1977. М. 1978.

Колосова 1979 — Колосова И. О. Отчет о раскопках кургана у д. Волженец Псковского р-на Псковской области в 1978 году. 1979 // Архив ИА РАН, Р-1, № 8304.

Лаул 1978 — Лаул С. Раскопки Линдораского курганного могильника // АО. 1977. М. 1978.

Лаул 1981 — Лаул С. Раскопки курганного могильника у д. Сиксяли // АО. 1980. М. 1981.

Лопатин 2002 — Лопатин Н. В. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.). Псков. 2002.

Лопатин 2004 — Лопатин Н. В. Новые данные о предыстории Изборска // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М. 2004.

Мальшева 1999 — Мальшева Н. Н. Охранные раскопки кургана 2 Выбутской курганной группы // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. К юбилею И. К. Лабутиной. Псков. 1999.

Плоткин 1976 — Плоткин К. М. Отчет о раскопках городища Камно и курганов у д. Северик Псковского р-на Псковской области. 1976 // Архив ИА РАН, Р-1, № 6077.

Плоткин 1989 — Плоткин К. М. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М. 1989.

Седов 1974 — Седов В. В. Отчет о полевых работах Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1974 году // Архив ИА РАН, Р-1, 5623.

Седов 1976 — Седов В. В. Мальской курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. № 146. М. 1976.

Седов 1988 — Седов В. В. Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. Методические материалы к «Своду памятников истории и культуры СССР». М. 1988.

Седов 2007 — Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. М. 2007.

Соколов 1879 — Соколов Н. И. Журнал курганных раскопок, произведенных их императорскими высочествами великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и Константином и Дмитрием Константиновичами на Лыбутской местности июля 11 дня 1878 г. Псков. 1879.

Спицын 1903 — Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // МАР. № 29. СПб. 1903.

Спицын 1905 — Спицын А. А. Раскопки В. Н. Глазова близ погоста Выбуты // Известия ИАК. 15. СПб. 1905.

Тюленев 1977a — Тюленев В. А. Раскопки курганов у д. Ерусалимская // АО. 1976. М. 1977.

Тюленев 1977b — Тюленев В. А. Отчет о раскопках курганной группы у д. Ерусалимская в 1977 г. Альбом // Архив ИА РАН, Р-1, № 6655a.

Тюленев 1978 — Тюленев В. А. Продолжение работ у д. Ерусалимская // АО. 1977. М. 1978.

Харлашов 1990 — Харлашов Б. Н. Исследования селища в Выбутах // АИППЗ. Псков. 1990.

Шадыро 1985 — Шадыро В. И. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск. 1985.

Яковлев 1995 — Яковлев А. В. Исследование кургана 3 в Выбутах // АИППЗ. Псков. 1995.

Яковлев 1999 — Яковлев А. В. Памятник круга ранних каменных могильников в Выбутах близ Пскова // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. К юбилею И. К. Лабутиной. Псков. 1999.

KURGANS WITH STONE STRUCTURES AROUND PSKOV AND IZBORSK

(Formulation of the Problem)

B. N. Kharlashov

This paper deals with some results of studies of the peculiar and so far poorly known funerary sites in the central area of Pskov land. These are kurgans with the mound constructed mostly of stone and with internal stone structures. Three groups of these kurgans are discriminated: long oval mounds with internal rectangular fences and containing cremations; circular or oval kurgans with a stone foundation of the mound and containing both cremations and inhumations. The last group is subdivided into two subgroups: Subgroup A to which round kurgans of relatively small size with a low mound belong, and Subgroup B comprising large circular kurgans with a massive lining at the foundation, encircled by a small ditch.

The earliest funerary structures of the first centuries AD are stone tombs which for a long time were supposed untypical for the region under consideration. Probably the stone kurgans with cremations found in Konechki, Vybuty and Izborsk (Ust-Smolka 3) may be considered as the successors (in the chronological aspect) of the stone-tomb cemeteries. The latest kurgans generally prove to be the large circular ones with a massive lining at the foundation and encircled by a small ditch which are dated to the last quarter of the 1st millennium AD and the first half of the 11th century. It seems that in the Pskov-Izborsk region, a category of funerary antiquities with stone structures belonging to the final phase of the Early Iron Age is gradually brought to light. We may conjecture that with the latter, the stone structures in kurgans of the 1st millennium AD are genetically tied.

А. Е. Пресняков о А. А. Спицыне

История исторической науки — это не только рукописи и печатные работы, концепции и теории, запечатленные в ученых трудах. История науки — это еще и взаимоотношения между людьми, которых связывала симпатия и отталкивала антипатия друг к другу. Зачастую трудно восстановить личные взаимоотношения между людьми, составлявшими ученый мир, как и любое сообщество. К счастью, иногда такого рода взаимоотношения можно реконструировать с помощью сохранившихся писем или дневников. В 2005 г. опубликованы (хотя и не во всей полноте) письма и дневники одного из наиболее ярких русских историков Александра Евгеньевича Преснякова (1870–1929). (Пресняков 2005: 986 с.). Среди тех, кто упоминается в письмах А. Е. Преснякова к матери Марии Пафнутьевне Пресняковой и жене Юлии Петровне Пресняковой, выдающийся русский археолог Александр Андреевич Спицын (1858–1931).

2 августа 1893 г. из Вильны, где проходил IX Археологический съезд, Пресняков, передавая свои впечатления от увиденного на съезде, писал матери о встрече с А. А. Спицыным, которого знал по Петербургу. «Удивительный это человек, — такими словами начинал

Пресняков характеризовать Спицына и далее писал: — Внешняя его история такая: кончил курс с Платоновым, учительствовал в Вятке, изучил Вятский край вдоль и поперек, и теперь это один из лучших наших археологов. Его перетащили в Петербург, в Археологическую комиссию, чтобы дать ему возможность поработать для науки и воспользоваться его опытностью для приведения в порядок системы археологических исследований в России». Далее Пресняков писал, что сказанное — «пустяки перед какой-то непостижимой чистотой натуры этого Спицына». Высоко оценивая педагогические способности Спицына, Пресняков так его характеризовал: «Учителем он должен быть удивительным. Все предметы, какие приходилось преподавать, — и историю, и теорию литературы, и педагогику — он вел без всяких учебников, в виде живых бесед, без всяких формальных отношений. Детей любит, как мать, даже голос меняется, когда заговорит. И все, о чем он говорит, так им продумано и прочувствовано, такую непривычную искренностью дышит». Ко времени приезда Преснякова в Вильну А. А. Спицын, С. Ф. Платонов и С. М. Середонин уже вместе были поселены в Учительском институте. Пре-

сняков же остановился в гостинице «Европа», где уже жила и графиня П. С. Уварова, которая, будучи с 1886 г. председателем Московского археологического общества, занималась организацией археологических съездов. Пресняков и Спицын дождались возвращения Платонова и Середонина из театра, где те были на спектакле оперетты. Платонов и Пресняков встретились радушно, даже расцеловались. Тут же Платонов уговорил Преснякова перебраться из гостиницы в Учительский институт, где «и классы, и дортуары отведены членам съезда». Собрались в комнате, отведенной Платонову. Пресняков писал письмо, а Спицын читал «лекцию о раскопках какому-то господину, минскому археологу». В 11 часов было первое заседание съезда, «в том же здании в актовом зале классической гимназии», куда можно было пройти «внутренним ходом, не выходя на улицу». Как делегат съезда Пресняков, подобно другим, был украшен «знаком: голубой бант с серебряной булавкой, где в венке монограмма «IX А. С.»». Преснякову импонировало то, что «относительно костюма недоразумений никаких: ходят, кто в чем хочет». Спицын говорил Преснякову, что тот «хорошо сделал, что приехал, потому что людей увидел разных». Впрочем, с точки зрения Преснякова, «разные люди» «были заняты и поучительны, но редко утешительны». Так он описал заседание 2 августа: «Сегодняшнее заседание было довольно комическим. Читал какой-то француз международное приветствие, болтливо и неумно. Потом читал московский чиновник архива Министерства юстиции [Василий Николаевич] Сторожев о поведении русских властей

в Вильне, когда она взята была Грозным. Оказывается, что воевода кн. Шаховской был, по приказу царя, очень мил и мягок, а нераскаянная шляхта (так говорит Сторожев: шляхта) не присягала врагу и будировала завоевателей, а приведя кое-что на эту тему, он утонул в мелочах, порознь занятых, но бессвязных и чуждых теме. Потом профессор всеобщей истории в Варшаве [Адольф] Павинский читал о географическом и статистическом виде Подлясья в XVI в. Затронул интересные темки, но так болтливо и элементарно, что мало толку вышло. Потом по поводу этого реферата прения вышли и комичны, и досадны. Одесский профессор [Ф.И.] Успенский нашел, что по Павлинскому выходит, что каким-то прибором для вычисления поверхности можно народонаселение вычислить. Конечно, это была выходка ни к селу, ни к городу. Говорил какой-то поп, но разболтался, его остановили и прогнали: говорил какой-то полковник что-то неподобное». (Пресняков 2005: 105). Как видим, работу съезда Пресняков излагал в письме не без иронии. В том же духе он комментировал «смешной археологический реферат», который прочел А. И. Маркевич, «одесский историк» — профессор Новороссийского университета, «о трех малопонятных рисунках, будто бы изображающих совсем неизвестный фракийский народ» (Пресняков 2005: 105–106). Заклучая рассказ о докладах на съезде, Пресняков делал вывод: «в общем, не скучно, главное, милая компания наша». Вместе с археологом П. Е. Шеффером Пресняков пообедал в ресторане в Зоологическом саду, затем они посетили костел Св. Терезии, где находилась зна-

менитая капелла Остробрамской Богоматери, «приложились к мощам трех мучеников», а потом «катались на лодке по Вилии». При этом Пресняков «натер себе мозоли», что не помешало его хорошему настроению, о чем свидетельствуют его слова «в общем, тут хорошо». Передавая свое впечатление от города, Пресняков писал: «Вильна мне нравится, пожалуй, больше всех городов, какие я видел. Что-то особенное, историческое, средневековое меня подкупает. Масса красивых церквей — костелов и наших церквей, но их не всегда отличишь друг от друга, так русские церкви, а особенно кафедральный собор подделываются под католический лад». Охваченный таким настроением Пресняков писал, что «надо кое-что посмотреть», и продолжал: «Смерть люблю средневековый Запад, а тут им дышишь». Сообщая, что на следующий день должны быть «целых два заседания — утром и вечером», Пресняков высказывал надежду: «авось что-нибудь посущественнее будет». Впрочем, полагал, что «главное — потолкаться промеж людей». Платонов знакомил Преснякова «кое с кем», и тот находил, что «это интересно все-таки». «Вообще рад, что приехал», — писал Пресняков в конце письма и сообщал некоторые детали о бытовой стороне своей жизни в Вильне. Жить собирался в Институте, «тут же и обедать, за 50 к[опеек]: «и дешево, и сердито». Через несколько дней, 6 августа, написал письмо, в начале которого чувствовалась усталость и раздражение. «Пребывание на Археологическом съезде — самое нелепое время препровождение, которое можно сейчас представить». Такими словами Пресняков начинал письмо и далее

описывал распорядок дня на съезде: «Утром и вечером заседания, в промежутке обед, после — чаепитие и болтовня, писать некогда, да и трудно, потому что настроение раздробленное, сосредоточиться нет никакой возможности, читать невыносимо, даже думать отвыкнешь. Толчя и толчя. Суета сует. Приобретешь тут немного кроме впечатлений от разных лиц, впечатлений любопытных, даже ценных, и впечатлений от ученой среды, грустных и неприятных». Такое настроение возникло у Преснякова в особенности из-за того, что он ощутил «ученое чинопочитание и ученое генеральство, закулисные счета и расчеты». Притом «этим добром хоть пруд пруди». Оценивая содержание докладов, Пресняков писал, что «на съезде читают рефераты, то плохие, то так себе, а хороших — 2–3». По его мнению, «пальма первенства» принадлежала профессору Киевского университета В. Б. Антоновичу, «который от истории ушел совсем в доисторические древности и раскопки, — и тут, как везде», показал себя, как «большой мастер и большой ум». Вслед за В. Б. Антоновичем Пресняков называл А. Я. Ефименко. Сообщал Пресняков, что на съезде «почествовали нашего [В. Г.] Васильевского», который, однако, читать ничего [то есть доклада] не будет. [А. И.] Соболевский, как стало известно Преснякову, «привез 10 рефератов». После этого Пресняков сообщал и о предстоящем его выступлении. «И, увы, — писал он, — записали в VI отделение — “памятников слова” раба Божьего Александра Преснякова — читать на той неделе реферат “К истории московских летописных сводов”». Видимо, с некоторым беспокойством Пресняков сооб-

щал: «Я ничего не писал, никак не соберусь». (Пресняков, 2005: 106). Тут же свидетельство об участии Платонова, который уговаривал Преснякова «не читать, а говорить по маленькому конспекту» (Пресняков, 2005: 106–107). Следовать этому совету Пресняков считал рискованным, писал, что не знает, поступит ли так. Тут же предполагал, что [А.И.] Соболевский, «верно, будет возражать», и находил, что это «было бы интересно». В тот же день 6 августа Пресняков в числе других участников съезда собирался ехать в местечко Верки, где находилось имение князей Радзивиллов, затем перешедшее к Л. П. Витгенштейну, сыну генерал-фельдмаршала П. Витгенштейна, после его женитьбы на дочери Доменика Радзивилла. Во дворце Радзивиллов находилась знаменитая коллекция картин польских и западноевропейских художников. Другая поездка участников Археологического съезда предполагалась в местечко Новые Троки, но Пресняков полагал, что не поедет, так как «недепутату трудно сносно устроить себе проезд». Собираясь подготовиться к выступлению, писал: «Попробую состряпать реферат». Платонов, видимо, подбадривал Преснякова, говорил, что «этот реферат выгоден для него» ради представления Преснякова в университет и «вообще в виде *disons le mot* (заявления) — ученой рекламы». В письме, написанном Пресняковым 10 августа, речь шла уже о предполагаемом отъезде из Вильны 16 августа. При этом Пресняков писал: «По правде сказать, мне тут надоело: хорошенького понемножку». Далее сообщал, что его доклад «о московских летописных сводах» ему еще предстоит читать 12 августа, «в чет-

верг утром», а 11 августа, «в среду Платонов читает об “огнищанах”». Сообщал Пресняков и то, что «*la grande nouvelle* (большая новость) съезда» приезд «великого князя Сергея Александровича». Тут же добавлялось, что не обошлось без конфуза: «Члены [съезда] крайне неловко и глупо были представлены ему на съезде». После этого «Платонов закаялся ходить на официальные спектакли и не был на рауте, устроенном здешним “виленским генерал-губернатором и Натальей Ивановной Оржевской”, как печаталось на билетах». Пресняков добавлял, что он «конечно, ни там, ни здесь не был». Пресняков, как он и предполагал в письме, в Троки не поехал, «остался, думая написать реферат, но написал только половину». К официальным торжествам Пресняков относился иронично. По поводу предстоящих «обеда петербуржцев» 11 августа и «праздника в городском бернардинском саду от Виленской думы» он писал: «Все это довольно нелепо, но для убиения времени — недурно». Возвращаясь к содержанию прочитанных докладов, Пресняков заключал, что «серьезного интереса на съезде немного — только доисторические древности и отдел языка и словесности дали кое-что, да по истории — Ефименко». Характеризуя великого князя Константина Константиновича, который был на заседании 10 августа, Пресняков находил, что «он довольно-таки неприятный, резкое, неумное лицо». «Слава Богу, сегодня и уезжает», — писал Пресняков и задавал вопрос: «И чего его сюда носило?» «Виленское безделье пора оборвать: надоело», — резюмировал Пресняков свои чувства, охватившие его в конце зятя-

нувшегося Археологического съезда. Впрочем, тут же излагал свои добрые чувства к городу, где проходил съезд: «Но сама Вильна мне все больше нравится. Местность чудная. Хоть бы дорога в Верки по Вилии — это не хуже Боржома, только мягче и шире, право, дорога была гораздо лучше того шампанского с ананасами, которое нам разливали суповыми ложками из суповых чашек» (Пресняков, 2005: 107).

Если встреча со Спицыным в августе 1893 г. описана Пресняковым на фоне IX Археологического съезда, то упоминание о Спицыне в письме от 22 ноября того же года связано с одной из «сред» в доме Платонова. Встретив там Преснякова, Спицын «вдруг сообщил» ему «свои планы» о том, как Пресняков будет работать в Археологической комиссии, «ездить на раскопки, издавать обработанные материалы и т. п.». Размышляя над этим предложением, Пресняков писал: «Чего бы лучше, если из этого что-нибудь выйдет». Для раздумий у Преснякова было достаточно поводов. В том же письме он упоминал и о необходимости «поскорее избавиться от экзамена», и о затянувшейся работе по теме «Каченовский и скептическая школа в русской историографии», представлявшей собой «первый вопрос» его магистерской программы (Пресняков, 2005: 123).

Со своей стороны Спицын не оставлял своих намерений привлечь Преснякова к занятиям археологией. Из письма от 2 мая 1894 г. видно, что Пресняков «недели 3 не видел» Платонова, но затем толучил от него «очень милое письмо»: приглашением на заседание Археологического общества на доклад П. Н. Миллюкова, приехавшего из Москвы в Пе-

тербург на несколько дней (Пресняков, 2005: 140). 26 апреля на заседании отделения славянской и русской археологии Российского археологического общества Миллюков выступал с сообщением «К вопросу о составе служилого класса в Московском государстве XVI века», основанном на данных «Тетради дворовой» (Макушин, Трибунский 2001: 93). В интерпретации Преснякова «Миллюков докладывал о вновь найденном документе XVI века, которого никто толком понять не может, но который всех заинтриговал и должен иметь большое значение для истории служилого класса». 27 апреля, «побывав в историческом обществе, где Василий Семевский читал интересный реферат о рабочих на сибирских золотых приисках», Пресняков «отправился к Платонову “на Миллюкова”». Но, как писал Пресняков, «героем вечера был не Миллюков, а [В.Г.] Васильевский, который был в духе, много рассказывал и всех оживил». Описав «среду» у Платонова, Пресняков возвратился к заседанию в Археологическом обществе, после которого он и Спицын «пошли пройтись». Во время этой прогулки Спицын предлагал Преснякову «заняться археологией, обещая уступить целый район, очень интересный — Вислу с ее бассейном, т. е. древнеславянские, польские, прусские и литовские древности; летом командировки для раскопок, зимой обработка материалов». Пресняков с интересом отнесся к предложению Спицына и писал, что «это часть работ по всей России, распределенных между разными лицами, в целом — грандиозный план всероссийской археологии». Но, по-видимому, сопоставляя все, что ему приходилось делать, писал: «Не ду-

маю, чтобы я взялся за это. У меня и после экзамена другие, более близкие мне планы — в истории XVIII века» (Пресняков 2005: 140). Хотя Пресняков и не принял предложения Спицына, сами по себе попытки последнего увлечь молодого коллегу занятиями археологией заслуживают внимания.

Сосредоточившись на изучении русской истории, Пресняков продолжал бывать в Археологическом обществе, встречался со Спицыным и в других местах, интересовался его делами. В письме от 28 ноября 1894 г. писал, что, будучи у В. Г. Васильевского, встретил Платонова, у которого был «проект провести Спицына в приват-доценты университета для курса археологии». Пресняков сожалел, что Васильевский взглянул на это предложение «очень странно, находя, что вовсе студентам археологии не нужно». Пресняков попытался спорить с Васильевским и передавал спор в следующих словах: «Я было пробовал сказать, что все мы, учащиеся, чувствуем, что археология теперь сила, с которой нужно считаться, а познакомиться с общим курсом ее негде». В ответ Васильевский «обозвал» археологию «мелочным гробокопательством», и Пресняков с горечью писал: «Не ожидал я от него такого мелочного взгляда». В письме от 27 декабря, описывая разговор с Платоновым, с которым они «странствовали по городу, много болтали», Пресняков упоминает о трудностях, с которыми споткнулся Платонов в Археологическом обществе, где ему «хотелось ввести новых членов для выработки новой программы общества», но это ему не удалось, так как «другие, особенно Спицын, этого не хотят» (Пресняков 2005: 165).

Судя по письмам Преснякова, Спицына он встречал часто именно в обществе Платонова. В письме от 18 июня 1896 г. он писал, что из-за жары в Петербурге он и С. А. Адрианов «бежали дня на четыре» на Пороховые, которые в то время были пригородом, что «вернулся в Петербург Платонов» и что на следующий день «он хотел приехать сюда со Спицыным». Правда, у Преснякова, видимо, было в этом сомнение, и он писал: «Не знаю, соберутся ли» (Пресняков 2005: 220).

18 августа 1896 г. Пресняков сообщал о возвращении Платонова из Либавы, где тот был на очередном Археологическом съезде. Пресняков писал, что интересно было послушать «его рассказы», но добавлял, что «интерес этот больше сплетнический и скандальный». Причиной тому было, как полагал Пресняков, то, что «врожденное отношение графини Уваровой, которая председательствует в Московском археологическом обществе и на съездах, к Императорской Археологической комиссии (т. е. к Спицыну) и Петербургскому археологическому обществу (т. е. к Платонову) разразилось резкими выходками сперва за обедом археологов, а затем и в публичном заседании». Преснякову было «особенно обидно, что графиня грубо обидела Спицына (хотя он и не знает всего, так как за обедом его не было)». Осуждая Уварову, Пресняков писал: «Казалось бы, ей по положению следовало бы быть воспитанной, а она умеет держать себя не лучше любого семинариста». Некорректное поведение Уваровой по отношению к Спицыну и Платонову могло, как считал Пресняков, отрицательно повлиять на участие петербургских ученых в археологиче-

ских съездах. «Теперь, конечно, на будущем съезде (в Киеве), верно, не будет почти никого из петербуржцев, — писал Платонов и продолжал: — Вообще я совсем не жалею, что не попал на этот съезд. Там одно только было бы приятно — это возможность поближе познакомиться с [М.А.] Дьяконовым, дерптским профессором, который после Милюкова самый интересный из молодых ученых и очень симпатичный, потому что это один из немногих культурных людей в нашей бесшабашной ученой семье» (Пресняков 2005: 368).

27 августа 1896 г. Пресняков писал жене Юлии Петровне (Пресняков 2005: 369), а 28 августа — матери (Пресняков 2005: 223) о том, что был в гостях у Платонова, который приглашал к себе в гости по случаю приезда профессора Киевской духовной академии В. З. Завитневича. На встрече с Завитневичем были Спицын и Середонин (Пресняков 2005: 223, 369). В письме к Юлии Петровне Пресняков сообщал, что жена Платонова Надежда Николаевна была еще на даче. За столом хозяйничал один С. Ф. Платонов, который, «пользуясь отсутствием хозяйки», гостей угощал «даже красным вином». «Посидели довольно долго, поболтали, посплетничали, набрались всяких ученых и неученых новостей», — писал Пресняков. В конце письма упоминал о том, что С. Ф. Платонов «усиленно работает над диссертацией и хочет, по-видимому, ее кончить в нынешнем году» (Пресняков 2005: 369). О том, что С. Ф. Платонов рассказывал о работе над диссертацией, Пресняков писал жене и в письме от 18 сентября того же года. На этот раз, когда Пресняков и С. А. Адрианов пришли к Платонову,

«никого не было, кроме Спицына и детей». Поэтому Преснякову показалось, что он и Адрианов, явившись к Платонову, «испортили ему семейный вечер». Впрочем, как писал Пресняков, Надежда Николаевна, жена Платонова, «была очень любезна», много с ним разговаривала, а «потом и С[ергей] Фед[орович] разболтался» и наконец рассказал подробно о диссертации. Излагая свое впечатление о рассказе Платонова о диссертации, Пресняков писал: «Не все будет там ново для историков, но зато в литературе ничего по этой теме (борьба классов во время Смуты) нет» (Пресняков 2005: 392). В письме жене от 2 июня 1899 г. Пресняков писал, что у В. Г. Дружинина, к которому он приехал вместе с Адриановым, «были Платонов, Спицын, Чечулин и К°» (Пресняков 2005: 438).

В письмах, написанных в начале 1900-х гг., упоминаний о Спицыне нет. В длинном письме, адресованном Юлии Петровне и написанном 11 мая 1980 г., Пресняков, в частности, писал о своем визите к Г. В. Форстену, который в этот вечер с ним «особенно ласков был». Такое ласковое отношение у Форстена, писал Пресняков, «всегда выражается у него воспоминанием об одном вечере на Малой Итальянской», когда они были вдвоем, «ни о чем не говорили», а Форстен «пел, пел романсы Франка». Вспоминая этот вечер, Пресняков писал: «Бывают минуты, когда между людьми что-то произойдет невысказанное, что свяжет на всю жизнь какой-то особенной связью». Воспоминания Форстена об этом вечере, «так мимоходом брошенные», тронули Преснякова «до внутренних слез», так как «именно тогда» Форстен стал ему

«лично дорог», и «все остальное» в их отношениях «все-таки второстепенно» (Пресняков 2005: 580).

«По поводу того», что Пресняков писал о Форстене, ему вспомнилось «не-что странное из другой оперы». «Помнишь Спицына? — спрашивал Пресняков в письме Юлию Петровну и далее писал: — Мы почти не встречаемся, его ученая физиономия и его житейские понятия мне чужды, не только не интересны, но почти неприятны. Но что-то остается из старых отношений — и он это ясно понимает, вспоминая о “некоторых событиях в Вильне”. Помянул это и в понедельник у Дружинина» (Пресняков 2005: 581). О поездке «в

понедельник» вместе с Платоновым к В. Г. Дружинину Пресняков писал Юлии Петровне в письме от 7 мая. В том письме он не упоминал о Спицыне. Только писал, что «у Дружинина было не очень скучно, так как разговоры пошли “ученые”», да Пресняков «рано и ушел, воспользовавшись уходом Платонова». Но разговор со Спицыным засел в памяти Преснякова. А «некоторые события в Вильно» — это, несомненно, встреча Преснякова со Спицыным на IX Археологическом съезде в августе 1893 г., впечатлениями о которой он делился со своей матерью в письме, с изложения содержания которого начинается настоящий очерк.

Литература

Пресняков 2005 — Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1929. СПб. 2005.

Макушин, Трибунский 2001 — Макушин А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милюков // Труды и дни. Рязань. 2001.

A. E. PRESNYAKOV ABOUT A. A. SPITSYN

A. N. Tsamutali

The letters of the well-known Russian historian Alexander E. Presnyakov to his mother Maria Presnyakova published in 2005 contain many interesting observations and characterizations. This paper presents Alexander Presnyakov's impressions of the prominent Russian archaeologist Alexander Spitsyn. Presnyakov writes his letters in 1893 after meeting Spitsyn at the IXth Archaeological Congress held in Vilno (Vilnius). He characterizes Spitsyn as an “amazing person”, describes his passion for archaeology, his pedagogical talents and his consideration for his students. Subsequent letters mention the efforts of Spitsyn to recruit Presnyakov for archaeological studies. Presnyakov's meetings with Spitsyn took place both at scientific sessions and in the house of historian Sergei Platonov who was the teacher of Presnyakov and Spitsyn's intimate friend. After a number of years Presnyakov became estranged from Spitsyn but retained warm remembrances of their past meetings.

Двулезвийные мечи XI–XIII вв., найденные в Даугаве у Риги

Профессор Анатолий Николаевич Кирпичников внес значительный вклад в изучение оружия Древней Руси, особенно — в анализ мечей этого периода (Кирпичников 1966). Мне хотелось бы познакомить читателей с некоторыми находками похожего оружия в Риге.

Как свидетельствует археологический материал могильников, мечом не был вооружен каждый свободный мужчина, отправляющийся на битву. Богатый двулезвийный клинок был оружием представителей высших слоев феодального общества. Именно поэтому находка целого меча в археологических раскопках — явление весьма редкое. При раскопках городов и поселений целые мечи находят очень редко, чаще в землю попадали фрагменты сломанного меча. Целые мечи обычно встречаются на раскопках могильников. В результате длительного нахождения в земле железные части таких мечей сильно повреждены коррозией. Значительно лучше сохранилось железное оружие, которое уже в древности оказалось в воде. И в Рижском археологическом материале известны четыре таких находки.

Город Рига вырос на правом берегу з нижнем течении реки Даугавы, в нескольких 10 км от ее впадения в море.

Ширина Даугавы у Риги составляет около 600 метров. Дабы обеспечить проход крупных торговых судов до портовых причалов, которые в конце XIX в. находились напротив Старого города, уже с 1817 г. стали осуществлять углубление русла реки. Особенно интенсивно эти работы велись в последнем десятилетии XIX в. Вместе с песком из русла реки были подняты отдельные древние предметы. Эти находки Рижский биржевой комитет, осуществлявший финансирование и надзор за углублением русла, передал тогдашнему рижскому Домскому музею. Большая часть поднятых из русла реки предметов относится к XVII–XVIII вв. Для нас интерес представляют три найденные в реке мечи, относящиеся к XII–XIII вв. Два меча — целый и сохранившийся фрагментарно — были найдены в 1891 г., а третий — с обломанной частью клинка — в 1895 г. Место углубления русла Даугавы в 1891 г. указано весьма приблизительно — в Даугаве между Форбургом на правом берегу реки и лугами Спилве на ее левом берегу. Это место реки находится на расстоянии 1–1,5 км ниже Старого города. Более точно указано место находки меча в 1895 г. — напротив Кейзардарза, то есть — на расстоя-

нии 1 км вниз по течению от Старого города, у правого берега реки.

Следующая подобная находка в Музей истории Риги и мореходства (продолжатель деятельности бывшего Домского музея) поступила в 1953 г. Купаясь летом в Даугаве, мальчики ныряли в паре десятков метров от берега и случайно на дне в глинистом песке заметили рукоять меча. Приподняв рукоять, они вытащили весь меч. На его клинке были также тонкие частички дерева, вероятно, остатки ножен. Молодые люди большой двулезвийный клинок передали музею. Место находки расположено у правого берега Даугавы, напротив здания по улице Маскавас, 88. Это на расстоянии неполного километра вверх по течению от Старого города.

Из четырех древних мечей в музее сегодня находится только один — переданный в 1953 г. (VRVM-23000). Во время Второй мировой войны археологические коллекции Рижского музея были в 1944 г. вывезены в Германию. Позже они попали в Чехословакию, а после войны были привезены обратно в Ригу. Однако несколько больших ящиков по пути пропали. Так как три древнейших мечей, в конце XIX в. поднятые из Даугавы, в хранилище музея отсутствуют, можно предположить, что они утрачены в годы войны. Мы располагаем лишь снимками мечей (рис. 1), найденных в 1891 г. (Katalog 1896: Taf. 24). Это — два двулезвийных клинка: один целый, второй фрагментированный (рукоять и небольшая часть клинка). У обеих рукоятей мечей имеются массивные дисковидные навершия. У целого меча длинное, узкое, прямое перекрестье, концы которого слегка согнуты вниз. У фрагментарного оружия перекрестье

более массивное и ровное. Длина целого меча — 99 см, длина клинка 80 см, ширина 4,5 см. Длина рукояти вместе с навершием 19 см. У фрагментарно сохранившегося меча рукоять короче. Ее длина 15 см, ширина отломанного клинка 4 см. В описании каталога отмечено, что на клинок целого меча нанесено золотое клеймо мастера (в технике тауширования). Форма клейма подробнее не описана (Katalog 1896: 61). Оба меча, найденные в Риге в 1891 г., в каталоге датируются XIII в.

О мече, найденном в 1895 г., сохранилось лишь краткое примечание в ежегодных сообщениях заседаний Общества исследователей истории и древностей Балтийских провинций России (SB 1895: 71). Среди переданных в этом году Домскому музею предметов древности упоминается «рукоять с круглым навершием и незначительной частью лезвия железного меча XIII века, извлеченного из Даугавы у Кейзардарза». По описанию меча и указанной датировке — XIII в. можно предположить, что найденное оружие было похоже на мечи 1891 г.

Типологическую схему развития мечей Древней Руси второй половины XI–XIII в., опираясь на различную форму рукоятей меча, дал А. Н. Кирпичников (Кирпичников 1966: 49–50). Все три рижских меча, согласно Кирпичникову, принадлежат к типу IV, для которого характерны дисковидное навершие рукояти и длинное прямое перекрестье. Реже встречаются мечи этого типа с несколько отогнутым вверх или вниз перекрестьем. Как указывает А. Н. Кирпичников (Кирпичников 1966: 55), мечи такого типа были в XIII в. широко распространены на Руси. Мечи с прямым

перекрестьем и круглым дисковидным навершием художники XII—XIII вв., как в Западной, так и в Восточной Европе, часто изображали в миниатюрах, на иконах и каменных скульптурах (Boenheim 1890: 239–243; Кирпичников 1966: 55). Это свидетельствует о том, что мечи с дисковидным навершием в равной степени широко были распространены по всей Европе. В Латвии меч такого типа найден в могильнике Липши вместе с коротким бронзовым наконечником ножен, украшенным крестом. Подобные наконечники ножен характерны для рубежа XII—XIII вв. Части рукояти меча подобной формы найдены также в городищах Тервете, Межотне и Даугмале. Мечи типа IV в Латвии встречаются до XIV в. (Atgâzis 1998: 16).

Меч, переданный в 1953 г. в музей в Риге, сохранился относительно хорошо (рис. 2). Повреждения — небольшие щербины на лезвии, с рукояти облупилась серебряная плакировка, местами на клинке несколько повреждена инкрустация. Рукоять меча венчает трехчастное навершие, среднее звено которого больше по размеру и выдвинуто. Перекрестье прямое, массивное. На навершии и перекрестье была серебряная плакировка. На ее месте просматривается орнаментальная гравировка и украшение из мелких ямочек. Перекрестье и навершие изготовлены отдельно и потом установлены на стержень рукояти меча. Средняя часть клинка меча с обеих сторон орнаментирована. В бороздки, имеющиеся на поверхности клинка, в соответствии с выбранным орнаментом вдавлена тонкая медная проволока. На каждой стороне клинка нанесен разный орнамент (рис. 3). Орнаментальная полоса тянется по всей длине клинка, за

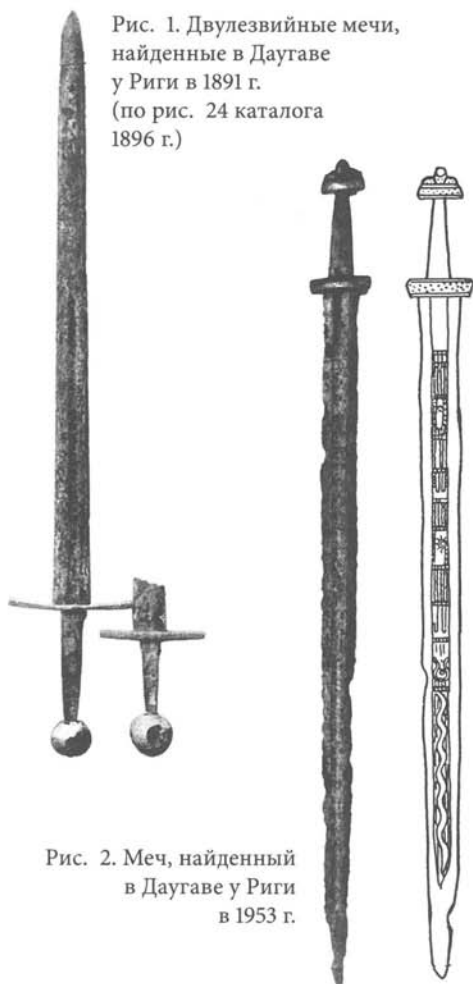

Рис. 1. Двулезвийные мечи, найденные в Даугаве у Риги в 1891 г. (по рис. 24 каталога 1896 г.)

Рис. 2. Меч, найденный в Даугаве у Риги в 1953 г.

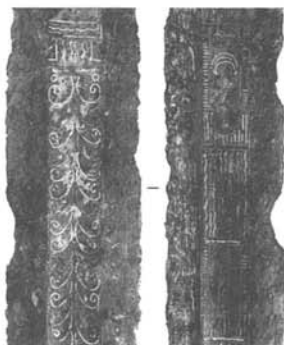

Рис. 3. Узор, украшающий клинок меча, найденного в Даугаве у Риги в 1953 г.

исключением небольших участков на его концах. Общая длина меча 96,6 см, ширина лезвия в самом широком месте 4,7 см, длина перекрестья 8 см. Ширина навершия рукояти 5,6 см, высота 4 см. По форме части рукояти этот рижский меч, по классификации Я. Петерсена, принадлежит к типу «Т», который датируют XI в. (Петерсен 2005: 178–180; Nerman 1929: 79). Однако имеющийся на клинке меча орнамент и использованный для его создания материал указывают, что этот меч мог бы быть отнесен и к следующему, XII в.¹

Мечи типа «Т» являются наиболее распространенными в Латвии и Балтии. В Курземе в XI–XII вв. двулезвийные клинки типа «Т» и «Z» были найдены чаще всего (более 100 экземпляров). После населенной куршами территории второе место по числу найденных двулезвийных мечей в этот период времени занимает населенная ливами территория Видземе. Здесь найдены мечи XI–XII вв. — типов «S», «Т» и «Z» (Latvijas arheoloģija 1974: 242). Нижнее течение Даугавы с рижскими селами ливов тоже находятся в населенной ливами части Видземе. Согласно сведениям А. Антейнса, мечи с орнаментом из меди в Латвии еще известны из Казданги и озера Вилкмуйжас (Anteins 1964: 81). Оба эти места находок находятся в Курземе.

Структуру материала, свойства металла и технологию изготовления рижского меча исследовал А. Антейнс (Anteins 1960: 45–46). Он пришел к выводу,

¹ Как указал А. Антейнс, орнамент из цветного металла в мечах стали использовать не ранее X–XI вв., а с XII в. серебро, медь или медные сплавы стали основным материалом орнамента (Anteins 1976: 52).

что лезвие меча состоит из двух слоев. Установлена их микротвердость — 230 и 380. В одном слое количество углерода 0,3–0,4%, а во втором — 0,8–0,9%. Такая структура материала констатирована у клинка от острия вплоть до перекрестья.

Возникает вопрос, как столь много мечей в древности попали в Даугаву у Риги? Были ли это случайность или осознанное действие воителей того времени? Почему из русла реки были подняты лишь четыре меча XII–XIII вв., а не другие древности того периода времени? Из упомянутых мечей один в реку был брошен на расстоянии неполного километра выше рижского поселения, вероятно, в XII в. Остальные три меча попали в Даугаву на расстоянии около 1 километра ниже древних сёл Риги, примерно в одном и том же месте реки. Они, вероятно, могли попасть в реку одновременно на рубеже XII–XIII вв. Сбрасывание мечей в Даугаву, возможно, было осознанным действием человека того времени. Как это объяснить?

В Латвии найденное вместе большое количество оружия известно из многих кладов эпохи среднего железа (Калнамуйжа, Кокмуйжа, Весмоках и др.). Исследователи считают эти находки сакральнымикладами, жертвоприношениями богам после успешной битвы (Urtāns 1977: 76–80).

Как свидетельствует Старейшая рифмованная Хроника Ливонии, еще во времена битв XIII в. балтские народы по древним верованиям определенную часть военной добычи — трофейного оружия (копий, доспехов, мечей) — жертвовали богам, сжигая в пламени (Atskaņu hronika 1998: строки 3399–3401, 3880–3887, 4689–4696). И у ливов мог-

ли быть в то время подобные верования. Жертвенное оружие либо сжигали и портили, либо закапывали в землю, либо топили в ближайшей реке или озере. Хроника Индрикиса повествует о других сакральных обрядовых действиях ливов с водами Даугавы в XIII в. Дабы освободиться от навязанной христианской веры, крещенные ливы считали, что, обливаясь водой из Даугавы, они смывают новую веру и что воды Даугавы уносят христианскую веру вслед отъезжающим крестноносцам (Indriiā hronika 1993: II, §8). Можно предполо-

жить, что ливы считали, будто приносимое в жертву брошенное в широкую и могучую Даугаву оружие, отнятое у противника, утонув в пучине вод, попадало прямо в руки к богам. Об этом возможном жертвоприношении свидетельствует и то, что в реке найдены как целые, так и сломанные мечи. Из исследования куршских трупосожжений известно, что положенные мертвым предметы, чаще всего оружие, подвергались порче, ибо считалось, что только испорченные, сломанные предметы попадут в загробный мир.

Литература

- Кирпичников 1966* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII в. // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.
- Петерсен 2005* — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб. 2005.
- Anteins 1960* — Anteins A. Dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūra, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija senajā Latvijā (līdz 13. gs.) // Arheoloģija un Etnogrāfija. II. Rīga. 1960.
- Anteins 1964* — Anteins A. Damascētie un ierakstu zobeni Latvijā un to asmeņu tehnoloģija // Par tehnikas vēsturi Latvijas PSR. VI. Rīga. 1964.
- Anteins 1976* — Anteins A. Melnais metāls Latvijā. Rīga. 1976.
- Atgāzis 1998* — Atgāzis M. Tuvcīnas ieroči senajā Latvijā 10.–13. gadsimtā. Promocijas darba kopsavilkums. Rīga. 1998.
- Atskaņu hronika 1998* — Atskaņu hronika. Rīga. 1998.
- Boeheim 1890* — Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig. 1890.
- Indriiā hronika 1993* — Indriiā hronika. Rīga. 1993.
- Katalog 1896* — Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga. 1896. Riga. 1896.
- Latvijas arheoloģija 1974* — Latvijas PSR arheoloģija. Rīga. 1974.
- Nerman 1929* — Nerman B. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm. 1929.
- SB 1895* — Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Jg. 1895. Riga. 1896.
- Urtāns 1977* — Urtāns V. Senākie depoziāti Latvijā (līdz 1200. g.). Rīga. 1977.

11th–13th CENTURY DOUBLE-EDGED SWORDS FROM THE DAUGAVA RIVER NEAR RIGA

A. Caune

Four double-edged swords have been found on the bottom of the Daugava River near Riga. A complete double-edged sword of the 11th–12th century with decoration on the blade was found in the Daugava in 1953, one kilometre upstream of the Old Town. In the 12th century there were two Liv villages there, and in the 13th century the mediaeval town began its developing in this place. The sword under consideration corresponds to Type T according to Petersen's classification. It is kept in the Museum of the History of Riga and Navigation (RVRM-23000). In 1891 and 1895, about 1 km downstream from the old town of Riga, three swords of the late 12th or early 13th century were found on the bed of the Daugava. One was complete, while the other two were represented only by the grips. All these examples belong to Type VI according to the classification of Kirpichnikov. These three swords were lost during the Second World War.

The author supposes that the swords have come to the Daugava due to the ancient custom of the Baltic peoples of sacrificing some of the war trophies to their gods after the victory in a battle. The sacrifice took the form of burying the objects, burning them on a pyre or sinking them in a water-body.

ПАРАДНАЯ КОНСКАЯ УПРЯЖЬ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

В III–IV вв. н.э. в среде сарматской и боспорской знати становится популярной новая мода — украшать парадную упряжь коня, оружие и поясную гарнитуру золотыми или позолоченными пластинками с крупными вставками сердолика в центре. На пластинки наносился тисненый орнамент: в виде косых крестов, звездочек, кружков с точкой, змеек, витых жгутов, псевдозерни, который очень резко контрастировал с зооморфными орнаментальными мотивами более раннего времени (Шаров 1995: рис. 576, 4–6, 8–11; Sourpault 1999: Pl.1; Шаров 2004: 408–413; Засецкая, Шаров 2008: 62–64; Šarov 2003). Подобный стиль украшения парадных деталей амуниции можно из-за основного элемента декора назвать «сердоликовым» (Яценко, Малашев 2000: 230–231, табл. 2, 3) в отличие от более раннего «золото-бирюзового» (Мордвинцева 2003; Засецкая, Минасян 2008: 44–52).

Комплексы парадной конской упряжи, найденные в сарматских курганах Нижнего Дона (могильники Аэродром-1 и Комаров — II), являются яркими образцами этого нового стиля и говорят, несомненно, об очень высоком статусе их владельцев (Засецкая, Шаров 2008: 62).

Предметы этого стиля выполнены двумя способами:

В технике тиснения, когда деревянной или бронзовой матрицей сверху наносился орнамент на тонкую золотую или позолоченную серебряную пластину и все пространство между бронзой или серебряной основой и верхней золотой или позолоченной пластиной для сохранения наружного рельефа заполнялось мастикой.

В технике басмы, когда снизу наносится бронзовая или деревянная матрица и деревянными чеканами прорабатывается орнамент на наложенных сверху тонких золотых и позолоченных пластинках. В ряде случаев бронзовая пластина — матрица оставалась в качестве основы, на которую крепилась верхняя позолоченная пластинка, и именно матрица сохраняла наружный рельеф изделия.

Рассмотрим комплекс конского снаряжения, происходящий из тризны кургана 8 могильника Комаров II на Нижнем Дону¹ (L'Or des Amazones 2001: № 346; Сокровища сарматов 2008: № 81–86). В его составе 4 кольчатых распределителя ремней (тройки и крестовины) с полихромными прямоугольными

¹ Раскопки Н. Н. Головковой и С. И. Лукьяшко, 1980 г.

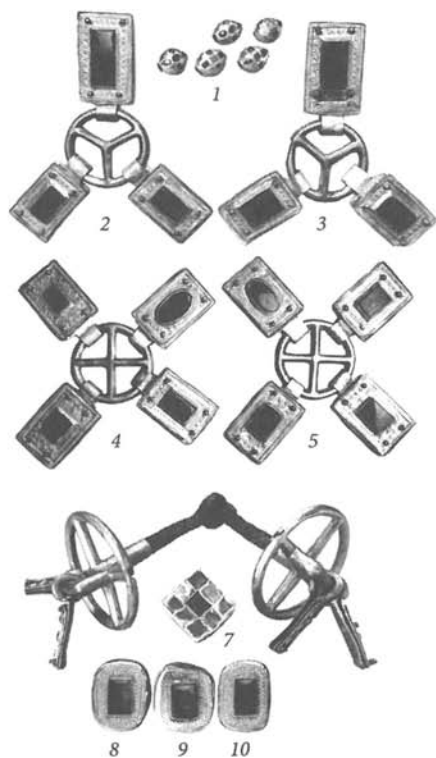

Рис. 1. Конский парадный убор из тризны кургана 8 могильника Комаров II (Сокровища сарматов 2008: кат. № 81–86)

бляшками, 4 бляшки с прорезями на два отверстия, 5 полихромных бочонковидных украшений уздечки и удила с кольчатыми псалиями, к прямоугольному выступу которых были прикреплены по два наконечника ремней (рис. 1). Для украшения бляшек были использованы тонкие золотые пластинки с тисненым орнаментом в виде косых крестов, выпуклых точек, зигзагов и псевдофилиграни. Сердоликовые вставки овальной и прямоугольной формы были укреплены в напаянные на золотые пластинки касты. Помимо этого отдельные бляшки (4 наконечника поводий, прямоугольная бляшка с прорезями) были украшены стеклянными вставками, а

бочонковидные бляшки, украшающие, скорее всего, уздечку, были украшены еще и гранатовыми вставками. Удила по своему типу достаточно оригинальны: железные грызла вставлены в массивные серебряные наконечники, которые изготовлены как составная часть кольчатых псалиев (Сокровища сарматов 2008: № 81).

Очень необычен по своему составу конский убор, происходящий из тайника кургана 2 могильника Аэродром-I на Нижнем Дону¹ (Белинский, Бойко 1991:88–92; L'Or des Amazones 2001, № 345; Сокровища сарматов 2008, № 77–80). В тайнике находилось 15 предметов парадного конского снаряжения, которые авторы определили как нагрудное конское украшение (рис. 2). В нем представлены: 3 овальные и 4 прямоугольные бляхи, украшенные прямоугольными и овальными сердоликовыми вставками, 4 наконечника ремней и 4 овальные с выступом бляхи, украшенные стеклянными вставками синего и лилового цветов. Для украшения бляшек использована серебряная позолоченная фольга с тисненым орнаментом в виде косых крестов, псевдофилиграни, выпуклых точек, зигзагов, звездочек, треугольников из псевдозерни. Гнезда для вставок были вырезаны в верхней пластине, касты были обжаты по форме вставок. Овальные и прямоугольные бляхи с прорезями на 2 и 4 ремня были изготовлены технологически одинаково: бронзовый каркас был обтянут сверху и по бокам серебряной позолоченной тисненой фольгой, которая была загнута снизу каркаса. Фольгу закрывает и крепит нижняя

¹ Раскопки И. В. Белинского, 1990 г.

серебряная пластинка. Весьма вероятно, что между верхней позолоченной и нижней бронзовой пластинами для сохранения рельефа была использована мастика.

Большие овальные бляхи с выступом и наконечники ремней, по мнению автора раскопок, были изготовлены технологически иначе. Сложный орнамент (лучи, треугольники из псевдозерни, псевдофилигрань по краю, косые кресты, кружки с точками в центре) был прослежен и на позолоченной серебряной фольге и на тонкой бронзовой пластине-подкладке. Судя по всему, речь идет о технике басмы, и бронзовая матрица была использована в качестве основы этих блях. В качестве крепления этих двух пластин служила серебряная окантовка бляшек по всему периметру.

Нам известно две реконструкции этого конского набора — реконструкция И. В. Белинского и А. Л. Бойко как нагрудного украшения, где большие овальные бляхи вставлены маленькими серебряными выступами в проези прямоугольных бляшек сверху, а длинные наконечники снизу. Продольный нагрудный ремень таким образом украшают все 15 бляшек. Эта же реконструкция была полностью повторена на выставке во Франции, проходившей в музее Чернуши в Париже в 2001 г. (*L'Or des Amazones* 2001: 286, № 345). Достаточно трудно представить, как могут держаться только за счет тонких серебряных пластинок на груди коняверху основного ремня большие овальные бляхи. Должно быть какое-то дополнительное крепление, которое на сохранившейся части упряжи не прослеживается.

Вторая реконструкция была предложена Т. А. Габуевым на выставке «Аланский всадник», проходившей в 2005 г. в Государственном музее народов Востока в Москве. Большие овальные бляхи как бы были соединены с длинными наконечниками и уже не крепились к прямоугольным бляшкам с 4 вырезами. Эта реконструкция стала возможной ввиду допущения, что тонкие серебряные пластинки-задники этих двух деталей упряжи могли быть в древности одним целым (Габуев 2005: № 49).

Остается открытым вопрос, а как они далее крепились к ремням? По моему мнению, нужно предполагать третью версию возможной реконструкции:

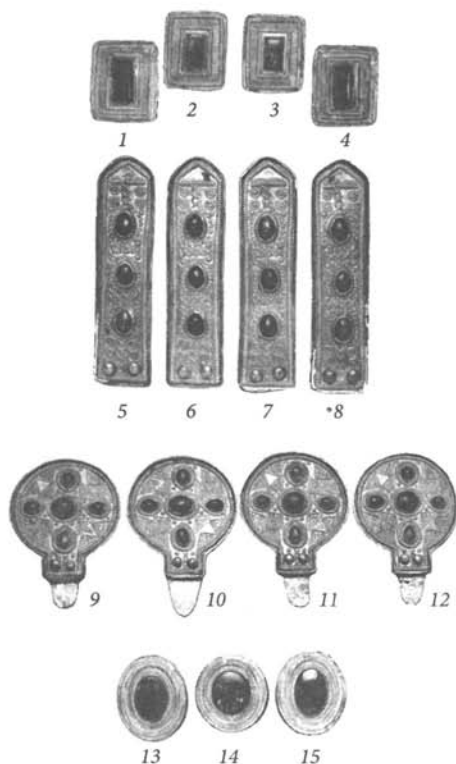

Рис. 2. Конский парадный убор из тайника кургана 2 могильника Аэродром-1 (Сокровища сарматов 2008: № 77–80)

прямоугольные и овальные бляшки с двумя и четырьмя прорезями — это части головного парадного украшения, а большие овальные бляхи с наконечниками — части нагрудного украшения.

Нельзя не коснуться и боспорских комплексов, которые дают наиболее близкие аналогии рассмотренным выше конским уборам (Sharov-Kazanski 2006: 93–100). Это хорошо известные комплексы из Керчи — погребение с Золотой маской 1837 г. и погребение Аджимушкой 1841 г. (Sharov 1994; 2003) Несомненно, самым ярким комплексом для Боспора позднеримской эпохи является знаменитая могила «царицы с Золотой маской», открытая А. Б. Ашиком в 1837 г. на Глинице

в Керчи (Ашик 1850; ДБК 1854: табл. I, XXIX). Уникальное «царское» погребение издано до сих пор в неполном виде и ждет своих исследователей. Хочется остановиться лишь на находке в этом погребении двух серебряных головных конских уборов, украшенных золотыми тисненными бляшками с вставленными в оправу сердоликами. Узда, поступившая в Императорский Эрмитаж в 1838 г. состоит из 24 бляшек; узда, поступившая в 1851 г., из 9 бляшек (ДБК 1854: табл. XXIX, 6; Кондаков, Толстой, 1889: 155, II, рис. 137). На концах ремней этих сбруй висят серебряные бляшки, покрытые также золотыми пластинами без вставок камней (две в конском уборе 1838 г.² и одна в конском уборе 1851 г.³), на которых оттиснут одинаковый знак — тамга одного из царей боспорской династии (Шкорпил 1910).

Камни-кабошоны были закреплены с помощью мастики на серебряную пластину-основу, а сверху наложена тонкая золотая пластина с специальной прорезью для вставки. На этой золотой пластине орнамент в виде псевдофилиграни вокруг каста и по краю в виде зигзага выполнен по специальной матрице в технике басмы (рис. 3; 6, 3). Бляшки крепились к ремням упряжи с помощью 4 заклепок, которые вставлялись с внешней стороны и расклепывались на двух тонких длинных серебряных пластинках с оборотной стороны, которые и соединяли ремни с бляшками. Важно отметить, что тип узды из керченского комплекса 1837 г. весьма оригинален — в дошедших до нас деталях упряжи нет колец-распределителей

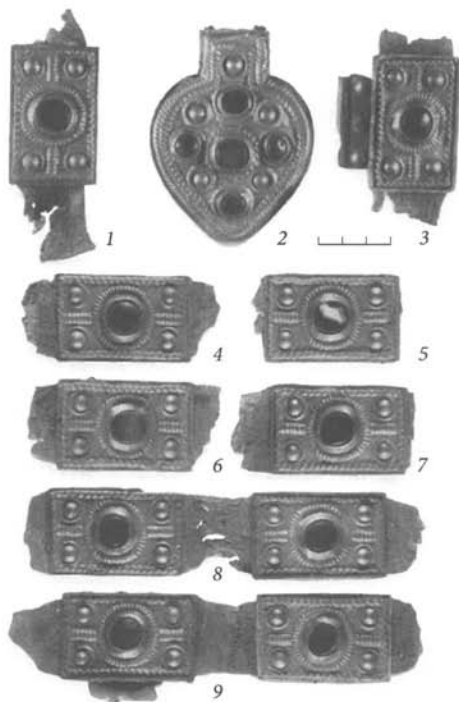

Рис. 3. Детали конского парадного убора из погребения с Золотой маской в Керчи (Sharov, Kazanski 2006: Fig. 82)

² ГЭ, инв. № Р. 50.

³ ГЭ, инв. № Р. 51.

различных ремней оголовья и все бляшки крепятся прямо на ремни, а сами ремни крепятся друг к другу внахлест, с помощью все тех же узких пластинок, без использования круглых и прямоугольных разделителей ремней (Šarov 1994; 2003). Наиболее близкой аналогией этому типу конского убора является изображение парадной упряжи коня на знаменитом керченском серебряном блюде с триумфом императора из склепа Гордиковых (Мацулевич 1926: табл. 1; Засецкая 1993: табл. 8, № 5; Сокровища сарматов 2008: рис. 12, № 94). Мы видим части оголовья и поперсыя (нагрудного украшения), прямоугольные бляшки которых украшены в центре овальными и прямоугольными вставками, и эти полихромные бляшки покрывают все ремни упряжи (рис. 4). При этом следует отметить и некоторые различия, в частности, в головном уборе коня на блюде показаны кольца-распределители ремней и отсутствуют детали украшения наносника, которые, напротив, представлены в комплексе с Золотой маской. В комплексе 1837 г. бляшки расположены через равномерное расстояние друг от друга и не украшают полностью ремни оголовья. В нагрудном украшении коня на керченском блюде полихромные бляшки чередуются с неукрашенными, чего не наблюдается в узде керченского комплекса 1837 г.

Коснемся еще одного хрестоматийного керченского комплекса этого же времени. Погребение в кургане по дороге к Аджимушкайской каменоломне в Керчи было открыто также А. Б. Ашиком в 1841 г. (Ашик 1850: 137; Ашик 1848: II, 41, Ашик 1849: III, 39; ДБК 1854: 43, табл. III, 3). Узда из этого комплекса

Рис. 4. Серебряное блюдо с изображением триумфа Императора из склепа Гордиковых в Керчи (Мацулевич 1926: табл. 1)

очень неполно опубликована А. Б. Ашиком в его объемном труде «Боспорское царство» (Ашик 1848: 47, 72). Он пишет, что всех украшений, принадлежащих узде, было 18, в том числе несколько ослиных голов, три пряжки из чистого золота и маленькая золотая пластина с изображением Ники (рис. 5). Нужно отметить, что у удила железные толстые концы грызл убраны в граненые серебряные оковки, которые крепились на серебряных кольчатых псалиях. На серебряных псалиях удила в этом комплексе висят серебряные подграненные пластины обойм разной длины для крепления ремней поводий. В настоящий момент к этому парадному золотому конскому убору⁴ относятся четыре кольца-разделителя ремней с бляшками, украшенными сердоликами, семь овальных бляшек, также украшенных сердоликами (рис. 6, 2), 13 ослиных голов, две миндалевидных бляхи, шесть

⁴ ГЭ, инв. № П. 1841.

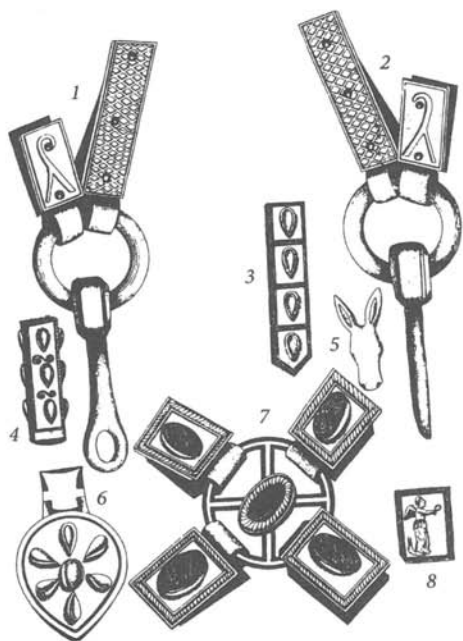

Рис. 5. Детали конского парадного убора из погребения Аджимушкой, 1841 г. (Šarov 1994: Abb. 3)

наконечников поводий, три бляшки с тамгами (рис. 6, 4, 5) и три шарнирные бляхи сбруи с секировидными подвесками (рис. 6, 1).

Бляшки узды состоят из двух серебряных пластин, между которыми крепились ремни оголовья. С лицевой стороны бляшки обтянуты тонким золотым листом с тисненым по краю орнаментом в виде псевдофилиграни. В центре золотых обкладок напаяны высокие касты, в которые вставлены овальные сердолики. В этом погребении, по всей видимости, присутствовала еще одна узда, части из которой были представлены для публикации директором Керченского музея В. В. Шкорпиллом в 1910 г. (Шкорпил 1910: № 37, рис. 15). Эта вторая узда состоит из 12 золотых ремненных бляшек, идентичных бляшкам

узды погребения с Золотой маской, и 16 серебряных предметов, среди которых пряжки с овальными обоймами, кольчатые псалии с маленькими овальными пластинами с двумя заклепками, кольцо-крестовина для разделения ремней и пять шарнирных секировидных подвесок. Если доверять сведениям В. В. Шкорпила, то в одной могиле мы встречаем отдельные детали от трех разных типов узды:

1-й тип — узда без кольцевых распределителей ремней и массивных блях с отверстиями. Ремни, украшенные золотыми бляшками, крепились внахлест, как в погребении с Золотой маской;

2-й тип — серебряные кольчатые псалии с тремя овальными зажимами. Серебряные кольца-разделители с вихревой розеткой в центре, серебряные шарнирные секировидные подвески; серебряные прямоугольные бляшки с тремя заклепками для крепления к ремням;

3-й тип — кольчатые псалии с 4 спицами и прямоугольными полихромными бляшками-зажимами. Также представлены в этом комплексе 7 овальных полихромных бляшек с прорезями на 2 и 3 ремня и три полихромные бляшки с секировидными наконечниками. К псалиям крепятся граненые серебряные наконечники железных грызл и фасетированные серебряные пластины разной длины.

В ходе исследования данного комплекса удалось выяснить (Шаров 2008: 161), что 12 золотых полихромных блях из второго конского убора Аджимушкая, опубликованного В. В. Шкорпиллом в 1910 г., относятся на самом деле к погребению с Золотой маской, только ко второй узде из этого комплекса, пере-

данной не полностью из Керчи в Императорский Эрмитаж в 1851 г. Вместе с хранящимися в Эрмитаже девятью бляшками этого поступления они составили бы второй парадный убор из 21 бляшки, сравнимый по составу с первой уздой из 24 бляшек.

Если обратиться к парадной конской упряжи из коллекции Ермолая Запорожского (Ճարօղ 1994; Засецкая, Шаров 2008: 62–64; Сокровища сарматов 2008: № 87–93), то можно увидеть, что отдельные детали узды (кольца-распределители ремней с полихромными бляшками) аналогичны по типу деталям конского убора донского комплекса Комаров-II. Но в значительной степени данный конский убор по составу напоминает нам известный парадный конский убор из Керчи 1841 г., описанный выше. В комплексе 1891 г. также представлены 4 распределителя ремней оголовья на три и четыре ремня, три бляшки с секировидными подвесками и три полихромные овальные и прямоугольные бляшки с двумя и четырьмя прорезями для фиксации нащечных и наносных ремней (рис. 7).

Все бляшки были изготовлены из 4 пластин: на первую тонкую бронзовую пластинку была наложена тонкая золотая пластинка с тисненым орнаментом, загнутая краями за нее. Ниже на загнутые края плотно накладывалась вторая бронзовая пластинка, и вокруг этих трех пластин шел тонкий серебряный обруч с заходящими за

стык концами. Четвертая тонкая серебряная пластинка, предназначенная для соединения бляшки с ремнями оголовья, загибалась вокруг колец-распределителей ремней и крепилась двумя краями к верхним пластинам при помощи бронзовых гвоздиков с серебряными позолоченными шляпками. Гнезда для сердоликовых вставок овальной и подпрямоугольной формы были не напаяны, а вырезаны в верхней золотой пластине, орнамент в виде выпуклых точек, звездочек, крестиков и псевдофилиграни был выполнен в технике тиснения. Было ли заполнено пространство между золотой и брон-

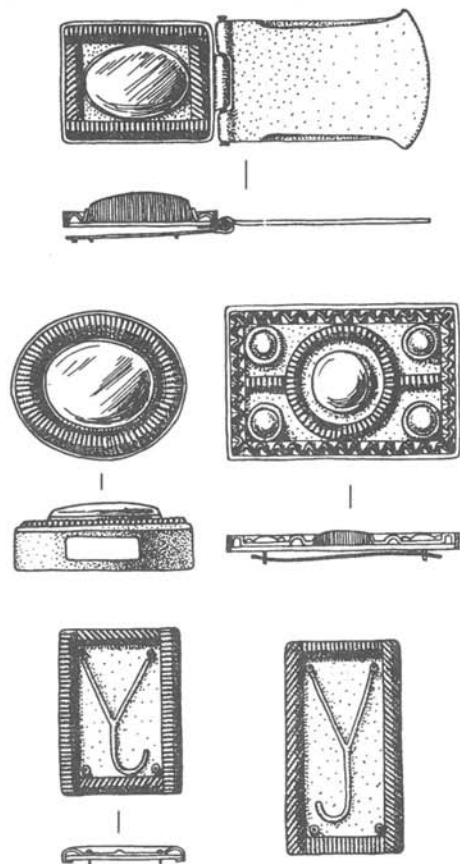

Рис. 6. Детали конских парадных уборов из керченских погребений:

1, 2, 4, 5 — погребение из Аджимушкая, 1841 г. (хр. ГЭ, инв. № П. 1841); 3 — погребение с Золотой маской, 1837 г. (хр. ГЭ, инв. № Р. 50)

зовой пластинами мастикой для сохранения наружного рельефа, или же нижняя бронзовая пластина являлась основой — матрицей для верхней, сказать пока трудно. Вероятно, все купленные в 1891 г. Императорской Археологической Комиссией у Ермолая Запорожского 28 предметов принадлежали к парадному головному убору (Šarov 1994 2003).

К вопросу о происхождении полихромного стиля позднеримской эпохи.

Существуют две кардинально различные точки зрения на происхождение этой новой технологической и орнаментальной традиции (Амброз 1992: 7–9; Яценко, Малашев 2000: 226–227, 238).

А. К. Амброз считал, что для решения этого вопроса нужно обязательно учитывать стилистически близкие из-

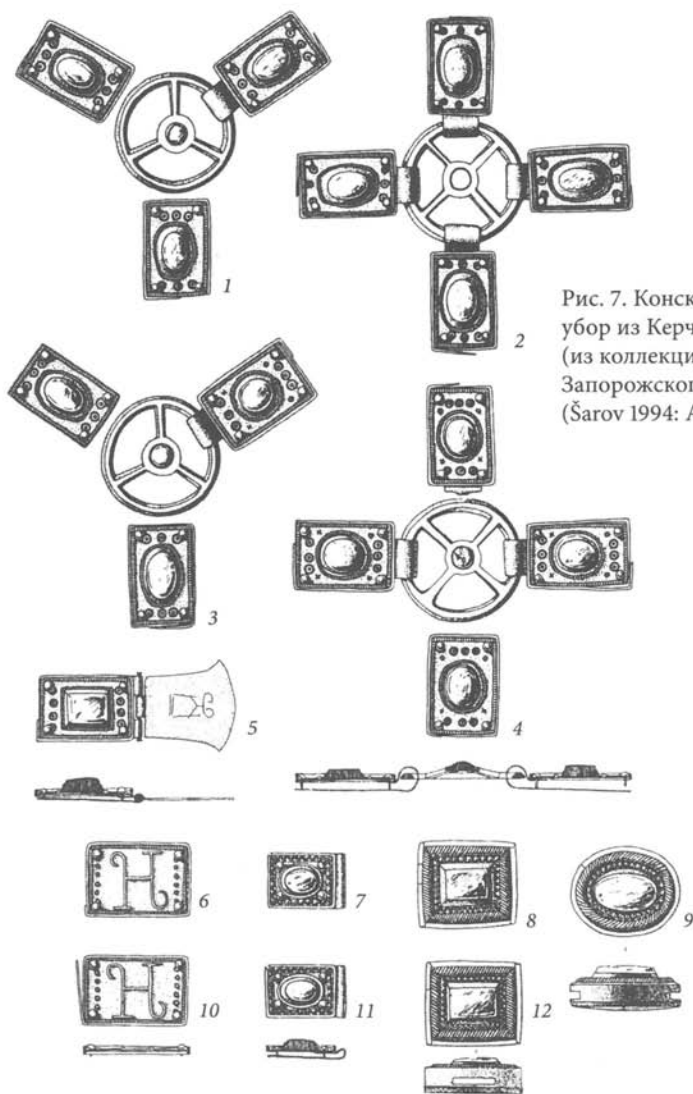

Рис. 7. Конский парадный убор из Керчи, 1891 г. (из коллекции Ермолая Запорожского) (Šarov 1994: Abb. 1–2)

делия, происходящие из богатых германских погребений Силезии, Словакии, Тюрингии, Дании (Закшув, Страже, Хасслебен, Арслев), где с конца III в. н. э. подобный прием украшения парадных вещей тисненой фольгой и крупными вставками камней и стекла был широко распространен (von Carnap-Bornheim 1998: 260–275). На основании находок вещей близкого стиля в римских провинциях (серия парадных шлемов из Паннонии), декорированных более разнообразно, чем причерноморские и германские, он полагал, что и германские и причерноморские изделия, украшенные тисненой фольгой и крупными вставками камней и стекла, изготовлены под сильным влиянием *общепроvincиального позднеантичного ювелирного стиля* III в. н. э. (Амброз 1992: 9).

В работе, посвященной полихромным пряжкам позднеимперского времени, Ванесса Супо также пришла почти к аналогичным выводам. Она полагает, что северопрichernоморские плакированные полихромные обоймы пряжек III–IV вв., несомненно, сделаны в римской традиции и только подражают изделиям, распространенным на территории собственно Римской империи, — т. е. они являются «*Imitatio Imperii*» (Soupault 1999: 304). Исходя из этого тезиса, получается, что мастера, выполнявшие заказы для обширного региона Северного Причерноморья, лишь копировали орнаментальный стиль «римских импортов» III–IV вв. и дополняли эти изделия новыми деталями, перерабатывая их уже в своем «северопрichernоморском стиле», который, несомненно, имеет давние и стойкие античные традиции.

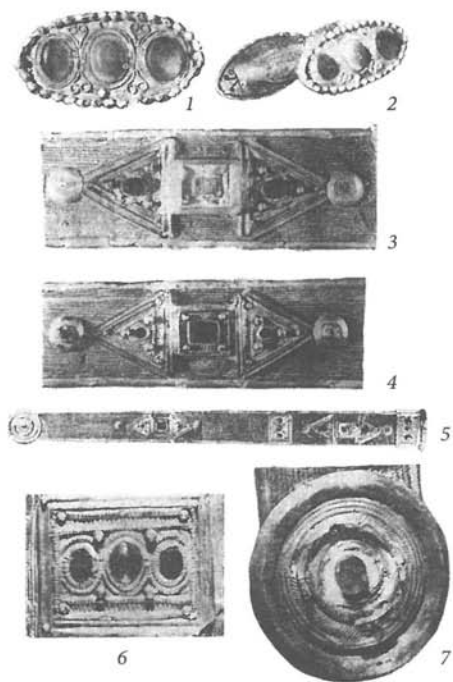

Рис. 8. Полихромные детали украшения меча № 2 из погребения «знатного варвара» в Силистрии (Василев, Митанов 1974: рис. 15a-d)

О херсонесском и боспорском центрах изготовления различных типов полихромных изделий (конская упряжь, мечи, пряжки, браслеты, серьги) написана работа С. А. Яценко и В. Ю. Малашева (Яценко, Малашев 2000).

Они считают, что этот орнаментальный стиль не отражает общепроvincиальные античные вкусы и полихромные изделия (конская узда, мечи, пряжки) относятся изначально к сугубо местным северопрichernоморским типам (Яценко, Малашев 2000: 244). Им очень импонирует мнение авторов публикации тайника Аэродром-I, которые полагают, что декор парадной конской узда из тайника отражает прежде всего *местные аланские кочевые эстетические нор-*

мы и запросы (Белинский, Бойко 1991: 96; Яценко, Малашев, 2000: 242).

Исходя из положений С. А. Яценко и В. Ю. Малашева (Яценко, Малашев 2000: 242–244), получается, что стиль плакированных полихромных тисненых изделий с конкретным орнаментом появляется в середине III в., прежде всего в Центральном и Юго-Западном Крыму, и главным центром производства становится вначале Херсонес (I хронологическая группа), а затем Пантикапей (II хронологическая группа).

Если присоединиться к первой точке зрения о провинциально-римском

происхождении данного полихромного стиля, то мы должны найти хотя бы какие-то образцы такой орнаментальной традиции на деталях украшений или аммуниции с территории Римской империи.

Но какие находки плакированных изделий, украшенные вставками стекла и полудрагоценных камней, для III в. н. э. мы знаем для территории Римской империи? Оказывается, что единственным из римских комплексов этого времени, где уже представлены изделия в тисненом стиле, можно считать погребение «знатного варвара на римской службе»

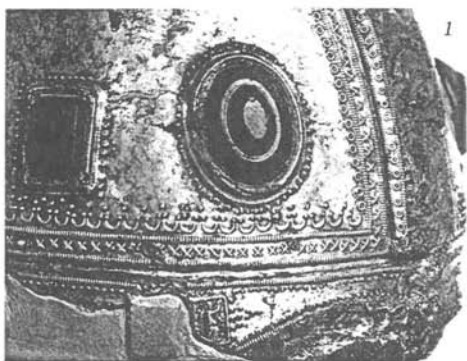
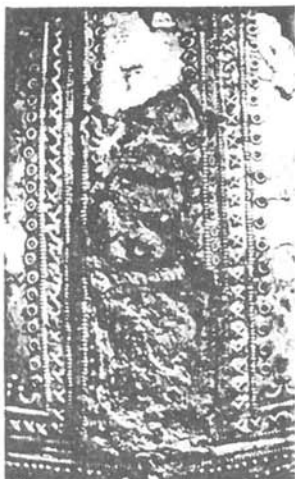

Рис. 9. Детали украшения серебряных позолоченных пластин парадного шлема из Будапешта (Klumbach 1973: 22, 39)

из пограничной дунайской крепости Силистрия (Василев, Митанов 1974: рис. 15, a-d). Для украшения бронзовых накладок ножен длинного меча из этого комплекса были использованы тонкие серебряные позолоченные пластинки, орнаментированные псевдозернью и псевдофилигранью (рис. 8, 3,4,6), а в центре украшенные вставками камней. Комплекс датируется на основании золотого ауреуса Проба последней третью III в. н.э., но, скорее всего, на основании других деталей воинского снаряжения (Zwiebelknopffibel) относится уже к первым десятилетиям IV в. н.э.

Большая часть находок, выполненных в данном полихромном стиле, на территории собственно Римской империи появляется только в константиновское время, т.е. в первой трети IV в. н.э. Это прежде всего парадные шлемы из Будапешта и Беркасова (Klumbach 1973: 22, 39; см.: рис. 9). К этому же времени принадлежат пряжки с вставками голубого стекла из Кельна (Roeren 1960: Abb. 10, 5) и из Lausacker (Roeren 1960: 229, Abb.1).

В итоге перед нами весьма странная ситуация. На территории Римской империи в силу разных причин (специфика погребального обряда, действие внутри Империи «Закона против роскоши», иные эстетические нормы и вкусы) мы не знаем деталей амуниции и украшений в полихромном стиле раньше конца III в. н.э., а скорее всего, ранее первых десятилетий IV в. н.э.

Но на территории европейского Барбарикума известны гораздо более ранние по времени и украшенные в данном стиле детали вооружения: умбоны парадных щитов: из Gommern в Средней

Рис. 10. Умбон парадного щита из Gommern (Becker 2000: 196–198)

Германии (von Becker 2000: 196–198), из Lilla Harg (Oxenstierna 1958: 133, Abb.119) и из Illerup (Illkjær 1990: 69, Abb. 41) в Дании. Серебряные позолоченные обкладки умбонов и деталей щита были изготовлены с применением близкого по типу тисненого орнамента — концентрические круги, псевдозернь, псевдофилигрань (рис. 10).

Опираясь на опубликованный материал (von Carnap-Bornheim 1998: Fundliste 6), можно сказать, что предметы мужского воинского снаряжения, украшенные в данном стиле со вставками камней и стекла, были распространены еще в первой половине III в. н.э. *исключительно в германском Барбарикуме*. Мы, конечно, вполне можем допустить, что это те детали снаряжения, которые принесли с собой германские воины, служившие в римских легионах еще в начале III в., в эпоху военных реформ Септимия Севера. Именно тогда стали употреблять в римской армии для определения знаков отличия и ранга служащего бронзовые и серебряные изделия, покрытые серебряной

позолоченной фольгой. В этом случае вопрос о происхождении этих предметов мог бы отпасть — их могли делать римские мастера-барбарикарии, но исключительно для подарков «самым знатным варварам» и украшали их полудрагоценными камнями и стеклом, имитирующим драгоценные камни.

Но можно заметить, что на ранних центральноевропейских и скандинавских полихромных вещах III в. основные элементы орнамента — это псевдозернь, псевдофилигрань, концентрические кружки с точкой (Grempler 1888: Taf. III, 18–19), и крайне редко мастерами используются другие элементы декора верхних пластин — косые и прямые кресты, очень характерные именно для наших восточноевропейских находок. Зато на германских вещах есть ряд орнаментов, связанных с германским миром образов, — лицевые маски, животные, птицы, фантастические существа и т. д. (von Becker 2000: 143–144).

Эти последние детали могут говорить о том, что, вероятнее всего, изготавливали эти предметы сами *германские мастера*, перенявшие у мастеров Римской империи технику тиснения тонких серебряных позолоченных пластин и, возможно, имевшие в качестве образцов парадные предметы, изготовленные римскими мастерами (von Carnap-Bornheim 1998: 260–261; Grempler 1888: Taf. II–III).

К выводу о местном происхождении полихромных изделий европейского Барбарикума, изготовленных в тисненном стиле, пришло сегодня большинство немецких исследователей.

Где же и кем изготавливались в таком случае восточноевропейские предметы? Основное скопление находок по-

добных изделий III–IV вв. фиксируется на Боспоре и в Херсонесе. Можно допустить, что их изготавливали местные мастера таких крупных ремесленных центров, как города Боспора и, вероятно, Херсонес, где в эпоху тетрархов и Константина Великого стояли вексиллярии мезийских легионов и находились представители римской администрации. Именно в Херсонесе в засыпчикестерны была обнаружена бронзовая матрица для изготовления тисненых накладок с крестами, концентрическими кругами и звездочками (Яценко, Малашев 2000: таб. 5).

Но далеко не все изделия Боспора, его округи и Херсонеса украшены одинаковыми элементами декора, есть и существенные различия, прежде всего в их сочетании на различных типах предметов. Мы попытались разделить эти типы изделий *по стилю орнамента* (Яценко, Малашев 2000: табл. 2–4). В боспорских материалах представлены типы плакированных полихромных изделий, золотые и серебряные позолоченные накладки которых украшены без крестов и звездочек только псевдозернью, псевдофилигранью и концентрическими кругами (рис. 11, 1, 2, 6, 8, 11), и, вероятно, они по типу орнаментации продолжают античные традиции, в русле которых и сделаны были большинство вещей раннего III в. из Центральной Европы и Скандинавии. Начало производства типов изделий с этими элементами декора, опираясь на даты Й. Илькера и К. фон Карнапа-Борнхайма (von Carnap-Bornheim, Illkjær 1996; von Carnap-Bornheim 1998: 261), я бы отнес еще к первой половине III в. н. э. Делали эти престижные предметы, копируя орнаментику с военных

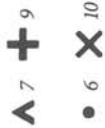

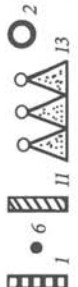

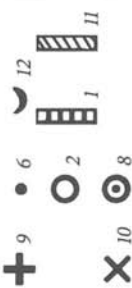
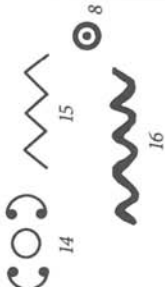
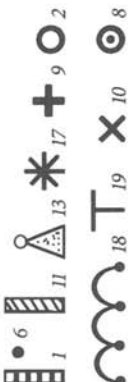
Т	Центральная Европа	Скандинавия	Римская империя	Восточная Европа, 1-й тисненый стиль	Восточная Европа, 2-й тисненый стиль
200					
250/					
260					
300					
320					
350/					
360					

Рис. 11. Элементы декора, выполненные в технике тиснения на плакированных изделиях Европейского Барбарикума в позднеимское время:

1 — псевдофилигрань; 2 — круг; 3 — круг с псевдофилигранью вниз; 4 — «голова быка»; 5 — «голова птицы»; 6 — точка-псевдозерно; 7 — угол; 8 — круг с точкой (с псевдозерном); 9 — прямой крест; 10 — косой крест; 11 — витая псевдофилигрань; 12 — полумесяц; 13 — треугольники с псевдозерном; 14 — круг с овалами; 15 — зигзаг; 16 — змейка; 17 — звездачка; 18 — арки с псевдозерном; 19 — Т-образный

трофеев, подарков или используя свою воинскую аммуницию, сегодня сказать трудно.

А вот с тисненым орнаментом в виде крестов и звездочек все обстоит сложнее (рис. 11, 9, 10). Такая орнаментация встречается в Скандинавии только на единичных типах предметов раннего III в. — это сакральные болотные находки из Дании (Иллеруп А), в основном же большинство предметов, украшенных таким орнаментом, и в Германии, и в Римской империи относится уже только к концу III — первой трети IV в.

Получается, что германские мастера стали украшать свои престижные плакированные изделия некоторыми отдельными элементами декора и вставками камней раньше, чем мода на подобный орнаментальный стиль распространилась в самой Империи, и только с рубежа III–IV вв. она стала собственно *римской*.

В итоге возникает научная дилемма: восточноевропейские полихромные изделия по своему происхождению следует связывать с более ранними германскими или с более поздними римскими? Ответить на эти вопросы оказалось достаточно легко ввиду того, что и на Боспоре, и в Херсонесе нет комплексов, где встречены изделия, украшенные во второй орнаментальной традиции, ранее конца III — начала IV в.

Поэтому, на основании анализа приведенных данных, следует скорее согласиться с тем, что стиль, в котором орнаментированы многие восточноевропейские находки, провинциально-римский, но предметы во «втором орнаментальном стиле» в Империи стали изготавливать римские мастера, прежде всего для знатных варваров на

римской службе, лишь начиная с эпохи первой Тетрархии, т. е. с конца III — начала IV в. н. э. Таким образом, исходя из предварительного анализа полихромных изделий с тисненым орнаментом, удалось выделить две группы плакированных изделий (Шаров 2004: 412–414; Засецкая, Шаров 2008: 62–64), украшенных в различных орнаментальных стилях:

К предметам *первого тисненого стиля* можно отнести типы изделий, украшенные тонкими *золотыми* пластинами с тиснением следующего орнамента: зерни, филиграни, концентрических кругов, треугольников с зернью, зигзагов и змеек. Они появляются еще во второй трети III в. и бытуют в первой половине IV в. н. э. На Боспоре к этой первой группе можно отнести полихромные изделия из комплекса погребения с Золотой маской 1837 г., из комплекса Аджимушкой, 1841 г. К ней же можно отнести браслеты, серьги и медальоны из некрополей Юго-Западного Крыма — Дружное, Черная Речка и Суворово (первая хронологическая группа по: Яценко, Малашев 2000: 243–244). Так как в Империи не изготавливали плакированных изделий, украшенных золотыми пластинами, а только серебряными позолоченными, то можно предполагать производство этих предметов *на Боспоре*, где подобная техника украшения была известна издавна.

Ко второй группе можно отнести типы изделий, украшенные крайне редко золотыми и главным образом серебряными позолоченными тонкими пластинками с тиснением тех же деталей орнамента, но также косых и прямых крестов, звездочек, арочного

и Т-образного орнамента (рис. 11, 9, 10, 13, 18, 19). Эти предметы появляются, исходя из дат достоверных комплексов и находок Боспора и Херсонеса, не ранее конца III — начала IV в. и продолжают существовать также и в IV в. Это полихромные детали конского убора из кургана 5 могильника Чауш, (Simonenko 2008: Taf.154), поясные пластины и наконечники ремней из кургана 9 могильника Градешка (Simonenko 2008: Taf.158). В этом же провинциальном стиле сделаны детали парадных

конских уборов из Керчи 1891 г., из могильников Аэродром-I, Комаров-II, а также уздечные наборы из Кишпека (Šarov 1994: 418–421).

Вероятнее всего, предметы второй группы, украшенные серебряными позолоченными пластинками, были изготовлены уже в провинциально-римских мастерских Империи (возможно, в Херсонесе), хотя их производство на Боспоре в IV в. н.э. в стиле «Imitatio Imperii» также полностью исключить нельзя.

Литература

- Амброз 1992* — Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. 1992.
- Ашик 1848* — Ашик А. Б. Боспорское царство. Часть II. Одесса. 1848.
- Ашик 1849* — Ашик А. Б. Боспорское царство. Часть III. Одесса. 1849.
- Ашик 1850* — Ашик А. Б. Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса. 1850.
- Белинский, Бойко 1991* — Белинский И. В., Бойко А. Л. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника Аэродром-1 // Историко-археологические исследования Азова и Нижнего Дона в 1990 году. № 10. 1991.
- Василев, Митанов 1974* — Василев В, Митанов П. Консервация на находки от гроб от IV в. в Силистра // Музеи и памятники на культурата, София. 1/1974.
- Габуев 2005* — Габуев Т. А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Государственный музей искусства народов Востока. Каталог выставки. М. 2005.
- ДБК 1854* — Древности Боспора Киммерийского. СПб. 1854.
- Засецкая 1993* — Засецкая И. П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь. 1993.
- Засецкая, Шаров 2008* — Засецкая И. П., Шаров О. В. Декоративные наборы конского снаряжения III–IV вв. н.э. Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 110-летию со дня рождения академика Б. Б. Пиотровского. СПб.—Азов. 2008.
- Засецкая, Минасян 2008* — Засецкая И. П., Минасян Р. С. Золотые ножны кинжала из кургана Дачи — уникальное произведение древнего ювелирного искусства. Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 110-летию со дня рождения академика Б. Б. Пиотровского. СПб.; Азов. 2008.

- Кондаков, Толстой 1889* — Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. СПб. 1889.
- Мацулевич 1926* — Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л. 1926.
- Мордвинцева 2003* — Мордвинцева Б. И. Полихромный звериный стиль. Симферополь. 2003.
- Сокровища сарматов 2008* — Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 110-летию со дня рождения академика Б. Б. Пиотровского. СПб.; Азов. 2008.
- Шаров 1995* — Шаров О. В. Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III — первой половине IV вв. н. э. Древности горизонта Лейна-Хаслебен и черняховская культура / Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 1995.
- Шаров 2004* — Шаров О. В. О полихромных стилях на Боспоре в позднеримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь. 2004.
- Шаров 2008* — Шаров О. В. О сходстве и различии конских парадных уборов из погребения с Золотой маской 1837 г. и погребения в Ажимушкае 1841 г. // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конфереции «Боспорский феномен». СПб. 2008.
- Шкорпил 1910* — Шкорпил В. В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // Известия ИАК. № 37. 1910.
- Яценко, Малашев 2000* — Яценко С. А., Малашев В. Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии. // *Stratum plus*. № 4. 2000. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2000.
- von Becker 2000* — Becker von, M. Das germanische Fürstengrab von Gommern. Gold für die Ewigkeit. Halle (Saale). 2000.
- von Carnap-Bornheim, Ilkjær 1996* — Carnap-Bornheim von, C., Ilkjær J. Illerup Adal // *Die Prachtausrüstungen*. Bd. 5. 1996.
- von Carnap-Bornheim 1998* — Carnap-Bornheim von, C. Granat, Karneol, Topas, Onyx und Bernstein. Zu schmucksteinverzierten Gegenständen der römischen Kaiserzeit in Nord-, West-, und Ostmitteleuropa // *Ber. RGK*. Bd. 58. 1998.
- Grempler 1888* — Grempler W. Der I. Fund aus Sackrau. Breslau. 1888.
- Ilkjær 1990* — Ilkjær J. Illerup Ådal. Die Lanzen und Speere. Aarhus. 1990.
- Klumbach 1973* — Klumbach H. Spätromische Gardehelme. München. 1973.
- L'Or des Amazones 2001* — *L'Or des Amazones. Peuples nomads entre Asie et Europe*. Paris. 2001.
- Oxenstierna 1958* — Oxenstierna E. Die ältere Eisenzeit in Östergötland. Stockholm. 1958.
- Roeren 1960* — Roeren R. Zur Archäologie und Geschichte Südwestdeutschlands im 3. bis 5. Jahrhunderten n. Chr. // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz. 1960.

Šarov 1994 — Šarov O. Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg, 1994.

Šarov 2003 — Šarov O. Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospor // Kontakt-Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. nach Christus. Marburg, 2003.

Sharov, Kazanski 2006 — Sharov O., Kazanski M. Les Rois au Masque d'Or // Mark Shchukin, Michel Kazanski et Oleg Sharov // Des Goths aux Huns. BAR. Int. Ser. 1535. 2006. Oxford.

Simonenko 2008 — Simonenko A. V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. // Römische Importe in sarmatischen und mäotischen Gräbern zwischen unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. Mainz, 2008.

Soupault 1999 — Soupault-Besquelin V. Imitatio Imperii. Le cas des plaques-boucles du style polychrome (du III s. au IV s. ap. J.-C.) // Germania. 77. 1999.

CEREMONIOUS HORSE-GEAR IN THE EPOCH OF THE LATE EMPIRE

O. V. Sharov

In the 3rd–4th century AD, weaponry, belt fittings and ceremonious horse-gear ornamented with gold or gilded plates with large central inserts of cornelian were coming into fashion among the Sarmatian and Bosporan nobility. Upon thin platelets, diverse patterns were stamped (in the form of oblique crosses, asterisks, circles with a dot, small snakes, twisted braids and pseudo-filigree). The sets of ceremonious horse-gear found in Sarmatian kurgans on the lower Don River and in the capital of Bosphorus are distinctive examples of the new “cornelian” style telling us of a very high status of their owners.

Analysis of polychromous objects with stamped ornamentation allows us to distinguish two groups of artefacts. Objects of the *first stamped style* comprise the items decorated with thin gold plates with stamped patterns including graining and filigree, concentric circles, triangles with graining, zigzags and snakes. Objects of this type appear in the second half of the 3rd century and continue in use to the first half of the 4th century. In the Empire, no gold-plated objects were produced therefore we have to suppose that these were manufactured in Bosphorus.

To objects of the *second stamped style* we may attribute the type of the objects decorated with silver gilded thin platelets with stamped oblique and straight crosses, asterisks, triangles filled with grain-filigree, and arch- and T-shaped ornamentation. These artefacts appear not earlier than the turn between the 3rd and 4th century continuing in use throughout the entire 4th century. Objects of the second group were produced probably in provincial Roman workshops of the Empire or in Chersonesus.

MIECZ W POLSKICH ŹRÓDŁACH ŚREDNIOWIECZNYCH

Wśród broni białej poczesne miejsce ze względu na swoje bojowe oraz ceremonialne znaczenie zajmuje broń sieczna, której najważniejszym reprezentantem w okresie średniowiecza był niewątpliwie miecz (Nadolski 1954: 20; Gradowski, Żygulski 2000: 7).

Anonim tzw. Gall w swej kronice posługuje się tylko 2 nazwami na oznaczenie tej broni. Jest to użyty 17 razy 'gladius' oraz zapisany 10 razy 'ensis'. Przeważający w kronice 'gladius' to wyraz występujący tylko w łacinie, powstały na gruncie włoskim, ale o niepewnej etymologii (Danka 1986: 100; Żygulski jun. 1998: 84, 98, 143). Zarówno 'gladius' jak i 'ensis' oznaczają zawsze broń długą, którą stanowił miecz, należący do podstawowego wyposażenia wojownika. Kronikarz używał ich zamiennie, a wymiennosc tych wyrazów podyktowana była głównie względami stylistycznymi (Szymczak 2001: 87–90). Świadczy o tym wiele przykładów, w tym dotyczący wyprawy kijowskiej z 1018 r. Bolesława Chrobrego, który dobywszy miecz z pochwy („evaginato gladio”) uderzył nim w Złotą Bramę w Kijowie. Ale w następnym zdaniu stwierdził, że została ona ugodzona „isto ense” (Gall: 23). Ten archaiczny wyraz pochodzenia indoeuropejskiego — występujący od czasów Catona, ale głównie w poezji (Danka 1986: 98) — nie ma u Galla

ściśle określonego zadania. Posługuje się on nim zarówno w sensie symbolicznym, jak i rzeczowym. Godne odnotowania jest tylko to, iż Gall częściej posługiwał się wyrazem 'gladius' w pierwszych dwóch księgach, gdzie użył go aż 15 razy przy 4 'ensis'. Proporcje te odwróciły się w ostatniej księdze (2:6), lecz nie oznacza to świadomej zmiany w stosowanym nazewnictwie dla zaznaczenia odmiennego rodzaju broni. Wymiennosc wyrazów 'gladius' i 'ensis' mogła wynikać nieraz ze względów stylistycznych. Kronikarz był konsekwentny w tej dbałości o formę stylistyczną swego dzieła, skoro tylko raz zdarzyło mu się powtórzyć wyraz 'gladius' w tym samym zdaniu (Gall: 7).

Zaledwie w jednym miejscu Anonim tzw. Gall odnotował część składową miecza, wkładając w usta Bolesława Chrobrego przepowiednię o narodzinach Bolesława Krzywoustego, który ujmie rękojeść jego miecza („gladii mei capulo”) i rozjaśni całą Polskę swym blaskiem (Gall: 37).

Również w najstarszych źródłach hagiograficznych dotyczących Polski miecz to głównie 'gladius'. Jest to jedyne określenie na broń sieczną używane w żywotach św. Wojciecha oraz biografii św. Ottona bamberskiego — spisanej w Prüfening i przez Ebona (S. Adalberti vita: 5, 10, 30, 40; Bruno z Kwerfurtu 1: 82; S. Ottonis vita: 35;

Ebo: 87, 121, 123). Bogatszego słownictwa użył Herbord, gdyż oprócz 'gladius' i 'gladiatores' wymienił „mucrones et cultros” — przeciwstawiając miecze nożom (Herbord: 106, 123, 137, 158). Odnotował też wojowników mających „securibus et sarpis” (Herbord: 121, 106), które wcześniej występują w kontekście „securibus et gladiis aliisque telis”. A zatem i zagadkowe 'sarpum' może oznaczać broń sieczną, skoro 'sarpo' oznacza obcinać, przycinać! Natomiast w żywocie pięciu braci pustelników z występującym najpierw wyrazem 'gladius' na następnych kartach skutecznie konkuruje 'ensis' (Bruno z Kwerfurtu 2: 62–65). Miecz pojawił się także w żywocie bł. Kunegundy-Kingi w opisie koronacji jej ojca Beli IV w 1235 r. Towarzyszący mu brat Koloman trzymał w ręku ze złości miecz królewski: „eius ense regalem” (Vita s. Kyngae: 33, 126).

Znacznie bogatszy zestaw nazw w odniesieniu do broni siecznej znajdujemy w kronice Mistrza Wincentego. Są to 'gladius', 'ensis', 'mucro' i 'spata'. To popis erudycyjny kronikarza i niewątpliwie względy pozamerytoryczne decydowały o używaniu przez niego takich określeń. W jego dziele dominuje jednak wyraźnie 'gladius', użyty 12 razy. Na drugim miejscu — występujący 8 razy — znajduje się 'ensis'. Wprowadził ponadto 6 razy nazwę 'mucro', oznaczającą ostrze, ostry koniec, który w znaczeniu broni — miecza lub sztyletu — stosowali już Cicero, Wergiliusz i Owidiusz (Słownik łacińsko-polski 1969: 545). Dla Mistrza Wincentego nie miało to większego znaczenia, skoro w jego wersji Bolesław Chrobry uderzył w Złotą Bramę w Kijowie 'mucronis', zmieniając tutaj słownictwo Galla (Magistri Vincentii: 42). To Mistrz Wincenty informuje, że książę Bolesław Krzywousty dobył miecza, który

Żurawiem zowią („exerto mucrone, quem Gruem uocant” — Magistri Vincentii: 116).

Brak konsekwencji w słownictwie Mistrza Wincentego jest widoczny również w odniesieniu do pozostałych wyrazów: ostrzem miecza („ore gladii”) przeszyci ginęli; ginęli od 'gladio' (Magistri Vincentii: 16, 82, 92, 164), ale i od 'ense'; można było kogoś wyzwolić mieczem ('ense') lub nim ciąć wroga ('ensium' — Magistri Vincentii: 70, 84, 168). Odźwierny miecz bramny („ianitor ensis ianuas”) i piorunowy miecz („fulmen ensis”) występuje obok miecza kłutwy („anathematis gladium”) biskupa krakowskiego Stanisława i mszczącego miecza („uindex gladius”) Bolesława Krzywoustego (Magistri Vincentii: 53, 57, 113, 121). Wynika to niewątpliwie z dbałości kronikarza o stylistykę swego dzieła, albowiem obserwujemy wymianę stosowanych nazw broni siecznej w sąsiadujących ze sobą zdaniach, np.: „ensis [...] gladio”, „gladii [...] ensis”, a nawet „ense [...] mucronum [...] gladius” (Magistri Vincentii: 53, 121, 157–158). Tylko w jednym miejscu 'gladius' powtarza się jako miecz mszczący i szalejący (Magistri Vincentii: 113).

Powyższa lista nie wyczerpuje określeń używanych przez Mistrza Wincentego na ukazanie broni siecznej. Opisując zmagania Kazimierza Odnowiciela o odzyskanie tronu napisał on, że w wojsku Mieciałwa byli m. in. „spatariis” (Magistri Vincentii: 47). Wyraz 'spatha' jest greckiej proweniencji i występuje w łacinie począwszy od Owidiusza, zaś u Tacyta oznaczał krótki miecz o szerokiej obosiecznej głowni (Słownik łacińsko-polski 1979: 186–187; por. Danka 1986: 102; Żygulski 1998: 102, 143, 183; Krizek, Cech 1999: 238). Tego rodzaju broni nie spotykamy w Polsce XI w., kiedy rozgrywały się omawiane przez naszego kronikarza wydarzenia, a więc znów

względy pozamerytoryczne zadecydowały o użyciu przez Mistrza Wincentego takiego określenia. Dodać można, że również w jego czasach taki miecz nie znajdował się na wyposażeniu wojowników, a zatem nie mamy do czynienia z sytuacją przeniesienia realiów z własnej epoki na inne czasy.

Miecze — podobnie zresztą jak inne rodzaje broni — rzadko występują na kartach polskich roczników. W najstarszych rocznikach krakowskich zapisany jest tylko jeden 'gladius' (Najdawniejsze roczniki: 174). Także „Rocznik kapituły gnieźnieńskiej” zawiera tylko jedną zapiskę z 1245 r., kiedy książę wielkopolski Przemysł I swego brata Bolesława Pobożnego mieczem opasał: „gladio [militari] cinxit”. W „Roczniku kapituły poznańskiej” mamy 2 wzmianki o użyciu miecza, określonego jako 'gladius' (Roczniki wielkopolskie: 8, 40, 51). Również „Rocznik Traski” posiada tylko 2 zapisy, w których występuje 'gladius', w tym miecz, którym Bolesław Chrobry uderzył w Złotą Bramę w Kijowie, ale pod błędną datą 1002 r.! (Rocznik Traski: 829, 854). Znacznie bogatszy pod tym względem jest „Rocznik świętokrzyski”, gdzie miecz spotykamy aż 14 razy, w tym 13 razy jako 'gladius' i tylko raz jako 'mucro' (Rocznik świętokrzyski: 18, 82, 84, 86, 88, 105, 117, 124, 132, 133). Przypomnijmy też z „Księgi henrykowskiej” wieśniaka Kwiecika, który miał jedną rękę „gladio” okaleczoną (Księga henrykowska: 134). Warto też odnotować, że w statutach Kazimierza Wielkiego zapisany jest jedynie 'gladius' (Statuty 1: 260, 378, 429–430, 492; Statuty 2: 34). Natomiast w „Katalogu biskupów krakowskich” użyto 6 razy wyrazu 'gladius', w tym dwukrotnie jest to „gladius ecclesiasticus” (Katalogi biskupów: 101, 102, 216, 226 oraz s. 193, 216).

Szczęk oręża często pobrzmiewa w „Kronice wielkopolskiej”. Jest to głównie 'gladius' i 'ensis', a zatem wyrazy oznaczające w zasadzie każdą broń sieczną i kolną, bez względu na jej długość. 'Gladius' wystąpił 25 razy. Tak nazwany został Szczerbiec (Kronika wielkopolska: 17, 18) — miecz koronacyjny królów polskich. Takim wyrazem określano miecz rycerski podczas obrzędu pasowania („gladio militali” — Kronika wielkopolska: 90, 98). Wbrew Gallowi i Mistrzowi Wincentemu ktoś mieczem ('gladio') zgładził księcia Świętopelka (Kronika wielkopolska: 38), być może dlatego, że w Kronice wielkopolskiej nie spotykamy pugiuału. W Kronice wielkopolskiej aż 15 razy spotykamy 'ensis' i 3 razy 'mucro'. Odczytujemy to jako wpływ lektury kroniki Mistrza Wincentego, którego dzieło było podstawą dla jej autora dla przedstawienia początków rozbitcia dzielnicowego.

Jan z Czarnkowa poskąpił nam zupełnie informacji bronioznawczych, albowiem tylko 2 razy zanotował miecz. Jest to 'gladius' w znaczeniu przedmiotowym (mieczem porąbać) i w sensie przenośni: „igne et gladio”, czyli popularne później: ogniem i mieczem (Jan z Czarnkowa: 687, 735). Odnotowana została również broń krótka, ale wymieniony 'cultellus' nie zmieni naszej opinii o zawodzie, jaki spotyka bronioznawcę po lekturze tego dzieła, w którym bardzo często słychać szczęk — ale nie nazwanego z imienia — oręża.

W „Rocznikach, czyli kronikach sławnego Królestwa Polskiego” Jana Długosza, broń sieczna występuje dosyć często i w różnorodnej gamie — największej, w porównaniu z jego poprzednikami. Musimy wszakże pamiętać, że jest to dzieło najobszerniejsze, zarówno pod względem chronologicznym, jak i objętościowym. W dwunastu księgach dominuje 'gladius', który spotykamy 87 razy,

podczas gdy ‘mucro’ 17 i ‘ensis’ 14 razy. Inne określenia występują już tylko sporadycznie, a to: ‘framea’ 6 razy, ‘acinaces’ 3, ‘romphea’ 1, ‘spata’, a ponadto ‘ferrum’ w znaczeniu miecza 4 razy. Łącznie zatem Jan Długosz wymienił broń sieczną co najmniej 133 razy.

Podobnie jak wcześniejsi kronikarze, również Jan Długosz nie przywiązywał większej wagi do stosowanych określeń na broń sieczną. Nieraz decydował się na zamianę wyrazów, traktując je jak synonimy. Przykładowo, podał, że w 1037 r. podczas wojny domowej księży zabijano ‘mucronibus’ i ‘gladio’ (Długosz Annales: ks. 1–2, s. 318; tak samo ks. 10–11, s. 106); w 1195 r. Mieszko Stary został raniony ‘mucrone’, a prosty woj rzucił swój miecz (‘ferro’); w 1396 r. skazany na ścięcie ‘gladio’ Stańczyk z Rudy został ułaskawiony, gdy kat już podnosił ‘mucronem’; pod rokiem 1426 przeciwstawił „gladiis [...] mucronum”; w 1428 r. zaś „ense [...] spatarum” (Długosz Annales: ks. 5–6, s. 162–163; ks. 10, s. 215; ks. 11, s. 26, 238).

Ale równie często nie stosował takich zabiegów stylistycznych. Pod rokiem 1330 czytamy, że Felicjan z ostrym mieczem rzucił się na króla Węgier Karola Roberta i jego żonę Elżbietę Łokietkównę, którzy rękoma osłonili się przed nim („acutissimum mucronem [...] mucronis” — Długosz Annales: ks. 9, s. 150). Bardzo charakterystyczny jest rok 1410, pod którym miecz występuje 24 razy, przy czym ‘gladius’ aż 19 razy (Długosz Annales: ks. 10–11, s. 94, 95, 102, 104, 105, 106, 114, 136, 171), ‘ensis’ (Długosz Annales: ks. 10–11, s. 101) zaś i ‘mucro’ po 2 razy (Długosz, Annales: ks. 10–11, s. 106, 162) i tylko 1 raz ‘acinaces’ (Długosz Annales: ks. 10–11, s. 110). Dla potwierdzenia braku dbałości o styl dzieła można przytoczyć znany epizod o dwóch nagich mieczach, które kazał nosić przed sobą kom-

tur tucholski Henryk dopóki nie zanurzy ich w polskiej krwi. Co prawda najpierw jest mowa o „duos nudos gladios”, potem o „duos enses”, ale na następnej stronie te same miecze aż siedmiokrotnie określono jako „duos gladios” (Długosz Annales: ks. 10–11, s. 95, 101, 102). O tym, że Jan Długosz nie przywiązywał większego znaczenia do używanych przez siebie wyrazów świadczy ponadto fakt, iż w innym swoim dziele, a mianowicie „Banderia Prutenorum” przy opisie chorągwi komturstwa i miasta Tucholi, relacjonując historię o komturze tucholskim Henryku użył wyrazu greckiego ‘acinaces’ (Długosz Banderia 1: 119; Długosz Banderia 2: 196), a zatem trzeciego już określenia na omawiane miecze. W drugiej połowie XVI w. ‘acinaces’ (lub ‘acinax’) oznaczał dobrą broń sieczną, znajdującą się w wyposażeniu husarii (Stefan Batory, s. 54). Grecy nazywali tak używany przez Persów i Scytów zakrzywiony miecz i nazwa ta przeszła do łaciny na określenie takiej ‘krzywej szabli’ ludów wschodnich. W średniowieczu traktowany jako synonim wyrazu ‘gladius’ (Słownik łaciny 1953–1958: 119; Danko 1986: 102–103).

Kolejne miejsce na liście wyrazów używanych przez Jana Długosza na oznaczenie broni siecznej zajmuje ‘framea’. Jest to wyraz niejednoznaczny, albowiem zazwyczaj tłumaczy się go — ale dla okresu wczesnośredniowiecznego — jako oszczep, pikę (Słownik łaciny 1975–1977: 360), natomiast w źródłach późniejszych oznaczał broń sieczną: w 1477 r. była to szabla, w 1481 r. tylec, w 1504 r. miecz, w 1537 r. zaś tasak (Akta grodzkie: t. 17, nr 1321; Acta capitulorum: nr 1418; Acta rectoralia: nr 1978; Cracovia artificum: nr 920). Warto więc odnotować, że sześciokrotnie odnotowana w „Rocznikach...” ‘framea’ to aż 3 razy broń Turków, dwukrotnie Mongo-

łów-Tatarów i raz Litwinów. To w 1241 r. pod Legnicą Tatarzy „framea caput abscindunt” księciu Henrykowi Pobożnemu; w 1261 r. znakomity rycerz Schinkol de Bythen z Westfalii „barbaricis frameis obtritus est” w bitwie z Litwinami; w 1428 r. pod Golubcem „framea exerta caput Zawischio amputavit” (w wersji polskiej, s. 249: Zawisza Czarny zginął ścięty oszczepem!); w 1438 r. Tatarzy zabijali ‘frameis’ (w wersji polskiej, s. 549 — dzidami); w 1444 r. Turcy atakowali ‘frameis’; w 1448 r. wreszcie ‘framea’ była bronią Turka (Długosz, Annales: ks. 7–8, s. 23, 131; ks. 11, s. 236; ks. 11–12, s. 188, 320; ks. 12/1, s. 75). Jest to więc zawsze broń barbarzyńców — ‘barbarica framea’ — jak zapisał Jan Długosz pod rokiem 1261 — i ze względu na tę identyfikację z bronią tatarsko-turecką należy uważać ją raczej za szablę niż miecz.

Podobnie jest zresztą z następnym określeniem, jakim posłużył się Jan Długosz w swoich „Rocznikach...”. Pod rokiem 1241 wyżej wymieniona ‘framea’ — zresztą tylko raz — sąsiaduje z wyrazem ‘romphea’, którą Tatarzy zabijali ludzi (Długosz, Annales: ks. 7–8, s. 18). Dodać trzeba, że w ten sposób nazwano miecz (‘rhomphaea’) w Apokalipsie (II/12), a ciężkie obosieczne romfeje wymienia również Anna Komnena w swojej Aleksjadzie (Anna Komnena t. I, s. 30: ks. I, 5/7; t. II, s. 379: ks. 9, 9/2).

Również tylko jeden raz w „Rocznikach...” Jana Długosza spotykamy broń nazwaną ‘spata’ (recte: spatha), czyli — jak pamiętamy — wyrazem greckiej proveniencji, powtórzonym zresztą przez naszego dziejopisa za Adamem Świnką z jego epitafium na śmierć Zawiszy Czarnego pod Golubcem w 1428 r. (Długosz Annales: ks. 11, s. 238).

Płynność znaczeń wymienionych wyżej wyrazów w epoce Jana Długosza potwierdza lektura słownika łacińsko-polskiego Piotra

z Ujścia z połowy XV w. Czytamy w nim, że „ensis, id est gladius sev spata szablą”, czyli: ensis = gladius = spatha. Jeszcze bardziej frapujące jest objaśnienie następnego wyrazu, gdyż „framea est baculus uel gladius, est spata uel rumphea, scilicet gladius longus ex utraque parte acutus, quia de ferro est facta framea vulgariter szablą”. Oznacza to bowiem, że framea = gladius = spatha = romphea = gladius = framea!!! Wiedza słownikowa potwierdziła zatem pisarską praktykę historiograficzną.

Listę określeń używanych przez Jana Długosza zamyka zwyczajne żelazo jako broń, tj. ‘ferrum’ (Długosz Annales: ks. 5–6, s. 163; ks. 7–8, s. 105; ks. 9, s. 133; ks. 11–12, s. 230), występujące 4 razy i oznaczające zawsze broń sieczną, przede wszystkim miecz.

Pomimo licznych wzmianek o mieczach Jan Długosz nie podał w „Rocznikach...” żadnych interesujących informacji charakteryzujących ten oręż. Tylko raz wymienił miecz obosieczny: „acinacem a parte utraque acutum” (Długosz Annales: ks. 12/2, s. 167), parafrazując zresztą zapis w Apokalipsie (I/16: „gladius utraque parte acutus”; II/12: „rhomphaeam utraque parte acutam”), wykorzystany zresztą także przez Piotra z Ujścia, jeden raz wspomniał o ostrzu miecza: gladii [...] acumina (Długosz Annales: ks. 1–2, s. 131) i o głowicy miecza (‘gladii capulo’ — Długosz Annales: ks. 1–2, s. 294). Z innych części składowych miecza 6 razy odnotowana została pochwa mieczowa (‘vagina’ — Długosz Annales: ks. 10, s. 148; ks. 10–11, s. 31, 95, 101, 136; ks. 11–12, s. 133), ale większość tych zapisów związanych jest z obnażonymi, czyli wyjętymi z pochwy, mieczami komtura tucholskiego Henryka na polach grunwaldzkich.

Podsumowując osiągnięte wyniki należy stwierdzić, że preferujące styl literacki źródła

historiograficzne niewiele wnoszą do naszej wiedzy o mieczach. Stosowane nazewnictwo nie przekłada się bowiem na charakterystykę używanej w poszczególnych okresach broni siecznej. A nazw tych podają sporo: *gladius*, *ensis*, *muco*, *framea*, *acinaces*, *spatha*, *rhomphaea* i ewentualnie *sarpo*?

Niestety, podobnie przedstawia się sytuacja z dokumentami nadawczymi, w których broń sieczna była z reguły pomijana, gdyż nie ona określała wymiar i charakter służby wojskowej donatariusza oraz kategorię wystawianej przez niego jednostki: kopijniczej lub strzelczej (Nadolski, Dankowa 1983: 102). Jednocześnie jej posiadanie przez wojownika wydawało się — widocznie — sprawą tak oczywistą, że niewartą odnotowania. Tylko w dokumencie opata koprzywnickiego Mikołaja dla sołtysa wsi Olewin z 1421 r. podano, iż ma się stawić „cum gladio” (KDM: t. 1, nr 1201). Zarówno ta zapiska, jak i inne, m.in. dotyczące sądów bożych na maczugi i miecze („duellum baculorum et gladiatorum” lub „ensis et baculi” — KDM: t. 2, nr 436; KDKM: nr 44) nie wnoszą nic nowego do klasyfikacji tego oręża pod względem jego rodzajów i form. Dotyczy to również rachunków dworskich Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi, Kazimierza Jagiellończyka, księcia mazowieckiego Janusza II, a ponadto ze statutów dotyczących pospolitego ruszenia, inwentarzy majątkowych, wymieniające miecze, którym zazwyczaj jest ‘gladius’. W księgach cechowych pojawia się natomiast niemiecki ‘swert’ i ‘schwert’, w księgach ziemskich zaś polski ‘miecz’. Zgodnie z tym, w statutach cechowych czytamy, że produkcją broni zajmował się: gladiator-gladifex, ensifer-ensifex, swertfeger, miecznik-mieczownik. Jest to więc jedynie zmiana języka zapisu, toteż i w tej grupie źródeł należy odnotować ne-

gatywną kwerendę dla badań bronioznawczych.

W XIV–XV w. dużą grupę źródeł stanowią dokumenty i inne akta proveniencji miejskiej. W myśl przepisów dla mieczowników poznańskich z 1497 r. ich sztuka mistrzowska polegała na wykonaniu „eyn ritterschwerth vnd eyn richterschwerth und das dritte ein gemeyne schwerth” (Akta radzieckie: nr 1693), czyli miecza rycerskiego, sądowego — tj. katowskiego — oraz zwykłego, pospolitego. Znamy zatem rodzaje mieczów, ale nie wiemy, jak one wyglądały, gdyż źródło poskąpiło ich opisów. Niewiele mówią nam także takie zapisy, jak: „gladius maius et aliud minus” z 1467 r. — różnicujący tylko ich rozmiary — lub „gladius latus” z 1517 r. (Akta grodzkie: t. 13, nr 6644; Cracovia artificum: nr 369), a zatem miecz charakteryzujący się większą niż inne szerokością głowni, jak w przypadku miecza katowskiego. Podobny charakter ma informacja, że jakiś ‘gladius’ jest „cum argento”, inne zaś „sine argento”, wartościująca poszczególne egzemplarze ze względu na kruszec użyty do ozdoby miecza (Akta Aleksandra: nr 329).

W związku z taką totalną krytyką przydatności kronik, roczników, hagiografii i innych źródeł historiograficznych, a także źródeł dokumentarnych dla badań bronioznawczych, do najbardziej interesujących i ważnych z punktu widzenia podjętego tematu należą zapisy transakcji handlowych, odnotowujące nie tylko cenę, ale także rodzaj kupowanej broni. W 1444 r. wymieniono „gladius alias scharschan”, w 1484 r. był to „gladius militalis alias Sarson”, w 1496 r. taki „gladius [...] alias szarszun” kosztował 1 florena (Starodawne prawa: nr 3211; AGAD, MK: ks. 14, s. 40; Acta officii: nr 1528; zob. Słownik staropolski 1977: 535). Przyjmuje się, że był to długi i ciężki miecz (Kri-

zek, Cech 1999: 248; Szymczak 2003: 232). W 1466 r. Jan ze Sprowy, podstoli sandomierski i starosta samborski miał oddać 7 florenów węgierskich „pro gladio alias koncerz”, czyli służący tylko do kłucia koncerz o długiej i sztywnej głowni o przekroju trójkątnym lub soczewkowatym (Akta grodzkie: t. 7, nr 57; zob. Swaryczewski 1982: 38–44). Popiera to zapis: „veruto seu mucrone, quod Koncers vocant” (Stefan Batory: 54). Nazwę koncerza wywodzi się od jego kończastej głowni (Hartleb 1926: 52; Głosek 2003: 35). Ze względu na graniaste brzegi koncerza nazywano go również granatem. Nazwy tej użyto w 1521 r. przy określaniu broni Stanisława Babicza, eskortującego wóz z żywnością na wojnę pruską z takim właśnie ‘granathem’, podczas gdy inni mieli znane nam już ‘sarsuny’ (Rejestr wozów: 489, 483, 495).

Dokładny opis koncerza i pochwy mieczowej podano w 1544 r. w przepisach dotyczących sztuki mistrzowskiej mieczowników krakowskich, a podobne przepisy obowiązywały w Poznaniu (Prawa, przywileje: nr 428; Mika 1958: 37). Można więc powiedzieć, że właściwie dopiero opisy tzw. majstersztyków dla branży mieczniczej pozwalają skonfrontować nazwy występujące w innych źródłach z bronią ukazaną w ikonografii średniowiecznej i zachowanymi do dzisiaj oryginalnymi zabytkami broni siecznej. Bez źródeł pisanych natomiast nie byłoby możliwe odtworzenie organizacji produkcji, cen, użycia w walce, itd. Dopiero połączenie wiedzy uzyskanej ze źródeł pisanych oraz ikonograficznych z analizą zabytków kultury materialnej daje najlepsze i pożądane rezultaty.

Źródła

Acta capitulorum — Acta capitulorum nec non iudiciorum ecclesiasticorum selecta. Wyd. B. Ulanowski. T. 2. Kraków. 1902.

Acta officii — Acta officii consistorialis Leopoliensis antiquissima. Wyd. W. Rolny. T. 2. Lwów. 1930.

Acta rectoralia — Acta rectoralia Almae Universitatis Studii Cracoviensis inde ab anno MCCCCLXIX. Wyd. W. Wisłocki. T. 1. Kraków. 1893–1897.

AGAD, MK — Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Metryka Koronna.

Akta Aleksandra — Akta Aleksandra króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego itd. (1501–1506). Wyd. F. Papée. Kraków. 1927.

Akta grodzkie — Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie. Wyd. K. Liske. T. 7, 13, 17. Lwów. 1878, 1888, 1901

Akta radzieckie — Akta radzieckie poznańskie. Wyd. K. Kaczmarczyk. T. 2. Poznań. 1931.

Anna Komnena — Anna Komnena, Aleksjada. Tłum. i wyd. O. Jurewicz. T. 1–2. Wrocław. 2005.

Bruno z Kwerfurtu 1 — Bruno z Kwerfurtu, S. Adalberti Pragensis episcopi et martyris vita altera, wyd. J. Karwasińska // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 4. Cz. 2. Warszawa. 1969.

Bruno z Kwerfurtu 2 — Bruno z Kwerfurtu, Vita Quinque Fratrum Eremitarum [seu] Vita uel Passio Benedicti et Iohannis Sociorumque suorum, wyd. J. Karwasińska // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 4. Cz. 3. Warszawa. 1973.

Cracovia artificum — Cracovia artificum. Wyd. J. Ptaśnik. T. 2. 1501–1550 // Źródła do historii sztuki i cywilizacji w Polsce. T. 5. Kraków. 1936.

Długosz, Annales — Długosz J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae Ks. 1–12, Warszawa; Kraków. 1964–2005.

Długosz, Banderia 1 — Długosz J. Banderia Prutenorum. Wyd. K. Górski. Warszawa. 1958.

Długosz, Banderia 2 — Jan Długosz, Die «Banderia Prutenorum» des Jan Długosz — eine Quelle zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Wyd. S. Ekhdal. Gottingen. 1976.

Ebo — Ebonis Vita s. Ottonis episcopi Babenbergensis. Wyd. J. Wikarjak i K. Liman // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 7. Cz. 2. Warszawa. 1969.

Gall — Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum. Wyd. K. Maleczyński // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 2. Kraków. 1952.

Herbord — Herborði Dialogus de vita s. Ottonis episcopi Babenbergensis. Wyd. J. Wikarjak i K. Liman // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 7. Cz. 3. Warszawa. 1974.

Jan z Czarnkowa — Jan z Czarnkowa, Chronicon Polonorum. Wyd. J. Szlachtowski // Monumenta Poloniae Historica. T. 2. Lwów. 1872.

KDKM — Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego. Wyd. J. T. Lubomirski. Warszawa. 1863.

KDM — Kodeks dyplomatyczny Małopolski. Wyd. F. Piekosiński. T. 1–4. Kraków. 1886–1905.

Katalogi biskupów — Katalogi biskupów krakowskich. Wyd. J. Szymański // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 10. Cz. 2. Warszawa. 1974.

Kronika wielkopolska — Kronika wielkopolska. Wyd. B. Kürbis // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 8. Warszawa. 1970.

Księga henrykowska — Liber foundationis claustris Sancte Marie Virginis in Heinrichow, czyli Księga henrykowska. Wyd. J. Matuszewski, S. Rospond, tłum. R. Grodecki. Wrocław. 1991.

Magistri Vincentii — Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum, wyd. M. Plezia // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 11. Kraków. 1994.

Najdawniejsze roczniki — Najdawniejsze roczniki krakowskie i kalendarz, wyd. Z. Kozłowska-Budkowa // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 5. Warszawa. 1978.

Prawa, przywileje — Prawa, przywileje i statuta miasta Krakowa (1507–1795). Wyd. F. Piekosiński. T. 1. 1507–1586. Z. 1 Kraków. 1885.

Rejestr wozów — Rejestr wozów skarbnych od miast i miasteczek Rzeczypospolitej na wyprawę wojenną roku 1521 dostarczonych, wyd. C. Biernacki // Archiwum Komisji Historycznej. T. 3. Kraków. 1886.

- Rocznik świętokrzyski* — Rocznik świętokrzyski, wyd. A. Rutkowska-Płachcińska // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 12. Kraków. 1996.
- Rocznik Traski* — Rocznik Traski // Monumenta Poloniae Historica. T. 2. Lwów. 1872.
- Roczniki wielkopolskie* — Roczniki wielkopolskie, wyd. B. Kürbis i in. // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 6. Warszawa. 1962.
- S. Ottonis vita* — S. Ottonis episcopi Babenbergensis vita Prieflingensis, wyd. J. Wikarjak i K. Liman // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 7. Cz. 1. Warszawa. 1966.
- S. Adalberti vita* — S. Adalberti pragensis episcopi et martyris vita prior. Wyd. J. Karwasieńska // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. 4. Cz. 1. Warszawa. 1962.
- Starodawne prawa* — Starodawne prawa polskiego pomniki. T. 2. Kraków. 1870.
- Statuty 1* — Statuty Kazimierza Wielkiego. Opr. O. Balzer Wyd. Z. Kaczmarczyk, M. Sczaniecki, S. Weymann. Poznań. 1947.
- Statuty 2* — Statuty Kazimierza Wielkiego, cz. 2: Statuty wielkopolskie Opr. i wyd. L. Łysiak. Warszawa; Poznań. 1982.
- Stefan Batory* — Stefan Batory pod Gdańskiem w 1576–77 r. Listy, uniwersały, instrukcje. Wyd. A. Pawiński // Źródła dziejowe. T. 3 Warszawa 1877.
- Vita s. Kyngae* — Żywot świętej Kingi księżnej krakowskiej. Vita sanctae Kyngae ducissae Cracoviensis. Wyd. B. Przybyszewski. Tarnów 1997.

Literatura

- Danka 1986* — Danka J. Pochodzenie łacińskiego słownictwa dotyczącego uzbrojenia // Międzynarodowa komunikacja językowa. Materiały konferencyjne. T. 6. Łódź. 1986
- Głosek 2003* — Głosek M. Uzbrojenie zaczepne. Broń biała // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1450–1500. Wyd. 2. Toruń. 2003.
- Gradowski, Żygulski 2000* — Gradowski M., Żygulski Z. jun. Słownik uzbrojenia historycznego. Warszawa. 2000.
- Hartleb 1926* — Hartleb Z. Szabla polska. Jej rozwój historyczno-techniczny. Lwów; Warszawa; Kraków. 1926.
- Krizek, Cech 1999* — Krizek L., Cech Z. J. K. Encyklopedie zbrani a zbroje. Praha. 1999
- Mika 1958* — Mika M. J. 500 lat cechu ślusarzy i rzemiosł pokrewnych w Poznaniu Cz. 1. Poznań. 1958.
- Nadolski 1954* — Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Łódź. 1954.
- Nadolski, Dankowa 1983* — Nadolski A., Dankowa J. Uwagi o składzie i uzbrojeniu polskiej jazdy rycerskiej w latach 1350–1450 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 26. 1983.

Słownik łaciny 1953–1958 — Słownik łaciny średniowiecznej. T. 1. Wrocław. 1953–1958.

Słownik łaciny 1975–1977 — Słownik łaciny średniowiecznej T. 4. Wrocław. 1975–1977.

Słownik łacińsko-polski 1969 — Słownik łacińsko-polski. T. 3. Warszawa. 1969.

Słownik łacińsko-polski 1979 — Słownik łacińsko-polski. T. 5. Warszawa. 1979.

Słownik staropolski 1977 — Słownik staropolski. T. 8. Wrocław. 1977.

Swaryczewski 1982 — Swaryczewski A. Granat — sztuka mistrzowska stradomskiego cechu mieczników // *Studia do Dziejów Dawnego Uzbrojenia i Ubioru Wojskowego*. Cz. 8. 1982.

Szymczak 2001 — Szymczak J. Uzbrojenie w świetle źródeł pisanych w Polsce do połowy XIII w. // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Archaeologica*. № 23. 2001.

Szymczak 2003 — Szymczak J. Ceny broni, koni i oporządzenia jeździeckiego // *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1450–1500*. Wyd. 2. Toruń. 2003.

Żygulski 1998 — Żygulski Z. jun. Broń starożytna. Grecja, Rzym, Galia, Germania. Warszawa. 1998.

THE TERM “SWORD” IN MEDIAEVAL POLISH SOURCES

J. Szymczak

Due to its military and ceremonial significance, sword is fairly often alluded to in Polish mediaeval sources. In this article, records concerned with swords are analyzed. That kind of weapon is mentioned in Polish chronicles by Gallus Anonymus, Master Wincenty, Jan of Czarnków and Jan Długosz. The term “sword” is found also in the Greater Poland Chronicle, various hagiographies and annals. In Latin, there are many terms meaning “sword”: *gladius*, *ensis*, *mucro*, *framea*, *acinaces*, *spatha*, *rhomphaea*, and *sarpo*.

Because of the literary style used in the historical sources mentioned above, as well as in other documents, it is difficult to connect these Latin words with a particular kind of weapon. Certain information may be found about persons who wielded swords, about the enemies they killed, as well as on their tactical techniques in the battlefields. The problem is not connected with any technological or manufacturing aspects. These questions are elucidated in other kinds of sources such as descriptions of various pieces of work, which enable the scholars to compare the known terms not only with the mediaeval iconography but also with authentic weapons. Without written sources, we could make no ideas of the manufacturing process, prices and the employment of the weapons in fight. The best understanding of these issues is achieved through examination of different categories of sources.

ТЕРМИН «МЕЧ» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОЛЬСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Я. Шимчак

Благодаря военному и церемониальному значению меча его упоминание занимает важное место в средневековых польских источниках. В данной статье анализируются сведения об этом оружии. Упоминания о мечах встречаются в польских произведениях анонимного автора, прозванного Галлом, магистра Винцентия Кадлубека, Яна Чарнковски и Яна Длугоша. Хроника Великой Польши, различные агиографии и анналы также содержат записи, связанные с мечом. В латинском языке имеется масса терминов со значением «меч»: *gladius, ensis, mucro, framea, acinaces, spatha, rhomphea, sarpo*.

Из-за использования литературного стиля из вышеупомянутых исторических источников трудно сделать вывод, о каком конкретно типе оружия идет речь. Имеются сведения о людях, владевших мечом, о врагах, ими убитых, и о технике использования мечей на поле битвы. Здесь речь не идет о технологии изготовления мечей. Эта проблема освещается в источниках другого рода, содержащих описания отдельных экземпляров оружия, благодаря которым исследователи могут сопоставить известные термины не только со средневековой иконографией, но и с подлинными образцами. Без изучения письменных источников мы не смогли бы получить представление о процессе изготовления, стоимости и боевом использовании меча. Наиболее полное понимание этих вопросов достигается изучением разных категорий источников.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИВЕРСКОГО ВАЛДАЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

Иверский Святоозерский Богородицкий Валдайский монастырь был основан патриархом Никоном в 1653 г. Он располагается на Сельвицком острове Валдайского озера, имеет площадь 5,7 га и периметр стен, равный 1050 м.

К концу XVII в. сложилось ядро каменных сооружений монастыря. Его составили собор, колокольня с наместническим корпусом, а также постройки Афанасия Фомина — настоятельский корпус, трапезная с ц. Богоявления, вторые Святые ворота с ц. Михаила Архангела, Казначейский корпус и Михайловская башня. Тогда же оформилась территория садов на восточном

участке монастыря. К югу от Странноприимной башни за монастырской оградой было зафиксировано пятно застройки Коровьего двора. В течение XVIII в. значительная часть деревянных сооружений была перестроена в камне, а к середине XIX в. композиция монастыря полностью сформировалась и с тех пор насчитывает в своем составе более 20 каменных построек (рис. 1–2). В то время окончательно определилась система зонирования и планировка. В западной зоне новые каменные постройки (гостинные кельи и конюшни) закрепили ее историческую функцию — как места приема бого-

Рис. 1. Иверский Валдайский монастырь

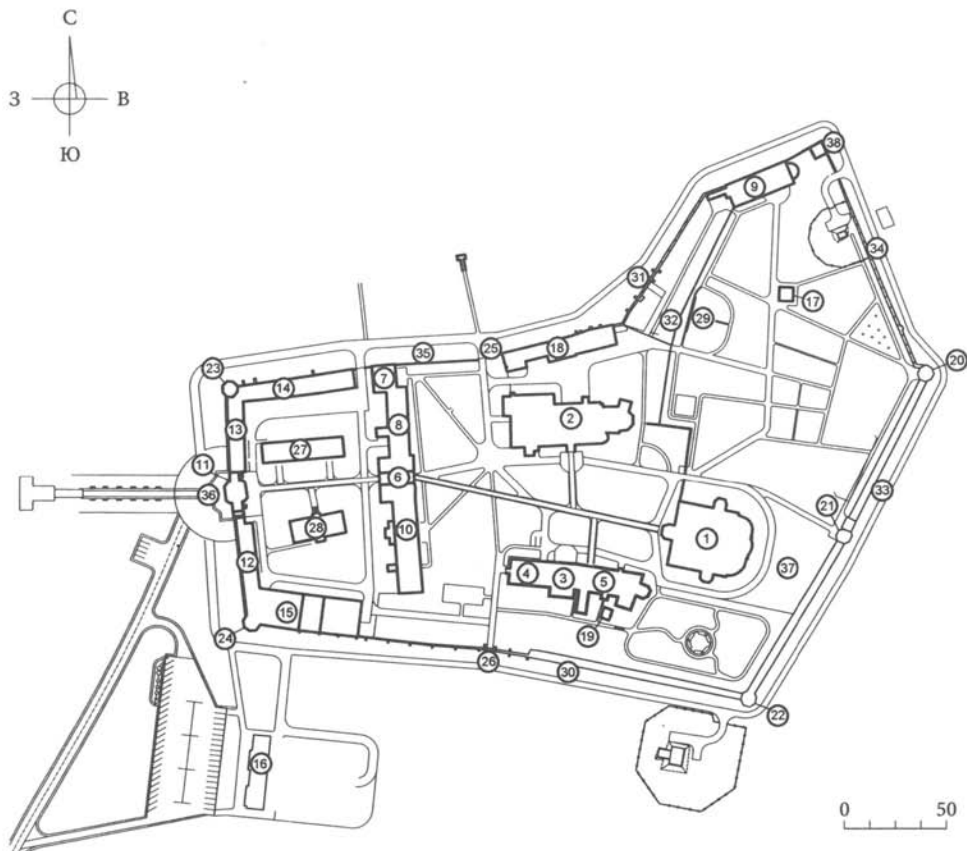

Рис. 2. План Иверского Валдайского монастыря:

1 — Успенский собор; 2 — трапезная с ц. Богоявления; 3 — колокольня;
 4–5 — корпус наместнических келий; 6 — надвратная ц. Михаила Архангела;
 7 — Михайловская башня; 8 — корпус казначейских келий; 9 — больница
 с трапезной и ц. Якова Боровического; 10 — корпус братских келий;
 11 — надвратная ц. Филиппа Митрополита; 12 — корпус гостиных келий;
 13 — корпус конюшенных келий; 14 — конюшни; 15 — Странноприимный
 корпус; 16 — корпус Коровьего двора; 17 — часовня; 18 — баня и прачечная;
 19 — ледник; 20 — Квасоваренная башня; 21 — башня на Кузнечных воротах;
 22 — юго-восточная башня; 23 — Конная башня; 24 — Странноприимная
 башня; 25 — северные ворота; 26 — южные ворота; 27 — северный гостиный
 корпус; 28 — южный гостиный корпус; 29 — пруд; 30 — прясла стен
 между юго-восточной башней и южными воротами, южными воротами
 и Странноприимным корпусом; 31 — прясло стены между баней и прачечной
 и больницей с ц. Якова Боровического; 32 — прясло стены между больницей
 с ц. Якова Боровического и Успенским собором (внутренняя дворовая
 стена); 33 — прясла стен между Квасоваренной башней и башней на
 Кузнечных воротах, башней на Кузнечных воротах и юго-восточной
 башней; 34 — прясло стен между больницей с ц. Якова Боровического
 и Квасоваренной башней; 35 — прясло стены между северными воротами
 и Михайловской башней; 36 — примонастырская площадь;
 37 — монастырское кладбище; 38 — Поваренная башня

мольцев (южная часть) и конюшенного двора (северная часть).

На территории Иверского Валдайского монастыря с 2004 по 2007 г. велись масштабные реставрационные работы, опиравшиеся на результаты многолетних архитектурных, историко-архивных и архитектурно-археологических изысканий, выполненных новгородскими, петербургскими и московскими исследователями. Они были начаты еще в 1958 г. выдающимся архитектором-реставратором Л. Е. Красноречьевым и продолжены С. А. Сивак, которая внесла неопределимый вклад в изучение монастыря, составив на основе архивных материалов четырехтомную Историческую справку.

Земляные работы, проведенные в связи с новой прокладкой коммуникаций, повсеместное усиление фундаментов, возведение новых пристроек к существующим зданиям (Братские

кели, Больничные кельи с ц. Иакова Боровического) и новое строительство у «Коровьих келий» позволили подробно изучить археологическую историю острова, на котором стоит монастырь. Общая площадь вскрытых напластований в 2004–2006 гг. составила около 4 тысяч м² при максимальной мощности слоя до 2,5 м. В 2007 г. производилось благоустройство территории, в процессе которого на площади более 13,5 тысяч м² был снят мощный слой накопившегося за последнее время строительного мусора, а также освобождены от засыпки кирпичные стены.

В результате проведенных исследований в культурных напластованиях были выделены два археологических периода: 1) относящийся к эпохе неолита и 2) отражающий становление и развитие самого монастыря (начиная с середины XVII в.).

Период неолита

При зачистке восточной стенки траншеи для усиления фундамента Михайловской башни был зафиксирован предматериковый темно-серый гумусированный песок мощностью 13–20 см. Слой был перекрыт погребенным дерном, мощностью 8–10 см. Контакт гумусированного песка с нижележащим светло-желтым однородным крупнозернистым песком с галькой говорит о его непереотложенности. Здесь были обнаружены предметы, относящиеся к эпохе неолита (4–5 тыс. л. т. н.): многочисленные находки отщепов, а также заготовка нуклеуса и фрагмент рубящего орудия (рис. 3, 1, 2), выполненные

техникой двусторонней ретуши. Один отщеп (рис. 3, 4), по мнению Г. В. Синицыной, теоретически можно датировать периодом финального палеолита (10 тыс. л. т. н.)¹. Этот фрагмент отличается от других своими размерами, формой и техникой расщепления. Найден также фрагмент тонкостенного (6 мм) сосуда (рис. 3, 3), изготовленного из хорошо отмученного плотного теста с примесью дресвы. С внешней стороны фрагмент орнаментирован «шагающей гребенкой» неглубокими вдавлениями,

¹ Пользуясь случаем, благодарю Г. В. Синицыну (ИИМК РАН) за консультацию.

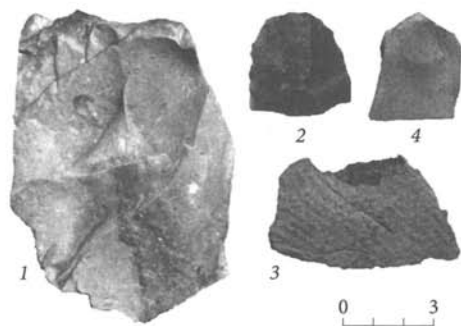

Рис. 3. Неолитические находки:

- 1 — заготовка нуклеуса (кремнь);
 2 — фрагмент рубящего орудия (кремнь);
 3 — стенка керамического сосуда (глина);
 4 — отщеп (кремнь)

а с внутренней стороны хорошо видны следы заглаживания.

В процессе раскопок были выявлены пятна и прослойки гумусированного песка, в которых присутствовали находки неолитического времени — в траншее, примыкавшей к Конюшенному корпусу, в шурфе у юго-восточной

Строительная деятельность Иверского монастыря

На протяжении всей истории существования Иверского монастыря в письменных документах фиксировалась информация о ремонтах, перекладках и прочих мероприятиях, направленных на поддержание целостности построек. Это касается практически всех объектов — от отдельных корпусов до башен и стен, которые не только быстро ветшали, но и рушились целыми саженями (Шуньгина 2006: 123–124). В результате инженерно-геологических изысканий была выявлена причина подобного состояния построек: «Деформации происходят по причине за-

башни, восточнее Михайловской башни, внутри нее, а также в траншее, заложеной к северу от монастырской стены рядом с башней.

В настоящее время в Валдайском районе открыты стоянки эпохи позднего неолита и энеолита (III–II тыс. до н. э.), располагающиеся в основном на низких берегах Валдайских озер (Памятники 1999: 32). Многочисленные памятники этого времени выявлены также на территории соседнего Боровичского района. В основном они сосредоточены в бассейнах крупных водоемов — озер Шерегородо, Люто, Пелено, Пирос и р. Мсты: стоянки, грунтовые захоронения «Кончанское» и «Репищи», кремневые мастерские — д. Дымово, д. Егла, д. Ануфриево (Памятники 1999: 17). Таким образом, территория Сельвицкого острова стала еще одной точкой распространения неолита на археологической карте Новгородской области.

легания в основаниях фундаментов неравномерно сжимаемых грунтов, в том числе торфа и илов» (Технический отчет 2004: 13). Кроме того, довольно высок и активен уровень грунтовых вод. Во время производства буровых работ в ноябре–декабре 2004 г. он зафиксирован на глубинах от 0,4 до 5,5 м от современной дневной поверхности (Технический отчет 2004: 12). Еще более усугублял обстановку сложный рельеф местности: южной своей частью монастырь упирался в овраг, который приходилось неоднократно укреплять и засыпать.

Наиболее ярким примером проведения систематических ремонтных работ является строительная история Братского корпуса, впервые упомянутого в описи 1730 г. В течение всего периода существования он подвергался деформациям и приходил в аварийное состояние. Два раза у южного фасада возводились контрфорсы (1778; 1872). В Рапорте в Новгородскую духовную консисторию от 12 октября 1872 г. записано: «Исправлен Братский корпус: сделаны два кирпичных контрфорса и под оными забучен бут и залит известью, вбиты под контрфорсы сваи длиной 5 ½ аршина из соснового дерева» (Сивак, 1975: 15).

Для усиления слабых грунтов была устроена платформа, переходящая в основательную засыпку оврага. Фрагменты ее неоднократно фиксировались археологически. Мощная платформа, сложенная из большемерного кирпича и покоящаяся на валунном основании, выявлена в шурфах, заложенных к югу от корпуса (Красноречьев 1958), в шурфе у восточного фасада (Хворостова 1979: 2–4), в шурфах и траншее у восточной стены, а также в шурфе между Братским и Наместническим корпусами (Шуньгина 2006: 54–56, 93–94). В последнем случае восточная граница находится в 22 м от стены здания. На участке траншеи напротив южного фасада Братского корпуса аналогичная кладка шириной около 4 м располагается на расстоянии 17 м от стены. Платформа фиксируется не сплошной площадью, а отдельными широкими полосами, распространяющимися в восточном и южном направлениях.

На месте оврага конструкция укрепления грунтов выглядит еще более

мощной. Ее фрагмент был зафиксирован в траншее на участке между Братским корпусом и южной стеной. В основании этой конструкции были забиты два ряда вертикальных свай (диаметр ок. 30 см, длина до 3 м, расстояние между сваями ок. 30 см), между которыми были горизонтально уложены бревна. Сверху деревянная конструкция была перекрыта шестью рядами валунов, положенных на известковом растворе. Северная граница этой конструкции зафиксирована в 4 м от стены западнее южных ворот².

Кроме следов ремонтной и строительной деятельности во время археологического надзора были открыты части кладок и фундаментов от несохранившихся объектов. К ним относятся фрагменты фундамента и кирпичной кладки, выявленные близ апсиды ц. Якова Боровического, а также небольшой участок фундамента «водяных ворот» за северной оградой монастыря.

В траншее для усиления фундамента апсиды ц. Якова Боровического обнаружены участки кирпичной кладки (размеры кирпичей 29×13,5×6 см) очень плохой сохранности, залегающие практически под дерном (рис. 4). Сооружение ориентировано с запада на восток, расстояние между кладками составляет около 7 м. Южнее первого участка кладки читается заваленная арка. С юга к кирпичной кладке примыкал слой пожара 1700 г. Возможно, открытые кладки принадлежали зданию первоначальной деревянной боль-

² В 2006 г. с южной стороны Братского корпуса убраны контрфорсы, а фундамент в очередной раз усилен. Как сохранится это здание в будущем, покажет время.

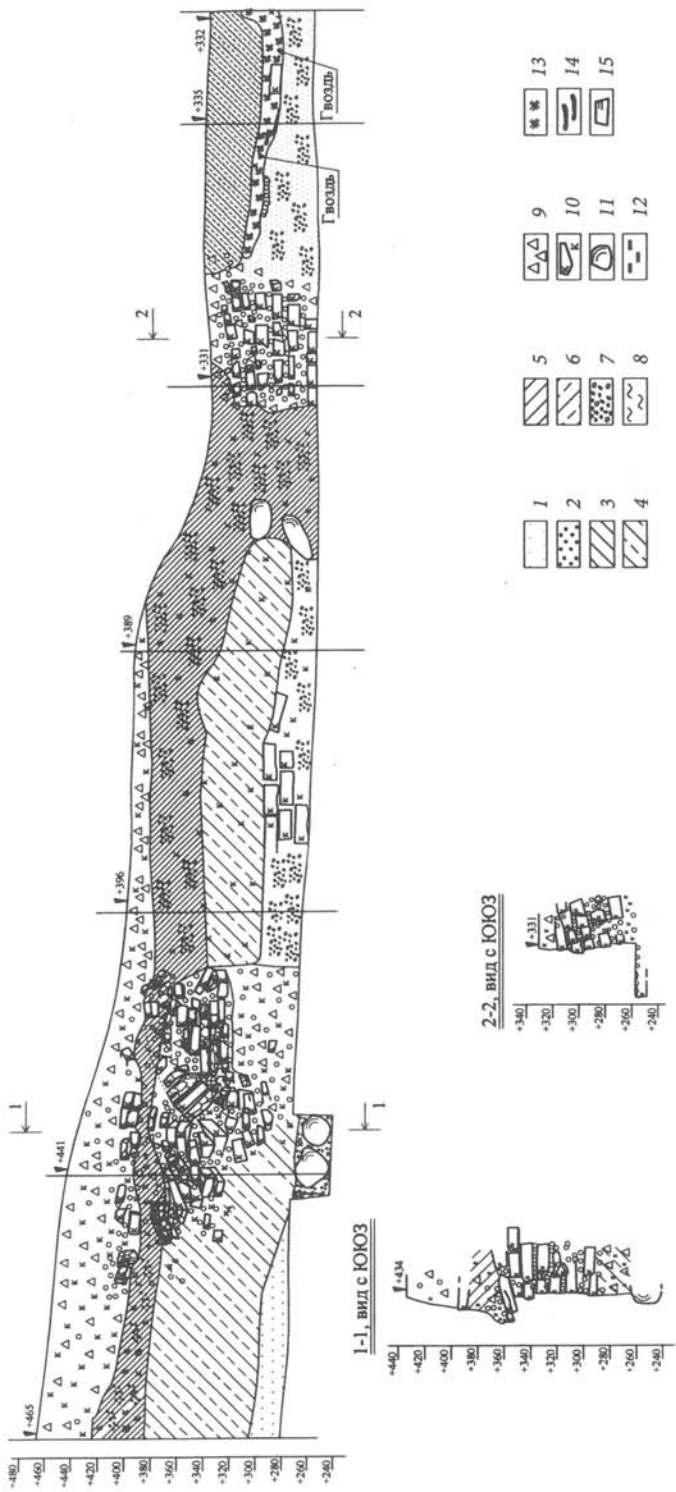

Рис. 4. Фрагмент восточного профиля траншеи для усиления фундамента апсиды ц. Якова Боровичского:

1 — песок; 2 — известково-песчаный раствор; 3 — темно-коричневый культурный слой; 4 — светло-коричневый культурный слой; 5 — темно-серый культурный слой; 6 — светло-серый культурный слой; 7 — галька, гравий; 8 — древесный тлен; 9 — щебень, строительный мусор; 10 — кирпич, битый кирпич; 11 — валун; 12 — глина; 13 — уголь; 14 — горелые плашки, пожар; 15 — известняк

ницы или, что более вероятно, — Поваренной башне XVII в., которая в начале XVIII в. была разобрана и перенесена восточнее, а в XIX в. вновь разобрана³. Современная, третья по счету башня была возведена в 2006–2007 гг. на свайном фундаменте с минимальным вторжением в слой (архитектор М. В. Степанов). Во время проведения работ по благоустройству участок культурного слоя между ц. Якова Боровического и вновь построенной башней сохранен в неповрежденном виде, что позволит в будущем более подробно изучить это сооружение XVII в.

За пределами монастырской ограды в непосредственной близости от западной границы Северных ворот в траншеях был открыт фрагмент валунного фундамента. Он сохранился на три ряда валунов, пространство между которыми было заполнено щебнем с осколками кирпичей и известково-песчаным раствором. Эти остатки являются, вероятнее всего, частью комплекса сооружений, относящихся к первоначальному деревянным «водяным воротам» с башней, на втором этаже которой чи-

стили рыбу. В «Исторической справке» С. А. Сивак отмечено: «Особо надо выделить плотницкие работы 1680-х годов на «водяных воротах», располагавшихся, судя по всему, в северной стене ограды несколько восточнее Михайловской башни, т. е. приблизительно на месте нынешних ворот. Здесь же был «рыбный сад». Скорее всего, это «садок», т. е. водоем для разведения рыбы. Башня над «водяными воротами» называлась «башня, где рыбу чистят» (Сивак, 1989: 62–63)⁴.

Изучение существующих фундаментов монастырских зданий позволяет сказать, что в основном они устраивались в траншеях, в нижней части валуны укладывались насухо и лишь в верхней части перемежались известково-песчаным раствором и заливались им же при переходе к кирпичной кладке. В некоторых случаях в раствор добавлялась кирпичная крошка (фундаменты апсиды ц. Якова Боровического и Михайловской башни). Мощность валунных оснований различна, но в среднем она составляет около 1,3–1,5 м. Зафиксированы также линзы и обмазки

³ Фундамент второй Поваренной башни был исследован в 1990 г. архитектурно-археологической экспедицией ЛГУ под руководством В. А. Булкина (Прудников, 1991: 15–19).

⁴ В январе 1681 г. плотник Ивашка Остафьев получил 25 копеек за то, что «плотничал он в монастыре мост мостил к водяным воротам». Весной и летом 1688 г. Ивашка Исаев с бригадой плотников произвел целый комплекс починочных и восстановительных работ у водяных ворот и прилегающих к ним построек: в марте «сделали они по подряду у нас в Иверском монастыре у старых житниц которые подле воды к водяным воротам крыльце против прежнего образца»; летом того же года «сделали они у нас в Иверском монастыре к водяным воротам вновь мост попрежнему да в башне где рыбу чистят два окна больших да мост да двои двери и около той башни над озером мост с перилами». Надо полагать, что «старые житницы

у воды» — это житницы, построенные в 1688 г. (до этого были только житницы у восточной стены монастыря). Крыльцо, сделанное Исаевым, повторяло формы старого. Также был восстановлен «мост» в проезде ворот по образцу сделанного в 1681 г. Башня над водяными воротами получила балкон и галерею — «мост с перилами» (Сивак, 1989: 62–63). Дальнейшая судьба «водяных ворот» не известна. Судя по косвенным данным, замена северного деревянного прясла на каменное произошла до 1823 г. Северные ворота первоначально находились восточнее существующих, напротив здания трапезной (они зафиксированы на плане монастыря первой половины XIX в.), а к 1834 г. их перенесли западнее. Единичные археологические находки, обнаруженные в перекрывающем фундаменте «водяных ворот» слое, также датируются XIX в. Таким образом, к началу XIX в. ворота прекратили свое существование.

сырой глиной, использовавшейся в качестве гидроизоляционного замка.

В ходе реставрационных работ археологический надзор проводился также в интерьерах зданий. При прокладке траншей для усиления фундамента внутри Михайловской башни была открыта прямоугольная кирпичная вымостка (2,7×6,4×0,45 м), насчитывающая до пяти рядов кирпичей на известково-песчаном растворе. Такое сооружение было необходимо для равномерного удержания и хорошей устойчивости крупногабаритных или очень тяжелых вещей/конструкций. Известно, что в Михайловской башне размещались «столярня», «кладовые казначейские», монастырский архив, а также 10 медных пушек (на верхнем ярусе), которые вместе с другим монастырским имуществом в 1740 г. окончательно перешли в собственность Александроневской Троицкой лавры⁵. Возможно, открытая вымостка была сооружена в связи с размещением в простран-

стве башни «столярни» для установки необходимого для производства оборудования.

Среди находок, собранных в процессе археологических работ 2004–2007 гг., преобладают предметы XVII–XIX вв. К ним относятся фрагменты бытовой керамики, фаянсовой и фарфоровой посуды, а также осколки посудного и оконного стекла, предметы из железа — кованные гвозди, инструменты, бытовые изделия (фрагмент косы, конские удила, подковы, тележная ось, большой кованный костыль, крюк для замка с пробоем и т. п.), изразцы (Шуньгина 2009: 285–302). В западной части территории монастыря, в основном в слоях пожара, обнаружены крупные куски слюды, причем один из них был с отверстиями для крепления. Коллекция археологических находок, собранных за время раскопок, передана на постоянное хранение в фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

Литература

Красноречьев 1958 — Красноречьев Л. Е. Чертежи шурфов 1958 // Архив УГК ОИПИК, ш. 0095, № Р-347/1–5.

Памятники 1999 — Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Часть 2 (памятники археологии). Великий Новгород. 1999.

Прудников 1991 — Прудников О. А. Архитектурно-археологические исследования на территории Валдайского Иверского монастыря в 1990 г. Л. 1991 // Архив УГК ОИПИК, ш. 0095, № Р-2720.

Сивак 1975 — Сивак С. А. Валдайский Иверский монастырь. Выписки из архивных дел. Архив ЛОИИ. Новгород. 1975 // Архив УГК ОИПИК, ш. 0095, № Р-943.

Сивак 1989 — Сивак С. А. Историко-архивные и библиографические исследования по комплексу Иверского монастыря в г. Валдае. Кн. 2.

⁵ С 1712 по 1740 г. Иверский Валдайский монастырь был приписан к Александроневской лавре.

Историческая справка. Гл. 1. Строительство XVII в. Л. 1989 // Архив УГК ОИПИК, ш. 0095, № Р-2432.

Технический отчет 2004 — Технический отчет об инженерно-геологических изысканиях для реставрации с приспособлением комплекса Иверского монастыря, г. Валдай Новгородской области. Рабочая документация. СПб. 2004.

Хворостова 1979 — Хворостова Е. Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Иверского Валдайского монастыря. М. 1979.

Шуньгина 2006 — Шуньгина С. Е. Отчет об археологическом надзоре за земляными работами на территории Иверского Валдайского монастыря в 2004–2005 гг. СПб. 2006 // ФГУП «НИИ Спецпроектреставрация».

Шуньгина 2009 — Шуньгина С. Е. Изразцовое производство Иверского Валдайского монастыря по данным последних археологических исследований // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 2009.

ARCHAEOLOGICAL FINDS AND DISCOVERIES IN THE IVERON VALDAI MONASTERY

S. E. Shun'gina

The Valdai Monastery of Our Lady of Iveron-on-Holy-Lake was founded by Patriarch Nikon in 1653. It is situated on the Selvitsky Island on Lake Valdai and has an area of 5.7 hectares and the perimeter of the walls 1050 metres long. By the end of the 17th century, the core of the stone buildings of the cloister had formed. During the 18th century, most of the wooden structures were re-constructed in stone; by the mid-19th century the composition of the monastery had been established completely comprising over 20 stone buildings.

From 2004 to 2007, in the territory of the Iveron Monastery, restoration of its ensemble and archaeological excavations were conducted. The total area of the investigated territories is about four thousand sq. metres. The investigations have revealed two main archaeological levels — that of the Neolithic epoch and one of the Mediaeval and Modern period reflecting the formation of the monastery. The Neolithic layers were found east and north of the Michael Tower and within its interior, south-west of the stables house and north-west of the South-Eastern Tower.

The Iveron Monastery was built on an island with a weak bedding so that in the course of its entire history it had to be continuously repaired. The most vivid example is the Brothers' House. Here, in order to strengthen the weak ground, a platform was constructed continuing to a massive filling of a gully. The filling included piling, a foundation made of boulders and brickwork with rich amount of mortar. During archaeological inspection, small parts of masonry and foundations of non-extant structures of the second half of the 17th century were revealed. These included a fragmentary base and ruined brickwork near the apse of the Church of St Jacob of Borovichi and a small area of the foundation of the "Water Gate" beyond the northern fence of the monastery. The collection of archaeological finds comprises 432 items of which almost one third are fragments of glazed tiles.

ЕЩЕ РАЗ О ФУНКЦИЯХ «МАРТЫНОВСКИХ ФИГУРОК»

Знаменитые «мартыновские фигурки», получившие название от комплекса, где впервые было обнаружено не менее 9 таких предметов, — это небольшие (размерами не более 10×7 см) плоские или слегка рельефные, достаточно простые стилизованные изображения людей и животных, исполненные в металле в технике литья по восковой модели или в технике тиснения, а также шаблоны для их изготовления. Они выполнены с использованием характерного набора приемов изображения фигур в целом и их частей. За редким исключением зооморфные фигурки — профильные, человеческие же даны анфас (рис. 1).

Художественные особенности этих изделий, их ареал, культурная принадлежность и возможная интерпретация с момента их обнаружения и до последних лет служат предметом оживленной дискуссии (Fettich 1937; Рыбаков 1951; 1953; Приходнюк, Шовкопляс 1991; Chausidis 1994; Pekarskaja, Kidd 1994; Szymański 1996; 1998; Szmoniewski 2005; Скиба 2006а; 2006б; Щеглова 2006). Функциональное назначение «мартыновских фигурок», в отличие от синхронных и найденных с ними в одном комплексе украшений костю-

ма (височных колец, фибул, элементов поясного набора и т. д.), до сих пор не представляется однозначно определенным. Интерпретация зависит от того, как тот или иной автор представлял использование фигурок. Условно можно выделить два подхода — «утилитаристский», когда «мартыновские фигурки» рассматривают как украшения бытовых предметов, и «сакрализирующий», когда авторы реконструкций размещают их на культовых предметах, хотя четкой границы здесь не может быть, поскольку для варварского искусства раннего Средневековья сам факт размещения декоративных композиций на вещи уже предполагает ее сакрализацию.

Д. Ласло, сопоставляя мартыновские материалы с аварскими, нашел для фигурок место на луке седла (рис. 2, 1), по аналогии с украшенными зооморфными накладками седлами германского мира и византийской периферии третьей четверти I тысячелетия н.э. (László 1955: 276–278, fig. 81–82; подборку аналогий см.: Kiss 1984: 189–207). Его мнение поддерживал А. К. Амброз, который опознал в мартыновских лошадаках львов и указал в материалах Северного Кавказа целый ряд комплексов, где на-

кладки не просто зооморфные, а в деталях подобные мартыновским сопутствовали деталям конского снаряжения (Амброз 1989: 80–81).

Близкой точки зрения придерживалась Г. Ф. Корзухина. Во время подготовки работы «Среднее Поднепровье в V–VIII вв.», которая была завершена к 1972 г., она собрала на тот момент исчерпывающую серию наиболее близких «мартыновским фигуркам» аналогий — как в европейских, так и в кавказских материалах (Корзухина 1972: табл. 115–116). Связав эти предметы с воинской культурой, она сопоставила накладные композиции с украшением не седел, а

круглых щитов, которые, в частности, встречены в лангобардских могильниках Северной Италии.

О. М. Приходнюк, создавший вместе с художником П. Л. Корниенко новые реконструкции мужского и женского костюма по материалам Мартыновского клада, разместил фигурки на плотной основе кожного доспеха, закрывающего грудь мужчины (рис. 2, 2) — обладателя наборного пояса, меча и чаши (Приходнюк, Шовкопляс 1991: 241, рис. 1; Давня історія 1995: 44). При этом авторы реконструкции не учли, что накладки могут быть прибиты только на жесткую негнущуюся основу.

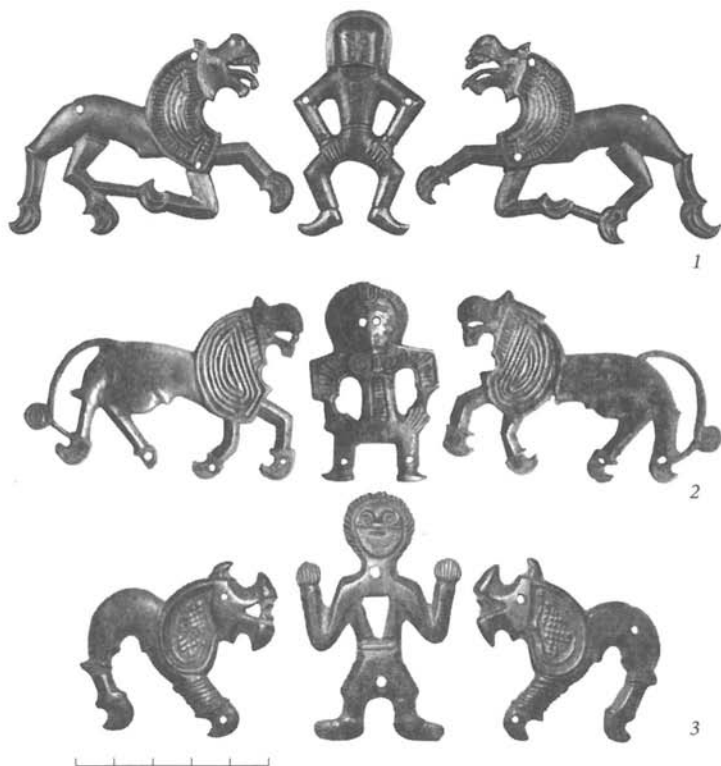

Рис. 1. Симметричная композиция «Человечек и кони/львы»:

1 — Мартыновка; 2 — Черкасский район, «клад Платонова»; 3 — Серпуховский район, находка 2008 г.

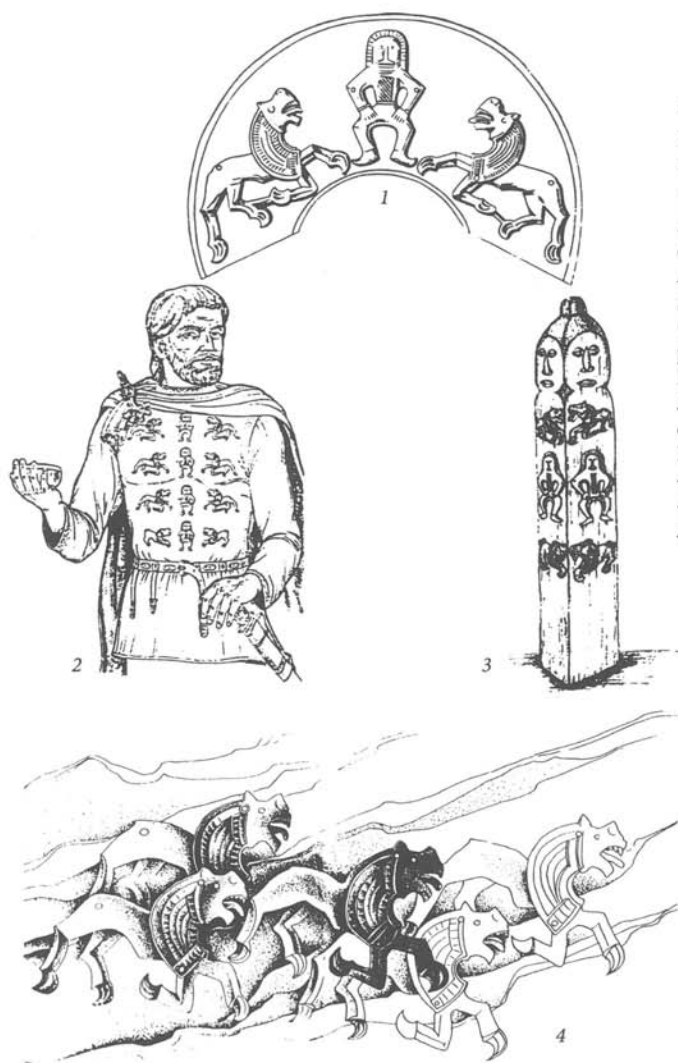

Рис. 2. Варианты реконструкции использования «мартиновских фигурок»:

1 — украшения луки седла (по Д. Ласло 1955);
 2 — элементы мужского костюма (по О. М. Приходнюку 1991, реконструкция П. Н. Корниенко);
 3 — накладки на деревянную основу идола (реконструкция К. И. Бакуменко, 1999);
 4 — заставка к сборнику «Alanica-III», художник Л. М. Сабанова (Аланы 1995)

Второй подход изначально связывает «мартиновские фигурки» со сферой магии и культа. В. Шиманьский в рецензии на австрийское издание Мартиновского клада определил «биологическую принадлежность» зооморфных фигурок, разделив их на львов и бегемотов (Szymański 1996: 198, 199). Он считал, что эти предметы могли служить накладками на сундучок или украшением церемониального платья

жреца. В последнем случае В. Шиманьский реконструирует пирамидальную композицию, которую венчает фигура солнечного божества, а ниже помещены стремящиеся друг к другу или разбегающиеся пары животных. Композиция в целом олицетворяет движение светила с востока на запад (Szymański 1998: 362–363).

Харьковский исследователь К. И. Бакуменко, критически рассмотрев ре-

конструкции О. М. Приходнюка и Д. Ласло, предложил свою версию реконструкции, предполагающую размещение фигурок на четырех гранях деревянного идола, подобного каменному Збручскому или деревянному Волинскому (рис. 2, 3). На каждой грани идола К. И. Бакуменко предполагает разместить по три накладки: центральную человеческую и две симметричные фигурки животных, призванных изобразить солнечного богаколесничего с двумя конями, причем разные комплекты (с «конями-львами» и с «конями-кабанами») должны символизировать теплое и холодное время года (Бакуменко 1999: 50–51).

Несмотря на остроумные и порой неожиданные предположения о возможном использовании «мартыновских фигурок», почти все реконструкции их функций опираются на умозрительные построения. Только Д. Ласло (László 1955), А. Киш (Kiss 1984), А. К. Амброз (Амброз 1982) и Г. Ф. Корзухина (Корзухина 1972) в своих рассуждениях приводили аналогии, причем все аналогии были связаны со сферой воинской культуры раннего Средневековья.

Действительно, фигурки, в чем-то подобные мартыновским, однако выполненные в другой технике (не литые по восковой модели, а вырезанные из металлической пластины), широко

Рис. 3. Зооантропоморфные накладки в оформлении лангобардских щитов:
1, 3 — Лука, 2, 4, 5 — Ишль

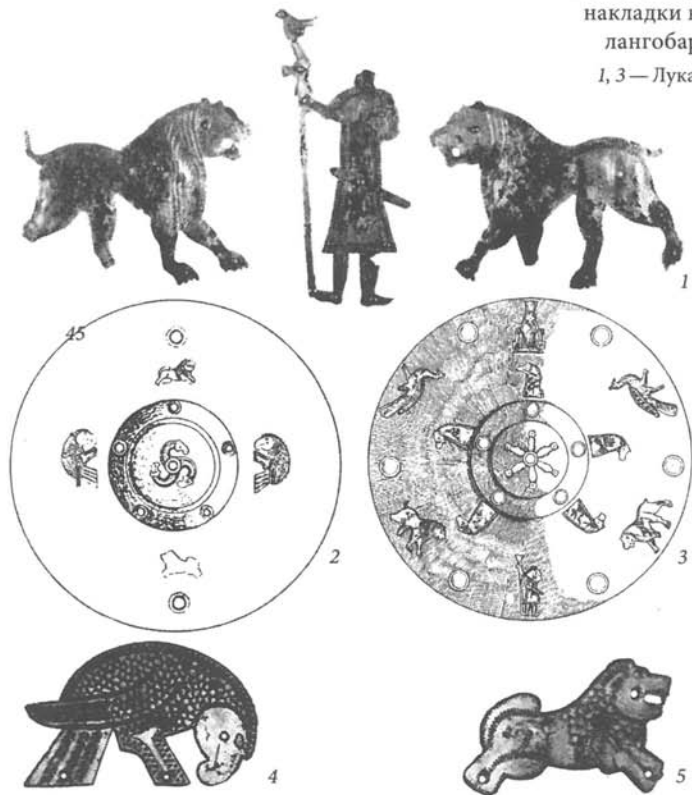

Рис. 4. Серпуховский район Московской области. Находка 2008 г. Медный сплав.
Фото Г. Науменко

применялись именно в VI–VII вв. для украшения снаряжения всадника (седла) и оборонительного снаряжения воина (щита).

Почти с самого начала изучения проблемы наиболее очевидным источником аналогий для «мартыновских фигурок» выступали лангобардские могильники раннего Средневековья в Северной Италии. Этому немало способствовало то обстоятельство, что в комплексе Мартыновского клада присутствовали элементы поясного набора, находящие прямые соответствия в могильниках Кагель Трозино и Ночера Умбра (Pekarskaja, Kidd 1994: 35, 148–150, Taf. 55–57), а также серия предметов византийского производства (чаша, кубок, фрагмент блюда и ложка), подобные которым встречаются в погребениях синхронных лангобардских некрополей Северной Италии (Hessen 1975: 36). Почти обязательным элементом погребального инвентаря лангобардского воина VI–VII вв. был круглый щит, деревянная основа которого могла быть украшена геометрическими или фигурными металлическими накладками, чаще всего из позолоченной бронзы. Инкрустации благородного металла могли украшать и железный умбон щита.

Персонажи, представленные на фигурных щитовых накладках, весьма многообразны. Среди них есть крыла-

тые грифоны (Флоренция, частное собрание; см.: Hessen 1983: 35, fig.8), хищные животные в позе прыжка (Римско-германский музей, Кёльн, см.: Fremensdorf 1955: 134, Taf.32, 2), композиции с участием всадника, хищника, цветущего дерева и декоративной вазы (Стабио, см.: Magistra Barbarica 1986: ill.118–119). Наиболее полно представлены и сохранились многочисленные накладки на щит из Лукки (рис 3, 1, 3): 5 протом коня и две симметричные композиции: пара павлинов, обращенных к декоративной вазе, и пара львов, обращенных к фигуре пешего воина-мечника, держащего в правой руке штандарт с крестом и сидящим на нем голубем (Magistra Barbarica 1986: ill.120–121). Фигурки львов и воина на щите из Лукки образуют такую же композицию, которая реконструируется по симметричным звериным и центральной человеческой фигуркам из кладов Восточной Европы: Мартыновскому, Черкасскому из коллекции Платонова (рис. 1) и недавно обнаруженному комплексу из-под Серпухова¹ (рис. 4).

¹ Комплекс предметов, содержащий женские украшения и 7 «мартыновских фигурок», был обнаружен, по сообщению Г. Науменко, в верхнем течении р. Лопасни в Серпуховском районе Московской области. В настоящее время поступил в ГИМ. Автор выражает благодарность Григорию Науменко за своевременную информацию специалистов и предоставленные фотографии находки.

Еще один лев и пара хищных птиц (рис. 3, 2, 4, 5) украшают баварский² щит VII в. из Ишля (Die Bajuwaren 1988: 241; Zeller 1988).

На умбонах размещались фигурки меньшего размера: морские коньки (Флоренция, см.: Hessen 1983: 120, Tav. 16, 1a, 18, 1a), двуглавые хищные птицы (Hessen 1983: Tav. 19, 1a). На крестообразном украшении центральной выпуклой части умбона могли размещаться целые гравированные композиции, несущие христианскую символику (Hessen 1983: 127, Tav. 23, 1a). Из них для нас наиболее интересна композиция на умбоне из погр. 5 лангобардского могильника Треццо во Флоренции, где на двух симметричных ромбических лопастях крестообразного украшения умбона были изображены фигуры пеших воинов с копьем в правой руке и небольшим круглым щитом в левой (Hessen 1983: 144, Tav. 40, 1a). Несмотря на миниатюрность и лаконизм изображения (высота фигурки ок. 3 см), на гравировке хорошо видно, что круглый маленький щит воина украшен как по краю, так и по полю.

Изображения подобных круглых небольших щитов имеются на двух маточниках для изготовления близких мартыновским фигурок воинов из находки в Велестиноне в Фессалии (Werner 1953). Велестинские фигурки (рис. 5) изображают пешего воина с топором и конника с мечом. В обоих случаях оружие воины держат в левой руке, что может объясняться тем, что изготовление маточников производилось не по восковой модели, которую изделие воспроизводит, а путем отливки в резную форму, что дает зеркально-симметричное негативу готовое изделие. О том, что

велестинские и мартыновские фигурки принадлежат одному кругу, хотя и различаются некоторыми стилистическими особенностями, свидетельствует проработка одежды пешего воина с отмеченной декоративной вставкой на груди, исполнение фигурки коня с высоким крупом под всадником с мечом и ряд деталей других велестинских фигурок. И. Вернер обосновал датировку Велестинского комплекса VII в. н. э. и его принадлежность к варварской славянской культуре (Werner 1953: 6–8). Для нас важно отметить две связанные с этим комплексом детали: среди изделий мартыновского круга имеются изображения круглых щитов, подобных лангобардским, но всадник с мечом показан сидящим на коне без седла. В то же время в том же Велестинском кладе имеются маточники для изготовления накладок, чрезвычайно близких накладкам на луку седла, например из Кастель Трозино (Werner 1953: Taf. 1, 5, 5, 3).

Традиция украшения поверхности щита декоративными накладками, корни которой уходят в римское время, прослеживается и в Северной Европе. В работе об англосаксонских щитах Т. Дикинсон и Г. Херке выделяют специальную группу украшения наружной поверхности деревянных щитов: группу С — «фигурные аппликации» — небольшие (за редким исключением — от 4,5 до 11 см) накладные фигурки в виде рыб, птиц, драконов и других чудовищ (Dickinson, Härke 1992: 27). Обычно на щитах располагались по две одинаковых противостоящих накладки. Ис-

² И. Вернер считал этот щит не баварским, а так же, как и североитальянские, лангобардским (Werner 1951).

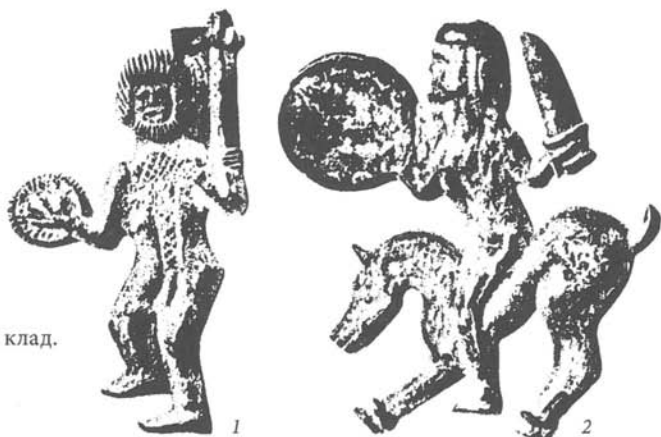

Рис. 5. Велестинский клад.
Воины со щитами

ключение составил щит из знаменитого погребения Саттон Ху — 1, где были использованы крупные позолоченные фигуры разных персонажей: хищной птицы и дракона (Dickinson, Härke 1992: 77, Appendix 4). Для нас особенно интересна пара накладок из погребения № 26 в Берг Аптоне, изображающих в профиль мифическое животное с клювом, рогом и хвостиком в виде колечка (Dickinson, Härke 1992: Tabl. 13, 6) — помимо общего сходства с некоторыми накладками «мартыновского типа» и шаблонами для их изготовления, изображающими «чудовищных существ», они также имеют отверстия для крепления гвоздями на деревянную основу и также зеркально-симметричны. (Dickinson 2005: 137).

Неожиданная находка серебряной позолоченной фигурки льва из Ньюдама в Ютландии (Дания), сделанная во время исследования жертвенного места в болоте, где в течение долгого периода, начиная с римского периода вплоть до второй половины V в., совершались жертвоприношения оружия, военных атрибутов и трофеев (Rieck, Jørgensen,

Petersen, Christensen 1999), интерпретируется как накладка на щит на основании аналогий (Jørgensen, Petersen 2003: 268, fig.11). Эта фигурка настолько близка мартыновским накладкам по типологическим, стилистическим и технологическим особенностям, что Б. Ш. Шмоньевский включает их в одну группу, хотя при этом возникает противоречие между общей датировкой комплекса в Ньюдаме, которую, по мнению его исследователей, нельзя поднять выше последней четверти V в. н. э., и принятой по отношению к вещам мартыновского круга датой выпадения комплексов «антских» кладов — середина VII в. н. э. (Szmoniewski 2005: 426, 428, 435).

Примерно тот же круг памятников предоставляет материалы к гипотезе об использовании симметричных накладок, группирующихся вокруг центральной, для украшения седла. Однако традиции, в которых выполнены седельные накладки, и набор используемых в их оформлении мотивов значительно многообразнее, чем приемы украшения щитов. А. Киш в работе по истории

раннесредневековых седел выделял две группы седел с зооморфными накладками: раннюю, с накладками в виде птиц (орлов) типа Апахида — Вальсърде, и более позднюю, с накладками в виде львов (Kiss 1984: 195–198). К этой последней группе он отнес седло из Кастель Трозино (погр. 119), а также гипотетически реконструируемые по накладкам седла, для которых могли предназначаться «мартыновские фигурки» из Фельнака, самого Мартыновского клада и полые тисненные львы из Перещепина. (Kiss 1984: 196, 197, abb. 16–19).

В отношении перещепинских львов это просто неверно. Пара объемных тисненных золотых изображений сидящих львов из Перещепинского клада долгое время, с легкой руки такого авторитетного исследователя, как И. Вернер, считалась седельными накладками (см., напр.: Werner 1953: 5, Taf. 5, 4–5; László 1955: Abb. 84–85; Вернер 1988: 29, 53, примеч. 114; Kidd 1992: 514, fig. 3, g). Однако эти предметы, как считал первый публикатор клада А. А. Бобринский и убедился после реставрации предметов А. И. Семенов, являются облицовкой деревянной основы, возможно, наверхи жезла, с чем не мог не согласиться и сам И. Вернер. (Werner 1992: abb. 5; Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997: 212, кат. 89).

Однако возможность интерпретации «мартыновских фигурок» как декоративных элементов седла напрашивается при рассмотрении сюжетов изображений, которые украшали седла в разных регионах и в течение довольно продолжительного времени. На упомянутой выше золотой цельной седельной накладке из Кастель Трозино (погр. 119) центральная композиция

представляет двух противостоящих львов в прыжке по сторонам побега (Dannheimer 2000: Taf. 27, 31, 4). Как показал Х. Даннхаймер, проанализировавший новые находки ранневизантийского времени с территории Малой Азии, центральным элементом такой композиции исходно была условно выполненная личина, напоминающая личины с накладок геральдического стиля и грубоватые черты «мартыновских человечков» (Dannheimer 2000: Taf. 25, 33, 34).

Золотые седельные накладки из лангобардского погребения, открытого в Кастель Трозино в 1872 г., также образуют симметричную композицию, центральное место в которой занимает равносторонний крест, под ним пара голубей и ниже — пара морских львов (Dannheimer 2000: Taf. 28). Как уже упоминалось, шаблоны для изготовления фигурок птиц и морских львов имелись в Велестинском клада.

Христианский характер рассмотренной композиции не вызывает сомнений. На присутствие в раннесредневековых культурах Европы эпохи христианизации довольно большого количества христианизированных элементов упряжи, символика которых в конечном итоге восходила к византийскому придворному ритуалу, указал А. Е. Мусин (Мусин 2005: 108; 2006: 184, 185). В этом контексте уместно привлечь и более позднее изображение на луке седла XI в. из Шаравина (Франция), где два стилизованных не то львино-, не то конеподобных зверя расположены по сторонам равноконечного креста (Мусин 2006: 211, рис. 24). Если согласиться с нашей интерпретацией композиции, которую представляют мартыновские

человечки и противостоящие кони/львы как воспроизведения характерной для раннесредневекового искусства Европы сюжетной композиции «Даниил со львами» (Щеглова 2006), то, несмотря на значительный хронологический разрыв, близкая стилистически композиция из Шаравина могла бы послужить лишним свидетельством в пользу интерпретации «мартыновских фигурок» как седельных накладок.

Однако, несмотря на указанные соотвественства, есть очень серьезные основания, которые не позволяют нам сделать окончательный вывод о принадлежности всех, а особенно найденных в Восточной Европе «мартыновских фигурок» к элементам воинского снаряжения или конской упряжи. Этому выводу противоречит характер и состав комплексов, в которых обнаружены рассматриваемые предметы.

Большое количество «мартыновских фигурок» и шаблонов — маточников для их изготовления относятся к случайным находкам. Это антропо- и зооморфные шаблоны из Дегтяревки (Брянская обл, Россия), Днепровского Надпорожья (Украина), Кобани (Северная Осетия, Россия), Читлука (Далмация, Хорватия), литой человек из Южной Добруджи (Болгария) — мы перечислили только опубликованные находки. Однако для того, чтобы реконструировать функцию этих предметов, необходимо рассмотреть их бытование в комплексах. Поскольку характер и состав находок весьма многообразны, мы ограничимся для сравнения лишь несколькими характеристиками:

1. Характер комплекса (погребение, культурный слой поселения, клад) и степень его достоверности.

2. Количество «мартыновских фигурок» (изделий или шаблонов для их производства) в комплексе.

3. Наличие в комплексе элементов женского убора или шаблонов для их производства.

4. Наличие в комплексе элементов мужского поясного набора или шаблонов для их производства.

5. Наличие в комплексе оружия или элементов упряжи.

6. Наличие в комплексе ювелирного лома, полуфабрикатов, сырья и шаблонов.

Из 17 документированных комплексов с «мартыновскими фигурками» (табл. 1) пять происходят с территории Европейской части России и Украины (из них четыре — из кладов, а одна — из постройки на поселении). Во всех кладах «мартыновские фигурки» представлены изделиями, а не шаблонами и им сопутствуют элементы женской субкультуры. Мужские пояса и следы деятельности мастера-ювелира достоверно представлены в двух комплексах, а детали оружия и конской упряжи — только в Мартыновском кладе. Вообще в кладах «древностей антов» оружие и элементы конской упряжи встречены достоверно только в трех комплексах: в Мартыновском, Колосковском и Гапоновском кладах середины VII в. Находки оружия на синхронных поселениях и в погребальных комплексах также чрезвычайно редки. Количество «мартыновских фигурок» в кладах колеблется от 3 до 9, в трех случаях возможно реконструировать симметричные композиции. В нескольких случаях в отверстиях фигурок сохранились расклепанные с двух сторон гвоздики, длина которых свидетельствует о том,

что изделия крепились на достаточно толстую и твердую основу.

В Кавказском регионе картина совершенно другая: из известных нам 5 комплексов с «мартыновскими фигурками» 2 (ст. Преградная и Галайты) — клады воинского снаряжения, 3 — связаны с погребальными древностями. Депаспортизованная находка из Камунты является шаблоном, остальные предметы вырезаны или вытиснены из пластин. Половую принадлежность погребений в склепах с горы Кугуль, из которых происходят «мартыновские фигурки», определить невозможно. Только в одном случае (ст. Преградная) достоверно известно, что фигурок было две (человечек и лев), но и в этом случае симметричная композиция не реконструируется.

В Центральной Европе комплексы с «мартыновскими фигурками» представлены только кладами шаблонов, причем один состоит только из шаблонов для изготовления фигурок, а в состав двух других входят как шаблоны для изготовления женских фибул (Фельнак) и серег (Бискупие), так и для мужских поясных наборов и конской упряжи. В пределах Византийской империи «мартыновские фигурки» найдены в городских культурных слоях Коринфа и Сард, что важно для определения их хронологии, но не функции. Лев из Ньюдама в Дании связан с воинским жертвоприношением, а самая далекая восточная находка из Башкирии (Ново-Биккино) — с курганным погребением всадника.

Таким образом, получается, что достоверно с мужской военной субкультурой связаны четыре находки — две происходят из кладов воинского сна-

ряжения в Кавказском регионе, одна — из Башкирии и одна — из Дании. Только лев из Ньюдама может быть связан с украшением щита, в остальных случаях нет свидетельств о наличии и использовании щитов вообще. Находки из Ново-Биккино, ст. Преградной и из Галайты, возможно, и связаны со снаряжением всадника, но восстановить симметричную композицию, подобную представленным на лангобардских седлах, по этим находкам невозможно.

В Подунавье и Центральной Европе встречено наибольшее количество свидетельств производства «мартыновских фигурок», но отливок или тисненых пластин в комплексах нет вообще.

Что касается связи с женской субкультурой, то во всех кладах с территории Украины и России и в двух из трех кладов Подунавья «мартыновские фигурки» встречены с элементами женского убора. Не исключена возможность, что и в склепе 3 могильника на горе Кугуль человеческая фигурка, найденная среди туалетных принадлежностей, относилась к инвентарю женского погребения. Комплекты, по которым можно восстановить композицию «противостоящие звери и человек посередине», встречены три раза и только в восточноевропейских кладах с элементами женского убора.

Таким образом, на основании имеющихся на сегодня данных, мы должны отвергнуть красивую и на первый взгляд обоснованную гипотезу о том, что «мартыновские фигурки» в Восточной Европе, где их найдено больше всего, могли быть элементами украшения щитов или седел. Для аланских памятников Кавказского региона при-

Таблица 1. Комплексы с «маргтыновскими фигурками»

Место находки	Характер комплекса, публикация	Состав комплекса				
		Фигурки «маргтыновского типа»	Элементы женского убора	Элементы мужского поясного набора	Оружие и элементы упряжи	Ювелирный лом, полуфабрикаты, сырье, шаблоны
Восточная Европа						
Маргтыновка, Каневский район Черкасской области, Украина	Клад. 116 предметов (Rekarskaja, Kidd 1994; Корзухина 1996: кат. № 27, 359–367, 598: таб. 8–610; таб. 20)	9 шт., отливки	+	+	+	+
Трубчевск, районный центр Брянской области, Россия	Клад. 153 предмета (Приходнюк, Падин, Тихонов 1996; Падин 2004: 56–69)	3 шт., 2 отливки, 1 пластина	+	+	-	+
Среднее Поднепровье (Черкасская область, Украина)	Недокументированная находка. Коллекция С. П. Платонова. Клад (?). 17 предметов (Левада 2004: 214–215; Шедеври Платар 2004: 138–139)	3 шт., отливки	+	-	-	-
Поочье, Россия, Серпуховский район Московской области, р. Лопасня	Недокументированная находка. Частная коллекция. Клад (?). Несколько десятков предметов. Сообщение Г. Науменко	7 шт., отливки Рис. 5	+	-	?	?
Мытковский остров, близ с. Скибинцы Тростянецкого района Винницкой области, Украина	Комплекс производственной постройки № 1 (Хавлюк 1974: 188–193).	1 шт., отливка	-	-	-	?

Кавказ и Предкавказский регион

<p>Камунта, Дигорское ущелье, Ирафский район Республики Северная Осетия Алания, Россия</p>	<p>Аланский могильник, раскопки полковника Ольшевского, депаспортизована (Chantre 1892:21, fig. 24; Chantre 1887: Taf. XIX: 2).</p>	<p>1 шт., шаблон</p>	<p>?</p>	<p>?</p>	<p>?</p>	<p>?</p>
<p>Претрадная станица, Республика Карачаево-Черкесия, Россия</p>	<p>Клад (?) Случайная находка комплекса снаряжения всадника (Минаева 1957; Амброз 1989: 78–82)</p>	<p>2 шт., пластины</p>	<p>-</p>	<p>+</p>	<p>+</p>	<p>-</p>
<p>Гора Кугуль, под Кисловодском, Ставропольский край, Россия</p>	<p>Могильник. Склеп 3: погребения мужское и женское, среди туалетных принадлежностей. (Рунич 1979: 241, рис. 6:3; Амброз 1989:123. рис. 37:26;109, рис. 23:24)</p>	<p>1 шт., пластина</p>	<p>+</p>	<p>+</p>	<p>-</p>	<p>-</p>
	<p>Могильник. Склеп 5: 2 деформированных черепа и смещенные кости (Амброз 1989: 123, рис: 37:31; Рунич 1975: л. 8; Рунич 1979: 243, рис. 68:12; 110, рис. 24:14)</p>	<p>1 шт., пластина</p>	<p>?</p>	<p>?</p>	<p>-</p>	<p>-</p>
<p>Галайты, Ножай-Юртовский район, Чеченская Республика, Россия</p>	<p>Клад воинского снаряжения. (Багаев 1977: 238–240; Амброз1989: с. 124. рис. 38:13)</p>	<p>1 шт., пластина</p>	<p>-</p>	<p>+?</p>	<p>+</p>	<p>-</p>

Место находки	Характер комплекса, публикация	Состав комплекса				
		Фигурки «мартыновского типа»	Элементы женского убора	Элементы мужского поясного набора	Оружие и элементы упряжи	Ювелирный лом, полуфабрикаты, сырье, шаблоны
Центральная Европа						
Велестинон, область Магнисия, Фессалия, Греция	Клад шаблонов. 21 предмет (Wegner 1953, Kidd 1992)	21 шт., шаблоны	-	-	-	+
Фельнак/Фёнлак, округ Арад, Банат, Румыния	Клад шаблонов. 41 предмет (Csallány 1933: 33–36, Т. IX; Garam 2001: Taf. 137)	2 шт., шаблоны	+	+	+?	+
Бискупие, близ г. Книна, Хорватия	Клад шаблонов. 21 предмет (Csallány 1933: 33–36, Т. IX)	1 шт., шаблон	+	+?	+	+
Коринф, Греция	Городской культурный слой византийского времени (Davidson 1952: 934, Pl. 68)	1 шт., пластина	?	?	?	?
Мытковский остров, близ с. Скибинцы Тростянецкого района Винницкой области, Украина	Комплекс производственной постройки № 1 (Хавлюк 1974: 188–193).	1 шт., огливка	-	-	-	?

Малая Азия

Сардис, Турция	Городской культурный слой Сард византийского времени, помещение S в мраморном дворе комплекса «Бани-гимнасий», (Waldbaum 1983: 117, Pl. 43:688)	1 шт., шаблон	?	?	?	?
----------------	---	---------------	---	---	---	---

Северная Европа

Нюдам, Sønderjyllands Amt, Ютландия, Дания	Болотная находка в комплексе жертвоприношений (Rieck, Jørgensen, Petersen, Christensen 1999: 11-30; Rieck1996)	1 шт., отливка	-	+	+	+
--	--	----------------	---	---	---	---

Приуралье

Ново-Биккино, Чекмагушевский р-н, Башкортостан, Россия	Разрушенное погребение в кургане (Мажитов:17-18, рис. 8; Амброз 1982: 58; Амброз 1989: 131, рис. 45:5, 80)	1 шт., пластина	-	+	+	+
--	--	-----------------	---	---	---	---

Рис. 6. Сходные мотивы в оформлении фибул и накладках «мартыновского типа»

надлежность найденных там фигурок мужской воинской субкультуре (но, возможно, и не только ей) представляется очевидной, но и в этом случае у нас нет оснований реконструировать симметричные композиции украшений щита или седла. В то же время распространение в Поднепровье в VI–VII вв. особого типа фибул, композиция головного щитка которых — противостоящие хищники и человек в центре, стилистически и композиционно совпадает с набором образов «мартыновских фигурок» (рис. 6) и свидетельствует о заимствовании определенной образной системы, которая проникла на эту территорию и развивалась там

вне зависимости от функции предметов, с которыми она первоначально была связана. С этой точки зрения еще раз становится очевидна уникальная роль Мартыновского клада (в котором представлены и рассмотренные нами фигурки, и серебряная посуда из константинопольских мастерских, и детали провинциально-византийского оружия, и поясной набор, находящий аналогии в лангобардских некрополях Северной Италии) как практически единственного свидетельства прямого проникновения в Поднепровье ранне-средневековых византийских традиций как в вещественной, так и в идеологической форме.

Литература

- Аланы 1995* — Аланы: история и культура / Alanica-III. М. 1995.
- Амброз 1982* — О месте преградненской и галайтинской находок среди раннесредневековых древностей // XII Крупновские чтения: конференция по археологии Северного Кавказа. М. 1982.
- Амброз 1989* — Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М. 1989.
- Багаев 1977* — Багаев М. Х. Галайтинский клад VI–VII вв. н. э. // СА. № 2. 1977.
- Бакуменко 1999* — Бакуменко К. И. К вопросу о функциональном назначении антропоморфных и зооморфных фигурок из Мартыновского клада // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков. 1999.
- Давня історія 1995* — Давня історія України. Кн.2. Київ. 1995.
- Вернер 1988* — Вернер Й. Погребалната находка от Малая Перещепина и Кубрат — хан на българите. София, 1988.
- Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фонякова 1997* — Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фонякова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб. 1997.
- Корзухина 1972* — Корзухина Г. Ф. Среднее Поднепровье в V–VIII в. 1972 // РА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 113.
- Корзухина 1996* — Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь. 1996.
- Левада 2004* — Левада М. Е. Пізній римський — ранній візантійський часи // Платар. Колекція предметів старовини родин Платонових і Тарут. Каталог. Київ. 2004.
- Мажитов 1981* — Мажитов Н. А. Курганы южного Урала VIII–XII вв. М. 1981.
- Минаева 1957* — Минаева Т. М. Находка близ ст. Преградной на р. Урупе // КСИИМК. № 68. М. 1957.
- Мусин 2005* — Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб. 2005.
- Мусин 2006* — Мусин А. Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб. 2006.
- Падин 2004* — Падин В. А. Среднее Подесенье (Трубчевская откруга) в VI–V вв. до н. э. — X–XII вв. н. э. по материалам археологических исследований. Брянск. 2004.

Приходнюк, Падин, Тихонов 1996 — Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев. 1996.

Приходнюк, Шовкопляс 1991 — Приходнюк О. М., Шовкопляс Г. М. Мартинівський скарб // Золото степу. Археологія України. Київ; Шлезвиг. 1991.

Рунич 1975 — Рунич А. П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавказских минеральных вод за 1975г. // Архив ИА РАН, Р-1. Д. 5626

Рунич 1979 — Рунич А. П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 1. 1979.

Рыбаков 1951 — Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. 2. М. 1951.

Рыбаков 1953 — Рыбаков Б. А. Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // СА. № XVII. М. 1953.

Скиба 2006а — Скиба А. В. Платівчасті фігурки тварин у світлі взаємозв'язків кочовиків і слов'ян // Пам'ятки України: історія та культура. Спецвипуск. 2006.

Скиба 2006б — Скиба А. В. Зооморфные фигурки в «древностях антов» // Славяно-Русское ювелирное дело и его истоки. ТД Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. СПб. 2006.

Хавлюк 1974 — Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. 1974.

Шедеври 2004 — Шедеври Платар. Коллекція старожитностей родин Платонових та Тарут. Каталог. Київ. 2004.

Щеглова 2006 — «Тайна пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей» // Славяно-Русское ювелирное дело и его истоки. ТД Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. СПб. 2006.

Bajuwaren 1988 — Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488–788. 1988.

Chantre 1887 — Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. III. Paris-Lyon. 1887.

Chantre 1892 — Chantre E. La Bijouterie Caucasienne de l'époque Scytho-Byzantine. Lyon 1892.

Chausidis 1994 — Chausidis N. The magic and aesthetic Functions of mythical Images in the south Slav traditional Culture // The magical and aesthetic in the Folklore of Balkan Slavs. Belgrade. 1994.

Csallány 1933 — Csallány D. A Kunszentmártoni avarkori ötvössír. Szentes. 1933.

- Dannheimer 2000* — Dannheimer H. Ostmediterrane Prunksättel des frühen Mittelalters. Bilder altiranischer Helden und Dämonen // Bayerische Vorgeschichtsblätter 65. 2000.
- Dickinson 2005* — Dickinson T. Symbols of protection: the significance of animal-ornamented shields in Early Anglo-Saxon England // Medieval Archaeology. 49. 2005.
- Dickinson, Härke 1992* — Dickinson T., Härke H. Early Anglo-Saxon Shields. 1992.
- Fettich 1937* — Fettich N. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn // Archaeologica Hungarica. XXI. Budapest. 1937.
- Fremensdorf 1955* — Fremensdorf F. Aus der Tätigkeit des Römisch-Germanischen Museums Köln // Kölner Jahrbuch für vor- und frühgeschichte. Band I. 1955.
- Garam 2001* — Garam É. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. Vol. 5. Budapest. 2001.
- Hessen 1975* — Hessen von, O. Secondo contributo alla archeologia Longobarda in Toscana // Reperti isolati e di provenienza incerta. Accademia Toscana di Scienze e Lettere La Colombara. Studi XLI. Firenze. 1975.
- Hessen 1983* — Hessen von, O. Il materiale altomedievale nelle Collezioni Stibbert di Firenze // Ricerche di archeologia altomedievale e medievale. 7. Firenze, 1983.
- Jørgensen, Petersen 2003* — Jørgensen E., Petersen P. V. Nydam Bog — new finds and observations // The spoils of victory. The North in the shadow of the Roman Empire. 2003.
- Kidd 1992* — Kidd D. The Velestinon (Thessaly) Hoard — A Footnote // Awarenforschungen. Band 1. Vienna, 1992.
- Kiss 1984* — Kiss A. Archäologische Angaben zur Geschichte der Stättel des Frühmittelalters // Alba Regia. XXI. 1984.
- László 1955* — László G. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars // Archaeologica Hungarica. 34. 1955.
- Magistra Barbarica 1986* — Magistra Barbarica. I Barbari in Italia. Milano. 1986.
- Pekarskaja, Kidd 1994* — Pekarskaja L. V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck. 1994.
- Rieck 1996* — Rieck F. Nydam-rige fund i farligt miljø // Marinarkoeologisk Nyhedsbrev fra Roskilde. Roskilde. 1996.
- Szmoniewski 2005* — Szmoniewski B. S. Cultural contacts in Central and Eastern Europe: what do metal beasts images speak about? // Ethnic Contacts and cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Jaši, 2005.
- Szymański 1996* — Szymański W. Recenzia: L. V. Pekarskaja, D. Kidd. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Monographien zur

Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie. Falko Daim (ed.). Innsbruck, 1994 // Archeologia Polski. Tom XLI. Zeszyt 1–2. Warszawa, 1996.

Szymański 1998 — Szymański W. Wokół skarbu z Martynowki // Kraje słowiańskie w wiekach średnich. Profanum i sacrum. Poznań. 1998.

Waldbaum 1983 — Waldbaum J. Metalwork from Sardis: the finds through 1974. Cambridge; Massachusetts; London. 1983.

Werner 1951 — Werner J. Der Langobardische Schild von Ischl an der Alz // Bayerische Vorgeschichtblätter 18/19. 1951..

Werner 1953 — Werner J. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Gesellschaftswissenschaften. Jahrgang 1952, № 2. Berlin. 1953.

Werner 1992 — Werner J. Neyes zu Kuvrat und Malaja Pereščepina // Germania. Band 70. Halbband 2. München, 1992.

Zeller 1988 — Zeller K. W. Tracht, Dewaffnung und Schmuck // Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488–788. 1988.

ONCE AGAIN ABOUT THE FUNCTIONS OF THE “MARTYNOVKA MOUNTS”

O. A. Shcheglova

The “Martynovka figurines” called after the Martynovka Hoard where they were first discovered are small (not over 10×7 cm), flat or slightly relief stylized fairly simple representations of humans and animals. They are cast from metal in the lost wax technique or embossed. Models for their manufacturing also are known. The zoomorphic figurines are usually made in profile whereas the anthropomorphic ones are rendered *en face*. The artistic features of these objects, their distribution area, cultural belonging and possible interpretation have been subject of an animated discussion ever since the moment of their revelation until present days. Figurines similar to those from Martynovka were widely used in the 6th–7th century for decoration of horsemen’s gear (saddle) and armour (shield) of a warrior. Particularly resembling are mounts for shields and saddles from early mediaeval Langobardian cemeteries in Northern Italy (Castel Trosino, Lucca, Trezzo).

This paper discusses in detail the complexes with “Martynovka mounts” reported from Eastern Europe, the Caucasian region, the Danube and Central Europe. Assemblages with the figurines accompanied by objects of other character than described above are analyzed. Four finds have proved to be reliably related with the male military subculture: two come from hoards of warriors’ gear from the Caucasus; one is from Bashkiria; and one — from Denmark. Only a lion from Nydam (Denmark) possibly was decorating a shield, in other cases no evidence at all of the presence and use of shields is available.

Finds from Novo-Bikkino, the village of Pregradnaya and from Galayta probably are related with horsemen's gear, however there is no possibility to reconstruct any symmetrical composition similar to that represented on the Langobard saddles. On the Danube and in Central Europe, the most voluminous evidence of production of diverse "Martynovka figurines" has been recorded; however those complexes contain no casts or embossed plaques at all. In all the hoards from Ukraine and Russia, as well as in two of the three deposits from the Danube region, the "Martynovka figurines" are found together with elements of female ornaments. The sets by which the scene of "confronting animals and a human between them" may be recognized have been found thrice and exclusively in East-European hoards with elements of female costume.

Thus the evidence so far available compels us to reject the fine and seemingly well-grounded hypothesis that in Eastern Europe, where the most numerous "Martynovka figurines" have been found, they served as decorations of shields or saddles.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ РЕЛЬЕФ ДРЕВНЕГО ПСКОВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Наблюдаемый рельеф поверхности территории междуречья р. Великой и Псковы в границах стен Окольного города в связи с большой мощностью антропогенных осадков или отложенный культурного слоя, толщина которых местами превышает 6–7 м, фактически утратил черты своей первоначальной геоморфологии. Ныне он представляет собой равнинный участок, ограниченный врезамидоледниковых долин вышеназванных рек. Его относительно плоскую поверхность нарушают частично сохранившиеся наиболее крупные локальные положительные элементы первоначального рельефа, такие, как Кром, Васильева и Романова горки. С целью реконструкции особенностей древнего рельефа данной территории на основе компьютерной обработки данных инженерно-геологических изысканий и археологических раскопок для нее была создана модель рельефа поверхности археологического материка (Вязкова, Татарников, Яковлева 2003; Татарников, Яковлева 2003а; 2003б), получившая название Модель Первоначального Рельефа Пскова (МПРП). Достоверность этой модели была подтверждена геологическим, палеогеографическим историко-топонимическим и визуальным анализами, а также ме-

тодом аналогий. В последнем случае гипсометрическая основа компьютерной модели первоначального рельефа сопоставлялась с рельефом соседних с Окольным городом территорий, где степень антропогенной нагрузки на земную поверхность была минимальной.

Анализ особенностей гипсометрической основы данной компьютерной модели первоначального рельефа позволил создать картосхему морфологической структуры рельефа данной территории междуречья Великой и Псковы на момент начала ее освоения человеком (рис. 1). В этот период она представляла собой ступенчатоповышающуюся в юго-восточном направлении платообразную поверхность. Ступени ее высот располагались в интервалах 38,0–41,0; 42,0–44,0; 46–48 м абс. и разделялись хорошо выраженными уступами и скатами, изрезанными овражно-балочной сетью.

Нижняя, или Великорецкая, высотная ступень была приурочена к площадке коренной первой надпойменной террасы рек Великой и Псковы. Ширина ее на севере достигает 200–300 м, сужаясь в южном направлении до 100–150 м. Поверхность этой площадки, полого понижающаяся в запад-

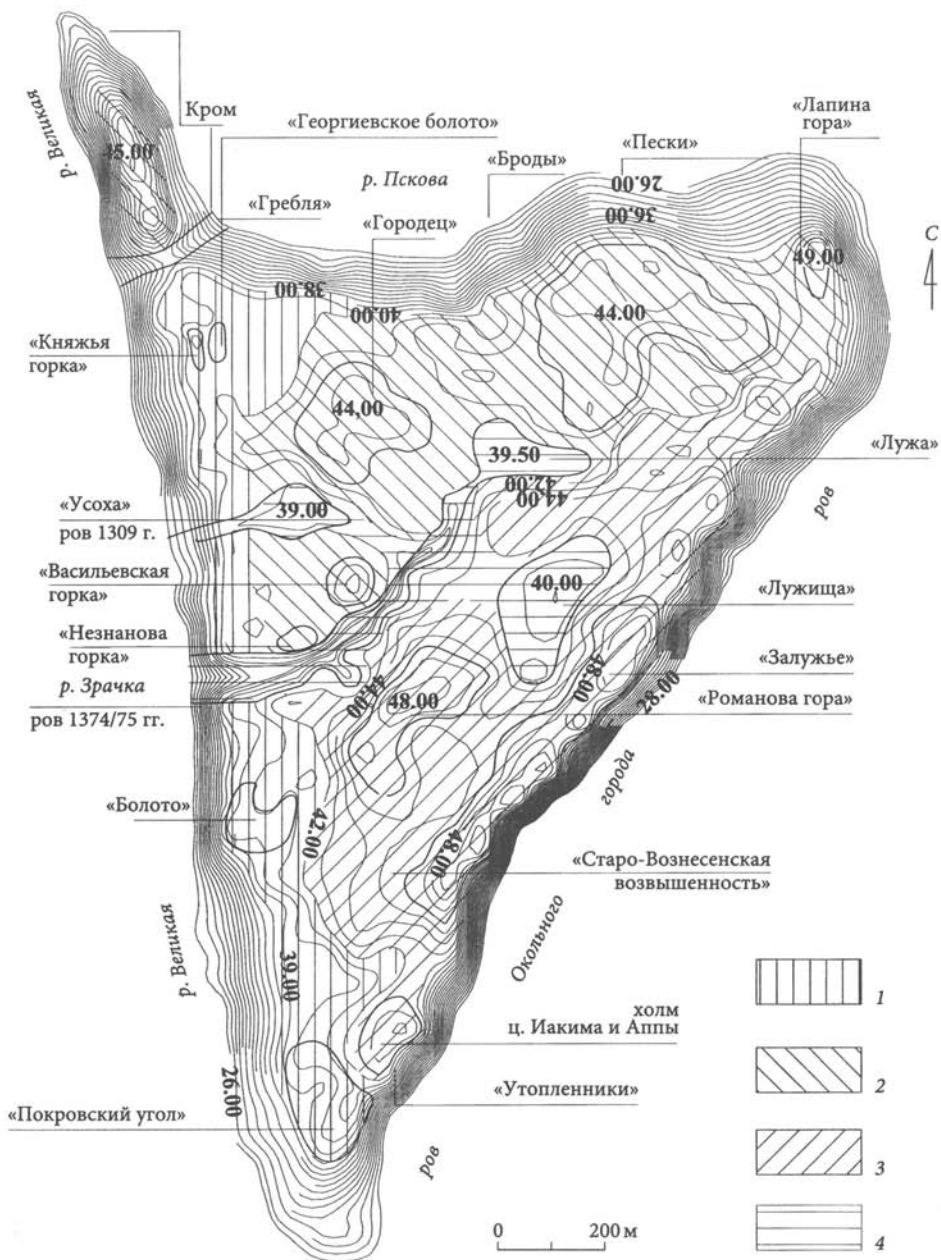

Рис. 1. Модель первоначального рельефа Пскова (02.09) с обозначением высотных ступеней:

- 1 — Великорецкая высотная ступень; 2 — Старозастенная высотная ступень;
3 — Новозастенная высотная ступень; 4 — русла, овраги

ном направлении (от 41,0 до 38,0–38,5 м абс.), осложнялась небольшими повышениями (Княжья и Незнанова горки) и замкнутыми блюдцеобразными заболоченными впадинами (Георгиево и др. болота). Уступ надпойменной террасы, выработанный в толще девонских известняков и доломитов и слегка прикрытый четвертичными ледниковыми и озерно-ледниковыми осадками, был крутым, местами обрывистым и расчленялся оврагами и балками, верховья которых заходили в пределы площадки надпойменной террасы.

Средняя, или Старозастенная, высотная ступень была образована тремя довольно обширными поднятиями (Песковское, Городецкое и Васильевское), разделенных двумя линейными понижениями (Лужицкое и Усохинское). Поднятия представляют собой невысокие (до 3–4 м), примыкающие к склону третьей высотной ступени, полуизолированные холмы. Основа этих холмов образована девонскими карбонатными породами, которые перекрыты четвертичными лимногляциальными отложениями (пески, алевриты) и валунными моренными суглинками, мощность которых редко превышает 2–3 м. По-видимому, девонские известняки и доломиты обнажались на более крутых западных и северо-западных склонах поднятий, совпадающих с простираем уступа этой высотной ступени. Подошва данных поднятий имела 40,5–41,0 м абс., а максимальные отметки их поверхности достигали 44,0–45,0 м абс. Вершина одного из вышеназванных поднятий под названием «Васильева горка» сохранилась в современном рельефе территории Старого Застенья. Линейные понижения дости-

гали в глубину до 5–6 м, нередко открывались в балки нижней высотной ступени и имели цирковидные верховья, к которым были приурочены замкнутые впадины. Последние, вероятно, отличались временным или постоянным переувлажнением, что подтверждается связанными с ними летописными топонимами, такими, как «Усоха» и «Лужища». К средней высотной ступени, согласно гипсометрическим отметкам, следует относить и расположенный на стрелке Великой и Псковы холм, называемый Кромом, который следует рассматривать как эрозионный останец этой ступени рельефа.

Верхняя, или Новозастенная, высотная ступень представлена двумя возвышениями (Петровское и Романихинское), разделенных понижением «Лужища». Возвышения имеют крутые, приуроченные к уступу этой высотной ступени северо-западные и западные склоны, подошва которых располагалась на абсолютных отметках 41,0–42,0 м абс., а бровка на — 44,0–45,0 м абс. У Романихинского возвышения эти склоны частично сохранились в современном рельефе Окольного города на отрезке от Детского парка до ц. Иоакима и Анны. Максимальные абсолютные отметки полого понижающихся к югу и юго-востоку поверхностей возвышений превышают 47,0–48 м абс. Сложены возвышения в своей основе девонскими карбонатными породами, которые с поверхности перекрыты гляциальными валунными суглинками и лимногляциальными песками и алевритами мощностью от 2–3 до 5–6 м. Залужское понижение представляло собой цирковидную крупную балку, выработанную в толще карбонатных

и четвертичных пород, в верховье которой имела обширная замкнутая и, вероятно, переувлажненная впадина.

По-видимому, такая ступенчатость рельефа наследует основные черты рельефа поверхности коренных девонских пород, оформившихся здесь еще в доледниковое время и обусловленных литолого-структурными свойствами этих коренных пород, которые, в свою очередь, определялись особенностями региональной морфоструктуры данной территории.

В геоморфологическом отношении территория низовий междуречья Великой и Псковы в границах Окольного города представляет собой изолированный врезам доледниковых долин Великой и Псковы отрезок верхней части структурного склона Девонской куэсты с характерным для него моноклиальным падением пластов девонских карбонатных и терригенных пород в юго-восточном направлении под углом в $1-2^\circ$. Пласты девонских отложений разбиты на систему блоков двумя системами тектонической или планетарной трещиноватости с фоновыми направлениями СЗ — $310-320^\circ$ и СВ — $30-60^\circ$. Эти литолого-структурные особенности обусловили формирование процессами доледниковой денудации ступенчатого характера рельефа поверхности данной территории, а в дальнейшем расчленения его по ослабленным для процессов карста и водной эрозии зонам на систему поднятий и понижений. Это подтверждается тем, что как контуры положительных форм рельефа, так и морфологические оси понижений каждой высотной ступени, а также ориентировка скатов и уступов последних близки или сов-

падают с фоновыми направлениями трещиноватости, развитой в толще коренных девонских пород. В связи с этим в морфологической структуре доледникового рельефа поверхности коренных девонских пород сложилась своеобразная радиально-секторальная система организации геоморфологических отрицательных и положительных линеаментов, отражающая фоновые направления трещиноватости, развитые в моноклиальной толще пластов девонских пород. Следует отметить, что радиальные геоморфологические линеаменты соответствуют главным образом морфологическим осям отрицательных форм первоначального рельефа (долинам Великой и Псковы, овражно-балочной сети, осложняющей склоны и поверхность высотных ступеней) и связаны в основном с деятельностью карстово-водно-эрозионных процессов, а секторальные — уступам и скатам высотных ступеней, генезис которых обязан, по-видимому, моноклиальному падению и селективной денудации неоднородных в литологическом отношении пластов горных пород девонской карбонатно-терригенной толщи. Экзарационно-аккумулятивная деятельность четвертичных покровных ледников не изменила существенно характера доледниковой геоморфологии данной территории, а послеледниковые водно-эрозионные процессы и процессы покрытого карста вновь подчеркнули ее главные черты. Таким образом, первоначальный, ныне погребенный под толщей культурного слоя, рельеф археологического материка территории древнего Пскова в границах стены Окольного города наследует основные особенности рельефа поверхности ко-

ренных пород, несколько измененные аккумуляцией ледниковых и водноледниковых отложений.

Сопоставление модели реконструированного первоначального рельефа и картосхемы морфологической структуры низовий междуречья Великой и Псковы с имеющимися данными по исторической топографии древнего Пскова показывает, что формирование границ развития городской застройки, ориентировка трасс оборонительных сооружений и уличная планировка отражают основные особенности такой ступенчатости первоначального рельефа и его радиально-секторальной системы главных геоморфологических линеаментов. Так, поэтапное развитие жилой застройки происходило в основном в пределах площади определенной высотной ступени рельефа, а строительство каждого оборонительного кольца приурочивалось к тыловым границам этой ступени. При этом прясла и башни юго-восточной напольной части крепостных сооружений строились на склонах отрицательных и положительных форм рельефа каждой высотной ступени, и ориентировка их трасс совпадает с секторальными геоморфологическими линеаментами. Кроме того, древние строители каждой линии фортификационных сооружений интуитивно использовали оптимальные свойства первоначальной геоморфологии, значительно сокращая объемы земляных работ при устройстве защитных пристенных рвов у напольной части оборонительной системы, так как северные склоны последних, как правило, ограничивались высокой стеной крепостных сооружений, а южные, на значительных участках, совпадали с

уступами или скатами определенной высотной ступени.

Радиально-дуговая планировка уличной сети центральной части древнего Пскова в границах стен Окольного города также совпадает с радиально-секторальной системой геоморфологических линеаментов этой территории. Улицы радиальной ориентировки, с одной стороны, близки к направлениям таких крупных отрицательных линеаментов, как долины рек Великой и Псковы, а с другой стороны, соответствуют простиранию морфологических осей понижений или простиранию склонов положительных форм рельефа каждой высотной ступени, соответствующих ориентировке менее крупных карстово-эрозийных линеаментов. В качестве примера первых следует привести улицу Великую, ориентировка направления которой совпадает с простиранием площадки надпойменной террасы долины р. Великой, а вторых — Враговку и Трупехову улицу, направление которых близко соответствует простиранию морфологических осей Усохинского и Залужского понижений. Улицы дуговой ориентации соответствуют направлениям прясел напольных юго-восточных стен крепостных сооружений, а последние, как указывалось выше, заданы трассой пристенного рва, которая совпадает с ориентировкой секторальных линеаментов, то есть — с уступами и скатами высотных ступеней. Таким образом, данные по реконструкции геолого-геоморфологических свойств природного субстрата территории в стенах Окольного города позволяют говорить о непосредственном их влиянии на развитие планировочной структуры городской среды и оборонительных

укреплений древнего Пскова, элементы которых прямо или косвенно отражают особенности радиально-секторальной системы геоморфологических линейных элементов, сложившейся на данной территории.

Использование свойств природного субстрата при крепостном строительстве в русских городах известна и отмечена многими исследователями. Псковская крепость — одна из крупнейших в Европе: ее границы к концу

XV в. включают в состав городской территории весь комплекс компонентов селитбенной зоны, включая земли сельскохозяйственного назначения. В Пскове природная обусловленность развития городской структуры имеет четко выраженный и закономерный характер. Это дает основания для использования Модели Первоначального рельефа Пскова, как нового источника по истории развития городской структуры средневекового города.

Литература

Вязкова, Татарников, Яковлева 2003 — Вязкова О. Е., Татарников О. М., Яковлева Е. А. Опыт и некоторые результаты реконструктивного моделирования погребенного рельефа древнего Пскова // Псков в российской и европейской истории. М. 2003.

Татарников, Яковлева 2003а — Татарников О. М., Яковлева Е. А. Влияние геолого-геоморфологических условий междуречья Великой и Псковы на развитие планировки древнего Пскова // Региональные тенденции взаимодействия человека и природы в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу. Материалы международной конференции. Тверь. 2003.

Татарников, Яковлева 2003б — Татарников О. М., Яковлева Е. А. Реконструкция природно-территориальных комплексов низовий междуречья р.р. Великой и Псковы // «Северо-Западная Россия и Белоруссия: вопросы экологической, исторической и общественной географии». Материалы конференции. Псков. 2003.

THE ORIGINAL RELIEF OF ANCIENT PSKOV AND ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF THE URBAN STRUCTURE

E. A. Yakovleva & O. M. Tatarnikov

Investigations of the geology and geomorphology of the natural substratum in the area between the Velikaya and Pskova rivers have yielded reliable data for reconstruction of the peculiarities of the evolution of ancient Pskov from the initial settlement into a town.

Some of the important properties of that substratum include lithological and structural features of its basic rocks and the character of the initial surface of its relief.

The basic rocks of the area between the Velikaya and Pskova rivers are constituted of Devonian carbonate rocks and terrigene sediments. The stratum of these deposits are falling down monoclinaly broken into two systems of tectonic or planetary fissuring directed NW — 310–320°; NE — 30–60°. The glacial and limnoglacial Quarternary deposits 2–6 m thick are lying on the surface of the basic rock.

The studies used computer modelling for reconstruction of the initial relief. The model was based on the data on the surface of the bedrock collected from archaeological excavations, augerings and geological and engineering investigations.

Analysis of the simulated relief shows that the surface between the Velikaya and Pskova rivers once presented a three-stepped plateau.

The simulated model of the initial relief was compared with reconstructed topographic plans of ancient Pskov. The comparison shows that the boundaries of the developing urban territory, the arrangement of the defensive walls and the layout of the ancient streets were planned by the ancient builders in accordance with the features of the natural substratum defined in turn by its lithological and structural character.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЛМ	Архив Государственного литературного музея
АВ	Археологические вести
АИППЗ	Археология и история Пскова и Псковской земли
АН СССР	Академия наук СССР
АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ	Византийский временник
ГААО	Государственный архив Архангельской области
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный Исторический музей
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии
ИА	Институт археологии АН СССР (РАН)
ИАК	Императорская Археологическая комиссия
ИИМК	Институт истории материальной культуры РАН
КСИА	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИИМК	Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НПЦ	Научно-производственный центр
ОАВЕС	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОИДР	Общество истории и древностей российских
ПАЦ	Псковский археологический центр
ПК НО	Памятники культуры. Новые открытия
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РА	Российская археология
РА ИИМК РАН	Рукописный архив ИИМК РАН
РА СПб ФИРИ РАН	Рукописный архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН
РАН	Российская академия наук

РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РАИМК	Российская академия истории материальной культуры
РОНБ	Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
САЭ	Староладожская археологическая экспедиция
СНОЛД	Сборник Новгородского общества любителей древности
УГКОИПИК	Управление Государственного контроля, охраны и использования памятников истории и культуры (Новгород)
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
NOA	Ockupationsarkivet från Novgorod
RA	Riksarkivet (Stockholm)

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Ф. Недашковский

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПОСЕЛЕНИЙ ОКРУГИ КРУПНЫХ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ
НИЖНЕЙ ВОЛГИ 5

Т. В. Николаева

СВЕДЕНИЯ О ДАТСКОМ ВОЕННОМ КОНТИНГЕНТЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
НА РУБЕЖЕ XI–XII вв. 15

В. П. Никоноров

ВООРУЖЕНИЕ ГОТОВ ПО ДАННЫМ ГРЕЧЕСКИХ И ЛАТИНСКИХ ИСТОЧНИКОВ
III–VII вв. 38

Т. Г. Новик, С. В. Белецкий

ДРЕВНЕРУССКАЯ ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ ПОДВЕСКА ИЗ ЧЕРНИГОВА 55

Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская

К ВОПРОСУ О РАЗМЕЩЕНИИ УЧАСТКОВ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
НА ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ 60

О. В. Овсянников, М. Ясински

ЗАПАДНОЕ БЕЛОМОРЬЕ: ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО СУДОСТРОЕНИЯ ПОМОРЬЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. 71

Б. Б. Овчинникова

ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА:
ПИСАЛА 114

А. А. Пескова, О. И. Богуславский

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА Р. ОЯТЬ 124

Н. А. Плавинский, В. И. Кошман

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XIII в. ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА СВИСЛОЧЬ . . . 140

Н. И. Платонова

ГРАФ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СТРОГАНОВ: 1810–1840-е ГОДЫ 153

А. В. Плохов

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ С ФИННО-УГОРСКИМИ
ПЛЕМЕНАМИ В VIII–X вв. (по керамическим материалам) 165

В. Г. Пуцко

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАСТЕРА НОВГОРОДСКОЙ КАМЕННОЙ РЕЗЬБЫ МАЛЫХ ФОРМ 188

<i>Р. А. Рабинович, С. С. Рябцева, Н. П. Тельнов</i>	
ИТОГИ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ГЕРМАНАРИЕ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ КОЛЬЦЕВЫХ ГОРОДИЩ В МОЛДОВЕ.	200
<i>Н. Д. Руссев</i>	
КОГДА ПАЛ «ЦЕСАРСТВУЮЩИЙ ГРАД»: МОЛДАВИЯ И МОСКОВСКАЯ РУСЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.	214
<i>Е. А. Рябинин, Т. Б. Сениченкова</i>	
«ХАЗАРСКИЙ СЛЕД» В ДРЕВНЕЙШЕЙ ЛАДОГЕ	226
<i>А. И. Сакса</i>	
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ГОРОДСКОЙ СТЕНЕ ВЫБОРГА 1470-х гг.	238
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин</i>	
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ НА ЗАВЕЛИЧЬЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА: ПОСЕЛЕНИЕ ИЛИ ГОРОД?	253
<i>В. Д. Сарабьянов</i>	
УСПЕНСКИЙ СОБОР СТАРОЙ ЛАДОГИ И ХРОНОЛОГИЯ ЛАДОЖСКОГО ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	266
<i>В. Свентославский</i>	
ПОИСКИ РУССКОГО ВООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ	311
<i>М. Б. Свердлов</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	319
<i>А. А. Селин</i>	
О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДА В ЛАДОГЕ	334
<i>В. Ю. Соболев, С. Е. Торопов</i>	
НАХОДКА ДРЕВНЕРУССКОГО НАБОРНОГО ПОЯСА В ИЛЬМЕНСКОМ ПООЗЕРЬЕ	350
<i>П. Е. Сорокин</i>	
КРЕПОСТЬ НИЕНШАНЦ (некоторые итоги историко-археологического изучения)	361
<i>А. Стальсберг</i>	
КТО ТАКОЙ УЛЬФБЕРТ?	379
<i>И. В. Стасюк</i>	
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С МЕЧАМИ В КУРГАНАХ ИЖОРСКОГО ПЛАТО (по материалам раскопок Л. К. Ивановского)	397
<i>С. В. Степанов</i>	
НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СНЕТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ ПОД ПСКОВОМ	410
<i>И. Л. Тихонов</i>	
ВОСПОМИНАНИЯ В. Г. ДРУЖИНИНА О А. А. СПИЦЫНЕ.	421

<i>А. П. Толочко</i>	
«ДОСКИ ГРОБНЫЕ»: СТРАННЫЕ РЕЛИКВИИ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ	431
<i>П. П. Толочко</i>	
ПОРОКЫ — ОСАДНЫЕ ОРУДИЯ XIII в.	440
<i>С. Н. Травкин</i>	
ВОЙНА И ДЕНЬГИ.	447
<i>Б. Н. Харлашов</i>	
КУРГАНЫ С КАМЕННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В ОКРУГЕ ПСКОВА И ИЗБОРСКА (к постановке проблемы).	459
<i>А. Н. Цамутали</i>	
А. Е. ПРЕСНЯКОВ О А. А. СПИЦЫНЕ.	469
<i>Андрис Цауне</i>	
ДВУЛЕЗВИЙНЫЕ МЕЧИ XI—XIII вв., НАЙДЕННЫЕ В ДАУТАВЕ У РИГИ	477
<i>О. В. Шаров</i>	
ПАРАДНАЯ КОНСКАЯ УПРЯЖЬ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ.	483
<i>J. Szymczak</i>	
MIEZ W POLSKICH ŹRÓDŁACH ŚREDNIOWIECZNYCH.	500
<i>С. Е. Шуньгина</i>	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИВЕРСКОГО ВАЛДАЙСКОГО МОНАСТЫРЯ.	511
<i>О. А. Щеглова</i>	
ЕЩЕ РАЗ О ФУНКЦИЯХ «МАРТЫНОВСКИХ ФИГУРОК»	520
<i>Е. А. Яковлева, О. М. Татарников</i>	
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ РЕЛЬЕФ ДРЕВНЕГО ПСКОВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ	540
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.	547

Научное издание

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Археология, история, искусство, культура
России и сопредельных стран

Том II

Утверждено к печати

Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук

Дизайн и верстка М. В. Васильевой

Подписано в печать 08.02.2010. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 44,9. Тираж 500 экз. Заказ №1409

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

117 296, Москва, ул. Молодежная, д. 5, пом. XII

Тел. (495)930-51-20. E-mail: info@lomonosov-books.ru

Сайт издательства www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ООО «Нестор-История»

197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, литер А